БЕСЕДЫ
НА ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ МАРКА
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ВАСИЛИЯ КИНЕШЕМСКОГО

Священномученик Василий Кинешемский

Беседы на Евангелие от Марка

Издательский текстhttp://www.litres.ru
Беседы на Евангелие от Марка: Сибирская Благозвонница; М.; 2010
ISBN 978-5-91362-265-5

Аннотация

Как трудно подчас нам оценить всю глубину Слова Божия без мудрого пастыря и наставника. Одним из таких мудрых наставников является священномученик-исповедник, истинный подвижник, епископ Василий Кинешемский (в миру Вениамин Сергеевич Преображенский). Главной своей архипастырской задачей он ставил православное просвещение. Всесторонне и глубоко исследовав Священное Писание, он избрал предметом своих размышлений Евангелие от Марка. Священномученик Василий Кинешемский рассматривает его в качестве духовно-нравственной основы бытия человеческой личности. Поэтому эта книга получилась своеобразным учебником духовной жизни христианина.

Содержание

Святитель Василий Кинешемский
Беседы на Евангелие от Марка

Святитель Василий (Вениамин Сергеевич Преображенский) родился в 1876 году в г. Кинешме Костромской губернии в семье священника.

Зная в совершенстве как древние, так и новые европейские языки, Вениамин для более углубленного изучения европейской культуры уехал в Англию и 1910–1911 годы прожил в Лондоне. После возвращения в Россию он поступил преподавателем иностранных языков и всеобщей истории в Миргородскую мужскую гимназию. В 1914 году Вениамин переехал в Москву и устроился преподавателем латинского языка в Петровской гимназии. Преподавание настолько его увлекло, что он окончил педагогический институт, приготовившись окончательно к профессии педагога. Но Господь распорядился иначе.

Однажды, приехав в гости к родителям в Кинешму, Вениамин уговорился с друзьями покататься на лодке по Волге. Уже далеко от берега лодка внезапно перевернулась. Вениамин взмолился, прося Господа сохранить ему жизнь, обещая посвятить себя служению Православной Церкви. В этот момент он увидел толстую длинную доску и, ухватившись за нее, выплыл.

В 1920 году, в возрасте 45 лет, Вениамин был рукоположен в священника, а через год принял монашеский постриг с именем Василий и был поставлен во епископа Кинешемского.

Многие еще при жизни святителя Василия знали его как истинного подвижника, угодника Божия. Жизнь он вел простую и скромную, к богослужению относился с величайшим благоговением. Проповеди святителя собирали множество людей. Основной своей архипастырской задачей он ставил православное просвещение.

Когда разразился в Нижнем Поволжье голод и оттуда стали вывозить детей-сирот в детские дома, он в проповедях призывал прихожан взять этих детей к себе, и сам, подавая пример, снял дом, в котором поселил пять девочек и приставил к ним воспитательницу – благочестивую христианку. По его молитвам совершались чудеса исцелений как от душевных, так и от телесных недугов.

В 1923 году святитель Василий был арестован и сослан в Зырянский край, где пробыл до 1925 года. По возвращении владыки из ссылки церковь в Кинешме начала быстро расти и укрепляться. Гражданские власти, обеспокоенные, потребовали, чтобы епископ покинул город.

После двух лет скитаний, в 1928 году, он был вновь арестован, полгода провел в тюрьме и был приговорен к трем годам ссылки. Вернувшись из ссылки, владыка два года провел в Орле, откуда власти выслали его в Кинешму. Сразу же по приезде он и его келейник, верно сопутствующий ему во всех этих переносимых от безбожных властей гонениях, были заключены в тюрьму. Хотели приговорить их к смерти, но не нашли за что. На пять лет их заключили в лагеря: святителя Василия в лагерь, находящийся неподалеку от Рыбинска, его келейника – под Мурманск.

По окончании срока лишь два года пробыл уже стареющий епископ на свободе. Снова арест: сначала Ярославская тюрьма, затем Бутырская в Москве. После 8 месяцев заключения – 5 лет ссылки в Красноярский край, в село Бирилюссы.

31 июля 1945 года святитель скончался. При жизни он завещал, чтобы его останки были перенесены на родину, но в те годы это было невозможно. Однако 5(18) октября 1985 года святые мощи его были найдены и перевезены в Москву. В августе 2000 года свт. Василий был причислен к лику святых Русской Православной Церкви. «Беседы на Евангелие от Марка» святителя Василия, впервые изданные в наше время, вошли в золотой фонд русской христианской литературы.

Глава 1

Глава 1, ст. 1-13

Евангелие – слово греческое. В переводе на русский язык означает «благая весть».

Благая весть! Как это оценить?

Где-нибудь далеко-далеко в холодной, негостеприимной чужбине, быть может в суровом вражеском плену, томится дорогой вам человек. Вы ничего о нем не знаете. Пропал – как в воду канул. Где он? Что с ним? Жив ли? Здоров? Быть может, обнищал, нуждается во всем… А кругом холодные, равнодушные чужие люди… Ничего не известно. Томится сердце, тоскует. Хоть бы одно слово: жив или нет? Никто не знает, никто не скажет. Ах, какая тоска! Господи, пошли весточку!

И вот в один прекрасный день стучатся в двери. Кто там? Почтальон принес письмо! От кого? Боже правый… Неужели? Да, да… На обороте письма знакомый милый почерк: неправильные крупные буквы, его почерк. Весточка от него. Что он пишет? Вы торопливо разрываете конверт и читаете с замиранием сердца. Слава Богу! Все хорошо: он жив, здоров, всем обеспечен, собирается приехать на родину… Сердце наполняется благодарной радостью.

Господи! Как Ты милостив! Ты не забыл, Ты не оставил, Ты не отверг убогой молитвы! Как благодарить Тебя, Создатель?

Таково впечатление от благой вести. Но в личной жизни это выглядит сравнительно слабо.

Почему же Евангелие называется Евангелием? Почему оно является благою вестью?

Это весточка из потустороннего мира на грешную землю. Весть от Бога страдающему, томящемуся во грехе человеку; весть о возможности возрождения к новой, чистой жизни; весть о светлом счастье и радости будущего; весть о том, что все уже для этого сделано, что Господь отдал за нас Своего Сына. Человек так долго, так страстно, так тоскливо ждал этой вести.

Послушайте, я расскажу вам немного о том, как жили люди до прихода Спасителя, как они томились и напряженно ждали весточки, которая указала бы им новый, светлый путь и выход из грязного болота порока и страсти, в котором они барахтались, и вы поймете, почему с такой восторженной радостью они встретили эту весть, почему назвали ее благой и почему для человека не было и не могло быть другой, более радостной, более благой вести, чем Евангелие.

Весь мир перед тем временем, когда должен был прийти Спаситель, стонал в железных тисках Римского государства. Все земли, расположенные вокруг Средиземного моря и составлявшие тогдашний европейский цивилизованный мир, были завоеваны римскими легионами. (Говорить о жизни человечества того времени это значит говорить почти об одном Риме.) Это был расцвет римского могущества, эпоха Августа. Рим рос и богател. Все страны слали свои дары сюда или в качестве дани, или как товары торговли. Несметные сокровища собирались здесь. Недаром Август любил говорить, что он превратил Рим из каменного в мраморный. Неимоверно богатели высшие классы – патриции и всадники. Правда, народ от этого не выигрывал и под золотой мишурой внешней пышности империи таилось много горя, нищеты и страданий. Но, как ни странно, и высшие богатые классы не чувствовали себя счастливыми. Богатство не спасало их от уныния, хандры и порой от тоски отчаяния. Наобо-

рот, этому содействовало, рождая пресыщенность жизнью. Посмотрим, как жили тогдашние богачи.

Роскошная беломраморная вилла… Изящные портики, между стройными колоннами расположены статуи императоров и богов из белоснежного каррарского мрамора резца лучших мастеров. Роскошные мозаичные полы, по которым из дорогих цветных камней выложены затейливые рисунки. Почти посредине большой центральной комнаты, служащей для приемов (так называемый атриум), – квадратный бассейн, наполненный кристальной водой, где плещутся золотые рыбки. Его назначение – распространять приятную прохладу, когда воздух раскален зноем южного дня. На стенах – позолота, фресковая живопись, причудливо переплетающиеся орнаменты густых тонов. В семейных комнатах – ценная мебель, позолоченная бронза, на всем убранстве лежит печать богатства и изящного вкуса. В надворных постройках – масса обученных рабов, всегда готовых к услугам хозяина. Так и чувствуется по всему, что нега, лень и наслаждение свили здесь себе прочное гнездо.

Амфитрион (хозяин дома), римский всадник с жирным двойным подбородком, с орлиным носом, гладко бритый, готовится к вечернему пиру. В этом доме пиры почти ежедневно. Громадное состояние, нажитое на откупах, позволяет тратить на это колоссальные суммы. Он занят сейчас в своей домашней библиотеке: надо выбрать поэму для развлечения гостей. Медленно и лениво своими пухлыми руками, украшенными тяжелыми золотыми перстнями с самоцветными камнями, перебирает он футляры, где хранятся драгоценные свитки фиолетового и пурпурного пергамента, на котором золотыми литерами переписаны последние новинки римской поэзии. Его губы брезгливо сжаты: все это ему не нравится. Все так плоско, неинтересно, так приелось!

В соседней большой комнате суетится и бегает целая толпа рабов разных оттенков кожи: белые голубоглазые свевы, желтые смуглые фригийцы и персы, черные арапы и негры. Приготовляют столы и ложа для гостей. Их будет немного, только избранные друзья, человек тридцать. Но тем более надо все приготовить для них и угостить как можно лучше…

Пир в разгаре. За длинными столами на ложах, покрытых виссонными тканями и дамасскими коврами, возлежат гости в легких туниках, с розовыми и померанцевыми венками на головах. Столы уставлены яствами и фиалами с драгоценным вином. Прошла уже тридцать пятая перемена блюд. Только что убрали жирную тушу жареного кабана, и маленькие невольники, прелестные мальчики с завитыми кудряшками, в прозрачных розовых и голубых туниках, разносят расписные кувшины с розовой водой для омовения рук гостей. Смешанный говор стоит в зале. Гости уже достаточно подвыпили: глаза блестят, лица раскраснелись, а рослые арапы еще вносят громадные амфоры дорогих фригийских и фалернских вин, предлагая желающим наполнить опустошенные кубки.

Несмотря на знойный вечер, в комнате прохладно: по углам бьют фонтанчики и журчат ручейки душистой воды, наполняя воздух благоуханием. Откуда-то сверху, как крупные хлопья снега, медленно падают лепестки роз и жасминов, покрывая все в комнате ароматным ковром. Откуда-то издали доносятся тихие звуки грустной музыки: стонет свирель, журчащими каденциями рассыпается арфа и томно воркует лютня.

А гостям подают тридцать шестую перемену: жареные соловьиные язычки с пряным восточным соусом – блюдо, стоившее невероятных денег.

Это был какой-то культ чрева и обжорства. Ели с внимательной торжественностью, по всем правилам гастрономии, точно совершая священный обряд; ели медленно, бесконечно долго, чтобы продлить наслаждение насыщения. А когда желудок был полон и не вмещал больше ничего, принимали рвотное, чтобы освободить его и начать снова.

В пиршественной зале появляется домашний поэт амфитриона, один из бесконечной толпы его прихлебателей. Под звуки лютни он декламирует стихи собственного сочинения. Его сменяют мимы и танцовщики. Начинается дикая, сладострастная вакхическая пляска.

Но хозяин по-прежнему невесел. На его лице скука, пресыщение. Все надоело! Хоть бы что новое изобрели! А то каждый раз одно и то же!

За новые развлечения, за изобретение удовольствий платили большие деньги. Но трудно было изобрести что-нибудь новое, достаточно сильное, чтобы возбудить притуплённые нервы. Неизбежная скука надвигалась, как болотный туман, полный удушливых миазмов. Пресыщенная жизнь переставала быть жизнью.

Один из первых богачей того времени, сам император Тиверий, представляет едва ли не самый печальный образец этой пресыщенной скуки. Он – на острове Капри в чудной мраморной вилле; кругом плещутся лазурные волны Неаполитанского залива; дивная, яркая южная природа улыбается ему и говорит о счастье и радости жизни, а он пишет сенату: «Я умираю каждый день… и зачем живу – не знаю».

Так жила римская знать, праздная, пресыщенная, потерявшая вкус к жизни, неудовлетворенная ни своим богатством, ни своим могуществом.

Народ, или, вернее, городской класс, та толпа, которая наполняла улицы Рима, вряд ли чувствовала себя вполне счастливой. Правда, и здесь жизнь с внешней стороны могла казаться иногда праздником. Те золотые потоки богатства и роскоши, которые стекались в Рим со всех стран, хотя и в небольшой степени, но достигали и римской черни. От императора и сановных патрициев в дни торжественных событий и фамильных праздников перепадали иногда значительные подачки. Нередко практиковалась даровая раздача хлеба. Римские граждане, кроме того, могли торговать своими голосами при выборах в сенат или на муниципальные должности.

Для толпы устраивались в цирках и театрах даровые великолепные зрелища. Все это создавало условия легкой, праздной жизни и привлекало из провинции массы праздношатающегося люда. Мало-помалу в Риме и других больших городах скопились громадные толпы людей праздных, неспокойных, ленивых, привыкших жить за государственный счет, единственным желанием и постоянным воплем которых было: «Хлеба и зрелищ!»

Но, выплачивая этой толпе подачки из своих колоссальных богатств, император и римская знать относились к ней с нескрываемым презрением и варварской жестокостью. Случалось иногда в цирках, где преобладали кровавые зрелища гладиаторских боев и травли людей дикими зверями, все жертвы, предназначенные для зверей, были растерзаны, а жажда крови и в зверях, и в зрителях еще не была насыщена. Тогда император приказывал выбросить на арену к зверям несколько десятков бесплатных зрителей из простонародья, заполнявших амфитеатр. И это приказание исполнялось при громком хохоте и рукоплесканиях знати.

Однажды накануне конских скачек, в которых должен был принять участие великолепный породистый жеребец одного знатного сенатора, громадная толпа любопытных зевак окружила стойло знаменитого скакуна, чтобы полюбоваться на него. Чтобы разогнать любопытную толпу, нарушавшую покой благородного животного, сенатор приказал своим рабам высыпать на зевак несколько больших корзин, полных ядовитых змей.

Эти маленькие иллюстрации показывают, насколько необеспеченна и непривлекательна была жизнь граждан этого класса, несмотря на внешний покров кажущейся легкости и беззаботности.

Если по общественной лестнице мы спустимся еще ниже, в класс рабов, то здесь мы найдем только непрерывные страдания и беспросветное горе. Раб не считался даже человеком. Это был просто инструмент, вещь, хозяйственная принадлежность. Убить, изувечить раба хозяин мог вполне: за это он ни перед кем не отвечал, как не отвечал за сломанную лопату или за разбитый горшок.

Жизнь рабов была ужасна. Если бы мы могли прогуляться вечером по улицам Рима того времени, то, наверное, услыхали бы тяжелые стоны, плач и глухие удары, несущиеся из подвалов богатых домов, где содержались рабы, – там происходила обычная вечерняя экзе-

куция рабов за дневные провинности. За малейшую оплошность их наказывали жестоко: били бичами или цепями до потери сознания. Зажимали шею в расщепленное полено и в таком положении оставляли на целые дни. Ноги забивали в колодки. Однажды во время приема императора Августа в доме известного богача того времени, Мецената, раб разбил нечаянно дорогую вазу. Меценат приказал бросить его живым в бассейн на съедение рыбам-муренам. На ночь рабов связывали попарно и сажали на цепь, наглухо приклепанную к кольцу, ввинченному в стену. А днем их ожидала бесконечная, одуряющая, изнурительная работа под бичом надсмотрщика, почти без отдыха. Если доведенные до отчаяния рабы поднимали бунт против своего господина, их распинали на крестах – казнь, считавшаяся самой позорной и мучительной. Когда раб становился стар или выбивался из сил и не мог более работать, его увозили на маленький необитаемый островок среди Тибра, где и бросали, как падаль, на произвол судьбы.

Таким образом, во всех классах римского общества жизнь была тяжелая, безрадостная, гнетущая: пресыщенность жизнью, скука, разочарование в высшей знати, бесправие, угнетение, страдания в низших слоях. Искать радости, успокоения, утешения было негде. Языческая религия не давала человеку никакого облегчения. В ней не было той благодатной таинственной силы, которая одна только может успокоить, ободрить и укрепить страждущее сердце и томящийся дух. Кроме того, римская религия времен пришествия Христа Спасителя очень многое заимствовала из восточных культов, полных сладострастия и распутства. В безумных, беспутных оргиях Востока можно было найти опьянение, временное забытье, но после этого скорбь становилась еще острее, отчаяние еще глубже.

Языческая философия также не могла удовлетворить человека, так как она учила только о земном счастье и не освобождала мятущийся дух от оков мира и материи. Два направления господствовали в тогдашней философии: эпикурейство и стоицизм. Эпикурейцы говорили: наука быть счастливым состоит в том, чтобы создавать для себя приятные ощущения; всякое излишество влечет за собою болезненные ощущения, поэтому нужно быть умеренным во всем, даже в наслаждениях, но эта умеренность, равно как и сама добродетель, не составляет цели для человека, а служит лишь наилучшим средством к наслаждению. Стоики брали лучшие стороны в человеке. Ты свободен, говорили они, значит, ты единственный господин себе. Воля твоя должна вполне принадлежать тебе; счастье заключается в господстве над самим собою. Скорби, гонения и смерть для тебя не существуют: ты всецело принадлежишь себе и никто не отнимет тебя у тебя самого, а это все, что нужно мудрецу.

Чего не доставало философии это божественного элемента. Тот бог, которого они называли природою, не имеет никаких преимуществ перед богами, провозглашенными языческою религиею и мифологическими сказаниями. Бог философов не живой, личный Бог, а судьба, неумолимая и слепая, под ударами которой человек впадает в отчаяние и погибает.

Кроме того, философия была совершенно недоступна народному пониманию и составляла удел лишь небольшого числа избранных мудрецов. Поэтому искать в ней утешения масса не могла.

Можно было бы ожидать, что указания нового пути и средства возрождения жизни найдутся в иудейском народе – единственном народе, сохранившем истинную религию и возвышенные понятия о Боге и жизни. Но иудейство само переживало тяжелый кризис. Вряд ли когда в истории еврейского народа встречаются более темные страницы религиозного и нравственного упадка, чем в период, предшествовавший явлению Христа Спасителя. Когда читаешь пророческие книги и суровые речи пророков, обличавших еврейскую жизнь, рисуется тяжелая, мрачная картина.

Вот ряд выдержек из книг пророка Исаии, изображающих безотрадное нравственно-религиозное состояние израильского народа того времени, его неблагодарность и измену Богу, его неверие, его разврат, его жестокость и вопиющую несправедливость.

Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владетеля своего, и осел – ясли господина своего; а Израиль не знает [Меня], народ Мой не разумеет. Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святаго Израилева, – повернулись назад (1, 2–4). *Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь – убийцы. ...Князья твои – законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них*(1, 21, 23).

И в народе один будет угнетаем другим, и каждый – ближним своим... Язык их и дела их – против Господа, оскорбительны для очей славы Его... Народ Мой! вожди твои вводят тебя в заблуждение и путь стезей твоих испортили (3, 5, 8, 12).

Огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их (6, 10).

...О юношах его не порадуется Господь, и сирот его и вдов его не помилует: ибо все они – лицемеры и злодеи, и уста всех говорят нечестиво (9, 17). *...Священник и пророк спотыкаются от крепких напитков; побеждены вином, обезумели от сикеры, в видении ошибаются, в суждении спотыкаются. Ибо все столы наполнены отвратительною блевотиною, нет чистого места* (28, 7, 8).

...Это народ мятежный, дети лживые, дети, которые не хотят слушать закона Господня (30, 9). *Беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице* Его *от вас, чтобы не слышать. Ибо руки ваши осквернены кровью и персты ваши – беззаконием; уста ваши говорят ложь, язык ваш произносит неправду. Никто не возвышает голоса за правду, и никто не вступается за истину; надеются на пустое и говорят ложь, зачинают зло и рождают злодейство... Дела их – дела неправедные, и насилие в руках их. Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови; мысли их – мысли нечестивые; опустошение и гибель на стезях их. Пути мира они не знают, и нет суда на стезях их; пути их искривлены, и никто, идущий по ним, не знает мира. Потому-то и далек от нас суд, и правосудие не достигает до нас; ждем света, вот тьма, – озарения, и ходим во мраке... Ибо преступления наши многочисленны пред Тобою, и грехи наши свидетельствуют против нас; ибо преступления наши с нами, и беззакония наши мы знаем. Мы изменили и солгали пред Господом, и отступили от Бога нашего; говорили клевету и измену, зачинали и рождали из сердца лживые слова. ...И честность не может войти. И не стало истины, и удаляющийся от зла подвергается оскорблению* (59, 2–4, 6–9, 12–15).

Таким образом, и здесь, среди избранного народа Божия, та же картина нравственного мрака и разложения.

Зло сгущалось повсюду. В этой атмосфере бесправия и насилия, обмана и лицемерия, неверия и суеверия, разврата и погони за наслаждениями становилось трудно дышать. Мир, порабощенный римской политикой, униженный и доведенный до отчаяния ложными религиями, тщетно вопрошающий философию о тайне жизни и добродетели, этот мир стоял на краю могилы.

Само иудейство, изменившее своему предназначению, находилось при последнем издыхании. Никогда еще не было более критического момента в истории человечества. Чувствовалось, что человечество зашло в тупик и без посторонней помощи Кого-то Великого и Сильного выйти оттуда не может. И вот среди лучших людей того времени все упорнее и напряженнее становится ожидание появления Великого Пророка, который укажет человеку новые пути и спасет мир от гибели и разложения.

В иудействе это ожидание существовало уже давно и питалось предсказаниями пророков, но и вне иудейства в лучших людях языческого общества чувствуется трепетное ощу-

щение и страстное желание пришествия Спасителя и Избавителя мира. Весь мир находился в напряженном состоянии, и в эту-то великую и торжественную минуту рождается Господь Иисус Христос и проповедует людям Свое Евангелие, это Откровение новых путей возрождения и истинной жизни.

Это откровение было тою вестью Неба, которая выводила людей из тупика греха и отчаяния и которую так страстно и так напрасно ожидало человечество. Вот почему оно и было названо *благою вестью,* или Евангелием.

Но и теперь, когда столько веков прошло после появления Евангелия, оно не утратило своего значения и по-прежнему является для нас благою вестью, говорящей нам о высокой, чистой, святой жизни; по-прежнему, как маяк в бурную темную ночь, оно показывает нам единственный верный путь к вечному счастью и к Богу.

Где этот путь? Язычество и почти весь древний мир искали его в служении своему самолюбию, в самоугождении, в самоуслаждении. Личный эгоизм язычества, национальный эгоизм еврейства – вот те краеугольные камни, на которых люди древности хотели построить здание своего счастья. Они не построили ничего, и их опыт доказал только то, что избранный ими путь ложен и ведет не в чертоги счастья, а в трясину отчаяния.

Евангелие наметило новый путь: самоотречение.

Уже первая крупная фигура, появляющаяся в евангельской истории по Марку, фигура Иоанна Крестителя, обвеяна этим новым духом.

Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов. ...Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед (Мк. 1, 4, 6).

Всем своим видом он как бы говорил слушателям: «Не в богатстве, не в роскоши, не в человеческой славе, не в земном могуществе надо искать пути к Богу и к счастью. Все это ложь, обман, призрак! Пустыня лучше царских чертогов, ибо ее вечная тишина и однообразие не развлекают ум и позволяют всецело погрузиться в созерцание дел Божиих и Божия величия. Власяница лучше тонких тканей и дорогих одежд, ибо она не разнеживает тела, но, изнуряя его, делает покорным рабом духа. Скудная пища пустыни лучше изысканных яств, ибо она не будит в человеке сладострастия и похоти. Суровая жизнь среди природы лучше праздного, ленивого существования богачей, ибо она закаляет волю для подвига. Отречение от мира лучше привязанности к миру, ибо ничем не связанный, свободный духом человек может служить Богу всем существом своим».

И выходили к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне (Мк. 1, 5), ожидая найти в Иоанне давно желанного пророка, Спасителя мира. Но это был только Его предтеча.

Сильнейший его шел за ним.

Глава 1, ст. 14-34

Евангелист Марк почти всегда изображается со львом. Это его эмблема. Эмблема власти, силы, царственного величия. В ореоле этой силы и величия хотел евангелист изобразить Господа Иисуса Христа. Вот почему ему присвоена эта эмблема. Действительно, в повествовании святого Марка личность Господа Иисуса Христа особенно часто и ярко выступает с этими чертами – Божественного величия и духовной силы.

В первой же главе Евангелия несколько раз отмечаются эти черты. Властное правдивое слово Господа Иисуса Христа, чуждое заискивания и угодничества: *И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники.* Книжники искали только успеха и славы и, чтобы заслужить рукоплескания толпы, часто льстили ее страстям и оправдывали ее предрассудки. Господь был чужд этой слабости.

Его спокойная, уверенная власть над злыми духами: *Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него. Тогда дух нечистый, сотрясши его и вскричав громким голосом, вышел из него.*

То необыкновенное впечатление, которое производило проявление Его силы на зрителей: И все ужаснулись, так что друг друга спрашивали: что это? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему?

Его громадная сила исцелений, действующая моментально и врачующая радикально: *Теща же Симонова лежала в горячке; и тотчас говорят Ему о ней. Подойдя, Он поднял ее, взяв ее за руку; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им.*

Многосторонность этой целительной силы, излечивавшей самые разнообразные болезни: *При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых… И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов.*

Таким образом, уже в приведенных немногих стихах Господь Иисус Христос является перед людьми как необыкновенный пророк, *сильный в деле и слове* (Лк. 24, 19).

Его сила действительно необыкновенна. Она сказывается во всем. В Его словах, в Его поступках и больше всего в Его влиянии на других людей. Ему достаточно только сказать Симону и Андрею, рыболовам: *идите за Мною!* И они тотчас, оставив свои сети, следуют за Ним (ст. 18). Достаточно призвать братьев Зеведеевых, Иакова и Иоанна, занятых починкой сетей, и они, оставив отца своего Зеведея в лодке с работниками, идут за Ним (ст. 20). Обаяние личности Господа Иисуса Христа, та духовная сила, которая неотразимо привлекает к Нему сердца чистых и честных людей, громадна.

Мы не ставим здесь вопроса, в чем секрет этой силы. Для нас драгоценно другое замечание Спасителя в Евангелии от Иоанна, где он обещает Своим последователям, что каждый из них может приобрести эту духовную силу. *Верующий в Меня,* – говорит Он, – *дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* (Ин. 14, 12).

Какое великое обетование!

Иметь силу, какую имел Христос! Силу, которой не выдерживают и страшатся демоны! Бороться с ними и побеждать, очищая свою жизнь и свою душу от их ядовитого, тлетворного влияния, постоянно омрачающего путь к совершенству! Более того: привлекать и других людей к Господу Иисусу Христу, делать и других участниками вечного блаженства! Разве это не великая радость и счастье?

Но как приобрести эту силу?

Строго говоря, все учение Господа Иисуса Христа является ответом на этот вопрос. Евангелие в последовательных повествованиях вскрывает перед нами тот длинный и трудный путь, которым должен пройти верующий, чтобы исполнить завет Христа: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48). Великая духовная сила, которую Господь обещает верным Своим ученикам, приобретается лишь в конце того пути, на высших ступенях совершенства. Но первую ступень, первый шаг, который должен для этого сделать человек, совершенно определенно отмечают слова данного отрывка: *покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15).

Этим начинается проповедь Спасителя. Об этом же проповедовал Его великий Предтеча. С этого должен начинать всякий человек, вверивший себя руководству Господа Иисуса Христа.

Как первый шаг и как обязательное условие возможности совершенствования требуются два усилия воли: 1) *покайтесь!* и 2) *веруйте в Евангелие!*

Мы знаем, что покаяние в глубоком смысле этого слова не есть простое сокрушение о грехах или отвращение к своему греховному прошлому, еще менее означает оно формальную исповедь: смысл слова гораздо глубже. Это решительный перевод жизни на новые

рельсы, полная перестановка всех ценностей в душе и сердце, где при обычных условиях на первом месте стоят мирские заботы и цели временной, преимущественно материальной жизни, а все высокое и святое, все, что связано с верой в Бога и служением Ему, оттеснено на задний план. Человек не отказывается совсем от этих высоких идеалов, но вспоминает о них и служит им украдкой, боязливо, в редкие минуты духовного просветления. Покаяние предполагает коренную перестановку: на первом плане всегда, везде, во всем – Бог; позади, после всего – мир и его требования, если только их нельзя совершенно выбросить вон из сердца. Говоря иначе, покаяние требует создания нового, единого центра в человеке, и этим центром, куда сходятся все нити жизни, должен быть Бог.

Когда человек сумеет спаять все свои мысли, чувства и решения с этим единым центром, тогда из этого и создастся та цельность, монолитность души, которая дает громадную духовную силу. Кроме того, человек с таким устроением ищет исполнения только воли Божией и в конце концов может достигнуть полного подчинения или слияния своей слабой человеческой воли с всемогущей волей Творца, и тогда сила его вырастает до божественной силы чудотворений, ибо тогда действует не он, но в нем действует Бог.

Таков в общих чертах процесс развития духовной силы в человеке.

Отчего апостолы могли получить эту силу чудотворений и обаяния личности и проповеди, сделавшую их могучими и искусными *ловцами человеков* (Мк. 1, 17)? Именно потому, что единым, всеобъемлющим центром для них был Бог и Его волю исполняли они как высший закон жизни. Интересно вдуматься в историю их призвания. Одно слово Господа, один призыв: *идите за Мною!* – и все забыто и брошено: лодка, сети, весь скудный инвентарь рыбацкого ремесла, даже отец… Ясно, что для этих людей Бог был дороже всего в жизни, и когда Его воля звучала призывом, ничто не могло их остановить. Кто умеет с такой готовностью откликнуться на Божий зов, тот пойдет далеко; и кто может так полно, так цельно, без сомнений и колебаний отдаться воле Божией, тот, несомненно, получит от Господа великие дары и великую духовную силу.

Следует сознаться, что в настоящее время таких цельных людей, полных глубокой веры и духовной силы, чрезвычайно мало. Когда оглядываешься на свою жизнь и на жизнь современного общества, с грустью видишь, что не вера двигает нами и не Бог является для нас центром. Мы подменили этот великий животворный центр другими.

У немецкого философа Ницше изображен сумасшедший, который с диким блуждающим взором бегает по городу и, задыхаясь, кричит: «Мы Бога убили…»

Конечно, это неправда. Ни веру в Бога, ни религиозную идею вообще в человечестве убить невозможно. Но ее можно в значительной степени подменить. Вытравить из души религиозное чувство совершенно нельзя, но ему можно дать ложное, одностороннее направление. Человек часто пытается заменить Бога чем-нибудь другим.

Это сделано уже в первом грехопадении. Искушенный человек свою волю поставил на место воли Божией, поставил себя выше и захотел обоготворить себя… через знание. Вы помните, чем искушает дьявол Еву?

И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого древа в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел (Быт. 3, 1–6).

Если бы Евой руководила только вера, преданность и любовь к Богу, то она сказала бы змею: «Хорошо… Пусть ты прав. Пусть мы получим знание! Но какой ценой?! Нарушить Заповедь Божию, пойти наперекор Божией воле, изменить Богу, оттолкнуть Его своим непо-

слушанием! Нет, Господь для нас всего дороже… Дороже твоего знания, и за такую цену – за цену разрыва с Богом – нам не надо знания… Знание нам Бога не заменит!»

Ева этого не сказала. Обещанное диаволом знание показалось заманчивее доверчивого и беспрекословного исполнения воли Божией и, быть может, на короткий момент заслонило Бога. Соблазн одолел. Грех совершился.

С тех пор люди постоянно подменяют Бога. Чаще всего подменяют кумирами своих страстей. Они служат похоти, алчности, гордости, самолюбию, тщеславию, любостяжанию и т. д. и т. д. Невозможно перечислить все те кумиры, которым люди поклоняются вместо того, чтобы служить единому истинному Богу.

И как бы предвидя это, Синайское законодательство, данное Богом Моисею, во второй своей заповеди гласит: *Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им* (Исх. 20, 4–5).

Непосредственным образом заповедь эта направлена против идолопоклонства, которым часто заражался израильский народ от соседей-язычников, и запрещает поклонение языческим истуканам. Но так как к идолопоклонству привлекало евреев не убеждение в его истинности, а сильнее всего и чаще всего их чувственность и страстность, находившие себе удовлетворение в некоторых культах, особенно в восточных – Ваала, Молоха и других, то вторая заповедь запрещает всякую страсть, которая может стать кумиром и затмить Бога. Иначе говоря, ею запрещается всякий другой центр, придуманный человеком вместо Бога.

Но зачем такой запрет? Отчего единым центром для человека должен быть только Господь и ничто более?

Человеческие центры, которым люди поклоняются и которым служат, вносят разъединение в человечество. Многие из них, особенно центры низшего порядка, как, например, богатство, нажива, сластолюбие, тщеславие, ведут к открытой и неизбежной вражде. Другие, может быть, и не вызывают явной вражды, но все-таки людей не объединяют и объединить не могут. В конце концов, все они слишком мелки и ничтожны, чтобы удовлетворить, захватить и объединить всех. У каждого человека свои вкусы, свои страсти, свои цели. Сколько голов, столько и умов. Один любит науку, другой предпочитает поэзию, третий избирает живопись. Ясно, что при разнообразии этих целей люди пойдут различными путями и осуществить единение между ними очень трудно. А между тем единение это необходимо для человеческого счастья, для мира и согласия в жизни, для общей борьбы с его злом и победы над ним.

Кроме того, все эти кумиры, изобретенные человеком, не дают ему полного удовлетворения. Ими можно увлекаться, им можно поклоняться, за ними можно гоняться, но жить ими нельзя. Истинной жизни в них нет.

Разберемся в этом подробнее.

Все человеческие кумиры, которые могут служить для человека центрами жизни, можно разбить на три категории.

Первая группа – самых грубых, самых низменных страстей: чревоугодия, сладострастия, лености, пьянства и т. п. Даже из этих страстей люди нередко делают себе кумиры и отдают им всю жизнь и все силы.

Рассказывают об одном французе, для которого вкусно есть и пить было единственной целью жизни. Для удовлетворения этой страсти он не жалел ни сил, ни средств. Он с увлечением изучал историю кулинарии (поварского искусства) и достиг в этой области удивительных познаний. Он знал все редкие кушанья, которые когда-либо подавались к столу у королей всего мира и у всех исторически известных богачей-гастрономов. Знал, как приготовить каждое из этих блюд, и его ежедневное меню могло привести в восторг самого прихотливого и избалованного сластолюбца. Из самых отдаленных стран всего мира выписывал

он редкостные и дорогие продукты для своего стола. Он истратил на это все свое громадное состояние, полученное по наследству, а когда в кармане у него остался один франк и для него стало ясно, что вести далее такую жизнь невозможно, он пошел на рынок, купил на последний франк жирного каплуна, зажарил его по всем правилам кулинарного искусства, съел и… застрелился. Жизнь потеряла для него всякую цену. Есть немало людей, которые отдаются всецело сладострастию и распутству. Без этого для них жизнь не жизнь. Есть специалисты по совращению женщин, так называемые «львы» большого света.

Кажется, нет такой низменной страсти, которую человек не обоготворил бы и на служение которой не мог бы отдать себя целиком.

Страсти этого рода человека удовлетворить ни в коем случае не могут. Они могут дать минутное наслаждение, довести до опьянения, но в конце концов действуют разрушительно не только на духовную природу человека, но и на его организм. И тяжелыми недугами, мучительными болезнями приходится расплачиваться за годы, проведенные в грязных наслаждениях. Более того: даже в период наивысшего напряжения страсти, получаемые физические удовольствия бесконечно слабее желаний, возбужденных страстью.

Страсть неутолима. Развиваясь, она требует все новых, более сильных, более утонченных наслаждений. А между тем тело изнашивается, становится все менее восприимчивым и уже не способно давать ощущения требуемой силы. Начинается жестокий разлад между палящими желаниями страсти и невозможностью их удовлетворения. Тогда страсть только жжет и мучит человека, но наслаждений уже не дает.

Кумиры второй группы – обычные страсти нашего времени: любостяжание, честолюбие, славолюбие, властолюбие и т. д. Их главное зло в том, что они разъединяют людей, неизбежно приводя к вражде и ненависти. Те так называемые блага жизни, к обладанию которыми стремятся эти страсти: богатство, власть и т. д., поделить поровну между всеми людьми невозможно. Начинается ожесточенная борьба всех против всех за их обладание, и ненависть, рожденная борьбою, отравляет даже успехи победителей. Человек не может спокойно наслаждаться результатами достигнутых побед, ибо он чувствует, что зависть и злоба побежденных противников подстерегает его везде, что она только подавлена и скрыта, но не убита. Кроме того, и здесь действует обычный закон страсти: чем больше она растет, тем меньше находит способов и средств удовлетворения, которое здесь зависит от внешних условий, нам неподвластных. Представьте себе богача, охваченного жаждою наживы. Его страсть растет, как жажда пьяниц, требуя все больших и больших барышей. Маленькие суммы, которые радовали его прежде, теперь уже не удовлетворяют. Вчера еще он рад был нажитой копейке – через несколько лет он уже на рубль смотрит с презрением. Теперь некоторое удовольствие доставляют ему лишь сотни рублей. Но как их приобрести? Ведь это не зависит от одной воли человека. Барыши не поступают с такой скоростью, как бы хотелось. И вот опять неудовлетворение, мучительный разлад и томление духа.

Третью группу составляют кумиры высшего разряда: искусство, наука, благотворительность, общественная деятельность и т. п. Служение человека этим кумирам кажется бескорыстным, хотя в действительности к нему часто примешиваются славолюбие и тщеславие. Кроме того, они не ведут ко вражде, по крайней мере, непосредственно, ибо поле деятельности здесь безгранично. Места и дела хватит для всех, и конкуренция начинается здесь лишь тогда, когда к чистому служению этим кумирам примешиваются страсти второй категории: стремление к наживе, честолюбие и т. д. В современном обществе уровень нравственных идеалов до того понизился, что жизнь, посвященная кумирам этой группы, считается чуть ли не верхом совершенства и добродетели. Подвижники науки, корифеи искусства у нас ценятся безусловно выше скромных подвижников христианства. И тем не менее при самом искреннем и бескорыстном служении этим кумирам, полного удовлетворения и счастья человеку они не дают и дать не могут.

Прежде всего они представляют лишь частичное удовлетворение потребностей человека: в науке находит удовлетворение ум, в искусстве – чувство и т. д. Остальные стороны души остаются без удовлетворения. В религии человек захватывается гораздо полнее, ибо она удовлетворяет все потребности.

Обыкновенно в душе верующего человека религиозная потребность проявляется как стремление к личному, живому Богу, воплощающему в Себе все высшие идеалы человека – истину, добро и красоту. В Лице Божием все это сливается в дивную, неизъяснимую, цельную гармонию, и, служа Богу и объединяясь с Ним, человек весь проникается этими идеалами. Вся его жизнь, деятельность и само существо пронизываются их светозарными лучами. Уже в одном этом человек находит великое счастье, не говоря о величайшем счастье личного единения с Живым Богом.

В основе служения кумирам третьей категории лежат те же элементы религиозной потребности – стремление к истине, добру и красоте, почему эти кумиры и кажутся такими возвышенными. Но, **во-первых,** эти элементы здесь разбиты поодиночке. Ибо наука есть человеческое выражение истины, искусство – красоты, благотворительность и общественная деятельность – добра. Они не сливаются здесь все в одной дивной симфонии, пленяющей всю душу человека целиком, как это имеет место в религии. **Во-вторых,** личный, живой Бог, Который в религии является носителем и высшим воплощением идеалов истины, добра и красоты, здесь подменен чисто отвлеченными, бездушными понятиями, своего рода суррогатами, и эти суррогаты, конечно, не могут вызвать такого чистого и напряженного подъема чувства, как взаимообщение с живым, личным, святейшим Существом. Никогда нельзя ни науку, ни искусство любить так безраздельно, так глубоко, как можно любить Бога.

В конце концов, поклонение науке и искусству есть особого вида идолопоклонство, своего рода антропоморфизм, человек преклоняется здесь перед собственным созданием, перед творением если не своих рук, то своего ума и сердца. Вот почему здесь и не может быть высшего чувства благоговения. Свое собственное детище можно любить, можно им даже гордиться, но благоговеть перед ним вряд ли возможно. Скорее наоборот: здесь проявляется какое-то отечески покровительственное чувство, и, действительно, читая ученые произведения многих корифеев науки, выносишь впечатление, что они или кокетничают с наукой, или снисходительно треплют ее по плечу. Не может быть поэтому здесь и непреклонной уверенности в безусловном праве этого любимого детища на поклонение. В глубине сознания самого фанатичного поклонника науки всегда сидит червячок скептицизма, который точит его сердце постоянным сомнением: а вдруг здесь нет истины? Разве не может быть эта вывеска глубокомысленных выводов и звонкоученых слов только нарядными лохмотьями, которые прикрывают или пустое место, или ложь? И ошибка и обман вполне возможны! Ибо, в конце концов, это создано только человеком! A errare humanum est – человеку свойственно ошибаться!

И только в одном случае служение науке и искусству является плодотворным и полно захватывает человека – это тогда, когда оно связывается с религиозной идеей; когда, занимаясь наукой, человек смотрит на нее как на средство выяснить и понять тайны Божиего мироздания и открыть его вечные законы; когда искусством пользуется как средством пробудить в душе человека чувства высшего порядка – любовь к Богу или к Его земным проявлениям в истине, добре и красоте; другими словами, когда занятия наукой и искусством в действительности являются служением единому, истинному Богу, представляя лишь особую форму религиозной жизни. Если же человек теряет связь с Богом, не к Нему стремится и не в Нем ищет опоры и вдохновения, то в силу необходимости он принужден искать их в своих убогих мозгах и из себя выжимать все элементы научного труда. А это приводит к банкротству науки, ибо неизбежно ведет к сомнению и отрицанию научных аксиом и тем

колеблет основы науки. Вот почему те люди, которые двигали науку вперед, были обыкновенно глубоко верующими.

Точно так же и искусство процветает и дает удовлетворение человеку в том лишь случае, если оно связано или непосредственно с религией и служит ее целям, или с одной из форм выражения религиозной потребности – служением истине, добру и красоте. То обстоятельство, что искусство всегда развивалось и процветало тогда, когда оно раскрывало религиозную идею, как это мы видим особенно наглядно в итальянской живописи, – вовсе не случайный факт. И наоборот, современный футуризм, лучизм, кубизм и т. п. есть несомненный декаданс, упадок искусства, ибо люди потеряли здесь Бога и ищут нового центра в своей убогой психике. В результате получается уже не искусство, а кривлянье, клоунская гримаса.

Вслед за искусством и наукой и все формы общественной деятельности оживают и дают человеку наивысшее удовлетворение только в связи с религией. А если так, то какой смысл подменять идею Бога человеческими кумирами? Если эти кумиры высшего порядка, они не дают полного и всестороннего удовлетворения, если низшего, то они только разрушают жизнь и вредят человеку.

Не сотвори себе кумира. Это первое условие развития духовной силы.

Глава 1, ст. 35-45

А утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился.

Для выполнений Своего высокого служения Иисус Христос несомненно обладал духовными силами, бесконечно превышавшими силы обыкновенного человека. Приведенный стих первой главы говорит нам, какими средствами Он эти силы укреплял. Этим средством была молитва.

В молитве, в духовном единении с Всемогущим Отцом всегда искал Он укрепления, ободрения, утешения. В этом единственно неиссякаемом источнике всякой силы черпал Он новую мощь для Своего служения.

Но когда Он искал этого единения с Богом, Он всегда хотел быть один, вдали от людей.

В приведенном отрывке у Марка читаем: *встав весьма рано… удалился в пустынное место, и там молился.*

У Матфея: *И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине* (Мф. 14, 23).

У Луки: *Он уходил в пустынные места и молился* (Лк. 5, 16).

Молитва есть Его первое дело. До восхода солнца, когда все еще спали, Он оставлял дом и город, удалялся в уединенное место, вдали от шума и людей ища уединения и безмолвия, дабы втайне беседовать с Отцом Своим.

Палестинская природа располагает к такой сосредоточенности. Селение и город шумны, но поля безмолвны; лишь только удаляется человек от последних домов, он погружается уже в полную тишину. Нет того смутного шума, который поднимается с моря или слышится из леса. Лишь лай собак да отдаленный вой шакала изредка нарушает безмолвие, витающее над долинами и горами Палестины.

В эти минуты наивысшего напряжения духовных сил ничто не должно было отвлекать Господа от молитвы; никто не должен был нарушать Его единения с Богом; никто не смел подслушать таинственную беседу Сына с Отцом. Человеческий голос, нескромный взгляд могли бы помешать цельности и полноте этого слияния с Богом, и Иисус Христос уходил от людей в пустынные места.

Но не только эти минуты наиболее высоких проявлений духовной жизни оберегал Он от людей: Свои дела, благодеяния, чудотворения, в которых проявлялись Его духовная сила и любовь, Он также хотел делать так, чтобы никто о них не знал.

Когда Он исцелил прокаженного, читаем мы: *И, посмотрев на него строго, тотчас отослал его и сказал ему: смотри, никому ничего не говори* (ст. 43–44).

С одной стороны, Иисус хотел избежать человеческой славы, которая больше всего препятствовала Его мессианскому служению. Он не хотел прослыть чудодеем, и не чудесами думал Он привлекать к Себе сердца людей. Но, с другой стороны, эта скромность доброделания, это стремление сохранить тайну духовной жизни имеют и другие причины. В этой тайне лежит одно из условий сохранения и развития духовной силы.

Это же завещает Господь и Своим последователям.

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас… Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 1, 3–4).

Когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 6).

Когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 17, 18).

Таким образом, добroделание в христианстве должно быть скромно, а духовная, внутренняя жизнь окружена тайной, непроницаемой для людей и открытой только Богу. Только тогда Господь благословляет внутреннее делание успехом и дает плод духовной жизни. Духовные силы, выношенные и развернувшиеся в тайниках души, становятся тогда настолько могущественными, что сами собой проявляются вовне и скрыть их от других становится уже невозможным. *Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.*

Почему так? Почему духовная жизнь, открытая для других, оскудевает неизбежно и не приносит ни плода, ни награды?

Прежде всего потому, что Бог, Который Один должен быть центром духовной жизни, в этом случае легко может быть подменен и действительно почти всегда подменяется каким-нибудь кумиром, чаще всего кумиром тщеславия и славолюбия, а это уже ослабляет духовную силу человека, как это мы видели в предшествовавшей беседе. Когда человек делает свои дела напоказ, чтобы прославляли его люди, он уже, строго говоря, перестает думать о Боге и служить Ему Единому. Он служит тогда себе, своей гордости, своему самолюбию. Но, служа себе, он и не вправе требовать награды от Бога, ибо то, что ему надо – славу и похвалу, он уже получает как награду от людей.

Если даже, начиная служить Богу, человек вполне честен в своих намерениях и совершенно не заботится о собственной славе и похвале от людей, но искренно ищет только славы Божией, тем не менее и в этом случае фимиам мирской славы туманит голову, рукоплескания толпы возбуждают к ним вкус и тщеславную любовь, и, сам почти не замечая того, человек начинает их желать и искать, все время пытаясь уверить себя, что он служит только Богу. Нужно большое нравственное мужество и устойчивость воли, чтобы не поддаться соблазну и оттолкнуть от себя эту славу мира сего, которая назойливо преследует тех, кто от нее бежит.

Особенно следует это помнить молодым и неопытным, но горячим и увлекающимся людям, вступившим на путь служения Богу. На первых порах ничем так не искушает их диавол, как дурманом славы. Молодость, необыкновенность явления, особенно в наше время, когда среди молодежи почти иссякла и самая вера в Бога, ревность к подвигу, еще не умеренная опытом, успехи первых порывов все это невольно возбуждает и привлекает внимание толпы. За вниманием следует одобрение, уважение, почтение, порой преклонение, и под гипнозом такого отношения юный служитель Божий, самый искренний и скромный, начинает невольно чувствовать себя каким-то необыкновенным героем, который стоит выше толпы. Рождается гордость, которая услаждается достигнутым почетом и уже начинает искать и

требовать его как должную дань уважения к своим высоким качествам, которых в действительности еще и нет. Людской молве соблазнительно легко поверить и вообразить себя достойным похвал, забывая, что толпа обыкновенно является самым плохим ценителем нравственных качеств и достигнутой высоты души. Потом наступает момент, когда пробудившаяся жажда славы и людского почета уже перестает удовлетворяться достигнутыми результатами. Начинает казаться, что уважение толпы слабеет, слава идет под уклон, общее внимание уже не возбуждается. Тогда человек сам бежит за славой, стараясь остановить ее закат, и в этой погоне забывает чистое служение Богу, уже не заповеди и не волю Божию ставит законом своей жизни, но подделывается под вкусы толпы, чтобы сорвать хотя бы минутный взрыв рукоплесканий, опьяняющее наслаждение, которые стали уже привычкой, пускается в фокусничество, иногда в чистое шарлатанство. Сколько крупных нравственных сил, сколько горячих искренних порывов погибло таким образом! Сколько обманщиков и шарлатанов выработалось вместо подвижников чистого христианства! О, диавол хорошо знает силу этого соблазна, и, вероятно, нет ни одного честного служителя Божия, которого он не провел бы через огонь этого испытания.

Я помню одного странника. Высокий, сухой, но еще крепкий, жилистый старик. Он носил под рубашкой на голом теле страшно тяжелую двойную цепь, наглухо заклепанную на груди и на спине. Его шапка представляла собой тяжелую свинцовую чашку фунтов в пятнадцать, обшитую вылезшим мехом. Длинная, выдолбленная внутри палка была тоже налита свинцом. Всегда он носил на себе не менее двух пудов. Его тяжелая, мерная походка под аккомпанемент звякающих цепей была слышна издалека. Плечи до кости были проедены тяжелыми цепями, и носить их было, несомненно, настоящим мучением. В народе он пользовался громадным уважением. Но одна черта ставила его подвиг под сомнение: он любил, когда останавливался в крестьянских избах, чтобы его почитатели ощупывали его цепи, взвешивали на руках его шапку и посох, и если никто не догадывался этого сделать, он приглашал сам: «Подь-ка, посмотри, какие на мне вериги!» Уважение и удивление людей доставляли ему несомненное удовольствие.

Он умер без покаяния, скорбною смертью. Конечно, у него могли быть другие заслуги перед Богом. Никто не смеет и не может судить чужую душу, кроме Всеведущего Господа, Которому открыты все тайны сердца. Но сам по себе подвиг, таким образом афишированный, выставленный напоказ, несмотря на всю свою трудность и мучительность, уже терял всякое нравственное величие. В нем было не более достоинства, чем в фокусах странствующего комедианта, который на потеху толпе ест резиновые калоши и толченое стекло.

И в том и в другом случае люди стремятся разными средствами возбудить удивление толпы и заставить о себе говорить.

Аминь, глаголю вам: они уже получают награду свою (Мф. 6, 2), – говорит Господь.

Служение Господу должно быть безукоризненно чисто. Чисто должно быть и побуждение к нему. Таким чистым побуждением является любовь к Богу, и никакая посторонняя примесь, особенно если в ней есть грязь эгоизма и гордости, не может быть здесь допущена. Ради собственной любви к Богу и ради того, чтобы приобрести взаимно благоволение Божие, трудились святые подвижники. Но когда человек, служа Богу, стремится этим путем достигнуть личной выгоды или славы, тогда ценность его служения или уменьшается, или сводится к нулю, в зависимости от количества эгоистической примеси. Награда служения, которая в первую очередь получается в форме новых духовных дарований или роста духовной силы, может быть достигнута. Поэтому необходимо все время строго и зорко следить, чтобы ничто в духовной жизни не делалось из-за посторонних побуждений и чтобы червячок тщеславия, который прекрасно умеет прятаться за внешне благовидными предлогами и софизмами, не заполз в душу; иначе он легко разовьется в змею, которая высосет все духовные силы.

Вот почему святые отцы так остерегались в своей жизни даже случайного любопытного постороннего взора и окружали свой подвиг глубокой тайной.

В один из суровых восточных монастырей в Панеро к преподобному Иосифу, великому постнику и подвижнику, пришел однажды некий пресвитер Евагрий со свитой. В старину знаменитые своею жизнью монастыри часто посещались благочестивыми паломниками, которые искали у опытных старцев-иноков уроков и наставления. Эту же цель имел и Евагрий, сам уже начинавший упражняться в подвижничестве и несколько в этом успевший. Ему хотелось лично видеть подлинную иноческую жизнь, которую он мог бы взять как пример для подражания. Для этого и пришел он к святому Иосифу, монастырь которого славился своею строгостью.

Путники были приняты очень радушно, но каково было разочарование Евагрия, когда в образе монастырской жизни он не заметил ни тени строгого подвижничества, ничего особенного, что оправдывало бы репутацию обители. Богослужения были непродолжительны, рукоделия и послушания казались легкими, а трапеза, к которой был приглашен Евагрий со свитой и которую разделял с ними преподобный Иосиф, совсем не говорила о строгом постничестве. Стол был прост, но питателен и разнообразен. Подали овощи, фрукты все, что только имелось в монастыре, даже вино.

Один из спутников Евагрия не вытерпел.

– Наш пресвитер, – сказал он, – вкушает только хлеб с солью!..

Преподобный Иосиф как будто не слыхал этого замечания, в котором слышалось осуждение, и спокойно продолжал трапезу.

С тяжелым сердцем ушел Евагрий из монастыря, жалея о потерянном труде и времени. Ему казалось, что он ничего не приобрел для души, и он спешил в другие обители. Но дорогой их застал густой утренний туман. В песчаной пустыне, где все так ровно и однообразно, определить направление вообще трудно. В тумане это оказалось невозможно. Путники заблудились. Пришлось вернуться назад в монастырь святого Иосифа.

Когда они подошли к монастырским стенам, до них донеслось пение. Видимо, шло богослужение. Это их удивило: раньше в этот час службы в монастыре не совершалось.

Евагрий со спутниками решили обождать у ворот, чтобы не нарушать своим появлением молитвы иноков. Им пришлось ждать очень долго – несколько часов.

– Что это они распелись? – подумал Евагрий. – Никогда ничего подобного не было…

Потеряв терпение, он постучался. Их впустили и тотчас провели в общую трапезную, куда вскоре пришла и монастырская братия, закончившая богослужение.

Пришел и преподобный Иосиф, благословивший трапезу и пригласивший утомленных путников разделить братский обед. Но какой обед! Маленький кусочек хлеба и горсть сушеных фиников! Вина не было и в помине. Вместо него соленая вода, взятая, очевидно, из какой-нибудь приморской лужи. Евагрий не мог скрыть своего удивления.

Преподобный Иосиф посмотрел на него с доброй, спокойной улыбкой.

– Ты удивляешься, брат? – сказал он. – Но это наша обычная жизнь, а то, что ты видел раньше, было делом любви: так принимаем мы гостей. Свою настоящую жизнь мы обыкновенно не открываем…

И возблагодарил Бога Евагрий, что Он не оставил его в первоначальном заблуждении и удостоил видеть истинно монашескую жизнь и смирение.

Так умели преподобные отцы скрывать свою подвижническую жизнь, боясь человеческой славы.

Но не только эта святая боязнь обусловливала скромность и тайну их жизни. Были и другие внутренние, более глубокие причины, требовавшие того же, прежде всего – их великая любовь к Богу.

Любовь к Богу требует внутреннего одиночества, внутреннего отчуждения от людей, от мира. «Хочу быть только с Богом! И никто более мне не нужен!» – таково желание растущей и развивающейся любви. На известных ступенях она становится ревнивой и исключительной. Люди уходили в пустыни, лесные чащобы, на необитаемые острова, прятались в недоступных горных ущельях и пропастях с единственной целью – быть только с Богом, наслаждаться полным единением с Ним, не смущаемым человеческим шумом и суетою. Искренняя любовь чуждается и не допускает посторонних в свой заповедный круг. В мысли – «меня и Бога объединяет тайна» – кроется великое обаяние любви, и каждый лишний человек, каждый нескромный взор, проникший в эту тайну, нарушает это обаяние и чувствуется любящей душой почти как оскорбление. Постепенно, по мере развития любви, единение с Богом, слияние с Ним, или, как выражается преподобный Исаак Сирин, «почитие в Боге» становится все полнее и исключительнее, и в этом «почитии» душа находит и свою награду, и свое блаженство. Ничего другого не надо. Погремушки человеческой славы, убогая мишура мирской роскоши, преклонение раболепствующей толпы – все-все отходит вдаль и кажется таким ничтожным, мелким, ненужным в этом захватывающем, ослепительно сияющем, горящем восторгом потоке Божественной любви.

Этот подъем к Богу и единение с Ним вовсе не означает, однако, полный разрыв с людьми, тем менее – пренебрежение или враждебное отношение к ним, в чем часто несправедливо обвиняют подвижников христианства. Нет, здесь сказывается лишь внутреннее отчуждение от их суетной, мирской жизни, от их дурной стороны, от их грешных привязанностей, страстей и пороков. Лучшая сторона человека, неизгладимый образ Божий, запечатленный даже и в грешной душе, неизменно привлекает и восхищает подвижника и никогда не теряет его любви, полной удивления и преклонения пред совершенством Божиим, отразившимся в творении: Бога он любит и в людях, но он их избегает не только потому, что любящая душа, ревниво хранящая свою тайну, страдает от их назойливости и нескромности, но также и потому, что в общении с ними, по крайней мере до тех пор, пока подвижник не утвердился окончательно в любви Божией и не приобрел устойчивости твердой, как скала, кроется для него великая опасность соблазна.

Забытые образы прошлого, отвергнутые приманки мирской жизни, старые привязанности могут легко воскреснуть с прежней силой и, если даже окажутся бессильными оторвать от Бога и вернуть к былому, все же неизбежно взволнуют душу, лишат ее покоя, затуманят в сознании мысль о Боге, нарушат полноту единения с Ним, ослабят стремление к Нему и вместе с тем духовные силы подвижника. Воспоминания прошлого для человека, отрекшегося от мира, – всегда кандалы в его стремлении к совершенству, и чем более любви и нежности было связано с ними, тем они тяжелее. Этим объясняется то упорство, с каким пустынники и затворники часто отказывались видеть самых близких людей. Но когда подвижник уже утвердился в любви к Богу и когда мир потерял для него всякую прелесть как негодная ветошь и уже не волнует душу соблазнами, тогда он нередко, повинуясь воле Божией, возвращается к людям, неся им свой духовный опыт, свою любовь и благодатные силы, воспитанные одиночеством. В душе человека он видит тогда только лучшую ее сторону, видит Бога, которого он безгранично любит, а пороки и страсти уже бессильны вызвать в нем другой отзвук, кроме отвращения к ним и глубокой жалости к человеку, зараженному ими и страдающему от них. В общении с людьми для него уже нет такой опасности соблазна, как прежде.

Но и в этих условиях личная внутренняя жизнь подвижника остается закрытой для людей. Она всегда закрыта.

Людям открыта только мудрость духовного опыта, но не таинственные переживания души. Дверь в эту клеть всегда заперта наглухо, как требует Господь.

С этой стороны особенно интересен подвиг юродства, когда подвижники величайшей святости, находясь в постоянном общении с людьми, прячут чистоту и святость своей души под маской чудачества и диких выходок так искусно, что толпа нередко принимает их за сумасшедших и дарит презрением и насмешками, не умея рассмотреть в этой грубости и дикости золота духовной высоты и подвига.

На востоке, в одном из Тавеннских монастырей, жила когда-то одна женщина, имя которой сестрам обители было даже неизвестно. Всегда грязная, оборванная, с нечесаными, сбившимися, как войлок, волосами, она была предметом постоянных насмешек и оскорблений. Часто она казалась пьяной. Ее нередко видели валявшейся в грязных сточных канавах или в отхожих местах, храпевшей в непробудном сне. Ходила она шатаясь и спотыкаясь, бормоча про себя несвязные слова. Не раз сестры хотели удалить ее из монастыря, и только сердобольная игуменья, жалея несчастную, терпела ее в обители. Но однажды ночью одна любопытная монахиня подсмотрела за ней, когда та по обыкновению скрылась в отхожем месте, и была поражена: вместо грязной, пьяной потаскушки пред ней была святая в дивном величии молитвенного вдохновения. Юродивая коленопреклоненно молилась. Ее бледное, худое лицо сияло счастьем и восторгом, и неземной свет струился от нее, освещая все кругом. Утром монахиня рассказала сестрам о том, что видела ночью. Бросились искать подвижницу, чтобы просить у нее прощения за нанесенные оскорбления, и не нашли. Она исчезла. Оставаться там, где подвиг ее был открыт и где с этих пор ее ожидали слава и почет, она не могла и не хотела.

Такой страшной ценой покупают юродивые тайну своей жизни. Даже перед теми, кому они хотят сделать добро, они умеют замаскировать свой добрый порыв и таким путем избежать благодарности.

Святой Андрей, византийский юродивый, обыкновенно все, что получал от своих почитателей, раздавал нищим, но делал это очень своеобразно. Когда он встречал особенно нуждавшегося бедняка, которому он хотел отдать свои деньги, он начинал с ним перебранку. Перебранка скоро переходила в ссору, которая, казалось, вот-вот кончится дракой. В порыве гнева Андрей выхватывал вдруг из кармана пригоршню монет, медных, золотых, серебряных и с размаху бросал их в своего соперника. Потом поворачивался, как будто взбешенный до последней степени, и убегал без оглядки, не желая иметь с ним больше никакого дела. Это была его милостыня.

Хранение тайны внутренней жизни имеет и воспитательное значение. Этим путем религиозное чувство человека и его любовь к Богу становятся сосредоточеннее и горячее. Открытая печь жара не держит, или, как говорила преподобная Синклитикия, «если в бане часто отворяют двери, то скоро выпустят весь пар». Так и душа, слишком открытая для посторонних взоров, скоро теряет свою сосредоточенность; чувство, доступное многим, легко распыляется, духовная сила тратится и исчезает бесполезно. Физики знают этот закон: пар имеет силу и упругость только в герметически закрытом помещении.

Говоря о тайне духовной жизни, следует прибавить два замечания о пределах необходимой скрытности.

Во-первых, необходимо все время помнить, что скрытие внутренней жизни имеет целью пользу души, предохраняя ее от славолюбия, тщеславия, от посторонних примесей в чувстве любви к Богу, от распыления духовной силы и т. д. Следовательно, там, где этих опасностей нет, там скрытность не нужна. Поэтому само собой понятно, что в отношениях, например, к духовному лицу или к духовному руководителю о скрытности не может быть и речи. Здесь она не только ничем не оправдывается, но прямо вредна. Духовный опытный руководитель на первых порах совершенно необходим, ибо без посторонних указаний и беспристрастной оценки явлений духовной жизни легко уклониться на ложный путь и впасть в прелесть, и, конечно, душа начинающего подвижника должна быть перед ним вся открыта,

тем более, что диавол, обыкновенно, намеренно возбуждает недоверие к духовнику или к старцу и требует закрыть от него тайники сердца, опасаясь, что опытный взгляд последнего легко различит те козни, которыми он собирается опутать новоначального инока.

Во-вторых, опасение открыть тайну своей жизни не должно останавливать человека от делания добрых дел. Иногда, например, на глазах людей не хотят творить милостыню и оставляют бедняка без помощи под тем предлогом, что желают избежать славы и похвалы людской. Конечно, это неправильно. Важно, чтобы ты не думал и не искал славы, а если она достается на твою долю без твоего желания, за это Господь не осудит. Даже в том случае, если в твоем сердце есть действительно червячок тщеславия и, делая добро, ты не прочь этим привлечь внимание людей и заслужить их одобрение, все-таки лучше не отказываться сделать доброе дело.

К одному старцу пустыннику пришел молодой инок.

– Авва, – сказал он, – когда я делаю добро, помысел говорит мне, что я хорошо делаю, и это меня смущает. Я боюсь, как бы не развился дух гордости.

– Сын мой, – отвечал старец, – было два земледельца, у которых для посева была только плохая пшеница, смешанная с разным мусором и семенами сорных трав. Один из них совершенно отказался сеять, не желая свой труд тратить для плохого урожая, который неизбежно должен был получиться от посева такого зерна. Другой посеял и собрал немного пшеницы, хотя и плохого сорта и засоренной. Был голодный год; он все-таки пропитался, хотя и с трудом. Первый же оказался в безвыходном положении. Который из них поступил лучше?

– Думаю, что тот, который посеял, – сказал инок.

– Так и мы, – заключил старец, – будем сеять пшеницу добрых дел, хотя бы к ней и был примешан мусор дурных побуждений!

Глава 2

Глава 2, ст. 1-12

Когда Иисус пришел в Капернаум, вокруг Него собралась большая толпа. Народ теснился к Нему, чтобы посмотреть на вновь явившегося Великого Пророка, о котором так много говорили, чтобы послушать Его учение, чтобы получить от Него исцеление. В короткое время маленький восточный домик, в котором остановился Господь, оказался заполненным тесной толпой, так что в нем уже не было места. В это время четыре человека принесли расслабленного, чтобы просить Господа Иисуса о его исцелении. Однако войти в дом, да еще с такой ношей, оказалось физически невозможным, так как в дверях давка была особенно сильна. Тогда по наружной лестнице они взобрались на плоскую крышу дома, прокопали глиняную кровлю, разобрали потолок и на веревках спустили расслабленного к ногам Иисуса.

Ясно, что эти люди любили больного. Они страстно желали для него исцеления и верили, что единственная для этого возможность – прикосновение или слово Господа Иисуса Христа. Во что бы то ни стало надо было положить расслабленного пред Ним.

Толпа им мешает – препятствие почти неодолимое. Но они решились, и они добьются того, что им надо. Нельзя через двери – можно через окно. Нельзя через окно можно проломать крышу! Но так или иначе – взор Великого Пророка упадет на их больного друга!

Какая настойчивость! Какая непреклонная энергия! У этих людей был характер и воля; и мы видим, что эта настойчивость вознаграждена. Расслабленный был исцелен. Они достигли своей цели.

Какой урок для нас! И как метко попадает он в самое больное место русской души! У нас много хороших, искренних, горячих порывов, но… «суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано». Редко они доводятся до конца и в области устройства нашей внешней и общественной жизни, а еще реже в области личного воспитания и спасения души.

Мы часто заканчиваем борьбу на половине, потому что путь ко Христу оказывается трудным и загроможденным. Бесчисленные заставы, груды камней, крутые подъемы, непроходимые чащобы… Некоторые пытаются бороться, но трудности, соблазны всюду, на каждом шагу. Энергия падает, и страшная, предательская мысль вдруг является откуда-то и покоряет сознание: «Спасение для нас невозможно… Мы погибли!» И почти равнодушно люди возвращаются назад, отказываясь от дальнейшей борьбы.

Но послушайте, вы, унывающие, потерявшие надежду: все ли средства вы использовали? Все ли силы истратили? Вы не можете протиснуться в дверь – можно разобрать крышу. Можно проломить стену… Смотрите: она уже шатается! Еще одно усилие – и она падает! И вы хотите уйти? Стойте… Все напрасно. Вялая, невоспитанная воля отказывается от дальнейших напряжений.

Вам знакома эта картина? Не правда ли, эта дряблость воли, это отсутствие закала и железа в характере – специфическая болезнь русской души? Сколько у нас измен, предательств, отпадений, и ведь не в силу активно злой воли, а в силу трусости, слабости, рыхлости. На воспитание воли мы не обращаем никакого внимания. Заботы родителей о детях ограничиваются внешним уходом, а болезни души остаются без внимания, и наука жизни, которую мы впитываем с детства, ничего не говорит нам о самостоятельности и силе убеждений и учит только приспособляться и подчиняться обстоятельствам.

А между тем, в христианской духовной жизни более чем где-либо необходимы настойчивость и упорное стремление к одной цели. Настойчивость кропотливая, ежедневная здесь гораздо важнее, чем большое, единичное усилие воли или геройский подвиг. Это правило одинаково применимо как к личной жизни, так и к общественной. Блестящий, увлекающийся энтузиаст, скоро остывающий, принесет в христианском обществе меньше пользы, чем скромный труженик, незаметно, но настойчиво делающий свое дело.

Почему? Потому что христианская духовная жизнь растет постепенно, органически развиваясь вместе с ростом души, и потому требует постоянных, непрерывных, длительных усилий воли. Усилия чрезмерные могут вызвать только напряженный искусственный ее рост, или, как говорят медики, гипертрофию, но это если и не погубит совершенно молодых зародышей ее (что нередко бывает), то, во всяком случае, отзовется очень вредными последствиями. Вот почему чрезмерные подвиги, за которые берутся часто сгоряча начинающие иноки, обыкновенно запрещаются опытными старцами.

Покойный батюшка отец Анатолий, Оптинский старец, бывший келейник известного отца Амвросия, говорил, бывало: «Большую охапку набрать немудрено, а донесешь ли? Путь дальний: до конца жизни нести… Как раз всю растеряешь. А ты по силе… по силе!..»

Я помню из времен далекого детства: на окне у нас стоял цветочный горшок, и в нем пышный душистый жасмин. Когда на нем появлялись первые бутоны, у нас часто не хватало терпения дождаться, когда они развернутся белыми, благоухающими цветами; и в нетерпении мы часто расковыривали бутон, освобождая нежные лепестки от зеленой покрышки, цветок развертывался, к нашему восторгу, нежный, ароматный, но увы!., ненадолго. Обыкновенно к вечеру того же дня он съеживался, блек и погибал, и уже ничто не могло оживить его.

Так и в духовной жизни: искусственно форсировать ее – значит губить. На пятый этаж сразу не вскочишь: надорвешься! Надо идти по лестницам, ступенька за ступенькой, через все этажи, начиная с первого. Духовная жизнь, как цветок, требует постоянного внимания и длительного ухода; нужны настойчивость и непрерывная работа над собой.

Но как развить в себе настойчивость, если ее нет?

Если мы будем изучать жизнь святых подвижников, то найдем три условия, от которых зависела главным образом непрерывность и настойчивость их духовного делания.

Во-первых, единство цели. Вся жизнь их была проникнута одной целью – стремлением к Богу и к спасению души.

Во-вторых, полное отречение от себя и отдача своей жизни в волю Божию.

В-третьих, рождающееся из этих двух условий – громадное терпение.

Единство цели есть результат единства центра жизни. Когда человек весь проникнут любовью к Богу, когда каждая мелочь его жизни связана с мыслью о Боге, когда около себя он постоянно чувствует присутствие Бога, невидимо вездесущего, тогда, естественно, Бог является центром всех его устремлений, и каждый поступок определяется желанием угодить Богу и боязнью нарушить Его заповеди. В совершенном, вполне законченном виде это единство центра и цели мы находим, конечно, в Господе Иисусе Христе, этом высшем идеале нравственного характера. Вся Его жизнь и деятельность проникнуты мыслью о Боге Отце и единственною целью – спасти погибающего человека. Где бы Он ни проповедовал, что бы Он ни говорил, основной темой у Него всегда является Бог и спасение человечества.

Во всем Евангелии нельзя указать ни одного факта, где проявилась бы Его забота о Себе или стремление к каким-нибудь земным, временным целям. Все для Него заслонялось мыслью о Боге. *Не можете служить Богу и маммоне.* – говорил Он, и Сам первый воплощал в Своей жизни эту цельность служения Богу.

Пока человек служит двум господам – Богу и маммоне, то есть к служению Богу примешивает и стремления к земным целям, служение земным кумирам, до тех пор в нем не может

быть настойчивости, ибо эти служения несовместимы, взаимно противоречат одно другому, и человек принужден чередовать их в своей жизни, сменяя Бога маммоной и обратно, а это делает общую линию его поведения неустойчивой и колеблющейся.

Только когда в его душе образуется единый центр и единая цель – только тогда направление его деятельности становится постоянным и только тогда он может достигнуть великих успехов.

Это – закон воли не только в области религиозной жизни, но и во всякой другой. Все великие достижения человеческого ума и творчества были получены таким образом.

Когда Ньютона, гениальнейшего из астрономов мира всех времен и народов, открывшего закон тяготения и объяснившего систему равновесия небесных тел, спросили, каким образом он дошел до этого открытия, он ответил: «Непрестанно об этом думал!» Это значило, что тайна движения планет и звезд была для него единственным вопросом, неотступно занимавшим его мысль долгое время, своего рода единым центром сознания.

В Румянцевском музее есть прекрасная картина художника Александра Иванова «Явление Христа народу». Когда смотришь на нее, кажется, что она вся целиком написана сразу, в одном великом порыве вдохновения: так непринужденны позы фигур, так естественна компановка и так цельно впечатление переданной художником общей идеи – порыв внимания многочисленной толпы, устремленной на Господа Иисуса Христа. Но пройдите в соседнюю комнату, и вы увидите там массу подготовительных этюдов. Каждая фигура рисовалась предварительно отдельно, часто в нескольких набросках разных поз, из которых уже затем для картины выбиралась та, которая наиболее удовлетворяла художника.

Вам становится ясно, как долго и кропотливо работал художник над своим творением, как тщательно обдумывал он каждую подробность и как долго эта картина занимала все его внимание, служа главным центром его творческого воображения. В итоге этой настойчивой, длительной работы получилось действительно прекрасное произведение.

В период классической древности в Греции жил гражданин Афинской республики Демосфен. При республиканском строе, когда все вопросы политической и общественной жизни обсуждаются открыто с народной трибуны перед громадной аудиторией, особенное значение приобретают хорошие ораторы, благодаря громадному влиянию их речей на массу. В Афинской республике это влияние было особенно сильно, так как афиняне были очень чутки ко всему прекрасному, в том числе и к красивому слову. Поэтому хорошие ораторы пользовались у них большим почетом и славой. Эта почетная карьера соблазнила Демосфена. Он решил сделаться знаменитым оратором. Но первое его выступление перед народом было неудачно: его освистали. Причина заключалась в том, что, несмотря на весь свой ум, большой ораторский талант и умение красиво излагать свои мысли, он совершенно не обладал внешними данными для того, чтобы производить нужное впечатление на толпу. Небольшого роста, довольно невзрачного вида, с картавым произношением, слабым голосом и коротким дыханием, не позволявшим плавной речи и длинных закругленных периодов, он не мог рассчитывать на эффект. В довершение всего у него была нервная привычка подергивать одним плечом, что делало его смешным в глазах афинян, привыкших к красивым, выработанным жестам знаменитых ораторов. Неудача, однако, не обескуражила Демосфена.

Он понял свои недостатки и решил их побороть.

Началась упорная, настойчивая работа над собой.

Он удалился на морской берег, где скрылся в уединенной пещере, чтобы никто не нарушал его сосредоточенности, а чтобы побороть в самом себе желание видеть друзей и знакомых и решительно отказаться от шумной столичной жизни, он обрил себе полголовы. В таком виде он никуда не мог показаться и волей-неволей должен был дожидаться, когда отрастут сбритые волосы.

В своем уединении он начал ряд последовательных упражнений. Чтобы развить у себя глубокое дыхание, он взбирался на крутые утесы и во время этих подъемов старался говорить, не останавливаясь. Чтобы выработать красивый звучный голос, он в часы прибоя произносил длинные речи на морском берегу, пытаясь перекричать шум волн. Чтобы победить картавость и заставить себя говорить ясно, он брал в рот камушек и с камнем во рту старался выговаривать отчетливо каждый звук. Наконец, чтобы отучить себя от неприятной привычки подергивать плечом, он вешал к сводам своей пещеры острый меч и, произнося речь, становился под ним таким образом, чтобы при каждом резком движении плеча острие впивалось ему в тело.

После долгой упорной работы Демосфен достиг замечательных успехов. Когда он вышел из своего уединения и снова появился перед народом на ораторской трибуне, это был совсем другой человек. Красивый сильный голос, отчетливая дикция, плавные эффектные жесты, прекрасно построенная речь, звучные ритмичные периоды – все это сразу зачаровало и покорило толпу. Демосфен стал знаменитым оратором.

Но сколько настойчивости надо было, чтобы победить самого себя и свои природные недостатки, и эта настойчивость поддерживалась исключительно страстным, непреодолимым желанием стать оратором, желанием, которое на это время вытеснило из его души все остальное и сделалось центром всей его жизни.

Если в области чисто мирской, светской, сосредоточенность воли в одном центре дает такие результаты, то в области духовно-религиозной эти результаты прямо поразительны, так как слабой человеческой воле здесь поспешествует еще всемогущая благодать Божия, и при ее подкреплении человек совершенно перерождается, обновляется, или, как говорит апостол Павел, становится новая тварь во Христе. Примеров такого полного перерождения в истории христианского подвижничества чрезвычайно много. Строго говоря, почти каждый святой прошел через этот процесс внутренней борьбы с собою, и победа в каждом случае достигалась настойчивостью, устремленной к одной цели – единению с Богом.

Из многочисленных примеров этого рода возьмем лишь один – преподобного Моисея Мурина, бывшего свирепого атамана разбойников, ставшего потом смиренным святым иноком. Но прежде чем он достиг этого, ему пришлось перенести чрезвычайно тяжелую, упорную борьбу с искушениями.

Вскоре после его обращения демоны постарались пробудить в нем былую его телесную нечистоту. Искушение было так сильно, что он, как сам о том впоследствии рассказывал, чуть было не отказался от своего намерения жить благочестиво. Изнемогая от борьбы, он отправился к великому Исидору, бывшему пресвитером в пустыне Скит и знаменитому святостью своей жизни и мудростью своих советов.

Исидор постарался его утешить и убеждал его не удивляться этому искушению, так как лишь недавно отрешась от дурного образа жизни, он несомненно должен пережить сильный позыв к прежнему злу. Опытный старец объяснил ему, что эти привычки телесной нечистоты подобны собакам, которые, привыкнув глодать кости в какой-нибудь мясной, всегда возвращаются к ней, пока есть возможность туда войти. Но если им не бросать ни одной кости и запереть перед ними дверь мясной, то они больше не возвращаются и идут в другие места, чтобы найти, чем утолить свой голод.

Моисей, укрепленный и утешенный этим спасительным наставлением, заключился в келье и стал смирять свое тело различными подвигами, особенно же постом.

Он не ел ничего, кроме небольшого количества хлеба в день, много работал и молился пятьдесят раз в день. Мысль о Боге, о единении с Ним, о прощении и спасении души не покидала его. Вся цель жизни для него сосредоточилась только в этом. Но время освобождения его от искушений еще не настало. Господь, который желал возвысить его достоинство умножением его победы, допустил, чтобы, несмотря на все усилия его смирить свою плоть,

он не имел покоя в мыслях, особенно по ночам. Это побудило его снова прибегнуть к совету других, и он рассказал о своем положении одному пустынному старцу, который считался иноком совершенной жизни.

– Что делать мне, отче? – сказал он ему. – Мои сны потемняют мой ум, и старая моя привычка ко злу делает то, что моя душа услаждается нечистыми образами.

На признания Моисея старец ему отвечал:

– Это происходит оттого, что ты с недостаточным упорством отвращаешь свой ум от этих воспоминаний. Приучи себя бодрствовать, молись усердно-и ты увидишь, что искушения пройдут.

Моисей вернулся в свою келью, твердо решив поступить по тому совету, и стал проводить ночи на ногах, посреди своей кельи, не закрывая глаз, постоянно молясь и не становясь для молитвы на колени из боязни, что его тело от этой перемены положения почувствует облегчение и даст демону случай искусить его. Несмотря на все, страсти продолжали бушевать. Тогда он взялся за новый подвиг самоумерщвления и трудолюбия. Всякую ночь он обходил кельи отшельников, которые по преклонности своего возраста и по немощи своих сил не могли ходить сами за водой, так как она находилась далеко. Он брал без их ведома их кувшины и приносил их наполненными, проходя для этого иногда до пяти миль, смотря по расположению кельи.

Это утонченное милосердие, которое обрекало его на великую усталость и тем самым уничтожало паливший огонь страстей, еще более возбуждало против него ярость демонов. Но преподобный говорил обыкновенно: «Я не перестану бороться прежде, чем демоны не перестанут мучить меня соблазнительными снами» (Е. Поселянин. Пустыня).

Шесть лет боролся таким образом преподобный Моисей, пока наконец желанный покой и мир не водворились в его душе.

Он победил. Победила его настойчивость. Но это было бы для него совершенно невозможно, если б его душой не владела единственная мысль, единственная цель – прийти к Богу. На этом пути для него вырастала страшная, едва одолимая преграда – его бушующие страсти, и для того, чтобы победить их терпеливой работой над собой в течение шести лет и не отступить, не поколебаться, – для этого необходимо было, чтобы эта главная цель жизни всегда светила ему как путеводная звезда, манила к себе неотразимо и побуждала к непрерывной борьбе. Так и для каждого христианина образ Господа Иисуса Христа должен быть центральной точкой, около которой кристаллизуется вся духовная жизнь, и тогда вся воля развивается в одном направлении, приобретая громадное упорство и настойчивость.

Второе условие настойчивости в жизни христианских подвижников это – полная отдача себя в волю Божию. Это кажется странным на первый взгляд. Когда мы говорим о настойчивости, то обыкновенно разумеем именно способность и силу настоять на своем, добиться исполнения своих желаний. А здесь требуются отречение от своей воли и подчинение Богу. Настойчивость и подчинение!.. Разве это совместимо?

Несомненно. В исполнении Божиих предначертаний и заповедей можно быть столь же настойчивым, как и в исполнении своих желаний, и даже гораздо более, потому что в подчинении Богу воля человека находит такую могучую опору, какой не может быть в деятельности, основанной на самохотении и самоопределении. Субъективно эта опора состоит в том, что требования Божиего Закона имеют для человека гораздо большую силу авторитетности, чем его собственные желания. Как бы человек ни был горд, как бы ни склонен он был преувеличивать свои достоинства и способности, в глубине сознания он все же не может поставить их так высоко, как верующий ставит для себя Бога. Поэтому его личные желания могут переживаться очень остро, могут дойти до степени страсти, но они никогда не приобретут той нравственно-повелительной силы, какую имеют для верующего заповеди и требования Божественной воли. В своих собственных желаниях человек или неизменно замечает эле-

менты самолюбия и эгоизма, что лишает их нравственной чистоты и обязательности для совести, или же в тех случаях, когда его деятельность свободна от эгоистических побуждений и вся устремлена на пользу ближнего, он не может быть безусловно уверен в правильности пути, избранного для их практического осуществления, ибо сознает, что выбор этот определен его собственным умом, силу которого он не может считать абсолютной. В том и другом случае неизбежные сомнения ослабляют твердость и уверенность его деятельности. Этих сомнений не знает верующий человек, всецело подчинившийся воле Божией.

Объективно опора для деятельности, согласованной с волей Божией, заключается в том, что Господь незримо помогает Своему верному слуге, творящему Его волю. Эта великая, могущественная помощь, с одной стороны, а с другой – уверенность в правильности пути, указанного перстом Божиим, и в безусловной святости и непогрешимости норм, данных Господом для человеческой деятельности, приводят в результате к тому, что человек верующий, подчинившийся Богу и всецело опирающийся на Его всемогущую волю, духовно бесконечно настойчивее и сильнее, чем неверующий, служащий исключительно своему «я» и руководящийся своими эгоистическими желаниями и указаниями своего рассудка.

Третьим условием настойчивости является терпение. У святых подвижников оно всегда было громадно. Значение его в христианском подвиге совершенно ясно: чтобы вести непрерывную борьбу с искушениями, постоянно напряженно работать над собою и до последней минуты своей жизни не отступать, не бросать начатого дела, не доведя его до конца. Для этого надо уметь мужественно переносить, во-первых, страдания и лишения, всегда связанные с христианским подвигом, а во-вторых, неизбежные ошибки, падения и неудачи, которые легко могут вызвать уныние и ослабить энергию неопытного христианина. Диавол всегда пользуется неудачами, стараясь раздуть их значение до размеров настоящей катастрофы, чтобы довести подвижника до отчаяния и принудить его прекратить борьбу. Умение переносить страдания и не смущаться неудачами и есть форма христианского терпения. Оно естественно развивается из двух ранее указанных условий настойчивости, то есть из единства цели жизни и покорности Богу, и без них вряд ли может кто-либо достигнуть высокой степени. Терпеть страдания, зная, что это угодно Богу, и переносить неудачи, зная, что они попускаются Богом для нашего воспитания в смирении, неизмеримо легче, чем не понимая, зачем и для кого это нужно. Бессмысленные, ненужные лишения, самые незначительные, чувствуются гораздо тяжелее и раздражают гораздо больше, чем великое горе, целесообразность которого нам ясна.

В вопросе о воспитании терпения могут быть полезны еще следующие замечания.

Часто наше нетерпение в христианском делании зависит от того, что мы скорее хотим насладиться плодами сделанных усилий и иметь скорый, заметный для нас успех. На второй день после обращения к Богу мы уже хотим быть святыми.

Если этого не получается, нам начинает казаться, что наши усилия пропадают даром, и мало-помалу уныние овладевает душой. Мы часто способны бываем на крупный геройский поступок, ибо там успех обнаруживается сразу, но в будничной, черновой работе, не дающей быстрых заметных результатов, наша энергия скоро беднеет и гаснет.

Чтобы предотвратить уныние, надо твердо помнить, что ни одно усилие, как бы мало оно ни было, не пропадает безрезультатно и в душе свой след оставляет. Если мы не замечаем успехов, то чаще всего потому, что наш духовный взор еще недостаточно опытен, чтобы их различить, если они не проявляются в крупных размерах, но если усилие сделано добросовестно, то результаты несомненны, в этом можно быть уверенным. Посмотрите, как медленно, незаметно растет дерево. Почти невозможно определить, насколько оно выросло за сутки, и только в конце года обнаруживается значительный прирост. Так и в духовной жизни.

Всегда лучше смотреть не на конечную цель своих стремлений, а на ближайший шаг, который предстоит сделать. В христианской жизни эту конечную цель рассмотреть ясно почти и невозможно, так как идеал здесь бесконечен и тонет в отдалении, а сравнивать пройденный путь с тем расстоянием, которое еще предстоит пройти, – занятие и бесполезное, и способное внушить уныние. Как бы далеко ни ушел человек вперед, перед ним все еще расстилается такая бесконечно длинная дорога, что он всегда кажется себе находящимся в самом начале пути. Поэтому никогда не следует мерить, насколько ты вырос в духовном отношении, а все внимание обратить на то, чтобы как можно лучше сделать следующий шаг.

Лучше думать о том, что ты должен делать, а не о том, чего ты можешь достигнуть. Исполняй свой долг добросовестно и не заботься много о результатах. С доверием предоставь это Господу.

Всегда помни правило древнего мудреца Семея: «Обязанности – твои, а следствия – Божии».

Глава 2, ст. 13-28

В данном отрывке евангелист Марк впервые отмечает те разногласия, которые начали обнаруживаться между Иисусом Христом и руководящим классом еврейского народа – фарисеями и книжниками в их взглядах на религию и ее значение в жизни человека. Совершенно различное понимание религии и ее целей порождает между ними первые недоразумения, скоро переходящие у фарисеев в затаенную вражду и глухую ненависть. Три точки разногласия отмечает святой Марк. Три серьезных замечания делают фарисеи Христу.

Когда Господь призвал в число Своих учеников сборщика податей Левия Алфеева, впоследствии ставшего апостолом с именем Матфей, последний в порыве великой радости устроил у себя пир.

На этот пир он пригласил своих прежних друзей, таких же мытарей, каким был сам, а также многих из той толпы, которая постоянно окружала Господа Иисуса Христа и которая состояла главным образом не из профессионалов религии, а из людей обыкновенной, суетной, греховной жизни, как большинство из нас. На пиру Левия Господь оказался в компании мытарей и грешников.

Это обстоятельство вызвало негодование фарисеев.

– Как это ваш учитель, – сказали они ученикам Господа, – ест и пьет с мытарями и грешниками?

Сборщиков-мытарей они ненавидели, видя в них предателей нации, ибо мытари служили ненавистной чужестранной римской власти, занимаясь досмотром товаров, взиманием пошлин за ввоз и вывоз и сбором путевых пошлин на мостах и дорогах. Всех же, кто не принадлежал к фарисейскому кругу и не слишком строго придерживался исполнения обрядного Моисеева Закона и преданий старцев, они глубоко презирали, считая грешниками.

Только себя признавали фарисеи «чистыми» и достойными последователями Моисея и ни за что не унизились бы до того, чтобы иметь общение с мытарями и людьми легкомысленными или неопрятными в религиозном отношении. И вдруг этот прославленный Пророк из Назарета, о котором так много говорят, ест и пьет вместе с этим отребьем. Он с ними беседует, Он их учит! Какая профанация религиозной проповеди и какой позор для человека, претендующего быть учителем и наставником Израиля!

Второе разногласие вызвал вопрос о посте. Строгие законники во всем, фарисеи были такими же и в отношении постов. Все посты, заповеданные законом и преданием, они считали строго обязательными не только для людей, образовавших религиозную общину и желавших вести религиозную жизнь, какими им казались ученики Господа Иисуса Христа,

но и вообще для всех сынов Израиля; и вдруг в этой маленькой общине, сформировавшейся вокруг нового Пророка, не признают постов! Ученики Иисуса не постятся!

Понятен возмущенный вопрос: «Почему Твои ученики не постятся?»

Третье недоразумение возникло по вопросу об отношении к субботе, этом своего рода «табу» еврейского раввинизма, где никакие отступления от раз установленных правил не допускались. Инцидент, вызвавший это недоразумение, был следующий: *Случилось Ему в субботу проходить засеянными полями, и ученики Его дорогою начали срывать колосья.*

Евангелист Лука добавляет: *они срывали колосья и ели, растирая руками* (Лк. 6, 1).

И фарисеи сказали Ему: смотри, что они делают в субботу, чего не должно делать?

Срывать колосья руками на чужой ниве, не употребляя серпа, Моисеевым Законом разрешалось (Втор. 23, 25). Это не считалось воровством, и не в этом состояло преступление учеников, вызвавшее замечание фарисеев. Нарушение закона, с их точки зрения, заключалось, во-первых, в том, что в этот день еще нельзя было есть нового хлеба. Первый сноп нового урожая обыкновенно приносился сначала священнику, который возносил его пред Господом в жертву. Это делалось по закону на другой день праздника опресноков, или на третий день Пасхи, 16-го числа месяца Нисана. *Никакого нового хлеба,* – гласил закон, – *ни сушеных зерен, ни зерен сырых не ешьте до того дня, в который принесете приношение Богу вашему: это вечное постановление в роды ваши во всех жилищах ваших* (Лев. 23, 14). Господь Иисус Христос со Своими учениками проходил полем, по свидетельству святого Луки, в так называемую второпервую субботу, то есть в субботу, случившуюся 15-го Нисана (по толкованию святого Исидора Пелусиота). Значит, ученики, срывая и вкушая колосья, не дождались ровно одного дня, когда они могли сделать это на законном основании. Но самое ужасное, по фарисейским понятиям, состояло в том, что ученики срывали колосья и растирали их руками в субботу! Ведь идя дальше в этом направлении, можно было допустить в субботу и жатву и молотьбу! А это законом определенно запрещалось: *шесть дней можно делать дела, а в седьмой день суббота покоя, священное собрание; никакого дела не делайте* (Лев. 23, 3).

Вероятно, фарисеи ожидали, что Господь остановит учеников и напомнит им древнее правило, но не дождавшись этого, они сами обращают Его внимание на возмутительное нарушение закона: *смотри, что они делают в субботу!*

Таковы три факта, выявившие разногласие между Господом Иисусом Христом и фарисеями.

Ни в одном из этих случаев Господь не встал на точку зрения фарисеев и не поддержал их негодование. Ясно, что в оценке фактов религиозной жизни и в понимании ее сущности они резко расходились. Строго говоря, высказывания фарисеев имели под собой формальные основания, особенно в вопросах о посте и субботе. Здесь они стояли на почве буквального понимания закона, но этот закон в их понимании являлся чем-то мертвым, закостенелым, не допускавшим решительно никаких изменений или приспособлений к живой душе человека, и потому он потерял дух жизни, подобно сухому дереву, которое уже не может расти и развиваться, а может только гнить.

Господь Иисус Христос относился к Моисееву Закону совершенно иначе.

Он никогда не отвергал Ветхого Завета. *Не думайте, что Я пришел нарушить закон… не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5, 17), – говорил Он. Он с большой силой подтверждает его, особенно когда замечает его лукавое извращение или нарушение во имя человеческих преданий старцев, как это мы видим в споре о пятой заповеди, дух которой фарисеи до того исказили, что, вопреки категорическому требованию закона, позволяли человеку во многих случаях забывать о своих обязательствах к родителям или же уклоняться от них путем лицемерной казуистики (Мк. 7, 6-13). В текстах Священного Писания Ветхого Завета Он ищет правила поведения или опоры в борьбе с искушениями (Мф. 4, 4, 7, 10). Своих

учеников Он упрекает за недоверие к ветхозаветным пророкам (Лк. 24, 25). Доктрины Ветхого Завета о сотворении мира, о человеке, о праведности, о Промысле Он считает неоспоримыми. На истории израильского народа, изложенной в книгах Ветхого Завета, Он основывает Свою миссию. В Своих проповедях и поучениях Он часто пользуется изречениями, мыслями, образами и сравнениями, взятыми из Ветхого Завета. Он так хорошо его знает, что это знание возбуждает удивление даже среди книжников.

Но Господь Иисус Христос не только знал Ветхий Завет – Он всегда требовал его исполнения.

Исцелив прокаженного, Он требует, чтобы тот пошел показаться священнику и принес жертву за очищение, как это было постановлено Законом Моисея (Мф. 8, 4, ср. Лев. 14, 3–4).

Когда к Нему обращается юноша с просьбой научить, как наследовать жизнь вечную, Он прежде всего требует от него исполнения заповедей Ветхого Завета (Мк. 10, 19).

Когда наступает время Пасхи, Он поручает ученикам приготовить все нужное для праздника, как это требовал Закон Моисеев (Лк. 22, 8).

Можно было бы привести много примеров, говорящих о том уважении, с каким Господь относился к Ветхому Завету. Несомненно, Он считал его не только полезным и нужным для духовной жизни, но и обязательным для человека как Слово Божие.

Здесь мимоходом можно подчеркнуть урок, вытекающий для нас: если Господь находил книги Ветхого Завета нужными и полезными, то, очевидно, они имеют такое же значение и для нас, хотя мы и пользуемся высшей формой Божественного Откровения Новым Заветом. Необходимое Христу необходимо и нам. Поэтому то пренебрежение и недоверие, которое замечается иногда среди некоторых христиан по отношению к Священному Писанию Ветхого Завета, совершенно ни на чем не основано.

Но признавая и почитая книги Ветхого Завета как Божественное Откровение, Господь относится к ним гораздо свободнее и совершенно иначе, чем фарисеи. Глубоко чтя проводимые здесь основные принципы как плод озарения Святого Духа, Он считает ветхозаветные формы практического их осуществления в жизни вполне допускающими изменения, и, никогда не отступая от духа Священного Писания, Он тем не менее не связывает ни Себя, ни Своих последователей формальными предписаниями древнего закона. Жизнь меняется, меняются, как в калейдоскопе, ее условия, и те обряды, обычаи и норма внешнего поведения, которые были практичны и пригодны несколько столетий тому назад, становятся совершенно непригодными и даже неисполнимыми в данный момент.

Но дух, этот вечный абсолютный и живой дух, действующий постоянно в человеке, в его жизни, в его истории, дух добра, истины, правды – должен быть всегда один и тот же, проявляясь лишь в различных обнаружениях в зависимости от эпохи. Так, например, древний Закон Моисея повелевал купившему раба из соотечественников держать его в рабстве не более шести лет, а в седьмой год отпускать на свободу и при этом добавлял: *когда же будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми руками, но снабди его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего: дай ему, чем благословил тебя Господь, Бог твой* (Втор. 15, 13–14). В этом постановлении сказывается дух милосердия, дух любви к ближнему, но можем ли мы исполнить это правило? Понятно, нет, так как в рабство у нас теперь не продаются и самый институт рабства давно уничтожен, поэтому и дух милосердия в настоящее время должен искать своего выражения в других, современных формах благотворительности.

Другой пример: для невольных убийц, то есть совершивших убийство неумышленно, по неосторожности, Моисеев Закон отводил три города, где они могли искать убежища от мести родственников убитого. Здесь говорил дух правосудия, ибо человека, виновного только в неосторожности, карать как за умышленное убийство, конечно, несправедливо.

Но у нас нет ни городов убежища, ни родовой мести, и правило это отпадает само собой. Дух справедливости находит выражение в других формах. Ясно, что формы человеческого поведения и жизни, выражающие веления религиозного духа, и не могут быть вечно одними и теми же, застывшими, омертвевшими, и требовать этой неизменности формы – значит на живой орган накладывать лубки.

Результат всегда будет один и тот же: ослабление живой силы религии и омертвение тканей души.

Более того: если религиозные формы держать всегда педантично неизменными, не считаясь с потребностями духовно развивающегося человека, то эти формы или искалечат духовную жизнь, дадут ей уродливое развитие, или совершенно остановят ее рост. Если ребенка постоянно держать в пеленках, не снимая их и не ослабляя, то он расти не сможет. Китаянки для того, чтобы иметь маленькие ноги, чего требует мода, держат их с детского возраста всегда туго забинтованными. Это сохраняет детский размер ноги, останавливая ее рост, но страшно уродует ее и сопровождается сильною болью.

Так бывает всегда там, где есть живая органическая сила жизни и роста. Так и в религии: по мере того, как дух Божий, дух добра и правды все полнее и совершеннее воплощается в жизни человека, старые формы, как детские пеленки, становятся для него все теснее, и он неизбежно, хотя часто постепенно и незаметно, их меняет. Сама жизнь в той мере, как она развивается и проникается новым духом, перерастает старые рамки, не умещается в них и естественно стремится их раздвинуть, и если, не считаясь с этим ростом, оставить эти рамки в прежнем виде, без всяких изменений, то жизнь просто их разломает, как поднимающаяся вешняя вода в реке ломает сковывающий ее лед. Этот именно закон духовной жизни и выразил Господь в словах: *Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые* (Мк. 2, 22).

Господь Своим учением, жизнью и смертью поднял религию на такую громадную высоту, в такой полноте сообщил уверовавшим в Него духа истины и благодати, что не только формы внешнего богослужения оказались устарелыми, но самые правила жизни и поведения пришлось расширить и углубить, чтобы в них могло отразиться это веяние нового духа. Отсюда ряд антитез, естественно возникающих при сопоставлении нового учения со старыми правилами:

Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду (Исх. 20, 13). *А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду* (Мф. 5, 21–22).

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй (Исх. 20, 14). *А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 27–28).

Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную (Втор. 24, 1). *А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать* (Мф. 5, 31–32).

Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои (Лев. 19, 12; Втор. 23, 21). *А Я говорю вам: не клянись вовсе… Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет* (Мф. 5, 33–34, 37).

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб (Исх. 21, 24). *А Я говорю вам: не противься злому* (Мф. 5, 38–39).

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Лев. 19, 17). *А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5, 43–44).

В этих антитезах нет противоречия древним правилам. Они не отменяют, но лишь развивают и усовершенствуют нормы Ветхого Завета. В них веет тот же дух любви и правды, но уже поднявшийся со ступени младенческого состояния человечества на громадную высоту развития и совершенства.

Так и смотрит Господь на взаимное отношение Ветхого и Нового Заветов. *Не думайте,* – говорит Он, – *что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5, 17). Русское слово «исполнить» не совсем точно передает оттенок мысли. Стоящее здесь у Матфея греческое слово означает: «восполнить», дать полноту, законченность. Другими словами, Господь хочет сказать, что Его Новозаветное учение не нарушает и не отменяет Моисеева Закона, но восполняет и развивает его. Фарисеи расширяли древний закон, отыскивая все новые случаи его применения, опутывая всю жизнь мелочными, формальными предписаниями, порождая предания старцев в невероятном количестве, или, как говорит пророк Исайя: *стало у них словом Господа: заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного, там немного, – так что они пойдут… и попадут в сеть и будут уловлены* (Исх. 28, 13). В этих попытках регламентировать все мелочи жизни неизменными мертвыми правилами, формально выведенными из закона, они сохраняли букву закона, но нередко нарушали его дух (Мк. 7, 6-13).

Иисус Христос, наоборот, углубляет и развивает принципы ветхозаветного законодательства, усиливает его духовную напряженность. Он сохраняет его дух, но нередко нарушает форму. В этом заключается основная и существенная разница в отношениях к Ветхому Завету Господа Иисуса Христа и фарисеев.

Отчего получилось такое различие?

Оттого, что Господь смотрит на религию неизмеримо глубже, чем фарисеи. Для Него сущность религии и заключается в живом союзе души человека с Богом, союзе любви. *Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино… Да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них* (Ин. 17, 21, 26) – так молится Он Отцу Своему. Любящая Бога человеческая душа – вот то, что для Него наиболее ценно, а каким образом эта душа дошла до любви, объединяющей ее с Богом, – это вопрос, строго говоря, второстепенный, не имеющий существенно важного значения. Человек может воспитывать эту любовь и ортодоксальными средствами, строгим выполнением выработанных религией обрядов и постановлений, имеющих педагогическое значение, но может достигнуть той же цели и совершенно своеобразным путем, как, например, достигали святые отшельники, пребывание которых в пустыне требовало от них особого образа жизни и особых правил внешнего поведения. В христианстве оценивается не столько деятельность человека, сколько качества души его, проявляющиеся в этой деятельности. Святитель Николай публично заушил Ария и был осужден отцами Собора, усмотревшими в этом поступке нарушение дисциплины любви, но Бог оправдал Своего избранника, ибо в этом заушении сказалась горячая ревность святителя о вере, его великая любовь к Богу и, несомненно, к тому же Арию, хульные речи которого надо было остановить, дабы не поразил его гнев Божий. Господь, как всегда, смотрит в корень вещей. Таким корнем в духовной жизни является душа; внешние деяния – это только плоды. Важно прежде всего, чтобы корень – душа – был здоров, тогда и плоды будут хороши. *Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые* (Мф. 7, 17–18).

Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его (Лк. 6, 45).

Стоя на этой точке зрения, Господь и все внешние установления религии, ее обряды, правила, обычаи оценивает исключительно по их связи с душой человека, то есть поскольку

они или выражают религиозные настроения и движения души, или служат средством ее религиозного воспитания. *Суббота для человека, а не человек для субботы,* – говорит Он (Мк. 2, 27).

Это значит, что все внешние формы, в которых проявляется религиозная жизнь, хороши и ценны, если они содействуют духовному развитию человека и помогают ему приблизиться к Богу. Ценны искренние молитвы, потому что они служат выражением веры, благоговения и любви к Богу и, преклоняя Господа на милосердие к молящемуся, сближают Бога с человеком. Ценны церковные службы, полные символизма и глубоко трогательных обрядов, ибо они развивают в человеке религиозное чувство. Ценны дела милосердия и различные благочестивые упражнения, ибо они воспитывают благонастроенную волю, стремящуюся к богоугождению.

Но все эти формы религиозных проявлений становятся бессмысленными, если они теряют связь с живой душой. Бессмысленны и бесцельны молитвы, если они произносятся только устами и если в них не участвует ни ум, ни сердце. Становятся совершенно ненужными обряды, если они не воспитывают душу в любви и покорности к Богу. Даже дела благотворительности и служения ближнему теряют свою ценность, если человек не участвует в них душой (1 Кор. 13, 3).

Если мы поймем все это, поймем взгляд Господа на религию и на религиозную жизнь, то нам станет ясен смысл всех трех ответов, в которых обнаружилось Его разногласие с фарисеями.

Когда фарисеи упрекают Его в том, что сближением с мытарями и грешниками Он позорит Свое звание духовного учителя, Господь отвечает им: *Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию.*

Самое ценное для Бога – душа человека. Поэтому и обязанность религиозного учителя именно в том и состоит, чтобы эту душу, омраченную, недугующую грехом и ушедшую от Бога, просветить, исцелить и снова вернуть к Творцу. Не нужен тот учитель, который не идет за этой душой, гнушаясь ее язв, и бессмысленно его величаво-надменное стояние в отдалении от людей, требующих его руководства. Если он желает оставаться лишь в незапятнанном кругу праведников, то он бесполезен и не делает своего дела.

На вопрос, почему ученики Его не постятся, Господь отвечает: *могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься, но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни* (Мк. 2, 19–20).

Это значит: пост не соответствует их теперешнему настроению. Пост есть внешнее выражение душевной скорби и сокрушения о грехах. Но сейчас для них время радости, ибо Я, Господь и Учитель их, с ними. Было бы смешно, если бы гости, приглашенные на свадебный пир, скорбели и постились. Так и для их ликующей души пост не только бесполезен и бессмыслен, но был бы лишь вредным лицемерием. Наступят дни, когда Меня не будет с ними, тогда будут скорбеть и поститься. Тогда пост будет для них потребностью души и выражением тоскующей любви. Тогда он будет нужен.

Когда, наконец, фарисеи упрекнули учеников Иисусовых в том, что они срывали и ели колосья в субботу, Господь сказал в ответ: *неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним? как вошел он в дом Божий при первосвященнике Авиафаре и ел хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме священников, и дал и бывшим с ним?* (ст. 25–26).

Эпизод, который указывает Господь, относится к тому времени, когда Давид спасался от преследования Саула, и подробно описан в первой книге Царств, глава 21, ст. 1–6. Хлебы предложения считались великой святыней (Лев. 24, 9), и никто из посторонних не смел их вкушать по Закону Моисееву. Однако Давид нарушил это постановление, ибо в противном

случае ему и его свите грозила опасность погибнуть от голода. Господь не порицает Давида, ибо постановления закона имеют в виду пользу человека и его души, и там, где буквальное исполнение их связано с очевидным вредом для человека, они, конечно, могут быть отменены.

Точно так же нельзя упрекать и апостолов, что они по нужде нарушили субботу, ибо *суббота для человека, а не человек для субботы* (ст. 27).

Фарисеи смотрели совершенно иначе. Вряд ли они когда-нибудь задумывались серьезно о необходимости совершенствовать прежде всего душу, вряд ли именно в этом видели волю Божию и главную цель религии и вряд ли рассматривали постановления закона как воспитательное средство религиозного развития. Для них исполнение закона уже само по себе было средством богоугождения, и, забывая, что Бог не от рук человеческих угождение приемлет, они воображали, что чисто механическим исполнением всех обрядовых предписаний они обеспечивают для себя должную милость и награду. Вот почему, исполнив эти предписания, фарисей был вполне доволен собой и больше ни о чем не заботился. «Разве я не все исполнил, и в чем я ошибся?» – таково было обыкновенное присловие фарисея. Обряды и постановления закона приобретали, таким образом, значение своего рода магических средств, исполнение которых было для человека обязательно, если он хотел получить милость у Бога. У фарисеев человек был для субботы, а не суббота для человека. Он мог умирать с голоду, если ему это было угодно, но субботние постановления он обязан был выполнить, ибо в противном случае он навлекал на себя, по их мнению, гнев Божий.

Этот взгляд на сакраментальное значение обрядов не изжит и до сих пор даже в христианстве, особенно среди нашего старообрядчества. Там обряды тоже приобрели совершенно несвойственное им значение самодовлеющих средств богоугождения и потому объявлены неизменными и неприкосновенными. «До нас положено: лежи так оно во веки веков», – говорил первый вождь раскола старообрядчества протопоп Аввакум.

Но для нас, конечно, это мнение неприемлемо. Бесконечно выше взгляд Господа, Который все обряды и постановления внешнего закона рассматривал с точки зрения их пользы для души человека. Чтобы тем отчетливее выяснить эту точку зрения, позвольте привести сравнение.

Когда архитектор начинает строить храм, он прежде всего ставит леса. Без этого работа невозможна: вы можете выложить пять-десять ярусов кирпичей, но больше этого не пойдет. Леса позволяют вам вести постройку до громадной высоты, и чем выше она поднимается, тем выше протягиваются по лесам лестницы и платформы для рабочих. Только когда постройка закончена, леса снимаются, и чудное здание храма Божия вырастает перед вами во всей красоте своей.

Леса – это обряды и правила внешнего поведения. Их задача – содействовать воспитанию души и постройке в ней храма Божия, что и является главной целью духовной работы.

Нужны ли они?

Ясно, что нужны, ибо без них храма не построить. В лучшем случае можно вывести лишь первый ярус, но всю постройку закончить невозможно.

Изменяемы ли они?

Опять-таки ясно, что да. По мере того, как идет вперед развитие пути, и внешние вспомогательные средства должны становиться возвышеннее и сложнее, приспособляясь к этому развитию. Для детей нужно молоко, для взрослых – твердая пища (1 Кор. 3, 2).

По мере роста дерева необходимо удлинять палочку, к которой оно привязано.

Но достаточно ли ограничиться постройкой лесов, то есть исполнением внешних обрядов и предписаний, как ограничивались фарисеи?

Конечно, нет. Ставить леса бессмысленно, если не строить храма. Сами по себе они ни на что не нужны.

Надо твердо помнить, что если Господь должен быть центром всей человеческой жизни и царствовать в душе человека, то первая забота христианина должна состоять в том, чтобы построить в душе достойный для Него храм, то есть очистить и приготовить, воспитать душу.

В этом заключается главная забота. Сюда должны быть устремлены все силы и внимание, и вся религиозная жизнь и деятельность должна рассматриваться под этим углом зрения.

Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? (I Кор. 3, 16). *Вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом* (2 Кор. 6, 16).

Глава 3

Глава 3, ст. 1-6

Снова евангелист рассказывает о столкновении, происшедшем между Господом и фарисеями, и снова это столкновение произошло по вопросу о субботе.

В вопросе о субботе книжники и фарисеи были особенно неуступчивы и ревнивы, ибо они здесь опирались не просто на древний обычай или предание старцев, но на определенное повеление Божие. Четвертая заповедь Синайского законодательства гласила:

Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай, и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни [вол твой, ни осел твой, ни всякий] скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его (Исх. 20, 8-11).

А тридцать первая глава книги Исход говорила еще решительнее: *И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым так: субботы Мои соблюдайте, ибо это – знамение между Мною и вами в роды ваши, дабы вы знали, что Я Господь, освящающий вас; и соблюдайте субботу, ибо она свята для вас: кто осквернит ее, тот да будет предан смерти; кто станет в оную делать дело, та душа должна быть истреблена из среды народа своего; шесть дней пусть делают дела, а в седьмой – суббота покоя, посвященная Господу: всякий, кто делает дело в день субботний, да будет предан смерти (Исх. 31, 12–15).*

На основании этих прямых и решительных требований Закона Моисеева еврею запрещено было в субботу всякое дело: нельзя было ни развести огня, ни сварить пищи; даже передвижение ограничено было мерою 2400 шагов. Постановления эти поддерживались с неумолимой строгостью, и требование книги Исход о казни за осквернение субботы исполнялось буквально.

В книге Числа мы читаем такой эпизод.

Когда сыны Израилевы были в пустыне, нашли человека, собиравшего дрова в день субботы; и привели его нашедшие его собирающим дрова [в день субботы] к Моисею и Аарону и ко всему обществу [сынов Израилевых]; и посадили его под стражу, потому что не было еще определено, что должно с ним сделать. И сказал Господь Моисею: должен умереть человек сей; пусть побьет его камнями все общество вне стана. И вывело его все общество вон из стана, и, побили его камнями, и он умер (Чис. 15, 32–36).

Еще более поразительный случай рассказывается в первой книге Маккавеев. Во время восстания Маттафии отряд возмутившихся иудеев, ревнителей отеческого закона, укрылся в горах, где в субботу и был настигнут войсками царя Антиоха. Когда те начали сражение, иудеи оказались совершенно беззащитными, ибо в субботу не хотели сражаться, *и они не отвечали им, ни даже камня не бросили на них, ни заградили тайных убежищ своих, и сказали: мы все умрем в невинности нашей; небо и земля свидетели за нас, что вы несправедливо губите нас. Нападали на них по субботам, и умерло их, и жен их, и детей их со скотом их, до тысячи душ* (1 Мак. 2, 36–38).

Так ревниво оберегался среди евреев покой субботнего дня! Правда, требования жизни мало-помалу брали свое, и чтобы не оказаться в безвыходном положении, подобно маккавейскому отряду, пришлось допустить много казуистических отступлений и обходов суббот-

него закона, но внешне он исполнялся очень строго. Врачебная практика также была запрещена в субботу, и, подводя под понятие врачевания чудесные исцеления больных Господом Иисусом Христом, фарисеи и эту деятельность считали недозволенной.

Когда однажды Господь исцелил в синагоге больную скорченную женщину, *начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать; в те и приходите исцеляться, а не в день субботний* (Лк. 13, 14). Жалкий буквоед, он не понимал той простой и очевидной истины, что если Богу неугодны были исцеления в субботу, то Он и не допустил бы силе Своей совершаться в них, ибо силой Божиею они были совершены.

Зная отношение Господа к вопросу о субботе, фарисеи, рассказывает евангелист Марк, *наблюдали за Ним, не исцелит ли его в субботу, чтобы обвинить Его.* А в синагоге, куда пришел Господь, находился в это время человек, имевший сухую руку. Пройти мимо него безучастно, не оказав никакой помощи, Господь не хотел, но Он видел озлобленные, подстерегающие взоры фарисеев и решил дать им урок.

Он же говорит человеку, имевшему иссохшую руку: стань на средину. А им говорит: должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти, или погубить? Но они молчали.

Что могли они ответить? Простой, ясный, мудрый вопрос Господа сразу обличал всю нелепость их позиции. В самом деле: что сказать? Сказать, что добро делать в субботу можно, это значило признать допустимыми и исцеления, а это производило уже коренную ломку в их взглядах и учении о субботе. Более того: это значило признать перед всем народом несправедливость злостных нашептываний и нападок на Иисуса и ошибочность собственных суждений. Профессиональное самомнение и гордость книжников допустить этого не могли. С другой стороны, сказать, что в субботу можно делать зло и оставить человека погибать без помощи, было до такой степени нелепо и так не вязалось со значением субботы как дня, посвященного Богу, что даже их отупевшая совесть и извращенный в своем фанатизме ум понимали это.

Кроме того, простой народ сердцем почувствовал бы всю фальшь и возмутительную жестокость такого ответа, а поколебать свой авторитет среди народа – это для фарисея было хуже всего.

Они молчали. И, воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их, говорит тому человеку: протяни руку твою. Он протянул, и стала рука его здорова, как другая.

Господь примером доказал, что в субботу делать добро можно.

В этом эпизоде яснее, чем где-либо, фарисеи выявили свое сухо-формальное отношение к религиозным установлениям. По их понятиям, действительно, человек был ради субботы, а не суббота человека ради. Пусть человек гибнет, пусть он упустит, быть может, единственную для него возможность получить исцеление от Великого Пророка, но закон о субботнем покое должен быть соблюден. Такова их точка зрения.

Но Господь, как всегда, верен Себе. У Него и здесь на первом плане вопрос о человеке, и если для его спасения надо нарушить закон о субботе в его буквальном понимании, Он не колеблется это сделать.

Описанное столкновение Господа с фарисеями ставит перед нами очень важный вопрос: как в самом деле, по христианскому учению, следует проводить праздники и относиться к ним? Чему в этом случае учит пример Христа?

Что Господь праздники не отрицал, видно из того, что каждый год для празднования Пасхи Он ходил в Иерусалим, как этого требовал установившийся обычай, и даже перед самой Своею смертью, уже предчувствуя ее близость, Он нашел нужным совершить с учениками Своими Пасху по принятому еврейскому ритуалу. Не отрицал Он, конечно, и субботы как особого дня, посвященного Богу, ибо соблюдение субботы требовала прямая запо-

ведь Божия, а заповеди эти Он исполнял строго, говоря о них так: *доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все* (Мф. 5, 18). Если Ветхий Завет вообще Он считал нужным для человека, как это мы видели раньше, то краеугольный камень этого завета, Синайское законодательство, Он считал безусловно необходимой основой жизни, неизменной до последней йоты как закон воли Божией.

В христианстве суббота уже во времена апостолов была заменена воскресным днем. В книге Деяний (гл. 20, ст. 7) мы читаем, что христиане для совершения таинства причащения собирались в первый день недели, то есть в день, следующий непосредственно за субботой, ибо субботой заканчивалась еврейская неделя. Другими словами, это было богослужение воскресного дня. Особенное значение этого дня отмечает также апостол Павел, говору о сборе милостыни (1 Кор. 16, 2). Лаодикийский Собор христианской Церкви уже определенно заменяет празднование субботы воскресным днем.

«Не подобает христианам иудействовати, – говорит его 29-е правило, – и в субботу праздновати, но делати им в сей день, а день воскресный преимущественно праздновати, аще могут, яко христианам». Причина этой замены вполне понятна: в первый день недели воскрес Господь наш Иисус Христос, и воспоминание этого события, самого важного в христианстве, придает и самому дню, с которыми оно связано, выдающееся значение. Поэтому требование четвертой заповеди о праздновании седьмого дня недели в новозаветном христианстве относится к дню воскресному.

Итак, мы имеем определенную Заповедь Божию о почитании праздников. Так как все заповеди даны Господом для блага самого человека, то, очевидно, и эта заповедь для людей полезна и необходима. Она так же важна и так же нужна, как и все остальные заповеди, ибо в ней выражается та же воля Божия, как и во всем Синайском законе. И однако нет, кажется, другой заповеди, которую мы нарушали бы так легко и так часто, как четвертую. По всей вероятности, это происходит оттого, что вредные последствия нарушения чествования праздников для нас не так очевидны, как вред от нарушения других заповедей. Убийство, кража, клевета – это явное зло, для всех понятное. Но будничная работа в праздник, разгул, занятия, не соответствующие значению Божьего дня, – кому от этого какой вред? Не наоборот ли? Труд ведь всегда полезен, и потому всякая работа, хотя бы и в праздник, вполне допустима. Так думают многие. И однако нарушение праздников есть несомненное зло, иначе Господь, вечно пекущийся о благе человека, не оградил бы их почитания особою заповедью.

Зачем же нужны праздники?

Однажды мне пришлось говорить с молодым английским студентом о том, почему так строго соблюдается воскресный день в Англии. «Знаете что, сэр, – сказал он, – как бы там ни было, но необходимо хотя бы один день в неделю иметь для лучших дум!..»

Эту же мысль подробнее раскрывает преосвященный Филарет, митрополит Московский: «Праздник – это благочестивое созерцание, в котором дух отдыхает от труда плоти и собирает силы для работных дней жизни». В самом деле, в течение недели мы, как в котле, кипим среди будничных забот и волнений, живем, как на базаре, где крикливая суета жизни заглушает все. Душа, как удушливым туманом, окутана назойливыми мыслями о житейских нуждах и дрязгах, о наживе, о карьере, об удовольствиях, о чем угодно, только не о Боге; и осадок этих дум, как копоть, как плесень, заволакивает душу, делая ум нечистым и сердце черствым. В душе копится слой нравственной грязи, и эту грязь необходимо время от времени очищать, чтобы не покрыться плотной коростой греха, под которой сейчас же начинается гниение и разложение духовных сил. В русском народе есть обычай по субботам каждую неделю ходить в баню. Так и душа нуждается в периодических своего рода нравственных омовениях. Такими омовениями для души и должны служить праздники.

Праздники – это душ для души. «День седьмой – Господу Богу твоему», – говорит заповедь. Долой все будничные заботы, серые мысли, грязные желаньица, ноющую зависть, недоброжелательность! На один день отдайте душу лучшим думам – думам о Боге, о любви, о вечности, о светлом мире Ангелов и святых, о бессмертии будущего (чтобы вам самим стать лучше, чище, добрее). Стряхните с себя пыль житейской суеты, ибо *благословил Бог седьмой день, и освятил его* (Быт. 2, 3). Подумайте хоть в этот день о душе, иначе вам грозит опасность, что дума о теле превратится для вас в суть жизни.

В этом главное значение праздника. Это – день очищения, и этого требует гигиена души.

Для человека немощного, мирского трудно жить постоянным устремлением к Богу. Это требует непрерывных усилий и хорошо дисциплинированной воли, ибо житейские мелочи постоянно стремятся овладеть сознанием и вытеснить оттуда всякую мысль о Боге. Бороться с этим напором постоянно, каждую минуту, не отступая ни на шаг, часто не под силу обыкновенному человеку, не искушенному в духовной борьбе. Церковь это знает и потому, оставляя в распоряжении человека для его житейских дел шесть дней в неделю, требует от него лишь один день особых усилий, чтобы ему вырваться из будничной сутолоки и напряжением духа хотя бы ненадолго подняться на очищающую и освящающую высоту. Это мудрая педагогика. Когда разумный воспитатель обучает своих питомцев гимнастике, он всегда на первых порах сильное напряжение чередует с продолжительными периодами отдыха: иначе легко надорваться. Так и в духовном воспитании: подъем духовных сил в день праздника сменяется длительным духовным ослаблением будней и потому легко выдерживается даже слабым, начинающим христианином. Так мало-помалу воспитывается и укрепляется душа. Прежде чем бегать, надо научиться ходить.

Таким образом, установление особых праздничных дней, прерывающих течение будней, имеет духовно-воспитательное значение.

Трудно вообразить, что представляла бы собой жизнь без праздников. Несомненно, нечто очень унылое, безрадостное. Случалось ли вам видеть фабричные города, где некоторые улицы сплошь состоят из фабрик и заводов? Более неприглядной картины, чем эти улицы, нельзя и вообразить. Серые, пыльные мостовые; грязно-красные бесконечно-монотонные корпуса, как коробки, без архитектурных украшений, без узоров, без стиля, с рядами однообразных окон, затянутых мелким переплетом рам; бесконечная вереница длинных голых труб, вытянувшихся к небу, как жерла пушек, и извергающих из своих пастей тучи едкого дыма и копоти. Чистого, ясного, лазурного неба не видно: оно все заплевано, загажено этими трубами и покрыто их серым дымом, как пылью. Нигде ни одного яркого, красочного пятна, которое оживило бы эту монотонную жуть. Все серо, убого, убийственно скучно. Везде грязь, копоть, от которых никуда не спрячешься.

Таковы должны быть впечатления жизни, состоящей из одних будней без праздников. Но душа не переносит этого удручающего однообразия: она требует ярких, цветочных пятен, горящего солнца, смеющегося неба, песни жаворонка, радости жизни. Все это дает праздник. При религиозном, христианском отношении к нему он приносит столько радости, столько чистых восторгов, что жаль становится тех людей, которые не получили церковного воспитания и никогда не переживали этого святого подъема праздничного настроения. Даже будни после праздника становятся как-то содержательнее, осмысленнее и потому интереснее.

Часто люди, привязанные к земле и думающие только о земном, говорят, что праздники понижают продуктивность народного труда, что праздничное время тратится непроизводительно и что лучше было бы использовать его для работы, ибо тогда люди были бы обеспеченнее и жили богаче. Но не говоря уже о том, что «не хлебом единым жив будет человек» и что цель жизни не в богатстве, а в развитии духа, чему содействуют христи-

анские праздники, оказывается, что праздники не уменьшают, а, наоборот, повышают производительность физического труда и, следовательно, способствуют накоплению материальных ценностей. Есть специальная книга заграничного ученого Нимейера, посвященная этому вопросу и озаглавленная «О покое воскресного дня». В этой книге на основании статистических данных доказывается одна очень простая мысль: человеческая рабочая энергия изнашивается чрезвычайно быстро и нуждается для своего восстановления в определенных периодах отдыха; в противном случае качество и напряженность работы понижаются, так что время, выигранное от отмены праздничного отдыха, пропадает почти безрезультатно и общей продуктивности труда не увеличивает.

Кроме того, классическим опровержением указанного возражения служит самая богатая из европейских стран – Англия. Нигде так строго не соблюдается покой воскресного дня, как здесь. Если когда-нибудь вам придется быть в будний день в центральной части Лондона, так называемом Сити, то вы будете ошеломлены тем бешено-шумным потоком жизни, который мчится по главным улицам. Движением заполнены все тротуары, по которым бесконечной лентой струится густая толпа озабоченно-деловых людей; сплошной массой по асфальтовой мостовой несутся экипажи разных родов – кэбы, автомобили, ручные тележки, элегантные фаэтоны, грузные автобусы и т. д.; под землей тоже лихорадочное движение: там, на глубине шести сажен, по особым подземным коридорам-трубам со страшной быстротой бегут электрические поезда; поезда так называемого метрополитена то ныряют под землю, то взбегают на высокие эстакады и грохочут над вашей головой… Все это создает впечатление настоящего столпотворения.

Но придите сюда в воскресный день, и вы будете поражены совершенно иной картиной. Все тихо. Витрины магазинов, многочисленные конторы, банки – все закрыто. Улицы точно вымерли. Не видно почти ни души. Редко-редко покажется прохожий, идущий куда-то быстрыми шагами, как будто конфузясь своего одиночества и необходимости, заставившей его нарушить традицию. В пустых коридорах улиц одинокие шаги раздаются странно звонко и отчетливо. Прошел – и снова все замолкло. Только бобби, эти великолепные лондонские полисмены, как изваяния, неподвижно стоят на своих постах, оттеняя еще более неподвижность картины. Все население после церковной службы проводит время дома – или у рояля, под аккомпанемент которого поются священные гимны, или в беседе с приятелями у камина. Так Англия проводит воскресенье. К этому следует еще прибавить, что уже в субботу с 12 часов дня занятия повсюду прекращаются, и тем не менее Англия – самая богатая и самая промышленная страна в Европе.

Итак, праздники нисколько не уменьшают производительности народного труда. Но, конечно, для того, чтобы они приносили действительную пользу человеку, очищая и возвышая душу, для этого необходимо проводить их должным образом. У нас, к сожалению, праздник обыкновенно означает только усиление житейской суеты. Гости, концерты, вечера, балы, театры, посиделки, карты, выпивка – все роды развлечений, часто грубых, часто безнравственных – все это намеренно пригоняется к празднику: в будни некогда. Понятно, что проводить праздник таким образом вовсе не означает посвящать его Богу или отдыхать. В результате получается лишь утомление, какой-то мутный осадок, душевное отупение. Можно прямо сказать, что гораздо лучше работать, чем наполнять время этой суетой, отравляющей душу.

Как же следует проводить праздники по-христиански?

Посмотрите на пример Господа Иисуса Христа. Что Он делает в субботу, то есть в праздник?

У евангелиста Луки есть такое замечание: *и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу* (Лк. 4, 16).

Вот что было праздничным обыкновением Иисуса Христа: Он шел в синагогу, то есть в молитвенный дом. У нас синагоги заменены храмами, и, следовательно, наша первая обязанность – посещение храма.

Действительно, храм Божий и общественное богослужение являются могущественным средством духовного воспитания, просветления, очищения. «Действие Божественной литургии велико… – пишет Гоголь. – Если только молящийся благоговейно и прилежно следит за всяким действием, душа его приобретает высокое настроение, заповеди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христово благо и бремя легко». «Люблю я молиться в храме Божием, – говорит о. Иоанн Кронштадтский, – особенно в святом алтаре, у престола или у жертвенника Божия, ибо чудно изменяюсь я в храме благодатию Божиею; в молитве покаяния и умиления спадают с души моей терния, узы страстей, и мне становится так легко… я оживаю в Боге и для Бога… я делаюсь как дитя, утешаемое на коленях матери; сердце мое тогда полно пренебесного сладкого мира… ко всем чувствуешь дружество и любовь, к самим врагам, и охотно их извиняешь и прощаешь».

Храм внушает мысль о Боге и стремление к Нему. Даже внешний вид его: эти позолоченные главы, похожие на горящие свечи с остроконечным языком пламени, взвившемся к небу, зовут оторваться от земли туда, в высь, в бесконечное. А богослужение и поучает, предлагая вниманию молящихся все содержание христианства в ряде глубоких символических образов, и утешает, и смягчает, и возвышает. Вот небольшой отрывок из письма пятнадцатилетней девочки, передающий впечатления юной души под действием богослужения: «Я пою Тебе чудную песню, Тебе, Высокому, Светлому, посылающему в душу мою веяние неземного блаженства… Ярко играют солнечные лучи, светлые и радостные на голубых сводах храма. Нежно реет в вышине белый голубок и колышется в прозрачных струях ладана. Мягкие, легкие струи незаметно поднимаются кверху. Смеющиеся солнечные лучи прорезают их и падают на полукруглые своды… Как прекрасен этот яркий день! Как ясно голубое небо! Как радостно-звонко поют хвалу Тебе молодые, красивые голоса! Как дивно здесь, в Твоем храме! Как горят все сердца чистою любовью к Тебе!.. Весь мир – великий храм Твой, и все в этом храме прекрасное и светлое, и все поет Тебе песнь звенящую и прекрасную, звучащую восторгом и нежною любовию: мы любим, любим Тебя, о, Светлый, Высокий, Прекрасный!..

Тихо входим мы в полутемный храм и благоговейно преклоняем колени пред таинственным алтарем Твоим. Неслышно летит вверх, к полутемным сводам первая молитва трепещущих сердец, горящих беспредельной любовью к Богу. Ровным светом теплятся впереди свечи. Плавно льются давно знакомые, дорогие сердцу напевы… И из самой глубины взволнованной души несется к Нему, распятому нами, страдающему за нас, любящему нас, горячая и чистая молитва: „Боже, Боже! Видишь Ты наше горе, видишь Ты тьму, в которой мы живем, видишь, как рвутся души наши к свету Твоему!.. Из горячих, любящих сердец несется к Тебе пламенная чистая молитва за тех, которые не знают этого блаженства молиться Тебе, за тех, в душах которых нет ни искры великой любви Твоей, согревающей и просвещающей сердца всех! О, они не знают, какое блаженство чувствовать Тебя в сердце своем, какое блаженство в любви к Тебе, как легко и радостно прощать все обиды людям во имя Твое! О, Тебе, Великому, Милосердному, молимся мы: дай им хоть на минуту понять Тебя, дай им хоть мгновение возрожденным и очищенным от житейской грязи сердцем помолиться Тебе, дай им в сердцах своих ощутить светлую и прекрасную любовь к людям! Пробуди в душах их все хорошее, чистое, что исчезло под грязью жизни и что и сейчас еще спит глубоким сном в их сердцах!“»

Таковы впечатления чистого детского сердца от православного богослужения, и так возвышенно настраивает храм!

Недаром древние христиане так ценили праздничное общественное богослужение и так стремились к нему, что даже опасность смерти их не останавливала.

Из истории Церкви известен такой случай.

В царствование византийского императора Валента одно время свирепствовало тяжелое гонение на православных христиан. Особым эдиктом запрещалось посещение православных храмов. Запрещение это сопровождалось угрозой, что все, явившиеся к богослужению, будут избиты в самом храме. Исполнение эдикта поручено было городскому префекту. Рано утром, когда, по сведениям префекта, должно было начаться православное богослужение, он отправился к храму в сопровождении вооруженного отряда. Он рассчитывал, что императорский эдикт так напугает христиан, что никто не посмеет прийти в церковь. Каково же было его удивление, когда он заметил, что улицы, прилегавшие к храму, были полны христианами, стремившимися к Литургии. Особенно поразило его, когда он заметил выходящую из одного дома молодую женщину-христианку с ребенком на руках.

– Слушай, – сказал он, – куда ты идешь?

– В церковь, отвечала она.

– Но ведь ты знаешь эдикт?

– Да, знаю, – спокойно промолвила она.

– И ты не боишься смерти?

– О, – сказала она, и ее глаза засияли восторгом, – я с радостью умру за Христа!.. Смотри: все идут… Неужели я могу пропустить такой случай – пострадать за Господа…

– Но пожалей хоть ребенка… Зачем его взяла?

– Я хочу, чтобы и он разделил мое счастье… Он достаточно велик, чтобы исповедать имя Господа Иисуса Христа.

Префект был смущен, взволнован, потрясен. Эдикт императора не был исполнен.

Так дорожили христиане храмом и богослужением. Понимая все значение богослужения для христианского воспитания, VI Вселенский Собор издал даже следующее строгое правило о праздниках: «Аще кто, не имея никакой настоятельной нужды, или препятствия… в три воскресные дни в продолжение трех седмиц, не приидет в церковное собрание, то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет удален от общения».

Таким образом, посещение храма является первой обязанностью христианина в праздник.

Вторая обязанность благотворение. Этому также учит пример Господа, исцелившего сухорукого в субботу и тем показавшего, что в субботу должно добро делать.

Наконец, все роды богоугодных занятий – домашняя молитва, чтение душеполезных книг, религиозные беседы и т. д. – наиболее приличествуют празднику, ибо этим и освящается праздничный день, как того требует заповедь:

Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему (Исх. 20, 8–9).

Глава 3, ст. 7-19

В данном отрывке рассказывается о избрании двенадцати апостолов.

Слава Господа Иисуса Христа все росла. Его дивные дела, Его слово, проникнутое духом и силою, обаяние Его личности, полной кротости и милосердия, – все это возбуждало внимание, любопытство и восторг народа. Со всех сторон стекались к Нему толпы желающих послушать Его учение или получить исцеление. Это был период Его растущей популярности. *За Ним последовало множество народа из Галилеи, Иудеи, Иерусалима, Идумеи и из-за Иордана. И живущие в окрестностях Тира и Сидона, услышав, что Он делал, шли к Нему в великом множестве.* Среди них было много больных, которые бросались к Нему, чтобы

коснуться Его. Удовлетворить всю эту многотысячную толпу, насытить ее жажду проповеди, исцелить всех больных, нуждавшихся в помощи, одному было совершенно невозможно. Наступало время, когда проповеданное Господом Царство Божие начинало расширяться и выходить из рамок небольшого кружка ближайших Его учеников, когда число желавших слышать об этом Царстве или вступить в него становилось настолько велико, что для работы с ними требовались помощники. Наступало время заложить фундамент для постройки здания этого Царства. Господь это и делает, избирая двенадцать апостолов в качестве ближайших Своих сотрудников, которые должны были образовать первый остов будущего Царства. *Он взошел на гору и позвал к Себе, кого Сам хотел; и пришли к Нему. И поставил из них двенадцать, чтобы с Ним были и чтобы посылать их на проповедь, и чтобы они имели власть исцелять от болезней и изгонять бесов.*

Быть с Ним было необходимо, ибо в этом заключался источник силы, без чего они были немощны и малодушны. Посылать на проповедь это был главный способ создания Царства Божия, и для этой цели апостолы и избирались. Иметь власть исцелять от болезней и изгонять бесов – в этом заключалось главное средство влияния на слушателей, еще не подготовленных к тому, чтобы оценить внутреннюю красоту будущего Царства и избрать его ради него самого и ради чистой любви к добру и к Богу.

Вот те цели, для которых избраны апостолы. Для апостольского служения нужны особые качества сердца, потому Господь избирает простых галилейских рыбаков, или, как говорит апостол Павел, *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом* (1 Кор. 1, 27–29).

Самомнение и гордость – великое препятствие в постройке Царства Божия, и хотя Господь использует для Своих целей иногда и сильных и талантливых, но такие люди особенно поддаются искушению самообольщения.

Апостолы исполнили свое назначение. Несмотря на многочисленные препятствия, несмотря на гонения, на казни, на преследования, несмотря на трудности путешествий и проповеди часто среди диких, варварских народов, они мужественно несли свет Евангельского учения везде, не останавливаясь ни перед чем. *В опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе* (2 Кор. 11, 26–27) проповедовали они Слово Божие. Они свято исполнили завет Господа – *проповедывали везде, при Господнем содействии и подкреплении слова последующими знамениями* (Мк. 16, 20). С великим терпением и настойчивостью, с великим мужеством и самоотвержением, с великой любовью к людям строили они Царство Божие, царство добра и правды. Их усилиями переродился мир, отбросив язычество, полное жестокости и эгоизма, и приняв учение Христа о любви и самоотречении. Это царство строится еще и теперь.

Апостолов уже давно нет в живых, но их преемники-пастыри и учители Церкви попрежнему по мере сил и усердия трудятся над созиданием Царства Божия на том евангельском фундаменте, который заложил Господь. Когда закончится эта постройка, мы не знаем, но мы верим, что рано или поздно настанет это царство яркое, светлое, прекрасное царство добра, правды, святости и чистоты, когда *будет Бог всяческая во всех.*

Как должны мы к этому относиться – к апостольскому делу постройки? Можем ли мы удовлетвориться тем, что для этого дела Господом избраны только некоторые, особые люди, что нашего участия в работе, следовательно, не требуется, и потому мы можем оставаться лишь спокойными зрителями?

На этот вопрос существуют два ответа. Один гласит, что мы все должны взять на себя долю участия в апостольской работе, стать с ними вровень и делать то же, что и они, то есть учить, проповедовать, изъяснять Слово Божие.

Это взгляд сектантов.

Другой ответ дает обыкновенная жизнь обыкновенных людей.

«Это не наше дело, – говорят они, и этого мнения, к сожалению, держится громадное большинство современных христиан. – Это дело священников, проповедников. Наша хата с краю!»

Оба ответа неверны. Делать чисто апостольское дело, то есть учить, проповедовать Слово Божие, могут и имеют право далеко не все. Недаром из громадного числа своих последователей Господь Иисус Христос избирает только двенадцать, а позднее присоединяет к ним еще семьдесят. Господь *поставил одних апостолами*, – пишет апостол Павел, – *других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры… в меру полного возраста Христова* (Еф.4, 11–13).

Все ли апостолы? – восклицает он же. – *Все ли пророки? Все ли учители? Все ли чудотворцы? Все лиимеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Всели истолкователи?* (1 Кор. 12, 29–30). И в другом месте отвечает: *никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон* (Евр. 5, 4). Таким образом, апостольское дело учения, проповеди, сообщения даров благодати могут делать только призванные.

С другой стороны, совершенно несправедливо и то мнение, будто мы можем совершенно отказаться от участия в постройке Царства Божия и будто это дело только тех людей, которые для этого специально поставлены. Обращаясь ко всем верующим, апостол Петр пишет: *Приступая к Нему* (Господу Иисусу Христу), *камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом* (1 Пет. 2, 4–5). Все мы – живые камни, из которых строится великолепное здание Царства Божия, все призваны к участию в этом Царстве и все, следовательно, ответственны за эту постройку, все должны работать. Никто не смеет отказываться, но участие наше в этой работе различно. *Как в одном теле,* – говорит апостол Павел, – *у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены. И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, – в учении; у вещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием. Любовь да будет непритворна…* (Рим. 12, 4–9).

Другими словами, каждый из нас обязан работать для созидания Царства Божия на том месте и в том служении, где он поставлен Богом. Участие в этой общей работе обязательно для каждого, но не обязательно, чтобы это участие проявлялось непременно в форме апостольского служения. Делай, что можешь, где можешь и как можешь. Лишь бы это было с любовью.

Чтобы для нас убедительнее стала мысль о необходимости и обязательности общей работы на пользу общего дела, для этого надо отчетливее выяснить для себя, как понимали апостолы взаимные отношения верующих. Для них все общество последователей Иисуса Христа, или Церковь, и представляет одно тело, в котором глава – Христос, а мы все – различные члены. Это – не аллегория, не уподобление только, не образ наглядного выражения, но нечто гораздо большее: это – мистическое проникновение в самую суть вещей. Мы действительно составляем одно тело, или один организм. Это можно представить лишь в воображении, но понять и объяснить во всех подробностях нельзя. *Тайна сия велика; я говорю по*

отношению ко Христу и к Церкви, – замечает апостол (Еф. 5, 32). Уже в вышеприведенном тексте апостол Павел дает эту мысль об обществе верующих как об одном теле. Гораздо подробнее он выясняет это в Послании к Коринфянам, и здесь слова его так определенны и дают такую захватывающую, глубоко мистическую картину внутренних отношений в Церкви, что на них следует остановиться со всем вниманием.

Как тело одно, – пишет он, – *но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения… Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы – тело Христово, а порознь – члены* (1 Кор. 12, 12–27).

Эти слова апостола Павла следовало бы огненными буквами запечатлеть в сердце каждого христианина. Становится понятным, до какой степени тесно мы все связаны друг с другом, насколько зависим друг от друга и как отвечаем все друг за друга и за благосостояние всего тела. *Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены.* Это закон христианской ответственности. Если заражен один член, то зараза неизбежно передается другим и всему телу. Если согрешил один человек, то зараза греха в большей или меньшей дозе неизбежно переходит на весь организм – общество.

Поэтому я не смею грешить не только потому, что это губит меня лично, но еще более потому, что это заражает и губит других. С другой стороны, если я вижу согрешающего брата, я не могу оставаться равнодушным, потому что этот грех в той или другой форме дойдет и до меня.

Иногда нам кажется, что наши грехи проходят бесследно и никому не приносят вреда. Это – иллюзия, самообман. Где-нибудь когда-нибудь так или иначе последствия греха скажутся. «Жизнь, как океан, – говорит один из наших писателей, – всюду незримая связь: в одном конце тронул, в другом отдается. Вот ты прошел мимо ребенка. Ты, может быть, и не заметил его; но образ твой нечестивый уже отпечатлелся в детском сердечке и рано или поздно в чем-нибудь отразится: в мыслях, или в поступках, или в словах».

В чем же должна состоять наша обязательность по отношению к обществу ввиду этой ответственности?

Косвенный ответ на этот вопрос дает тот же апостол Павел.

Из Христа *все тело*, – пишет он, – *составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви* (Еф. 4, 16).

Это значит, во-первых, что кроме непосредственного исполнения тех обязанностей, которые возложены на меня Богом, я должен заботиться об укреплении взаимных связей между членами общества. Во-вторых, свое собственное дело я должен делать в духе любви так, чтобы оно содействовало усилению связи между мною и другими членами. Если каждый в своей деятельности подчиняется этим правилам, то общество созидается и растет

в духе любви, приобретает прочность и процветает. Наоборот, при нарушении этих правил оно разлагается.

Каждое дело можно делать различно. Можно его делать или как долг служения ближним, заботясь больше об их пользе, чем о своих выгодах; тогда оно крепче связывает людей служащих и пользующихся служением и является средством укрепления, развития, процветания общества, силой творческой и жизненной. Или можно делать его с чисто эгоистическим расчетом, выжать из него как можно больше пользы лично для себя, нисколько не думая о благе других, и тогда оно не только ослабляет, расшатывает и вконец разрывает взаимные привязанности людей, но вносит в их отношения нечто совершенно противоположное: охлаждение, озлобление, взаимное отталкивание. Это процесс гниения, распада, смерти. Гниение в том и состоит, что отдельные частицы гниющего тела теряют силу взаимного притяжения или сцепления и распадаются. Так в физическом мире, так и в человеческом обществе.

Допустим, я крестьянин. Я могу свое крестьянское дело делать или в духе самого узкого себялюбия: хватать за горло всякого, кто посмеет посягнуть на мою собственность или мои права, сквалыжничать на сходках, с пеной у рта ругаться за каждый вершок покоса, воровать у соседей дрова, рычать на каждого, кто обратится ко мне с нуждой, и т. п. – и тогда я являюсь элементом гниения, элементом общественно вредным. Или же могу уступать в земельных спорах, избегать ссор, помогать нуждающимся чем могу – своей работой, орудиями, продуктами, уделять часть своих достатков беспомощным и бедным и т. д. – и тогда я исполняю Заповедь Божию и являюсь элементом жизненным, созидательным, элементом общественно полезным.

Эгоизм, себялюбие – всегда сила распада, гниения, и это разлагающее действие эгоизма проявляется при всяких условиях. Напрасно говорят, что общество не может быть построено на евангельских началах самоотречения и что наилучшее разрешение задачи, которого только можно желать, здесь заключается лишь в том, чтобы личный эгоизм каждого члена ввести в законные рамки так, чтобы он не сталкивался с эгоизмом соседа или, во всяком случае, знал свои пределы. Точно и ясно определить права и обязанности всех и каждого, не обижая никого, – вот все, что нужно для общественного процветания.

Такая постановка вопроса в корне неверна. Не говоря уже о том, что точно определить обязанности и права, «не обижая никого», совершенно невозможно, ибо при эгоистическом отношении к жизни обиженные и недовольные всегда найдутся, но самое главное возражение состоит здесь в том, что никакими средствами невозможно запихнуть личный эгоизм в законные, юридические рамки: он всегда будет стараться из них вылезти и расшириться за счет соседа и в конце концов найдет для этого средство или лазейку. Отчего разлагаются современные капиталистические общества, несмотря на точную регламентацию прав и обязанностей? Оттого, что они построены на грубо-эгоистической основе, но и всякое другое общество, которое явится на смену, неизбежно подвергнется тому же закону гниения, если останется на той же основе себялюбия и эгоизма.

Итак, наше участие в апостольском деле постройки Царствия Божия должно заключаться прежде всего в том, чтобы каждое дело делать во имя Господа Иисуса Христа, в духе евангельской любви и самопожертвования.

Но, кроме этого, на нас лежит также задача всеми зависящими от нас средствами укреплять взаимные связи между людьми, содействуя по мере сил развитию религиозной веры, любви, дружбы, доверия и борясь с явлениями противоположными. Таким образом, если я проповедую неверие, вражду, насилие, натравливаю людей друг на друга, клевещу, осуждаю, распуская лживые слухи о людях, сею раздоры, подозрительность – всем этим я вношу разложение в общество и тем если не останавливаю роста Царства Божия (ибо по неизъяснимым Законам Божиим оно растет при всяких условиях), то, во всяком случае, отвлекаю многих от участия в нем. Если же я распространяю истинную веру, проповедуя любовь

и братство, всепрощение и самоотречение, говорю о людях хорошо, благотворю и помогаю нуждающимся, борюсь с клеветой и ложью, примиряю враждующих, то этим я укрепляю общество и взаимные связи его членов и содействую развитию и расширению Царства Божия.

К сожалению, эта обязанность громадным большинством современных христиан не сознается. Даже лучшие из нас обыкновенно довольствуются тем, что кое-как следят за собою, за своими настроениями и поступками, но о нравственном состоянии ближних, об улучшении их взаимных отношений вряд ли кто думает. Какое мне дело до другого? Он сам отвечает за себя! Разве я сторож брату моему? Этот жесткий вопрос Каина если и не произносится открыто, устами, то слышится в каждом эгоистическом сердце. Равнодушие к ближнему, ужасающее, тупое равнодушие – это наш общий грех.

Помните: вопиющая, возмутительная несправедливость совершена была на ваших глазах. Самым грубым, циничным образом нарушены были основные правила справедливости. Как всегда, страдал слабый, беспомощный от сильного, наглого. Вступились ли вы за обиженного? Защитили ли? Помогли ли ему? Посочувствовали ли, по крайней мере? Или… прошли равнодушно мимо? – Какое мне дело? Разве я сторож брату моему?

Вот случай вас свел с падшей женщиной. Погибшая человеческая душа смотрела на вас из этих подведенных, утомленных глаз. Бесстыдная улыбка змеилась на крашеных губах. В этом создании был поруган дивный образ Божий. Постарались ли вы разбудить уснувшую во грехе душу? Сделали ли попытку вытащить из грязи несчастное творение Божие? Или брезгливо посторонились с видом праведника, гордого своим превосходством? Разве я сторож брату моему?

Больной, посиневший от холода старик стоял перед вами, протягивая дрожащую руку за подаянием. Как вы отнеслись к нему? Помогли ли? Оказали ли милость и участие? Или остались холодны, равнодушны? – Не мое дело! Разве я сторож брату моему?

Злобная, ядовитая сплетня была рассказана в вашем присутствии. Оплевана была честь ваших знакомых. Их доброе имя трепали в грязи. Вы знали, что в этой сплетне все, от первого до последнего слова, – ложь. Но хватило ли у вас мужества заявить об этом? Остановили ли вы клеветника суровым упреком? Восстановили ли правду и поруганную честь ближнего? Или выслушали с затаенным злорадством, хихикая с веселым обществом? Или, может быть, просто промолчали? – Какое мне дело? Разве я сторож брату моему?

Мы все думаем только о себе; вопрос о ближнем нас не интересует, и в результате нравственное зло, как зараза, как гангрена, распространяется все шире и шире, захватывая все новые жертвы. И в этом виноваты все мы. Что мы делаем, чтобы остановить порок? Употребляем ли какие-нибудь усилия, чтобы спасти погибающих братьев?

Мало видно этих усилий. Повсюду черствость, равнодушие. Но черствость всегда вызывает озлобление, а порок, к которому мы так позорно равнодушны, так или иначе обратится когда-нибудь на нашу голову.

Какие ужасные примеры наказания за равнодушие и черствое отношение к ближним дает история!

Один из последних дореволюционных королей Франции Людовик XV охотился в Версальском лесу, окруженный блестящей кавалькадой придворных. Печальная процессия попалась навстречу: на бедных дрогах – простой деревянный гроб, влекомый жалкой крестьянской клячей, в сопровождении группы плачущих людей.

– От чего умер покойный? – спросил король.

– От голода, – был ответ, и… король пришпорил лошадь. В ответе ему послышался неприятный намек на бедственное положение народа.

Волноваться из-за этого он не любил. Он любил покой и был равнодушен ко всему, кроме удовольствий. «После нас хоть потоп», говорил он. Но как жестоко в эпоху революции расплатились французские короли за это равнодушие!

Но если наши ближние ничего от нас не требуют, неужели самому идти к ним, навязываться с благотворительностью и участием? Ведь это назойливость и бестактность!

Да, нужна великая любовь, чтобы непрошеное участие не было грубым вторжением в чужую душу; нужна большая нежность и деликатность, чтобы это не было оскорбительно. Но тем не менее святые подвижники не ждали приглашений и сами шли туда, где нужна была их помощь.

В Египте жила когда-то продажная красавица Таисия. Имя прелестницы гремело по всей стране. Золото рекой лилось в ее распутный дом. Самые блестящие юноши были у ее ног. Слава, поклонение, успех, богатство, страсть опьяняли ее, и в этом угаре греха дремала душа молодой блудницы. Но Господь в Своем милосердии не оставил Свое падшее создание. Однажды был пир в ее доме. Гремела музыка. Воздух был полон благовонными курениями и опьяняющими ароматами Востока. Блестело на столах золото дорогих приборов. Избранные богачи Египта были гостями. В самый разгар пира какой-то таинственный незнакомец вызвал Таисию для секретных переговоров. Она увела его в свою спальню, и там незнакомый посетитель стал умолять ее за большую сумму денег дать ему одно свидание, но «только там», добавил он, «где не видели бы люди и Бог».

Рассмеялась гордая красавица.

– Такого места нет! – молвила она…

Незнакомец внезапно сбросил с себя пышные одежды, и Таисия узнала в нем великого подвижника пустыни – преподобного Пафнутия. Старец оставил свое уединение, чтобы спасти ее, павшую, оскверненную… Полилась горячая, за сердце хватающая речь, полная жалости и любви к погибающей. В ней был призыв к покаянию, угроза страшного конца, слышались слова надежды.

– Какой ответ дашь ты Богу?..

Дрогнула душа, растопилось сердце, проснулась дремавшая совесть.

Впервые мысль о Боге, о Его законе, о Его гневе ярким лучом пронзила сознание. Переворот был решительный и немедленный. Таисия собрала свои драгоценности, сожгла их на городской площади и ушла с Пафнутием в пустыню, и там среди жгучих Фиваидских песков, в строгом затворе, в молитве и слезах покаяния провела остаток своей жизни.

Старец спас погибавшую душу.

Другой великий святой – Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, садился каждый день у дверей храма, чтобы все могли к нему приходить. Здесь он раздавал нуждающимся милостыню, разбирал жалобы, давал советы. Если никто к нему не приходил, он сокрушался и говорил:

– Ничего ты ныне, смиренный Иоанн, не приобрел для себя!

Так святые сами искали случая сделать добро.

В заключение припомним слова о. Иоанна Кронштадтского из его дневника:

«Веруешь ли, что все христиане православные члены одного и того же тела и что поэтому мы все должны блюсти единение духа в союзе мира, должны беречь друг друга, заботиться друг о друге, помогать друг другу? Веруешь ли, что святые угодники также члены единого тела Христова, то есть Церкви, и наши братия, ходатайствующие пред Богом о нас на небе? Уважаешь ли всякого христианина, как члена Христова, как брата Его по человечеству? Любишь ли каждого, как самого себя, как свою плоть и кровь? Прощаешь ли великодушно обиды? Помогаешь ли в нужде, если сам имеешь достаток? Наставляешь ли невежду, обращаешь ли грешника от заблуждения пути его? Утешаешь ли печального? Все это вну-

шает тебе, обязывает тебя делать вера в Церковь Святую, Соборную и Апостольскую, и за все это обещана тебе великая награда от главы Церкви – Господа Иисуса Христа».

Глава 3, ст. 20-35

Настоящий отрывок из Евангелия начинается небольшим, но чрезвычайно характерным эпизодом, который бросает беглый свет на одну очень печальную сторону земной жизни Господа: на отношение к Нему Его ближайших родственников. Мы знаем, что путь Господа Иисуса Христа не был усеян розами. Это был тернистый, скорбный путь, где бесконечная благодать и милосердие постоянно натыкались на шипы человеческой неблагодарности и непонимания. Но 21-й стих 3 главы Евангелия от Марка, если в него вдуматься, звучит особенно грустно, ибо он вскрывает затаенный уголок жизни Спасителя, где скорбь незаметна для постороннего глаза и малодоступна даже для Его учеников, ибо ее тоскливых следов не найти на поверхности общественной деятельности Господа. Это скорбь, глубоко скрытая в тайниках сердца, где обыкновенно она чувствуется особенно тяжело.

Ближние Его пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя.

Подумайте, что это значит?

Народ, как всегда, стекается толпами к Господу, народ прославляет явившегося Великого Пророка, с услаждением слушает Его учение, а ближние Его, родственники, беспокоятся и идут взять Его, *ибо говорили, что Он вышел из себя,* говоря проще и точнее – «сошел с ума».

Сумасшедший! Как просто и легко объясняется все необыкновенное, выходящее из ряда вон, великое и чудесное, таинственное и загадочное в жизни Господа! Его страдальческая жизнь скитальца, не имеющего, где главу подклонить, Его разрыв с семьей, с духовными руководителями народа, с правящими партиями, с обычными понятиями еврейского общества; Его учение, высокое, вдохновенное, малодоступное для посредственности, – все объясняется понятным и простым словом «сумасшедший».

И заметьте: с обывательской точки зрения, эта догадка… внушающая подозрение и тревогу, звучит правдоподобно. В самом деле, разве не сумасшествие вести такую жизнь, какую ведет этот галилейский Пророк: уйти из дома, покинуть родных, отказаться от домашнего комфорта и уюта и вместо этого собрать вокруг себя кучку странных, незнакомых людей, слоняться с ними по селениям Палестины, не задерживаясь подолгу нигде, питаясь чем попало и проповедуя что-то непонятное и ни с чем несообразное. Он мог бы жить спокойно, не задевая никого, а вместо этого обличает могущественных фарисеев и саддукеев, раздражая их и подвергая себя страшной опасности их мести. Он мог бы иметь громкую, необыкновенную славу и пользоваться ею для своих видов, но Он как будто избегает этой славы и запрещает рассказывать о совершенных Им деяниях. Он мог бы получить громадную власть, стать царем или народным вождем – народ почти силой старается заставить Его сделать этот шаг и Он вместо этого предпочитает вести жизнь странствующего нищего.

Ну с чем все это сообразно? Разве это не сумасшествие? И какое дикое, необыкновенное учение, которое Он проповедует! Мы все привыкли если не думать о богатстве и роскоши, то, во всяком случае, заботиться о том, чтобы иметь пищу, одежду, сносное жилище. А Он… Послушайте, чего Он требует: *Не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?… не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6, 31, 34).

Мы все думаем, что можем и даже должны защищать свои права от наглых посягательств, иначе нам сядут на глею и будут нами помыкать. А Он говорит: *не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два* (Мф. 5, 39–41).

Мы все стараемся прожить свой век как можно легче, с наибольшим комфортом и наименьшим трудом и совершенно не понимаем, зачем надо себя стеснять, ограничивать свои потребности, брать на себя подвиг лишений и страданий, а Он учит: *Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7, 13–14).

Так или приблизительно так должны были думать многие из современников Господа Иисуса Христа, привыкшие к рутине жизни, установленной фарисеями и законниками; так, несомненно, думали и ближайшие Его родственники, которые понять и оценить всю глубину Его учения не могли, а подчиниться его авторитету и принять Его слова на веру не хотели. Находясь чаще других в Его присутствии весь подготовительный период Его служения, они, конечно, раньше других стали замечать в Нем эти признаки мнимой ненормальности: любовь к уединению, задумчивость, непонятные речи, странные выходки. Вот почему давно уже в их душу закралось страшное подозрение, перешедшее теперь в уверенность: «Он вышел из себя! Он не в своем уме!»

Мы можем далее представить себе картину тех отношений, которые создались в результате этой уверенности. Эти косые, недоверчивые взгляды, особая осторожность в словах, выбор выражений и тем для разговоров с плохо скрытым опасением не раздражать больного, постоянное, внимательно-назойливое наблюдение за поведением – как все это должно было волновать, огорчать и оскорблять! Непонимание среди самых близких людей особенно больно. Вы входите в комнату, где в сборе вся семья, и разговор сразу обрывается, наступает неловкая тишина, вы чувствуете, что говорили о вас, может быть, с осуждением, может быть, с сочувствием. Вы присаживаетесь к семейному очагу – от вас осторожно отодвигаются, не спуская с вас внимательных испытующих взоров. Вы садитесь за стол – за вашими руками тревожно наблюдают, и вы понимаете затаенную мысль и опасение: «Вдруг он запустит в кого-нибудь ножом или блюдом!» И нет никакой возможности убедить этих людей, что вы не сумасшедший, а совершенно нормальный человек, что ваших мыслей и речей просто не понимают или не дают себе труда в них вдуматься.

Это должно быть очень тяжело, и все это должен был пережить Господь Иисус Христос.

Об этой-то незаметной наружно, глубоко затаенной, волнующей и горькой трагедии и рассказывает 21-й стих.

Но еще более грубое, еще более едкое оскорбление приходится выслушать Господу Иисусу Христу от книжников и фарисеев.

Книжники, пришедшие из Иерусалима, говорили, что Он имеет в Себе веельзевула и что изгоняет бесов силою бесовского князя (ст. 22).

Иерусалимские книжники славились своею ученостью и их слово было очень влиятельно в народе. Пользуясь этим влиянием, чтобы разрушить обаяние личности и чудес необыкновенного Галилейского Пророка, они возводят на Него еще более тяжелое и чудовищное обвинение, чем родственники: они объявляют Его одержимым духом нечистым.

Это высокое, вдохновенное учение, эти дивные притчи, полные неизъяснимой внутренней прелести, эти трогательные поучения и уроки нравственных отношений, это неумолимое бичевание лжи и искание истины – все это не что иное, как бесовское наваждение. Эта красота и благородство характера, милосердие, кротость, сострадание к немощным, горячая любовь к правде, безграничное самоотвержение – все это навеяно нечистым духом. Наконец, эти дивные дела, в которых так много любви к страждущему человеку и столько божественного могущества, – это дар бесовского князя, веельзевула.

Такое обвинение гораздо больнее и его перенести труднее, чем упрек в сумасшествии. Влияя на народ и возбуждая его подозрительность, оно препятствовало и задерживало раз-

витие самого дела Господа Иисуса Христа. Обвинение в сумасшествии было слишком очевидно нелепо для тех, кто слушал мудрые, хотя порой и загадочные речи Господа. Обвинение в одержимости злым духом могло быть принято с большею легкостью и оттолкнуть от Него многих последователей, ибо оно казалось правдоподобнее. Но этим обвинением не только тормозилось дорогое для Господа дело спасения человечества, но еще больнее затрагивалось Его отношение и любовь к Богу. Подозрение в сумасшествии могло быть оскорбительно для Него лично как человека. Обвинение, поднятое книжниками, было оскорбительно для Бога, действовавшего в Нем. *Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела* (Ин. 14, 10), – свидетельствовал о Себе Господь Иисус Христос. Он знал тайну Своего могущества, знал, что дела, творимые Им, творятся силою Бога, в этом видел доказательство Своего Божественного посланничества, которое должно было убедить людей поверить в Него (Ин. 10, 37–38), и вдруг силу, действующую в Нем, называют силой веельзевула, Бога, пребывающего в Нем, хотят заставить считать сатаною. Вся безграничная любовь Господа Иисуса Христа к Богу, любовь Сына к Отцу, должна была возмутиться. Вот почему так сурово отвечает Он клеветникам: *Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению. Сие сказал Он, потому что говорили: в Нем нечистый дух* (Мк. 3, 28–30).

У Матфея и Луки передача этих слов дает еще новый оттенок мысли: *если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем* (Мф. 12, 32; ср.: Лк. 12, 10).

Уже из этих слов видно было, как тяжело было Господу Иисусу Христу слышать клевету, выдвинутую против действовавшего в Нем Духа фарисеями, пытавшимися перед народом навлечь на Него подозрение в бесновании.

Но эту же участь – быть жертвой клеветы, непонимания, оскорблений всякого рода, преследований – Господь предсказал и всем Своим ученикам и последователям: *Ученик не выше учителя,* – говорит Он, – *и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его?* (Мф. 10, 24–25). *Если Меня гнали, будут гнать и вас* (Ин. 15, 20).

Итак, кто решится следовать за Господом Иисусом Христом и быть Ему верным, должен приготовиться: гонения, обиды, насмешки неизбежны.

Разве не глубокая, грустная правда в этом предостережении? Как ополчается мир на всякого, кто вздумает ему изменить и избрать новый путь евангельской любви и правды! *Если бы вы были от мира,* – подтверждает Господь, – *то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир* (Ин. 15, 19).

Еще сегодня вы принадлежите миру, живете его интересами и вкусами, поклоняетесь его кумирам – роскоши, богатству, славе, знатности, барахтаетесь в водовороте тщеславия, сладострастия, себялюбия и прочих страстей, носите, как все, маску лицемерных приличий, ведете так называемые остроумные и занимательные разговоры, полные скрытого цинизма и ядовитого осуждения, не смеете заикнуться о Боге, о вечной правде, о строгих законах добродетельной жизни, ибо говорить об этом считается смешным и скучным в приличном обществе, и все вами довольны. Вы можете быть душой общества, вас везде приветливо принимают, вас слушают с удовольствием, вам льстят, о вас отзываются хорошо, ваши плохо скрытые грешки охотно прощают или добродушно-снисходительно над ними подтрунивают. Вас все любят: вы человек свой. Но вот с вами произошла резкая перемена: вы стали серьезнее задумываться о жизни и о ее смысле; что-то неугомонное, неудовлетворенное проснулось в совести; давно забытые слова святых сказаний и притч откуда-то выплыли в сознании; явилась мысль о Боге и Его правде; вся крикливая суета и ничтожество светской жизни

резко выступили перед внутренним взором. Вы почувствовали, что в ней удовлетворения нет и найти его нельзя, и вы решили порвать с нею, с прежними привычками, со знакомыми и друзьями и, отказавшись от всего, идти за Христом. В вашей жизни произошел переворот… И посмотрите, как быстро и резко меняется отношение к вам мира. Со всех сторон раздается вой, шипение, свист, улюлюканье. Прежние друзья вас избегают, при встречах не узнают. Начинается травля… Толки, сплетни, разговоры…

– Вы слышали, что случилось с N? Перестал бывать в обществе, все забросил… Говорят, собирается в монахи…

– Бедняга!.. Что он с ума спятил? Знаете, я всегда замечал в нем некоторые странности… Жаль… А какой весельчак был! Да что за причина? Не был ли он влюблен неудачно?

– Нет, просто ханжа, святоша! Ну что он корчит из себя?! Лицемер!.. Такой же, как и все мы… Отлично знаем!..

И так далее. Но не бойтесь! Из-за этого шума не отказывайтесь от первого шага. Настоящей опасности в этом еще нет. Это только первое, сравнительно легкое испытание вашей воли и серьезности вашего решения. Вы должны это преодолеть, чтобы приобрести первый закал.

Не бойтесь! Это воет и улюлюкает в людях хор бесовской силы, которая лишается своего прежнего раба и поклонника и не хочет этого допустить. Она стращает вас, чтобы заставить отказаться от принятого намерения. Не обращайте внимания и помните, что, как правило, бесы всегда больше шумят и пугают, чем действительно вредят. Без попущения Божия они ничего не могут вам сделать.

Не бойтесь! Вы не один. Господь идет вам навстречу и протягивает руку. Положитесь на Него. *Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь* (Евр. 2, 18). Вы можете вполне на это рассчитывать, ибо вы слышали, какое дивное обетование дал Он Своим верным последователям: *кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и матерь* (Мк. 3, 35).

Сколько радости и духовного ободрения в этих словах! Иметь такого брата – разве это не залог победы? Разве такой брат может покинуть без помощи и поддержки в трудную минуту? И что за беда, что от вас отвернулись прежние знакомые, что вас злословят друзья, раз вы приобрели такого брата?

Но чтобы иметь на это право, необходимо одно условие: творить волю Божию. Высокое звание Своего брата, Своей сестры, Своей матери Господь признает только за теми, кто исполняет волю Божию. С того момента, как вы сделали решительный шаг, у вас не должно быть другой цели, как только узнать эту волю и исполнить ее в своей жизни.

Мы уже говорили в прежних беседах, что когда человек сумеет слить свою волю с волей Божией, подчинившись ей безусловно, то это дает ему громадную силу и обеспечивает победу в борьбе со злом. Кроме того, есть и другие серьезные основания, почему христианин должен отречься от своей воли и исполнение воли Божией поставить целью своей жизни.

После грехопадения воля человека стала несовершенна, желания – греховны и неразумны, потому что теперь они управляются его страстями. Есть старая греческая легенда о царе Мидасе, представляющая типичный образец неразумности наших обычных желаний. За какие-то заслуги судьба предоставила Мидасу право просить об исполнении одного из его желаний. Жадный к золоту царь потребовал, чтобы все, до чего он дотронется, от его прикосновения превращалось в золото. Он получил этот волшебный дар, и начались удивительные вещи: кресло, в которое он сел, вдруг стало золотым; стол, на который он облокотился, превратился в золото; он пошел в сад, и каждая ступенька ведущей туда лестницы, на которую он ступал, моментально становилась золотой; в саду ему достаточно было дотронуться до любого дерева, и оно покрывалось золотой листвой. Сначала это его забавляло. Он превратил в золото все, к чему мог прикоснуться, и скоро все вокруг него ярко блестело

и горело как жар. Но когда из дворца выбежал его маленький сын и, бросившись к нему в объятия, вдруг превратился в золотую статую, Мидас подумал, что, может быть, это и не так хорошо, как казалось вначале. А когда он сел обедать и с ужасом заметил, что хлеб, овощи, фрукты, все кушанья, которыми он пытался утолить голод, превращаются в золото и что он не может проглотить ни одного куска без того, чтобы проклятый дар не стал сейчас же действовать, он пришел в отчаяние. Увы! Раскаяние было запоздалым.

Правда это только легенда, поучительная сказка. Но если даже мы настолько сообразительны, что не потребуем от судьбы такого явно опасного дара, то все же по существу наши желания редко бывают лучше. С нравственной точки зрения они почти никогда не бывают выше желаний того анекдотического цыгана, который хотел быть царем, чтобы каждый день есть пряники с медом. Разве это не правда? Разве громадное большинство наших желаний не носит узко эгоистический, чувственный характер? Все они рождены нашими страстями, и, пытаясь удовлетворить их, мы неизбежно разрушаем тело и отравляем душу, ибо каждая страсть разрушительна и гибельна. В конце концов, если б каждому из нас была предоставлена страшная привилегия царя Мидаса, почти наверное мы выбрали бы не менее опасный и гибельный дар. Вред от нашего выбора не так явен, яд, которым отравлены наши желания, тоньше, но он действует так же верно и так же губительно. Один желает богатства, другой хороших кушаний и тонких вин, третий успеха в блуде и т. д. По своим дурным следствиям все эти желания ничуть не лучше желания царя Мидаса: быть может, медленнее, но они так же убивают человека и его душу.

При такой неразумности наших желаний, как можем мы им довериться? Куда они заведут нас, кто это скажет? Как часто случается, что после долгих трудов и усилий достигнув осуществления своих желаний, человек с удивлением и досадой видит, что он гонялся за призраками и что лучезарная мечта, вдохновлявшая его, при достижении потеряла всю прелесть. Так лопается радужный мыльный пузырь, схваченный рукой, оставляя лишь клочок едкой пены. В лучшем случае, потеряны труд и время, в худшем – вместо счастья и наслаждения приобретена досадная обуза, вредная и ни на что не нужная. Мы часто, как мотыльки, летим на огонь только для того, чтобы опалить свои крылья. Я знал одного талантливого молодого человека, который вообразил, что его счастье – в карьере актера. Его опьяняли блеск рампы, мишура костюмов, феерическая красота жизни, изображаемой на сцене, шум рукоплесканий, поклонение толпы, и чтобы завоевать это «счастье», он отдал почти всю свою жизнь и все свои недюжинные таланты. Он достиг чего хотел, добился крупного успеха в театральном мире и только тогда понял, что трагически ошибся, что ни сцена, ни успех на ней ему совершенно не нужны, а закулисная сторона актерской жизни для него только омерзительна. Переменить род деятельности было почти невозможно: беспутная жизнь артиста съела его силы, здоровье, таланты, и начинать что-нибудь заново было уже поздно. Молодая, многообещавшая жизнь была загублена.

Преподобный Нил Синайский, человек глубокого духовного опыта, так говорил о своих желаниях: «Много раз, молясь, просил я, да будет мне, что казалось благом для меня, и настаивал на прошении, неразумно нудя волю Божию, а не Богу предавая устроить лучше то, что Он ведает полезным для меня. Но получив просимое, бывал потом в великой скорби, и именно за то, что не просил – да будет лучше по воле Божией, ибо дело оказывалось для меня не таким, как я думал» (Преподобный Нил Синайский. Слово о молитве. Гл. 32).

Драгоценное свидетельство великого подвижника, опытом познавшего всю обманчивость человеческих желаний!

Насколько лучше отдаться всецело в волю Божию, отказавшись от своих мечтаний и стремлений! Ведь это – воля благая, угодная и совершенная; это – воля благожелательная, ибо Всемогущий, любящий Отец наш «желает всем человекам спастись и в разум истины прийти». Мы можем вполне довериться Господу, ибо Он лучше знает то, что нам действи-

тельно надо и полезно, лучше может вести нас, больше о нас заботится и больше нас любит, чем мы сами.

Если Господь говорил: *не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца,* если Ангелы Божии, сильные крепостию, вечно повинуются гласу Слова Божия и в совершенстве исполняют волю Его (Пс. 102, 20 21), то мы же, немощные (Рим. 5, 6), совратившиеся с пути истины (Рим. 3, 12), потерявшие Его из виду и не могущие сами собой обрести Его (Не. 59, 7–8), не пожелаем ли приблизиться к Свету, Который просвещает всякого человека (Ин. 1, 9), и, познав святую волю Божию, открываемую нам единородным Его Сыном, творить ее по возможности, ибо в этом и состоит все благо жизни нашей?

«Одна определенная заповедь дана была человекам, Еве и Адаму, – пишет о. Иоанн Кронштадтский, – для того, чтобы исполнением одной этой заповеди, притом легкой, люди могли приобрести навык к исполнению воли Божией, в исполнении которой состоит все благобытие тварей, и могли утвердиться в любви к Богу. Обращая внимание на противоположное – на неисполнение воли Творца и исполнение воли собственной, противной Творцу, мы замечаем, что человек, мало-помалу, приобретает навык к худому и извращает свою высокую, по образу Божию и по подобию созданную, природу, делается врагом Божиим. Так важно исполнение заповедей Божиих и так пагубно неисполнение! Давая определенную заповедь первым людям… Господь Бог явился Сам пестуном новосозданной разумной твари. Кто виноват, что это пестунство было отвергнуто и человек захотел лучше сам собою управляться! Вот и доселе, при всех успехах в науках и искусствах, при всех сокровищах мудрости человеческой, древний и новый человек не может воспитать сам себя, потому что отверг еще в начале детоводство Божие, ибо, скажите, кто другой, как не Бог, долженствовал быть пестуном нашим? И в нынешнее время, и в прошедшее только те люди успешно совершили свое умственное и нравственное воспитание, которые вверились Богу, жили по Его заповедям, которые ныне живут по Евангелию и учению Церкви, подчиняясь ее руководству».

Господи! Научи нас творить волю Твою, яко Ты еси Бог наш, яко у Тебе источник живота!

Глава 4

Глава 4, ст. 1-20

Смысл притчи о сеятеле достаточно подробно объяснен Самим Господом. К евангельскому объяснению можно еще прибавить, что сеятель – это Сам Господь, семя Слово Божие, поле все человечество, весь мир, воспринимающий в свои недра чудодейственное семя Евангельского Слова. Подобно семени, Евангельское Слово носит в себе начало жизни, жизни истинной, духовной, ибо что такое истинная жизнь? *Сия же есть жизнь вечная,* – отвечает Господь в Своей первосвященнической молитве, – *да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа* (Ин. 17, 3). Евангельское Слово дает это знание истинного Бога, и потому оно является дивным семенем спасения и жизни. Брошенное в человеческое сердце, оно при благоприятных условиях взрастает и приносит плоды – добрые дела и святую жизнь. Подобно семени, оно вечно носит в себе эту живую силу.

В настоящее время, как и девятнадцать веков тому назад, оно одинаково волнует и трогает, радует и утешает, судит и смиряет, затрагивая самые сокровенные струны человеческого сердца.

Умирают философские системы, забываются политические теории, блекнут цветы поэзии, но *слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные* (Евр. 4, 12). В нем скрыта вечно живая истина.

Но, обладая всегда этой скрытой живой силой в одинаковой степени, Слово Божие не всегда дает одинаковый урожай. Это зависит от той почвы, в которую оно падает, и здесь притча приобретает для нас особенно жгучий, живой, личный интерес, ибо почва эта – наше сердце. Мы все, слушатели и читатели Слова Божия, получаем свою долю святых семян; мы все, наверное, хотели бы, чтобы в нашем сердце была плодородная почва, приносящая стократный урожай, и вопрос, почему этого не бывает и почему всходы так чахлы, убоги и перемешаны с сорной травой, вопрос этот, конечно, для нас далеко не безразличный.

Вдумаемся внимательнее в притчу, чтобы в ее дивных образах и символах открыть важные для нас законы душевной агрономии, на которые указывает Господь Иисус Христос.

Для того чтобы с успехом возделывать ниву и применять к ней рациональные способы обработки, необходимо прежде всего изучить почву и знать ее состав. Песчаная почва требует одного удобрения, суглинок – другого, чернозем – иного; да и сами приемы обработки на разной почве бывают неодинаковы. Точно так же и в духовной жизни. Чтобы понять причины, обусловливающие для человека бесплодность Слова Божия, и в то же время найти правильные способы обработки и воспитания души, которые могли бы повысить урожай святого семени, усилить влияние и действие на человека Евангельского Слова, – для этого надо изучить почву нашего сердца и выяснить, что именно в этом сердце препятствует успешному произрастанию семени. Соответственно с этим мы и можем принять те или другие меры.

Говоря о судьбе семени, Господь в Своей притче изображает четыре рода условий, в которые оно попадает при посеве и которые различно влияют на его произрастание. Это – четыре различных вида психики человека, четыре вида устроения души.

Когда сеятель сеял, *случилось, что иное* (семя) *упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то* (ст. 4).

Это – первый тип. Сердце похоже на проезжую дорогу, а семя, падая на нее, даже не проникает в почву, но остается на поверхности и делается легкой добычей птиц.

Что это за люди?

Во-первых, сюда относятся натуры грубые, чисто животного склада. Это самый дурной тип среди людей, и, к сожалению, их в настоящее время особенно много. Они живут чисто утробной жизнью: вкусно есть, сладко пить, много спать, хорошо одеваться выше этого они ничего не знают. Корыто, корм и пойло этим исчерпывается все их содержание. Их мировоззрение исключительно материалистическое. Вопросы духа для них не существуют. К идеалам правды, добра и красоты, ко всему, чему поклонялось человечество как величайшей святыне, что манило и увлекало героев, подвижников и лучших деятелей истории, чему те отдавали беззаветно свои силы и свою жизнь, – ко всему этому люди типа проезжей дороги относятся с циничной насмешкой и откровенным презрением. «Выгода» – вот слово, которое определяет их деятельность. Для них бог – чрево, и Евангелие, Слово Божие встречает в них глухую стену тупого безразличия. Оно отскакивает от них, как горох от стены, не пробивая даже внешней коры эгоизма и не проникая внутрь, в сердце. Если иногда и остается оно на поверхности памяти, то лишь до того момента, когда первый порыв распутства, сластолюбия или любостяжания налетит, как птица, и поглотит все без остатка, а грубое сердце остается по-прежнему твердым и непроницаемым.

Во-вторых, к этой же категории относятся люди очень легкомысленные, живущие только поверхностными впечатлениями. Сущность их психики – праздное любопытство, которое легко возбуждается, но вовсе не стремится к тому, чтобы полученные впечатления связать с глубокими основами душевной жизни. Такое любопытство не приносит никакой пользы: оно бесцельно и беспредметно. Впечатления оцениваются здесь исключительно по их действию на нервы. Все, что щекочет нервы, одинаково привлекает людей этого типа. Поэтому для них совершенно безразлично: слушать хорошего проповедника или модного тенора, смотреть религиозную процессию или английский бокс, присутствовать при торжественном, вдохновляющем богослужении или покатываться со смеху, смотря смешной водевиль. Весь мир они рассматривают так, как будто он создан исключительно для их развлечения, и к каждому явлению жизни они подходят с этой же меркой. Если они слушают вдохновенного проповедника, говорящего о евангельской правде, о лучезарном мире чистоты и святости, о Великом Любящем Боге, они скажут в похвалу лишь одно: «О, он хорошо, красиво говорит!» или: «У него выработанная, изящная речь!» Это самая унизительная похвала для проповедника, сводящая его на роль школьника, демонстрирующего перед экзаменаторами свои литературные и декламаторские таланты. Пусть в проповеди слышатся рыдания и неподдельные слезы страдающей любви, стон измученного сердца, горечь и негодование при виде попранной правды, они не найдут других слов для оценки, кроме пошлой фразы: «О, у него драматический талант!» Как будто перед ними артист сцены, выступающий исключительно для того, чтобы их развлекать и щекотать их истрепанные нервы.

Это люди мелкой души, и жизнь для них – не серьезная задача, полная глубокого смысла, а просто фарс. Люди этого сорта Евангельское Слово слушают так, как будто оно к ним не относится: они его не воспринимают.

Третья разновидность людей этого сорта это натуры рассеянные, с разбросанными мыслями. В них нет ничего основного, постоянного, что служило бы центром их жизни. Это люди, как их называют, без стержня, то есть в них нет преобладающей склонности или привязанности к одному какому-либо делу или занятию, определяющему направление их жизни. Чем живут эти люди? Вы сразу этого не скажете: здесь все так текуче, так изменчиво, так непостоянно. Сегодня одно, завтра другое, послезавтра третье. Одна мысль сменяет другую, как в калейдоскопе, без всякого порядка и системы.

Одно увлечение вытесняется другим, план следует за планом, совсем как на проезжей дороге, где катятся экипажи, идут прохожие, сменяя один другого, топчется бродячий скот. Они все начинают, все пробуют и ничего не кончают. Цели жизни у них нет. Это –

рабы минутного каприза, трость, ветром колеблемая. Их увлечения непрочны, ненадежны, мимолетны. С легкостью мотылька порхают они с предмета на предмет. Всякая новинка их привлекает и захватывает, но лишь на короткое время. «Что книга последняя скажет, то на сердце сверху и ляжет». Учить их чему-нибудь серьезному, проповедовать Слово Божие – почти бесполезно. Это значит писать на воде, сеять при дороге: затопчут прохожие, поклюют птицы, то есть мир с его вечной сменой новинок, диавол с его искушениями и соблазнами. Так как впечатления и мысли здесь постоянно сменяются, то ни одно из них не проникает глубоко в сердце, и само сердце от этого мало-помалу теряет отзывчивость, способность воспринимать их хоть сколько-нибудь серьезно, становится сухим, равнодушным, жестким, как дорога, утоптанная ногами прохожих и укатанная колесами бесчисленных экипажей.

Таковы три разряда людей, принадлежащих к типу проезжей дороги. У всех у них общее то, что семя Слова Божия в их душу совершенно не проникает, их не волнует, не радует, не возбуждает, но остается на поверхности, то есть только в памяти, в головном сознании, и, не принося никакого плода, скоро погибает.

Немного лучше следующие два рода почвы, указанные Господом Иисусом Христом в Его притче.

Иное семя *упало на каменистое место, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока; когда же взошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло* (ст. 5–6).

Поясняя эти слова, Господь прибавляет: *посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда у слышат слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняются* (ст. 16–17).

Тип, широко распространенный и достаточно нам знакомый. В этих людях есть несомненное стремление и любовь к добру, и Слово Божие находит в них живой и быстрый отклик, но оно не захватывает их настолько сильно, чтобы ради осуществления его в жизни они нашли в себе достаточно силы и решимости трудиться над собою, бороться с препятствиями и побеждать враждебные течения. Услышав евангельскую проповедь о правде, любви, самоотвержении, они загораются сразу, как шведская спичка, но так же скоро гаснут. Эти вспышки мимолетных увлечений бывают очень сильны, как вспышки магния, и в этот миг эти люди способны даже на подвиг, но пройдет момент – и все кончилось, и, как после магния, остается лишь дым и копоть – досада на свою трусость и дряблость или же, наоборот, сожаление о своем увлечении. К суровой, упорной, длительной работе эти люди неспособны, и непреодолимую преграду представляет для них закон вступления в Царство Божие, данный Господом: *От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. И, 12).

На каменистой почве может расти только мелкая травка, так и эти люди при обычных условиях спокойной жизни способны лишь на очень маленькие дела, не требующие усилий. Им нельзя отказать в чувствительности: вы увидите их иногда в церкви молящимися со слезами умиления на глазах, их воодушевляет хорошее пение, трогают изречения и возгласы Божественной службы, полные возвышенного смысла; с чувством повторяют они вместе с другими: «Возлюбим друг друга…», «Друг друга обымем, рцем: братие!» Но когда наступает минута, когда от хороших слов надо перейти к делу, вы сразу увидите, что слезное умиление и религиозный подъем не смягчили их холодной души, что то был лишь фосфорический блеск, не дающий тепла, простая сентиментальность или ложная чувствительность, а не настоящее чувство. Они любят иногда читать жития святых, как любят дети читать страшные сказки и трогательные истории, но и здесь дальше вздохов и словесных восторгов дело не идет. Они не прочь помечтать об этой подвижнической жизни и представить себя в роли подвижников и мучеников за правду, но те усилия воли, которые требуются для этого, их

пугают. Они ничего не имеют против добродетели, нравственности, аскетизма, даже хотели бы попасть в Царство Небесное, но при условии, что для этого от них не потребуется никаких лишений и чтобы это возможно было сделать с полным комфортом и со всеми удобствами. В Царство Небесное они хотят въехать в вагоне первого класса.

Что мешает этим людям безраздельно отдаться Христу и приносить полный плод? Каменистый пласт, который лежит под наружным слоем хорошей почвы и не позволяет корням растения проникнуть глубже.

В душе человека таким каменистым пластом является себялюбие. Обыкновенно оно лишь слегка закрыто сверху тонким налетом чувствительности и добрых порывов. Но когда необходимо эти добрые порывы углубить и осуществить в жизни, то есть сделать доброе дело, которое, собственно, и составляет плод доброго порыва, против этого неизменно восстает себялюбие и рожденное им саможаление. Допустим, вас просят оказать помощь. Вы готовы это сделать и пожертвовать что-нибудь нуждающемуся, но сейчас же вы слышите голос себялюбия: «А сам-то я с чем останусь? Мне самому нужны деньги: у меня их так мало!» Ваш добрый порыв наталкивается на холодную каменистую стену эгоизма и блекнет, как нераспустившийся бутон.

Себялюбие с лишениями, даже воображаемыми, не мирится.

Так бывает и в духовной, идейной борьбе. Люди часто носят христианские убеждения, как приличный костюм, дающий им вид порядочности и джентльменства, пока это их не стесняет и ни к чему не обязывает. Но когда за эти убеждения приходится платить страданиями и лишениями, сейчас же саможаление шепчет коварно: «Да стоит ли так мучиться? Не слишком ли дорога плата? Ведь можно и без убеждений обойтись!»

В результате – измена и отступничество.

Последний тип людей, в душе которых Слово Божие остается бесплодным, характеризуется Господом в следующих словах: *Иное упало в терние, и терние выросло, и заглушило семя, и оно не дало плода. Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода* (ст. 7, 18–19).

Это люди, которые желают одновременно работать Богу и маммоне. Желая жить по Законам Божиим, они в то же время не хотят отказаться и от мирской суеты и кончают обыкновенно тем, что этот водоворот мирских забот, увлечений, пристрастий поглощает их без остатка, вытесняя из души все светлое, идейное, возвышенное. Если человек не борется с земными пристрастиями во имя евангельской правды, он неизбежно становится их пленником, и одно слышание Слова Божия его не спасет. Попытки установить в жизни равновесие между данью Богу и данью маммоне и миру сему никогда не удавались, ибо душа – существо простое и двоиться не может. *Никто не может служить двум господам,* – говорит Господь, – *ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть* (Мф. 6, 24). Эти люди также непригодны для Царства Божия. Так много пропадает семени Слова Божия безрезультатно!

Из четырех категорий только одна приносит плод: иное семя *упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто. А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат* (ст. 8, 20).

Это натуры цельные, у которых слово не расходится с делом и которые, слушая и воспринимая Слово Божие, пытаются его исполнить и жить по его указаниям. Но и у этих людей, отзывчивое и искреннее сердце которых представляет добрую почву, повиновение Евангельскому Слову не бывает у всех одинаково полным и совершенным, ибо иной приносит тридцать, иной шестьдесят, иной сто. Это значит, что один в силах выполнить третью часть того, что от него требует высший идеал христианского совершенства, другой – почти

две трети, и лишь немногим удается исполнить все полностью и в совершенстве. Это натуры избранные. Это те, о которых Господь говорит: *нашел Я мужа по сердцу Моему… который исполнит все хотения Мои* (Деян. 13, 22).

Таких людей немного. Но как ярко сияют они на тусклом фоне тепло-холодного отношения к Евангелию большинства современников, вялых, дряблых, слабых в добре, и как возвысило и просветило их душу Слово Божие, которому они отдались беззаветно и которое исполнили до конца!

Вот преподобный Антоний Великий. Два евангельских изречения произвели решительный перелом в его душе и направили его на путь, приведший к высшим степеням святости. Однажды вскоре после кончины своих родителей, будучи еще юношей 18–20 лет, он услышал в церкви слова Господа: *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим… и следуй за Мною.* Он принял эти слова за совет, обращенный непосредственно к нему, и исполнил его буквально, раздав имение бедным. В другой раз, услыхав слова Спасителя: *не заботьтесь о завтрашнем дне,* он почувствовал в них властный призыв, которому беспрекословно подчинился: покинул дом и ушел в пустыню, чтобы, освободившись от всяких забот, в подвигах аскетической жизни отдаться Тому, Чья воля стала для него высшим законом. Слово принесло в нем стократный плод.

Вот преподобномученица Евдокия, первоначально великая грешница, очищенная и преображенная Словом Божиим, подобно тому горящему углю, который взял клещами с жертвенника Господня шестокрылатый Серафим, чтобы коснуться уст пророка (Ис. 6, 6 7).

В миру ее звали Марией. Она была дивно хороша собой, и в этом было ее несчастье. Успех, лесть, всеобщее поклонение вскружили ей голову. Мария вела суетную, легкомысленную светскую жизнь, снаружи нарядную и блестящую, но по содержанию пустую и пошлую. Пиры, развлечения всякого рода заполняли все ее время, не давая ей опомниться, прийти в себя. Но под внешностью светской львицы таилось доброе сердце и отзывчивая душа. Это ее спасло.

Однажды около той гостиницы, где пировала Мария, окруженная толпой поклонников, остановились в нерешительности два старца-инока. Видно было, что они пришли издалека. Их ноги и одежда были покрыты пылью, избитая, потрепанная обувь говорила о дальней дороге. Они были утомлены, и им хотелось отдохнуть в гостинице, но звуки музыки и веселое общество их пугали. Наконец они решились войти. Их поместили рядом с пиршественным залом в комнате, отделявшейся лишь тонкой перегородкой.

Шумная оргия продолжалась. Слышались бесстыдные речи. Опьяненная Мария танцевала соблазнительный, сладострастный танец.

Кто-то вспомнил о старцах.

– Посмотрим, что они делают? То-то, должно быть, намолятся!

– Оставьте их в покое, – сказала Мария с улыбкой.

Но уже несколько беспутных гуляк скучились у перегородки, прислушиваясь к тому, что делалось за ней.

– Тсс… Тише! Что-то читают! Послушаем!

Шум умолк. В наступившей тишине слышался слегка заглушённый стеной голос читавшего старца.

Он читал: *И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром* (Лк. 7, 37–38).

– Вот нашли место для подобных чтений! – воскликнул один из молодых гуляк. – Эй, вы там!..

– Оставь! – вскричала Мария. Лицо ее становилось все серьезнее по мере того, как развертывалась чудная евангельская история о прощенной грешнице. Она сама не понимала, что с ней делалось.

Старческий голос продолжал:

А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много (Лк. 7, 47).

– Ну ты-то уж не станешь заботиться об этом! – шепнул Марии самый юный из гостей.

Громкий вопль был ему ответом. Все вздрогнули. Мария стояла вся трепещущая. Смертельная бледность покрывала ее лицо. Темные очи горели пламенем.

– Прочь от меня все! Оставьте меня!..

В ее сердце горели эти дивные слова о прощении, о спасении, о милосердии Божием. Так засохшая земля жадно глотает влагу весеннего дождя.

Смущенные гости расходились. Мария бросилась за перегородку к изумленным старцам.

Мгновенное изумление последних сменилось негодованием.

– Уйди от нас! – сказал один из них сурово. – Или нет в тебе стыда?!

– Отцы, не отвергайте меня! Я – грешница, но Господь не отверг блудницы!..

Она прильнула устами к запыленным ногам старцев: грешница Мария стала святой Евдокией. Слово Божие принесло стократный плод.

Какие уроки извлечем мы из всего сказанного? Если мы действительно хотим, чтобы евангельское семя давало в нас обильный плод и намерены серьезно трудиться над этим, то должны изучить почву своего сердца и выяснить, что именно мешает произрастанию Слова Божия. Подумайте, к какому типу вы принадлежите? Представляет ли ваше сердце проезжую дорогу или каменистую почву или семена Слова Божия гибнут в нем, заглушенные терниями мирской суеты?

Надо при этом иметь в виду, что указанные типы в чистом виде редко встречаются. Обыкновенно в человеческом сердце есть всего понемногу, и тип можно определить лишь преобладанием той или другой черты.

Определив особенности почвы, можно указать и применить особые приемы обработки сообразно с каждым родом почвы. Конечно, здесь все время необходимо помнить, что *насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возращающий* (1 Кор. 3, 7), Который единственно Своей силой может самую бесплодную почву сделать плодоносной и, наоборот, плодородную ниву обратить в пустыню, и что к Нему, следовательно, прежде всего должны быть обращены наши молитвы и прошения об успехе работы. Но при этом уповании на Бога как главном условии успеха мы все-таки не освобождаемся от обязанности работать под собой, ибо *кто разумеет делать добро и не делает, тому грех* (Иак. 4, 17).

Итак, что можем мы сделать?

О первой разновидности первого типа говорить почти не приходится, ибо психика людей этого сорта не заключает в себе даже желания стать нравственно лучше и чище. Из тупого животного самодовольства их может вывести разве какая-либо катастрофа, посланная благодетельным Промыслом Божиим. О них можно только молиться, но советовать им что-либо бесполезно, так как при обычных условиях они никакого совета исполнить не захотят. Две другие разновидности, как мы видели, обращены в проезжую дорогу массой разнообразных пестрых впечатлений, которые, проносясь через сознание, подобно бесконечной веренице экипажей и прохожих, утрамбовывают почву, то есть делают душу жесткой, черствой и невосприимчивой к Слову Божию. Ясно, что первая наша забота здесь – поставить загородки, чтобы по дороге не ездили и не ходили. Говоря простым языком, это значит задержать или совсем остановить тот поток несвязных восприятий ежедневной жизни, который назойливо теснится в мозгу, загромождая его всяким хламом.

Подумайте, в самом деле, сколько всякой дряни проходит каждодневно через голову среднего так называемого культурного человека! Одна утренняя газета чего стоит! Тут и лживая передовица, освещающая события так, как это нужно редакции; тут и фельетон, полный скабрезного зубоскальства; тут и хроника, передающая все базарные новости; тут и объявления о пропавшей моське и о враче, радикально излечивающем половое бессилие. Прочитав все эти «полезные» сведения, вы чувствуете потребность, по крайней мере, два часа гулять на свежем воздухе, чтобы проветриться. Далее, приходите вы на службу и сразу узнаете ряд других новостей: у кого сбежала жена, кто из коллег проворовался, кто получил повышение и награду и т. д. Возвращаетесь домой – у вашей жены уже сидит приятельница, патентованная сплетница, которая вываливает на вас целый короб самых свежих, только что испеченных известий. Вечером вы идете в театр, и снова перед вами проходит новая вереница происшествий, речей, монологов, различных лиц, зрителей, актеров, знакомых и незнакомых, старых и молодых, нарядных и плохо одетых, вся эта волнующаяся, шумливая, вечно изменчивая толпа, наполняющая места зрелищ. Прибавьте к этому заключительный аккорд ресторанного ужина с впечатлениями электрического света, разряженных женщин, дешевого оркестра и т. д. – и вы поймете, что, пожив месяц в этом кипящем котле внешнего разнообразия, мимолетных эффектов и внутренней пустоты, можно и очерстветь, и одуреть. Об успехе и влиянии на душу Слова Божия при такой обстановке и речи быть не может. Но поставьте рогатки, откажитесь от этого шума и суеты, ограничьте всеми зависящими от вас мерами этот наплыв впечатлений, живите более уединенной жизнью, обязательно обеспечьте себе часы углубленной вдумчивости и тишины – и вы увидите, что почва вашего сердца станет постоянно меняться и глубже воспринимать ростки Божьего Слова.

У людей второй категории препятствием к произрастанию евангельского семени служит каменный пласт себялюбия. Сюда и должны быть обращены усилия. Этот пласт надо взломать и удалить. Так обрабатывают поле в Финляндии. Чтобы приготовить почву для посева, там необходимо сначала удалить массу громадных валунов и каменных обломков, загромождающих поле. Эти камни или взрывают, или выкорчевывают из грунта, подводя под них длинные толстые бревна. И надо видеть эту работу! Подводя под громадный камень бревно, целая семья крестьян – владельцев или арендаторов поля – садится на свободный его конец и начинает качаться. Они качаются настойчиво, методически, качаются утром и вечером, качаются день, другой… И наконец массивный валун начинает слегка вздрагивать и тихо-тихо выворачиваться из земли. Это трудная, скучная работа, но другого исхода нет: надо очистить поле. Нелегкая работа предстоит и с самолюбием. Вырвать его и удалить сразу нет никакой возможности, но можно отламывать его кусками. Не следует только жалеть себя.

Допустим, вас просят оказать услугу. Вам не хочется, ибо это связано для вас с потерей времени и другими неудобствами. Ваше себялюбие протестует и ворчит. Не слушайте этого голоса, преодолейте себя, и, победив на этот раз свое нежелание и саможаление, вы уже отломили кусок себялюбия. Продолжайте эту работу настойчиво, упорно, непрерывно, как работают финские крестьяне, и мало-помалу ваше себялюбие станет смягчаться, слабеть и исчезать, уступая место лучшим чувствам самопожертвования и заботы о других. Тогда корни Слова Божия будут глубже проникать в сердце и не погибнут от первой невзгоды.

Наконец, людям третьей категории, у которых терния заглушают всходы евангельского посева, нужно помнить, что маммоне и Богу одновременно служить нельзя, что надо выбирать что-нибудь одно, и раз избрано служение Богу, то терния и сорную траву суетных желаний и мирских пристрастий надо тщательно выпалывать, иначе они разрастутся и заглушат Слово Божие. При этом полезно помнить, что чем раньше производить эту работу, тем лучше. Пока терния только в зародыше, их легко выполоть.

Пока греховные желания существуют только в мыслях и не перешли еще в дело, их легче побороть. Но они укореняются, когда осуществляются в действии, и тогда борьба с ними становится труднее.

Когда почва таким образом сколько-нибудь подготовлена, то сама обработка души, содействующая успешному произрастанию Слова Божия, производится по старому правилу аскетов: паши плугом покаяния, удобряй молитвой, орошай слезами сокрушения и постоянно выпалывай дурную траву страстей.

Глава 4, ст. 21-41

После того как Господь рассказал и пояснил притчу о сеятеле, естественно рождался вопрос: что же делать с семенем Слова Божия, которое воспринимают слушатели и читатели Евангелия? Достаточно ли ограничиться лишь подготовкой почвы для его произрастания и на этом покончить все заботы?

Господь отвечает на этот вопрос, употребляя другой приточный образ.

Для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике? (ст. 21).

Слово Божие, которое раньше Иисус называл семенем, здесь сравнивается со свечой по его действию на человеческую душу.

Да, это – свеча в нашей темной жизни, это – источник света, яркий, сияющий, пронизывающий своими лучами окружающий мрак. Вы, слушатели Евангелия, вы получили эту свечу. Что вы намерены с ней сделать?.. Ничего? Не извлечь никакой пользы? Оставить без всякого употребления? Разве это не странно? Разве это не значит поставить вашу свечу под сосуд или под кровать, так что свет ее не принесет никакой пользы ни вам, ни кому другому из сидящих «в сени смертней»? Разве для этого приносится свеча? Не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике – да светит всем в доме?

Таков ответ Господа на поставленный выше вопрос. Восприняв евангельское семя, получив свечу Слова Божия, нельзя относиться к этому великому дару безучастно и равнодушно. Следует пользоваться им в жизни.

Каким образом?

Слово Божие… – говорит апостол Павел, – *острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его* (Евр. 4, 12–13).

Вот первое свойство Божьего Слова. Оно судит, оценивает, определяет нравственную стоимость наших помышлений и намерений. Самые тонкие извивы мысли, самые сокровенные чувства, притаившиеся в темных глубинах нашей души, самые интимные желания, в которых мы сами себе не смеем признаться, определяются Словом Божиим по их моральному достоинству. Оно проникает на самое дно души и обо всем постановляет свой безошибочный приговор, что хорошо и что плохо. Все открыто пред ним.

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу (ст. 22).

Грех боится света. Он прячется в темных закоулках души, и диавол, виновник греха, напрягает все усилия, чтобы в эти зловонные уголки не попал ни один луч света, чтобы таким образом не обнаружились его мрачные деяния, его ложь и коварство. Люди порочные под влиянием злой воли диавола терпеть не могут, чтобы в их душу кто-нибудь заглядывал, и сами не любят это делать. Вот почему душа часто представляет темный чулан, где масса всякого хлама и где ничего не разберешь: пыль, грязь, мусор, злые мысли, грязные желания, затаенные страсти… Завалены все углы. Но часто мы этого даже не замечаем в себе, ибо

сознание, не просвещенное евангельским светом, не может разобраться в том, что хорошо и что дурно. Нередко определенный грех, слегка лишь прикрытый кажущимся благородством побуждений или софизмом, коряво построенным на священном тексте, принимается за добродетель, и, к сожалению, это явление широкого масштаба. Недаром в нашей литературе появилась эта нелепая, извращенная терминология, преподносящая такие перлы, как «благородная гордость», «святая ненависть» и т. д. Как ни странно, громадная масса людей, живущих почти два тысячелетия христианской жизнью, все еще не знает, что такое грех и где проходит та черта, которая отделяет нравственно дозволенное от преступного. Редко общественная мораль нашего времени поднимается выше уровня уголовного кодекса, и, не зная ни нравственных принципов, ни евангельского критерия, люди, нравственно определенно недоброкачественные, искренно считают себя прекрасными людьми и вполне спокойны за свое вечное будущее, если только, конечно, они о нем думают. «Когда я разбираюсь в своих поступках, я нахожу, что я хороший человек!», «Я лучше многих других!», «Зачем скромничать: в своей душе я не нахожу нравственного безобразия!» Вам приходилось слышать такие отзывы? И это говорят люди, только что не делающие преступлений, наказуемых в уголовном порядке тюремным заключением. В самом деле. Я не совершил никакого преступления, никого не убил, никого не ограбил, ничего не украл! Чего же еще требовать? И человек спокоен. Ему кажется, что в неосвещенном чулане его души все благополучно. В темноте стушевываются очертания порока и страстей и грех незаметен.

Но внесите в этот мрачный чулан евангельский свет, и картина резко меняется. Вся грязь, вся копоть, весь мусор, накопленный годами, выступают сразу перед глазами и вызывают невольное отвращение. Тонувшая в серых сумерках и потому казавшаяся приличной внутренность души вдруг открывается во всем безобразии, освещенная беспощадным сиянием евангельского идеала. То, что представлялось ранее нравственно порядочным и даже добродетельным, оказывается сплошь порочным. В мнимой добродетели просвещенная совесть отчетливо видит все пятна греха. Более того: из глубины воспоминаний поднимаются давно забытые картины, сцены, происшествия, которым никогда не придавалось никакого значения с нравственной точки зрения и которые потому мирно дремали на дне души, не тревожа совесть. Теперь они представляются совершенно в новом свете: выступают наружу и больно режут глаз вся грязь, вся подлость, весь животный эгоизм, которым они были пропитаны насквозь. Как будто с гноящейся раны сняли прикрывавшую ее доселе повязку, и перед глазами предстала отвратительная гангренозная язва, издающая нестерпимое зловоние. Начинается полная переоценка ценностей, и горделивое самомнение самодовольного человека уступает место мучительному стыду и раскаянию.

Это – первое следствие озарения души евангельским светом: повышение нравственного идеала, просветление и обострение нравственного чувства, понижение горделивой самооценки, более правильный и смиренный взгляд на собственное нравственное состояние и пробуждение совести. Читая или слушая Слово Божие, и надо прежде всего пользоваться полученными знаниями для того, чтобы достигнуть этих следствий. Лучший путь к этому следующий: на основании изучения слов Господа и всей евангельской истории необходимо составить и отчетливо нарисовать себе так называемый евангельский нравственный идеал, то есть образ того духовного совершенства или святости, который ярче всего и полнее всего воплотился в лице Самого Господа. Составив хотя бы приблизительное, первоначальное понятие о том, какова должна быть жизнь по Евангелию, жизнь, полная высокой святости и чистоты, мы должны сравнить с нею нашу грязную, порочную жизнь шаг за шагом, факт за фактом, мелочь за мелочью.

Евангелие требует кротости и смирения. *Блажени кротцыи, блажени нищии духом,* – говорит Господь, Который Сам первый явил изумительный пример кротости. Безропотно

нес Он тяжелый крест Своей скитальческой жизни, безропотно взошел на Голгофу, безропотно терпел все оскорбления и истязания и даже молился за Своих распинателей.

Так ли мы живем?.. Не гордость ли и самомнение заполняют нашу душу? Нет ли там раздражительности, злобы, нетерпения?

Евангелие требует чистоты. Даже тот, кто глядит на женщину с нечистым желанием, назван здесь прелюбодеем (Мф. 5, 28). А мы не только не боремся с грязными вожделениями, не только не гоним от себя возбуждающие мысли и образы, но нарочно распаляем себя и ищем только случая удовлетворить свою похоть.

Евангелие требует безусловной правдивости. *Да будет слово ваше: да, да; нет, нет* (Мф. 5, 37), – учил Господь и в Своем лице дал образец такой правдивости: в самые тяжелые критические минуты Он не только не лгал, но даже не смягчил в угоду людям резкой правдивости Своих слов, какая бы опасность Ему ни грозила. Попробуйте как-нибудь посчитать, сколько раз мы солжем в течение дня по самым незначительным поводам, и вы с изумлением увидите, как бесконечно далеко отстоим мы от этой высоты евангельских требований…

Если такие сравнения продолжать далее настойчиво, последовательно, то постепенно поблекнут радужные краски, в которых представлялась нашим глазам наша душевная жизнь, и мы увидим ее недостатки и пороки во всем их неприкрытом безобразии.

Это неприятно, конечно, но это-то и надо. Чтобы начать лечить болезнь, надо поставить правильный диагноз. Обнаруженная болезнь не так страшна и опасна, ибо всегда можно найти способы уврачевать ее. Страшно, когда человек не подозревает в себе болезни и даже не стремится узнать, болен он или здоров. Опасное положение может сделаться тогда безнадежным. И не только для себя должны мы пользоваться евангельским светом, но и ближним нашим, не знающим и не читающим Евангелия, обязаны помочь разобраться в душе и указать, где грех и где правда, ибо, зажегши свечу, ставят ее *на подсвечнике, и светит всем в доме* (Мф. 5, 15).

Постановкой диагноза, однако, все не исчерпывается. Далее необходимо лечение, то есть исправление греховных навыков и усилие вести евангельскую жизнь.

Об этих усилиях воли, составляющих необходимое условие духовного развития, Господь говорит в нескольких загадочных словах: *И сказал им: замечайте, что слышите: какою мерою мерите, такою отмерено будет вам и прибавлено будет вам, слушающим. Ибо кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет* (ст. 24–25). Последний стих кажется особенно странным.

Кто имеет, тому дано будет. Разве это справедливо? *Кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет.* Как это? Разве можно отнять у того, кто не имеет? Как это? Разве можно отнять у того, кто не имеет?

Однако смысл этих слов становится для нас более понятным, если мы припомним, что в Евангелии от Матфея они связаны с притчей о талантах, из которой они представляют нравственный вывод (Мф. 25, 29).

Притча эта повествует о господине, который, отправляясь на чужую сторону, поручил свое имение рабам и одному дал пять талантов, другому два, иному один. Первые два употребили полученные таланты в дело и приобрели на них столько же прибыли, а третий раб закопал свой талант в землю, где он и пролежал без пользы. Когда вернулся господин и выслушал отчет своих рабов, он наградил двух первых, а к третьему, закопавшему талант, обратился с грозными словами: *лукавый раб и ленивый!., надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет* (Мф. 25, 26–29).

Смысл притчи ясен: Господин Господь, рабы все мы, таланты дарованные нам Богом силы и способности, торжище, где умножаются таланты, – весь мир. Господь требует, чтобы

данные нам способности мы употребляли на спасение нашей души и на пользу ближних, пускали в оборот на торжище мира, и тогда они развиваются и увеличиваются, или, как говорит Евангелие, *кто имеет, тому дано будет… и прибавлено будет вам, слушающим*; причем, чем больше сил и усердия вкладываем мы в это дело, тем больше бывает это увеличение и успешнее развитие.

Вложивший в дело пять талантов получил и прибыли пять талантов; пустивший в оборот два и приобрел на них только два. *Какою мерою мерите, такою отмерено будет вам,* – говорит Господь.

Но тот, кто не пользуется своими способностями для целей, указанных Господом, тот их теряет совершенно. Раб, закопавший свой талант в землю, лишился его. В этом смысле и сказано: *кто не имеет, у того отнимется и то, что́ имеет.*

Таким образом, в приведенных выше словах Господа отмечается общий закон всякой органической жизни, закон роста и развития, закон, действующий с неумолимой обязательностью и в приложении к духовной жизни. Закон этот можно формулировать так: всякая сила и способность не только в человеке, но и во всяком живом существе при употреблении и упражнении развивается, без употребления же отмирает, или, как говорят, атрофируется.

Действие этого закона можно наблюдать везде и всегда. Если вы хотите развить в себе физическую силу, вы должны упражняться с тяжестями, заниматься гимнастикой. От этого мускулы увеличиваются в объеме и приобретают прочность и упругость. Если вы хотите развить память, вы должны упражняться в заучивании наизусть, в воспроизведении слышанного, в припоминании прошлого. Носильщики на железных дорогах поражают удивительной памятью на лица, развитой благодаря постоянному упражнению. Они помнят всех пассажиров, которые к ним обращаются, в тысячной толпе без труда находят тех, кого им надо, и долгое время спустя могут по памяти обрисовать наружность своих клиентов, сказать, сколько с ними было багажа и куда ими был взят билет. Если хотите научиться бегло читать, красиво писать, легко решать арифметические задачи, вы должны в этом упражняться, чтобы развить соответствующие способности. И так во всем.

Наоборот, если вы прекратите свои упражнения, вы потеряете то, что вами было приобретено. Так люди, прошедшие когда-то школу и умевшие недурно читать и писать, живя в деревне, часто совершенно разучиваются. Эти так называемые рецидивы неграмотности объясняются именно отсутствием упражнений и практики. Бросьте физическую работу и гимнастические упражнения, и ваши мускулы станут вялыми и слабыми.

Когда-то на улицах Парижа обращал на себя всеобщее внимание индусский факир, ходивший все время с поднятой над головой рукою. Оказалось, что в течение ряда лет он сознательным усилием воли заставлял себя держать руку в этом неестественном вытянутом положении. В результате получилось, что мускулы, сгибающие руку, от долгого неупотребления потеряли свою силу, рука закостенела и перестала сгибаться и двигаться.

Бывали случаи, что европейцы, выброшенные кораблекрушением на необитаемый остров и принужденные оставаться там 15–20 лет, почти разучивались говорить, так как из-за отсутствия собеседников они обречены были на молчание в течение всего этого периода. Когда случайно проходивший корабль замечал их и снимал с острова, они нередко не в состоянии были рассказать свою историю, так как почти забыли родной язык и должны были снова ему учиться.

Самый орган речи – мускулы языка и голосовые связки могут атрофироваться от неупотребления.

Бывали случаи, что люди, долго находившиеся в одиночном заключении и все время молчавшие, по окончании заключения принуждены были начинать с упражнений в произношении членораздельных звуков, привычка к чему была утрачена совершенно.

Рассказывают, что в подземных озерах Мамонтовой пещеры в Америке водятся породы рыб, ящериц и лягушек, которые по внешней структуре ничем не отличаются от пород, живущих на земной поверхности, но имеют одну особенность: у них совсем нет глаз. У некоторых еще можно заметить слабые следы глазных впадин, у других нет и этого. Орган зрения атрофировался без остатка. Отчего это произошло? Быть может, мы имеем здесь дело просто с особой подземной слепой породой рыб и земноводных? Ученые этого не думают и объясняют указанное явление иначе. Когда-то предки этих животных, принадлежавшие к нормальной наземной породе, попали случайно в подземные озера, где имеются все условия для существования, но куда не проникает ни один солнечный луч и где царствует вечный мрак. При отсутствии света орган зрения – глаз оказался совершенно ненужным. В новой обстановке нужны были для жизни слух, обоняние, осязание, но глаз оставался без употребления, и в силу общего закона зрение стало слабеть. Этот процесс постепенного ослабевания органа зрения продолжался в целом ряде последующих поколений животных, и в результате после многих лет от глаза не осталось и глазной впадины. Он атрофировался от неупотребления.

Тот же закон действует и в духовной жизни. Человек может потерять от неупотребления волю, память, сообразительность – все духовные способности.

И самым, конечно, страшным является для человека омертвение духовной жизни. А это бывает очень часто. Посмотрите на так называемых деловых людей, занятых всецело торговлей, барышами, коммерческими операциями. Они так поглощены всем этим, что для духовной жизни у них не остается времени, и духовно они не растут, оставаясь вечно духовными карликами. Мало-помалу теряется мысль о Боге, о нравственном законе, утрачивается любовь к правде, отвращение ко греху, сердечная чуткость к моральным вопросам. Одним словом, этим путем легко дойти до того состояния, которое пророк Исайя характеризует так: *слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их* (Ис. 6, 9-10). Мы обыкновенно считаем грешниками только тех, кто грешит открыто. Но кто не пользуется данными ему способностями для славы Божией, для пользы ближних, для своего спасения, для развития духовной жизни – тоже грешник перед Богом, и на Страшном Суде Христовом услышит грозный приговор: *негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 25, 30).

В результате пренебрежения духовными дарованиями получаются следующие печальные явления:

1. Духовные способности, как-то: вера, любовь, надежда, молитва, терпение, покорность Богу и прочие – начинают слабеть, становятся ненадежными и в решительную, тяжелую минуту могут изменить человеку. Так в лесу сгнившие в сердцевине деревья первыми падают под напором бури.

2. Мы легче поддаемся искушениям и чаще уступаем чарам соблазна, изменяя нравственному закону.

3. Страдает сила воли и ее нравственная устойчивость. В конце концов, воля есть не что иное, как постоянный выбор между различными побуждениями и возможными направлениями нашей деятельности.

Вас просят, допустим, оказать какую-либо услугу. Ваша леность и ваш эгоизм этого не желают. Но у вас есть другие мотивы – мотивы евангельского характера, мотивы любви к ближним, которые требуют от вас: *Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.* Вам приходится выбирать между тем и другим решением, между «да» и «нет», между согласием и отказом. Удовлетворение просьбы требует известного усилия воли, и, если вы себя преодолеете и это усилие сделаете, исполнив то, чему вас учит Евангелие, вы одержали победу над леностью и эгоизмом, и воля ваша несколько укрепилась нравственно.

Если же вы остались пассивны и безучастны и, подчинившись лености и себялюбию, не сделали нужного усилия воли, вы побеждены, и воля ваша несколько ослабела.

Другой пример: у вас, положим, мелькнула соблазнительная прелюбодейная мысль. Вы можете ее задержать в сознании и услаждаться ею или, помня о необходимости чистоты, которой требует Господь, можете ее немедленно прогнать, обратив внимание на что-нибудь другое. Опять предстоит выбор, и от того, какое решение вы примете – подчинитесь соблазну без сопротивления или твердо оттолкнете его от себя, – зависит и то, ослабеет и распустится ваша воля или укрепится.

В этом постоянном выборе, который предоставляет человеку ежедневная жизнь, собственно, и состоит упражнение нравственной воли, та деятельность, которая ее укрепляет. Отсюда ясно, насколько важна деятельность для развития воли и насколько вредна здесь пассивность или безучастие.

Главным средством укрепления нравственной воли и является непрерывная деятельность в духе евангельских заветов. Без этой деятельности, без постоянных усилий, в чем бы они ни проявлялись – в молитве, благотворительности или аскетическом подвиге, – воля может атрофироваться совершенно, и тогда всякий нравственный поступок представляет невероятные трудности.

4. Застой в духовной жизни всегда сопровождается далее ослабеванием голоса совести. Вначале чуткая и отзывчивая на всякое нравственное зло совесть постепенно начинает замирать, если не обращать внимания на ее требования. Если, заведя будильник, не вставать при его звоне, то к этому скоро можно привыкнуть и спать спокойно, не просыпаясь, как умеют спать церковные сторожа на колокольне под звон колоколов. Так и в духовной жизни: если пренебрегать указаниями совести, то мало-помалу человек перестает слышать ее голос и нравственно засыпает. К зловонию можно принюхаться, ко злу можно привыкнуть, если с ним не бороться.

5. Наконец, при отсутствии духовной деятельности неизбежны сомнения, скептицизм, малодушие, духовная апатия. Не может быть ни энергии, ни решимости.

Таковы психологические следствия духовной лени и бездеятельности.

Еще более важны следствия в области таинственной и благодатной.

1. При бездеятельности мы теряем благодатную жизнь. *Вы не хотите прийти ко Мне, чтобы иметь жизнь,* – говорит Господь иудеям (Ин. 5, 40). Он обещает эту жизнь, но для этого надо идти к Нему. Кто стоит на месте, то есть не делает никаких усилий и движений, тот никогда не придет ко Христу, источнику жизни.

2. Свет жизни приобретается нами, обыкновенно, практически, то есть путем проверки Евангелия опытом и деятельною жизнью по его заветам.

3. Не пытаясь жить по Евангелию, мы отводим от себя благодатные дары и помощь Божию, ибо благодать Божия содействует человеку при его собственных усилиях и без этого спасти его не может.

Из всего вышесказанного постараемся твердо запомнить главный вывод: духовная жизнь есть деятельность непрерывная. Нет более вредной ошибки, как воображать, что сделавши одно или несколько добрых дел, вы уже обеспечили себе блаженство и можете почить на лаврах. Так в старину богатые купцы после беспутно проведенной жизни иногда пытались искупить ее постройкой храма или пожертвованием тысячепудового колокола. Если этот дар не сопровождается искренним раскаянием и решительным переломом жизни в духе Евангелия, то он не может спасти человека. *И праведник,* – говорит Слово Божие, – *если отступит от правды своей и будет поступать неправедно, будет делать все те мерзости, какие делает беззаконник, будет ли он жив? все добрые дела его, какие он делал, не припомнятся; за беззаконие свое, какое делает, и за грехи свои, в каких грешен, он умрет* (Иез. 18, 24).

Жизнь есть вечное движение. Она никогда не стоит.

Духовная жизнь также движется постоянно: или вверх, или вниз, или к добру, или ко злу, но стоять она не может. Это похоже на плавание в лодке вверх по реке. Вы двигаетесь вперед, лишь пока гребете. Как только вы сложили весла, вас сейчас же начинает сносить назад.

Но если вы добросовестно работаете над собой, стараясь жить по заповедям Божиим, и, пользуясь евангельским светом, пытаетесь исправить свои недостатки, то незаметно для вас в вашей душе растет Царство Божие, то есть то высшее состояние нравственного совершенства, когда Господь начинает безраздельно царствовать в душе над вашими мыслями, желаниями и чувствами. Как растет это семя Царства Божия, по каким законам, человек этого не знает и часто даже не замечает, пока не определится результат роста и семя не превратится в полновесный колос. Но когда вырастает семя, оно заполняет всю душу, вытесняя все лишнее, ненужное. Так *зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков* (ст. 31–32).

Последний эпизод разбираемого евангельского отрывка в характерном для святого Марка стиле рисует Господа как властного Царя стихий, Которому повинуются и море, и ветер, и буря.

Глава 5

Глава 5, ст. 1-20

Рассказ пятой главы Евангелия от Марка об исцелении бесноватого решительно опровергает умствования тех рационалистов, которые не верят в существование нечистых духов и факты беснования пытаются объяснить болезненным состоянием человека – эпилепсией, падучей, нервным расстройством или чем-нибудь в этом роде. Повествование святого Марка и те подробности, которые он приводит: переход бесов в свиней, гибель свиного стада, исцеление после этого бесноватого, – все это никак не мирится с подобными объяснениями. Здесь возможно только одно: или отвергнуть евангельский рассказ, признав его неправдоподобным, или же допустить существование злой силы.

Для нас, верующих в Евангелие, конечно, возможно только последнее.

Но, веря несомненно в существование бесов, что подтверждается и Словом Божиим, и духовным опытом всех святых подвижников, мы сталкиваемся далее с чрезвычайно интересным и важным для нас вопросом-о проявлениях их деятельности и о способах борьбы с ними.

Нам надо знать того врага, с которым у христианина идет постоянная, непримиримая борьба, знать его уловки, его коварство, его приемы, уметь различить его козни там, где он пытается спрятаться и действовать из-за угла. Борясь ощупью, с завязанными глазами, мы неизбежно будем впадать в многочисленные ошибки и подвергаться опасным искушениям и чувствительным ударам с той стороны, откуда менее всего ожидаем.

Проявления деятельности духа злобы в несчастном одержимом человеке, по описанию святого Марка, были ужасны: *он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его; всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни* (ст. 3–5).

Это наиболее сильная форма беснования, когда человек теряет над собою всякую власть и находится всецело в подчинении у демонов. Его действия обличают потерю не только рассудка, но и самых элементарных инстинктов, даже инстинкта самосохранения. В этом состоянии он может себя убить, изувечить; неизъяснимая тоска и мука терзают его сердце; ночью и днем он кричит и бьется о камни.

В то же время он обладает громадной, неестественно напряженной силой, так что разрывает цепи, разбивает оковы, и никто не в силах укротить его. Злой дух не отпускает свою жертву ни на один момент, и по силе припадков можно действительно видеть, что в несчастном одержимом скрывается не один бес, а целый легион.

Такая форма беснования встречается в настоящее время сравнительно редко. Но кому приходилось бывать в святых местах, особенно при открытии мощей святых угодников, тот, вероятно, мог наблюдать и такие случаи.

При открытии мощей преподобного Серафима Саровского к раке преподобного привезли из Сибири бесноватого, связанного цепями, так как иначе справиться с ним не было никакой возможности. Но в лесу, прилегающем к монастырю, уже почти в конце пути несчастным вдруг овладело сильное беспокойство. Это беспокойство скоро перешло в припадок невероятного бешенства, во время которого он с нечеловеческой силой разорвал свои оковы и убежал.

Значительно чаще встречаются случаи периодической одержимости, припадки которой связываются обыкновенно с известными моментами богослужения или с определенными церковными песнопениями.

Вероятно, всем известны так называемые кликуши, которые во время «Херувимской», «Тебе поем» и поклонения Святым Дарам начинают лаять по-собачьи, мяукать и кричать диким истошным голосом. Эти крики переходят в страшный вопль и звериный вой, если их пытаются силой подвести к Святым Дарам. Это объясняется тем, что «бесы встречаются с благою силою, им ненавистною и сильнейшею их, которая палит, теснит, поражает их праведно, гонит их вон из любимого жилища» (о. Иоанн Кронштадтский).

Я помню одну молодую девушку, вполне нормальную в обыденной жизни, которая не выдерживала двух молитв в богослужении: чтения Евангелия и пения кондака Божией Матери «Не имамы иныя помощи». Как только она чувствовала, что время подходит к Евангелию, она начинала дрожать всеми членами, потом вдруг поворачивалась и стремительно убегала из церкви. Если ее останавливали и держали силой, она падала на пол и вся замирала, почти без сознания. Но кончалось чтение Евангелия – кончался и припадок; она стояла спокойная и усердно молилась.

Зиму 1924 года мне пришлось проводить в одном из северных захолустных городов Зырянской области, и здесь ссыльный епископ рассказал мне необыкновенный случай, происшедший в семье его хозяина.

Семья эта состояла из четырех лиц: самого хозяина, Василия Тимофеевича, или, по зырянскому способу произношения, Тимовася, его жены, дочки Лизы, молодой девушки лет шестнадцати-семнадцати, и мальчика – сына. Признаки одержимости в более или менее сильной степени замечались у всех членов семьи, за исключением хозяина, но наиболее жуткую форму они приняли у дочери.

Однажды она заболела, и во время болезни с ней случился тяжелый нервный припадок. Лиза билась и металась, так что принуждены были снять ее с палатей и положить на пол, чтобы в конвульсиях она не упала и не разбилась. Мало-помалу она стала затихать и, по-видимому, успокоилась… И вдруг на чистом русском языке, обращаясь к матери, она произнесла: «Ты мне не нужна!.. Пошли за Василием Тимофеичем!» Надо заметить, что отца она никогда так не называла и русского языка совершенно не знала, всегда говоря лишь по-зырянски.

Послали за отцом, которого скоро нашли у соседей. Когда Тимовась вошел в избу, между ним и дочерью завязался разговор, продолжавшийся более трех часов, причем говорила преимущественно Лиза и говорила правильным языком.

– Здравствуй, Василий Тимофеевич!.. Что ты стал, Василий Тимофеевич? Подойди сюда…

Лиза лежала неподвижно: губы ее не шевелились и ни один мускул лица не двигался. Голос шел откуда-то изнутри.

– Ну, здравствуй, Василий Тимофеевич! Мы приехали к тебе издалека… Нас трое: доктор, фельдшер и лакей… Мы приехали тебе сказать, что ты плохо живешь, Василий Тимофеевич!.. У тебя жена хорошая, Лиза хорошая и сын Николай… А ты… ты плохо живешь: куришь… да и другие грехи есть… Если бросишь курить, проживешь еще долго… А если не бросишь, то скоро умрешь… Сын Иван у тебя тоже плох: обманывает он тебя и курит… Ты слишком доверчив, Василий Тимофеевич! Вот ты любишь очень брата своего, Григория, а он скверный: пользуется твоей доверчивостью и обманывает тебя… Берегись также Марьи Васильевны: она дурная… Ты больше знайся с Марьей Егоровной…

Так звали свояченицу Тимовася.

– Ты мне, кажется, не веришь, Василий Тимофеевич! Так вот слушай: Марья Егоровна сейчас ставит шаньги (зырянские лепешки. – *Е. В.*) в печь… Пошли к ней мальчика… Пусть он мне принесет… Я поем…

– Помилуй, – возразил робко Тимовась, – какая теперь печь!.. Шесть часов вечера!..

– Нет, ты все-таки пошли! Они завтра собираются уезжать и затопили печь… Пошли!

Мальчика послали. Он вернулся минут через сорок и принес с собой миску теплых шанег. Все сказанное оказалось верным. Муж Марьи Егоровны собирался рано утром уезжать, и, чтобы напечь ему подорожников, пришлось затопить печь.

Далее начались хозяйственные разговоры: о посеве, о полевых работах, о домашнем скоте. Предсказано было, какие коровы падут, сколько их останется, сколько будет телят и т. д. Впоследствии все это оправдалось.

Потом вдруг тот же голос заявил:

– Ты знаешь, мне дана власть над твоей Лизой… Стоит мне только нажать на сердце, и она умрет…

Бедный Тимовась взмолился:

– Пожалей, если имеешь такую власть… Пожалей девушку… Она одна у меня дочь!

– Хорошо, подумаю!.. – был ответ. – Мы посоветуемся!..

Раздались еще какие-то новые, незнакомые голоса, как будто разом говорило несколько человек. Потом они стали постепенно затихать, как будто удаляясь, и наконец все замолкло.

Лиза заснула.

На другой день она не помнила ровно ничего и не знала ни одного русского слова. Единственное, что она могла рассказать, – это о том, что случилось с ней за минуту до припадка: пришел кто-то в черном, сел ей на грудь и сильно сжал. У нее захватило дыхание, и она потеряла сознание. Дальше она ничего не чувствовала.

Несколько похожий случай я помню из своей пастырской практики. Однажды меня пригласили причастить умирающую девочку. Когда я пришел, больная, девочка-подросток лет 12–13, находилась, по-видимому, уже в состоянии последней агонии.

Трупные тени легли на лицо, в горле слышался слабый клекот, известный в народе под названием «колоколец», как это бывает у умирающих в последние минуты. Но вместе с ним в ней происходило что-то необыкновенное: из полуоткрытых губ то и дело вырывались ужасные бранные слова. Она ругала свою мать, находившуюся в комнате, ругала самой скверной, солдатской, площадной бранью.

Это была жуткая картина.

Девочка, почти ребенок, на пороге смерти – и эта отвратительная брань… Голос звучал резко, точно стукали по деревянной доске, слова вылетали с небольшими паузами, но методически, с какой-то злой настойчивостью. И в то же время по глазам было видно, что бедная девочка вряд ли понимала, что с ней делается… Было впечатление, как будто кто-то изнутри дергал пружинку и слова выскакивали автоматически…

Причастить больную оказалось невозможным: у нее уже не было глотательных рефлексов.

Пришлось лишь окропить ее святой водой и прочитать заклинательные молитвы святителя Василия Великого и отходную. Понемногу она стала стихать.

Но не только в таких явно ненормальных проявлениях сказывается одержимость. Есть целый ряд явлений, которые считаются у нас самыми обыкновенными, ни в ком особых подозрений и тревоги не возбуждают и которые, тем не менее, несомненно связаны с деятельностью злого духа. Это так называемые аффекты, или вспышки разнообразных страстей.

Особенно заметно присутствие посторонней враждебной силы в припадках бурных, разрушительных страстей: гнева, ревности и т. п. Почти все убийцы, прикончившие свою

жертву в минуты раздражения и запальчивости, рассказывая об этом впоследствии, говорят, что они чувствовали в этот момент, будто «кто-то схватил их за сердце». Вероятно, каждый из нас, если ему приходилось когда-либо переживать подобные взрывы ярости и гнева, согласится, что он чувствовал приблизительно то же и что им владела какая-то сила.

В литературно-художественных описаниях аффектов вы почти всегда найдете этот момент потери самообладания и ощущение непреодолимости чего-то сильного, властного.

Почти то же влияние посторонней злой силы чувствуют самоубийцы перед роковым шагом.

Одна вдова-крестьянка, подавленная страшно тяжелым горем, говорила, что она боится ходить мимо мельничного омута.

– Так и тянет! – рассказывала она. – Так и тянет! Боюсь, не совладаю с собой – брошусь… Сегодня проходила мимо… Как взглянула – едва удержалась… Сердце захватило… На землю уже упала, чтоб не смотреть… Насилу отошла…

Но кроме этих тяжелых и резких явлений, которые захватывают нас лишь временами, мы постоянно находимся под действием какой-то темной силы, которая людьми чистого сердца и праведной жизни ощущается определенно как сила диавола, но нами, нравственно огрубевшими, грешными людьми, обыкновенно не замечается. Эта сила сказывается главным образом в навязчивых мыслях и соблазнительных образах, что на аскетическом языке носит название «прилогов диавольских». Неизвестно, откуда появляются эти мысли и образы, властно захватывающие сознание и часто руководящие нашей деятельностью.

Люди, духовно невоспитанные, обычно принимают их за собственные мысли и желания и не только не считают нужным с ними бороться, но, если они окрашены чувственно-приятным тоном, сами их снова вызывают, когда они исчезают, услаждаются ими, задерживая в сознании, и напрягают свою фантазию, чтобы разукрасить их еще привлекательнее новыми подробностями. Это не воспоминания прошлого, не построение сознательной мысли, не продукты подсознательной деятельности воображения, как их иногда называют (определение, кстати сказать, не объясняющее ровно ничего), это несомненное внушение посторонней духовной силы. Отчетливее всего это чувствуется во время молитвы, когда навязчивые мысли начинают особенно настойчиво тесниться в сознании, как будто стараясь заслонить Бога от духовного ока молящегося. Лишь большим напряжением воли удается удержать внимание на святых словах молитвы. Многим, особенно тем, кто не привык к духовной борьбе и напряжению, это совершенно не удается.

«Когда мы молимся, – пишет о. Иоанн Кронштадтский, – то в мыслях странным образом вертятся самые святые, высокие предметы наравне с предметами земными, житейскими, ничтожными: например, и Бог, и какой-либо любимый предмет, например, деньги, какая-нибудь вещь, одежда, шляпа или какой-либо сладкий кусок, сладкий напиток или какое-либо внешнее отличие, крест, орден, лента и проч.»

Но лишь только кончится молитва, все эти пестрые, несвязные мысли тотчас исчезают, как облака, развеянные ветром. Часто вы даже не вспомните о том, о чем думали во время молитвы и что казалось тогда необычайно важным и нужным, требующим обязательно серьезного обсуждения.

Это обстоятельство лучше всего доказывает присутствие в навязчивых мыслях посторонней силы, враждебной по отношению к молитве.

Наконец, влияние злой силы, по словам о. Иоанна, сказывается и во многих других явлениях духовной жизни. «Несомненно, – говорит он, – что диавол в сердцах весьма многих людей сидит какою-то сердечною вялостью, расслаблением и леностью ко всякому доброму и полезному делу, особенно к делу веры и благочестия, требующему сердечного внимания и трезвения, вообще духовного труда. Так он поражает сердце вялостью, а ум тупостью во время молитвы; так он поражает сердце холодностью и бездействием сердечным тогда, когда

нужно сделать добро, например, сострадать страждущему, помочь в беде находящемуся, утешить печального, научить невежду, наставить на путь истины заблуждающегося и порочного… Диавол сидит в наших сердцах еще необыкновенно сильною раздражительностью; мы становимся иногда так больны самолюбием, что не терпим ни малейшего противоречия, препятствия вещественного или духовного, не терпим ни одного слова негладкого, грубого».

Таким образом, деятельность злого духа в человечестве проявляется чрезвычайно разнообразно, начиная ярким выражением одержимости или настоящего беснования, когда человек вполне подчиняется злой воле до потери инстинкта самосохранения, и кончая почти неуловимыми веяниями лукавой мысли и чувства, где лишь зоркий глаз опытного подвижника может рассмотреть наличность демонского искушения. Но все это факты одного порядка, различающиеся между собою лишь степенью силы злого влияния.

Если деятельность злой силы так постоянна и неутолима, то нам приходится серьезно задуматься о том, как бороться с ее влиянием, хотя бы мы его и не ощущали. В противном случае наша духовная работа над собой на пути к христианскому совершенству будет серьезно затруднена и может свестись к нулю.

Прежде всего, где найти опору для этой борьбы? Прочитанный евангельский отрывок отвечает на этот вопрос определенно: во Христе. У Господа нашел исцеление несчастный евангельский бесноватый, и силою Его божественного слова был изгнан легион бесовский. Победитель ада и смерти, Господь и теперь является нашим быстрым и могущественным защитником, перед которым трепещет и которому повинуется нечистый дух.

Вот свидетельство того же о. Иоанна из пережитого им опыта: «Владыко мой, Господи Иисусе Христе! Мой скорый, пребыстрый, непостыжающий Заступниче! Благодарю Тебя от всего сердца моего, что Ты внял мне милостиво, – когда я в омрачении, тесноте и пламени вражием воззвал к Тебе, – пребыстро, державно, благостно избавил меня от врагов моих и даровал сердцу моему пространство, легкость, свет! О, Владыко, как я бедствовал от козней врага, как благовременно явил Ты мне помощь и как явна была Твоя всемогущая помощь! Славлю благость Твою, благопослушливый Владыко, надежда отчаянных; славлю Тебя, что Ты не посрамил лица моего вконец, но милостиво от омрачения и бесчестия адского избавил меня. Как же после этого я могу когда-либо отчаяваться в Твоем услышании и помиловании меня окаянного?»

«Никто из святых, – пишет святой Иоанн Кассиан, – не мог бы выдержать злость демонов или устоять против их наветов и свирепой ярости, если бы при нашем ратоборстве не был всегда присущ нам милостивейший заступник и подвигоположник Христос, не уравнивал силы борющихся, не отражал и не обуздывал беспорядочные набеги врагов» (Св. Иоанн Кассиан. Борьба с помыслами и духами злобы).

Таким образом, вся борьба с духом злобы во всех его проявлениях держится на живой связи с Богом и Господом Иисусом Христом. С первых же шагов необходимо твердо помнить, что собственными личными силами ни один человек выдержать этой борьбы не может и неизбежно будет побежден, если не обратится за помощью к Богу. Самомнение, самоуверенность здесь роковым образом ведут к гибели и заранее обречены на позорное поражение.

Братия мои, – увещает апостол Павел, – *укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 10–12).

Главным оплотом нашим в духовной брани является, следовательно, вера и надежда на Бога и Господа Иисуса Христа и главным средством борьбы – сердечное с искренней верою обращение к Нему. В минуту уныния, минуту смущения, в минуту страсти, возбужденной в

тебе демоном, вдохни от глубины души и воззови сердцем к Господу о помощи, и Господь тебя не оставит и поможет.

Самое призывание имени Господа Иисуса Христа, если оно делается с верою, уже страшно диаволу. *Именем Моим будут изгонять бесов* (Мк. 16, 17), – обещал Господь Своим последователям, и это обещание неложно.

Из истории Церкви и жизнеописаний святых угодников мы знаем много случаев такого изгнания. Уже в первые времена Христовой Церкви апостолы пользовались именем Господа как оружием против нечистого духа. Когда в г. Филиппах апостола Павла и его спутников преследовала служанка, одержимая духом прорицательным, то *Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час.* Так рассказывает книга Деяний святых апостолов (Деян. 16, 18).

В древней Церкви существовали даже особые заклинатели, на обязанности которых лежало изгонять бесов именем Господа Иисуса Христа и молитвой.

Другим оружием против диавола, которое также связано с нашей верой в Господа, является крестное знамение.

«Слава, Господи, никогда не изнемогающей силе креста Твоего! – пишет о. Иоанн Кронштадтский. – Когда враг теснит меня греховным помыслом и чувством и я, не имея свободы в сердце, изображу несколько раз с верою крестное знамение, то вдруг и грех мой отпадает от меня, и теснота исчезает, и я выхожу на свободу. Слава Тебе, Господи!»

В житии преподобного Симеона Столпника передается следующий случай. Когда он еще не достиг высшего совершенства духовной жизни, он подвергся однажды тяжелому искушению, которым диавол пытался подействовать на его гордость. Бес явился подвижнику в образе светлого Ангела и уверил его, что за святую жизнь его решено взять живым на небо, подобно пророку Илии. Поддавшись искушению, преподобный Симеон вышел из кельи, следуя за своим соблазнителем… Сверкающая огненная колесница, запряженная крылатыми конями, уже стояла у дверей кельи. Но лишь только святой отшельник занес ногу, чтобы взойти на колесницу и по всегдашней монашеской привычке сотворил на себе крестное знамение, как все исчезло…

Такова сила крестного знамения.

Но для того, чтобы мы могли применять указанные средства в борьбе с диаволом, для этого необходимо еще одно условие в нашей духовной жизни, именно бодрствование, или внимательное наблюдение за собственными мыслями и настроениями.

Как зоркий часовой, наш внутренний человек должен следить за приближением врага, чтобы знать минуту надвигающейся опасности, когда следует браться за спасительное оружие.

Необходимо все время ясно сознавать, что злой и нечистый дух всегда около нас и всегда готов к нападению. К сожалению, этого-то ощущения у громадного большинства людей нет совершенно. Для многих, особенно для так называемых культурных людей нашего времени, сама мысль о существовании диавола и о том, что они находятся у него в бессознательном повиновении, покажется странной и смешной. Они вполне уверены, что все мысли и желания, рождающиеся в их душе, принадлежат их собственному «я» и что в управлении ими они совершенно свободны и самостоятельны. Конечно, диавол всеми мерами поддерживает эту иллюзию, ибо слепых рабов гораздо легче держать в подчинении. Считая свои мысли, желания и настроения собственным достоянием и не сознавая, что они в значительной степени навеяны посторонними силами, человек с трудом отказывается от них, ибо против этого восстает его гордость и самолюбие под предлогом якобы защиты прав свободной и независимой личности. При таких условиях о необходимости контроля и сознательного, планомерного отбора мыслей и желаний никто из нас серьезно не думает, тем более, что мысль, как бы гнусна и дурна ни была, преступлением не считается. Эта точка зрения меня-

ется постепенно лишь тогда, когда человек начинает жить действительно христианской жизнью и принужден бороться за нравственное совершенство. До тех пор мы за мыслями обыкновенно не следим. Вот почему они тянутся через поле нашего сознания такими несвязными нестройными вереницами, то вялые, тусклые, бесцельные, то лукавые, тщеславные, обыкновенно суетные, иногда злые и преступные. А между тем сюда-то и должно быть обращено самое настороженное внимание христианина, ибо именно в этой области мысли и чувства и происходит соприкосновение нечистого духа с душою, и здесь-то находятся рычаги его влияния на волю человека. Сатана не может принудить человека к злой деятельности; он может его только соблазнить, то есть или обмануть кажущеюся благовидностью мотивов, или увлечь мыслью о наслаждении и приятных последствиях греха.

Но как разобраться в мыслях и желаниях? По каким признакам отличить те из них, какие внушены диаволом. Как почувствовать прикосновение к душе и веяние злого духа?

Люди более опытные в духовной жизни ощущают это непосредственно по какой-то неизъяснимой тесноте, смущению, тяжести, беспокойству в душе. Как говорит преподобный Макарий Египетский: «Как уксус с вином на вид одинаковы, но гортань чувством вкуса различает свойство того и другого, так и душа по самому духовному ощущению и действенности может различить дарования духа и мечтания диавола».

Но это на высших ступенях. Для нашей грубой, омраченной души это недоступно. Достаточно, если на первых порах мы ограничимся качественным анализом помышлений, то есть проверкой их нравственной ценности, и будем отсекать те из них, которые явно и определенно противоречат заповедям Божиим.

Что касается вспышек грубых страстей, то наличие их чувствуется всеми безошибочно, и тогда надобно быть особенно осторожным. «Когда ощутишь, что в сердце твоем не стало мира из-за пристрастия к чему-нибудь житейскому, а вместо того в нем дышит раздражительность и злоба, стань тотчас на страже сердца и не давай наполнить его диавольскому огню. Молись сердечною молитвою и укрепляй Божиею силою страстное, нетерпеливое сердце свое. Будь твердо уверен, что злодышущее разжение сердца есть дело врага» (о. Иоанн Кронштадтский).

Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение (Мф. 26, 41). Так завещал Господь Иисус Христос.

Глава 5, ст. 21-43

Снова святой евангелист Марк рисует пред нами Господа Иисуса Христа во всем величии Его силы и могущества. Снова в двух эпизодах проявляется Его Божественная власть не только над человеческими недугами, но и над смертью, и, как всегда, чудесные проявления этой власти проникнуты духом деятельной любви к человеку, печать которой лежит на всей жизни Спасителя.

В одном отношении эти два чуда, по описанию евангелиста, характерным образом различаются между собою, и эта черта различия заслуживает быть отмеченною.

При воскрешении дочери Иаира, начальника синагоги, Господь, следуя Своему обыкновению, как оно проявляется в большинстве Его чудесных деяний, стремится соблюсти тайну.

Во-первых, из всей громадной толпы, которая сопровождала Его, тесня и волнуясь, Он берет только Петра, Иакова и Иоанна, Своих ближайших и любимых учеников, и не позволяет больше никому следовать за Собою.

Придя в дом Иаира, где уже собрались родственники и знакомые умершей, *Он, выслав всех, берет с Собою отца и мать девицы и бывших с Ним и входит туда, где девица лежала.*

Воскресив умершую, Он строго приказывает, *чтобы никто об этом не знал.*

Таким образом, евангелист здесь трижды отмечает стремление Господа совершить чудо тайно, чтобы не вызвать шума и толков в народе.

При исцелении кровоточивой Господь, наоборот, заставляет получившую исцеление женщину, скрывшуюся в толпе, публично засвидетельствовать перед всем народом о чуде, совершенном над нею.

Бедная больная, истратившая все свое состояние на докторов, хотела получить исцеление незаметно, в толпе прикоснувшись к одежде Иисуса Христа, но Господь не позволил ей укрыться и, *почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде?* Ученики возражали Ему, что в тесной толпе, сжимавшей их со всех сторон, спрашивать об этом странно. Но Иисус все-таки искал глазами ту, которая это сделала.

Тогда женщина, видя, что она не может укрыться, *в страхе и трепете… подошла, пала пред Ним и сказала Ему всю истину.*

Господь как сердцеведец, конечно, знал и мог сразу указать в толпе того, кто к Нему прикоснулся, но Он хочет, чтобы исцеленная женщина сама признала и исповедала перед народом случившееся с нею чудо.

Зачем? Несомненно, в данном случае открытое исповедание чуда было нужно для тех, кто сопровождал Господа. Сам Он в человеческой славе не нуждался и ее всегда избегал, но в окружавшей Его толпе необходимо было укрепить веру. В этом прежде всего нуждался сам Иаир, особенно ввиду предстоящего чуда воскрешения его дочери. Слабой вере начальника синагоги предстояло большое испытание: смерть любимой дочери, которую, уходя, он оставил тяжело больной, но еще живой. Известие об этой смерти должно было повергнуть его в отчаяние, и для того, чтобы и в эту минуту у него мог сохраниться луч веры в могущество Господа и надежда на Его помощь дочери даже в таких, по-видимому, безнадежных обстоятельствах, для этого надо было, чтобы он сам был свидетелем необыкновенной, чудотворной силы Господа.

Вот почему Господь потребовал от кровоточивой женщины открытого признания совершившегося над нею чуда.

Возможно, что именно благодаря этому вера Иаира выдержала испытание, и, когда несчастному отцу, удрученному печальной вестью о смерти дочери, Господь сказал: *не бойся, только веруй,* тот в воспоминании о необыкновенном событии с кровоточивой нашел подкрепление для своей веры, и чудо воскрешения могло, таким образом, совершиться.

Этим путем исповедания и открытого свидетельства о явлениях силы Божией в жизни людей и укрепляется в человечестве вера в Бога и в Его про мыслительную деятельность, а вместе с тем растет и расширяется круг лиц, составляющих Церковь Христову. *Как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали? Как слышать без проповедующего?.. Итак вера от слышания* (Рим. 10, 14, 17), – говорит апостол Павел.

Следовательно, открытое исповедание веры в Бога во многих случаях является для христианина обязанностью, и отказ от такого исповедничества часто равносилен измене Христу.

Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, – говорит Господь, – *того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 32–33). Особенно в годины общего упадка веры или преследования религии важно и нужно исповедничество. Пример одного мужественного человека, открыто, несмотря на насмешки и гонения, исповедующего веру в Бога и Господа Иисуса Христа, поддерживает ее в слабых, колеблющихся сердцах и укрепляет робкие души на подвиг защиты религии и страдания за имя Христово. В такое тяжелое критическое время измена Христу и отречение от Него становится особенно позорным.

Каким тяжелым грехом кажется нам отречение от Христа апостола Петра в минуту опасности, когда Господь, взятый под стражу, находился в руках Своих гонителей, заушавших и оскорблявших Его, и когда среди этих страданий около Него не было ни одной души, сочувствующей Ему, кроме двух учеников, затерявшихся в толпе. Такое положение налагало на учеников особые обязательства мужественно и твердо выразить свои симпатии к Божественному Страдальцу, ибо среди всеобщей ненависти и презрения это было бы для Него утешением и отрадой. Недаром разбойник, сделавший это на кресте, заслужил прощение и милость Господа. А услышать в такую минуту из уст любимого ученика отречение от Себя: *не знаю Человека Сего* (Мк. 14, 71) – разве это не значило для Господа найти в Своей переполненной чаше страданий еще лишнюю каплю горечи? И когда *Господь, обратившись, взглянул на Петра* (Лк. 22, 61), как много говорил этот грустный взор! Петр не мог забыть этот взгляд всю свою жизнь, и каждый раз, когда пел петух, он горько плакал, вспоминая свое отречение. Его глаза были всегда красны от слез.

Точно так же, когда страдает в гонениях Церковь Христова, наша нежная, любящая мать, воспитавшая нас своим богослужением и уставами, вскормившая нас своим учением, вспоившая нас в таинствах из источника благодати Святого Духа, покидать ее в эти минуты скорби и преследований, отрекаться, вместо того чтобы защищать, особенно позорно и свойственно душам низким и маловерным.

Наоборот, какую дивную картину благородства, верности, честности представляет исповедничество христианских мучеников первых веков в годы гонений!

Вот сцена, обычная для того времени. Южный город… На главной городской площади выстроен помост, и на нем перед игемоном идет допрос христиан. Кругом страстная южная толпа, впечатлительная, непостоянная, изменчивая, как море, полная смешанных чувств. Одни смотрят на христиан с презрением, как на глупцов и фанатиков, вредных для государства; другие – с нескрываемым удивлением, ибо никак не могут понять, что за сила заставляет их идти на пытки и смерть; третьи полны внутреннего восторга и преклонения перед мужеством и непоколебимой твердостью этих людей… А их, этих странных, удивительных людей, много… Тут и глубокие старцы, убеленные сединами, согбенные от годов и изможденные суровой жизнью, тут и зрелые мужи в полном расцвете сил и способностей, юноши, стоящие на пороге жизни, обвеянные молодыми надеждами, девушки, робкие и нежные, как лилии, даже дети… И все они твердят одно слово, которое бесповоротно осуждает их на казнь: «Я – христианин!», «Я – христианка!» И в этом исповедничестве все они одинаково тверды: и давнишние христиане, и только что обращенные ко Христу неофиты.

У всех один порыв, одно чувство, одна великая любовь ко Христу… Одна мысль, полная восторга: «Познать Тебя, Господи, почуять вдруг, что нет в жизни никого выше, поклониться страданию Твоему, здесь терпеть пытки короткими часами, чтобы в вечности ликовать с Тобою, разделить с Тобою, любимым, страдания Твои – выше этого нет счастья!»

Им предлагают за отречение славу, богатство, сказочное благополучие, словно надбавляя ставку, словно желая испытать, до какого предела может дойти безумие христиан, – ничто их не прельщало. Нет той цены, за которую они могли бы изменить Христу и продать веру свою.

А с другой стороны лежат орудия пыток, разводят костры, топят олово, чтобы пытать струей раскаленного металла… Весь этот ужас злобы и жестокости, истощивший фантазию в изобретении, самых невероятных, утонченных пыток и истязаний, грозил мученикам.

И требуется ведь так немного: вылить фиал вина или бросить щепотку ладана на языческий жертвенник. Вот и все!.. И не хотят!.. Твердят одно: «Я – христианин!», «Я – христианка!» Выше и почетнее этого звания они не знают ничего. И за это умирают. Умирают среди страшных мучений. Умирают спокойно, с молитвой, с ясной улыбкой на устах.

Это-то исповедничество и распространяло веру; на крови мучеников росла и расцветала Христова Церковь. Века открытых гонений и мучений за веру Христову прошли. Но развитие и дальнейшее укрепление Церкви Христовой по-прежнему требовало исповедничества мужественных и сильных духом людей, ибо борьба злой силы против Церкви не прекратилась, но приняла лишь другие формы: к насилию присоединились коварство и обман. Наступала эпоха ересей.

И в это время мы видим опять целый ряд стойких борцов за веру истинную, защищавших Церковь смелым, сильным, прямым словом, не считаясь с грозившими им опасностями.

Вот Афанасий Великий. Его выдвинула борьба с арианством, первой злостной попыткой лукавого ума опровергнуть православное учение о Богочеловечестве Христа, объявив Его тварным созданием. Почти всю свою жизнь святой Афанасий боролся с этой ересью, принимавшей по временам угрожающие размеры. Бывали моменты, когда гонимое Православие покоилось почти на одном Афанасии. Значительную часть жизни он провел в изгнании, но ничто, никакие натиски бури его не сокрушили. Он сохранил и передал грядущим векам учение веры в ненарушимой чистоте.

Далее эпоха иконоборчества. Это было гонение не только против икон, но и против иночества, против церковных установлений, против всего, что налагает узду на страсти. Гонение, поддерживаемое несколькими императорами подряд, велось с озлобленной жестокостью, без разбора средств. И только маленькая горсть верных Церкви людей, смело возвысивших свой голос в защиту древних установлений, отстояла иконопочитание.

В этой самоотверженной борьбе за чистоту веры особенно заметны два героя исповедничества: святые преподобные Феодор Студит и Иоанн Дамаскин.

Иоанн Дамаскин был первым министром дамасского халифа. Необычайно даровитый и пламенно верующий, он всю свою ревность и весь свой талант отдал борьбе с иконоборчеством. В защиту икон им написано много вдохновенных стихотворений, которые приобрели необычайную популярность в народе и распевались по всему пространству Византийской империи, поддерживая маловерных и укрепляя слабых. Главный гонитель икон император Византийский Лев III Исаврянин до сего времени не мог ничего сделать с Иоанном, чтобы остановить его деятельность, ибо Дамасский халифат находился за пределами его власти. Наконец злоба ненавистника икон нашла коварное средство: он приказал составить подложное письмо, полученное им якобы от Иоанна и содержащее в себе предложение изменить халифу с целью свержения его с трона. Письмо это он переслал халифу, как будто бы возмущенный низостью предложения. Цель клеветника была достигнута: повелитель Дамаска в страшном гневе на своего первого министра приказал отрубить ему руку, написавшую якобы предательское письмо.

Так пострадал святой Иоанн за свое смелое исповедничество. Да, это были люди! И каким укором веет на нас от этих цельных, светлых образов в наше время, в нынешней смуте, восстающей на Церковь, на церковные установления, на Христа.

А как нужно теперь исповедничество! Какое великое значение в жизни Церкви имеет иногда открытое исповедание веры или смелое слово обличения неправды даже одним мужественным человеком.

В 1439 году римско-католический папа составил план так называемой унии, или объединения с Восточно-Православной Церковью, стремясь подчинить ее своему влиянию и господству. С этой целью созван был Собор во Флоренции, на который приглашены были представители Православной Церкви. Немало нашлось среди них предателей, которые согласились принять унию, предоставлявшую католичеству власть над Православием. Но один отец Восточной Церкви, Марк Ефесский, человек всеми уважаемый за свою искренность, честность и преданность вере, отказался подписать акт о соединении Церквей. И таково было влияние и уважение, которым он пользовался, что римский папа, узнав, что в

соборных протоколах нет подписи Марка, воскликнул: «Ну, так мы ничего не сделали!» Он был прав: флорентийская уния не привела ни к чему.

Вот что значит иногда стойкость одного человека! Особенно важны примеры стойкой веры и открытого исповедания для молодежи, которая часто ищет и не находит опоры в своих религиозных устремлениях. Представьте себе молодого человека, заброшенного в неверующую среду. Быть может, в его душе и есть правильные устои веры, заложенные еще в семье, но ведь все это, все его духовное мировоззрение находится только в состоянии формирования и потому неустойчиво. Отрицательные впечатления полного безразличия к вере или легкомысленной критики лезут со всех сторон на неокрепший мозг, и капля по капле исчезает детская вера. Для такого юноши найти опору для борьбы с окружающей религиозной холодностью в примере сознательно верующего человека великое счастье. Некоторые, хотя, к сожалению, немногие верующие, понимают это и не скрывают своих религиозных убеждений.

«Перед молодежью, – говорил как-то известный профессор философ Астафьев, – я не скрываю, но сознательно подчеркиваю свои религиозные верования. Если под вечер, в холодную погоду случится проехать мимо Иверской, когда там пустынно, то случается – перекрещусь маленьким крестом, не снимая шапки. Но если я вижу студента-ученика, то, невзирая ни на какую погоду, снимаю шапку и крещусь широким крестом».

Если от этих образов великих и малых исповедников мы перенесем внимание на свою жизнь, то, наверное, найдем иную картину. Мы не только не считаем нужным открыто исповедовать свою веру, но, напротив, часто тщательно скрываем свои христианские убеждения, как будто стесняясь и стыдясь их. Многие, привыкшие осенять себя крестным знамением, проходя мимо храма, иногда боятся снять шапку и перекреститься, если на них смотрят или если вблизи они заметят знакомого неверующего насмешника. Какая-то странная трусость, навеянная несомненно духом лукавым, овладевает ими иногда! Показаться смешным в глазах этого скептика-недоучки, щеголяющего модным либерализмом воззрений, – это ужасно! Подумайте, что скажут: «В XX веке веровать! Век пара и электричества – и вера в Бога, как в средние века! Какая отсталость! Да еще по-православному, по-старушечьи! Лютеранство – это еще куда ни шло с его рациональным подходом к религии!.. Но православие! Фи, как смешно!» И православный человек, сжавшись комочком и боязливо оглядываясь на насмешника, старается поскорее проскользнуть мимо храма не крестясь, хотя на сердце скребут кошки, а рука так и просится к шапке.

Так велика эта боязнь насмешки и опасение показаться отсталым, что иногда искренно верующие люди, особенно городского интеллигентного круга, вместо хорошей иконы с лампадой на видном месте вешают маленький, едва заметный образок где-нибудь в углу, да еще под цвет обоев, чтобы сразу и разглядеть было невозможно. Помилуйте! Придут гости, знакомые, интеллигенция… осудят!

Разве это не отречение? – *Не знаю Человека Сего!*

Случается порой, что в веселом обществе рассказывают так называемый смешной анекдот, полный самого возмутительного кощунства, и никто из присутствующих не остановит рассказчика, не выскажет своего негодования против оскорбления религиозного чувства. Кому не приходилось слышать кощунственных пародий вроде «Сотворения мира» или «Истории потопа»? И надо заметить, что эти пародии не из самых худших. В последнее время появились рассказы и анекдоты, богохульство которых жутко и страшно. Составлены фарсы и комедии в таком же роде, которые рассказываются открыто, на сцене… И православные люди все это слушают молча, а иногда хихикают и рукоплещут…

Не уважаем мы своей религии!

Особенно в настоящее лукавое время, когда против Православия ведется такой ожесточенный поход, выясняется все более, как мало мы дорожим верой своих предков. Широкой

волной разливается отступничество, захватывая не только молодежь, но иногда и стариков. Изменяют Православию и Церкви чрезвычайно легко, по самым незначительным причинам. Желание карьеры, боязнь притеснений, служебное положение, дерзкие насмешки, легковесные quasi-научные доклады – все это признается извинительным поводом для отступничества, по крайней мере, внешнего. Если сравнить с этим настроением силу веры первых христиан эпохи гонений, то сравнение это будет далеко не в нашу пользу. Как дорожили тогда христианством! Какие цельные, сильные, прямые и честные натуры вырабатывала эта глубокая преданность религии, и как дрябло и бессильно современное общество, носящее христианский ярлык! Как мало в нем блесток, не говорю – евангельских, но просто духовных ценностей!

Часто оправдывают себя тем, что изменяют Церкви и Господу Иисусу Христу лишь внешним образом, под давлением обстоятельств, а в душе верны по-прежнему.

Но ведь Господь говорит: *Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 33). Апостол Павел свидетельствует: *Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас* (2 Тим. 2, И, 12).

Разве это не страшно?

Гонят Церковь должны и мы нести гонение. Терпит Христос – должны терпеть и мы, разделяя Его страдания, ибо *кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10, 38), – говорит Он.

Итак, исповедничество для православного христианина в настоящее время необходимо и неизбежно.

Но здесь возникает один важный и вполне естественный вопрос: если для христианина необходимо открытое исповедничество, то как согласовать с этим сохранение тайны духовной жизни, что также требуется от него, как это мы видели в прежних беседах? Ведь и Господь, требуя исповедания от кровоточивой женщины, не требует этого от Иаира, но, наоборот, повелевает ему и его родственникам молчать о чуде воскрешения девицы. Значит, и исповедничество требуется не всегда, но лишь в некоторых, определенных случаях.

Совершенно верно, и прочитанный евангельский рассказ дает ясное указание, когда именно требуется исповедничество.

Когда выступила исцеленная женщина со своим публичным признанием чуда?

Когда потребовал этого от нее Господь.

В этом заключается ответ на поставленный вопрос и разрешение высказанного недоумения.

Исповедничество во время гонений обязательно для христианина, когда к этому призывает его Господь, то есть когда обстоятельства складываются для него таким образом, что ему необходимо выявить перед людьми свое отношение к Богу: за Христа он или против Христа. Обстоятельства нашей жизни, все, до последней мелочи, определяются волею Божиею, и если Господь ставит человека в необходимость открыто исповедать свои верования, то это и есть призыв Божий.

Когда христиан первых веков брали под стражу и приводили к игемону для допроса, они мужественно исповедали свою веру в Христа, но сами мучений не искали.

Самовольный вызов на подвиг исповедничества обыкновенно связан с чувством гордости и самомнения и им руководится, а потому часто бывает наказан, ибо *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (1 Пет. 5, 5). Самовольные исповедники, оставленные без благодатной помощи Божией, своими силами не могут выдержать испытания и неизбежно кончают отречением.

Сохранилась от древних времен скорбная повесть об одном христианине-отступнике, некоем Нарциссе, который во время тяжелого гонения сам вызвался на исповедничество

и, несмотря на увещания духовного отца, явился к языческому правителю, чтобы принять мученический венец за имя Христово.

Правитель принял его ласково.

– Что тебе надо? – спросил он.

– Я христианин, – твердо отвечал Нарцисс, и пришел тебе сказать, что ваши боги – идолы, а вы – безумцы, поклоняющиеся дереву и камню…

– Но ведь ты знаешь, что христиане по эдикту императора подлежат смертной казни? Зачем ты пришел, глупец? Уходи…

– Мы, христиане, не боимся смерти… Она приводит нас ко Христу…

– Молчи… Откажись от своих слов или я прикажу тебя пытать…

– Пытай… Нам, христианам, мучения за Христа сладки… За Него мы все готовы претерпеть! И никакие муки не заставят меня отречься от Него!

Эта самонадеянность непризванного исповедника была жестоко наказана.

Игемон призвал палачей. Нарцисс стойко выдержал несколько пыток, все время твердя, что ему не страшны никакие мучения. Но его воля, не подкрепленная благодатию Божиею, в конце концов не выдержала, и, когда принесены были по распоряжению правителя новые ужасные орудия пытки, он упал духом, позорно отрекся от Христа и принес жертву идолам.

Поэтому древняя Церковь никогда не одобряла этой ревности не по разуму и всегда советовала с осторожностью и благоразумием выжидать ясных указаний воли Божией, призывающих к мученичеству.

Даже епископы часто скрывались от мучителей, сберегая свою жизнь для пользы Церкви, а христиане, предавшие себя самовольно на мучения, не причислялись к лику святых.

Это отношение Церкви к исповедничеству нашло себе выражение в правилах святого Петра, архиепископа Александрийского, признанных каноническими, то есть обязательными для руководства в христианской жизни. В его 9-м правиле выясняется православная точка зрения по этому вопросу.

«Домовладыка и Учитель наш, – говорится здесь, – часто уклонялся от хотевших наветовати Ему, и яко иногда ради их и не ходил явно, и когда приближалось время страдания Его, не Сам Себя предал, но ожидал, доколе не пришли на Него со оружием и с дрекольями, и тогда рек им: *Яко на разбойника ли изыдосте со оружием и дреколми яти Мя?* Они же, глаголет Евангелист, предали Его Пилату. По подобию Его, пострадали и текущие к Его мете, памятуя Божественные слова Его, в которых Он, подкрепляя нас, глаголет о гонениях: внемлите себе, предадят бы вы на сонмы, и на соборищах их биют вас. Предадят, глаголет, а не сами себя предадите: и пред владыки же и цари ведени будете имене Моего ради, а не сами себя поведете. Ибо Он хощет, чтобы мы и преходили от места на место, будучи гонимы за имя Его, якоже и паки слышим Его глаголющаго: егда же гонят вы во граде сем, бегайте в другий; поелику Он не хощет, чтобы мы сами приступали к щитоносцам и копиеносцам диавола, да не соделаемся для них виновниками множайших смертей, аки бы вынуждая их к большему ожесточению и к совершению смертоносных дел; но чтобы мы ожидали и внимали себе, бодрствовали и молились, да не внидем во искушение».

Таким образом, христианин не должен сам искать мучений, напрашиваясь на них, чтобы тем не ввести гонителей христианства в сугубый грех ожесточения и новых преступлений, но, вынужденный к исповедничеству, обязан принять на себя этот подвиг.

Глава 6

Глава 6, ст. 1-13

Господь Иисус Христос начал Свою деятельность в Галилее. Здесь, около Геннисаретского озера, нашел Он Своих первых учеников и последователей; здесь впервые раздались вечные слова Божественной проповеди; здесь совершены были первые чудеса.

Галилея в то время была цветущей страной с хорошо развитым земледелием и оживленной торговлей. Ее население составляло племя сильное и храброе, земледельческое и воинственное, даже беспокойное и ревнивое к свободе. Его предки из Завулона и Неффалима оставили блестящую страницу в истории завоевания Ханаанской земли. Несмотря на эти великие воспоминания, полный энергии патриотизм, Галилея, не имевшая знаменитых ученых и школ, не пользовалась ни малейшим уважением в эти времена формализма и религиозной законности, когда полным доверием пользовались только книжники и раввины. Жители Иерусалима и чистые иудеяне презирали ее. Галилеянин казался им существом необразованным, невежественным, простым и грубым. Они поднимали на смех его наречие и выговор.

И однако эта страна заслуживала гораздо лучшей репутации. Здесь сильна была верность родным преданиям; любовь к свободе не была подавлена римским игом и поддерживала лишь оживленные ожидания Мессии – избавителя; сердце народа, несмотря на внешнюю грубость, сохранило девственную чистоту и было восприимчиво к правде Божией и глаголам жизни вечной.

Господь с первых же шагов Своей проповеднической деятельности имел здесь большой успех. Народ стекался Его слушать толпами. Многие приходили издалека и неделями сопровождали его, упиваясь божественными словами. Готовы были слушать Его целыми днями, забывая о пище. Вера в Него, в Его учение, в Его чудотворную силу росла с каждым днем, а вместе росло Его влияние в народе, умножались и чудеса.

Когда из Галилеи Господь захотел перейти в Свое отечество, в Назарет, где жила Его семья и где Им проведены были детские годы, Он уже пользовался громкой славой.

Молва о Нем шла далеко. О Нем говорили как о Великом Пророке, обладающем великой силой слова и чудотворений. Многие готовы были признать в Нем Мессию. Казалось, при таких условиях назаретяне должны были встретить Его с особым радушием и восторгом. Ведь это был их пророк, вышедший из их среды, выросший в их городе, их слава, гордость, украшение.

И вместо этого мы видим совершенно обратное явление. В родном городе Господь был встречен полным равнодушием. Ни Его дивная, вдохновенная проповедь, полная силы и премудрости, ни удивительные чудеса, которые Он творил, ни ореол славы, венчавший Его, не могли возбудить в его соотечественниках веры в Него, в Его Божественное посланничество, так что *Иисус дивился неверию их.* Это тем более удивительно, что назаретяне имели полную возможность сами оценить влияние Его проповеди и чудотворную силу. Не замечать в Нем этой необыкновенной силы не было никакой возможности.

Но вместо того, чтобы поддаться обаянию Его учения и признать Его, по меньшей мере, пророком, они только с изумлением спрашивают: *откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его?*

Это вопросы праздного, возбужденного любопытства, которые ни к чему не обязывают и ни к чему не ведут.

Такое отношение к Нему соотечественников вызвало скорбное замечание Господа Иисуса Христа: *не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем.*

Как относились к Господу его домашние и сродники, мы уже знаем. *Братья Его не веровали в Него,* – говорит евангелист Иоанн (Ин. 7, 5), и считали просто сумасшедшим. Но и отношение сограждан было не лучше. Первоначальное равнодушие и недоверчивое любопытство скоро перешли в ярость и открытую злобу, когда проповедь Спасителя затронула их национальное самомнение. Кончилось тем, что они выгнали Его из города и хотели свергнуть с горы (Лк. 4, 29).

Чем объяснить это? Как понять это невероятное отупение совести и потемнение рассудка, приводящее к подобным деяниям? Ведь не могли они не знать, что выгоняют, во всяком случае, необыкновенного человека, уже признанного Великим Пророком во многих городах?

Ключом для разрешения этой психологической загадки является третий стих 6 главы.

Не плотник ли Он, – говорили они, – *сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? И соблазнялись о Нем.*

Они знали всю семью Господа и никогда не находили в ней ничего необыкновенного, не замечали ни в ком из ее членов даже особенных дарований. Самого Иисуса они знали давно, с детства. Часто видели Его на улицах города или у водоема источника вместе с Матерью. Видели в мастерской, где Он работал под руководством престарелого Иосифа. И никогда им в голову не приходила мысль, что из этого мальчика выйдет что-нибудь необыкновенное. Он казался им таким же, как и все дети.

Они слишком давно знали Его, слишком часто видели Его и слишком привыкли к Нему.

Этим объясняется их отношение к Нему.

Мы никогда не ценим того, к чему слишком привыкли. Привычный предмет уже не возбуждает того напряженного внимания, с которым мы встречаем новинку. Даже чудесное в силу привычки начинает казаться обыкновенным. Человек, слишком хорошо нам знакомый, не может рассчитывать на чересчур высокую степень нашего уважения и почтительного удивления, которое мы готовы подарить тому, кого знаем лишь поверхностно, понаслышке. Некоторая доля неизвестности всегда повышает тон отношения. Жених преклоняется перед невестой гораздо больше, чем муж перед женой, а лакей, говорят, никогда не уважает своего барина.

То же случилось и с назаретянами: они настолько привыкли к Господу, привыкли считать Его своим, ровней, что, даже замечая в Нем чудесное, только недоумевали, пожимали плечами и пытались найти всему естественное объяснение. Вот почему они не поверили в Него как в Мессию и не отдались Ему всей душой, как это сделали многие галилеяне.

Но этот же закон действует и теперь в духовной жизни.

Для христианина, посвятившего свою жизнь служению Господу Богу, всегда есть опасность потерять свежесть своего чувства к Нему благодаря привычке и заменить искреннее, сердечное служение формальным, механическим, часто небрежным исполнением религиозных обязанностей.

Это случилось с еврейским народом, которому пророк Исайя бросает тяжелый упрек: *Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Вот, вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других; вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте* (Ис. 58, 3–4). Это же случилось и с руководителями еврейства, книжниками, фарисеями и священниками, которым Господь с горечью говорит: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру* (Мф.

23, 23). *Вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония* (Мф. 23, 28). *Знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу* (Ин. 5, 42).

То же самое, к великому сожалению, случается нередко и с нашими священнослужителями. Привыкая к таинствам и священнодействиям, они перестают в них чувствовать веяние Святого Духа, теряют всякое благоговение к ним и все свое служение Богу начинают ограничивать бездушным и спешным совершением служб и треб.

Особенно трагически сказывается этот закон привычки на наших певчих, церковных прислужниках и детях духовенства. Мне никогда не приходилось видеть более безобразного поведения в церкви, чем то, которое дозволяют себе певчие и мальчики, прислуживающие в алтаре. Это объясняется именно тем, что, привыкая к храму, они начинают чувствовать себя в нем как дома и совершенно забывают о невидимом присутствии в нем Великого, Всемогущего, Всеправедного Творца.

Но и с каждым верующим может случиться эта потеря живой веры и живого чувства к Богу, и опасность особенно велика для тех, кто по своему положению обязан нести длительный и утомительный труд служения, не имея понятия о законах духовной жизни и не пользуясь указаниями опытных людей.

Это состояние духовного огрубления или одичания очень тяжело и опасно, ибо выйти из него опять на правильную дорогу гораздо труднее, чем встать на эту дорогу только что начинающему новичку. Переучивать снова неправильно выученное всегда труднее, чем заучивать что-нибудь новое, еще незнакомое, ибо здесь приходится сначала разбить укоренившуюся привычку, что отнимает много сил и времени. Это – азбука педагогики. Если ученику музыки с самого начала дана неправильная постановка руки и пальцев, то освободиться от этого недостатка и перейти на правильную методу представляет впоследствии очень большие трудности. Чтецы, перебившие язык на спешном чтении, проглатывающие целые слоги до потери смысла, часто до конца жизни не могут научиться читать внятно и отчетливо. Точно так же и в духовной жизни, и в служении Богу. Есть несчастные батюшки, до такой степени привыкшие к небрежному и неряшливому совершению богослужения, что они уже не могут, несмотря на все старания, исполнять его истово, чинно, с благоговением. Закоренелая привычка побеждает все усилия, когда, сознав опасность положения, пытаются с ней бороться. Язык сам собою мчится вперед, стремительно выбрасывая слова, не поспевающая за ним мысль прыгает с пятого на десятое слово или мечется по сторонам, а руки и тело сами собой проделывают заученные и усвоенные привычкой жесты. Еще хуже, когда человек даже не сознает, что он перестал уже быть священником и молитвенником, что он не более как говорящий автомат. Здесь начинает уже чувствоваться гнет проклятия Божия за небрежность, ибо сказано: *Проклят творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10).

В этом состоянии потери живого ощущения Бога вся внешняя деятельность, имеющая, по-видимому, целью приблизить к Нему человека, осуждена на полную духовную бесплодность. Прежде всего молитва, одно из главных средств духовной жизни, перестает быть действенной. До Бога она не доходит.

«Помни, пишет – о. Иоанн Кронштадтский, – что если ты во время молитвы не празднословишь, а с чувством говоришь слова молитвы, то слова твои не возвратятся к тебе тощи, без силы (как шелуха без зерна), но непременно принесут тебе те самые плоды, которые заключаются в слове, как плод в оболочке. Это дело самое естественное, как естественны и обыкновенны в природе плод и оболочка его… Чем искреннее, сердечнее будешь произносить каждое слово, тем больше плода от молитвы; каждое слово, как зернышко, принесет тебе плод духовный, как зрелый колос… Но если ты слова бросаешь попусту, без веры, не чувствуя силы их, как шелуху без ядра, то пустыми они к тебе и воротятся; шелуху бросаешь, шелуха к тебе и воротится».

Есть старая легенда, наглядно показывающая нам, как бесплодны иногда бывают наши молитвы.

Давно-давно жил один святой старец, который много молился и часто скорбел о грехах человеческих. И странным ему казалось, почему это так бывает, что люди в церковь ходят, Богу молятся, а живут все так же плохо. Греха не убывает.

«Господи, – думал он, – неужели не внемлешь Ты нашим молитвам? Вот люди постоянно молятся, чтобы жить им в мире и покаянии, и никак не могут. Неужели суетна их молитва?»

Однажды с этими мыслями он погрузился в сон. И чудилось ему, будто светозарный Ангел, обняв крылом, поднял его высоко-высоко над землей… По мере того, как поднимались они выше и выше, все слабее и слабее становились звуки, доносившиеся с поверхности земли. Не слышно было более человеческих голосов, затихли песни, крики, весь шум суетливой мирской жизни. Лишь порой долетали откуда-то гармоничные, нежные звуки, как звуки далекой лютни.

– Что это? – спросил старец.

– Это святые молитвы, – отвечал Ангел, – только они слышатся здесь!

– Но отчего так слабо звучат они? Отчего так мало этих звуков? Ведь сейчас весь народ молится в храме?..

Ангел взглянул на него, и скорбно было лицо его.

– Ты хочешь знать?.. Смотри…

Далеко внизу виднелся большой храм. Чудесной силой раскрылись его своды, и старец мог видеть все, что делалось внутри. Храм весь был полон народом. На клиросе виден был большой хор. Священник в полном облачении стоял в алтаре.

Шла служба. Какая служба – сказать было невозможно, ибо ни одного звука не было слышно. Видно было, как стоявший на левом клиросе дьячок что-то читал быстро-быстро, шлепая и перебирая губами, но слова туда, вверх, не долетали. На амвон медленно вышел громадного роста диакон, плавным жестом поправил свои пышные волосы, потом поднял орарь, широко раскрыл рот, и… ни звука!

На клиросе регент раздавал ноты: хор готовился петь.

«Уж хор-то, наверно, услышу…» – подумал старец.

Регент стукнул камертоном по колену, поднес его к уху, вытянул руки и дал знак начинать, но по-прежнему царила полная тишина. Смотреть было удивительно странно: регент махал руками, притопывал ногой, басы краснели от натуги, тенора вытягивались на носках, высоко поднимая голову, рты у всех были открыты, но пения не было.

«Что же это такое?» – подумал старец.

Он перевел глаза на молящихся. Их было очень много, разных возрастов и положений: мужчины и женщины, старики и дети, купцы и простые крестьяне. Все они крестились, кланялись, многие что-то шептали, но ничего не было слышно.

Вся церковь была немая.

– Отчего это? – спросил старец.

– Спустимся, и ты увидишь и поймешь… – сказал Ангел.

Они медленно, никем не видимые, спустились в самый храм. Нарядно одетая женщина стояла впереди всей толпы и, по-видимому, усердно молилась. Ангел приблизился к ней и тихо коснулся рукой… И вдруг старец увидал ее сердце и понял ее мысли.

«Ах, эта противная почтмейстерша! – думала она. – Опять в новой шляпе! Муж – пьяница, дети – оборванцы, а она форсит!.. Ишь выпялилась!..»

Рядом стоял купец в хорошей суконной поддевке и задумчиво смотрел на иконостас. Ангел коснулся его груди, и перед старцем сейчас же открылись его затаенные мысли: «…

Экая досада! Продешевил… Товару такого теперь нипочем не купишь! Не иначе как тыщу потерял, а может, и полторы…»

Далее виднелся молодой крестьянский парень. Он почти не молился, а все время смотрел налево, где стояли женщины, краснел и переминался с ноги на ногу. Ангел прикоснулся к нему, и старец прочитал в его сердце: «Эх, и хороша Дуняша!.. Всем взяла: и лицом, и повадкой, и работой… Вот бы жену такую! Пойдет или нет?»

И многих касался Ангел, и у всех были подобные же мысли, пустые, праздные, житейские. Перед Богом стояли, но о Боге не думали. Только делали вид, что молились.

– Теперь ты понимаешь? – спросил Ангел. – Такие молитвы к нам не доходят. Оттого и кажется, что все они точно немые…

В эту минуту вдруг чей-то детский робкий голосок отчетливо проговорил:

– Господи! Ты благ и милостив… Спаси, помилуй, исцели бедную маму!..

В уголке, на коленях, прижавшись к стене, стоял маленький мальчик. В его глазах блестели слезы. Он молился за свою больную маму.

Ангел прикоснулся к его груди, и старец увидел детское сердце. Там были скорбь и любовь.

– Вот молитвы, которые слышны у нас! – сказал Ангел.

Таким образом, наши лицемерные, чисто внешние молитвы до Бога не доходят и плода не приносят.

Приближаются ко Мне люди сии устами своими, – говорит Господь, – *и чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня* (Мф. 15, 8–9).

Более того: такая молитва прогневляет Бога.

«…Многие из нас, – пишет о. Иоанн, – совершают службу и таинства, молитвословия неохотно, вяло, небрежно, торопливо, с пропусками, желая скорее кончить святое дело да поспешить на житейскую суету. Какое страшное обольщение и какой тяжкий грех! Невольно при этом вспоминаешь грозный глагол Господа нерадивым исполнителям Его дел: *проклят всяк творяй дело Господне с небрежением!* Я сказал: какое страшное обольщение! Да, страшное обольщение, потому что мы по слепоте своей пренебрегаем глаголами Святого Духа, дышащего в молитвословиях таинств и служб, – пренебрегаем тем самым, что для нас служило бы при настоящем тщании и радении источником пресладкого мира, радости в Духе Святом и даже источником здравия телесного, ибо слова молитвы, при службах и таинствах, читаемые с верою, благоговением, страхом Божиим, спокойно, горящим духом, имеют несомненное и чудное свойство вместе с душою оживотворять, укреплять и исцелять и самое тело наше. Это дознано опытом. Тяжкий грех, говорю, потому что, совершая небрежно таинства, мы через то кощунствуем святынею Господнею… Думают ли нынешние христиане-лицемеры, что они лицемерно молятся и лицемерно живут? – Не думают. Они молятся ежедневно, может быть, долго, молятся по привычке, устами, а не сердцем, без сердечного сокрушения, без твердого желания исправления, чтобы только исполнить заведенное правило и мнят *службу приносити Богу* (Ин. 16, 2), тогда как молитвою своею они навлекают на себя только гнев Божий. Все мы больше или меньше грешны в том, что лицемерно молимся, и примем за это великое осуждение».

Но если долговременное служение Богу ведет к привычке, а привычка может вызвать формальное, чисто внешнее и лицемерное исполнение религиозных обязанностей, то возникает важный вопрос: как избежать этой опасности? Ибо если этого мы сделать не сумеем, то печальный конец нашей духовной жизни неизбежен.

Ответ на этот вопрос заключается отчасти в вышеприведенных словах кронштадтского пастыря: при настоящем тщании и радении таинства, службы, молитвы служат источником мира, радости в Духе Святом и даже источником здравия телесного.

Для одних они служат, таким образом, благословением, на других навлекают проклятия. Все зависит от отношения к ним человека.

Если христианин не вкладывает в свое служение Богу всего внимания, всего рвения, всей сердечной теплоты, на которую способен, то в нем скоро начинает развиваться привычка к небрежному и поверхностному исполнению религиозного долга. До этого человек доходит не вдруг, а постепенно. Сначала он, может быть, молился от сердца, но потом, так как молиться всегда сердцем составляет значительный труд, к коему надо всегда принуждать себя, ибо Царствие Небесное, сказано, нудится, он начинает больше молиться устами, поверхностно, а не из глубины души, так как это гораздо легче, и, наконец, при усиленной борьбе плоти и диавола, молится устами, не доводя до сердца силы слов молитвенных. Что сказано о молитве, то следует сказать и о причащении Святых, Бессмертных и Животворящих Тайн. Часто сначала человек причащается с живою верою, с чувством любви и благоговения, а потом, при непрестанном противодействии плоти и диавола истине Божией, уступает им победу над собой и причащается лицемерно… Это же бывает и с таинством покаяния. Это же бывает и со всеми проявлениями религиозной жизни, если христианин не принуждает себя к напряжению духовных сил.

Так создается гибельная привычка. Но привыкнуть можно и к дурному, и к хорошему. Можно привыкнуть к небрежности, и тогда вся религиозная жизнь становится холодной и мертвенно-формальной. Животворящий дух, таящийся в святых словах молитвословий, в таинствах и в других религиозных формах, не проявляет себя для души нерадивой, ленивой и холодной и на нее не действует. Но можно, наоборот, создать себе привычку благоговейного, истового, сердечного исполнения всех религиозных обязанностей, и тогда для нас откроется в них неистощимый родник благодатной силы, оживляющей и укрепляющей в жизнь духовную. Отсюда вывод: если мы хотим избежать духовного огрубения, если хотим, чтобы молитвы, таинства, обряды, весь ритуал религии не потерял для нас от частого повторения Духа жизни и не превратился в пустую формальность, ничего не говорящую душе, если хотим, наконец, чтобы самые добродетели наши, если таковые имеются, не превратились в лицемерное ханжество, то средство против этого состоит прежде всего в том, чтобы с самого начала духовной жизни исполнять все, чего требует христианский долг, с величайшей старательностью и вниманием, с напряжением всех духовных и физических сил, не позволяя себе разленения и небрежности.

Здесь нет мелочей, не стоящих внимания, ибо из мелочей создается великое, весь тон духовной жизни, и поэтому каждая подробность требует тщательного и аккуратного выполнения. *Бог поругаем не бывает,* и самая незначительная небрежность в отношении к Нему непременно отразится ущербом в вашей духовной жизни. Поэтому что бы вы ни делали в деле служения Ему, делайте изо всех своих сил; то, что сделано кое-как, никогда не бывает сделано правильно. Требуется добросовестное делание.

А для того, чтобы поддерживать в себе эту ревность и не ослабевать, надо иметь всегда живую веру, что Бог наш в Троице покланяемый, Отец, Сын и Святой Дух, всегда с нами, взирает на нас и по первому слову нашей искренней молитвы о помощи готов помогать нам в святом деле. Помятуя, что Вседержитель всегда с нами, и имея Его самым делом в мыслях своих, отвергая от сердца своего всякие помыслы, сомнения житейские, попечения и пристрастия, мы всегда будем достойно совершать Божие дело. Наиболее ярким примером такого добросовестного делания являются ученики и апостолы Господа, как это видно из 8–9 стихов 6 главы. Отправляясь на проповедь, они не берут ничего в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе, ни двух одежд, обуваются в простую обувь. Ничто не должно им мешать, ничто не должно связывать и отвлекать от того дела, на которое Господь их посылает. Все внимание, все силы, все их существо отдается исключительно Богу и Божию делу.

Этот пример должны и мы постоянно иметь перед глазами и помнить грозное предостережение: *Проклят, кто дело Господне делает небрежно.*

Глава 6, 14-29

В истории казни Иоанна Крестителя, о которой повествует святой евангелист, пред нами рисуется трагическая фигура Ирода, убийцы Великого Пророка.

Это не был Ирод, избивший младенцев в Вифлееме, в тщетной надежде погубить Иисуса. Тот, как мы знаем, умер еще во время пребывания святого семейства в Египте.

Ирод, убивший Иоанна Крестителя, был так называемый Ирод Антипа четвертовластник, или тетрарх Галилеи, человек, быть может, не столько порочный, сколько слабый по характеру. Совершенное преступление терзало его. Он не мог забыть Иоанна. Только вследствие своей слабохарактерности не угрызения совести испытывал он, а непреодолимое чувство боязни. Кровавый призрак обезглавленного Пророка преследовал его. Когда он услыхал о Господе, о Котором в народе шли горячие споры, его первая мысль, навеянная испугом, была, что это воскрес убитый Иоанн. В лице вновь появившегося Пророка он боялся найти мстителя за пролитую кровь, и эта боязнь была тем сильнее, что он вполне сознавал несправедливость казни Крестителя. Только фатальное сцепление обстоятельств привело его к этому преступлению, допущенному им против воли. Несмотря на суровые обличительные речи Иоанна, направленные против Иродиады и тетрарха, последний в глубине души уважал своего обличителя, ибо знал, что он – муж праведный и святой. Поэтому, даже заключив его в темницу по настоянию Иродиады, он берег его, с удовольствием слушал его и много делал по его совету. Когда Соломия, дочь Иродиады, потребовала от него голову Иоанна Крестителя, правитель опечалился. Как же случилось это? Как допустил Ирод это убийство? Как мог дойти он до такого состояния, что вопреки своим сердечным склонностям принужден был согласиться на страшное требование Соломин и по ее приказанию отрубить голову Пророку?

Попробуем заглянуть в эту темную душу и проследить, как постепенно назревало здесь преступление, вызванное страстью, и как разгоралась и укреплялась сама страсть. Выяснить законы развития порока и страсти для нас очень важно, ибо в душе каждого человека они действуют приблизительно одинаково, и на примере Ирода мы можем выяснить условия наших собственных падений.

Дело начинается похотью, нечистою любовью к Иродиаде, снохе Ирода, жене его брата Филиппа. Нисколько не заботясь о том, чтобы остановить развивающуюся преступную страсть, Ирод скоро переходит к делу, легко переступает через первое препятствие и жену брата своего делает своей женой. Этот первый шаг уже достаточно ясно показывает, насколько развилась страсть в его душе, ибо сила страсти измеряется величиной преодолеваемых ею препятствий; другими словами, чем труднее препятствие, побежденное страстью, тем о большей силе страсти это говорит. Но, победив первое препятствие, Ирод сейчас же встречается с другим – обличительною проповедью Иоанна Крестителя, который говорил Ироду: *не должно тебе иметь жену брата твоего.* Эти упреки, несомненно, имели для Ирода больше значения, чем неловкость перед братом и боязнь общественного мнения, которое, благодаря подобострастию его руководителей – фарисеев и саддукеев, легко было заставить молчать. Принудить к молчанию неподкупного Иоанна или заставить его смягчить прямолинейный тон обличений оказалось невозможным. Кроме того, и на совесть самого Ирода эти суровые речи должны были оказать большое влияние, ибо Ирод питал к Пророку невольное уважение и, несомненно, считался с его мнением. Но тем не менее и это новое препятствие не могло принудить его переломить свою страсть. Более того: он не только не отступает перед ним, но, подстрекаемый Иродиадой, берет под стражу Пророка, которого

уважает, и заключает в темницу – яркий показатель того, как далеко зашла его страсть. Наконец, в сцене с Соломией он уже почти совсем не владеет собою. Напряженное до последней степени сладострастие отуманивает его, и он дает свою безумную клятву. Он уже полный раб страсти! Так при отсутствии сопротивления усиливается страсть, захватывая в свою деспотическую власть человеческую душу. Наряду с этим мы замечаем и другое явление: один вид допущенного греха вызывает множество других. В данном случае вслед за блудною похотью является вероломство по отношению к брату, кровосмесительное прелюбодеяние, несправедливость, жестокость, насилие по отношению к Иоанну, суетная клятва, тщеславие перед гостями, ложное самолюбие и, наконец, убийство. Как будто за первой змеей пробудившейся страсти, сознавшей свою силу, сразу начинает шипеть и шевелиться целая стая других змеек, до сих пор мирно дремавших в душе. Наконец, нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что искушения, представляющиеся Ироду, становятся все серьезнее, а преступления тяжелее. Как будто идет проверка, до какой степени падения может дойти этот человек, подчинившийся пороку.

Таким образом, мы видим, как постепенно петля греха затягивается все туже и туже и как все меньше и меньше остается надежды на то, что попавший в нее человек сумеет от нее освободиться. Положение становится почти безысходным, когда в душе исчезают последние силы и даже желание разорвать эту петлю, и убийство или другое преступление, не менее тяжелое, является тогда лишь естественным следствием, неизбежным заключительным аккордом разнуздавшейся страсти.

Всматриваясь в процесс развития искушений, как он обрисован в евангельской повести об Ироде, можно найти здесь тройной закон, которому подчинено это развитие, если оно не встречает противодействия в сознательной воле человека.

Первый закон можно назвать законом усиления. Он состоит в том, что сила страсти, ее интенсивность и власть над душой растет прогрессивно, по мере того как ей делаются уступки. Уступки ее не успокаивают, но делают лишь более требовательной и властной. Человек, допустивший грех однажды, нравственно слабеет и при повторном искушении совершает его с большей легкостью, чем тот, кто устоял в первой борьбе. Воля человека укрепляется своими победами и ослабляется поражениями – это закон психологии. Нравственная течь, просочившаяся раз в душе, скоро превращается в бурный поток и разрушает всю плотину морального закона совести, если с нею не бороться.

Доктор Матт рассказывает об одном студенте, страдавшем пороком рукоблудия, который признался ему, что в течение первого года порок этот был допущен им один раз, на другой год три раза, а затем стал повторяться каждую неделю. Это обычное явление. Мы часто наблюдаем его в развитии пристрастия к пьянству. Как гласит народная поговорка, «первая рюмка колом, вторая – соколом, прочие – мелкими пташечками». Уступки и падения играют здесь роль сухого хвороста, который вы подкидываете в костер. Чем больше бросать, тем больше и ярче становится жадное пламя. Чем больше грешить, тем сильнее разгорается страсть.

Второй закон расширения страсти. За одним грехом неизбежно следует ряд новых. Одна страсть, разгораясь в душе, вызывает к жизни и другие страсти, как будто между ними существует какая-то незримая, таинственная связь. Успех одной страсти служит точно сигналом для других, и все они сразу или одна за другой спешат обрушиться на несчастную душу, точно желая добить ослабевшего противника. За блудной похотью непременно появляются ревность, недоверие, ложь, зависть, гнев и т. д. и т. п. Здесь как на войне: прорван фронт в одном месте и сейчас же неприятель массами устремляется в прорыв, чтобы расширить и докончить поражение.

Однажды давно-давно на одной из голландских верфей строился корабль. Для киля, или для основной балки, к которой прикрепляются ребра – шпангоуты, нужно было найти

хорошее, длинное, крепкое бревно. В грудах леса, сложенного на дворе верфи, два рабочих нашли одно, казавшееся, на первый взгляд, подходящим.

– Вот, – сказал один из них, – хорошее бревно! Возьмем его…

Но другой внимательно осмотрел бревно и покачал головой.

– Нет, – возразил он, – это не годится!

– Почему?

– Видишь здесь маленькую червоточину? Это признак, что черви уже завелись тут…

– Вот пустяки… Что значит такая маленькая червоточина для такого громадного прочного бревна. Ее едва заметишь… Возьмем!

Они немного поспорили. Наконец более осторожный уступил. Бревно взяли и из него сделали киль нового корабля.

Несколько лет благополучно плавал по морям новый корабль. Он был легок, прочен и не боялся бурь. Все любовались им. Но в один прекрасный день среди совершенно ясной и тихой погоды он вдруг без всякой видимой причины пошел ко дну. Когда в море спустились водолазы, чтобы осмотреть его, они нашли, что дно корабля было проедено червями. За годы плавания черви размножились и источили все дерево. Маленькая червоточина оказалась роковой для громадного судна.

Так и в душе. Один червячок страсти, если его не истребить вовремя, может размножиться в громадном количестве, порождая новые пороки, захватывая все стороны души и подтачивая ее здоровые ткани.

Причина этого в ослаблении веры. Побежденная одним грехом, воля теряет силу сопротивления и легко уступает другим. В глубине человеческой души всегда существует грех в виде самых разнообразных порочных наклонностей и страстей. Эти страсти кипят и бурлят, как в котле, ища выхода. Но если человек не уступает им, то его воля играет тогда роль тяжелой свинцовой крышки котла, которая не выпускает бушующий пар. Но стоит лишь немного приподнять – и в образовавшуюся щель, как бы мала она ни была, с силой устремляются все страсти, существующие в душе. Уступив таким образом, человек тем самым разнуздывает и другие страсти и справиться с ними уже почти не в состоянии.

Третий закон – углубления страсти. Действие его состоит, во-первых, в том, что способы удовлетворения разыгравшейся страсти, охватившей душу, становятся все хуже и нравственно безобразнее. Страсть становится все требовательнее, капризнее, причудливее. Она уже не удовлетворяется обычными формами греха, но ищет новых, более утонченных, способных более возбуждать истрепанные и притупившиеся нервы. Так блудная страсть часто осложняется жестокостью, переходя в садизм. Чревоугодие требует все новых и новых, более изысканных и замысловатых кушаний. Кроме того, тот же закон углубления проявляется иногда и иначе. Ради удовлетворения растущей страсти человек начинает делать преступления все более и более тяжелые. Он жертвует для нее всем, всеми моральными ценностями, которые еще сохранились в его душе.

За борт жизни выбрасывается все, что мешает страсти: нравственные привычки, убеждения и принципы, веления долга и религии – все летит вон, начиная с менее важного и кончая самыми крупными ценностями. Так скупец, охваченный страстью сребролюбия, для приобретения денег не щадит ничего: сначала прекращает благотворительность, потом погружается в скаредность, отказывая в помощи самым близким людям; далее пускается в бесчестные аферы, жертвуя правдивостью и порядочностью, нередко доходит до воровства, иногда и до убийства и т. д. Душа постепенно опустошается, теряя все, что было в ней ценного, в угоду страсти. Человек опускается все ниже и ниже на самое дно греха и порока. Рассматривая законы, действующие в процессе развития страсти, мы без труда можем заметить, что общим, главным, основным условием, от которого зависит весь этот процесс, явля-

ется отсутствие твердых нравственных правил и исключительное служение своему эгоизму, своему «я».

Отчего Ирод пал так низко? Несомненно потому, что его себялюбие, его личное «я» было для него главным кумиром, которому он служил всю жизнь; другой высшей воли над собой он не признавал, кроме собственных прихотей и желаний; нравственных принципов мы совершенно не видим в его деятельности, и если он слушался Иоанна Крестителя, то, конечно, не потому, что ценил моральную высоту и чистоту его советов, но, вероятнее всего, потому, что угадывал в нем прозорливца, который лучше видит тропинки жизни, переплетающиеся в тумане будущего.

Мы подробно остановились на выяснении тех способов и путей, которыми идет развитие страсти, и тех условий, которые ее поддерживают и питают, чтобы при помощи этого анализа облегчить разрешение существенно важного в христианской жизни вопроса о борьбе со страстями. Чтобы успешно бороться с неприятелем, необходимо знать его приемы, уловки и методы. Конечно, в данном случае вопрос настолько обширен и сложен, что разрешить его в исчерпывающей полноте невозможно в одной краткой беседе, и потому придется ограничиться здесь лишь некоторыми практическими советами.

Во-первых, как можно видеть из всего сказанного, для успешной борьбы со страстью прежде всего необходимо иметь прочные нравственно-религиозные устои. Без этого борьба совершенно невозможна. Где в противном случае найдет человек точку опоры и во имя чего он будет бороться? В своей собственной личности? Во имя хотений своего «я»? Но ведь здесь-то и находится самый очаг страсти, и в борьбе с нею опираться на собственные желания и склонности – это все равно что, борясь с блудом, дружиться с проститутками и у них искать нравственной поддержки. Пытаться найти эти устои в пользе или выгоде общества тоже бесполезно, потому что «общественная польза» – понятие слишком шаткое, расплывчатое, разными людьми понимается различно и подлежит бесконечным изменениям в зависимости от обстоятельств и условий времени.

Нравственные законы приобретают для человека безусловную обязательность и неизменность лишь тогда, когда он сознает их надмирное происхождение и слышит в них голос Бога. Только в этом случае они имеют абсолютную прочность и непререкаемый авторитет. На языке Церкви такое настроение, скрепляющее нравственный закон, называется «страх Божий». Страх Божий является, таким образом, основой нравственности и опорой в борьбе со страстью.

Но если это настроение, заставляющее душу человека подчиниться нравственным правилам, возможно до известной степени в каждой религии, то другое условие, подкрепляющее человека в борьбе со страстями во имя нравственного закона, имеется налицо только в христианстве: это та благодатная сила, та незримая, но постоянно ощущаемая помощь, которую Господь подает борющемуся грешнику, призывающему Его Святое Имя.

Не знаю, кому принадлежит живописно-наглядное изображение отношения различных религий к человеку, упавшему в грязную яму греха и порока и желающему оттуда выбраться, что говорят в этом случае погибающему, несчастному человеку разные религии и как они пытаются ему помочь и его утешить.

Конфуций, основатель китайской религии, изрекает: «Да будет опыт впредь тебе наукой!»

Браминизм: «В следующем перевоплощении ты будешь счастливее!»

Магомет: «На все воля Аллаха!»

А Христос? Христос говорит: «Возьми Мою руку!» Насколько это отношение к грешнику выше отношения других религий! Насколько в нем больше любви и насколько оно плодотворнее и полезнее для человека тех утешений, которые не выходят из области пустой фразы! Вы хотите выбраться из трясины страсти, которая вас засасывает? Возьмите руку

Христа! Когда вам изменяют силы и гибнет последний луч надежды на духовное освобождение, обратитесь лично к Господу. Обратитесь с теплою сердечною молитвою – и, поверьте, ваш призыв не останется тщетен. Не замедлит просимая помощь!

Итак, первое правило для борьбы со страстью: борьба эта может вестись успешно только на религиозной почве под знаменем надежды на Господа Иисуса Христа. В этой надежде главная опора и сила христианина!

Во-вторых, борьбу лучше начинать тогда, когда страсть еще не вышла из первой стадии своего развития – из области мысли. Боритесь, как только почувствуете первый позыв какой-либо страсти, как только мелькнула о ней первая мысль. Когда страсть начнет осуществляться на деле и когда, подчинясь ей, вы уже сделаете что-нибудь для ее удовлетворения, тогда остановить ее неизмеримо труднее. Даже в том случае, если вы уже пали, совершив грех на деле, если даже начали привыкать к нему, все же дальнейшая, самая энергичная борьба должна вестись в области мысли. Отталкивайте от себя самый образ греха и позыв к нему, как только он появится в мыслях. Научитесь побеждать страстную мечту, ибо здесь корень греха. *Извнутрь, из сердца человеческого,* – говорит Господь, – *исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство* (Мк. 7, 21–22). Остановить грешные мысли так, чтобы они нас совершенно не беспокоили, мы не можем. Это от нас не зависит, ибо они часто навеваются посторонней враждебной нам нечистой силой, которая не щадит при этом самых святых минут и благочестивых настроений. Они возможны даже во время самой горячей и напряженной молитвы.

Однажды к старцу пустыннику пришел его молодой ученик, жалуясь на обуревающие его грешные помыслы. Старец вывел его в поле.

– Распахни полы… Открой пазуху!

Ученик повиновался.

– Можешь ты остановить ветер, чтобы он не проникал под твою одежду?

– Не могу, авва!..

– Так и мысли… Мы не можем остановить их налет. Мы можем с ними лишь бороться, не позволяя задерживаться в душе…

Как лучше и целесообразнее это делать? Лучше бороться с мыслями не отрицательными, а положительными методами. Твердить про себя: «Не буду об этом думать! Не хочу! Не допущу!» – это мало помогает. Лучше попытаться думать о чем-нибудь другом и дурные мысли заменить хорошими. Полезно на этот случай что-нибудь уже иметь наготове: образы Священной истории, вопросы веры и нравственности, просто благородную мечту в христианском духе. Святые отцы обыкновенно пользовались при этом краткими молитвами, чаще всего молитвой Иисусовой, чтобы отвлечь мысль от искушения. Иногда приводили на память тексты Священного Писания, направленные против соблазна и разбивающие его нашептывание. Текстами Священного Писания пользовался, как мы знаем, и Господь, чтобы отразить нападения диавола, когда тот приступил к Нему с искушением в пустыне.

В-третьих, вступайте в борьбу сразу, не медля ни минуты и не делая никаких уступок. Компромиссы обыкновенно ведут к поражению. Если вор начинает рассуждать приблизительно так: «В этом году я украду 10000, в следующем – 5000, на третий год только 1000… а там совсем перестану воровать», – то можно наверное сказать, что он останется вором. Застарелые курильщики, которые пытаются отстать от курения, постепенно уменьшая число ежедневно выкуренных папирос, редко добиваются успеха.

Есть старый детский рассказ из голландской жизни об одном мальчике, спасшем родную страну от наводнения. Голландия находится ниже уровня моря и защищена плотинами. Когда-то вся страна представляла собой дно моря и была покрыта водой. Лишь шаг за шагом, с невероятным упорством и настойчивостью голландцы оттеснили море при помощи плотин

и на тучных польдерах, покрытых жирным илом, разделали свои поля. При таком положении Голландия всегда находится в опасности наводнения, достаточно плотинам где-нибудь прорваться. Все жители это знают и плотины тщательно охраняют.

Однажды ночью морским берегом шел маленький мальчик. Дорогу домой он знал хорошо, и ночь его не пугала. Вдруг необыкновенный шум привлек его внимание, слышался плеск и журчанье воды, как будто струился ручеек. Он постоял, прислушался и бросился к плотинам. Каков был его ужас, когда он увидал, что в одном месте плотина дала течь и бойкая струйка воды, увеличиваясь непрерывно, била здесь фонтаном. Что было делать? Мальчик понимал всю опасность и знал, что если эту струйку не остановить, то к утру она превратится в сокрушительный поток, который размоет плотины и затопит страну. Он огляделся по сторонам. Далеко направо и налево тянулось пустынное побережье, на котором в этот час не было ни души. Помощи ждать было неоткуда. Ближайшие дома находились довольно далеко от берега, и пока мальчик успел бы добежать до них, опасность могла неизмеримо увеличиться… Тогда недолго думая он снял свою куртку, туго обвернул ею правую руку и заткнул дыру, почти по плечо засунув туда руку. Течь остановилась. Ночь была холодная, туманная. В воздухе стояла пронизывающая сырость. Мальчик скоро стал зябнуть. Старая, заплатанная рубашонка его почти не согревала. Он весь посинел, зубы выбивали мелкую дробь, рука затекла и онемела. Но он мужественно оставался на своем посту. Он знал, что если вынет руку, то вода хлынет с новой силой и – кто знает? – может быть, погибнут его родители, его маленькая сестренка, его друзья…

Уйти он не мог, хотя бы пришлось умереть… Когда утренний сторожевой обход заметил его маленькую фигурку под плотиной, мальчик уже почти не мог двигаться – так он закоченел.

«Что ты там делаешь, мальчик?» – крикнул ему один из сторожей. Малютка взглянул на него и, едва разжимая челюсти, тихо проговорил: «Я держу море».

Это была буквальная правда. Маленький герой спасал свою родину от морского наводнения и верной гибели. Но если б он несколько промедлил, то морские волны наверное погребли бы в своей холодной пучине всю страну с ее трудолюбивым населением и цветущими полями. «Промедление бывает смерти подобно», – говорил Петр Великий о военной тактике. То же можно сказать и о духовной борьбе. Промедление здесь часто бывает равносильно духовной смерти. Существует распространенное мнение, будто обращение к Богу возможно после самой беспутной жизни и в любой ее период. Поэтому расчетливые грешники в минуты редких угрызений совести иногда утешают себя таким соображением: «Поживем еще в свое удовольствие: ведь надо перебеситься! А под старость будем каяться и молиться! Господь простит!» Такое соображение справедливо лишь условно. Хорошо, если, несмотря на все распутство жизни, человек сумеет сохранить в душе живую веру и любовь к Богу. Тогда спасение для него еще возможно. Но если, падая все ниже и ниже, он дойдет до того состояния, о котором Господь говорит: *не имать Дух Мой пребывати в человецех сих во век, зане суть плоть* (Быт. 6, 3), тогда возрождение для него возможно лишь как особое чудо милости Божией, на которое никто рассчитывать не вправе. Есть много людей, превратившихся почти в животных, для которых духовные переживания совершенно недоступны и которые потеряли всякую чувствительность к духовным влияниям. Это уже духовная смерть.

Во всяком случае, борьба с пороком и страстями, после продолжительного коснения в них, становится невероятно трудной. Диавол и грех не так-то легко уступают свою жертву, и воспоминания бурного прошлого, дурные привычки, сожаления о потерянных наслаждениях еще долго волнуют и распаляют кровь, маня назад и нередко доводя до отчаяния. Нужно почти подвижничество, чтобы стереть с души эти грязные пятна прошлого. Но для подвижничества нужна сильная воля, а воля к этому времени обыкновенно уже расслаблена

постоянными уступками пороку. К этому надо еще прибавить, что чем дольше находится человек в угаре грешной жизни, тем крепче он с нею связывается и тем меньше становится его желание порвать с такой жизнью и начать новую, чистую, богоугодную. Вот почему те «мудрецы», которые рассчитывают на покаяние в старости, обыкновенно ошибаются и, дойдя до рокового порога, с ужасом видят, что душа безнадежно заражена пороком, воля расшатана, сил и желания начать новую жизнь нет и покаяние невозможно… Трагическая развязка неизбежна.

Итак, чем раньше начинать борьбу, тем вернее победа. Чем скорее, тем лучше. Вступив в борьбу, нужно вести ее решительно, без колебаний. «Кто колеблется, тот пропал», – говорит английская пословица.

Отбросьте всякое саможаление и не делайте никаких уступок эгоизму. Уступки все равно не спасут, и этим путем мира с диаволом не купишь. Наоборот: там, где он замечает слабость, там усиливает нападение.

Сейчас же последуют новые искушения, еще более серьезные, которые потребуют новых уступок. Поэтому не успокаивайте себя обычным софизмом: «Что за беда, если я уступлю в пустяке! На серьезное я не пойду!» Пустяков в духовной борьбе нет, ибо они влекут обыкновенно за собой серьезные последствия.

«Лечение душевных болезней (страстей), – говорит о. Иоанн Кронштадтский, – совершенно отлично от лечения телесных болезней. В телесных болезнях надо остановиться на болезни, поласкать больное место мягкими средствами, теплою водою, теплыми припарками и пр., а в болезнях душевных не так: напала на тебя болезнь, – не останавливайся на ней вниманием, отнюдь не ласкай ее, не потворствуй ей, не грей ее, а бей, распинай ее; делай совершенно противное тому, чего она просит; напала на тебя ненависть к ближнему, – скорей распни ее и тотчас возлюби ближнего; напала скупость, – скорей будь щедр; напала зависть, – скорей доброжелательствуй; напала гордость, – скорей смирись до земли; напало сребролюбие, – скорее похвали нестяжание и возревнуй о нем; мучит дух вражды, – возлюби мир и любовь; одолевает чревоугодие, – скорее поревнуй о воздержании и посте. Все искусство лечить болезни духа состоит в том, чтобы нимало не останавливаться на них вниманием и нимало не потворствовать им, но тотчас отсекать их». Еще два совета: не играйте с искушениями, старайтесь избегать их и не подходите к ним даже из любопытства. Тот, кто таскается по бульварам, ходит на вечеринки или на спектакли, слушает вольные беседы и непристойные анекдоты и воображает при этом, что сумеет сохранить чистоту мысли и сердца, тот глубоко заблуждается. Это все равно, что играть с огнем в пороховом погребе: взрыв может последовать каждую минуту. Наконец, пользуйтесь для укрепления воли в нужном направлении теми минутами перемирия, которые дает вам злая сила. Искушения не всегда обуревают человека непрерывной волной. В эти минуты нужно заранее готовиться к борьбе с ними путем молитвы, чтения и размышления. Плох тот солдат, который начнет учиться стрелять лишь на поле сражения. Он непременно будет побежден. Но альфа и омега борьбы все-таки в надежде на Господа Иисуса Христа. *Ибо нет другого имени под небом… о немже подобает спастися нам.*

Глава 6, ст. 30-56

Не будем долго останавливаться на доказательствах возможности чуда увеличения хлебов. Неверующие скептики все равно не примут никаких доказательств, а для верующих достаточно поразмыслить о том, что такие чудеса совершаются каждое лето, когда в полях каждое зернышко превращается в спелый наливной колос, содержащий иногда до сотни и более зерен. Разве это не то же чудо увеличения хлебов? И от того обстоятельства, что увеличение здесь происходит регулярно, каждогодно, в определенные периоды, с известной

постепенностью, оно ничуть не перестает быть чудом. Ибо кто поймет и объяснит действие тех сил, которые производят этот процесс? Наука может лишь описать, как это происходит, но ответить на вопросы «почему? отчего?» она бессильна. Если мы не удивляемся подобным чудесам, рассеянным всюду в Божьем мире, то только потому, что слишком к ним привыкли. Если же сила Божьего всемогущества творит такие чудеса постоянно, то что удивительного в том, что Господь сделал то же Своим благословением и молитвою, правда, в другой обстановке и при других условиях, но тою же всемогущею силою, присущей Ему как Богу?

Другой вопрос интересует нас: как случилось это чудо? При каких условиях? И помимо Божественной силы Господа, какова здесь доля участия Его учеников? Как вообще совершаются великие дела в христианстве и как может проявиться в них участие человека? Великие дела!.. Кто о них не мечтал? Помните ли вы золотые грезы своей молодости? Как хотелось переделать весь мир, чтобы в нем не было более злобы и грязи, людских пороков, но царила бы лишь любовь и правда, яркая, как солнце! Как рвалась душа сделать что-нибудь большое, незабываемое, от чего светлее и счастливее стала бы жизнь! Иногда казалось это таким легким и возможным! Но годы шли. Вы вступили в настоящую жизнь, и суровая действительность встречала вас. Ее холодное дыхание сразу убеждало, что радужные мечты не так-то легко привести в исполнение. Ваши порывы везде встречали глухую стену неподвижности, насмешки, недоверие. Вы чувствовали, что эта стена сильнее вас… И меркла светлая мечта, блекли и осыпались лепестки розовой надежды. Холодный разум с язвительной и жестокой насмешкой шептал: «Не можешь! Не тебе переделать жизнь! Не по твоим силам эта задача! Брось смешные ребяческие мечты! Немало глупцов уже разбили себе лоб об эту стену!»

И вы отступали. Сначала молодое, неискушенное сердце пыталось бунтовать, потом примирялось и мало-помалу свыкалось с ненормальностями жизни. И все входило в свою колею.

И теперь часто, когда встают перед нами великие задачи жизни, мы по привычке опускаем руки и безнадежно вздыхаем: «Что могу я?.. Я один?..» Один – да!.. Но вы забываете, что с вами Христос. А я *все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе,* – говорит апостол Павел (Флп. 4, 13). Надо лишь знать, при каких условиях дается Его Божественная помощь и уметь ею пользоваться. Конечно, первое обязательное условие каждого истинно великого дела состоит в том, чтобы оно имело христианскую цель и созидалось на христианских принципах. Всякая деятельность, как бы эффектна и грандиозна она ни была и каким бы видимым успехом она ни сопровождалась, не может быть названа великой, если она преследует цели тщеславия, славолюбия или выгоду отдельной личности.

Ни один человек, хотя бы он и был назван «великим» льстецами от истории, преклоняющимися перед грохотом и блеском его карьеры, в действительности не заслуживает этого названия, если из обстоятельств и людей, его окружающих, он стремился сделать лишь пьедестал для своей персоны. Господь Иисус Христос творит великое чудо насыщения пяти тысяч пятью хлебами не для того, чтобы увенчать Себя в глазах толпы лаврами чудотворца, а потому, что Ему жаль стало голодных людей. Эта же жалость заставляет Его и *учить их много,* забывая о собственном утомлении. *Иисус, выйдя, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были, как овцы, не имеющие пастыря* (ст. 34).

Сострадание и любовь – вот христианские мотивы всякого истинно великого дела. Величие каждой личности и каждого дела и измеряется тем, насколько сильно и полно проникнуты они этими мотивами. От этого же зависит в значительной степени и долговечность великого дела. То дело, цель которого удовлетворить мелкое самолюбие своего автора, никогда не бывает прочным и, несмотря порой на головокружительные успехи, скоро рассыпается, как ярко вспыхнувшая ракета, оставляя за собой лишь копоть и чад дымящейся гильзы. Но даже и в том случае, если человек руководится в своей деятельности по видимости альтруистическими мотивами, то есть заботой о ближних, но если он не берет для себя за основу

Господа и Его учение, то обыкновенно его деятельность не создает истинного счастья для людей, влечет за собой множество разочарований и никогда не выдержит того страшного испытания, которое ожидает каждого человека и его дела на будущем Суде Божием. Поистине *никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос* (1 Кор. 3, И). Великие христианские цели требуют для своего осуществления и христианских средств. Христианство не знает принципа «цель оправдывает средства». Честные цели достигаются только честными средствами, и если для осуществления высоких целей и великих планов человек допускает обман, ложь, насилие, то можно наверное сказать, что ничего великого или просто хорошего из его деятельности не выйдет. Или он опозорит свое дело в глазах людей, когда откроется его обман и дело разрушится, как бы хорошо оно ни было по замыслу, или же его ложь родит лишь новую ложь, не заключающую в себе ничего высокого, и насилие вызовет лишь ответное насилие. Напрасно некоторые наивные христианские деятели думают, что для достижения высших духовных целей можно прибегнуть иногда к лукавой уловке, хитрости, «невинному обману», как его называют. В Божием деле это совершенно недопустимо. Заповеди Божии обязательны всегда и при всяких условиях, и если Господь ставит перед вами какую-либо задачу в общем порядке постройки Царства Божия, то это значит, что для выполнения этой задачи имеются и средства, согласные с Его заповедями, ибо требовать от человека противоречащей им деятельности Он не может. Не следует забывать слов премудрого Иисуса, сына Сирахова: *Не говори: «ради Господа я отступил»; ...ибо Он не имеет надобности в муже грешном. Всякую мерзость Господь ненавидит, и неприятна она боящимся Его* (Сир. 15, 11–13).

В деятельности Господа нет ни тени обмана, или вероломства, или лукавого заигрывания с людьми с целью привлечь их к Себе. Не видим этого и в совершенном Им чуде. Все делается прямо, просто, открыто. *Он взял пять хлебов и две рыбы, воззрев на небо* (то есть совершив внутреннюю молитву), *благословил и преломил хлебы и дал ученикам Своим, чтобы они раздали...* (ст. 41). Молитва и призывание благословения Божия – вот источник силы и главные средства для выполнения великого дела в христианском духе.

Итак, если самолюбивые мечты туманят вам голову, если вы хотите быть блестящим героем на подмостках истории, в опьяняющей атмосфере преклонения раболепствующей толпы, то никогда ничего истинно великого вы не совершите. Выбросьте это из головы. Если даже вы и достигнете временного успеха, то все же сознание мелочности ваших целей постепенно будет выступать для вас все яснее и радость успеха скоро померкнет пред горечью мысли, что свои силы и таланты вы растратили на пустяки. Только издали кажется, что за облаками успеха и славы кроется непременно нечто подлинно великое. Подойдя ближе и проверив на опыте, вы почти всегда найдете, что это не более как оптический обман. Безнадежны также и заранее обречены на более или менее скорый провал все попытки создать что-нибудь великое и долговечное, порвав всякие связи с Господом Иисусом Христом и Его Евангелием, ибо устройство Царства Божия, составляющее суть всего мирового процесса, совершается непосредственно силою Бога Слова по законам, изложенным в Евангелии, и потому перед вами всегда стоит альтернатива: или принять участие в этой постройке под руководством Господа и при свете Его учения, и тогда вы вносите долю своего труда в вечное будущее, или действовать самовольно, вразрез с этим Божиим планом будущего устройства вселенной, и тогда ваши труды будут неизбежно стерты в пыль этим непреодолимым процессом созидания Царства Божия.

Итак, только то дело может быть великим и долговечным, которое двигает вперед постройку Царства Божия. В этом смысле оно всегда имеет две стороны: субъективную и объективную, или, говоря без иностранных терминов, – работу над собой и над общественными отношениями. Если каждый христианин должен представлять из себя кирпичик в будущем здании Царства Божия, то его первая обязанность этот кирпич хорошенько обжечь,

сделать из него возможно лучший материал для постройки, другими словами – воспитать себя и усовершенствовать в духе Евангелия.

Вторая часть работы будет заключаться в том, чтобы этот евангельский дух внести в практическую жизнь общества. Обе задачи, надо признаться, неизмеримо трудны. Вот почему перед ними многие безнадежно опускают руки, и даже в сердцах глубоко верующих рождаются минуты малодушия, сомнения и слабости. Ввиду этого нам важно выяснить психологическое отношение учеников и апостолов Господа к тому великому чуду, которое совершилось на их глазах и при их посредстве, ибо в их душе мы можем найти ответ на вопрос о тех условиях, которые требуются от человека для того, чтобы великое дело могло совершиться, и это осуществление великих задач для него облегчают. Конечно, чудо творится Божественною силою Самого Господа, но Ему благоугодно было призвать к участию в нем и учеников. *Вы дайте им есть,* – говорит Он. Затем повелевает ученикам рассадить всех отделениями на зеленой траве и ученикам же дает благословленный хлеб, чтобы они раздали народу.

Таким образом, Господь в этом чуде делает апостолов как бы Своими ассистентами и их руками чудесно насыщает народ. Сделано было это с целью, чтобы они на опыте начинали сознавать себя посредниками благодатной силы, действующей через них, и впоследствии, выйдя на великое дело евангельской проповеди, в этом сознании могли находить поддержку и укрепление для себя в трудностях апостольства и уверенность в достижении поставленных задач. Каковы же были настроения учеников, которые создали для них возможность быть посредниками Божественной силы Господа, творившей великое дело их руками? Когда они вернулись к своему Божественному Учителю после первого проповеднического путешествия, они были радостно настроены, но голодны и утомлены. Сжалившись над ними, Иисус сказал им: *пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного, – ибо много было приходящих и отходящих, так что и есть им было некогда* (ст. 31). Но лишь только они отплыли в лодке на другой берег озера, как народ бросился за ними по берегу вокруг озера к тому месту, где должна была пристать лодка. Когда они высадились, громадная толпа ожидала их. Об отдыхе нечего было и думать. Господь снова начал учить народ, и в этом прошло еще много времени (ст. 35). Голод и усталость учеников должны были увеличиться до последней степени. И вот в эту-то минуту Господь вдруг требует от них, чтобы последние пять хлебов и две рыбы, имевшиеся у них, они отдали народу. В каждом из нас это требование, наверное, вызвало бы чувство возмущения. «Помилуйте, мы сами голодные! Дайте же и нам поесть. Да и мыслимо разве накормить такую толпу пятью хлебами! Они съедят по крохотному кусочку и не почувствуют. Сыты не будут, а мы наверное умрем с голоду! Гораздо лучше отпустить их, чтобы каждый из них купил хлеба сколько ему надо!»

Так или приблизительно так стали бы рассуждать мы. Апостолы поступают не так. Усталые, голодные, забывая о себе, они отдают беспрекословно весь свой хлеб для народа, они уверены, что если этого требует их Учитель, то значит, так надо. Ни слова жалобы, сомнения или протеста! И чудо творится. Таким образом, ученики в своих отношениях к Господу обнаруживают со всею определенностью три черты, благодаря которым они могли стать апостолами и продолжателями Его дела: 1) полное самоотречение; 2) безусловное доверие к Господу; 3) беспрекословное послушание Своему Божественному Учителю. Это и есть элементы христианской надежды, той непреодолимой силы, которая творила в христианской жизни великие дела. Точно так же и в настоящее время все великое в христианстве создается именно через людей, которые обладают указанными качествами в высшей степени. Они необходимы, таким образом, каждому христианину, желающему работать над созиданием Царства Божия.

1. Самоотречение, или полное забвение о своих личных интересах и выгодах, необходимо для побеждения, главным образом, внешних препятствий, которых всегда бывает

немало на пути общественно-христианской деятельности. Не следует забывать, что на этом пути неизбежна самая жестокая борьба с духом злобы, который будет пользоваться всеми средствами, чтобы нагромоздить перед вами массу самых неожиданных и трудных препятствий. Главным образом, он старается действовать на ваш эгоизм, возбуждая в вас чувство саможаления, которое и может быть побеждено только самоотречением. Прежде всего возникают препятствия во внешней обстановке вашего дела: противодействие не понимающих вас и враждебно настроенных людей, невозможность достать необходимые для дела средства, затруднения в создании нужной обстановки, лишения в личной вашей жизни, часто нужда, голод, отсутствие самых необходимых удобств. Ко всему этому надо приготовиться. Если вы рассчитываете работать в полном комфорте и со всеми удобствами, то с этими расчетами надо покончить раз и навсегда. Такие работники на ниве Божией не нужны, и ничего они не создадут. Всегда имейте перед глазами великие образы тех служителей Божиих, которые *испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями… подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались… терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли* (Евр. 11, 36–38). Но зато они и одержали великую над миром победу и заставили его признать свои идеалы, свою веру и свои упования.

Далее следуют искушения со стороны людей. Вас оклевещут, обольют грязью, осмеют и пронесут *имя ваше яко зло* (Лк. 6, 22). Это неизбежно. Возбудить против вас людей и очернить ваши намерения в их глазах для диавола бесконечно легче, чем создать внешние физические препятствия и затруднения вашему делу, ибо распоряжаться обстоятельствами жизни он не властен, но в клевете и во лжи он первый специалист, ибо он по существу «ложь и отец лжи», и он широко и беспощадно пользуется этим средством. Об этой горькой участи предупреждает Господь Своих последователей: *Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас* (Ин. 15, 18–20). Чтобы преодолеть это искушение, едкую горечь обиды и несправедливости, которая предстоит вам как неизбежная награда от людей за ваши лучшие и бескорыстные порывы, чтобы не озлобиться и не разочароваться окончательно и не бросить дела несмотря на все, для этого нужна уже довольно высокая степень самоотречения. Необходимо, чтобы любовь к делу во имя Христа и сознание христианского долга бесконечно преобладали над личным самолюбием. «Дело прежде всего и выше всего! Оно должно быть исполнено! А я… Я только ничтожнейший из служителей Христовых, и если меня сотрут в порошок, то в этом нет никакой беды, если этой ценой может быть выиграно дело Божие!» – таково должно быть настроение работника на ниве Божией. Отчего у нас так изумительно мало настоящих полезных церковно-общественных деятелей? Главным образом потому, что никто из них не считает нужным подавить в себе самолюбие и Божье дело поставить выше мелкого эгоизма. Берясь за дело, они чаще всего принимают его как обузу, как печальное условие для того, чтобы приобрести почет, похвалу, уважение людей. Поэтому и делают его плохо, не вкладывая в него душу, и тотчас же от него отказываются, как только увидят, что ошиблись в расчетах и вместо похвалы получили лишь поношение, хотя бы и вполне заслуженно. Наконец, самое тяжелое испытание, требующее самоотречения почти безграничного, возникает тогда, когда именно среди тех людей, о благе которых вы заботитесь и для которых работаете, вы находите врагов и предателей. Получать оскорбления и укоризны всегда тяжело, но получать их от людей, о благе которых вы заботитесь и которых вы любите, почти непереносимо. А между тем часто бывает именно так, что от наиболее любимых вы получаете наиболее сильные удары. По-видимому, и это неизбежно. Не забудьте, что Иуда нашелся и среди учеников Господа Иисуса Христа.

При таких условиях оставаться на своем посту и продолжать любить, заботиться и служить людям, которые вас клянут, поносят, доставляют вам всевозможные неприятности, для этого нужно громадное мужество и полное забвение своей личности. И это возможно лишь при глубоком внутреннем убеждении, проникающем всю душу, что вы работаете не для людей, а для Бога, Ему дадите конечный отчет и только в Нем найдете беспристрастного всеведущего судью. Лишь надежда быть оправданным перед Ним дает вам силы перенести то, что для обыкновенного человека кажется невозможно.

2. Второе качество, которое делает апостолов послушным орудием в руках Господа, – это безграничное доверие к Нему. Обыкновенные люди на требование Господа отдать хлебы, наверное, возразили бы: «Из этого ничего не выйдет: хлеба слишком мало и все останутся голодными! Так, по крайней мере, пусть мы будем сыты!» И конечно, ошиблись бы в своих расчетах. Вышло бы как раз наоборот, и со своею скупостью они и сами остались бы голодными, ибо пяти хлебцев даже на небольшую группу из двенадцати учеников было совершенно недостаточно, и не накормили бы других. Но апостолы надеялись на своего Великого Учителя. Они еще не знают, что Он хочет сделать, но когда Он требует принести хлеб и рыбу, они уже уверены, что Он Своею чудотворною силою, которую Он не раз проявлял перед ними, сумеет накормить всех. Их надежда оправдывается! Эта надежда на Христа и на Его Божественную помощь совершенно необходима в христианской деятельности. Задачи, с которыми приходится здесь иметь дело, так грандиозны, обширны и многоразличны, что справиться с ними своими силами невозможно. Подойдя к ним ближе и оценив всю их трудность, можно впасть в полное уныние в сознании своего бессилия, если бы не живительная надежда! Только она поддерживает энергию и делает возможным всякое великое дело. *Надежда не постыжает* (Рим. 5, 5). Вот приступают к сердцу страсти, силен поток их, трудно удержаться, не поддаться им. Говори: «Борют мя страсти, Владыко, но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой. От юности моея враг мя искушает, сластьми палит мя; аз же надеясь на Тя, Господи, побеждаю сие. Только в Боге успокаивается душа моя! Ибо на Него надежда моя! Только Он твердыня моя и спасение мое. В Боге спасение мое и слава моя, крепость силы моей и упование мое в Боге. Народ! Надейтесь на Него, во всякое время изливайте перед Ним сердце свое, Бог нам прибежище! Боящиеся Господа! Уповайте на Господа! Он наша помощь и щит!» Какие бы трудности и испытания ни стояли на вашем пути, надейтесь на Господа, верьте, что если Он поручил вам какое-либо дело, то Он дает и силы, нужные для его совершения. Господь внемлет всем призывающим Его с нуждою и незримо помогает им. *Твердо уповал я на Господа,* – восклицает псалмопевец Давид, – *и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои… Блажен человек, который на Господа возлагает надежду свою* (Пс. 39, 1–3, 5). Правда, бывают в жизни христианина часы безотрадной скорби и болезни, в которой так и кажется, что Господь совершенно бросил и покинул тебя, ибо нет в душе ни малейшего чувства присутствия Божия; бывают обстоятельства настолько трудные, что кажутся безысходными, иногда разъяренные волны житейской бури так свирепы, что кажется – один момент, и они потопят тебя и разрушат до основания твое дело, над которым ты трудился. А помощи нет. Господь медлит. И все-таки надейся! Надейся до последней минуты. Ведь Господь видит и твою скорбь, и трудность твоего положения. Помощь может прийти в самый последний момент. Иисус *понудил учеников Своих войти в лодку и отправиться вперед на другую сторону… И, отпустив их, пошел на гору помолиться. Вечером лодка была посреди моря, а Он один на земле* (ст. 45–47).

Господь иногда предоставляет Своих служителей собственным силам. Кажется порой, что Он отдаляется от них, оставляя их в одиночестве, без помощи. Но это только кажется. Он не сводит с них заботливого, любящего взгляда и всегда готов прийти на помощь. *И увидел их бедствующих в плавании, потому что ветер им был противный; около же четвертой*

стражи ночи подошел к ним, идя по морю, и хотел миновать их (ст. 48). Он ждет, чтобы человек, обуреваемый волнами, обратился к Нему и призвал Его. И наконец сквозь свист и вой бури, когда бушующая пучина грозит уже гибелью, слышны тихие, ласковые слова: *ободритесь; это Я, не бойтесь. И вошел к ним в лодку, и ветер утих* (ст. 50–51).

Не забудем этой картины. Это сама жизнь. Когда буря вражды и ненависти вздымает волны над вашей головой, грозя поглотить вас, когда свист и вой дикой злобы становятся оглушительными, когда с грохотом рушатся ваши планы и, как гнилые нитки, рвутся снасти ваших проектов, когда изменяют силы и руль уже выбит из вашей ослабевшей руки, тогда вспомните, что Господь следит за вами, Он не забыл вас. С горячей мольбой призовите Его, и вы услышите тихие, ласковые слова: *ободритесь; это Я, не бойтесь.* Он войдет к вам в лодку, и ветер утихнет. Зачем Господь допускает такие моменты испытаний и временного оставления? Они необходимы для нас, для укрепления наших сил, нашей веры, нашей надежды, для воспитания нашей самостоятельности и твердости в борьбе. Видели вы, как мать учит ходить свое дитя? Сначала она поддерживает его, приучая уверенно перебирать ножками, потом оставляет одного где-нибудь около стула, отходит шага на три и манит. Малютке страшно. Поддержки нет. Надо оставить стул и сделать три шага самостоятельно. Целых три шага! Правда, мама близко. Если споткнешься, она сейчас подхватит на руки и не даст ушибиться больно. Но три шага! Целая пропасть! Малютка мнется в нерешительности. Но стоять скучно. Мама манит. Надо к ней. Тихонько выставляет он одну ножку вперед. Секунда колебания. Потом вдруг страшное усилие, два неверных, быстрых-быстрых, спотыкающихся шага, и он с размаху бросается в мамин подол. Какая радость! Какой восторг! Так и Господь, как любящая мать, учит Своих детей. Их необходимо иногда оставлять одних, чтобы заставить сделать нужное усилие, приучить держаться твердо на ногах и собственной волей ходить по стезям жизни в Боге. Бурями и временными оставлениями укрепляется душа.

«Что значит тяжкий сон лености и окамененное нечувствие сердца во время молитвы?.. Значит оставление нас благодатию Божиею, по премудрым и благим намерениям Божиим, для укрепления нашего сердца к свободным собственным духовным деланиям. Иногда благодать носит нас, как детей, или водит и поддерживает нас как бы за руку, тогда полдела нам делать дела добродетели, – а иногда оставляет нас одних нашей немощи, чтобы мы не ленились, а трудились, и трудом заслуживали дарование благодати: вот в это-то время мы должны, как свободные существа, добровольно показать свое исправление и свое усердие к Богу. Роптать на Бога, на лишение нас благодати было бы безумие: ибо Господь, когда хочет, тогда и берет благодать Свою от нас, падших и недостойных. Надо в это время научиться терпению и благословлять Господа: Господь даде благодать Свою, Господь и отъят… Буди имя Господне благословенно» (о. Иоанн Кронштадтский).

3. С христианской надеждой неразрывно связывается христианское послушание, также проявленное апостолами в евангельском рассказе и необходимое для всякого великого дела как условие получения Божественной помощи.

Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит, и выведет, как свет, правду твою и справедливость твою, как полдень. Покорись Господу и надейся на Него (Пс. 36, 5–7). Так учит пророк Давид. Чтобы иметь право надеяться на помощь Божию, надо отдаться Ему в послушании. Только те дела, которые согласны с волей Божией и с Его заповедями, пользуются Его содействием. Господь не может помогать человеку там, где человек нарушает Его волю и Его законы, действуя самовольно. Наоборот, чем полнее послушание, тем вернее и могущественнее Божия помощь и поддержка. Но не только потому нужно послушание христианскому деятелю, что оно привлекает к его делу поддержку Божией силы. Оно нужно психологически.

Самовольная деятельность человека, горящего религиозной ревностью, но ищущего утверждения для своих планов в себе, а не в воле Божией, обыкновенно ведет к бесовской прелести или же к фанатизму, когда человек свои личные взгляды и желания начинает считать откровениями и велениями Божиими. Лукавый часто пользуется такими людьми для того, чтобы разрушить дело Божие. Пользуясь тем, что человек не ищет всем сердцем воли Божией как высшего закона для своей деятельности, искуситель начинает нашептывать ему цели и проекты по видимости добрые, но в которых в действительности всегда скрыт коварный расчет привести дело к гибели. Если человек ищет мотивов для своей деятельности в самом себе, то он обыкновенно принимает эти диавольские нашептывания за свои собственные мысли и чувства, следует за ними и губит и дело, и часто себя. И чем больше он при этом проявляет усердия, ревности, горячности, тем хуже для него и тем вернее и скорее гибель. Единственное спасение от этой опасности – в искреннем искании воли Божией и в безусловном ей подчинении.

Чрезвычайно нужно и полезно послушание также в периоды неудач и разочарований. Без него легко рождается в душе уныние, когда человек видит, что плоды его работ, иногда тяжелых и продолжительных, гибнут без следа. Это уныние невозможно в душе послушной, вполне вверившейся воле Божией. Твердо зная, что жизнь представляет вечную борьбу добра и зла и что плоды этой борьбы всецело в руках Божиих, человек, преданный воле Божией, и в крушении своих планов и результатов своих трудов видит также один из бесчисленных эпизодов этой борьбы, в которой проявляется сила Божия. Если его дело постигнет неудача, то для него это значит, что оно или неугодно Богу, или сделано не так, как следует, или же, наконец, разрушено попущением Божиим, чтобы испытать или укрепить его верность Богу. Во всех этих случаях он может только благодарить Бога. Для горечи и уныния здесь места нет.

«Обязанности твои, а следствия Божии», – сказал древний мудрец. При таком понимании послушания можно всегда быть деятельным и оставаться спокойным. Итак, когда на вашем христианском пути вырастают задачи грандиозные и затрудненные, по видимости непреодолимые, подавляющие вас малодушием и сомнениями, тогда поручите себя Господу Иисусу Христу с полным доверием, послушанием, самоотверженностью, и вы увидите, что в Его руках ваши таланты, силы и способности увеличатся беспредельно, как увеличились пять небольших хлебцев, и затруднения будут побеждены.

Глава 7

Глава 7, ст. 1-24

Снова евангелист Марк рассказывает нам о столкновении между Господом и фарисеями, одном из тех многочисленных столкновений, которые, постепенно усиливая злобу фарисеев, приводят к страшной развязке. Не простое недоразумение и не одно лишь раздраженное мелкое самолюбие, боящееся потерять свое влияние, чувствуется в укорах книжников, упрекающих учеников Господа в несоблюдении старческих преданий. Корни столкновения лежат гораздо глубже. Перед нами два совершенно различных мировоззрения, два взгляда на религию, два понимания отношения человека к Богу.

Ясно, что фарисеи ценят главным образом внешнее поведение и ритуальное, или обрядовое благочестие, выражающееся в тщательном и неуклонном выполнении обрядов, многочисленных преданий, религиозных обычаев. Господь, наоборот, требует от человека внутренних настроений, любящего, чистого сердца, души, благоговейно преданной Богу, и поведения, всецело подчиненного этому духу любви к ближнему и преданности Богу. Все это возможно лишь при условии, если единственным центром жизни для человека является Бог и единственною целью жизненных стремлений – единение с Ним. Но мы уже знаем, что эти стремления легко подменить другими, имеющими лишь религиозную видимость, и Бога можно заменить различными кумирами. Как ни странно, но таким кумиром, заменяющим Бога, может стать внешний религиозный культ, пышное торжественное богослужение и даже аскетический подвиг. Всем этим можно увлечься до такой степени, что совершенно исчезает мысль о том, что все это не более как средство религиозного воспитания, вне этого не имеющее никакой ценности.

Средство становится самодовлеющей целью, и в этом увлечении внешностью самая мысль о Боге тускнеет и ослабевает. Для пояснения приведем следующее сравнение. Цель гимнастики состоит в том, чтобы укрепить здоровье человека, и большинство занимается ею именно для этого. Но можно и не иметь этой цели в виду и заниматься гимнастикой ради самой гимнастики, чтобы научиться искуснее делать разные трюки или поставить новый рекорд в каком-либо виде спорта. Так занимаются ею акробаты, борцы, профессиональные спортсмены. Основная задача – укрепление здоровья тогда забывается совершенно, а чрезмерные упражнения даже вредят.

Аскетический подвиг укрепляет духовное здоровье, и в этом его единственный смысл. Есть люди искренно религиозные и верующие, для которых само слово «подвиг» и мысль о подражании древним святым в суровости жизни имеют деятельную силу, и они готовы принять на себя любой подвиг ради самого подвига, совершенно не считаясь с тем, приблизит это или удалит их от главной цели христианской жизни – единения с Богом, ибо чрезмерный подвиг может быть даже духовно вреден. Для этих людей подвиг становится кумиром, заменяющим Бога. Для фарисеев таким кумиром, который заслонил от них идею чистого Богопочитания и обязательного подчинения единой воле Божией, было предание старцев и обряды. Всецело уйдя в эту сторону и слепо следуя за своими излюбленными преданиями, они нередко замечали, что эта ложная ревность ведет их к нарушению подлинной воли Божией, ясно выраженной в Законе Моисеевом. Каким образом и от каких причин произошел этот неправильный сдвиг в религиозном мировоззрении, мы не будем здесь говорить. Господь в Своем ответе ревнителям преданий отмечает одну частность, где вся бессмыслица их неумеренной ревности выступает особенно ярко. На этих словах мы и остановимся. *И*

сказал им: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание? Ибо Моисей сказал: почитай отца своего и мать свою; и: злословящий отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: кто скажет отцу или матери: корван, то есть дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей, устраняя Слово Божие преданием вашим, которое вы установили; и делаете многое сему подобное (ст. 9-13). Ясно и определенно Господь указывает на противоречие закону, в котором оказались фарисеи, на тот тупик, в который они зашли благодаря тому, что подменили волю Божию своими преданиями.

Самый обыкновенный недостаток суетной религии и лицемерного благочестия состоит в злоупотреблении внешнею обрядностью, в этом и заключалось фарисейство, с которым Господь неустанно боролся. Человек прикрывает этой маской свои пороки; таково бывает самомнение этих фальшивых святош, что они жертвуют святым Божиим законом для жалкой обрядности своей благочестивой фантазии. Фарисей в силу обета посвящает весь свой избыток храму, на покупку жертв, соли и дров и оставляет умирать с голода отца или мать. Закон Моисея требовал полного послушания и почтения к родителям, и вместе с этим на детей возлагались, конечно, заботы о поддержке их существования. Но если сын тяготился этой обязанностью и хотел от нее отделаться, ему достаточно было сказать о средствах, идущих на содержание родителей: «Корван», то есть посвящается Богу, и он был свободен от своего сыновнего долга.

Нарушение Моисеева Закона и воли Божией, в нем выраженной, здесь было явное, и каждому из слушателей становилось ясно, насколько неправы были фарисеи в своем обрядовом фанатизме. Обличая фарисеев, Господь в то же время подчеркивает необходимость исполнения ветхозаветных заповедей и, в частности, важность пятой заповеди Закона Моисеева о почитании родителей, которая, по-видимому, очень страдала в то время из-за всеобщего огрубения нравов. Заповедь эта дана в Ветхом Завете, но здесь Господь дает безусловное подтверждение ее обязательности для Своих последователей – христиан всех времен. С этой точки зрения, Слова Божии приобретают для нас особенно волнующий, захватывающий смысл, ибо отношения детей к родителям – это больной вопрос нашей современности. Кажется, никогда еще пятая заповедь Десятословия не была в таком пренебрежении и никогда еще родители не страдали так от детей, как в настоящее время. *Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле…* (Исх. 20, 12) – так заповедал Господь через Моисея. *Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу* (Кол. 3, 20), – свидетельствует апостол Павел в Послании к Колоссянам и в Послании к Ефесянам подтверждает с новой силой: *Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость. Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле* (Еф. 6, 1–3). Премудрый сын Сирахов говорит: *Дети, послушайте меня, отца, и поступайте так, чтобы вам спастись, ибо Господь возвысил отца над детьми и утвердил суд матери над сыновьями. Почитающий отца очистится от грехов, и уважающий мать свою – как приобретающий сокровища. Почитающий отца будет иметь радость от детей своих и в день молитвы своей будет услышан. Уважающий отца будет долгоденствоватъ, и послушный Господу успокоит мать свою. Боящийся Господа почтит отца и, как владыкам, послужит родившим его. Делом и словом почитай отца твоего и мать, чтобы пришло на тебя благословение от них, ибо благословение отца утверждает домы детей, а клятва матери разрушает до основания. Не ищи славы в бесчестии отца твоего, ибо не слава тебе бесчестие отца. Слава человека – от чести отца его, и позор детям – мать в бесславии. Сын! прими отца твоего в старости его и не огорчай его в жизни его. Хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение и не пренебрегай им при полноте силы твоей, ибо милосердие к отцу не будет забыто; несмотря на грехи твои, благосостояние твое умножится. В день*

скорби твоей воспомянется о тебе: как лед от теплоты, разрешатся грехи твои. Оставляющий отца – то же, что богохульник, и проклят от Господ а раздражающий мать свою (Сир. 3, 1-16). Так ясно и решительно засвидетельствована в Слове Божием обязанность сыновнего почтения к родителям, и обязанность эта остается все тою же от древних времен и до настоящих пор.

Господь подтверждал эту заповедь, Сам свято исполнял ее в жизни. Припомним, что первое чудо в Кане Галилейской, где Он претворил воду в вино, совершено было Им по просьбе Его Пречистой Матери. О детских годах Спасителя мы мало имеем сведений, но святой Лука тем не менее сохранил одно характерное и ценное замечание, что Он был послушным ребенком и был в повиновении у родителей Своих (Лк. 2, 51). В минуты последней агонии, вися на Кресте, когда призрак смерти витал над Его главою, заметив Свою плачущую Мать у подножия креста, Он с любовию остановил на Ней взор Свой. Увидев ж *ей ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Же́но! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе* (Ин. 19, 26–27). В последнюю минуту жизни, забывая о собственных невыносимых страданиях, Он проявляет таким образом сыновнюю нежную заботу о будущем Своей Матери, поручая ее попечениям Своего ученика. У древних евреев заповедь о почитании родителей соблюдалась очень строго, как и все заповеди Моисеева Закона. За побои и оскорбления родителей присуждали к смертной казни (Лев. 20, 9). Виновного выводили за стан или за пределы города и там побивали камнями, причем в этом принимала участие вся община села или города. Как объясняет святитель Иоанн Златоуст, это делалось с той целью, чтобы каждый участник казни, глядя впоследствии на свою правую руку, бросившую камень, вспоминал о своих обязанностях к родителям. Участвовало в этом все село, ибо ответственность за преступление закона лежала на всех.

Семейные отношения древних патриархов сплошь проникнуты этим духом сыновней почтительности и покорности, и библейская история дает много трогательных примеров глубокой любви к родителям. Вот Исаак, сын Авраама. Когда Авраам получил от Бога повеление принести в жертву сына своего, он *встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего.* Исаак беспрекословно повинуется. Три дня шли они, пока наконец Господь указал Аврааму гору, на которой должно было совершиться жертвоприношение. *И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем ту да и поклонимся, и возвратимся к вам. И взял Авраам дрова для всесожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе.* Доверчиво, с полной готовностью Исаак следует за своим отцом. *И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего* (Быт. 22). Даже в эту минуту под ножом отца Исаак не обнаруживает никакого сопротивления, чтобы защитить себя, и только Ангел Господень, остановивший руку Авраама, сохраняет ему жизнь.

Вот Иосиф, сын другого патриарха, Иакова. В Египте при дворе фараона он достиг высших степеней. Он богат и могуществен. Но когда он узнает, что его престарелый отец, простой пастух по занятию, едет к нему и находится уже близко, он забывает все, горя нетерпением скорее увидеть отца: и пышный двор, и свой высокий сан, и свою громадную власть; он *запряг колесницу свою, и выехал навстречу Израилю, отцу своему, в Гесем, и, увидев его, пал на шею его, и долго плакал на шее его* (Быт. 46, 29).

Вот блестящий царь Израиля Соломон, слава о богатстве и мудрости которого гремела далеко на Востоке, и вот отношение его к матери. *Вошла Вирсавия* (мать Соломона) *к царю Соломону… Царь встал перед нею, поклонился ей, и сел на престоле своем. Поставили престол и для матери царя, и она села по правую руку его* (3 Цар. 2, 19). Во всей истории хри-

стианства мы видим немало примеров подобных же отношений к родителям. Уважение к ним, полная покорность, самоотверженная любовь и всегдашняя забота – все это составляет непременную черту жизни древнехристианского семейства. Из бесчисленного множества примеров возьмем лишь несколько. Святитель Григорий Богослов в молодости один из лучших учеников Афинской школы – имел все шансы на самую блестящую карьеру. Ему предлагали лучшие места в Афинах, ценя его знания и таланты. Жизнь улыбалась ему, маня славой, богатством, почетом. Он отказался от всего и поселился в бедном городке Назиазе, ибо там жили его родители, нуждавшиеся в его поддержке.

Его заветною мечтою всегда было монашество, подвижничество, тихая жизнь в пустыне. В школьные годы он часто беседовал об этом со своим другом святителем Василием Великим, проникнутым теми же стремлениями. Друзья мечтали об этом, строили планы, полные светлых надежд и чистого юношеского увлечения. Ради родителей святой Григорий отказывается от дорогой мечты и от этих планов, и, когда святой Василий напоминает ему о них и приглашает жить вместе в пустыне, он отвечает ему письмом: «Я должен нарушить данное обещание, но то не моя вина, ибо долг дружбы должен уступить закону сыновней любви». И в горячей молитве к Богу он так объясняет мотивы своего отказа: «Услуживая родителям, я думал исполнить угодное Тебе, Царь мой Христос, ибо Ты даруешь смертным детей, дабы они имели себе помощь и ими, как жезлом, подпирали свои дрожащие члены».

Наш отечественный подвижник преподобный Сергий Радонежский также стремился к монашеству и уединенной жизни еще в юности, но ради отца и матери откладывал исполнение этих желаний. «Сын мой, – говорили ему родители, престарелые Кирилл и Мария, – побудь с нами до нашей смерти. Не оставляй нас! Закрой нам глаза, а там поступай по желанию сердца своего, как Господь укажет тебе!» И покорный сын свято исполнил просьбу родителей: он оставался с ними до их смерти, оберегая и поддерживая их старость, и только похоронив их, принял иночество и ушел в пустыню.

Другой великий подвижник – святитель Савва, архиепископ Сербский, выполнял за своего старика-отца все подвиги и молитвы аскетической жизни, которые тот уже не мог нести по дряхлости своей, взяв на себя, таким образом, двойное бремя подвижничества – за себя и за отца.

Почему важна пятая заповедь и почему святые угодники так строго соблюдали ее?

Мы знаем, что все заповеди даны Господом для блага самого же человека. Они представляют собой те духовные основы жизни, утверждаясь на которых, человек может создавать себе счастье и прочную будущность.

Я вывел их из земли Египетской, – говорит Господь устами пророка, – *и привел их в пустыню, и дал им заповеди Мои, и объявил им Мои постановления, исполняя которые человек жив был бы через них* (Иез. 20, 10–11). То же следует сказать, в частности, и о пятой заповеди: она необходима прежде всего для нас самих. Во-первых, это лучшая школа послушания. Ничего не может быть проще, легче и естественнее, как научиться послушанию в семейной обстановке, в подчинении родителям. Это самое легкое послушание, которое знает жизнь. Если даже у строгих родителей оно соединяется с требовательностью и некоторой суровостью, отчего кажется порой трудно переносимым, то все же это чувство тяжести и неприятной принужденности смягчается родительской любовью и заботливостью. Родителям подчиняться легче, чем чужому человеку, уже просто потому, что они – родители, самые близкие люди, потому, что мы им всем обязаны, потому, что даже внутренне не соглашаясь с их требованиями, мы все-таки знаем, что эти требования всегда преследуют нашу пользу, как бы их ни понимала родительская любовь.

Где вы найдете подобную школу? Но вы спросите, может быть, зачем же надо учиться послушанию? Разве оно необходимо для человека и для его счастья? О да! Если даже взять

просто житейские отношения, то нетрудно заметить, что они представляют непрерывную цепь подчиненности в разной степени и в разной форме. Учитель, хозяин, начальник, власть, закон, государство – все требует послушания. Вся жизнь построена на этом, и от жизни никуда не спрячешься. Вот почему людям, недисциплинированным с детства и не привыкшим к послушанию в родительской семье, так тяжело и трудно живется: жизнь или сурово ломает их по-своему, или просто выбрасывает вон, как негодный мусор. Но это далеко еще не самое главное. Гораздо важнее то обстоятельство, что христианская жизнь должна быть не чем иным, как сплошным послушанием Богу. Жизнь – не игрушка. Это непрерывный процесс построения Царства Божия, созидающегося под руководством Божиим. Мы все призваны к этой работе и каждому из нас отведена в этом деле своя роль. Чтобы работа шла стройно и гармонично, для этого необходимо, чтобы каждый из нас с сознательным подчинением принял свою роль из рук Божиих и работал там, где поставил его Господь. Конечно, мы свободны и можем или отказаться от этой работы совсем, или вести ее по своему произволу. Но в первом случае мы не можем попасть в Царство Божие, если не работаем над его устроением, во втором случае мы неизбежно наделаем массу ошибок и фальшивых шагов, которые могут привести к пропасти; или же для того, чтобы поставить нас опять на правильную позицию и привести нашу деятельность в согласие с законами постройки, Господу приходится употреблять очень суровые меры, а это тяжело и больно. Поэтому, чем полнее послушание Богу, тем правильнее идет наша христианская работа и тем легче жизнь по внутреннему ощущению, хотя бы внешне она была полна неудач и бедствий. К Божьему же послушанию лучше всего ведет школа родительского послушания. Вот почему она так нужна. Скажу более: самая суровость родительской дисциплины полезна для детей и желательна. Почему? Суровые испытания необходимы для духовного совершенствования, как огонь, очищающий металл. Здесь мы не будем говорить о психологических причинах этого явления, но это – закон духовной жизни. *Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь* (Мф. 7, 14). Но если эту школу скорби и испытаний мы не пройдем в детстве в родительской семье, то Господу ничего не останется, как подвергнуть нас испытаниям жизни, а это гораздо труднее, особенно без предварительной подготовки в родительском доме. Но если этот скорбный курс духовного воспитания в виде родительских наказаний и известной суровости отношений мы пройдем с детской покорностью в родном доме, то дальнейшие испытания часто оказываются ненужными, по крайней мере, наиболее острые и болезненные из них. Поэтому последующая жизнь идет сравнительно гладко во исполнение обетования Божия: *благо ти будет, и да долголетен будеши на земли.* Строгость полезна еще и в другом отношении: как первая подготовка к борьбе с самоугождением, с похотью, со страстями. Чтобы вести эту борьбу и владеть собою, не уступая страстным порывам, для этого необходимо так называемое духовное бодрствование, то есть известное постоянное напряжение духа. Но напряжение это на первых порах лучше всего достигается, когда вблизи чувствуется чей-нибудь строгий авторитет. Правда, тогда оно бывает принудительным, но, во-первых, все начальные шаги духовной жизни носят принудительный характер, а во-вторых, от этого она не теряет своего значения. Родительская строгость, поддерживая это напряженное внимание духа, мало-помалу создает к нему навык, и это чувство нависшего над тобой сдерживающего авторитета, воспитываясь в родительской семье, остается потом на всю жизнь. Впоследствии оно легко переходит в чувство Всевидящего ока Божия, когда родительский авторитет в сознании человека уступает место авторитету Бога как высшему руководящему принципу жизни.

Вот почему строгость родительская полезна для детей. Недаром премудрый сын Сирахов поучает: *Кто любит своего сына, тот пусть чаще наказывает его, чтобы впоследствии утешаться им… Поблажающий сыну будет перевязывать раны его, и при всяком крике его будет тревожиться сердце его… Не давай ему воли в юности и не потворствуй неразумию*

его. Нагибай выю его в юности и сокрушай ребра его, доколе оно молодо, дабы... оно не вышло из повиновения тебе (Сир. 30, 1, 7, 11, 12).

Отношения к родителям в духе пятой заповеди представляют также лучшую школу любви к ближним. Любить ближнего отвлеченно, в теории, любить лишь на словах или в мыслях – сравнительно нетрудно. Но любить его делом, любить его не как поэтическую мечту, а как реальность жизни, часто грязную и непривлекательную, любить именно того ближнего, который находится около тебя, а не в далеких грезах, – это неизмеримо труднее. А между тем именно такая любовь требуется в христианстве, *станем любить не словом или языком, но делом и истиною,* – говорит апостол (1 Ин. 3, 18). И вот первым предметом такой практической, деятельной любви естественнее всего быть родителям. Только теоретики, мало понимающие духовную жизнь, могут говорить, что любовь к родителям лишь особый вид любви к самому себе, новая форма личного самолюбия (Л. Толстой) и что поэтому, пренебрегая этой любовью, надо стремиться любить все человечество. Это легко сказать, но таких скачков любовь не знает. В действительности сердце учится любить, лишь постепенно расширяя круг любимых, начиная с самых близких и кончая дальними, чужими, посторонними. Поэтому естественный ход расширения любви приблизительно таков: сначала любовь к родителям, потом к братьям и сестрам, родственникам, друзьям, знакомым, согражданам, единоплеменникам и, наконец, как венец всего – ко всему человечеству. Вряд ли можно избежать необходимости пройти все эти ступени последовательно, и, по-видимому, тот, кто не умеет любить своих ближних, никогда не может иметь любви ко всему миру и ко всем людям, как бы горячо он ни говорил об этом.

Правда, в христианской жизни в развитии любви преобладают мотивы духовной, а не физической близости. Но это относится уже к сознательному возрасту, к периоду духовной зрелости. Для ребенка же и для ранней юности первой школой любви действительной, а не мечтательной являются все-таки отношения к родителям.

Отсюда ясно, насколько важно это отношение воспитать в строгом духе пятой заповеди Божией.

Непочтение к родителям детей – это страшная неблагодарность с их стороны. Подумайте, сколько терпит мать для своих детей! Сначала – муки рождения, потом бесконечный ряд забот и тревог, все волнует: болезнь ребенка, необходимость ухода, беспокойство из-за посторонних дурных влияний, школьные неудачи, детские огорчения, постоянная мысль о будущей судьбе. Дети подрастают – новые думы: о подходящей партии для брака, о выборе карьеры, первые житейские разочарования и т. д. Все это мать переживает часто острее, чем дети. А если дорогое, любимое дитя попало на неверный, скользкий путь, гибнет в пучине порока и разврата и нет сил его спасти, ему помочь? Сколько тогда горя и слез! Кто поймет и оценит эту голгофу матери! И в награду за все это дети обыкновенно отказываются от родителей. Горестная разлука всегда неизбежна.

С точки зрения общественной пользы, правильные отношения детей к родителям, то есть отношения, полные любви и покорности, также необходимы. Семью недаром называют основой общества. Из этих семейных ячеек строится все общество, и дух семейных отношений неизбежно ему передается. Там, где эти отношения нравственно портятся, семья начинает разлагаться, и вместе с тем начинает гнить общество, теряя прочность внутренних связей. В конце концов, все так называемые общественные добродетели первоначально воспитываются в основной ячейке – семье, представляющей миниатюрный образец общества. Если семья проникается духом эгоизма и личного себялюбия, то она выпускает из недр своих тоже эгоистов, которые в общественной жизни становятся лишь элементами распада и разложения.

Родители, наконец, являются орудиями Творца для продолжения человеческого рода. Поэтому и почитать их надо как таковые орудия, которыми Господь благоволит пользо-

ваться для Своих целей. Молитва родителей и их благословение имеют великую силу в очах Божиих, как будто Сам Господь признает за ними особые права над детьми. Сколько раз молитва матери спасала детей от гибели, особенно от гибели нравственной. Припомним Монику, мать блаженного Августина, годами молившую о вразумлении своего заблудшего сына и наконец выплакавшую его спасение. Припомним святого мученика Миракса, изменившего сначала христианству и возвращенного снова на путь исповедничества молитвами родителей. А какую силу имеет родительское благословение, даже случайное или вырванное при помощи хитрости! Таким образом Иаков получил благословение, предназначавшееся, собственно, его старшему брату Исаву, от отца своего Исаака.

Да даст тебе Бог, – сказал ему Исаак, возлагая на него благословляющую руку, – *от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина; да послужат тебе народы… и да поклонятся тебе сыны матери твоей* (Быт. 27, 28–29). И эти слова благословения исполнились буквально на Иакове и его потомстве. Таким же, видим, оказалось благословение Ноя, данное Иафету и Симу, и особенно благословение престарелого патриарха Иакова, точно определившего судьбу всех его потомков (Быт. 49).

Благословение того же Иакова поставило младшего его внука Ефрема выше старшего Манассии.

Существует старый рассказ о силе невольного материнского благословения. У одного кроткого, тихого мальчика была очень сварливая мать. Она не любила сына, и много бедному малютке пришлось вытерпеть от нее побоев и брани. Но он всегда оставался послушным и почтительным сыном, никогда не жаловался и лишь плакал втихомолку. Когда он подрос, жизнь его стала невыносимой: он чувствовал себя в родном доме лишним и ненужным. Тогда скрепя сердце он решил идти куда-нибудь на сторону искать работы и счастья. Мать охотно разрешила ему это: она была рада отделаться от нелюбимого сына.

– Благослови меня, матушка! – сказал сын, прощаясь.

Злая женщина не смягчилась даже в эту минуту. Она схватила из-под печки полено и бросила ему.

– Вот тебе мое благословение! – вскричала она.

Мальчик низко поклонился, поднял полено и бережно завернул в кафтан.

– Спасибо, родимая! – промолвил он. – Прощай!

Даже полено было ему дорого как благословение матери и единственная память о ней. Он выстрогал из полена дощечку, отдал ее в иконописную мастерскую, где по его заказу написали на ней образ Спасителя. С этим образом он никогда не расставался: это было все, что он получил от матери. И Господь видимо благословил его за это почтение к матери и за уважение к ее благословению. Что бы он ни начинал, успех сопутствовал ему неизменно. Его очень полюбил новый хозяин, бездетный вдовец, к которому он поступил в контору, и от души заботился о нем; когда же мальчик вырос и освоился с работой, он сделал его своим пайщиком и, умирая, назначил наследником значительного состояния.

Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет (Исх. 20, 12), – говорит Господь.

Наоборот, проклятие родителей влечет всегда ужасные последствия.

Помню рассказ о страшном событии, имевшем место в одной из южных губерний. Маленький ребенок – девочка – была проклята неразумной матерью в самый момент своего рождения. Мать желала и ожидала мальчика – родилась девочка. Это ее рассердило. «А будь ты проклята!» – вскричала она со злобой, смотря на крохотное, плачущее создание, которое поднесли ей показать. Увещания священника и родных ее не образумили. Затаенная ненависть к невинной крошке осталась надолго и не раз прорывалась новыми проклятиями. Это не замедлило отразиться на ребенке. Девочка росла дикой, нелюдимой, как затравленный зверек. Вскоре обнаружились признаки безумия, на ненависть матери она отвечала ненавистью и часто ее царапала и кусала. С двенадцати лет у них начались уже настоящие побоища,

причем дочь хватала все, что попадалось ей под руку и с невероятным бешенством бросалась на мать. Развязка была трагическая. Однажды, когда они поссорились из-за чего-то у печки, мать сильно толкнула в грудь безумную, та схватила топор, лежавший под голбцем, и одним взмахом уложила мать. Такова сила родительского благословения и проклятия!

Давая такую власть родителям, Господь тем самым напоминает обязанности к ним детей. Обязанности эти по православно-христианскому учению таковы:

1) почтительность к родителям,

2) повиновение им,

3) питание в старости или когда они вообще неспособны к труду,

4) молитва постоянная в течение всей жизни,

5) поминовение после смерти.

Почтительность к родителям обыкновенно вознаграждается через ваших же собственных детей. *Почитающий отца будет иметь радость от детей своих,* – говорит премудрый (Сир. 3, 5). Наоборот, неуважение к родителям и на детей навлекает те же последствия. Это естественно. У одного африканского племени дикарей существует жестокий обычай: стариков, неспособных по дряхлости ходить на охоту и добывать себе пропитание, они отвозят куда-нибудь в чащу леса или овраг и там бросают на произвол судьбы, предоставляя им умирать или от голода, или от хищных зверей. Человек становится слаб, бесполезен. Следовательно, кормить его не стоит.

Однажды Самбо, молодой, здоровый негр, взял своего старика отца, который от старости не мог двигаться, положил его на большой лубок и поволок в лес. За ним бежал его маленький сынишка. Они дошли до глубокого оврага. Здесь негр хладнокровно опустил отца на лубке на самое дно оврага, повернулся и пошел домой. Сын остался в нерешительности на краю оврага.

– Отец! – крикнул он. – Стой!

Самбо повернулся.

– Чего тебе?

– Подожди, я достану лубок…

– Брось! Зачем?

– Но ведь ты тоже состаришься?

– О да!

– На чем же я повезу тебя?

Негр постоял, подумал, поскреб свою курчавую голову. Потом слез в овраг, положил отца на лубок, привязал покрепче, чтобы не сполз, и поволок домой.

Глава 7, ст. 25-37

Когда Господь Иисус Христос пришел в пределы Тирские и Сидонские, *услышала о Нем женщина, у которой дочь одержима была нечистым духом, и, придя, припала к ногам Его; а женщина та была язычница, родом сир о финикиянка* (ст. 25, 26). Это была несчастная женщина. Любимая дочь ее страдала беснованием. Испробованы были все средства, чтобы вылечить ее; все было напрасно. Бедная мать готова прийти в отчаяние, как вдруг она слышит, что в ее стране появился Великий Пророк, сильный духом, могущественный, благостный, который исцеляет самые тяжелые недуги одним словом, одним взглядом, одним прикосновением. Снова надежда загорается в измученном сердце. Последняя надежда! Если и теперь она изменит, все кончено! Женщина идет к Спасителю. У нее нет выбора! Или здесь она вымолит исцеление дочери, или нигде! Она падает к ногам Господа и плачет жгучими слезами последней надежды. Ах эти слезы любви, страдающей страданием близких! Но Господь молчит. Плачущий над чужими страданиями, Он теперь безучастен, неподвижен. Обе-

зумев от разочарования, женщина удваивает мольбы, вкладывая в них всю горечь наболевшего сердца, всю силу своего страдания. И вдруг ответ: *дай прежде насытиться детям, ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам* (ст. 27). Ужасный ответ! Искать милосердия и дождаться такого ответа – это все равно, что получить удар бича по обнаженным нервам. Вряд ли многие могли выдержать подобный ответ и, наверное, немедленно ушли бы прочь со злобой или с горечью обиды, во всяком случае, с чувством полного разочарования. Но женщина не ушла. Даже этот ответ не заставил ее уйти. Она готова перенести всякое унижение, лишь бы вернуть здоровье дорогой дочери. С новой силой вспыхнула в ней вера, и со смиренной настойчивостью она продолжала просить: *так Господи; но и псы под столом едят крохи у детей* (ст. 28).

Вера, смирение и любовь женщины преодолели все препятствия, которые должны были оттолкнуть ее от Спасителя и которые Господь намеренно поставил перед нею. *За это слово, пойди,* – сказал Он ей, – *бес вышел из твоей дочери* (ст. 29).

Жестокость первого ответа совершенно не вяжется с кротким обликом Господа. Разве так говорил Он обыкновенно с несчастными людьми, который шли к Нему за помощью? Разве относился Он когда-нибудь так к человеческому горю? Никогда. Ясно, что отказ в просьбе и резкий ответ даны Им умышленно с каким-то намерением. Зачем?

Чтобы испытать смирение женщины, чтобы укрепить ее веру, которая усиливается своими победами над препятствием, чтобы вызвать ее любовь на новую настойчивую мольбу.

Все это надо для воспитания человека. Все это укрепляет его духовно.

Господь каждый представлявшийся Ему случай обращал к тому, чтобы дать человеку не только просимые им внешние блага, но и возвысить его душу, вызвав в ней лучшие чувства и настроения, и таким образом сообщить ей благодать духовных даров. Укрепляя веру женщины, Он пытается в то же время вызвать в ней усиленную настойчивость и неотступность мольбы.

В этом урок для нас. Урок необходимости настойчивой, длительной молитвы, которая не приходит в отчаяние и не прекращается от того, что не сразу бывает услышана, но продолжает добиваться своего, не теряя надежды. Мы видим, что настойчивая просьба женщины в конце концов исполняется. *Просите, и дано будет вам,* – говорит Господь, – *ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят* (Мф. 7, 7, 8). Эту же мысль подтверждает Он двумя притчами в Евангелии от Луки. Положим, – поучает одна притча, – что *кто-нибудь из вас, имея друга, придет к нему в полночь и скажет ему: друг! дай мне взаймы три хлеба, ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему; а тот изнутри скажет ему в ответ: не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе. Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит. И Я скажу вам: просите и дано будет вам* (Лк. И, 5–9).

Сказал также им притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать, говоря: в одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне. И сказал Господь: слышите, что говорит судья неправедный? Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? сказываю вам, что подаст им защиту вскоре (Лк. 18, 1–8). Поэтому и Святая Церковь Православная старается приучить к настойчивой молитве, предлагая свои продолжительные богослужения, на утомительность которых многие ропщут. Таким образом, как говорит притча, надо вопиять ко Господу день и ночь. Не следует приходить в отчаяние, если Господь медлит исполнить нашу просьбу.

«Прося того, что достойно Бога, – пишет святитель Василий Великий, – не переставай просить, пока не получишь. На сие наводя мысль, Господь сказал притчу о выпросившем в полночь хлебы своею неотступностью. Хотя пройдет месяц и год, и трехлетие, и большое число лет, пока не получишь, не отступай, но проси с верою, непрестанно делая добро».

«Нашим да будет всегдашним делом, – поучает другой великий святитель, Иоанн Златоуст, – прилежать молитвам и не унывать при медленности услышания, но являть терпеливо благодушие. Будем приучать себя к тому, чтобы прилепиться к молитве и молиться днем и ночью, особенно ночью, когда никто не докучает делами, когда улегаются помыслы, когда вокруг все безмолвствует и ум имеет полную свободу возноситься к Врачу душ. Всякое место и всякое время пригодно для такого делания. Если ты имеешь ум очищенный от нечестивых страстей, то будь ты на торжище, будь в дороге, будь дома, будь в судилище, будь в монастыре, будь на море, и где ты ни будь, везде, призвав Бога, можешь получить просимое». Известней когда-то в С.-Петербурге духовник о. А. Колоколов говорил иногда своим духовным детям: «Вы ищете помощи Божией Матери? Так идите в Казанский собор и, стоя воочию перед иконой, говорите: „Владычице, помоги! Я не отступлю, но буду просить, умолять, насколько сил хватит моих. Я приду к Тебе и завтра, и послезавтра и многие годы буду просить и молить, пока не получу просимое!“»

Молитва о. Иоанна Кронштадтского, великого молитвенника Русской Церкви, всегда производила впечатление необыкновенной настойчивости. По свидетельству очевидцев, когда он молился, то как будто хватался за ризы Христовы и не выпускал их, добиваясь во что бы то ни стало получить просимое.

Он сам о первых шагах своей пастырской молитвы рассказывал следующее: «Младенцы Павел и Ольга по беспредельному милосердию Владыки и по молитве моего непотребства исцелились от одержавшего их духа немощи. У Павла-малютки немощь разрешилась сном, малютка Ольга получила спокойствие духа, и личико из темного сделалось ясным. Девять раз я ходил молиться с дерзновенным упованием, надеясь, что упование не посрамит, что толкущему отверзется, что хоть за неотступность даст мне Владыка просимое; что если неправедный судья удовлетворил наконец утруждавшую его женщину, то тем более Судия всех, праведнейший, удовлетворит мою грешную молитву о невинных детях, что Он призрит на труд мой, на ходьбу мою, на молитвенные слова и коленопреклонения мои, на дерзновение мое, на упование мое. Так и сделал Владыка: не посрамил меня грешника. Прихожу в десятый раз, – младенцы здоровы. Поблагодарил Владыку и Пребыструю Заступницу». Но зачем же нужны длинные, настойчивые молитвы? Разве молитвенный труд и долговременное пребывание на молитве имеет какую-нибудь цену в очах Божиих и разве Господь не слышит кратких, но искренних, горячих молитв? Несомненно, порой и моментальная молитва, приносимая от чистого сердца, бывает услышана Богом. В том же прочитанном евангельском отрывке рассказывается другой случай исцеления глухого, косноязычного, которого привели к Господу и просили возложить на него руки. Нисколько не медля и не дожидаясь повторения просьбы, Господь *вложил персты Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его; и, воззрев на небо, вздохнул и сказал ему: «еффафа́», то есть: отверзись. И тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто* (ст. 33–35). Здесь молитва просящих услышана немедленно.

Но, тем не менее, продолжительная молитва нужна; нужна прежде всего для того, как говорит о. Иоанн Кронштадтский, «чтобы продолжительностью усердной молитвы разогреть наши хладные, в продолжительной суете закаленные сердца. Ибо странно думать, тем более требовать, чтобы заматеревшее в суете житейской сердце могло вскоре проникнуться теплотою веры и любви к Богу во время молитвы. Нет, для этого нужен труд и труд, время и время. *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. И, 12). Не скоро Царствие Божие приходит в сердце, когда от него так усердно люди бегают.

Сам Господь изъявляет волю Свою, чтобы мы молились не кратко, когда представляет в пример вдову, надолзе ходившую к судье и утруждавшую его просьбами своими. Господь-то, Отец-то наш Небесный знает прежде прошения нашего, чего мы требуем (Мф. 6, 8), в чем нуждаемся, да мы-то не знаем Его, как бы следовало, суете-то мирской мы очень преданы, а не Отцу Небесному; вот Он по премудрости и милосердию Своему и обращает нужды наши в предлог к обращению нас к Нему. „Обратитесь, заблуждающие чада Мои, хотя теперь ко Мне, Отцу вашему, всем сердцем своим, если прежде были далеки от Меня, хоть теперь разогрейте верою и любовию сердца свои ко Мне, бывшие прежде хладными“».

«Продолжительная молитва, – пишет один из наших богословов архиепископ Антоний (Храповицкий), – нужна не для Бога, а для нас самих – рассеянных и косных, – она согревает сердце человека и влияет на постепенное возникновение в нем религиозной настроенности. Не вдруг в человеке, занятом житейскими делами, возжигается религиозное чувство, но для этого требуется продолжительная сосредоточенность на молитвенных помыслах и некоторые другие средства. Кто постоянно готов на молитвенные прочувствованные воздыхания и пролитие умиленных слез, тому нет нужды подолгу молиться для согревания сердца, а разве для большего и большего духовного совершенства. Неправедный судия и скупой друг уступили лишь продолжительным молениям, а Отец Небесный услышит „вопиющих к Нему день и ночь“. – „Бдите и молитеся, да не внидите в напасть“. Сам Господь „беобнощь моляся“». Апостол Павел также заповедал непрестанно молиться и говорил о себе: моляся всеусердно день и ночь (1 Сол. 3, 10). Корнилий угодил Богу тем, что подавал милостыню и «постоянно молился».

Продолжительная молитва полезна даже в том отношении, что приучает нас к постоянному памятованию о Боге. Центром нашей внутренней жизни, как мы знаем, должен быть Бог, а психологически это выражается в том, что мысль о Боге постоянно и неразрывно связывается с нашим сознанием. Достигается же это посредством того, что человек сначала принудительно заставляет себя как можно дольше задерживаться на мысли о Боге. Продолжительная молитва, во время которой мысль непрерывно возносится к Богу и к Небу, и представляет одно из таких духовных упражнений. Она мало-помалу переходит в молитву постоянную и в сердцах опытных и много потрудившихся подвижников становится неистощаемым и безостановочным родником молитвенных чувств и воздыханий, бьющим непроизвольно даже в часы сна. Сердце само начинает источать молитву, по свидетельству писателей-аскетов.

Наконец, нет лучшего средства для укрепления воли в духовном делании, как продолжительная молитва. Никогда так яростно не нападает сатана на человека, как во время молитвы. «Когда молимся, – свидетельствует святитель Иоанн Златоуст, – тогда наипаче нападает на нас злобный к нам диавол. Видит он величайшую нам пользу от молитвы, почему всячески ухитряется сделать, чтобы мы отошли с молитвы с пустыми руками. Знает он, добре знает, что если пришедшие в храм приступят к Богу с трезвенною молитвою, выскажут грехи свои и тепло сокрушатся о том душою, то отойдут отсюда, получив полное прощение: человеколюбив бо есть Бог. Почему предупреждает отвести их чем-либо от молитвы, чтобы они ничего не получили. И это делает он, не насилуя, но мечтаниями приятными развлекая ум и чрез то наводя леность к молитве. Сами виноваты мы, что самоохотно отдаемся в его сети, сами себя потому лишаем благ молитвы, – и никакого не имеем в этом извинения. Усердная молитва есть свет ума и сердца, свет неугасаемый, непрестанный. Почему враг бесчисленные помыслы, как облака пыли, ввевает в умы наши и даже такое, о чем мы никогда не думали, собирая, вливает в души наши во время молитвы. Как иногда порыв ветра, нападши на возжигаемый свет светильника, погашает его, так и диавол, увидев возжигаемый в душе пламень молитвы, спешит навеять оттуда и отсюда бесчисленные заботливые помыслы и не прежде отстает от этого, как когда успеет погасить занявшийся свет. В таком случае будем

поступать так, как поступают те, которые возжигают светильники. Те что делают? Заметив, что подступает сильное дуновение ветра, они загораживают пальцем отверстие светильника и таким образом не дают ветру доступа внутрь, потому что, ворвавшись внутрь, он тотчас погасит огонь. То же и в нас. Пока совне приражаются помыслы, мы можем еще противостоять им; когда же отворим двери сердца и примем внутрь врага, то не сможем уже нисколько противостоять им. Враг, погасив в нас всякую добрую память и помышление святое, делает из нас коптящий светильник: тогда в молитве лишь уста произносят слова пустые».

То, что так образно описывает великий святитель, несомненно испытал каждый из христиан, идущих духовною стезею. Самую ожесточенную борьбу с помыслами приходится выдерживать именно во время молитвы, много труда требуется для того, чтобы прогнать навязчивые ненужные мысли и сосредоточиться молитвенно в Боге. Но эта-то борьба с помыслами, как и всякая борьба, и укрепляет волю, если ведется серьезно, настойчиво и потому успешно. Умение фиксировать или сосредоточивать внимание на одном предмете, которое вырабатывается этою борьбою в продолжительной молитве, и есть признак духовно сильной воли, и чем большая продолжительность такой сосредоточенности может быть достигнута, тем сильнее духовно человек. Говоря языком мистических понятий, чем чаще и решительнее христианин побеждает при этом духов тьмы, стремящихся отвлечь его от молитвы, тем более он укрепляется.

Развивается в продолжительной молитве и религиозное чувство, особенно чувство благодарности к Богу. Мы обыкновенно мало ценим то, что получаем слишком легко, и за то, что мы имеем от Господа без всякого труда с нашей стороны, мы редко благодарим. Но то, что достигнуто тяжелым, упорным трудом, мы храним и бережем как величайшую ценность. Поэтому и все дары и благодеяния Божии, испрошенные нами в настойчивой длительной молитве, мы особенно ценим и не относимся к ним с привычным пренебрежительным легкомыслием, как к вещам, доставшимся даром. А такое благоговейное и внимательное отношение к дарам Божиим, особенно к дарам духовным, необходимо для плодотворного пользования ими в жизни. С другой стороны, чем живее сознаем мы великую ценность того, что дарует нам Господь, тем более благодарным чувством наполняется наше сердце.

Но говоря о пользе и даже необходимости продолжительной молитвы, следует здесь сделать три чрезвычайно важных оговорки. Существуют известные обязательные условия, которые делают такую молитву плодотворной и при нарушении которых она приносит более вреда, чем пользы.

Во-первых, молитва, ее мысли, ее слова должны приковывать к себе все внимание молящегося, а это возможно лишь в том случае если напряженность и длительность молитвы соразмеряется с его силами. «Будь умерен во всех религиозных делах, – говорит о. Иоанн Кронштадтский, – ибо и добродетель в меру, соответственно своим силам, обстоятельствам времени, места, трудам предшествовавшим, есть благоразумие. Хорошо, например, молиться от чистого сердца, но коль скоро нет соответствия молитвы с силами (энергиею), различными обстоятельствами, местом и временем, с предшествовавшим трудом, то она уже будет не добродетель. Потому апостол Петр говорит: покажите в добродетели разум (то есть не увлекайтесь одним сердцем), в разуме же воздержание, в воздержании – терпение (2 Пет. 1, 5–6)».

Духовные силы человека развиваются и растут постепенно. Поэтому тот, кто только что начинает жить духовною жизнью, не может сразу взять на себя слишком большое молитвенное правило. От этого может родиться только скука или переутомление. Совет опытного духовного руководителя, который указал бы подходящие размеры правила, очень важен в данном случае. Но, начиная с небольшого сравнительно правила, надо стремиться к тому, чтобы научиться подолгу молиться и постепенно удлинять молитву по мере развития духовных сил.

Если, не сообразовываясь со своими силами, христианин возьмет на себя чрезмерный молитвенный труд, то обычным следствием этого бывает или уныние и полное расслабление, причем уже самое легкое правило кажется невероятно трудным и не исполняется, или же, наоборот, фанатизм, духовная гордость и ее наихудшее выражение – так называемая прелесть бесовская, то есть духовное самообольщение, подчиняющее не в меру ревностного подвижника духу бешеного самомнения и власти врага.

Как, однако, отличить «прелесть бесовскую» от духа искренней, горячей ревности о Боге? По этим признакам можно заметить ее зарождение в душе и какими средствами средствами с ней бороться?

Вопрос очень важный, ибо здесь всегда кроется великая опасность для ревностных новичков. Многие погибли в этом искушении, которым искусно пользуется диавол, уловляя в эту сеть преимущественно талантливые, горячие, увлекающиеся натуры.

Святые подвижники-писатели в своих аскетических творениях указывают следующие проявления «прелести».

1. Подвижник, находящийся в прелести, после усердной молитвы, или восторженного чтения Слова Божия, или проповеди, или доброго дела вместо ожидаемого покоя и внутреннего мира чувствует непонятное беспокойство и неясные ему сомнения, или раздражение, или осуждение других, вообще внутреннее расстройство, не сопровождающееся, однако, духом самоукорения и покаяния.

2. Находящийся в прелести часто берет на себя такие подвиги, которые, удовлетворяя его личному вкусу, причиняют только одно огорчение его ближним и возбуждают в них, а затем и в нем самом злобу и ссоры. Таковы, например, резкие обличения других с первых же шагов духовной жизни, неумеренный пост, производящий раздражительность, семейные ссоры и т. п.

3. Находящийся в прелести услаждается обыкновенно не содержанием молитвы, а только ее продолжительностью, видя в ней доказательство силы своей воли и взирая на молитву как на заслугу пред Богом, вопреки словам Христовым.

4. Находящийся в прелести, считая себя выше церковной нормы, горделиво измышляет самовольные подвиги и собственные правила для молитвы. Известно, что лукавый враг, когда обольщает ревностных послушников, то именно через внушение им больших, но самочинных молитвенных правил вместо положенных старцем. Бывает, что к таким подвигам является особенное беспримерное усердие, но оно поддерживается не чистою совестью, а тонким помыслом гордыни.

Таковы главные признаки «бесовской прелести».

Чтобы не впасть в это искушение и не погибнуть совершенно, необходимо строго соразмерять продолжительность молитвы и напряженность духовных подвигов со своими силами; изо всех сил стараться не выделяться по внешнему образу жизни из ряда других духовных братьев и сестер (само собой понятно, что равнять жизнь свою по жизни мира сего совершенно невозможно: здесь отличие неизбежно); совершать свои особые подвиги, если таковые имеются, в глубокой тайне, и самое важное, наконец, – всеми мерами воспитывать в себе дух смирения.

О том, каким путем развивается в душе смирение, мы будем говорить в другом месте. Здесь необходимо лишь отметить, что смирение является вторым обязательным условием плодотворности всякой молитвы. На молитве, учит преподобный Исаак Сирин, будь как муравей ползающий, как дитя лепечущее. Не забудем, что *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (1 Пет. 5, 5). В молитве сирофиникиянки самое поразительное – это ее необыкновенное смирение. В ее ответе нет ни гнева, ни раздражения. Слышится лишь глубокое сознание своего недостоинства, когда, не оскорбляясь словами Господа, она сама приравнивает себя ко псам и просит лишь крох Божественного милосердия. Несомненно, это

удивительное смирение и преклонение на милость Господа обеспечили и успех ее мольбы. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

Наконец, третье обязательное условие плодотворности молитвы, это достойный предмет прошения. «Вот угодный Богу образ молитвы! – говорит святитель Иоанн Златоуст. Приступив к Богу с трезвенным умом, с душею сокрушенною и потоками слез, не проси ничего житейского, будущего ищи, о духовном умоляй!»

Вот этот-то совет святителя очень часто забывается. К глубокому сожалению, очень многие христиане смотрят на молитву не как на величайшее счастье единения и беседы с Богом, а просто как на средство получить что-нибудь нужное, и прибегают к ней лишь в бедствиях и затруднительных обстоятельствах, на Бога смотрят чуть ли не как на работника, просят часто о суетном, житейском, иногда духовно вредном. Конечно, на молитве можно высказывать все наши желания, даже мелочные и не имеющие значения для нашего преуспеяния духовного, ибо Господь как любящий Отец все выслушает. Но настаивать на исполнении желаний мы не можем по той простой причине, что *мы не знаем, о чем молиться, как должно* (Рим. 8, 26), и часто неразумно просим о том, что может послужить лишь к нашему вреду. Даже такие молитвы Господь иногда исполняет для нашего вразумления, если они предлагаются настойчиво, но ничего хорошего из нашего упорства при этом, обыкновенно, не выходит.

В журнале «Исторический Вестник» помещен рассказ матери одного из декабристов – Кондратия Рылеева, пострадавшего при восстании 1825 года. Здесь дается интересный образец настойчивой молитвы, исполненной, но не приведшей к хорошим результатам.

«Однажды в детстве, – рассказывает г-жа Рылеева, – Канечка (то есть Кондратий) опасно заболел. Я не знаю, что с ним было, но он лежал в страшном жару, с закрытыми глазами, с воспаленными, раскрасневшимися щечками и тяжело-тяжело дышал. Надежды на выздоровление было мало. Врачи не обещали ничего хорошего.

Кто опишет мое горе, горе матери, которой предстоит лишиться любимого сына? Я плакала и молилась. Длинные бессонные ночи проводила я у кроватки моего дорогого мальчика, обливая слезами его постель и призывая Бога на помощь. Возможная смерть Канечки казалась мне таким громадным несчастьем, такою невероятною жестокостью, что я неустанно, непрерывно просила Господа, чтобы Он сотворил чудо – исцелил малютку. Мне казалось это величайшей милостью, нужной мне более жизни.

Однажды во время пламенной настойчивой молитвы я задремала, стоя на коленях пред кроваткой ребенка. Глаза сомкнулись, голова опустилась на детскую постельку, и я увидала странный сон.

Слышался чей-то голос:

– Безумная! Знаешь ли ты, о чем просишь? Знаешь ли, что ожидает этого ребенка, если он останется жить? Дай ему лучше умереть теперь…

– Нет, ни за что! – воскликнула я. – Все что угодно, но пусть он живет… для меня, для матери… Мое счастье, моя единственная радость! Могу ли я от него отказаться?

– Тогда смотри! – произнес тот же голос.

И ряд картин начал развертываться пред моими глазами. Они были так живы, так реальны. Я помню их все. Вся жизнь Канечки прошла предо мною.

Вот он в постельке. Выздоравливает. Немного утомленный, еще слабый, но веселый, радостный, с улыбающимися глазками. Подозрительного горячечного румянца на щеках уже нет. Он протягивает ко мне рученьки и смеется…

Далее картина детства. Его игры и шалости… Угол детской, заваленный игрушками. Канечка верхом на деревянной лошадке, размахивающий жестяной саблей… Веселая возня и бег с мамой взапуски…

Годы отрочества. Книжки, школьные занятия… Кудрявая головка, склонившаяся над учебниками. Размазанные кляксы на тетрадях… Первые неудачи и первые огорчения в школьной жизни.

Юность… Увлекающаяся, бурливая. Друзья и сверстники… Веселые прогулки и наивно-серьезные разговоры…

Молодые споры и бесшабашные песни… Мой мальчик все еще меня любит, но как будто отходит дальше. У него складывается уже своя внутренняя жизнь. Он чаще и чаще оставляет меня одну и нередко подолгу молчит в моем присутствии.

Начало молодости. Канечка в военном мундире. На лице больше серьезности. Он часто задумчив. У него много знакомых. Какие-то таинственные собрания. Я ясно вижу большой стол, накрытый зеленым сукном и заваленный какими-то картами и планами. Вокруг него целая галерея молодых и пожилых лиц… Я помню их все так отчетливо! Наклонившись над столом, они что-то рассматривают, изучают… Потом долго горячо спорят с серьезным и возбужденным видом. Канечка среди них, но он отчего-то грустен…

– Стой! – произнес вдруг прежний голос, и грозно звучал он: – Не любопытствуй дальше! Еще одна картина – и, если ты ее увидишь, твоя просьба исполнится… Но знай, что ты об этом пожалеешь!

– Нет, нет! – закричала я. Я хочу, хочу, чтобы мальчик был жив… Я прошу, я умоляю!..

– Гляди же!

Точно тяжелый мягкий ковер развернулся, закрывавший до сих пор одну из стен комнаты. Черное, пустое пространство открылось за ним. Сначала я ничего не могла рассмотреть. Потом забрезжил как будто слабый свет, и в глубине я увидала…

Виселицу!!.

Надо ли рассказывать остальное? Все пошло дальше так, как я видела в этом вещем сне.

Когда я очнулась, мальчик спал глубоким, спокойным сном. Дыхание было ровное, правильное. Щечки не горели прежним огнем. Жар проходил.

Он стал быстро поправляться. И дальше предо мной начали в действительной жизни повторяться сцены, виденные во сне. Я узнавала даже лица. В лицах, окружавших Канечку, я припоминала старых знакомых…

Ужасный, трагический конец тоже был мне известен заранее… Сон не обманул и тут».

Кондратий Рылеев действительно был повешен.

Читая этот рассказ, невольно думаешь: стоило ли так упрямо, с такою страстною настойчивостью молиться лишь для того, чтобы пережить еще более тяжелое, более страшное горе и привести сына к такому безотрадному, ужасному концу?

Но в минуты горя со своею близорукостью, с незнанием будущего не считаются. Об этом не думают и упорно стоят на своем, требуя исполнения своих желаний.

Именно «требуя»… Бывают молитвы, когда сухие глаза, в которых нет слез, с какой-то жестокостью, почти ненавистью впиваются в икону, когда слова вылетают из стесненной груди, как отрывистые слова команды, злые, упрямые, когда руки сжимаются в кулаки и когда человек похож не на смиренно-покорного просителя, а на дерзкого, назойливого нищего, решившегося во что бы то ни стало получить свою подачку. И если эта молитва не исполняется, начинается ропот и богохульство…

Аналогичный приведенному случай рассказывает духовный писатель Евг. Поселянин.

В С.-Петербурге у одной богатой аристократки-дамы заболел опасно малолетний сын. Мать была в отчаянии. Как всегда бывает, в минуту горя пришлось вспомнить о Боге. Ужасную ночь провела несчастная женщина в спальне малютки сына. Она молилась, но это была та страстная, нетерпеливая и упрямая молитва редко молящихся людей, когда у Бога не просят, а требуют без смирения. Однако молитва была услышана. Мальчик остался жив, но

болезнь оставила на нем свой страшный след: что-то случилось с мозгом бедного ребенка, и он на всю жизнь остался слабоумным полуидиотом. Воспитывать его, дать образование оказалось невозможным. Держать его в С.-Петербурге на виду аристократического общества, к которому принадлежали родители, они стеснялись. Мальчика отправили в поместье, в глухую деревню, чтобы спрятать его там от взоров петербургских знакомых. Но в деревне, когда он подрос и стал юношей, он увлекся своей горничной, старой, рябой женщиной, на которой и женился. Какой удар для гордой аристократки-матери! В довершение всего рябая жена научила своего полуидиота мужа пить горькую. Он скоро стал неисправимым алкоголиком и умер от пьянства.

И думается невольно: не лучше ли было умереть мальчику в младенческом возрасте чистым, невинным, не запятнанным грязью жизни? Не лучше ли было покорно подчиниться воле Божией вместо того, чтобы упрямо требовать ее отмены и молиться об исполнении собственных неразумных человеческих желаний? Сам Господь, прося в Гефсиманской молитве о том, чтобы миновала Его чаша страданий, прибавлял: *впрочем не как Я хочу, но как Ты... Да будет воля Твоя* (Мф. 26, 39, 42).

Для нас это урок и образец молитвы. Просить настойчиво можно далеко не обо всем. В выборе предмета молитвы необходимо рассуждение.

Настойчиво, не ослабевая, безусловно, можно молиться о чистоте помыслов, о нравственном исправлении жизни; о том, чтобы Господь ниспослал мир в смущенное, раздраженное, беспокойное сердце; о том, чтобы Он привлек к Себе и спас близких нам людей, уклонившихся на стезю неправды; о собственном спасении: «имиже веси судьбами, аще хощу, аще не хощу, спаси мя»; вообще обо всем, что служит душевной пользе.

Но можно ли молиться о богатстве, когда нам полезна бедность? Можно ли просить о взаимности женской любви, если нам полезно томиться тоской неразделенной привязанности? Можно ли вздыхать на молитве о комфорте и удобствах жизни?

Конечно, нет. Все это *суета сует и всяческая суета.*

Подобные просьбы могут лишь прогневать Господа. «У Великого Царя, говорит один святой писатель, – и просить надо великого и полезного, а если ты просишь немного грязи, то этим ты только оскорбляешь Его».

Если мы не уверены абсолютно в духовной пользе просимого, то лучше всего предоставить исполнение просьбы на волю Божию.

«Если просишь чего-либо у Бога своего, – пишет святой Ефрем Сирин, – то проси не так, чтобы непременно получить от Него, но предоставляя сие вместе Ему и Его воле. Например, часто угнетают тебя скверные помыслы, и ты печалишься о том и хочешь умолить Бога, чтобы освободиться тебе от брани. Но нередко на пользу тебе служит это, брат мой. Ибо сказываю, что часто сие бывает с тобою, чтобы ты не превозносился, но был смиренномудр. Также, если постигла тебя какая скорбь или теснота, не проси, чтобы непременно тебе избавиться от них, потому что и сие нередко бывает полезно. И еще, если просишь о получении чего-либо, не проси, чтобы непременно получить это. Ибо сказываю, что ты, как человек, часто почитаешь для себя полезным, что нередко бывает для тебя бесполезно.

Послушай, что говорит апостол: не вемы якоже подобает молитися (Рим. 8, 26). Итак, что полезно и назидательно дли каждого из нас, знает Сам Бог; потому и предоставь это Ему. Говорю же сие не с тем, чтобы воспрепятствовать тебе обращаться с прошениями своими к Богу; напротив того, умоляю тебя просить Его о всем, и великом и малом. Твердо стой в своем прошении (со всем усердием и неотступно молись), но, открывая пред Ним нужды свои, говори: ежели есть, Владыко, воля Твоя, чтобы состоялось сие, то соверши и сделай успешным; а ежели нет на сие воли Твоей, не попусти совершиться сему, Боже мой! Подкрепи только и сохрани душу мою, да буду в состоянии перенести сие».

Глава 8

Глава 8, ст. 1-10

Снова евангелист рассказывает о великом, удивительном чуде насыщения нескольких тысяч человек немногими хлебцами. Случай, почти аналогичный тому, о котором повествует шестая глава того же Евангелия. Небольшая разница лишь в цифрах: там евших было пять тысяч, здесь – четыре; там они насыщаются пятью хлебами, здесь – семью. Но сущность чуда одна и та же: и там и здесь мы видим проявление изумительной Божественной всемогущей силы Господа.

Как в первом случае, так и теперь Господь привлекает к участию в чуде Своих учеников: опять им приходится взять на себя дело раздачи народу благословленных хлебов, опять они являются при этом посредниками между Христом и Его слушателями, и опять через них Его благодатная сила творит великое чудо.

Это не случайно. Если вообще все слова и действия Господа никогда не были случайной игрой настроений, но всегда имели внутренний глубокий смысл, то тем более один и тот же прием, повторенный дважды, говорит о том, что здесь кроется какая-то определенная цель. Повторение при одинаковых условиях – это почти система.

В чем заключается эта цель?

В тот период, к которому относится описываемое событие, Господь все более и более переходит от общенародной проповеди к более частному делу воспитания в духе Своего учения лишь немногих избранных. Он все более и более замыкается в узком кругу Своих учеников и им главным образом вверяет глаголы жизни вечной. Они должны быть продолжателями Его дела, и, чтобы быть надежными последователями и достойными учениками Своего Великого Учителя, они должны еще многому научиться. Вот почему Он так много уделяет им внимания, с любовью и терпеливой настойчивостью воспитывая их для будущего служения.

Дважды призывая Своих учеников к практическому участию в деле любви, совершенном Им в форме чуда, Господь, несомненно, имеет в виду все те же воспитательные задачи. Раздача хлебов голодному народу – это эпизод в истории воспитания апостолов, это педагогический прием, употребляемый Господом с целью вызвать в них определенные чувства, мысли и настроения.

Характер этих чувств, которые Спаситель хочет вкоренить в сердца Своих учеников, отчасти выясняется далее, в 17–21 стихах той же главы.

Когда слова о закваске ученики понимают как упрек в забывчивости и небрежности (ибо они забыли взять хлеба на дорогу) и чувствуют при этом невольное смущение, Господь спешит рассеять их заблуждение: *Иисус, уразумев, говорит им: что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? и не помните? Когда Я пять хлебов преломил для пяти тысяч* ***человек,*** *сколько полных коробов набрали вы кусков? Говорят Ему: двенадцать. А когда семь для четырех тысяч, сколько корзин набрали вы оставшихся кусков? Сказали: семь. И сказал им: как же не разумеете?*

Смысл слов Господа совершенно ясен, и вполне понятно то, что Он хочет сказать ссылкой на Свои два чуда насыщения народа. Понятно также, к какому выводу из этих чудес Он хочет направить мысль Своих учеников.

Внутренний смысл Его упреков сводится к следующему:

«О, маловерные!.. Люди с окамененным сердцем! Как мало на вас влияют уроки Божественного всемогущества, которые Я вам дал, и как в самых ясных и поразительных событиях вы не видите той заботы, которой Я вас окружил! Что рассуждаете вы о том, что нет у вас хлебов? Разве Я, ваш Учитель, напитавший тысячи несколькими хлебцами, не могу сделать для вас то же и накормить вас, если б даже вы совсем не взяли с собой хлеба? Как мало в вас доверия ко Мне, к Моему могуществу, и как слабо сердце ваше в своей суетной заботливости и в постоянных мыслях о житейском!..»

Больше доверия к Богу, больше упования на Его Отеческий Промысл и попечение и меньше привязанности к житейскому, меньше беспокойства из-за насущного куска хлеба, из-за средств поддержания жизни – вот что требует Господь от Своих учеников и последователей.

Два разительных факта чудесных насыщений должны были послужить реальной основой таких чувств и убеждений. Для зрителей и участников это был урок веры и надежды на Бога; урок без страха и смущения относиться к угрожающим опасностям и теснотам жизни и во всем полагаться на Господа, пекущегося о чадах Своих.

Не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом (Мф. 6, 31 32). Чудом насыщения Господь показал Своим ученикам на деле, что они должны и вполне могут без смущения и сомнения следовать этому правилу, преподанному Им еще раньше.

Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас, – подтверждает один из ближайших учеников Господа апостол Петр, своей многотрудною жизнью проверивший уроки своего Божественного Учителя (1 Пет. 5, 7).

Но этим далеко не исчерпывается весь урок, который Господь желает внушить ученикам Своим.

Поручая им накормить голодных, Он вводит их в самый дух их апостольского дела, которое прежде всего и главным образом должно заключаться в служении людям. Первый раз под непосредственным руководством Своего Учителя и Господа они учатся практически служить и заботиться о том стаде, которое скоро должно быть вверено их пастырскому попечению.

Им предстоят громадные задачи: устроить Христову Церковь привести к стопам Спасителя языческий, развращенный мир, возродить духовно и освятить грешное человечество, грубое, порочное, забывшее о своем Небесном Отечестве и погрязшее в грязной тине земных страстей и попечений. Они сами – «как овцы среди волков», а им нужны громадные силы, чтобы победить этих волков и поработить их Христу.

Где взять силы для этой гигантской общественной работы?

Господь теперь дает понять и почувствовать Своим ученикам, в чем должна состоять их будущая сила влияния на других, поскольку она зависит от них самих, помимо действующей в них силы Божией благодати.

Конечно, дело апостолов было совершено Божественною силою. Апостолы – только ее орудия. Но орудия должны быть особым образом приспособлены для того, чтобы сила проявила через них всю свою действенность. Эта-то приспособленность, позволившая силе Божией слиться с личностью апостолов настолько полно и тесно, что она была от них как бы неотделима, и может рассматриваться как их собственная сила.

В чем она состояла?

Вопрос для нас чрезвычайно важный, так как на каждом из нас до известной степени лежит долг апостольского служения – обязанность заботиться о нравственном возрождении и христианском воспитании окружающих нас людей. Мы призваны Господом не только к

личному спасению, но и к тому, чтобы содействовать спасению братьев наших. Это долг христианской любви.

«Не могу поверить, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – чтобы тот спасение получил, кто о спасении ближнего не радит». Эти слова вселенского учителя любил приводить святитель Тихон Задонский и прибавлял от себя: «Никто не может более Христа любить, как тот, который спасения ближнего ищет». Ту же мысль несколько подробнее поясняет святитель Димитрий Ростовский: «Христианин человек по Божией заповеди есть любити ближнего, яко себе. Аще же любити, яко себе, убо и спасение ему, яко себе желати и искати долженствует. Небрегий же о спасении ближнего, не любит того, яко сам себе, ниже имать истинныя любви к Богу. Но речет кто: довлеет ми себе смотрети, а не другого, довлеет ми своему спасению внимати, а не о прочих спасении пещися. Таковому отвечает св. Златоуст, глаголя: аще и вся исправит, а ближнего не пользует, не внидет в Царство. Ни едино исправление велико быти может, егда приобретения других не преподает, сия есть не довлеет мужу добродетельному к спасению свое исправление, аще прочих ни пользует, ни исправляет. Паки кто речет: несмь учитель, ни иерей, ни духовник, ни пастырь душ; не належит ми кого учити, таковому отвечает св. Феофилакт: не глаголи: несмь пастырь, ни наставник, иныя учити и пользовати не долженствую: лжеши, учители бо не довлеют к наставлению всех ко единому; хощет же Бог, да каждо наставляет и созидает другого (1 Сол. 5, 11, 14). Но и в Ветхом Завете Давид Святый, царь сущий, не имеет ли попечения о пользе ближних? Научу, глаголет, беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся… Кольми паче мы новоблагодатнии то творити долженствуем».

Если, таким образом, мы обязаны не только думать о своем спасении, но влиять и на других, давая им почувствовать тепло и свет Евангелия и привлекая их к Богу, то неизбежен вопрос: как это делать? Как побеждать неверующие умы и порочные сердца, и от чего зависит действительное влияние на людей? Здесь так возможны ошибки: неумелыми приемами вместо обращения можно лишь оттолкнуть человека и вместо любви вызвать в нем отвращение ко Христу и Его Евангелию, а это ужасно. Мы знаем, что пустая, назойливая, педантично-фарисейская проповедь вызывала часто лишь отрицательные результаты.

Вольтер, один из самых язвительных противников христианства, воспитывался в духовной иезуитской школе.

В чем же подлинная христианская сила влияния на людей? Эту тайну пастырства Господь открывает Своим ученикам, поручая им раздать благословленный Им хлеб голодному народу.

Сила эта – служение.

В мирском понимании сильным считается тот, кто имеет в своем распоряжении все средства внешнего принуждения: властелин, опирающийся на могущественную армию и на многочисленный штат административных и полицейских сотрудников; богач, который может купить волю нужных ему людей и их руками расчистить все препятствия на своем пути; талантливый оратор или ловкий делец, подчиняющий себе других силою своего ума, красноречия или интриг. Но это – сила внешняя, сила кажущаяся. Можно этим путем заставить людей исполнять приказания повелителя, принудить их делать то, что ему надо, но возродить их нельзя.

Это – власть лишь над телом человека, над его внешними поступками, но не над его душою. Заветные мысли человека, его чувства, симпатии и антипатии, даже направление его воли, в конце концов, от этой силы не зависят и ей не подчинены, и если самый могущественный властитель не попытается влиять на человеческое сердце нравственными и духовными методами, то одними мерами принудительного воздействия он ничего не достигнет. Штрафами и наказаниями человека нельзя сделать святым. Трудно сказать, что случилось бы с христианством и насколько велик был бы его успех, если б его попытались распро-

странять мерами насилия. Такой способ, несогласный с самим духом христианства, ставил бы его во внутреннее противоречие с самим собою и, обусловливая тем его слабость, обрекал бы все попытки распространения на полную неудачу. По крайней мере там, где неразумная ревность худших представителей христианства, не понявших духа своей веры, прибегала к таким способам, они неизменно приводили не просто к неудачам, но к самым позорным поражениям, которые надолго засоряли почву для успешного распространения Христовой веры лучшими методами. Ислам, с самого начала столкнувшийся с христианством на поле сражений, может быть, именно поэтому остался навсегда таким замкнутым и малодоступным для христианского влияния. Испанская пропаганда христианства в Мексике среди индейских племен инквизиционными средствами, то есть пытками и казнями, вызвала в туземцах лишь страшную ненависть и отвращение к нему. Когда одного из них испанский монах-миссионер уговаривал принять христианство, обещая за это освобождение его от пыток и от грозившего сожжения на костре и в будущем рай с его блаженством, дикарь первым делом спросил, есть ли в этом раю испанцы.

– Есть, – ответил монах, – но только хорошие!

– Самые лучшие из них, – возразил индеец, – никуда не годятся… Не хочу с ними встречаться, и не надо мне вашего рая… Лучше сожгите меня!

Таковы плачевные результаты распространения веры Христовой огнем и мечом.

Даже отрицательные результаты, когда, например, пытаются развратить общество или отдельного человека внешними принудительными средствами, достигаются не вполне.

Нельзя не сознаться, что быть сильным в обычном мирском понимании – очень заманчиво для неискушенного христианина: иметь власть над другими людьми, заставлять их работать на себя, не делать ничего самому, быть окруженным толпою служителей или рабов, готовых повиноваться одному движению руки, приказывать, повелевать – все это так льстит нашему самолюбию, нашему тщеславию, нашей лености. Недаром даже лучшие ученики Господа не сразу могут отделаться от этих искушающих настроений. Предполагая, что их Учитель когда-нибудь станет великим, могучим повелителем Земли, каким, по их мнению, должен быть Мессия, сыновья Зеведеевы уже заранее просят, чтобы в этом царстве власти, славы и блеска на их долю достались лучшие места (Мк. 10, 35–37).

Но для созидания не такого царства пришел Спаситель и не такую власть хочет Он дать Своим ученикам. Ему нужна душа человека и его любовь, и путь к этому – служение.

В противоположность мирскому пониманию быть сильным в христианском смысле – значит забыть себя для других, быть всем слугою, отдать свои силы и способности для общего блага и побеждать не насилием, но смиренным служением. Мир говорит: надо заставлять других служить себе. В этом жизненная мудрость.

Христианство учит: надо самому служить другим. В этом сила и счастье жизни.

Это и есть та громадная сила, которая обновила и возродила древний растленный мир и заставила его склониться к стопам Христа.

Не господствовать, но подавать пример, по слову апостола Петра (1 Пет. 5, 3), не властвовать, но служить – вот правило, которое не должен забывать ни один христианин, если он рассчитывает влиять на других.

Мы, сильные, – пишет апостол Павел, – *должны сносить немощи бессильных и не себе угождать. Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию. Ибо и Христос не Себе угождал.*

Эту заповедь служения оставил Господь Своим ученикам и последователям в трогательные минуты последней, прощальной вечери, когда Он раскрывал пред ними все, что было особенно важно и нужно для их дела. С какой незабываемой силой дан этот урок: *Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу,* ***явил делом,*** *что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их. И во время вечери…*

встал… снял ***с Себя верхнюю*** *одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан… Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны убывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам* (Ин. 13, 1, 2, 4–5, 12–15).

Дав такое правило Своим ученикам, Господь и Сам всю жизнь оставался ему верен. Его жизнь была сплошным служением людям. *Сын Человеческий,* – говорит Он, – *не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих* (Мк. 10, 45).

В этой изумительной жизни, быть может, самая изумительная черта – это ее всецелая посвященность другим. Личной жизни, отдельной и независимой от служения людям, у Господа Иисуса Христа не было.

Мы знаем много выдающихся людей необычайной нравственной высоты и чистоты, отдавших свою жизнь служению ближним. Но никто из них не мог для этого служения забыть себя и собственные нужды вполне. В их деятельности всегда две направленности: одна для других, другая для себя. Последний род деятельности может занимать самое ничтожное место в их жизни, но отречься от него не могли даже апостолы.

Но в жизни Господа нет ничего подобного. Во всем Евангелии вы не найдете ни одной сцены, ни одной фразы, которая выдавала бы заботу Спасителя о Своих личных нуждах и потребностях. Цельность Его жизни, сплошь проникнутой идеей служения, поразительна. Вся она точно вырезана из одного куска чистейшего кристалла, где нет ни малейшего пятна себялюбивых дум.

Но своего высшего выражения этот подвиг служения достигает на Кресте, в страшной, мучительной смерти, и этим Господь Иисус Христос победил мир.

Свято и с полным самоотвержением выполнили завет своего Учителя и апостолы, отдав свою жизнь делу заповеданного Им служения. И именно этим путем, путем смиренного служения, приводили апостолы язычников к послушанию веры и распространяли Церковь Христову. Вот несколько цитат из посланий апостола Павла, выясняющих настроения и характер этого победоносного служения.

Мы как сор для мира, – пишет апостол Коринфянам, – ***как*** *прах, всеми попираемый доныне* (1 Кор. 4, 13).

Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести (1 Кор. 9, 19).

У меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? (2 Кор. 11, 28–29).

И этим-то именно порабощением себя всем и достигалась необыкновенная сила влияния на людей.

Мы неизвестны, – продолжает он, – *но нас узнают… мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем* (2 Кор. 6, 9-10).

Люди идут добровольно только под ярем любви. Это закон психологии, и борьба со злом, проникшем в человеческое сердце, возможна только на почве служения.

Поэтому и последователям своим тот же апостол завещает: *умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего* (Рим. 12, 1).

Не будь побежден злом, но побеждай зло добром (Рим. 12, 21).

Верные этому завету христиане первых веков всегда старались побеждать зло добром, и грозный когда-то языческий мир принужден был уступить силе добра христианской

жизни. Эта высокая жизнь, жизнь самоотверженного служения, в глазах язычников всегда была самым сильным аргументом в пользу христианства. «Посмотрите, как живут христиане», – говорили они, обращаясь к вере Христовой. Даже Юлиан-отступник, один из самых яростных гонителей Христа, принужден был признать высоту и бескорыстную благотворительность христианской жизни. «Стыдно нам, – писал он в одном рескрипте, – что эти галилеяне заботятся не только о своих, но помогают и нашим бедным и голодным, тогда как мы оставляем их в пренебрежении». Распространение христианства и его быстрые успехи тем и объясняются, что не оружием, но любовью и заботою бескорыстного служения распространяли его первые христиане.

Вот типичный случай для того времени из жития святого Пимена. В молодости он был язычник и служил в императорской армии. Много трудов и опасностей пришлось ему перенести. Особенно утомляла походная жизнь с ее бесконечными маршами по тяжелым дорогам, так как в то время вспомогательных обозов при армии не было и вся амуниция, необходимая для сражений и осад, навьючивалась на солдат. Утомление увеличивалось еще от плохого питания и от беспокойных ночлегов в наскоро поставленных лагерях. В селениях останавливались неохотно, так как языческое население относилось к войскам почти враждебно, зная, что военные постои всегда связаны с реквизициями и насилиями.

Однажды после длинного, утомительного похода по раскаленным дорогам под палящими лучами южного солнца войска вступили в деревню, где принуждены были остановиться для отдыха, и необыкновенное явление поразило солдат.

Обычно во всех селениях, где предполагалась остановка, неизменно повторялось одно и то же: лишь только передние шеренги солдат показывались на окраине, как жизнь на улицах замирала, захлопывались окна, запирались на засов двери, и все старались куда-нибудь спрятаться, чтобы не пустить к себе солдат и не делиться с ними своими скудными запасами.

К таким встречам войска давно привыкли, этого все ожидали и даже перестали этим раздражаться. Но та деревня, в которую вступил теперь легион, была какая-то необыкновенная.

Когда отряд достиг центральной площади и остановился, он был окружен поселянами, наперебой предлагавшими свои услуги: мужчины и женщины тащили большие корзины с хлебом и плодами; молодые девушки с милой улыбкой протягивали глиняные кувшины, полные кристальной холодной воды; даже дети доверчиво подбегали к суровым воинам, покрытым пылью и потом, и угощали их сочными смоквами.

– Должно быть, здесь много родственников у наших легионеров! – заметил молодой солдат, наблюдая эту картину.

– Родственников? Нет… – возразил седоусый центурион, проведший в походах полжизни. – Это христиане! Их Бог велит любить людей и служить всем…

«Какой хороший Бог! – подумал юноша. – Наш Юпитер этого не велит!.. Хорошая вера! Надо разузнать ее получше… Только бы кончить поход…»

Юноша стал впоследствии великим светильником христианства. То был преподобный Пимен.

Так завоевывали христиане грубые сердца язычников. Обаянию любви трудно было противиться. Даже там, где вставали более трудные и сложные задачи, где надо было возродить человека и перевоспитать его порочное сердце, дурного сделать хорошим, злого – добрым, неверующего – истинным христианином, и там применялся и действовал успешно только способ служения.

Святой Серапион Синдонит однажды продал себя в рабство еретику-манихею, чтобы спасти его и обратить в христианство.

Положение рабов в то время было ужасно, но святой мужественно нес тяжелый крест унижений, побоев, непосильного труда, воодушевленный своей великой целью. Всегда

усердный, всегда готовый к услугам, всегда приветливый и радостный, он обратил на себя внимание своего господина, мало-помалу завоевав его уважение, любовь и доверие и, пользуясь своим нравственным влиянием, убедил наконец отказаться от манихейской ереси.

Подвиг служения как средство возрождения человеческой личности не потерял своего значения и в настоящее время. Если мы совершенно не знаем случаев исправления человека под влиянием насильственных мер, то примеров глубокого, благотворного, возрождающего влияния подвига служения очень много.

Еще так недавно славился приют для бездомных бродяг Варвары Александровны Шкляревич, или сестры Варвары, как ее обыкновенно называли, отдавшей свою жизнь служению самым последним отбросам общества, бесприютным бродягам и преступникам с волчьими билетами.

Сестра Варвара была глубокая христианка с любящим чутким сердцем. Однажды за городом она встретила группу странных людей: в опорках на босу ногу, в дырявых лохмотьях несмотря на резкий осенний ветер, с посиневшими от холода лицами, с красными корявыми руками, которые они тщетно старались согреть, засовывая в узкие рукава, нахохлившихся, несчастных…

Они разговорились.

Оказалось, что это «бывшие» люди, снабженные за разные проступки так называемыми волчьими билетами, или проходными свидетельствами, лишавшими их права подолгу оставаться на одном месте, приобретать оседлость и обрекающими на постоянное бродячее существование. Сестра Варвара была потрясена.

«Какие они жалкие, несчастные!.. – рассказывает она. – Дрожат, кутаются в свои лохмотья! Голодные, полураздетые, многие больные… Но ведь надо же и их пожалеть! Ведь и в них душа! Ведь и за них умер Христос!»

Сестра Варвара умела жалеть. Она открыла для своих «разбойничков», как она их называла, столовую, где они могли бы хоть сколько-нибудь отдохнуть, утолить голод, обогреться, просушить свои лохмотья. И здесь, в убогой обстановке этой столовой, среди бродяг и падших людей, поскользнувшихся новичков и закоренелых преступников, несчастных и порочных, развернулось и расцвело великое сердце этой женщины. Ее любовь, приветливость, умение пожалеть и понять неотразимо действовали на оборванных, грязных клиентов ее столовой… И часто перед большим деревянным распятием, стоявшим там, под влиянием ее ласки и участия молился и плакал горячими, очищающими слезами замученный, одичавший бродяга, собираясь начать новую жизнь.

Но не всякое служение может достигать таких результатов. Чтобы иметь благотворное влияние на человеческое сердце, подвиг служения должен удовлетворять известным обязательным условиям, которые сообщают ему внутреннюю духовную силу.

Во-первых, этот подвиг должен быть соединен с любовью; служение только внешнее, холодное, без внутреннего участия вряд ли произведет благотворное впечатление и даже может быть не оценено, как не ценим мы платных услуг наемной прислуги или услуг чиновников в присутственных учреждениях.

Если я раздам все имение моей отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы, – говорит апостол (1 Кор. 13, 3).

«Все жертвы и милостыни нищим, – пишет о. Иоанн Кронштадтский, – не заменят любви к ближнему, если нет ее в сердце; потому, при подаянии милостыни, всегда нужно заботиться о том, чтобы она подаваема была с любовию, от искреннего сердца, охотно, а не с досадою и огорчением на них. Самое слово „милостыня“ показывает, что она должна быть делом и жертвою сердца, и подаваема с умилением или сожалением о бедственном состоянии нищего».

Если в делах милосердия нужна любовь, то особенно нужна она в деле духовного служения людям, ибо она-то и является, главным образом, возрождающею силою в этом служении. Кому приходилось бывать у наших старцев-подвижников, тот знает влияние этой любви. Она проявляется у них как «некая благодатная способность того „усвоения“ себе, своему сердцу каждого ближнего, которое дается христианину, достигшему высшего дара христианской любви, и делает его подобным Пастыреначальнику, о Котором сказал пророк и затем евангелист: *Он взял на Себя наши немощи и понес болезни* (Мф. 8, 17). В силу этого благодатного усвоения каждая душа, болящая грехами, или унынием, или неверием, чувствует, что она не чуждая для старца, что дух его с любовию и состраданием объемлет ее и как бы сообщает ей свою собственную жизнь, свои собственные силы, даже не собственные, личные, а некоторые высшие, ему присущие, и уже не словами, а непосредственно передаваемыми ощущениями говорит: *молю же вас: подобии мне бывайте, якоже аз Христу* (1 Кор. 4, 16). Ощущения эти подобны тем, которые испытывает совсем изнемогший путник, когда встретивший его добрый силач возьмет его под руку и дружески начнет побуждать к окончанию пути, указывая на виднеющееся вдали теплое пристанище… Конечно, этот духовный подъем, который обнаружился в грешнике или в отрицателе, еще не есть его полное обращение, но он возвратил ему теперь полную возможность последнего». Архиепископ Антоний (Храповицкий).

Сила влияния этой проникновенной любви громадна и сказывается даже внешним образом.

Однажды в Оптину пустынь, славившуюся своими старцами, приехал неверующий дворянин. В то время старцем пустыни был отец Амвросий, хорошо известный русскому православному народу своею подвижническою жизнью и смиренною любовию ко всем.

«Достаточно подойти к отцу Амвросию, чтобы почувствовать, как сильно он любит», – говорили о нем знающие его люди. Но приехавший искать совета и опоры в своих сомнениях дворянин сначала не хотел обратиться к нему. Что-то не допускало, чувствовалось какое-то внутреннее противление. С большим трудом келейнику о. Амвросия удалось уговорить его переломить себя и прийти в «хибарку», где происходили приемы старца. С тяжелым чувством исполнил он это, но какой-то странной, глухой злобы к подвижнику, поднимавшейся в сердце, преодолеть не мог, несмотря на усилия. Когда отворилась дверь кельи старца и о. Амвросий вышел к ожидавшему его народу, дворянин с брезгливым раздражением отошел в угол.

Отец Амвросий обвел всех глазами и прямо направился к нему. Не говоря ни слова, он положил ему руку на голову и посмотрел в глаза своим любящим взглядом.

«Что со мною случилось тогда, – рассказывал потом дворянин, – я не понимаю, не могу объяснить, но знаю только одно, что я опустился на колени…»

Это не была сила гипнотизма. Это была сила любви.

Это обаяние любящей души почувствовал и признал за о. Амвросием даже такой скептик и враг православного монашества, как граф Л. Толстой. После одной встречи и разговора со смиренным старцем он не мог удержаться, чтобы не заметить: «Этот отец Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним, и легко стало на душе… Чувствуешь близость Бога…»

Второе условие плодотворности подвига служения – это смирение. Даже любовь не может возродить человеческое сердце без смирения. Любовь гордая, любовь, полная самомнения, обыкновенно деспотична и требовательна и может скорее замучить человека, сделавшегося ее жертвой. В результате часто получается взаимное озлобление.

Смирение в подвиге служения состоит не столько в том, что человек берет на себя самую низкую и грязную работу, но главным образом в полном бескорыстии и отсутствии эгоистических мотивов любви. Мы все знаем, что любить можно или для себя, или для дру-

гого, любимого. Плотская любовь, влюбленность, любовь жениха к невесте – вот типичный образец любви для себя. Человек здесь ищет прежде всего своего счастья, своего наслаждения, своих выгод. Мысль о счастье другого, любимого, является обыкновенно здесь второстепенной, лишь как условие собственного счастья, и наличность этого себялюбия в любви ярче всего проявляется здесь в чувстве ревности с ее злобой и мстительностью. Но можно любить, забывая себя, любить для другого, не ожидая для себя ровно ничего и думая лишь о счастье любимого, хотя бы для этого пришлось пожертвовать личным счастьем и осудить себя на безысходное горе и страдание. Эта смиренная любовь, которая не ищет своего (1 Кор. 13, 5), и есть великая непреодолимая сила служения. У Диккенса в его романе «Давид Копперфилд» есть удивительный образец такой смиренной, истинно христианской любви в лице простого, наружно грубого рыбака мистера Пеготти.

В своем маленьком убогом домике он воспитывает сиротку – племянницу Эмми, к которой привязан всей душой. Но страшное горе постигает его. Эмми увлекается молодым студентом Оксфордского университета Стирфортом, с которым уезжает потихоньку из родного дома за границу, хотя мало надежды, что гордая мать Стирфорта, богатая аристократка, когда-нибудь позволит сыну жениться на бедной рыбачке.

Вот сцена, когда из письма племянницы мистер Пеготти узнает о ее бегстве: «Никогда мне не забыть выражения его лица, – рассказывает герой повести, – оно в одну минуту так страшно изменилось. Не знаю, что потом было; помню только, что в комнате заплакали и закричали женщины, окружив мистера Пеготти; я стоял между ними с распечатанным письмом; мистер Пеготти, в расстегнутой куртке, со струей крови – из горла, должно быть, – на рубашке, бледный, с побелевшими губами, глядел на меня, не шевелясь, не говоря ни слова.

– Прочтите, сэр, выговорил он наконец дрожащим голосом, – потихоньку, пожалуйста… я не знаю, пойму ли сразу…

Я прочел письмо Эмми посреди мертвой тишины в комнате. Мистер Пеготти все сидел неподвижно, но вдруг вскочил, схватил шляпу и стал снимать с гвоздя кафтан. Руки у него тряслись; он никак не мог снять его.

– Да помогите же кто-нибудь! – нетерпеливо крикнул он.

Ему достали кафтан. Он торопливо накинул его и пошел к двери.

– Куда ты, дядя Дан? – спросил племянник, загораживая ему дорогу.

– Пусти… я иду искать мою племянницу!.. Одно горе, – да, одно горе для нее… Весь свет обойду, найду ее, бедняжечку… Если в самом деле ее ждет несладкое житье, уговорю ее вернуться домой…

– Да где ты ее будешь искать?

– Везде! – отвечал старик и опять двинулся к двери…»

Он прежде всего направился в замок Стирфортов, чтобы просить мать похитителя благословить сына на брак с Эмми и устроить их счастье. Его допустили в гостиную аристократки.

«– Сударыня, – сказал мистер Пеготти, – мы люди простые и думаем, что женитьба без благословения родителей не будет счастлива…

– Я вам прямо отвечу, – сказала мистрис Стирфорт, – низкое родство девушки делает невозможным брак с ней моего сына.

– Сударыня, – медленным, спокойным тоном сказал рыбак, – вы знаете, что значит любить свое дитя. И я знаю. Родную дочь я не мог бы любить больше моей племянницы. Никакие сокровища не заменят мне ее. Но, сударыня, мы все ее родные, между которыми она выросла, – даем вам слово, что никогда, никогда во всю жизнь не взглянем больше на ее хорошенькое личико, если вы позволите вашему сыну жениться на ней. Мы будем довольны тем, что она счастлива, раз навсегда решим в своем сердце, что она далеко от нас, на другом

краю Божьего света, будем дожидаться дня, когда опять увидим ее там, где все равны – у Господа!

Мистрис Стирфорт, видимо, была тронута безыскусственною речью рыбака.

– Мне очень жаль вас, – отвечала она, – но я все-таки должна повторить, что женитьба моего сына на вашей племяннице невозможна.

Она встала, чтобы уйти из комнаты.

– Не беспокойтесь, сударыня, – сказал рыбак, сделав шаг к дверям, – я настаивать ни на чем не буду; без надежды я пришел сюда и ухожу, ничего не теряя.

Мы поклонились и ушли чрез стеклянную галерею, увитую виноградом, освещенную яркими лучами солнца.

– Теперь пойду снаряжаться в путь, – сказал мистер Пеготти, идя со мною вниз, по скату холма, с вершины которого на нас гордо смотрел аристократический дом Стирфортов.

– Куда же вы пойдете? – спросил я.

– Искать мою племянницу, сэр… Прощайте, мистер Дэви! Если случится со мной несчастье в дороге, запомните и скажите когда-нибудь моей ненаглядной девочке, что я неизменно люблю ее и прощаю!

Он дошел до угла, весь освещенный красноватыми лучами догоравшего солнца, завернул за угол, и мы перестали его видеть…»

И ни слова гнева или раздражения! Ни слова о своих обманутых надеждах! Ни слова жалобы на измену и неблагодарность.

Это истинно смиренная любовь, великая своим бескорыстием.

Наконец, третье обязательное условие силы христианского служения состоит в том, что оно должно совершаться в Боге. Это значит, во-первых, что исходным его началом должна быть Заповедь Божия, а основным мотивом – послушание воле Божией. «Я служу ближнему, потому что этого хочет и требует Господь» – вот мысль, которая должна составлять начальную основу служения. Только в этом случае оно является устойчивым, постоянным и становится независимым от каприза переменчивых настроений и личных колеблющихся симпатий и антипатий.

Во-вторых, это значит, что сущность чувства, побуждающего к служению, должна быть любовь к ближнему в Боге, то есть любовь к тому бессмертному, неизгладимому образу Божию, который есть в каждой душе и который может только потускнеть, но не исчезнуть совсем. «Я люблю ближнего потому, что он – Божье творение и носит в себе образ Божий» – вот формулировка этого чувства.

Если наше служение будет определяться тем, насколько нам приятен или неприятен тот или другой человек, то из области влияния христианского служения уйдут именно те люди, которые больше всего в этом нуждаются, то есть люди порочные, злонравные, потому что они, обыкновенно, производят неприятное впечатление. В служении святых, основанном на любви к образу Божию в человеке, всегда замечается противоположное направление этому эгоистическому выбору. Преподобный Серафим с особенною любовью и ласкою относился именно к самым грубым, неисправимым грешникам, и чем нравственно хуже был человек, тем больше участия и расположения встречал он в преподобном. И, конечно, это правильный путь, ибо *не здоровые имеют нужду во враче, но больные,* и Господь *пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мк. 2, 17).

Служение в Боге означает, наконец, то, что конечною целью его должно быть душевное спасение человека, приведение его к Богу. *Дети мои,* – пишет апостол Павел Галатам, – *для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос]* (Гал. 4, 19). Это отпечатление образа Господа в человеческом сердце всегда было целью апостольского служения.

Если мы усвоим эту точку зрения, то поймем, что материальные выгоды, которые доставляет иногда людям христианское служение, не могут быть целью сами по себе, но лишь вспомогательным средством для направления к нравственному совершенствованию и для достижения его; поймем также, что служение не может быть баловством или сентиментальным потворством, ибо это обыкновенно бывает гибелью для души, но допускает и суровые меры, если этого требует главная цель приближения к Богу.

Вот почему, несмотря на свою великую любовь к новообращенной пастве, апостол Павел считает возможным применение и крутых мер. *Прошу,* – пишет он Коринфянам, – *чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторые* (2 Кор. 10, 2). *Чего вы хотите? с жезлом прийти к вам, или с любовью и духом кротости?* (1 Кор. 4, 21). Но, конечно, суровость допустима лишь при искренней любви.

Глава 8, ст. 11-21

Духовные руководители иудейского народа, фарисеи и саддукеи, всегда очень внимательно присматривались к течениям мысли и явлениям духовной жизни народа. Это было необходимо для того, чтобы сохранить свое влияние и держать все явления такого рода под контролем, не позволяя кому бы то ни было вырвать у себя господство над умами. Понятно, что оставить без внимания Господа и Его проповедь они не могли. Но, наблюдая Его деятельность и учение, они неизбежно должны были испытывать странное раздвоение мысли, какое-то внутреннее недоумение: с одной стороны, чудеса Господа, необыкновенное влияние Его проповеди с неотразимой очевидностью свидетельствовали о том, что это не простой человек и что Божественная сила действует в Нем.

Явления этой силы были настолько ясны, обаяние личности Господа и святость Его жизни настолько поразительны, что многие не только из народа, но, вероятно, и из фарисеев готовы были признать в Нем Мессию. Но, с другой стороны, Его жизнь, методы Его деятельности, самые основы Его учения все это коренным образом противоречило сложившимся веками иудейским представлениям о Мессии.

Мы знаем уже, что в грядущем Мессии иудеи ожидали встретить могущественного политического деятеля, грозного завоевателя, блестящего царя, вроде Соломона или Давида, который освободит свой народ от ненавистного римского ига и вернет славу прежних царствований. Но в лице Господа с Его смирением и кротостью, с Его всепрощением и любовью, в условиях Его скитальческой жизни, полной лишений и самоотречения, трудно было видеть что-нибудь, хотя бы отдаленно напоминающее этот блестящий образ, созданный фантазией Израиля. Невольно и настойчиво поднимался вопрос: Кто же это?

Оставить этот вопрос без разрешения, просто отмахнуться от него было совершенно невозможно. Фарисеи следили за каждым пророком, за каждой более или менее выдающейся личностью в религиозной области и должны были так или иначе определить свое отношение к такому крупному явлению, как проповедь Господа и возбужденный ею в народе религиозный подъем, тем более, что их мнения по этому вопросу, несомненно, требовали их друзья и приверженцы. Кто же это? Друг или враг? Следует ли Его поддерживать или бороться с Ним и с Его влиянием, рассеивая то впечатление, которое Он производил в народе?

Как относиться к Нему? Идти за Ним? Но ведь Он требует полного самоотречения, требует, чтобы Его последователи отдались Ему всецело и оставили все. А ведь это значит оставить спокойную, комфортабельную жизнь, тот почет, которым фарисеи были избалованы, значительные доходы, получаемые от поклонников и поклонниц, обеды, угощения, почетные приемы, пышные одежды – одним словом, все то, что доставляло им положение признанных учителей и руководителей. И все это променять на нищее, полуголодное суще-

ствование вечных странников, не имеющих крова. И во имя чего? Ради чего? Что они получат в награду за этот подвиг и за эти лишения? Достаточно ли велика будет награда для того, чтобы стоило обречь себя на нищету и отказаться от удобств жизни?

Не идти?.. Остаться на своих прежних позициях и с высот своей законнической правды и старческих преданий созерцать в величавом одиночестве быстро развертывающиеся события и нарастающий энтузиазм толпы?..

А вдруг это в самом деле Мессия?! Какой позор для них, народных руководителей, не узнать страстно желанного и давно ожидаемого Избавителя, не примкнуть к Нему или остаться в хвосте зарождающегося движения и уступить жалким неучам и галилейским рыбакам около Него первые места, на которые они имеют все права по своим знаниям, благочестию и учености! Не иметь видного места при блестящем дворе Мессии и в славе Его будущего царства – об этом и подумать ужасно!

Но, с другой стороны, какой риск! Можно все потерять и ничего не приобрести… Во что бы то ни стало надо узнать наверное, кто это: Мессия или нет, чтобы действовать наверняка и не ошибиться в расчетах… Надо заставить Его нарушить то таинственное молчание, которым Он окружает Свою личность и Свое дело, не объявляя Себя открыто Мессией и в то же время проявляя такую силу, которую нельзя предполагать в обыкновенном человеке. И если это действительно Мессия, то надо убедиться в этом наверное.

Фарисеи переживали нечто вроде биржевой лихорадки с ее азартными волнениями и томительно-нервным ожиданием: выиграть или проиграть. Понятным становится то нетерпение, с каким они требовали от Господа знамений, которые разрешили бы их недоумения окончательно. *Долго ли Тебе держать нас в недоумении?* – спросили они Его однажды, – *если Ты Христос, скажи нам прямо* (Ин. 10, 24).

Но разве не было таких знамений? Разве чудеса Господа не говорили о Нем красноречиво и убедительно? Он Сам смотрел на них как на свидетельство: *дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о* Мне (Ин. 10, 25).

Но фарисеи требовали знамения с Неба, знамения необыкновенного, быть может, вроде того, какое дал пророк Исайя царю Езекии, заставив солнце вернуться назад на десять ступеней (4 Цар. 20, 11). Исцеления различных болезней, представлявшие обычные чудеса в деятельности Господа, были для них недостаточно убедительны. Ведь они рисковали столь многим и должны были получить несомненную гарантию будущей награды, ради которой они, пожалуй, и не прочь были согласиться потерпеть немного, если, конечно, в награду они получат больше, чем потеряют.

Понятно, почему Господь отверг их требования и отказался дать знамение. Эти торгаши в деле спасения, совершенно не понимавшие духа Его учения, никогда не могли быть искренними Его последователями. Он никогда не обещал Своим ученикам земных благ, и не ради материальных выгод должно следовать за Ним.

Счастье единения с Богом, любовь к Искупителю, святость и чистота души как плод добродетельной жизни, сообразной с Его заповедями, – вот те мотивы, которые должны действовать в христианине, определяя его решения, и которые чужды были черствой себялюбивой душе фарисея. Христианство следует принять и любить ради него самого, а не ради посторонних наград и внешних выгод. Оно само по себе представляет ту драгоценную жемчужину притчи, ради которой надо пожертвовать всем (Мф. 13, 46).

Фарисеи этого не могли, и все знамения с неба были бессильны заставить их принять такой взгляд и покориться духу учения Христова.

Одни ли только фарисеи?

Есть много людей, сам душевный склад которых препятствует им быть настоящими искренними учениками Господа Иисуса Христа и проникнуться вышеуказанными мотивами, обязательными для успеха христианской жизни. В душе часто встречаются те под-

водные рифы и мели, на которых разбиваются самые окрыленные корабли христианской надежды. Часто устроение сердца требует коренных изменений, и над ними необходимо много работать, чтобы сделать душу восприимчивой к веянию духа и к голосу христианской правды.

Нам надо знать эти мели. Надо знать, что засоряет фарватер христианской жизни, так что движение вперед становится совершенно невозможным. Только тогда мы узнаем, как обойти мели и как предохранить душу от засорений.

Где лежат самые опасные рифы душевных настроений?

В том же евангельском отрывке (Мк. 8, 11–21) Господь указывает типы людей, непригодных по душевному складу к Царствию Божию.

Смотрите, – сказал Он ученикам Своим, – *берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой.* А у евангелиста Матфея прибавлено: *и саддукейской* (Мф. 16, 6).

Вот три различных мировоззрения, или, вернее, три типа душевного уклада, неспособных воспринять глаголы жизни вечной и обреченных на всегдашний разрыв со Христом: иродиане, саддукеи, фарисеи.

Что это за люди? И что мешает им принять на себя благое иго и легкое бремя Христа?

Иродиане – это люди, примкнувшие к партии Ирода-правителя и поддерживавшие его, несмотря на его чужеземное происхождение. Многие из них были придворными при царе, добившись своего положения лестью, низкопоклонством и разными темными услугами. Это положение они очень ценили и очень боялись его потерять. Карьера, высокое положение, удобства и роскошь жизни – это было для них все. Ни о чем другом они не заботились. Требования религии, интересы общественной жизни, страдания родного народа их волновали очень мало. Это были оппортунисты в худшем смысле слова. Для личного сытого, беспечального существования они готовы были пожертвовать всем. Любовь к другим не была требованием их убеждений.

Пружиной деятельности и основным фоном их жизни был самый грубый, неподкрашенный, животный эгоизм. Правила высшей морали, учения о необходимости самоотвержения для блага ближних, все идейные устремления души, пытающейся оторваться от земли для Неба, могли вызвать на устах их лишь улыбку. Эти тонкости были не для них.

Что могло им дать учение Христа и чем могло привлечь к себе? Страдания, лишения, добровольная нищета и теснота жизни, постоянный крест терпения, служение другим, доходящее до полного забвения собственных интересов, все, с чем неразрывно связывалась христианская жизнь, все это было как раз противоположно тому, чего они желали и чего добивались.

Им ли, изнеженным царедворцам, любившим только роскошь и блеск жизни, было понять и оценить радость бедного, бесприютного существования, богатого лишь духовной свободой и чистотою религиозных переживаний?

С последователями Господа они, вероятно, не могли даже найти общего языка, не могли их понять и соединиться с ними ни мысленно, ни духовно, как масло не может соединиться с водой. Это были люди двух различных космосов жизни и совершенно противоположных мировоззрений; блестящим царедворцам бедные галилеяне с их непостижимым аскетизмом должны были казаться просто безумцами, заслуживающими одного лишь презрения.

Если они вступают в ряды врагов Господа, то главным образом потому, что в Его деле видят опасное политическое явление, учитывая Его влияние на массы и разделяя обычные среди иудеев предрассудки о Мессии как завоевателе и освободителе от римского ига, в поддержании которого и вообще всего существовавшего правительственного строя, обеспечивавшего для них праздную, сытую жизнь, они, конечно, были заинтересованы.

Таким образом, эгоизм, личное себялюбие, которыми были проникнуты их натура и жизнь, непреодолимо отталкивали их от Христа.

И до настоящего времени это человеческое себялюбие представляет один из самых опасных подводных камней христианской жизни. Если не разломать его и не удалить, то идти за Христом невозможно. Невозможно и соединиться с Ним когда-нибудь.

Кто приходит ко Мне, – говорит Господь, – *и не возненавидит… самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником… Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 26, 33).

Чтобы быть достойным Господа, надо забыть, потерять себя и отрешиться от всего. Человек, дорожащий своими удобствами и не желающий ничем пожертвовать для ближних, в Царство Божие войти не может.

Есть старая благочестивая легенда.

В одном из монастырей жил когда-то игумен высокой подвижнической жизни, который непрестанно молился за братию и неотступно, с великим усердием и слезами просил Бога, чтобы все иноки его обители удостоились Царства Небесного. Однажды вся братия была приглашена на праздник в соседний монастырь. Игумена задержали какие-то дела, и он обещал прийти позднее. Иноки отправились без него. На дороге им попался путник, искусанный зверями. Бедный старик от сильной потери крови не мог уже двигаться и лежал около лесной тропинки. Братия подошли к нему, поговорили, расспросили, посочувствовали и… отправились далее, оставив его лежать в лесу. До монастыря, куда они шли, было далеко, а им хотелось попасть туда к службе, и особенно к обеду. Быть в гостях, на праздничном обеде – это удовольствие так редко выпадало на их долю. Надо было спешить, и задерживаться на дороге, чтобы перевязать раненого и отнести его куда-нибудь в спокойный приют, у них не было времени. Часом позже этим же путем проходил игумен. Искусанный старик все еще лежал неподвижно возле дороги, и, казалось, жизнь почти оставила его. Лишь изредка он тихо стонал. Игумен подошел к нему, и сердце его сжалось состраданием. Он наклонился к несчастному, перевязал его раны как умел и приподнял его с земли, пытаясь поставить на ноги. Оставить умирающего в лесу было невозможно.

– Можешь ты идти как-нибудь? – спросил он.

Старик только глухо стонал.

– Обопрись на меня, – продолжал игумен, – будем двигаться вместе, потихоньку… Тут недалеко я знаю жилье…

Он обнял старика дряхлою рукою и пытался заставить его идти. Все было напрасно: тот не держался на ногах и повис на его руке, как мешок с трухою. Тогда игумен стал на колени, положил израненного странника на свои старческие плечи, поднялся медленно и потащил свою ношу, кряхтя, спотыкаясь и едва переступая слабыми ногами; для его преклонных лет тяжесть была не под силу.

Он почти не надеялся донести. Но сердце его разрывалось от жалости, и оставить бедняка без помощи он тоже не мог. И странное дело: по мере того, как он двигался вперед, тяжесть на его плечах становилась все легче и легче, и, наконец, ощущение ее прекратилось совершенно.

Игумен оглянулся и остолбенел. На плечах не было никого! Старик исчез!!! И только издали донесся тихий голос: «Невозможно исполнить молитву твою, ибо дела твоих братии иные, чем твои… Понудь их идти твоими стопами: иначе не войти им в Царство Божие!..»

Таким образом, черствость сердца и равнодушное отношение к ближнему представляет решительное препятствие для единения с Христом. Христианство, прежде всего по своему практическому осуществлению, есть служение ближним.

Господь пришел для того, *чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих* (Мк. 10, 45). А так как Он требует от Своих учеников, чтобы они следовали за Ним, то

есть подражали примеру Его жизни, то ясно, что обязанность служения лежит на всех христианах и должна составлять главную цель их деятельности. *Кто хочет идти за Мною,* – говорит Он, – *отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мк. 8, 34). *Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10, 38). Другими словами, кто не подражает Господу в служении ближним до готовности положить за них душу свою, как это сделал Спаситель, тот не достоин Его.

Но эгоизм, или себялюбие, отталкивает человека от служения другим, и это отсутствие служения, черствость и безучастное отношение к ближнему есть обычное внешнее проявление эгоизма.

В сознании этот порок проявляется как открыто наглое или лицемерно замаскированное правило жизни: «Лишь мне было бы хорошо, а до остальных мне нет дела!..»

Это и есть Иродова закваска, своего рода порок сердца. В умственной области, области мысли часто встречается другой порок, делающий человека непригодным для Царства Божия, порок, который Господь называет «саддукейской закваской».

Точное происхождение слова «саддукей» не установлено. Оно произошло или от имени первосвященника Сад ока, или от еврейского слова «уедаках», что значит «справедливый». Это название, кажется, означало прежде всего во время Иоанна Гиркона партию, состоявшую главным образом из священников и в противоположность преувеличениям фарисеев довольствовавшуюся справедливостью в том виде, в каком ее требовал текст закона. Это были положительные умы своего времени. Будучи преданы чувственности и проникнуты материализмом и сомнениями, они не верили в существование иного мира. Мысль о загробном мире казалась им безумием. Они невысоко ценили пророков и принимали закон в тесном смысле как мудрый устав, касающийся вещественных выгод и земных предметов. Они утверждали, что ничто в законе не доказывает бессмертие, почему и воскресение мертвых отрицали. Будучи умами ограниченными, они находили нелепыми учения, чуждые их мудрости, опиравшейся на букву закона. Их можно назвать скептиками, ибо они отрицательно или с большим сомнением относились ко многим вопросам и явлениям духовного мира и духовной жизни. Несомненными для них были лишь явления ощутительные, осязаемые. Все, что было недоступно их пониманию или выходило за пределы их чувственного опыта и их книжной учености, они просто отрицали. В этом отношении они напоминают реалистов или позитивистов нашего времени худшего оттенка.

Вместе с тем, состоя преимущественно из священников и людей большой, хотя ложной учености, саддукеи привыкли чувствовать себя руководителями умственной жизни народа, к которому, надо сказать, относились с большим презрением за его темноту и необразованность.

Это положение умственных вождей они никому ни за что не уступили бы и потому с необычайным фанатизмом и нетерпимостью относились ко всем мнениям и учениям, которые выходили не из их лагеря и не согласовывались с их воззрениями. Они вообще отличались умственным высокомерием и любили прибегать к злой насмешке.

Таким образом, их основное настроение и их главный порок можно определить как умственную гордость. Если вообще самый большой недостаток и неискоренимый порок у людей составляет тайная гордость, то, быть может, самая опасная ее разновидность есть гордость ума. Ее сущность состоит в том, что человек, преклоняясь до самообожания перед своей личностью и особенно перед своими умственными способностями, начинает считать себя самого единственным непогрешимым авторитетом в разрешении всех вопросов и вследствие этого отметает все, что не понимает, ибо в своем самообоготворении вообще не допускает мысли, что могут существовать вещи, превышающие его понимание. В людях саддукейской складки это неизбежно ведет к материализму, скептицизму и неверию, ибо в области веры необходимо признать ограниченность человеческого ума, смиренно скло-

ниться перед тайной, окружающей человека отовсюду, и многое из объяснений этой тайны принять без собственной рационалистической проверки, так как во многих вопросах веры такая проверка совершенно невозможна. Но этого-то ограничения самовольно захваченных прав ума умственно гордые люди не желают и не могут допустить. В сознании это формулируется так: «Я все могу понять. Если же я этого не понимаю и мне говорят, что такое понимание для меня даже невозможно, то ясно, что это вздор, сказка, басня!» Так неизбежно рождается отрицательное отношение к духовному миру, недоступному для человеческого рассудка.

Простоты и цельности веры в таких людях не может быть, ибо такая вера требует от человека умения совершенно отказаться от своих соображений и, не доверяя силе своего ума, искать истины только в Боге с полной готовностью принять эту истину без всякого сомнения, в каком бы виде ни дана она была человеческому сознанию Богом. Умственная гордость этому препятствует, и сомнения, возникающие на почве противоречия данных истин и собственных соображений, здесь неизбежны. А между тем, как говорит апостол Иаков, *сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа. Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих* (Иак. 1, 6–8).

Горькая ирония и трагическая опасность положения этих гордых умников состоит главным образом в том, что, не желая смиренно склоняться под Божие ярмо простодушной веры и самоуверенно пытаясь сделаться господами и хозяевами своей умственной жизни, они в действительности становятся обыкновенно безвольными рабами диавола и жалкой игрушкой в его руках, следуя во всем его лукавым внушениям, принимаемым ими за собственные. Эта грустная, постоянно повторяющаяся история имеет многовековую давность и ведет свое начало от падения первых прародителей. Припомним, что сущность этого падения именно в том и состояла, что, отказавшись в порыве ложной гордости от детского доверия к Богу и пытаясь собственными усилиями приобрести Божественное знание добра и зла, люди оказались на самом деле лишь посмешищем и обманутой жертвой змия-искусителя. Кто не хочет быть рабом Божиим, тот неизбежно становится рабом диавола. Этот вечный закон так же непреложен в области умственной, как и во всех других.

Психологически это объясняется просто.

Мы, обыкновенные люди, без большого духовного опыта, почти никогда не сознаем, что мысли, рождающиеся в нашей голове, навеяны нам какою-то посторонней силой. Они всегда представляются нам нашими собственными, и уже в силу одного этого обстоятельства они имеют решающее значение для направления нашей деятельности. «Я исполню это, потому что это мое желание» – вот обычное внушение самовольного себялюбия, но люди смиренные, не слишком доверяющие своему рассудку, всматриваясь в нравственную недоброкачественность своих мыслей, сравнительно легко могут допустить, что они являются плодом диавольского нашептывания и подавить их в зародыше. Иное дело человек умственно гордый. Он просто не может допустить, что им владеет диавол, и его рассуждение, сознательное или бессознательное, в данном случае приблизительно таково: «Вот моя мысль… Она зародилась в гениальной голове, вышла от моего „я“ **и должна быть хороша,** ибо мое „я“ прекрасно. А если мысль хороша, то возможно ли признать ее плодом диавольского внушения?! Скорее, она дана Богом, действующим через меня, как высшее озарение духа. В крайнем случае, это моя собственная мысль, а если моя, то, значит, хороша!» И сознание, отуманенное самообожанием, перестает даже различать действительно дурное от хорошего: хорошо все, что мое, что вышло от меня, в этом весь нравственный критерий. Диавол искусно этим пользуется и, внушая дурные мысли и желания, которые гордый человек принимает за собственные, заставляет его делать с рабской покорностью все, что угодно искусителю, хотя человек все время уверен, что творит только свою волю, и добивается ее

исполнения нередко с упорством и фанатизмом. Эти слепые люди, не понимающие, что их ведут на поводу, – лучшие слуги диавола.

Этим-то особенно и опасна саддукейская закваска умственной гордости. Этих людей трудно образумить, трудно открыть им глаза на их истинное положение, убедить их, что мудрость мира сего есть безумие пред Богом (1 Кор. 1, 20) и что со всем воображаемым превосходством своего ума они не более, как слепые одураченные глупцы. Признаться в этом для них невозможно, ибо этому препятствует гордость.

Есть хорошая турецкая басня. В одном из вилайетов Оттоманского государства жил когда-то старый огородник Ибрагим. Он недурно знал свое дело и хорошо торговал овощами. Плохо было лишь то, что он считал себя самым умным человеком в вилайете, а может быть, и во всем султанате. Особенно убеждался он в своей мудрости, когда разговаривал или советовался со своей женой Фатимой. Ее речи настолько были глупее его мыслей, что он невольно восторгался своим умственным превосходством. Поэтому у него было даже правило: «В трудную минуту жизни спроси совета у жены и поступи как раз наоборот».

Однажды сосед затеял с ним тяжбу, и Ибрагима вызвали к кади для допроса.

Известно, что правосудие во всех странах, где сияет вера пророка Магомета, с трещиной и, прежде чем довериться ему, надо эту трещину заткнуть.

Мудрый Ибрагим знал это хорошо.

– Жена, – сказал он, – что мне свезти к кади? Зовет для допроса, да продлит Аллах его дни!

– Воз спелых арбузов, – отвечала Фатима. – Кади их любит.

«Какая глупая! – подумал Ибрагим. – Из-за такого пустяка везти арбузы! Хороши будут и огурцы!»

Он положил в корзину огурцов, выбирая похуже, пожелтее, и отправился.

В воротах дома кади его остановил здоровый аскер.

– К кади? – спросил он. – А пропуск где?

Ибрагим показал ему корзину.

Аскер посмотрел, медленно выбрал из корзины самый желтый, переспелый огурец, понюхал и со всего размаху швырнул им в бритую голову Ибрагима. Звучно треснул огурец и залепил сочной мякотью все лицо «мудрого» огородника. За первым огурцом последовал другой, третий и так далее, пока вся корзина не была опустошена. А пока аскер занимался этим и расплющивал огурцы один за другим на мудрой голове Ибрагима, тот стоял и думал: «Какой я умный! И как хорошо, что я не послушался жены!.. Огурцы еще можно терпеть, а если б мою голову стали так обстреливать арбузами!»

Басня добавляет: «Самый несомненный глупец тот, кто считает себя самым умным».

Если умственная гордость представляет самый крупный порок, препятствующий вступлению в Царство Божие в области мысли, то в области воли мы находим другой недостаток, не менее вредный, который Господь называет «закваской фарисейской» и определяет как лицемерие: *берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемерие* (Лк. 12, 1).

В 23-й главе Евангелия от Матфея Господь подробно выясняет психологическую сущность лицемерия в Своей грозной обличительной речи против фарисеев, упрекая их в том, что они *говорят и не делают: связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их; все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди)* поедают домы вдов и лицемерно долго молятся; дают десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; оцеживают комара, а верблюда поглощают (Мф. 23, 3–5, 14, 23–24). Все это в результате и дает тип лицемерного святоши-фарисея, который по наружности кажется людям праведным, а внутри исполнен лицемерия и беззакония, подобно окрашенному гробу, который снаружи кажется красивым, а внутри полон костей мертвых и всякой нечистоты (Мф. 23, 27).

Каким образом зарождается в душе лицемерие?

Иногда оно появляется в результате того извращения душевного склада, когда главным центром жизни для человека является не Бог, а земные выгоды и преимущества, и когда религия служит лишь средством для достижения этих целей, теряя свой истинный характер чистого служения Богу. Несомненно, люди такого сорта были в среде фарисеев, ибо Господь говорит о них, что они друг от друга принимают славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищут (Ин. 5, 44), да и в своем требовании от Господа знамения они слишком явно обнаружили, как мы видели, свою привязанность к вопросам земного благополучия. Но таких прожженных лицемеров, которые сразу начинали бы свою религиозную жизнь и деятельность с сознательного обмана, скрывая в душе свои действительные низменные житейские цели, сравнительно мало.

Гораздо чаще лицемерие является плодом духовной лени. Дело в том, что искреннее служение Богу и устроение своего спасения требует постоянной работы над собой и непрерывного напряжения духа. Это всегда представляет большую трудность, и потому неудивительно, что у людей, духовно небрежных или ленивых, начинает постепенно подменяться чисто внешним исполнением религиозных обязанностей, без внутреннего душевного участия, что несравненно легче. Человек, как лукавый наемник, начинает обманывать Бога, принося Ему в дар вместо золота душевных настроений и любви показную мишуру телесных подвигов и ритуального служения. Обманывает он Бога и в молитве, совершенно не сочувствуя душой молитвенным словам и часто даже не думая об их смысле. Мало-помалу это внешнее, обрядовое служение Богу обращается в привычку, и тогда легко создается почва для лицемерия.

Сначала возникают упреки совести, ибо человек все-таки внутренне чувствует, что служение его нечисто и неискренно. На помощь является тогда лукавый рассудок, который начинает успокаивать взволнованную душу своими софизмами, вроде того, что дело еще не так плохо, что совершенная святость для человека невозможна, что Бог милостив и простит, что, наконец, и аккуратное исполнение внешних обязанностей есть своего рода тип добродетельной жизни, который все-таки может доставить спасение. Человек начинает успокаивать и обманывать самого себя.

Но так как, несмотря на все софизмы, внешнее служение Богу не дает духовного удовлетворения, то бедному лицемеру волей-неволей приходится заменить это отсутствие высшей радости, которую Господь посылает лишь в награду за искреннюю любовь к Нему и добросовестное хождение пред Ним, чем-нибудь другим; иначе его служение становится просто бессмыслицей по своей безумности. Эту компенсацию человек и находит в мирской славе и житейских выгодах, которые он получает от людей как дань уважения своей мнимой святости. С этого момента у лицемера на первом плане лишь одна забота: показаться хорошим перед людьми, и даже внешние обязанности, возложенные на него религией, он начинает исполнять старательно лишь тогда, когда на него смотрят другие. Он начинает обманывать людей и превращается в гроб повапленный.

Таким образом, фарисейство, или религиозное лицемерие, есть сплошной обман, так как человек здесь лжет и Богу, и себе, и людям. В этом-то и кроется главная опасность этого порока, делающая его трудноисправимым. Открытого, даже закоренелого грешника легче обратить на путь правды, ибо он внутренне все-таки сознает, что дела его дурны. Но убедить привычного лицемера в том, что он стоит на ложном пути, почти невозможно. Он так привык лгать и себе, и людям, так одурманен собственным обманом, так много в его распоряжении разных софизмов для своего оправдания, что чувство правды в нем притупилось, если не исчезло окончательно, и путь истинной жизни для него безнадежно затерян в лабиринте диалектических ухищрений.

Вот те душевные устроения, те основные пороки, которые Господь называет «заквасками» и от которых особенно предостерегает Своих последователей, указывая на них как на самые опасные мели, угрожающие крушением кораблю нашего спасения: Иродова закваска – порок сердца, эгоизм и его внешние проявления: безучастность и равнодушие к ближним. Саддукейская закваска – порок ума, умственная гордость и ее внешние проявления: маловерие и неверие. Фарисейская закваска – порок воли, духовная леность и рожденное ею лицемерие.

Глава 8, ст. 22-26

Когда читаешь евангельские повествования о чудесах исцелений, совершенных Господом, невольно обращаешь внимание на описание способов этих исцелений. Господь редко исцелял только словом или одною молитвою. Обыкновенно исцелению предшествует какой-нибудь осязательный жест или прикосновение, причем приемы, употребленные Спасителем, чрезвычайно разнообразны, почти никогда не повторяются и всегда приспособлены к особенностям данного случая. То Он берет больного за руку, помогая ему подняться (Мк. 1, 31; 5, 41; 9, 27), то вкладывает персты Свои в уши глухого (Мк. 7, 33), то возлагает руки на глаза слепого (Мк 8, 25), то прикасается к гнойным язвам прокаженного со словами: «очистись!» (Мк. 1, 41). Иногда Он требует от больного сделать какое-нибудь, движение (Мк. 2, 11; 3, 5). В свою очередь, люди, искавшие помощи от Господа Иисуса Христа, прежде всего стараются прикоснуться к Нему или к Его одежде (Мк. 3, 10; 5, 27–28; 6, 56).

Конечно, это объясняется отчасти тем, что от Него исходит благодатная, исцеляющая сила (Мк. 5, 30), действующая на больных через прикосновение, но, с другой стороны, нельзя не видеть, что, пользуясь различными приемами исцелений, Господь имеет в виду и Свои особые цели.

Мы уже знаем, что непременным условием исцеления больных служила их вера в Спасителя. *По вере вашей будет вам,* – говорил Он обычно, и, чтобы сделать человека восприимчивым к благодатной силе исцеления, Он прежде всего старался пробудить в нем эту веру. Те жесты и прикосновения, которые Он употреблял при этом, служат той же цели.

Человеку несравненно легче поверить в возможность выздоровления, когда он чувствует прикосновение к больному месту. Простое слово или взгляд не могут произвести такого действия равной силы. В некоторых случаях, как, например, с глухим, это было чуть ли не единственное средство дать больному понять и убедить его, что Господь хочет его исцелить. Во всяком случае, в области веры несравненно убедительнее слов осязательное действие или реальный факт, лично прочувствованный или пережитый человеком. Когда Господь прикасался к больному, тот видел и чувствовал, что его исцеляют. К свидетельству слуха присоединялось вдвое сильнейшее удостоверение зрения и осязания, и на этой опоре крепла слабая вера.

«Вера только от слышания» гораздо слабее веры от пережитых фактов, в которых человек был активным или пассивным участником.

С другой стороны, прикосновение к ране или пораженному органу гораздо яснее и красноречивее говорило о любви и участии Господа к страждущему человеку, чем могло это выразить слово. Любовь всегда требует большой, осязательной близости, и доктор, который осматривает своего пациента издали, боясь к нему прикоснуться, никогда не в состоянии вызвать к себе большого доверия и расположения, не говоря уже о том, что при этом совершенно невозможно почувствовать и поверить в искренность его участия, а, скорее, можно предположить в нем лишь брезгливость и отвращение. Соответственно с этим и в душе больного возникают различные чувства, ибо душа невольно на любовь отвечает любовью, на равнодушие и отвращение – враждой. Прикосновения Спасителя, служа выражением Его

участия к страдающим людям и вызывая в их душе ответное чувство, несомненно, скрепляли взаимную любовь Божественного Целителя и Его пациентов.

В области любви реальные факты также имеют больше значения, чем слова.

Этот закон зарождения и укрепления веры и любви надо иметь в виду, ибо он помогает найти средства врачевания тех душевных недугов, о которых у нас будет речь.

Тяжела физическая слепота, которую исцелил Господь. Для слепца совершенно закрыт громадный мир зрительных образов и красок, составляющий почти половину всей суммы тех внешних впечатлений, которыми живет душа. Для него не существуют яркое солнце, розовые зори, лазурное небо, переливы радуги. Нет для него картин радостного пробуждения и восхода солнца, когда первые снопы ликующих лучей вырываются из-за горизонта, золотя вершины гор, деревьев и кресты церквей, или задумчивого тихого заката, когда медленно погружается краснеющее солнце в синие тучи, одевая все небо в багрянец и пурпур. Недоступны для него красоты природы с темной зеленью лесов, золотистыми полями, бесконечным разнообразием то ярко, то нежно окрашенных цветов, пестрых бабочек и букашек. Вся дивная, чарующая прелесть Божьего мира, поскольку она выливается в цветочных симфониях и гаммах, для него закрыта. Не видит он также близких людей, дорогих лиц, любимых предметов.

Тяжело слепому!

Но еще хуже, еще опаснее для человека состояние так называемой духовной слепоты, которая обычно проявляется в двух видах: слепоты веры и слепоты любви. Физическая слепота доставляет человеку много неудобств и огорчений, но душа в своих высших проявлениях от этого страдает сравнительно мало, недостаток внешних впечатлений нередко содействует богатству внутренних переживаний, развивающемуся взамен их, и жизнь духа даже во многом выигрывает, благодаря сосредоточенности и углубленности. *Господь умудряет слепцы,* – говорит Слово Божие. Недостаток зрения вознаграждается остротою других чувств, силою внимания и мысли и глубиною самосознания.

Духовная слепота поражает душу, калечит ее, заставляя жить неполною, половинчатою жизнью, и совершенно останавливает ее духовное развитие, ведет к гибели и разложению.

Первая форма духовной слепоты, слепота веры, состоит в том, что для человека совершенно закрыт и непонятен мир духовный, то есть мир духовных существ и духовных переживаний в общении с ними. Человек его не знает, не видит, не чувствует, ибо не верит и не умеет верить.

Конечно, и для верующих людей неизбежна относительная слепота, ибо духовный мир недоступен непосредственно для наших внешних чувств, многое в нем представляется неясно, многое совершенно закрыто для знания. Полное ведение возможно для нас лишь в будущем, когда разрушится средостение между нами и этим миром и когда мы сами перейдем в его область. *Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан,* – говорит апостол Павел (1 Кор. 13, 12). Из неведомой области потустороннего мира Господь открыл и открывает нам лишь то, что необходимо для нашего спасения. Или, как говорит святой Иоанн Дамаскин, «Бог, яко всеведующий и промышляющий о пользе каждого, открыл все, что знать нам полезно, и умолчал о том, чего не можем вместить».

Тем не менее эти частичные знания в нужном объеме все-таки даны верующему, и путь жизни, и конечная цель ее для него все же ясны, хотя, может быть, он и не видит всех подробностей и зигзагов жизненной тропинки. Кто-то сравнил путь веры с дорогой в тумане. Дали, застланные туманной дымкой, здесь не видны; дорога теряется во мгле, и ее повороты не заметны; не видны и те препятствия, которые могут на ней находиться. Но вы ясно различаете пространство ближайших шагов; стена тумана как будто расступается перед вами, и вы можете идти достаточно уверенно, чтобы не споткнуться. Вы видите также солнце, огнен-

ный шар которого просвечивает сквозь туман; по нему вы определите свое общее направление и можете судить, насколько верно ведет к цели та дорога, по которой вы идете. Вы все-таки не слепы и не теряетесь в беспросветном мраке. Но есть много людей, страдающих безусловной и упорной слепотой, которые в области веры не в состоянии ровно ничего различить.

Однажды маленький мальчик Коля потерял свой мячик, закатившийся под шкаф. Он заглянул туда: ничего не видно.

Попытался зажмурить один глаз – не видно.

– Ты посмотри рукой! – посоветовал отец.

Коля с минуту пошарил под шкафом.

– Папа! – сказал он. – Рука тоже ничего не видит!..

Точно так же многие люди ничего не видят в духовном мире. Как рука не имеет органа зрения, так у них нет очей веры. Они слепы безусловно.

Кроту, зарывшемуся в свою нору, вы напрасно стали бы толковать, что на небе есть солнце и что мир далеко не ограничивается подземной норой. Вы его не убедите и не заставите вам поверить.

Таковы бывают люди.

Возьмите, например, фарисеев. Они внимательно наблюдают за Господом, знают каждый Его шаг. Все необыкновенные чудеса Его совершаются перед ними. И они не верят.

Его Рождество сопровождается удивительными знамениями, взволновавшими астрономов всего Востока. Языческие ученые, волхвы, пришли издалека поклониться Божественному Младенцу, нашли Его пещеру, ясли и поверили. Фарисеи не верят.

Они прекрасно знают пророчества ветхозаветных книг. Ясно видят, что эти пророчества осуществляются в лице Господа. Не могут этого не видеть, ибо Сам Господь постоянно отмечает все эти древние предсказания, исполнившиеся на Нем. И, однако, не верят.

Толпы народа идут за Христом. Больные бросаются к Нему, чтобы только прикоснуться к Нему, ибо одно прикосновение Его исцеляет. Его сила такова, что считать Его простым человеком невозможно. Фарисеи не верят.

Господь одним словом укрощает бурю, идет по волнам, как по суше. Волны, ветер, море – все стихии мира Ему подвластны. Он воскрешает сына вдовы Наинской, дочь Иаира, своего друга Лазаря, уже начавшего разлагаться после четверодневного пребывания в гробу. Впечатление огромно. Весь народ готов признать Господа своим Мессией. Одни фарисеи не верят.

Они требуют новых доказательств и знамений с Неба. Но с полной уверенностью можно сказать, что они не поверили бы никакому знамению. Когда человек решил ничему не верить, убедить его невозможно. Самые очевидные, поразительные факты на него не действуют.

Недаром Господь называет их слепыми вождями (Мф. 23, 24), которые ведут слепых и готовы упасть в яму (Мф. 15, 14).

Это и есть духовная слепота веры, говоря о которой Господь Иисус Христос поясняет, что пораженные ею *видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите* (Мф. 13, 13–14).

Когда великий святитель Константинопольской кафедры Иоанн Златоуст выступил со смелыми обличительными речами против императрицы Евдоксии, взбешенная царица добилась декрета о его изгнании. Но в ту же ночь в столице Византии произошло сильное землетрясение. Подземные удары были особенно сильны около царского дворца и в самом дворце. Среди ночи императрица Евдоксия в ужасе, вся в слезах вбежала к императору. «Мы изгнали праведника, – воскликнула она, – и Господь за то карает нас. Надобно его немедленно воз-

вратить: иначе мы все погибнем». Иоанна возвратили, но ненадолго. Урок был скоро забыт, и прежняя слепота овладела царицей. Ей казалось, что она напрасно поддалась испугу, что не Божий голос гневно звучал в грохоте землетрясения. Снова начались интриги, снова святитель был осужден на изгнание. И в ту же ночь в соборе Св. Софии вспыхнул пожар, который разрушил храм, здание сената, богатые дома, окружавшие площадь, и угрожал царскому дворцу. Знамение гнева Божия было очевидно, но слепота уже плотно смежила духовные очи царицы и правящих сфер. Они ничего не хотели видеть, и святитель остался в изгнании.

Когда человек не хочет верить, он слеп к самым очевидным фактам и доказательствам.

Известен старый рассказ о священнике, пытавшемся убедить одного невера в возможности чудес.

– Представьте, – говорил он, вот вы упали с колокольни и остались живы… Я знаю такой факт. Разве это не чудо?

– Нет, это случай! – возразил невер.

– Ну, допустим… Но если второй раз случилось то же, и вы опять остались живы. В этом вы тоже не признаете чуда?

– Нет, это счастье! – сказал невер.

Но вот вы упали в третий раз и опять без всякого вреда. Что вы скажете тогда?

– Скажу, что это… это – привычка! – нашелся невер.

Ему легче было допустить, что человек может привыкнуть летать с колокольни, чем сознаться в возможности чуда. Таковы все современные рационалисты, особенно те, которые занимаются подделкой евангельской истории: Л. Толстой, Ренан, Штраус и т. п. Признав заранее как самоочевидную и неоспоримую истину, что чудес не бывает и быть не может, они или вычеркивают из Евангелия все места, где говорится о чудесах Спасителя, или переделывают их по-своему так, чтобы вытравить все элементы чудесности.

И ничто: ни авторитет апостолов, ни свидетельство очевидцев, ни тщательно хранимое церковное предание – ничто не может убедить их в противном и рассеять их слепоту.

Откуда эта слепота?

В том свидетельстве пророка Исаии, на которое ссылается Господь Иисус Христос (Ис. 6, 9 10), как мы видим выше, Он указывает причину этого явления: *ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их* (Мф. 13, 15).

Итак, две причины слепоты веры отмечает Господь:

1. Огрубление, порочность сердца.

2. Сознательное нежелание обратиться к Богу за помощью.

Действительно, люди не верят обыкновенно не потому, что они считают основания веры недостаточными и неубедительными, а потому, что они сами закрывают глаза свои, *да не увидят глазами и не услышат ушами,* то есть просто не хотят видеть правды. А не хотят они знать правды Христовой, потому что она мешает их страстной, порочной жизни, требуя от них чистоты и святости и обличая их огрубевшее, запятнанное грехом сердце. Такое сердце всегда будет отталкивать и ненавидеть обличающую правду, как ненавидела и гнала императрица Евдоксия святителя Иоанна Златоуста, как фарисеи ненавидели Господа. Отталкивая же от себя правду, огрубевшее сердце вместе с тем отталкивается и от источника всякой правды – Бога, и обратиться к Нему не может и не хочет.

С другой стороны, и Господь не может открыться такому человеку в его порочном сердце и темной, испорченной душе, откуда изгнан свет веры, ибо для этого здесь нет необходимых условий. *Бог свет есть и тьмы в Нем несть ни единыя.* А если так, то каким образом может Он раскрыться в темном, порочном сердце, ибо *кое общение свету ко тьме*? Только *чистии сердцем… Бога узрят.* Кроме того, Господь никогда не насилует волю чело-

века и протягивает руку помощи лишь навстречу его собственным стремлениям, если он сам этого желает.

Что же делать человеку, страдающему слепотой веры? Где найдет он исцеление?

Там же, где нашел его слепой евангельского рассказа: в благодатном прикосновении Господа. Но для того, чтобы испытать это исцеляющее прикосновение, надо прийти ко Христу так же, как пришел к Нему слепой, с просьбой о помощи (Мк. 8, 22). Необходимо обратиться к Богу. Это первое. Теплая молитва, сердечное упование на Божию помощь, внутреннее созерцание смиренного образа Христа, полного любви, – вот первые шаги, которые, по словам преподобного Макария Египетского, проясняют от веры, то есть помогают прозреть.

Второе ясно из вышеприведенных рассуждений: необходимо позаботиться об очищении сердца, а этому содействует жизнь по заповедям Божиим, возможно полное отречение от мира и принуждение себя ко всему доброму.

Необходимо начать жить так, как этого требует Евангелие.

Но, позвольте, возразят мне: и обращение к Богу и жизнь по Его заповедям уже предполагают веру, а ее-то как раз и нет. Ведь и вопрос-то весь в том, как ее зажечь. А раз я не верю в Бога, то как я могу к Нему обратиться и признать Его волю законом своей жизни? Ваш совет заключает в себе внутреннее противоречие.

Это не так, должен я возразить. Жить так, как требует вера, можно первоначально и не имея веры.

Вы помните выведенный нами закон о зарождении и укреплении веры? Факты и действие имеют больше значения для развития веры, чем слова. Вот и необходимо погрузиться как можно скорее и как можно решительнее в область фактов и личных опытных переживаний, вместо того чтобы тратить время на бесцельные и безрезультатные философствования и споры. Личный жизненный опыт, проведенный добросовестно, даст вам бесконечно больше, чем все теоретические рассуждения и пустые разглагольствования. Даже не имея веры, но живя по ее указаниям, вы скоро почувствуете правду законов этой жизни, и эта правда, пережитая и проверенная вами лично, скорее всего убедит вас. Посмотрите, какими средствами Сам Господь пробуждает веру в тех людях, которые обращаются к Нему за помощью. Прежде чем они получили действительное исцеление от Него и прежде чем убедились, что оно воистину совершается над ними, Он требует от них какого-нибудь жеста или движения, как будто исцеление уже произошло и они совершенно здоровы. От сухорукого Он требует протянуть иссохшую руку, как здоровую (Мк. 3, 5); расслабленному говорит: *встань, возьми постель твою и иди в дом твой* (Мк. 2, 11); слепому велел взглянуть (Мк. 8, 25).

Везде больной сначала совершает действие по вере и одновременно возникает сама вера, которая вызывает реальное следствие – исцеление. Это следствие как непреложный, очевидный факт, оправдывающий веру, и укрепляет ее в сознании человека, придавая ей силу прочного, несомненного убеждения.

Точно так же и в нашей жизни. Поступайте по вере, исполняя волю Божию, и вы увидите, что следствия, вызванные вашими действиями, оправдают вашу веру и докажут Божественное происхождение ее законов.

Мое учение – не Мое, но Пославшего Меня; кто хочет творить волю Его, – говорит Иисус Христос, – *тот узнает о сем учении, от Бога ли оно* (Ин. 7, 17).

Итак, вот совет людям, страждущим слепотою веры: не имея веры, жить по вере.

Не менее опасна для духовной жизни и слепота другого рода – слепота любви. Она состоит в том, что человек как бы не замечает своих ближних. Он весь поглощен собой, думает только о себе, о своих выгодах, о своих интересах. Чужая жизнь его не интересует. Он равнодушен к чужому горю, мимо чужой нужды проходит, не замечая ее, страдания ближних его не волнуют. Он весь замкнут в своем эгоизме, в себялюбивых думах.

Вижу проходящих людей, как деревья (Мк. 8, 24), – сказал слепой, когда Господь возложил на него руки. Совершенно так же смотрит на всех людей и слепой эгоизм. Для него люди имеют не более нравственной цены, чем деревья. Теперь так и говорят: «человек человеку – бревно». Замкнутый в себе эгоист не чувствует скорби ближних, его не трогают их бедствия, и он совершенно не заботится ни о нравственном, ни о материальном их благополучии. Ближний как существо чувствующее, мыслящее, страдающее для него не существует. Ему просто нет никакого дела до других людей.

Если от этих слепых эгоистов мы обратимся к людям высокой духовной жизни, то сразу заметим, что в их психологии забота о ближних, особенно об их духовном преуспеянии, всегда составляла главную, основную черту. Из многочисленных примеров этого рода приведем здесь трогательную историю из жизни преподобного Аврамия Затворника, художественно рассказанную преподобным Ефремом Сириным в его творениях.

Блаженный Аврамий, повествует преподобный Ефрем, «имел у себя единственного брата, по смерти которого осталась сирота девица. Знакомые ее, взяв ее, привели к дяде ее, когда было ей семь лет от роду. А он велел ей жить во внешней келии; ибо сам затворился во внутренней келии. Между ними было окно, в которое учил ее Псалтири и прочим Писаниям. С ним проводила она время во бдении и псалмопении; и как он соблюдал воздержание, так соблюдала и она. Усердно же преуспевая в подвижничестве, старалась совершить все добродетели. Ибо блаженный многократно умолял о ней Бога, чтоб к Нему был устремлен ум ее и не связывался попечением о земном, потому что отец ее оставил ей большое имение, а он велел немедленно раздать его нищим.

И сама она ежедневно умоляла дядю своего говоря: „Прошу, отец, святость твою, и умоляю преподобие твое, помолиться о мне, чтоб избавиться мне от непристойных и лукавых помыслов, и от всех козней врага и от разных сетей диавольских“. И так усердно подвизалась она, соблюдая подвижническое свое правило; а блаженный радовался, видя прекрасное ее житие, и усердие, и кротость, и любовь к Богу. Провела же она с ним в подвиге двадцать лет, как прекрасная агница и нескверная голубица.

Но по окончании двадцатого года хитрый на обманы змий, видя, как окрыляется она добродетелями монашеской жизни, и вся занята небесным… строил козни, чтобы уловить ее в сеть… и усмотрел и нашел сосуд, уготованный в погибель.

Был некто, носивший на себе имя монаха, и он весьма тщательно хаживал к блаженному под видом беседы с ним. Увидев же в окно блаженную деву и омрачившись умом, несчастный пожелал беседовать с ней. И долгое время, около года, подстерегал ее, пока не нашел случая и не лишил ее блаженного пребывания в этом подлинно истинном раю. Ибо обольщенная уже змием, отворила она дверь келии и вышла, по обольщению лукавого змия утратив величие боголюбезного и чистого девства.

И как у прародителей, вкусивших плода, отверзлись очи и узнали они, что были наги; так и она, по совершении греха, ужаснулась умом, пришла в отчаяние, растерзала волосяной свой хитон, била себя по лицу и хотела задушить себя. Ибо с плачем говорила сама себе: „Умерла я теперь, погубила дни свои, погубила плод своего подвига и воздержания, погубила слезный труд, прогневала Бога; сама себя убила, преподобного дядю своего ввергла в самую горькую печаль и стала посмешищем диаволу. К чему же еще после этого жить мне несчастной? Увы, что я сделала? Увы, чему подверглась? Увы, откуда ниспала! Как омрачился ум мой? Как далась я в обман лукавому? Как пала, не понимаю; как поползнулась, не могу постигнуть; как осквернилась, не знаю. Какое облако покрыло у меня сердце, и не увидела я, что делаю? Где укрыться мне? Куда уйти? Где наставления преподобного дяди моего?.. Не смею более взирать на небо; потому что умерла я для Бога и для людей; не могу более обращать взоров на это окно. Ибо как я, грешница, заговорю опять с этим святым

мужем?.. Гораздо лучше мне уйти туда, где никто не знает меня, потому что нет уже мне надежды на спасение“.

Встав, немедленно ушла она в другой город и, переменив одежду свою, остановилась в гостинице. Когда же приключилось это с нею, преподобный в сонном видении видит великого, страшного видом и сильно шипящего змия, который, вышедши из места своего, дополз до его келии, и нашедши голубку, пожрал ее, и потом возвратился опять в место свое. Пробудившись же от сна, блаженный весьма опечалился и стал плакать, говоря: „Ужели сатана воздвигает гонение на Святую Церковь и многих отвратит от веры? Ужели в Церкви Божией произойдет раскол и ересь?“ И помолившись Богу, сказал: „Человеколюбивый Предведец, Ты один знаешь, что значит великое сие видение“. Через два же дня опять видит, что змий этот выходит из места своего, входит к нему в келию, кладет голову свою к ногам блаженного и расседается, и голубка та оказалась живою, не имеющею на себе скверны. И вдруг, пробудившись от сна, раз и два позвал он Марию, говоря: „Встань, что заленилась ныне уже два дня отверзать уста свои на славословие Богу?“ Поелику же не дала она ответа, и второй уже день не слыхал он, чтоб пела псалмы по обычаю, то понял тогда, что видение, которое было ему, касалось Марии, и, вздохнув, громко заплакал и сказал: „Увы! Злой волк похитил агницу мою, и чадо мое попалось в плен“. Возвысив же голос свой, сказал еще: „Спаситель мира, Христе, возврати агницу Твою Марию в ограду жизни, чтобы старость моя не сошла с печалию во ад. Не презри моления моего, Господи!“

Два дня, в которые было ему видение, означали два года, которые племянница его провела вне. И он ночь и день не переставал умолять о ней Бога. Через два года дошел до него слух, где она и как живет, и призвав одного знакомого, послал туда в точности осведомиться о ней, заметить место, и как проводит жизнь. Посланный пошел, узнал все в подробности, видел ее лично и, возвратившись, известил о сем блаженного, описав ему все, и место, и поведение. Блаженный, уверившись, что это точно она, велел принести себе воинскую одежду и привести коня. И отворив дверь келии, вышел, надев на себя воинскую одежду и на голову высокий клобук, закрывавший ему лицо, взял также с собою одну монету и, сев на коня, отправился в путь. Как подосланный высмотреть город или страну, чтоб утаиться от жителей, носит на себе одеяние живущих там, так и блаженный Аврамий путешествовал в чужом одеянии, чтоб преодолеть врага.

Итак, прибыв на место, входит в гостиницу, останавливается в ней и смотрит туда и сюда, чтобы увидеть Марию. Потом, когда прошло довольно времени, а он еще не видал ее, с улыбкой говорит содержателю гостиницы: „Слышал я, друг, что есть у тебя прекрасная девица; с удовольствием посмотрел бы на нее“. Содержатель, видя седину его и преклонные годы, осудил его; потом сказал в ответ: „Есть, и весьма красивая“. Мария же была необыкновенно прекрасна. Блаженный спросил его: „Как имя ей?“ Тот отвечал ему: „Мария“. Тогда со светлым лицом говорит ему: „Позови ее, чтобы сегодня повеселиться мне с нею, потому что по слухам весьма полюбил я ее“. Позванная Мария пришла к нему, и как скоро Аврамий увидел ее в этом наряде и в образе блудницы, едва все тело его и весь состав его не обратились в слезы; но любомудрием и воздержанием скрепил он себя в сердце своем, как в недоступной твердыне, чтобы Мария не догадалась и не убежала прочь.

Когда же сидели они и пили, блаженный начал разговаривать с нею, как человек пламенеющий к ней неугасимым огнем любви.

Так мужественно подвизался сей блаженный против диавола и, взяв пленницу, возвратил ее в брачный Христов чертог!

Когда же блаженный разговаривал с нею, она, встав и обняв, целовала выю его; лобзая же его, обоняла от кожи его ангельское житие его и тотчас вспомнила о своем подвижничестве и, вздохнув, сказала: „Горе мне одной!“ Содержатель гостиницы с удивлением сказал ей: „Два года живешь уже здесь, госпожа Мария, и никогда не слыхал я твоего вздоха или

подобного слова. Что же теперь с тобой сделалось?“ Она отвечала: „О, если бы умереть мне за три года! Тогда была бы я блаженна“. И тотчас блаженный, чтоб не подать о себе подозрения, строго говорит ей: „При мне теперь стала вспоминать грехи свои!“ И, вынув тотчас монету, отдает ее содержателю гостиницы и говорит ему: „Изготовь нам прекрасный ужин; мы повеселимся сегодня с этою девицей, потому что издалека шел я для нее“».

Вот мудрость в подлинном смысле по Богу! Вот духовное разумение! Какая хитрая уловка против диавола! Кто в продолжение пятидесятилетнего подвига не вкушал хлеба, тот ест мясо, чтобы спасти душу, уловленную диаволом!

Когда насладились они ужином, девица сказала: «Встанем, господин, и пойдем спать». Он отвечал: «Пойдем». И вошли они в опочивальню. Блаженный видит высоко постланное ложе и с готовностью входит и садится на нем.

Не знаю, как проименовать тебя, совершенный Христов человек! В пятидесятилетнее время своего подвижничества спав на одной рогоже, с какою готовностью воссел ты на постелю! Все это сделал ты во славу Христову: пошел один, ел мясо, пил вино, остановился в гостинице, чтоб спасти погибшую душу. А мы, малодушные, приходим в неблаговременную разборчивость, когда нужно только сказать ближнему полезное слово.

Итак, сидел он на ложе. Мария же говорит ему: «Дай, господин, сниму с тебя обувь». Но блаженный сказал ей: «Запри дверь и тогда приходи и возьми это». Она усиливалась сперва разуть его, а он не дозволял сего. Тогда заперла она дверь и пришла к нему, и говорит ей блаженный: «Подойди ко мне ближе, госпожа моя Мария». И когда подошла она ближе, Аврамий удержал ее, чтоб не могла убежать от него; снял клобук с головы своей и, заливаясь слезами, стал говорить ей: «Не узнаешь ли меня, чадо мое Мария? Не я ли отец твой, Аврамий? Не я ли воспитал тебя? Что с тобой сделалось, чадо мое? Где ангельский образ, какой имела ты на себе, чадо мое? Где слезы? Где бдение, соединенное с болезнованием души? Как с высоты небесной ниспала ты в бездну погибели! Для чего оставила и ввела меня в нестерпимую печаль?» Она же, приведенная в ужас, оцепенела, не могла поднять вверх лица своего и, изумленная, подобно камню, оставалась в руках его, преодолеваемая стыдом и страхом. А блаженный со слезами продолжал говорить ей: «Не отвечаешь ты мне, чадо мое Мария? Не для тебя ли с болезнию пришел я сюда?! На мне грех твой, чадо. Я буду отвечать за тебя Богу в день судный. Я принесу покаяние за этот грех твой». Так до полночи умолял и уговаривал ее. Она же, осмелившись несколько, проговорила ему так: «От стыда не могу обратить к тебе лица своего. Как призову пречистое имя Христа моего? Осквернена я нечистотою тинною». Блаженный говорит ей: «На мне грех твой, чадо мое; у меня с рук потребует Бог за этот грех твой; выслушай только меня, пойдем, воротимся в место свое. Умоляю тебя, чадо: помилуй старость мою, сжалься над сединами моими. Прошу тебя, чадо мое возлюбленное: встань, следуй за мною». И она сказала ему: «Если примет Бог покаяние мое, то иду; но к тебе припадаю и твое преподобие умоляю, твои святые следы лобызаю, потому что так умилосердился ты надо мною и пришел сюда извлечь меня из сети диавольской». И положив голову свою у ног его, проплакала она всю ночь, говоря: «Чем воздам тебе, государь, за все это?» Когда же настало утро, говорит ей блаженный: «Встань, чадо мое, уйдем отсюда». Она сказала ему в ответ: «У меня есть здесь немного золота и платья; что прикажешь об этом?» Блаженный говорит: «Оставь это здесь, ибо все это – часть лукавого». И, встав, немедленно вышли. Ее посадил он на коня, а сам, радуясь, шел впереди ее. И как пастух, когда отыщет погибшую овцу, берет ее на плечи свои, так и блаженный шел с радостным сердцем. И когда пришли на место, ее затворил во внутренней келии, а сам пребывал во внешней. Она же во вретище, со смирением и многими слезами, во бдении и воздержании, неуклонно и усердно достигла цели покаяния, небоязненно припадая к Богу и моля Его.

Такова любовь святых. Такова их забота о ближних, об их спасении и нравственном преуспеянии. О если бы мы хоть немного умели и хотели подражать им! Жизнь была бы

бесконечно счастливее, если бы мы помнили заповедь Спасителя, данную на прощальной Тайной Вечери: *любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 34–35).

Замкнутый эгоизм с его пренебрежением к ближним тем именно и опасен, что он является главным препятствием для исполнения этой основной заповеди Господа Иисуса Христа.

Дело в том, что в природе каждого человека, созданного по образу и по подобию Божию, вместе с другими богоподобными качествами заложено и зерно естественной любви. Но в первоначальном, неразвившемся виде зародыш этот представляет лишь неопределенную бессознательную потребность любить и за пределы этой потребности не выходит. Развивается этот зародыш только тогда, когда принимает конкретную форму, иными словами, когда эта потребность любви находит для себя живой объект, то есть когда человек, движимый этой потребностью, применяется своим чувством к другому человеку, сначала, конечно, к более близкому – матери, отцу и т. д. Мало-помалу в этот круг, очерченный любовью, начинают входить и другие лица, более далекие. Число любимых постепенно растет, и одновременно растет и врожденное зернышко любви, превращаясь наконец в великую всеобъемлющую любовь.

Если вместе с тем эта любовь не остается только неопределенным, недеятельным чувством, но человек проявляет ее активно в добрых делах по отношению к ближним, в заботах о них, во внимании к ним, то она становится интенсивнее, горячее, прочнее.

Таков закон сердца, закон развития любви.

Если же человек живет жизнью узкого себялюбца, не хочет и не считает нужным ни к кому применить естественное чувство любви и развивать его практически делами добра и милосердия, то этот Божественный дар любви, данный человеку, неизбежно атрофируется, исчезает. Маленький зародыш требует ухода, внимания, без этого он увядает, сохнет, и человека постепенно охватывает мрачная духовная слепота – слепота любви, когда он уже совсем перестает замечать и понимать своих ближних.

Глава 8, ст. 27-38

С терпением и великою любовью продолжая дело воспитания Своих учеников, Господь начинает понемногу раскрывать пред ними истинные понятия о Самом Себе, о цели Своей миссии и о способах ее осуществления. Наступало время, когда ученикам надо и можно было доверить эту тайну, и прежде всего открыть точно и определенно, Кто был их Учитель. Подобно большинству своих соотечественников, они представляли грядущего Мессию в образе славного царя-завоевателя, который восстановит земное царство Израиля и, может быть, покорит ему весь мир. Это льстило их национальному самолюбию, и, не высказывая прямо, но веря в сердце своем, что в лице любимого Учителя они нашли обетованного Мессию, ученики с тайной радостью и гордостью готовились разделить Его мирскую славу. Этот предрассудок надо было искоренить во что бы то ни стало; иначе им предстояло тяжелое разочарование в несбывшихся иллюзиях, что неизбежно поколебало бы и разрушило их веру в Господа. Надлежало показать им подлинный лик Искупителя-Мессии – в Его смирении, позоре, унижении, чтобы, во-первых, предохранить их от этих горьких разочарований, во-вторых, показать, в чем состоит истинное величие, мощь и нравственная красота Царства Божия и как все это далеко от их понимания, и, в-третьих, выяснить, что требуется от них самих как от последователей Мессии и продолжателей Его дела.

С осторожностью приступает Господь к этой задаче. Предрассудок был упорен, и с ним предстояла настойчивая и длительная борьба. *За кого почитают Меня люди?* – спрашивает

Он. *За Иоанна Крестителя,* – отвечают ученики, – *другие же – за Илию; а иные – за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня?*

И в первый раз высказывая вслух затаенную мысль всего маленького кружка ближайших апостолов, отвечает Петр за всех: *Ты Христос.*

Слово произнесено. Господь этого не отвергает, но запрещает говорить об этом, чтобы не будить ложных надежд в народной толпе, и, пользуясь удобным случаем, начинает разъяснять ученикам, какова должна быть земная судьба Мессии – Христа. Какие речи!

Как это мало похоже на затаенную надежду учеников, которую они лелеяли в глубине сердца! Страдания, позор, смерть! Кто бы мог это подумать! Мессия – не царь победоносный и торжествующий, а отвергнутый, непризнанный страдалец, осужденный на казнь! Но зачем это надо? И разве не во власти Мессии изменить эту печальную судьбу? Ведь всемогущество Его безгранично! Почему же не избрать Ему светлый путь триумфатора? Почему не воспользоваться Своей силою, чтобы избежать страданий и горя?

Горячий, увлекающийся апостол Петр не выдерживает. Он отзывает Господа в сторону и начинает Ему прекословить: *будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!* (Мф. 16, 22). Не раз уже Господь искушался подобным образом. В самом начале Своего служения, еще тогда, когда Он постился среди молчаливых гор Галилейской пустыни, сатана также искушал Его, стараясь отвлечь Его от крестного пути страданий и скорби и предлагая для осуществления Его миссии другие способы, более удобные и приятные, не требующие жертвенного подвига. Мы знаем уже, что Господь отверг коварные предложения соблазнителя. И вот теперь из уст собственного любимого ученика Он слышит тот же давно знакомый, искушающий голос и хотя идущие от простодушного, любящего сердца, но такие же коварные по смыслу речи, рассчитанные на человеческую слабость. Неудивительно, что резок ответ Спасителя.

Отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое (ст. 33).

Это значит: «Твои слова – бесовское внушение! Ты предлагаешь избежать страданий и смерти, потому что этого страшится человеческая слабость! Ты думаешь только о теле и его земном благополучии и потому ты жалеешь Меня! Но ты не думаешь о том, что Мое дело – Божие дело, и если к этой цели ведет путь страданий и креста, то его надо взять, ибо дело Божие выше всего остального, и, творя волю Божию, направляющую человека к своим целям, надо забыть о себе, ибо думать при этом о своих удобствах преступно!»

Резкий тон ответа, быть может, говорит о том, как часто и как глубоко волновало это искушение Господа и какое напряжение духовных сил требовалось от Него, чтобы противостать этому тонкому и опасному соблазну.

И, подозвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвертись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? (Ст. 34–37).

Господь пришел на землю не для того, чтобы наслаждаться удобствами и радостью земной жизни, но для того, чтобы спасти человека. Средство для этого было только одно: стать искупительной жертвой за грех человека, пострадать и умереть. Надлежало, чтобы *Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды* и ранами Его исцелились (1 Пет. 2, 24). Такова была воля Бога Отца, *Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас* (Рим. 8, 32). Не Сам, как человек, измыслил и избрал наш Спаситель этот путь, но он дан был Ему волею Отца. Поэтому Господь и говорит, что *Сыну Человеческому много должно пострадать* (ст. 31). Так решено в Высшем Совете,

и от Сына Человеческого зависит не личный выбор пути, но лишь добровольное подчинение предвечному решению Бога.

И Он взял на Себя этот крест добровольного подчинения.

Я сошел с небес не для того, – говорит Он, – *чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца* (Ин. 6, 38).

К этому же Он призывает теперь Своих последователей – добровольно, отказавшись от своих личных желаний, взять тот крест, который возложен на каждого из нас Богом, и идти тем же скорбным путем терпения и самопожертвования, которым шел Он, наш Спаситель.

В этом добровольном подчинении лежит и залог нашего спасения, ибо тот, кто, отрекшись от себя, всецело отдается руководству Господа Иисуса Христа и Его Евангелия, тот наверное не заблудится в лабиринте жизни и благополучно достигнет цветущих берегов вечных обителей; тот же, кто жалеет себя, пытается сберечь себя и найти путь своими силами, тот неизбежно искалечит свою душу или погубит ее совершенно. Самолюбие и личный выбор непременно увлекут человека на путь мирских радостей. В этом-то и кроется громадная опасность, ибо никакие выгоды мирской жизни не вознаградят за гибель души.

Жизнь с ее зыбкой почвой, с постоянной опасностью нравственных провалов, с ее соблазнами и пороками, затягивающими в свою глубь, как трясина, напоминает болото.

Вот вы подошли к этому болоту, которое преграждает вам путь. Так или иначе вы должны через него перейти. Но как? Миновать, обойти кругом невозможно. Оно тянется во все стороны, насколько хватает глаз. Надо идти прямо. Тропинок не видно: кочки, камыши, ярко-зеленый мох, местами поблескивает вода, предостерегая от опасности. Направление вам неизвестно. Известно лишь, что на каждом шагу может грозить гибель: легко или увязнуть в грязи, или сорваться в чарусу, манящую своим бархатным покровом свежей нежной зелени, но откуда нет выхода. Стоит лишь попасть туда – и болото вас засосет, затянет в свою коварную, холодную бездну.

Такова жизнь.

Люди неосторожные или легкомысленные, составляющие громадное большинство, идут этим болотом, не думая много: с кочки на кочку, там где посуше, поудобнее и где, кажется, пролегает дорога, и не рассуждают, куда приведет она… Обыкновенно приходят к трясине, из которой нет выхода…

Люди увлекающиеся, с неутолимой жаждой наслаждений, бегут за блуждающими болотными огнями, которые точно дразнят их, танцуя в воздухе и улетая все дальше, дальше, будто сверкающие мотыльки, заманивая несчастных безумцев в глубь болота, и исчезают вдруг в тот самый момент, когда жадно протянутая рука уже готова схватить обманчивый призрак. Такова страстная погоня за земным счастьем, за радостями и удовольствиями жизни…

Третьи пытаются найти настоящий путь собственными силами. Самоуверенно, самонадеянно вступают они в болото. «О, мы завоюем жизнь, – говорят они, своими руками построим мы свое счастье! Сами найдем или проложим дорогу к яркому, прекрасному будущему! Нам не нужно проводников, и мы не нуждаемся в указке! Человек – кузнец своего счастья: для этого у него есть гордый и пытливый ум!» И отважно шагают они по болоту, зовя за собой других и делая вид, будто они знают дорогу к твердым, спокойным берегам. Эти самонадеянные люди со своим упрямым самомнением обыкновенно кончают тем, что вместе со стадом своих последователей забираются в самую невылазную пучину, где и находят свою гибель.

Но в жизни никто своих дорог не знает и никто не может сказать, что день грядущий ему готовит… Поэтому благоразумный человек неизбежно будет искать руководства. Самое простое, самое естественное и самое разумное рассуждение может быть здесь только одно:

болото мне незнакомо. Я не знаю дороги… Идти надо, но идти наудачу – это верная гибель. Во что бы то ни стало мне надо найти того, кто знает путь. Иначе я погиб…

Таково рассуждение всякого разумного человека в жизни. Боясь безнадежно запутаться в лабиринте сплетающихся и разбегающихся жизненных тропинок, теряющихся в таинственном тумане будущего, он всегда чувствует нужду в опытном руководстве, и где он может найти более верное, более надежное и благостное руководство, как не у Господа, Который все знает, пред Которым все явно и открыто? Однажды Фома спросил Господа: *Господи!., как можем знать путь? Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня* (Ин. 14, 5–6).

Иначе и быть не может. Слабый, ограниченный, с умом, отуманенным страстями, человек никогда сам не найдет настоящего пути жизни.

Ему остается одно: взять крест свой и покорно следовать за Господом. Иначе опасность заблудиться в жизни и духовно погибнуть для него неизбежна.

Правда, и та дорога, которой Господь ведет человека через болото жизни, тяжела и кажется порой опасной. Трясина часто глубока, встречаются провалы; кажется иногда: вот-вот погрязнешь в болоте, и холодная бездна поглотит тебя и сомкнётся над твоей головой. Но и в эти минуты не выпускайте руки Господней, ведущей и поддерживающей вас, и Он снова выведет вас на ровное, сухое место. Как бы то ни было, это единственная возможность пройти благополучно трясину жизни, ибо только Он знает путь. *Я есмь путь... никто не приходит к Отцу, как только через Меня.* Другого пути нет.

Как бы ни были тяжелы испытания, встречающие нас на этом пути, мы можем быть вполне уверены, что Господь не даст нам искушений, которые были бы выше наших сил, но вместе с испытаниями пошлет и утешение, чтобы нас ободрить, укрепить и дать нам силу перенести тяжести жизненного пути.

Но для этого надо вполне отдаться Богу, подчиниться Его руководству и отказаться от своей воли. Испытания бывают всегда серьезнее и тяжелее, когда необходимо сломить наше упрямство и подавить наше своеволие, восстающее и ропщущее против того креста, который Господь возложил на наши плечи. Если же Господь встречает полную покорность со стороны человека и если все испытания последний принимает с чувством искренней благодарности, твердо веруя, что все это посылается для его пользы, тогда искушения смягчаются, и Господь ведет человека такой нежной, любящей, благостной рукой, что тяжесть креста почти незаметна: до такой степени точно соразмеряется трудность подвига, данного человеку, с его силами, и так незаметно, с мудрой постепенностью увеличивается эта трудность по мере развития духовных сил человека.

Можно сказать, что крест каждого человека сделан точно по его мерке и что только наша нетерпеливость, непокорность и страстность делают его тяжелым.

Как бы то ни было, в каком бы положении ни находился человек и какие бы испытания ему ни пришлось перенести, можно с уверенностью сказать, что все они безусловно нужны человеку для его духовного совершенствования и что Господь посылает ему всегда самое лучшее, самое полезное, что только необходимо ему, применительно к условиям его внутреннего развития и духовного роста. Не бывает бесполезных, бесцельных, лишних страданий, ибо не жестокость, но любовь определяет наказания, посылаемые Господом человеку. *Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает.* Наказывает же *для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его* (Евр. 12, 6, 10). Поэтому *если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить?* (Евр. 12, 9).

Кто добровольно берет на себя иго Христово, тот скоро познает, как благо это иго, и почувствует, как легко Его бремя (Мф. 11, 30).

Даже соблазны иногда необходимы бывают человеку и посылаются с воспитательными целями. «Ибо часто сие бывает, говорит святой Ефрем Сирин, – чтобы ты не превозносился, но был смиренномудр. Посмотри на сего столпа апостолов, как ему, к его пользе, дан был пакостник плоти, ангел сатанин, да пакости ему деет (2 Кор. 12, 7). Для чего же? Да не превозносится. Если такому мужу дан был этот урок, чтобы не превозносился, то кольми паче нам немощным и мнящим „себе быти что" (Гал. 6, 3), нужно терпеть мучение (тиранию греха), чтобы не превозноситься.

Также, если постигла тебя какая скорбь или теснота, не проси, чтобы непременно тебе избавиться от них, потому что и сие нередко бывает полезно. И еще: если просишь о получении чего-либо, не проси, чтобы непременно получить это. Ибо, сказываю, что ты, как человек, часто почитаешь для себя полезным, то нередко для тебя бывает бесполезно. Но если оставишь волю свою и решишься ходить по воле Божией, то будешь безопасен. Многие, достигнув вожделеваемого ими, впоследствии приходили в раскаяние, а нередко впадали и в великие беды. Послушай, что говорит Апостол: *не вемы якоже подобает молитися* (Рим. 8, 26). Итак, что полезно и назидательно для каждого из нас, знает Сам Бог; потому и предоставь это Ему. Говорю же сие не с тем, чтобы воспрепятствовать тебе обращаться с прошениями своими к Богу; напротив того, умоляю тебя просить Его о всем, и великом и малом. И вот что говорю тебе: когда молишься и открываешь пред Ним, что у тебя на сердце, говори Ему так: обаче Твоя воля, а не моя (Лк. 22, 42). *Открый ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит* (Пс. 36, 5). Посему, если просишь чего у Бога, твердо стой в своем прошении (со всем усердием и неотступно молись), но, открывая пред Ним нужды свои, говори: ежели есть, Владыко, воля Твоя, чтобы состоялось сие, то соверши и сделай успешным; а ежели нет на сие воли Твоей, не попусти совершиться сему, Боже мой! Подкрепи только и сохрани душу мою, да буду в состоянии перенести сие».

Христианин может вполне и безусловно довериться Богу, ибо Бог есть высшая любовь и высшая благость.

Но, к сожалению, мы часто бываем подозрительны и недоверчивы, и мысль, что Господь «вся поспешествует нам во благое», часто ускользает от нас: мы или забываем об этом и не чувствуем совсем руководства Божия в своей жизни, или же вмешательство Промысла в наши планы кажется нам недоброжелательным, и мы пытаемся ускользнуть, уклониться от него и осуществить свою волю, предполагая, что мы лучше знаем свою пользу. Уже в первом искушении прародителей диавол сумел в их глазах набросить эту тень несправедливых подозрений на волю Творца. Заповедь, запрещавшая вкушать от плодов древа познания добра и зла, была дана человеку для его пользы. Лукавый соблазнитель объяснил ее завистью. *Знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло* (Быт. 3, 5). И воображая, что искуситель открыл перед ними настоящий путь счастья, закрытый завистливым недоброжелательством Промысла, первые люди взбунтовали против воли Божией, стесняющей их личные самолюбивые желания. Какой печальный результат имело это предпочтение воле Божией своей воли, подстрекаемой диаволом, мы знаем и испытываем на себе всю свою жизнь и тем не менее часто забываем этот страшный урок. Обыкновенно h теперь мы считаем свое понимание жизни и своих интересов правильным и безошибочным и не хотим смириться *под крепкую руку Божию* (1 Пет. 5, 6). Всему виною наша гордость и наше самомнение.

Но желания, управляемые самомнением и самолюбием, всегда бывают неразумны и часто гибельны.

Когда-то давно, рассказывает христианское предание, в пустынях Востока жил праведный старец подвижник по имени Даниил. Его посещали иногда обитатели ближней деревни, приносившие ему пищу, и из них он особенно любил одного, каменосечца Евлогия. Это был человек очень добрый, необыкновенно трудолюбивый, искренно и глубоко верующий.

Целыми днями работал он в поте лица в каменоломнях, откалывая и обделывая громадные камни, и всегда был весел, спокоен и радостно настроен. Никто не слыхал от него ни жалоб, ни упреков. Возвращаясь домой, он непременно приглашал к обеду бедных соседей или встречавшихся нищих, и дом его всегда был полон убогими и калеками. Почти весь свой скудный заработок он делил между нуждающимися, оставляя себе лишь немного на пропитание. Евлогия все знали и все любили.

«Вот человек, – думал иногда старец Даниил, слушая рассказы о нем, – который так много делает добра, несмотря на свои скудные средства! Сколько добра он сделал бы, скольких осчастливил бы, если б был богат!»

И он молился Богу, чтобы Господь послал Евлогию богатство.

Однажды после молитвы в сонном видении явился ему Господь. «Молитва твоя будет исполнена, – сказал Он, – если ты поручишься за душу этого человека, что, сделавшись богатым, он не погибнет, не развратится и не забудет Бога».

Даниил поручился. Ему казалось невозможным, чтобы богатство испортило добродетельную жизнь каменосечца и поколебало христианскую настроенность его души.

Когда на другой день после этого Евлогий отправился на работу, с ним случилось необыкновенное происшествие.

Едва ударил он киркой по скале, намереваясь отколоть большой кусок камня, как почувствовал по звуку удара, что скала внутри пуста. Он ударил другой, третий раз и пробил небольшое отверстие.

Он заглянул в него и остолбенел от удивления.

В скале была большая выбоина, и вся она наполнена была золотом!..

Пробить среди камней широкую дыру и достать золото было делом нескольких минут.

Тяжело нагруженный вернулся Евлогий домой и заперся в своей комнате. Первый раз за много лет он не пригласил никого к обеду. Он не хотел, чтобы разнеслась весть о его драгоценной находке.

Евлогий разбогател. Он перестал ходить на работу: ему не было нужды трудиться более, чтобы зарабатывать скудные гроши на пропитание.

Жизнь в деревне скоро показалась ему скучной и неинтересной. Его богатство было здесь почти бесполезно. Он переехал в Византию, в столицу.

Для испорченного человечества богатство имеет всегда магическую притягательную силу. Кто богат, у того всегда будет много друзей. В блестящей, шумной столице у Евлогия также скоро оказалось много друзей. Они помогли ему купить роскошный дом, ввели в высшее византийское общество, представили к царскому двору, и скоро Евлогий стал видным вельможей, с головой окунувшись в ту пустую, праздную жизнь, которой жила высшая богатая аристократия Византии, жизнь показного блеска и тщеславия.

О благотворительности не было больше и речи. Деньги текли рекой на пустые прихоти, а нищие и нуждающиеся бедняки напрасно старались найти доступ к новому вельможе, чтобы просить о помощи. Многочисленные слуги в нарядных костюмах, расшитых золотом, гнали их палками от ворот пышного мраморного дворца.

С ужасом и грустью узнал старец Даниил о перемене, которая произошла с Евлогием. Слишком поздно понял он, как неразумна была его молитва и насколько лучше и полезнее была для несчастного каменолома та бедная трудовая жизнь, которую предназначил ему Бог в Своей благости и премудрости. Кроме того, он чувствовал со страхом, что великий грех лежит на его совести и тяжелое наказание ему угрожает: ведь он поручился за эту душу и отвечал за нее перед Богом.

Эта ответственность казалась ему теперь ужасной. Он не мог более оставаться спокойным в своей келье. С тяжелым чувством покинул он пустыню и побрел в Византию в смутной надежде, что, может быть, ему еще удастся как-нибудь образумить и спасти Евлогия.

Но говорить с Евлогием ему не удалось. Нарядные, надменные слуги не допустили бедного пустынника даже во двор. Несколько дней продежурил у ворот дома старец, голодный, усталый, снедаемый сердечной тоской, и лишь однажды видел бывшего каменосечца, когда тот, завитой и надушенный, в пышных придворных одеждах, садился в паланкин, который несли на своих плечах восемь сильных негров-рабов. Даниил бросился к нему. Высокий широкоплечий арап грубо оттолкнул его. Пустынник громко назвал вельможу по имени, протягивая к нему дрожащие старческие руки. Евлогий окинул его скучающим, равнодушным взором и, не останавливаясь, проследовал мимо. Не узнал он старца, или не хотел узнать, или, быть может, не слыхал его умоляющих воплей – трудно было решить, но Даниил чувствовал, что из этой развращающей и увлекающей жизни вырвать Евлогия ему не удастся и что гибель его неизбежна.

С разбитым сердцем вернулся он в пустыню и в безысходной тоске, обливаясь слезами, распростерся в молитве пред Господом, прося простить его тяжелый грех и снова вернуть Евлогия к бедной, трудовой жизни.

И Господь в милости Своей внял его покаянным слезам и простил грех его, грех самомнения, ибо вообразил он, что лучше Бога знает, как полезнее устроить судьбу ближнего, и тем едва не погубил его.

Молитва старца снова была услышана.

Бывший каменолом в своей надменности зазнавшегося выскочки наделал много неловкостей при дворе, поссорился с несколькими приближенными царя и навлек на себя царскую опалу. Все имение его было конфисковано в казну, и сам он был выслан из столицы. Друзья едва спасли его от тюрьмы. Эта катастрофа подействовала на него благодетельно. Потеряв все, он опомнился, понял, что наказан Богом за гордость и бессердечие, покорно подчинился своей судьбе, вернулся в деревню и снова взялся за свое ремесло. Снова стал он другом нищих и обездоленных и снова стал делить с нуждающимися свой скудный заработок, добытый тяжелым трудом.

Так грубо обманывается человек, когда он сам, рассчитывая на проницательность своего рассудка, пытается определить пользу окружающих его жизненных условий. Смысл и причины совершающихся событий обыкновенно скрыты от наших глаз, и потому наши суждения так близоруки и ошибочны. Только впоследствии, когда эти события уже отойдут в область прошлого, взглянув назад, мы начинаем понимать их целесообразность, разумность и пользу. Если эти события для нас болезненны и приносят с собой ряд страданий и огорчений, наше страдающее «я» возмущается против них и находит их ненужными и излишне жестокими. Но подождите, потерпите, и, когда они пройдут, вы почти всегда найдете для них оправдание. Часто они оказываются только горьким лекарством, необходимым для нашего духовного здоровья. Хинин – горькая, невкусная вещь, но незаменимое средство против лихорадки. Так и страдания в руках Божиих являются средством врачевания наших страстей и пороков, чаще всего – нашей гордости, которую необходимо смирить. В общем, они всегда ведут к лучшему. Чтобы железо стало мягким и ковким, его надо раскалить в огне кузнечного горна. Так и человека необходимо провести через горнило страданий, чтобы душа его стала мягче и восприимчивее к молоту событий, которым обрабатывается она для вечной жизни. К сожалению, эту истину мы понимаем всегда поздно. Отсюда наше недовольство, наше малодушие, наш ропот.

Что Я делаю, – сказал Господь апостолу Петру, – *теперь ты не знаешь, а уразумеешь после* (Ин. 13, 7). Это в полной мере относится и к нам. Мы обыкновенно не понимаем того, что делает с нами Господь, и узнаем это лишь впоследствии.

Когда человек пытается жить по своей воле, это приносит ему множество огорчений, разочарований и беспокойства.

Посмотрите, сколько волнений переживает молодой человек, когда ему предстоит выбрать карьеру или определить свой путь жизни. Если при этом выборе критерием для него является вопрос о личных удобствах и о выгоде, то душевные мучения, вызванные нерешительностью или неосведомленностью, бесконечны. На чем бы ни остановилось его внимание, он везде боится проиграть. Там ему кажется мало содержание, тут он будет не на виду и ему придется долго ожидать повышений, в другом месте угрожает скучная жизнь в провинциальном захолустье и так далее до бесконечности. Человек мечется и бросается во все стороны, хватается за все и нигде не находит душевного покоя. Ему все кажется, что он выбрал самое неудачное место или занятие, и завистливым оком оценивает он выгоды положения своих сверстников или своих конкурентов. «Хорошо там, где нас нет» – эта поговорка создана именно для таких беспокойных завистников. Нечего и говорить, что разочарований при этом из-за ошибочных расчетов чрезвычайно много, и они вызывают всегда мучительное сожаление и досаду на самого себя за свои промахи.

Но положитесь во всем на волю Божию, откажитесь от своекорыстных расчетов, и на душе станет спокойно и ясно. Вы поверите, что то место и занятие, которое выпало на вашу долю, – самое лучшее для вас, ибо дано Богом, Который лучше вас знает, к чему вы способны. Вы поймете и убедитесь, что ничего другого искать вам не надо и что вам остается лишь спокойно заниматься своим делом, стараясь исполнить его как можно добросовестнее. Вы поверите, что в постройке Царства Божия нет низких положений и невыгодного дела и что все занятия одинаково важны и нужны, если они делаются с одним устремлением исполнить волю Божию. Вы оцените то драгоценное правило, которое дает апостол Павел в Послании к Римлянам: *как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены. И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, – в учении; увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием. Любовь да будет непритворна* (Рим. 12, 4–9). И это сознание, что все занятия и положения одинаково ценны в экономии Царства Божия и что все работники на Божией ниве одинаково дороги в очах Божиих, – это сознание примирит вас с вашим делом, как бы низко или невыгодно ни казалось оно с мирской точки зрения, и радостен и разумен станет для вас путь вашей жизни.

Итак, не мечитесь, не бросайтесь по сторонам, не ищите того, что, по вашему мнению, более выгодно, но доверясь Богу, *работайте* Ему *со страхом и радуйтеся Ему с трепетом.* Вы почувствуете, что в жизни у вас есть несокрушимая опора, на которую радостно и спокойно можно положиться.

Более того: вы скоро почувствуете, что этот путь полного и беспрекословного подчинения Богу есть для души единственно правильный и естественный путь, вполне соответствующий ее природе. Только на этом пути все силы и способности души получают полное раскрытие и естественное развитие. Там, где человек пытается сам управлять своею судьбою, он непременно в слепоте своей повредит себе и искалечит душу свою. Так неразумное, упрямое дитя, предоставленное себе, непременно попадет в беду и изувечит или убьет себя по неразумию своему.

Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее (Мк. 8, 35).

Глава 9

Глава 9, ст. 1-13

Почему Господь нашел нужным преобразиться перед Своими учениками и явиться им в этом блистании лучезарного света, осиявшего Его как отражение небесной славы? Какая цель преображения?

Кондак праздника, поемый Православною Церковью, отвечает на этот вопрос.

«На горе преобразился еси, и якоже вмещаху ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже, видеша; да егда Тя узрят распинаема страдание убо уразумеют вольное, мирови же проповедят, яко Ты еси воистинну Отчее сияние».

Наступали тяжелые дни, полные горя и муки неизъяснимой, – дни крестных страданий и смерти Господа. Слабая вера Его учеников должна была пережить страшное потрясение: им предстояло увидеть любимого Учителя, их гордость и надежду, их Великого Пророка, которого они искренно признавали могущественным Мессией, на Кресте, окровавленного, израненного, распятого как злодея, окруженного позором и насмешками. Устоит ли их вера? Сумеют ли они сохранить преданность своему Равви? По-прежнему ли будут они признавать в этом опозоренном человеке, доведенном до последней степени страдания и тоски, того Мессию, которого они ожидали видеть в ореоле славы и земного блеска? Не отвернутся ли они от Него с грустью и болью за то, что Он обманул их надежды и мечты?

Это было возможно.

И вот для того, чтобы укрепить их веру в Мессию-победителя, чтобы поддержать их в минуты надвигающихся испытаний, надо было показать им хотя бы слабый отблеск будущей славы, ожидающей их Учителя, не той славы, которая составляет украшение земных царствований, славы позолоченных регалий и мишурного великолепия, но нетленной славы Царства Божия с его немеркнущей, вечной красотой святости и духовного величия. Пережив незабываемые минуты Преображения, они увереннее могли смотреть на ужас и позор распятия и, чувствуя в душе копошащиеся лукавые сомнения, легко могли подавить их воспоминанием о лучезарном Фаворском свете. Неизбежно должна была явиться укрепляющая мысль: «Да, Равви умирает в позоре и бесчестии… Да, Он пригвожден ко Кресту, но *мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца* (Ин. 1, 14), видели Его власть и могущество, слышали Небесный голос, свидетельствовавший о Нем, и несомненно знаем, что Он мог бы избежать этого позора и страданий, если б хотел, пользуясь Своим могуществом и любовью, так очевидно явленного Ему Отцом Небесным, но… Он страдает. Ясно, что Он Сам так хочет. Ясно, что Его страдания добровольные».

Вера в Учителя, в Его силу и в Его грядущую победу должна была остаться непоколебимой, несмотря на распятие и крестную смерть.

Кроме того, после Преображения ученики могли со всею решительностью засвидетельствовать перед всем миром, что их Учитель есть «Сын Божий возлюбленный», «Свет от Света», *сияние славы и образ ипостаси Отца Небесного* (Евр. 1, 3), что Он есть воистину Отчее сияние в сумерках земной, омраченной грехом жизни, ибо они слышали об этом свидетельство Неба.

Наконец, Преображение открывало перед учениками уголок будущего Царства Божия, той славы и того блаженства, которое ожидает всех истинных последователей Господа. Если Он будет в славе, то и верные ученики Его будут также наслаждаться этой славой, ибо *где Я,* – обещал Он, – *там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почтит Отец Мой* (Ин.

12, 26). Смертному трудно представить и ощутить это блаженство, ибо *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9), но в момент Преображения, по крайней мере, три избранных ученика Спасителя несомненно почувствовали, хотя не в полной степени, блаженство будущей жизни, ощущение Небесного мира и веяние благодати Божией, наполнившие их сердца невыразимым счастьем и радостью. Недаром порывистый Петр, скорее всех отзывавшийся на впечатления, засвидетельствовал немедленно об этой радости: *Равви́! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии.*

Испытав хотя бы однажды это блаженство, ученики, конечно, никогда впоследствии не забывали, не могли забыть этих минут и в воспоминаниях о них и предвкушении счастья Небесной жизни находили, конечно, опору для убеждения в правильности избранного ими пути и могучее побуждение ревностно и неуклонно исполнять в жизни заветы Господа, оставаясь верными Его последователями, чтобы войти *в радость господина* своего (Мф. 25, 21).

Но такое же значение имеет Преображение Господне и в нашей жизни. Ученики Господа испытали непосредственно блаженство этого момента; мы, доверяя их свидетельству, убеждаемся в несомненной действительности того счастья, которое является следствием и наградой жизни во Христе. Преображение и для нас – залог и свидетельство будущего Небесного блаженства, его отблеск, сверкнувший, как зарница среди горя, уныния и тоски нашей жизни. Оно явило нам образ того, каким будет возрожденный, просветленный, облагодатствованный человек, когда он достигнет высоты совершенства и отразит в себе сияние славы Отчей. Без Фаворского откровения мы никогда не имели бы понятия о том просветленном состоянии праведников, которое может быть достигнуто и проявиться внешним образом до известной степени даже здесь на земле, но которое во всей полноте раскроется в будущем, когда *праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их.*

Этот образ будущего состояния и явил нам Господь на Фаворе, когда *просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет* (Мф. 17, 2).

Эта мысль о счастье как результате праведной жизни, приводящей к единению с Богом, должна быть особенно дорога и ценна для человека. Все люди без исключения стремятся к счастью, хотя различно его понимают, судорожно мечутся из стороны в сторону в тщетных поисках и в конце концов с отчаянием убеждаются в том, что они гоняются за призраками и все-таки не знают, где ключи их счастья.

Как древний витязь на распутье, человек всегда в недоумении стоит перед вечным вопросом: где дорога к счастью?

Преображение отвечает на этот вопрос.

Как бы ни спорили о возможности факта Преображения и о природе Фаворского света, несомненно одно: луч высшего счастья озарил в эту минуту сердца учеников Господа, и причина этого заключалась в созерцании Божественной славы.

Если одно созерцание этой славы наполнило учеников блаженством, то каково должно быть счастье человека, достигшего тесного и приискреннего единения с Богом в такой степени, что Господь обитает в нем, пронизывая все его существо лучами Своей немеркнущей славы, которая как бы струится из освященного и просветленного Его присутствием человека!

В этом и состоит высшее счастье: в единении с Богом, делающем человека причастником Божественной славы.

В этом же заключается и разрешение проблемы общего счастья. Ведь счастье чувствуется каждым человеком лично, в своем собственном сердце. Счастье всегда индивидуально. Общество не имеет какого-либо особого органа, какого-нибудь коллективного сердца, способного переживать какое-то особенное, специфически общественное состояние счастья. Поэтому проблема общественного счастья не может быть поставлена так, как ее часто оши-

бочно ставят: осчастливьте общество, и каждый член его будет счастлив. Опытов осуществления этой программы в такой постановке было много, и все они были неудачны. Здесь необходимо сделать совершенно обратную перестановку: если каждый в отдельности член общества счастлив, то и общественная жизнь счастлива. Общее счастье, как коралловый остров из полипов, вырастает из слагаемых индивидуального счастья. Счастливое общество есть сумма счастливых людей.

Но в чем состоит личное переживание счастья, мы уже знаем теперь из евангельской повести о Преображении. Через этот же этап проходит и дорога к общему счастью, ключ к которому все тот же: единение с Богом.

Вывод для нас драгоценный, особенно в настоящее безрадостное, темное время, когда, по-видимому, ни один луч счастья – ни личного, ни общественного – не блестит среди мрачных, сгустившихся туч ненависти и уныния.

Но для того, чтобы достигнуть блаженства единения с Богом, необходимо каждому из нас духовно переродиться, преобразиться, ибо *Бог свет есть, и тьмы в Нем несть ни единыя,* у света же не может быть общения со тьмой, и наша мрачная душа в ее настоящем виде Бога воспринять не может.

Для общего счастья, таким образом, необходимо личное возрождение, личное преображение. Чтобы изменить, улучшить жизнь, необходимо преобразиться нам самим.

На жизнь теперь жалуются очень часто и очень многие. Довольных почти нет. Но всегда в ответ на эти жалобы и вздохи просится невольный вопрос: «А что вы сделали, чтобы улучшить жизнь?» Уныние, жалобы и полная бездеятельность делу не помогут. Мы все ждем готового счастья: кто-то придет, кто-то все наладит, кто-то устроит нашу жизнь. Нам предстоит только принять эти заботы и наслаждаться создавшимся помимо нас благополучием. Надо понять, что такое отношение к жизни в корне ошибочно. Кто бы ни взялся за устройство нашей жизни и как бы талантливо он это ни делал, мы непременно испортим всякую жизнь, если не переменимся сами и не будем работать над своим духовным совершенствованием. Из плохого материала всегда получится плохая постройка. Поэтому на каждом из нас лежит обязанность развить и улучшить свою духовную природу, и этой работе над собой не могут помешать никакие внешние условия существования.

Духовное преображение необходимо для каждого из нас как обязательное условие личного и общественного счастья.

Что же для этого нужно?

Прежде всего необходимо отдаться Богу вполне. Это первый момент.

Необходимо найти в себе силу и желание прийти к Богу и сказать: «Господи! Вот я весь пред Тобою! Я хочу быть Твоим! Мои мысли, мои таланты, мои силы – все, все должно принадлежать только Тебе! Всего себя целиком, без остатка я отдаю и посвящаю Тебе на служение! Для себя я не оставляю ничего… Тебя любить, Тебе служить, Тобою, для Тебя и в Тебе жить – вот все, что мне надо и о чем я молю Тебя!»

Это не значит, конечно, что вы тотчас же сумеете осуществить в своей жизни этот святой порыв, эту мольбу: борьба предстоит длинная и упорная, но надо искренне принять это величайшее решение жизни и обречь себя бесповоротно на новую жизнь, жизнь послушания и служения Богу, как бы ни велики были предстоящие трудности.

Кажется, настоящее время особенно благоприятно для такого решения. Еще так недавно жизнь казалась привлекательной и неотразимо влекла к себе, переливаясь всеми цветами пусть обманчивых, но соблазнительных огней. Блеск внешней культуры, удобства и комфорт, причуды ослепляющей роскоши, опьяняющее веселье и остроумие, изящество самих форм, прикрывающих грех, увлекающие взлеты искусства, разнообразие и доступность умственных наслаждений, возбуждающая нарядность жизни – все это манило, опьяняло, очаровывало. В этом потоке пестрых впечатлений трудно было устоять.

Но теперь?.. Что теперь представляет собой жизнь с этой внешней стороны? Слава Богу, этого опьяняющего дурмана недавнего прошлого нет и следа. Скучно, серо, бесцветно. Ни блеска культуры, ни вдохновений искусства, ни глубины научной мысли! Сплошное серое убожество. Мирская жизнь теперь как старая вакханка с облезшими румянами на щеках. Еще недавно казалась она вызывающе-обольстительной, а теперь пред нами только отрепанная нищая в грязных лохмотьях. Чего же жалеть? Неужели трудно отказаться от этого угрожающего убожества?

Мы все ясно чувствуем, что в такой жизни нет ни света, ни радости. Отчего же не попытаться наполнить ее новым содержанием? Почему не дать ей новое направление и новый смысл? Почему не поискать новых, духовных радостей?..

Наша беда состоит в косности, в духовной неподвижности.

Мы слишком сроднились с известными условиями жизни. Образовались определенные привычки не только внешнего поведения, но и отношения к жизни, все мировоззрение, настроение, вкусы – все отлилось в определенные формы, приноровленные к существовавшей жизненной обстановке. Все было так прилажено, так ловко пригнано к окружающей среде, все было на своем месте и чувствовалось так уютно и спокойно! В душе не было сомнений, и по гладкой поверхности обывательской психологии не пробегало ни малейшей тревожной ряби беспокойства мысли. И вот все это надо изменить, и изменить коренным образом! Конечно, это трудно.

Чтобы разбить старые, укоренившиеся привычки, нужна решимость и духовная энергия. Но этого-то и не хватает. Правда, сдвиг, происшедший в последнее время во внешней обстановке жизни, настолько велик, перемены так радикальны, что прежнее мировоззрение чувствует себя крайне неловко и решительно не приспособлено к новым условиям. Волей-неволей, уступая необходимости, приходится делать изменения в зависимости от новых требований жизни. Но, к сожалению, в громадном большинстве случаев изменения эти идут в сторону наименьшего сопротивления, приспособляясь к пониженному нравственному уровню жизни. Общее миросозерцание опускается и пошлеет вместе с гнилостным процессом, охватившим жизнь. Вместо того, чтобы укрепить моральные устои, правила поведения и принципы жизни, существовавшие лишь в силу привычки, не опиравшиеся на сознательные убеждения и потому легко расшатанные мятежными вихрями последних событий, их просто выбрасывают за борт как ненужные обломки прошлого, и оттого безыдейное убожество жизни становится еще тягостнее, а развал ее еще неотвратимее и сильнее.

Чтобы остановить этот развал, необходимо внести в жизнь струю евангельского миропонимания и христианской морали. Только апостольский подвиг искренних христиан, составляющих *соль земли,* может остановить процесс гниения жизни.

Необходимо вспомнить ту удивительную, радостную и волнующую жизнь первых веков христианства, представлявшую непрерывный подвиг глубокой веры, бескорыстной любви и беззаветного служения людям, и на этих принципах далекого, но великого прошлого строить свою личную и общественную жизнь.

Два главных препятствия стоят, обыкновенно, на этом пути обновления жизни. Первое – наш эгоизм, который препятствует нам отдаться целиком Богу. Этим объясняется наша нерешительность и незаконченность добрых порывов. Мы часто готовы бываем отдать Богу многое, но всегда в душе остается заповедный уголок, где царит наше «я» и который мы бережем для себя. Расстаться с этим уголком, допустить в него кого-нибудь и отдать заветный ключ от него мы долго не решаемся, и в этом кроется большая опасность, ибо эгоизм, не сломанный совершенно и укрывшийся хотя бы в одном закоулке души, рано или поздно разрастается опять, как бурьян, и заглушает добрые всходы. *Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих.* Нельзя одновременно служить двум господам – себе и Богу, ибо в жизни человека может быть только один центр, и балансировать на скользком рубеже,

разделяющем эгоизм и самоотречение, самолюбие и служение Богу, в течение долгого времени совершенно невозможно. Если человек не сделает над собой усилия, чтобы окончательно и бесповоротно склониться на сторону добра и самоотречения, он рано или поздно обязательно свалится в бездну греха и служения своему эгоизму. Это мы уже знаем.

Другое препятствие на пути возрождения ставят наши косность и лень, постоянно нашептывающие нам лукавую мысль: «Зачем менять свои привычки, вкусы, взгляды, все направление жизни? Это так трудно и требует усилий почти невероятных. И к чему? Разве нельзя без этого обойтись? Ведь жили же раньше хорошо, спокойно, благополучно, и ничего не требовалось… Никаких усилий, никаких перемен внутренней жизни. Быть может, и теперь обойдемся без этого. Быть может, и теперь от нас ничего не потребуется, и жизнь сама вернется к старому и покатится снова легко и спокойно, как русские сани по гладко наезженной зимней дороге!..» Увы! Это только софизм лукавой мысли. Жизнь в послушании Богу и Его заповедям, жизнь, полная внутренней борьбы, нравственных усилий воли и духовной работы над собой, требовалась всегда, и если мы этой жизни не вели и все-таки не испытывали над собой грозы гнева Божия, то это был лишь акт Божественного долготерпения, готового миловать самых закоренелых грешников в ожидании их исправления. Но и долготерпение Божие имеет пределы и сменяется гневом Божиим, если люди упорно не хотят расстаться с грешной жизнью.

Случалось ли вам видеть весной во время разлива высокий обрывистый берег реки? День и ночь бьются в него и плещутся волны, подмывая его все более и более и увлекая с собой песок, кусочки глины и мелкие камни. И вот уже нависли над водой зловещие глыбы, готовые обрушиться, но они некоторое время еще держатся прежней силой сцепления. Однако волны продолжают свою разрушительную работу безостановочно, и наступает наконец момент, когда с шумом рушится подмытый берег, поднимая брызги и муть, и жадный поток скоро сглаживает все следы обвала.

То же случилось и с нашей жизнью. Волны греха и зла уже давно подтачивали ее устои, но силой старых привычек и традиций она еще держалась кое-как, и нам казалось, что опасности обвала еще нет, что долгие годы мы еще можем жить с прежней беспечностью. Мы не оценили как следует зловещую угрозу, и наступила катастрофа: рухнул привычный уклад жизни, и рухнул безвозвратно. Утешать себя мыслью, что без всяких усилий с нашей стороны все может вернуться к старому и начнется снова прежняя ленивая, беспечная жизнь, уже невозможно: история назад не возвращается. Так дерево, лесной великан с прогнившей сердцевиной, рухнувшее под напором грозы, уже не может подняться и зеленеть снова.

Для того чтобы снова устроить жизнь и на месте развалин возвести новое здание, необходимо проделать громадную созидательную работу. Нельзя сейчас оставаться равнодушным и безучастным зрителем в ожидании, что все устроится само собой. Жизнь требует в данный момент усилий и труда от каждого из нас, и прежде всего усилий для укрепления тех нравственно-религиозных устоев в личной и общественной жизни, на которых она только и может держаться.

Третьим обычным препятствием для перемены прежнего пути жизни является боязнь, что в случае обращения к Богу от нас потребуется слишком много и непосильная тяжесть ляжет на наши плечи: придется отказаться от всех радостей жизни и взять на себя тяжелый ярем испытаний и аскетических подвигов. Частые посты, долгие молитвы, бесконечные поклоны, коленопреклонения, суровая простота одежды и т. д. – так обычно представляется истинно христианская жизнь пугливому воображению, воспитанному в разнузданности и постоянной привычке угождать своим страстям. Но этот страх неоснователен. В нем кроется оскорбительное недоверие к Богу. Это страх от лукавого, который подобными мыслями старается удержать человека от обращения к Богу. В действительности христианская жизнь вовсе не есть жизнь беспросветного, мрачного аскетизма и непосильного подвига. Гос-

подь, призирающий на немощи наши, ведет каждого из новообращенных с такой премудрой постепенностью, с такой нежной заботливостью и любовью, особенно на первых порах, что трудность нового пути почти не замечается. Сначала человек встречает и испытывает гораздо больше радости и счастья, чем огорчений от неудач и утомления от трудов. Он летит, как говорят святые отцы, на крыльях благодати. Испытания и трудности обычно начинаются позднее и увеличиваются по мере того, как вырастают наши нравственные, духовные силы, никогда, впрочем, не превышая меры нашего терпения и нашей ревности. Аскетическая дисциплина христианской жизни точно так же никогда не требует от человека сверхсильных подвигов, и опытные старцы руководители на первых порах стараются, наоборот, умерить жажду подвига и горячую ревность пылких неофитов, намеренно делая для них ярем нового пути как можно легче.

Но преодолев все названные препятствия и твердо решившись вступить на новый путь, мы сейчас же встречаемся с вопросом о том, как наиболее целесообразно вести борьбу с ветхим человеком, с пороками и страстями, говоря иначе – перед нами встает вопрос о методе и способах возрождения.

Существует довольно широко распространенное мнение, что бороться со всеми страстями разом невозможно, что врагов лучше бить по частям, то есть вытравлять из души греховные склонности и привычки одну за другой, как выпалывают сорную траву в поле, так, чтобы в каждый момент борьба велась только с одной преобладающей страстью. Но беда в том, что жизнь человека коротка, а имя греху – легион, и человек, несомненно, успеет умереть раньше, чем справится с последней страстью. Не следует забывать, что застарелые пороки искореняются очень медленно и с большим трудом. Кроме того, по выражению одного духовного писателя, виды греха, оттесненные в одном месте, скопляются и прорываются в другом, то есть греховная энергия побежденной страсти иногда непонятным образом превращается в новую страсть или же идет на усиление прежних, сравнительно более слабых пороков. Наконец, борьба не может вестись одними только отрицательными способами. У дерева с подгнившими корнями бесполезно обрывать пожелтевшие сухие листья и ожидать от этого оздоровления. Надо лечить корень.

Первое условие для этого менее всего рассчитывать на свои усилия и на свою деятельность. Человек, воображающий, что он собственными силами может победить грех и возродиться, подобен утопающему, который сам себя пытается вытащить из воды за волосы. Ясно, что в этом случае успех невозможен. Чтобы вырваться из трясины порока, нужна точка опоры, и этой опорой может быть только Бог!

Здесь требуется не одно только молитвенное обращение к Богу с просьбой о помощи.

Апостол Павел такими словами изображает самую сущность процесса возрождения:

Мы же все открытым лицем, как в зеркале, взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа (2 Кор. 3, 18).

Что это значит? Как можно преобразиться в образ Божественной славы Господа Иисуса Христа?

На языке Священного Писания выражение «слава Господня» обыкновенно означает «Божественные свойства». «Небо и земля исполнены славы Твоея», то есть небо и земля отражают свойства Божии: величие, премудрость, всемогущество и т. д. Преображаться в образ Господень от славы в славу – значит поэтому постепенно проникаться Божественными качествами и воплощать их в себе, насколько это возможно для слабой и грешной души человека.

Человеческая душа представляет собой чудесное зеркало, которое не только отражает предметы внешнего мира, но и фотографирует их, то есть задерживает в себе.

Обстановка жизни, ее внешние события всегда кладут свой отпечаток на душу. Вот почему по этим следам-отпечаткам нередко можно угадать прошлое человека или опреде-

лить ту обстановку, в которой происходило его воспитание. Содержание души обыкновенно в большей своей части есть не что иное, как ряд пережитых впечатлений и образов, полученных извне. Зная этот закон, можно воспитывать человека и влиять на его душу путем определенного подбора тех образов и впечатлений, которые предстоит ему пережить и воспринять. На этом и основывается наука воспитания.

Сильнее всего действуют на душу и прочнее в ней сохраняются впечатления, полученные от живой личности. Живое от живого – это закон биологии. Эти впечатления живут годами, часто остаются на всю жизнь и влияют настолько сильно, что нередко совершенно перерождают человеческую душу: человек начинает подражать тем лицам, которые особенно затронули его чувство и воображение, и мало-помалу становится на них похожим. Он преображается в тот же образ. Мы знаем, какое громадное влияние на русское общество имел в свое время английский поэт лорд Байрон и как под этим влиянием увлекающиеся читатели копировали героев его произведений, иногда довольно неудачно.

Вряд ли мы оцениваем как должно то влияние, какое имели любимые нами герои литературных произведений на склад нашей психологии, на наши вкусы, стремления, на все наше мировоззрение. Наша беда состоит в том, что в русской литературе мало положительных типов, заслуживающих подражания. Особенно это плохо для молодежи, которая всегда склонна к увлечению литературными героями и для которой воспитание больше чем наполовину состоит в подражании. В самом деле, вот перед нами галерея литературных типов: Онегин, Печорин, Рудин, Чичиков и т. д. Кто из них может служить образцом для подражания? А между тем за отсутствием положительных типов молодежь в свое время копировала в жизни даже этих духовно изуродованных людей. В результате среди русского общества само понятие об идеальном нравственном типе стало весьма смутным и редко кто может сказать о себе, что у него есть ясное представление о том идеальном образе человека, воплотить который он хотел бы в себе.

Но есть один великий образ, вечно сияющий лучезарным светом для всех нас, до высоты которого никогда не поднималось человеческое творчество: евангельский образ Господа Иисуса Христа. Его также можно иметь всегда перед умственным взором и стремиться отразить в своей жизни. Более идеального, более совершенного образа человек не найдет никогда. И, конечно, никакой другой образ не может так всецело захватить душу, так подчинить ее своему обаянию и преобразить ее в подобие себе.

Поэтому, если вы мечтаете о духовном возрождении, взирайте на славу Господню и преображайтесь в тот же образ от славы в славу, то есть имейте всегда перед своим умственным взором образ Господа, чаще бывайте в общении с Ним в молитве, в мыслях, в чувствах, в добро делании, и влияние этого дивного образа не замедлит отразиться в душе вашей. Вы будете воспринимать Его качества, вы будете похожи на Него в силу закона психологического влияния.

Нравственно сильная личность всегда подчиняет себе более слабую душу и отражается в ней через подражание. Недаром ученики и апостолы Господа так выделялись среди окружавшей толпы, ибо влияние Спасителя накладывало на них особый отпечаток. Учеников Христа узнавали сразу.

«Они были с Ним», – говорили о них, ибо печать близости и общения с Господом была на них.

Правда, нет теперь Воплощенного Господа на земле, но то, что влияет на человека в Его образе, – духовно и потому вечно. Тысячи верных поклонников Господа испытали это влияние, перерождаясь в тот же образ. Если мы стремимся к возрождению, мы должны поставить себя на пути влияния личности Господа Иисуса Христа.

Когда астроном хочет сфотографировать какую-нибудь звезду, он наводит на нее свой телескоп и ставит часовой механизм, приводящий его в движение, так, чтобы аппарат дви-

гался вслед за звездою, отражая ее все время в одной и той же точке фокуса. Звезда фотографируется сама собою.

Так и в нашей жизни: не сводите духовных очей с Господа, ищите постоянного единения с Ним в молитве, чтении Евангелия, в размышлениях, в приобщении Святых Тайн, и *изобразится в вас Христос!* (Гал. 4, 19).

Непосредственная близость Господа и общение с Ним – вот единственная и главная основа для возрождения человека.

Умерла однажды девушка, поражавшая всех, кто ее знал, необычайной красотой и чистотой своей души. На ее груди нашли медальон и в нем начертанные слова: «Люблю Того, Кого никогда не видала».

Она преобразилась в образ Того, Кого любила. Итак, будем чаще с Господом. Пусть Он будет постоянным спутником нашей жизни. Его образ отразится в нашей душе и переродит ее. Возродимся мы – возродится и наша жизнь, проникнувшись духом Его Божественной святости, ибо океан жизни составляется из капель отдельных личностей.

Это – единственный способ преобразовать жизнь, ибо жизнь не есть что-либо внешнее, отдельное от нас.

Это – мы сами.

Глава 9, ст. 14-29

Когда после Своего славного Преображения Господь спустился с Фаворской горы, Он увидел оставленных Им учеников в великом смущении. Их окружала громадная толпа, страстная, шумливая толпа Востока, громко кричащая, оживленно жестикулирующая, возбужденная каким-то событием. Среди этого шума резко выделялись то насмешливые, то негодующие голоса книжников, спорящих с учениками…

Когда Господь спросил книжников о причине волнения, оказалось, что кто-то из народа привел к ученикам сына своего, одержимого духом немым, и просил исцелить его. Бедный юноша страдал давно и жестоко: в припадке беснования он падал на землю, испуская пену, скрежетал зубами и цепенел; многократно бросался в огонь и в воду. У несчастного отца отрока оставалась теперь единственная надежда на Великого Галилейского Пророка, словом изгонявшего нечистых духов, и на учеников Его, которые делали то же Его именем.

Но на этот раз обычная сила исцелений, полученная учениками еще ранее от Господа, им изменила. Несмотря на все усилия, они не могли изгнать беса.

Эта-то беспомощность и бессилие учеников перед бесноватым отроком и вызвали то возбуждение толпы, которое застал Господь у подножия горы.

Огорченный, взволнованный, убитый горем отец бросился к Спасителю:

Учитель!., если что можешь, сжалься над нами и помоги нам. Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все можно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию.

Окружавшая обстановка, в которой все это происходило, действительно мало могла содействовать возбуждению и укреплению чьей бы то ни было веры. Неудача учеников, их сконфуженные, смущенные лица, язвительные насмешки и злорадство книжников, скептически настроенная, недоумевающая, разочарованная толпа – все это могло поколебать даже крепкую веру.

По-видимому, даже ученики в эту минуту не обнаружили большой веры, чем и объяснялась их неудача. По крайней мере, когда, оставшись наедине с Господом, они поставили Ему прямой вопрос: *почему мы не могли изгнать его?* Господь, не обинуясь, отвечал: *по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно… ничего не будет невозможного для вас.* Так повествует евангелист Матфей (Мф. 17, 19, 20).

Итак, кругом царствовала атмосфера недоверия и злой насмешки, когда Господь приблизился к толпе. Бедному отцу отрока надо было собрать все свои силы, все крупицы своей поколебленной, распадающейся веры, чтобы получить от Господа великую милость исцеления сына, ибо без этого чудо не могло совершиться. Как понятен становится этот отчаянный вопль: *Верую, Господи! помоги моему неверию!*

Очевидно, с помощью Господа отцу отрока удалось сделать над собой усилие и напрячь свою веру до нужной степени, ибо Господь исцелил отрока.

Урок для нас ясен.

Для того, чтобы получить благодатную помощь от Бога во всех наших духовных и материальных нуждах, прежде всего необходима вера: вера в Бога, в Его всемогущество и благость, вера в то, что Он может исполнить наше прошение и действительно исполнит, если в нас есть усердие, твердое желание просимого и сыновняя любовь к Творцу.

Все возможно верующему, и, наоборот, ничего невозможно неверующему, ибо прошение без веры – оскорбление для Бога. Человек не может тогда рассчитывать получить от Бога ни помощи, ни укрепления, ни сил духовных, и его духовная жизнь замрет неизбежно.

Для духовной жизни вера необходима, ибо без нее нет связи с единственным источником жизни и духовной силы – с Богом.

Почему так – мы не будем сейчас рассматривать. Практически для нас важно здесь другое: как укрепить веру?

Ведь мы часто находимся в положении несчастного отца евангельского отрока: мы сознаем необходимость веры, знаем, что без нее шагу не можем ступить на пути духовной жизни, и в то же время ощущаем в себе лишь холод сомнений и скептицизма. Мы чувствуем, что наша тусклая, вялая, безжизненная вера не в силах укрепить нас и сблизить с Богом, и невольно просится на уста: *верую, Господи! помоги моему неверию.*

Конечно, это непосредственное обращение к Богу с просьбою о помощи по примеру отца бесноватого отрока и является первым средством укрепления веры. Господь есть единственный источник всяких благ. В духовной жизни это ощущается постоянно, и всякий успех здесь, всякое движение вперед определяется Его волей и от нее зависит. «Без Бога ни до порога» это особенно верно применительно к духовной жизни.

Молитва не только укрепляет веру, как это мы видим в данной евангельской повести, но она спасает от неверия в самые опасные минуты жизни, когда злой дух искушает человека сомнениями в самом бытии Божием. Какую силу имеет молитва об укреплении веры, мы видим из жития святителя Нифонта, епископа Кипрского.

Святой Нифонт родился и был воспитан в христианстве.

Но еще юношей он попал в испорченную компанию молодых людей и, подчинившись их влиянию, стал вести распутную, пьяную жизнь. Его друг, Василий, человек строгой, благочестивой жизни, жалел его и часто говорил ему:

– Что сделалось с тобой? Ты жив телом, но душа твоя мертва… Только тень твоя ходит среди людей! Покайся! Обратись!

– Моя судьба решена, – отвечал Нифонт с грустью, – покаяния для меня нет!

Он пробовал молиться и не мог, а в душе чувствовалась удручающая пустота. Расстроенные кутежами и разгулом нервы все более давали себя знать… Однажды он пришел к другому своему другу, Никодиму, и был поражен его невольным восклицанием.

– Что с тобою? – воскликнул Никодим. – У тебя лицо совсем черное, как у эфиопа! – С глубоким стыдом ушел Нифонт от друга. Ему хотелось спрятаться от людей, чтобы никто не видел на его изменившемся лице ясных следов разнузданных страстей и порочной жизни.

Он думал: «Каким покажусь я на Страшном Суде, когда здесь, на земле, где еще не открыты все дела мои, я уже кажусь таким черным…» Душа его опять жаждала молитвы, но в ушах звучал искушающий голос: «Если станешь на молитву, то сойдешь с ума, и люди

осмеют тебя!» Однако ночью он заставил себя встать с постели и помолиться… И вдруг он увидел себя окруженным густым мраком; невольный ужас закрался в душу, и в страхе лег он опять на постель. Утром он пошел в церковь, где давно не бывал, и со стоном упал пред иконой Божией Матери, Споручницы грешных. «Помилуй меня, Заступница христиан, – молился он, – подыми меня, Упование и Надежда кающихся…» И совершилось чудо: лик Богоматери просиял и ожил, глаза радостно смотрели на него, небесная улыбка озарила лик…

Так состоялось обращение Нифонта. Он принял иночество и стал суровым подвижником. Время проводил в тяжких трудах и покаянии; в наказание за прошлые грехи бичевал себя так, что тело отпадало клочьями, часто мучил себя голодом; одним словом, не щадил себя в своем покаянном подвиге. Но Господь попустил для него, быть может, еще более тяжелое искушение. Почти четыре года его мучила так называемая мысленная брань. Ему вдруг стало казаться, что Бога нет, что он напрасно рассчитывает на счастье единения с Ним, что все, во что он верит и чему поклоняется, не что иное, как фантазия, игра воображения, и что его подвиг не имеет никакого смысла. Его всюду преследовал искушающий голос: «Нет Бога!» «Нет, – возразил Нифонт в отчаянии, – я никогда не отрекусь от Христа, если даже впаду в блуд, если убью или совершу еще мерзейшее преступление!..» «Что ты говоришь? – шептал все тот же насмешливый голос искусителя. – Ведь Христа нет!» Тогда Нифонт начинал молиться, чтобы прогнать ужасные сомнения. «Боже, Боже мой! – говорил он с невыразимой тоской. – Зачем ты меня оставил? Дай мне познать, что Ты – Бог и что, кроме Тебя, иного нет!»

И Господь внял горячей мольбе. Лик Господа на иконе, перед которой молился подвижник, засиял, как солнце, и ожил; дивное благоухание полилось от образа. Снова совершилось чудо, чтобы укрепить падающую веру святого Нифонта. С этого момента душа его как будто закалилась: исчезли сомнения и ничем не смущаемая тишина и спокойствие веры спустились в измученную душу.

Таким образом, молитва, непосредственное обращение к Богу оказались могущественным средством укрепления веры.

Но как же молиться, если нет веры?

Так же, как молился святой Нифонт: сначала принуждая себя, как будто уже имея веру. Так же, как молился несчастный отец бесноватого отрока, еще не имея настоящей веры.

Верую, Господи! помоги моему неверию!

Другим средством укрепления веры служит пример.

«С кем поведешься, от того и наберешься», – говорит пословица. Пример всегда заразителен, и глубокая, искренняя вера, соединенная с подвигом и высокой христианской жизнью, невольно внушает уважение и вызывает подражание. Поэтому для укрепления веры ищите добрых примеров и чаще останавливайте на них свое внимание. В первые века христианство распространялось главным образом благодаря примеру святых мучеников, твердая вера которых, засвидетельствованная страданиями, возбуждала общее удивление и привлекала ко Христу тысячи последователей. Христианская Церковь вырастала на мученической крови.

Вот один из многочисленных примеров этого явления, взятый из жития святого мученика Вонифатия.

Молодой, красивый Вонифатий в юности был любимым рабом богатой порочной римлянки Аглаиды. Несмотря на распутную жизнь, в душе обоих еще не заглохли семена добра, и оба они были далеко известны своим милосердием и благотворительностью. Быть может, именно за эту доброту души Господь и призвал их на истинный путь.

На Востоке в то время шло гонение на христиан, и многие из них погибли смертью мучеников. Верующие с великим благоговением относились к телам мучеников и покупали их у язычников за большие деньги. Иметь мученические мощи у себя в доме было заветным

желанием каждого ревностного христианина, потому что на них смотрели как на святыню. Следуя примеру других, Аглаида также решила приобрести мощи и с этою целью отправила Вонифатия в Киликию, где происходило гонение.

Прощаясь с ним, она сказала:

– Постарайся найти мощи мученика… Мы с благоговением будем хранить их, воздвигнем церковь, и будет этот святой нашим покровителем, защитником и ходатаем пред Богом.

Вонифатий ответил шуткой:

– Что если я не найду мученика, и тебе привезут мое тело за Христа умученное, примешь ли его с честью?

Аглаида с упреком остановила его:

– Не время шутить теперь… Ведь ты отправляешься на святое дело и готовишься служить святым мощам, на которые даже смотреть мы недостойны.

Помня эти слова госпожи и чувствуя всю скверну души своей, Вонифатий в дороге стал деятельно готовиться к тому, чтобы достойно исполнить возложенную на него задачу: он много постился и горько каялся в своей прежней порочной жизни. Прибывши в Таре, где свирепствовало гонение, он поспешил на площадь, где мучили христиан. Великое множество народа собралось смотреть на ужасное зрелище. Христиан, единственная вина которых состояла в том, что они верили в Бога и вели благочестивую жизнь, подвергали самым зверским истязаниям: их вешали, жгли огнем, привязывали к четырем столбам и потом раздирали на части, перепиливали пополам, сажали на кол, им выкалывали глаза, ломали кости, отсекали руки и ноги. С великим терпением переносили мученики страдания, но что всего удивительнее, не боль и мука отражались на их лицах, но тихая радость и блаженство, как будто перед их глазами уже открывалось светозарное, счастливое будущее в единении с Тем, Кого они любили больше жизни.

Пораженный их мужеством, Вонифатий смотрел на эти радостные, светлые лица и сам раскалялся ревностью о Боге… И вдруг его охватило непреодолимое желание, подобно этим мученикам, открыто исповедать Христа. Он вышел на середину площади и воскликнул громко:

– Велик Бог христианский, помогающий рабам Своим и укрепляющий их в таких муках!

С великой любовью он целовал изуродованные тела мучеников, их зияющие раны и молил лишь об одном: самому сподобиться мученического венца. Его заметили, схватили, привели к гегемону. Суд был скор и беспощаден: Вонифатия вывели за город и отрубили ему голову. Но 550 человек из толпы зрителей в тот день сделались христианами, увлеченные его примером.

Между тем Аглаида с нетерпением ожидала возвращения посланных, постилась, молилась, готовясь встретить святые мощи; и вот наконец явился ей во сне Ангел с такими словами: «Прими того, кто был некогда слугой твоим, а теперь наш сослужитель…» Утром Аглаида вышла на дорогу и долго смотрела в ту сторону, откуда ожидала прибытия посланцев… Вдали показался караван. Она узнала своих слуг, но не было Вонифатия с ними. Между седел двух сильных мулов качался ковчег, очевидно, заключавший в себе святые мощи… Аглаида тихо пошла навстречу и благоговейно склонила колени…

– Как имя мученика? – спросила она.

– Вонифатий!.. – последовал ответ.

– А где же сам управитель?

– В ковчеге…

Аглаида подняла вопросительный взор.

– Госпожа, мы везем мощи твоего бывшего раба, мученика Вонифатия, принявшего венец в городе Тарсе.

Аглаида с честью положила святые мощи в выстроенном ею храме, раздала все имение бедным и остаток своей жизни – 18 лет – провела при этом храме в строгих подвигах покаяния и молитвы.

Так сильно влияет пример на душу человека. Из кутилы и прожигателя жизни Вонифатий под влиянием примера святых мучеников стал бесстрашным исповедником, полным пламенной веры и любви ко Христу. А по его примеру еще 550 язычников приняли христианство.

Ищите поэтому общества верующих, которое может укрепить вашу веру. Особенно полезно общение и знакомство с людьми, отличающимися высокой духовной настроенностью: со старцами, подвижниками, юродивыми. Обаяние их верующей, чистой, доброй и мудрой души всегда благотворно и может служить опорой в тяжелые минуты сомнений.

С другой стороны, всеми мерами следует избегать общества неверующих и отрицателей всякого рода, чтобы не пострадать от их тлетворного влияния. *Не обманывайтесь,* – предостерегает апостол Павел, – *худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15, 33). «На путь нечестивых не ходите и в сонме законопреступных не сидите» (ср. Пс. 1, 1), – говорит великий мудрец древности. Особенно это надо помнить в настоящее время, когда разлагающее влияние атеизма так сильно и заразительно и когда всеми мерами враги христианства стараются разрушить веру.

Как много разъезжает теперь так называемых лекторов, которые, выступая будто бы от имени науки, стараются посеять семена сомнений и поколебать основные истины христианской веры. Конечно, эти цеховые ученые не имеют никакого отношения к науке, и те две или три лекции, которые они повсюду предлагают вниманию публики и которые составляют весь их научный багаж, затвержены ими с чужого голоса, но они и не ищут ученых лавров. Их единственная цель – зародить сомнения в народе, мало знающем и, к нашему стыду, мало понимающем и мало ценящем собственную веру. Отрицательные аргументы, доказательства этих господ чрезвычайно слабы и легко могут быть опровергнуты, но заразителен тот пренебрежительный тон, которым они говорят о святейших истинах религии. Уже одно то обстоятельство, что эта святыня христианства вытаскивается на подмостки и треплется бесцеремонно перед толпой, лишает даже твердо верующих людей возможности отнестись к этим великим вопросам с надлежащим благоговением и серьезностью, а маловерные сердца может смутить окончательно. Сами лекторы, по-видимому, мало придают значения своей «ученой» аргументации, но рассчитывают более на то впечатление, которое производит их бесцеремонная развязность и весь кощунственный тон лекций. Иронические словечки, гнусные каламбуры, иногда богохульство и площадная брань – все это нередко западает в душу и пристает, как цепкий репейник, от которого трудно отделаться даже верующему человеку… И все это иногда припоминается впоследствии и встает в сознании независимо от нашей воли, порой даже в самые святые минуты – минуты молитвы, смущая своим грубым богохульством и циничностью покой верующей души. Вот почему лучше всего избегать подобных лекций, ибо это не серьезная полемика, где научно и беспристрастно рассматриваются вопросы религии, а просто прием агитации, рассчитанный на то, чтобы смутить совесть верующих.

От этой гнили и грязи надо беречь веру; следует хранить ее в чистоте и целости, ибо это – святыня. Ведь вы не пойдете без нужды в тифозный барак, где легко заразиться; не пойдете в белом платье на угольный склад или на химический завод, где выделывается кислота и где можно запачкаться… Выводите потом пятна! Так и душу следует беречь от грязи и не посещать собраний, где оскорбляется вера или преступаются нравственные требования. «На путь нечестивых не ходите и в сонме законопреступных не сидите».

Наконец, едва ли не самым действенным средством укрепления веры является проверка ее личным опытом. Ничто не может заменить человеку его собственного опыта: ни

чужой пример, ни доказательства, ни убеждения других людей. То, что пережил человек сам лично, является для него наиболее достоверным. Вера вовсе не есть собрание одних умозрительных истин и менее всего основывается на рассудочных данных, хотя так именно и смотрят на веру ее противники. Но в этом-то заключается их главная ошибка. Им кажется, что стоит только логически разобрать и опровергнуть те теоретические истины, которые они принимают за сущность веры, и все будет сделано: вера рассыплется сама собой. Между тем жизнь опровергает эти соображения, и, несмотря на постоянную, усиленную бомбардировку самыми тяжелыми «научными» снарядами, твердыни веры остаются непоколебимыми.

Если бы вера действительно была только собранием теоретических, отвлеченных истин и имела исключительно рассудочно-головной характер, то, конечно, она не могла бы быть прочной и устойчивой, и поколебать ее было бы легко. Достаточно было бы ее теоретическим основаниям противопоставить утверждения, их отрицающие, и рассудок легко мог бы отказаться от веры и принять другое направление. Допустим, вы услышали от какого-нибудь путешественника описание тропических стран, их обитателей, роскошных лесов, необыкновенных зверей, их населяющих и т. п. Вы все это легко можете себе представить, но так как эти ваши знания не подтверждены вашим личным опытом, то все они останутся для вас чисто отвлеченными, воспринятыми рассудком на веру и потому неустойчивыми. Явится другой путешественник, скажет вам, что ваши представления совершенно неправильны, что в действительности нет ничего подобного тому, что рисует вам воображение, набросает перед вами совершенно иную картину, и рассудок так же легко может отказаться от прежних понятий, как и принять новые. Но в области религиозной веры мы обыкновенно этого не наблюдаем или же наблюдаем в тех случаях, когда вера еще не окрепла и не вышла из этого первоначального фазиса чисто головных понятий. Причина этого заключается в том, что настоящая вера не есть простое теоретическое сознание, которое легко видоизменить по желанию. Вера прежде всего есть непосредственное ощущение живой всемогущей силы, действующей в вашей жизни помимо вашей воли, ощущение, основанное на опыте.

В Священных книгах Нового Завета мы находим три случая зарождения истинной веры, и во всех этих трех случаях причиною веры был лично пережитый опыт.

Когда Господь по воскресении Своем явился ученикам и когда они рассказали об этом апостолу Фоме, не бывшему с ними в момент явления, тот не поверил сначала. Вторично явился Господь ученикам уже вместе с Фомою и, обращаясь к последнему, сказал: *подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20, 27–28). Фома поверил, ибо он сам осязал язвы Господа и убедился, что это не призрак и не галлюцинация. Он поверил своему опыту.

Апостол Павел, бывший сначала ревностным гонителем Церкви Христовой, уверовал во Христа тоже благодаря личному опыту. *Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? и Господь сказал ему: встань и иди в город… Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел. И повели его за руки, и привели в Дамаск. И три дня он не видел, и не ел, и не пил* (Деян. 9, 3–6, 8–9). Это чудо, пережитое апостолом Павлом, и послужило началом его обращения.

Третий случай обращения к вере, рассказанный евангелистами, – это обращение слепорожденного, исцеленного Господом Иисусом Христом.

Иисус *увидел человека, слепого от рождения… Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому, и сказал ему: пойди, умойся в купальне Силоам… Он пошел и умылся, и пришел зрячим* (Ин. 9, 1, 6–7). *Иисус… сказал ему: ты веру-*

ешь ли в Сына Божия? Он отвечал и сказал: а кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него? Иисус сказал ему: и видел ты Его, и Он говорит с тобою. Он же сказал: верую, Господи! И поклонился Ему (Ин. 9, 35–38).

Таким образом, и здесь пережитое исцеление, то есть личный опыт, вызвал в бывшем слепце веру в Сына Божия и в Его могущественную благодатную силу.

Все учение апостолов основано на личном опыте или, как говорит апостол Иоанн, *о том, что… мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни… возвещаем вам* (1 Ин. 1, 1–2).

Если, таким образом, личный опыт является наиболее надежным основанием религиозной веры, то, очевидно, необходимо всеми мерами стремиться к тому, чтобы пережить его в своей жизни для укрепления веры. Каким образом это можно сделать?

На этот вопрос отвечает Сам Господь Иисус Христос в Евангелии от Иоанна: *Мое учение – не Мое, но Пославшего Меня; кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю* (Ин. 7, 16–17).

Вот простой ответ, заключающий в себе смысл глубочайший. Если в вас копошатся сомнения и вы хотите наверное знать, от Бога ли дано Евангельское учение, заключающее в себе основы нашей веры, то попробуйте исполнить его веления в жизни, подчиниться его правилам, впитать в себя дух его, и вы тогда на опыте убедитесь, что оно от Бога, что в нем выражается воля Божия, ибо вы сразу почувствуете его абсолютную правду и бездонную мудрость, для человека недоступную. Вы сразу поймете, что человек не мог создать подобного учения, ибо он не обладает таким всеведением, таким безграничным знанием тончайших извивов человеческой психики и ее законов, часто скрытых в области подсознательной, которое так и сквозит почти в каждой строчке Священного Писания.

И не рассуждением, конечно, не бесплодным логизированием и спорами можно проверить Евангелие, ибо это – Книга жизни, а не учебник философии и не арифметическая задача. Единственный точный способ проверки здесь – опыт. Если вам советуют известный метод обработки полей, дают рецепт приготовления какого-нибудь кушанья, прописывают лекарство или определяют курс лечения, то, конечно, вы можете принять эти советы на веру, но чтобы иметь в них несомненную уверенность, необходимо их исполнить на деле. Тогда только можно достоверно определить, правильны ли данные советы.

Но, с другой стороны, раз опытная проверка произведена и она доказала несомненную правильность данных рецептов или советов, тогда всякое дальнейшее рассуждение или спор становятся бесполезными, ибо никакие слова, никакие ухищрения рассудка уже не смогут опровергнуть факта, пережитого самим человеком. Весь еврейский синедрион не мог убедить слепорожденного, исцеленного Господом, в том, что исцеливший его – человек грешный и что Бог его не слушает. Профессора всего мира не поколебали бы апостола Павла в его вере во Христа после его чудесного обращения.

То же самое следует сказать и относительно нашей веры. Если вы хотите убедиться в ней и укрепить ее, проверьте опытом, живите по Евангелию. Евангелие следует не только читать, но и исполнять.

Один святой переписчик в задумчивости пропустил некоторые слова в книге Священного Писания, которую он переписывал.

Один из братий заметил это.

– Авва! Есть пропуски!..

– Поди, исполни сначала то, что написано, – отвечал святой. – Потом допишу пропущенное!

Таково должно быть настроение при чтении Евангелия: желание и готовность его исполнить в жизни.

«За сохранение заповедей, – говорит преподобный Исаак Сирин, – ум сподобляется благодати таинственного созерцания и откровений духовного ведения».

То же подтверждает и преподобный Симеон Новый Богослов: «Посредством добродетелей и заповедей открывается для нас дверь ведения. Другим же каким-либо способом достигнуть его невозможно».

Итак, жизнь по Евангелию, жизнь добродетельная, исполнение Заповедей Божиих – вот лучший способ укрепления религиозной веры.

Глава 9, ст. 30-42

В то время, к которому относится рассказ прочитанного евангельского отрывка, ученики Господа были еще далеко не на высоте нравственного христианского совершенства. Взятые из простой народной среды, из массы еврейства, они, по-видимому, не могли сразу уловить высокий дух Христова учения и отрешиться от национальных недостатков и предрассудков. Несомненно, как все благочестивые евреи, они с благоговением относились к Закону Моисея и строго блюли его заветы, но при самом строгом исполнении Ветхий Закон не мог поднять человека до уровня христианства, и, быть может, с наибольшей наглядностью его несовершенство сравнительно с христианским учением сказывалось в одном отношении: он почти не боролся с самолюбием человека, с его гордостью, славолюбием и тщеславием – одним словом, с тем врагом человеческого спасения, который в христианстве признается самым серьезным и наиболее опасным. Ветхий Завет определял главным образом правила внешнего поведения; христианство требует по преимуществу борьбы с внутренним человеком, с его эгоистическим «я». Ученики Господа – на первых порах, по крайней мере, – необходимости этой борьбы еще не сознавали; для них еще не было вполне ясно, что сущность христианской нравственности, и в то же время ее высота, именно и заключается в подвиге самоотречения и в ломке личного и национального самолюбия. Правда, последовав за Христом, они отказались от всех удобств жизни, но они, по-видимому, думали вознаградить себя за это земными благами будущего мессианского царства и своего прежнего самолюбия во всех его оттенках они не потеряли. В этом отношении их еще надо было воспитать.

В этом евангельском отрывке мы находим три урока, данных Господом Своим ученикам с определенною целью: показать им тщету человеческого самолюбия и его несовместимость с принципами нового учения.

Выйдя оттуда, проходили через Галилею; и Он не хотел, чтобы кто узнал. Ибо учил Своих учеников и говорил им, что Сын Человеческий предан будет в руки человеческие и убьют Его, и, по убиении, в третий день воскреснет. Но они не разумели сих слов, а спросить Его боялись (ст. 30–32).

Понять простой, буквальный смысл слов Господа было, конечно, нетрудно, и ученики, конечно, понимали, что значит быть преданным и убитым. Но этот-то простой смысл и не укладывался в их головах. Им казалось, что Господь говорит здесь притчами, иносказательно, и хочет сказать что-то иное… Что именно они не могли догадаться, но Его слова в их буквальном понимании казались им до такой степени чудовищными и так мало согласовывались с тем, чего они ожидали от своего Учителя и Мессии, что принять их в этом смысле было невозможно.

Сама таинственность их путешествия по Галилее, на чем настаивал Господь, вероятно, им уже не нравилась. Им хотелось идти открыто, привлекая всеобщее внимание, хотелось, чтобы толпы народа сбегались со всех сторон к их Учителю, увеличиваясь все более, чтобы их путешествие превратилось в триумфальное шествие, достойное Мессии. А дальше… Дальше им уже мерещились перспективы будущей славы, громкие победы, свержение ненавистного римского ига, царские почести, величие и могущество власти, безумные овации…

И в центре всего этого блеска их Равви и они, первыми признавшие в Нем Великого Мессию, всюду и всегда с Ним, окруженные также лучами Его славы как Его ближайшие сотрудники.

Конечно, эти перспективы дразнили их славолюбие, еще не укрощенное страданиями и истинным пониманием смысла Христова учения. Несомненно, этой славы они ожидали и желали ее для себя.

И вдруг эти речи о смерти, о предательстве… Что же это значит? Или все мечты обман воображения?

А между тем Господь намеренно разрушал их иллюзии. Намеренно окружал Свое путешествие такой таинственностью, чтобы оно походило скорее на бегство преследуемого преступника, чем на спокойно-величавое передвижение популярного равви. Намеренно говорил о Своих близких страданиях и смерти, чтобы осадить взлеты славолюбивого воображения Своих учеников и дать им понять, что их тщеславные мечты не нужны для Его дела и бессмысленны и что не земная слава, но позор и страдания ожидают и Его, и вместе с Ним Его верных последователей, что в этих страданиях и унижениях и состоит тот подвиг, на который Он их призвал.

Вот чего не могли уразуметь ученики.

Второй урок последовал немедленно за первым. Когда они пришли в Капернаум, Иисус спросил их: о чем дорогою вы рассуждали между собою? Они молчали; потому что дорогою рассуждали между собою, кто больше. И, сев, призвал двенадцать и сказал им: кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою (ст. 33–35).

Гордость учеников проявилась здесь в наивном споре: кто из них больше или лучше? Несомненно, это детское хвастовство связывалось при этом с другим вопросом: кто из них будет занимать первое место в будущем царстве Мессии? Они все еще не могли отказаться от своих предрассудков.

Снова Господу приходится преподать ученикам Своим урок смирения. Снова Он указывает им, что в Его Царстве властолюбие – такой же порок, как и славолюбие, что обычные понятия о величии должны быть изменены коренным образом и заменены совершенно противоположными и что нравственная высота и духовная близость к Нему зависят не от значительности занимаемого внешнего положения, а от готовности смиренно склониться пред всеми и служить всем. Таков идеал христианина, совершенно противоположный надменному типу языческой или фарисейской души.

Наконец, третьим Своим уроком Господь искореняет самолюбие учеников там, где оно было всего опаснее: в самом деле их будущего апостольского служения, которое должно быть бескорыстным и стоять вне всякого влияния личного самолюбия, могущего принести здесь вред непоправимый.

Иоанн сказал: Учитель!мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами. Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Ибо кто не против вас, тот за вас (ст. 38–40).

Ученики запрещают неизвестному для них человеку изгонять бесов именем Господа только потому, что он не принадлежит к их тесному кружку. Они не говорят, что он – человек неверующий или ведет позорную, недостойную жизнь. Их не останавливает то обстоятельство, что бесы повинуются ему и он может изгонять их именем Христа, что ясно свидетельствует о его вере и высокой нравственности, ибо в противном случае он не имел бы такой силы. Но они негодуют на то, что он пользуется именем их Учителя, не будучи Его учеником, и таким образом как бы предвосхищает их права. Им хотелось бы, чтобы честь распространения дела Христова принадлежала только им, и на неожиданного незнакомца они смотрят как на досадного конкурента.

Таким образом, в этом нетерпеливом запрещении сказывается все то же самолюбие в новой его форме честолюбия.

Если бы ученики преданы были вполне и исключительно делу Господа, то, конечно, они должны были только радоваться тому, что это дело находит еще новых работников, содействующих ему по мере сил своих, подобно тому, как радовался апостол Павел, слыша, что другие продолжают его дело: *Как бы ни проповедали Христа,* – пишет он, – *притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться* (Флп. 1, 18).

В конце концов, искреннему, идейному работнику совершенно безразлично, выдвинется ли он сам и отдадут ли ему должную часть за его деятельность; ему важно и нужно лишь одно: чтобы то дело, которому он посвятил себя, его дело процветало. Ученики до этой высоты еще не дошли. В них еще слишком сильно честолюбие, и свои лавры и ожидаемую честь будущего царствования они ни с кем не хотят делить.

Господь немедленно останавливает этот взлет честолюбия, принявшего форму нетерпеливой раздражительности, и дает понять, что в служении Его делу честолюбие недопустимо.

Не запрещайте ему, – говорит Он, – *ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Ибо кто не против вас, тот за вас.* Не беда, что этот человек не ходит за вами и не принадлежит к вашему кружку. Если он творит чудеса именем Моим, то он делает то же, что и вы: укрепляет веру в Меня. Он – ваш союзник, и запрещать ему его деятельность так, как вы это делаете, – значит вредить делу ради личного честолюбия.

Этим Господь затрагивает чрезвычайно важный практический вопрос: как относиться к людям так называемым инакомыслящим, к тем, которые не принадлежат к нашей Церкви или к нашей общинной организации. Вопрос для нас важный ввиду большого количества людей, стоящих в настоящее время вне церковной ограды, с которыми приходится так или иначе сталкиваться в жизни. Неумение ввести в отношения к ним правильный христианский взгляд часто ведет к взаимной вражде и ненужному озлоблению.

Прежде всего из ответа Господа ученикам ясно, что ни в каком случае к этим отношениям не должно примешиваться самолюбие или честолюбие, которое часто препятствует людям даже понять друг друга. Оно-то и является обыкновенно причиной церковных раздоров и разделений.

В самом деле, откуда это бесконечное дробление христиан на католиков, православных, протестантов, баптистов, лютеран, пресвитериан и т. д. и т. д.? Откуда эти бесчисленные секты? Ведь истина Христова одна, и потому должно быть *едино стадо и един Пастырь* (Ин. 10, 16). Между тем этого нет.

Главная причина этого дробления заключается в том, что к чистой истине Христовой примешалось человеческое самолюбие и плотский элемент внесен в организацию единой Христовой Церкви. Когда возникало какое-либо богословское мнение, не согласное с общепринятым церковным, его сторонники непременно хотели добиться для него преобладания, как это мы видим в истории ересей; иногда к этому примешивалось еще политическое честолюбие и желание власти, как это было при отделении Западной Церкви от Восточной; иногда гордость, самомнение, кичливая надменность ума, слишком уверенного в себе и мнящего себя выше других, мешали примирению богословских течений и успокоению церковной болезни. Но во всех этих разделениях был один основной грех: забыта заповедь о любви.

И в результате получилось нечто невероятное: там, где началось разделение и родилась самолюбивая ревность, там началась вражда – вражда во имя Евангелия, ненависть к «инакомыслящим» ради соблюдения чистого учения Христа, учившего о любви и отдавшего жизнь во имя любви. Вражда перешла в страшное ожесточение. Полились потоки крови…

Это была какая-то чудовищная, адская ирония, извратившая христианство.

Нация шла против нации. Католическая Испания – против протестантской Англии. Верующие против верующих. Католики против протестантов. Во Франции вспыхивало и разгоралось преследование гугенотов. В Германии религиозная Тридцатилетняя война унесла весь цвет населения, оставив в живых едва одну десятую часть. В Испании и Нидерландах свирепствовала инквизиция, сжигавшая еретиков на кострах ad majorem Dei gloriam, то есть для вящей славы Божией. В России преследовали раскольников-старообрядцев и главарей их отправляли в ссылку, в заточение. Прямо невероятно, как во имя Бога люди проливали столько крови и так яростно и страстно ненавидели друг друга, не зная границ своего озлобления и жестокости.

Теперь условия борьбы, правда, изменились. Нет более религиозных войн, потухли костры инквизиции, не льется человеческая кровь ad majorem Dei gloriam. Религиозная борьба приняла более культурную форму диспутов и богословских споров. Но и теперь еще демон тщеславия и самолюбия шутит свою злую шутку над защитниками Христовой истины, и эти диспуты часто кончаются взаимными проклятиями и озлоблением. Расколы и секты не уничтожаются и даже не уменьшаются в числе, но пропасть между различными оттенками христианских вероисповеданий становится глубже и непроходимее. Эти споры не приводят ни к каким результатам еще потому, что все время вращаются в области теоретических или догматических вопросов, тогда как корни разделения лежат не здесь, но во взаимных антипатиях религиозных обществ, вызванных различными историческими условиями. Следовательно, не теоретические споры, а только любовь может сблизить людей разных вероисповеданий. Споры же с их желанием победы вызывают только так называемую odium theologicum, то есть богословскую ненависть, несомненно, худшую из всех существующих ересей. Религия тогда служит только маской для обмана, ибо *кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо нелюбящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?* (1 Ин. 4, 20).

В этом духе любви действовали и этою любовью побеждали все препятствия великие миссионеры всех веков.

Около 1050 года в Ростовской земле, населенной в то время полудикими и жестокими язычниками, проповедовал Слово Божие святитель Леонтий. Изгнавшие до Леонтия с побоями и мучениями двух епископов, эти варвары недружелюбно встретили и его. Они стали всячески оскорблять и поносить нового святителя и проповедника христианства и наконец изгнали и его. Но Леонтий не падал духом и не оскорблялся этим; он знал и видел, что и у этих варваров в глубине души скрыта искра Божественного огня, которую надо только суметь бережно вскрыть и возжечь.

Леонтию советовали оставить дикарей.

– Смотри, какие они упорные язычники, – говорили ему.

– Не отступлю я от этих язычников, – отвечал Леонтий, – они делают нам зло, а мы будем отыскивать в них добро, и этим добром скоро победим зло.

И несмотря на грозившую ему опасность, он остался жить близ Ростова, около потока. К нему из любопытства заходили сперва дети язычников, а потом и взрослые. Леонтий принимал их ласково и любовно и дарил им что мог, причем, улучив минутку, рассказывал своим гостям о Боге, Который все сотворил и обо всем промышляет, Который любит всех людей, особенно добрых и мирных; рассказывал об Иисусе Христе Сыне Божием, приходившем в мир, чтобы научить людей любить Бога и друг друга. Такая кроткая, незлобивая проповедь скоро привлекла к нему много язычников, и они стали приходить к нему тысячами. Об этом узнали самые завзятые и закоренелые язычники. Они во главе со жрецами явились к святителю с дрекольями и луками, чтобы умертвить его. Но Леонтий бесстрашно вышел к ним навстречу и стал похвалять их ревность, с какой они защищают свою веру.

– За это я вас люблю, – сказал святитель, – и молюсь за вас Богу, чтобы Он скорее просветил вас светом истинной веры.

Видя такую кротость и незлобие, разъяренные язычники скоро успокоились и тоже стали слушать проповедника. С тех пор влияние святителя Леонтия становилось все более и более неотразимым. А к концу жизни святителя (ок. 1073 г.) этот край считался уже в числе просвещенных светом Христова учения.

Эту любовь и кротость в отношениях к разномыслящим Православная Церковь определенно предписывает 77-м правилом Карфагенского Собора, который по поводу раскола донатистов издал следующее постановление: «По дознании и исследовании всего, пользе церковной споспешествовати могущего, по мановению и внушению Духа Божия, мы избрали за лучшее, поступати с вышеупомянутыми людьми кротко и мирно, хотя они беспокойным своим разномыслием и весьма удаляются от единства Тела Господня… Может быть тогда, как мы с кротостию собираем разномыслящих, по слову апостола, даст им Бог покаяние в разум истины: и возникнут от диавольския сети, быв уловлены от него в свою его волю (2 Тим. 2, 25–26)».

Таков любящий голос Православной Церкви.

Итак, не забудем главного и основного в законе Христовом: не забудем любви даже по отношению к разномыслящим.

Однажды к великому старцу пустыни пришли три брата и стали говорить о своих подвигах.

– Я изучил весь Новый Завет на память, – сказал один.

– Ты наполнил воздух словами, – возразил старец.

– А я переписал на пергаменте все книги Ветхого и Нового Завета, – перебил другой.

– Ты закрыл кожами окна, – последовал ответ.

– А я никогда не ем вареного и не развожу огня, – похвалился третий, – у меня трава выросла на очаге…

– И тебе не будет от того никакой пользы, – заметил старец. – Все вы забыли страннолюбие… Имейте любовь к ближним – это самое главное! Без любви же ничто не пользует…

И это правда. Даже религиозная ревность без любви не может считаться добродетелью, а религиозная ревность, соединенная с ненавистью, – прямой грех.

Там, где взаимная любовь верующих настолько сильна, что единение духа между ними не нарушается известным разнообразием мнений, последнее вполне допустимо. Уже в древности в Иерусалимской Церкви существовали различные богословские школы, различавшиеся между собою оттенками мысли, но это нисколько не мешало им «блюсти единение духа в союзе мира» и составлять одну Церковь. Русская Православная Церковь недавно сняла клятву со старообрядцев Австрийского согласия, отличающихся от нее лишь обрядовыми особенностями богослужения, а так называемых единоверцев с их дониконовским ритуалом признает вполне равноправными своими членами. По поводу различия мнений апостол Павел так пишет коринфским христианам: *слышу, что, когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения, чему отчасти и верю. Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные* (1 Кор. И, 18–19). Он заповедует здесь лишь одно: чтобы все было *благопристойно и чинно* (1 Кор. 14, 40).

Но и разномыслие должно иметь свои пределы. Там, где оно нарушает единение духа и любви и грозит распадом Церкви, там тот же апостол Павел спешит его прекратить и призвать свою паству к единомыслию. Умоляю вас, братия, – пишет он, – именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях. Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у

вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов». Разве разделился Христос?разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились? (1 Кор. 1, 10–13).

Апостол Иоанн, апостол любви, тот самый, который получил от Господа урок о снисходительном отношении к «инакомыслящим», однако впоследствии, будучи в Ефесе, не решился войти в баню, где мылся еретик Керинф, учивший, что Сын Божий есть творение, хотя наилучшее. «Бежим отсюда, – сказал апостол своим спутникам, – баня может загореться, ибо в ней нечестивый человек».

Что это значит? Разве это не ненависть? И почему такое различие в отношениях к разным «инакомыслящим»?

Нет, это не ненависть. Любовь вовсе не должна быть слепой и закрывать глаза на язвы человеческой души. Любовь вовсе не требует обязательного внешнего общения с человеком, от которого можно духовно пострадать, не принеся ему ни малейшей пользы. Любовь и на расстоянии может проявляться в других формах, преимущественно в формах молитвы и доброделания.

Заповедь о любви остается всегда обязательной по отношению ко всем разномыслящим без исключения, как бы далеко ни ушли они от Христовой истины. Но внешнее отношение к ним может быть действительно различно в зависимости от того, что эти люди собой представляют.

Возвратимся к евангельской повести.

Нет никакого основания предполагать, как думают некоторые, что словами *не запрещайте ему* Господь разрешает одинаковую свободу всем формам разномыслия без исключения и удерживает от противодействия им Своих учеников и последователей. Это граничило бы с полным религиозным безразличием и равнодушием, и, наконец, этого не могло быть. Очевидно, в том человеке, которого Господь взял под Свое покровительство, и в его деятельности были особые черты, снискавшие ему благоволение Спасителя. В самом деле, каков был этот человек по евангельскому сказанию?

Во-первых, он творил чудеса именем Господним; во-вторых, он не злословил Господа; в-третьих, он не был против тесного кружка учеников Христовых.

Последние два условия Спаситель выдвигает как основание Своего ответа. Если б этот человек злословил и был против Его учеников, то есть мешал их делу, ответ был бы другой. Господь, наверное, согласился бы с запрещением учеников и оставил бы его в силе.

Отсюда мы можем извлечь для себя руководственное правило: к «инакомыслящим», которые не злословят Христа и не идут против Церкви Православной, необходима самая широкая терпимость. Там, где налицо имеются противоположные признаки, то есть злословие и вражда против Церкви, там допустимы меры духовного противодействия, а прекращение церковно-молитвенного общения неизбежно, ибо этого требуют канонические правила Вселенских Соборов Православной Церкви.

Пользуясь этим общим принципиальным правилом, можно легко определить свои отношения к любой из существующих ныне сект.

Нам приходится сталкиваться главным образом с двумя формами религиозного разномыслия: с баптизмом и старообрядчеством.

Основной грех баптизма заключается в том, что, отвергнув Священное Предание, они вместе с тем отвергли и всю церковную дисциплину религиозно-нравственного воспитания человека. Имея определенный идеал святости, данный жизнью и учением Господа, Церковь Христова уже с первых веков своего существования стала вырабатывать особую систему воспитания, которая вела бы человека к этому идеалу, облегчала бы его путь и предохраняла от неизбежных ошибок и падений. Особенно много было сделано для этого начиная с IV–V веков, когда Церковь стала пользоваться свободой и могла выделить лучшие свои силы не для борьбы с внешними препятствиями и стеснениями, а для развития и устройства своей

внутренней жизни. Сотни великих подвижников, удалившись в пустыню, не развлекаемые ничем в ее величавом безмолвии, сосредоточив все свое внимание на внутренней духовной жизни, проверяли личным опытом с необычайной добросовестностью средства и методы духовного совершенствования. Мы знаем, что многие из них достигли поразительных успехов и такой высоты святости, что приобрели даже силу подчинять себе природу.

В течение веков накопился громадный, тщательно проверенный опыт, определивший с возможной точностью так называемый аскетизм, то есть духовные упражнения, которые помогают человеку в борьбе с грехом и страстями. Этот опыт и лег в основу аскетической дисциплины Церкви.

Баптисты отвергают эту дисциплину, а вместе с тем и таинства – те благодатные средства, которыми Церковь пользуется для укрепления слабеющего человека и силу которых мы постоянно испытываем на себе в жизни. Неудивительно, что среди баптистов нет людей высокого духовного совершенства, святость которых объективно была бы засвидетельствована силою чудотворений и которых так много в Православной Церкви, особенно в ее прошлом.

Но этого мало. В отношениях баптизма к Православной Церкви ясно сквозит дух вражды. Достаточно побывать на диспутах сектантов с православными, послушать речи вожаков баптизма, когда они говорят о Православной Церкви и ее священниках, чтобы понять, сколько здесь таится глухой, непримиримой ненависти. Что особенно обличает в них эту непримиримость – это их постоянное стремление совращать в свою секту именно православных. Поле христианской работы сейчас широко открыто для всех. Один развивающийся атеизм может поглотить все силы работников на Божьей ниве. *Жатвы много, а делателей мало* (Лк. 10, 2). В этом море разливающегося неверия можно иметь такой богатый улов, и, кроме того, что может быть благороднее этой задачи – спасать гибнущих в бездне отрицания, приводить неверующих ко Христу! Но деятели баптизма туда почти не идут и все свои усилия прилагают лишь к тому, чтобы привлечь к себе наиболее верующих из православных. Эта тактика была бы совершенно необъяснима, если б они руководились лишь искреннею ревностью о Боге, о деле Христовом, о расширении круга верующих. Но она вполне понятна, если в Православной Церкви баптисты видят врага. При таких условиях сойтись с ними трудно.

Нет недостатка здесь и в злословии, и нередко в бреду неразумной ревности это злословие, направленное против верований Православной Церкви, поражает косвенно и предмет этих верований – Господа нашего Иисуса Христа.

Нам известен такой случай.

Одна из православно верующих проходила мимо дома знакомого баптистского семейства, совращенного в сектантство сравнительно недавно.

Хозяйка дома стояла на пороге.

– Поди-ка сюда, – сказала она, обменявшись приветствиями, – я что тебе покажу…

Прохожая вошла.

– Смотри-ка, – продолжала хозяйка-баптистка, – я вашими богами кринки покрываю…

На длинной скамейке стоял ряд кринок, покрытых иконами. Особенно бросалась в глаза новая, прекрасного письма икона Спасителя. Невыразимо больно стало посетительнице от этого рассчитанного кощунства, и молча она ушла…

Конечно, не всякий баптист способен на такую выходку, но для сектантства она типична, хотя ничем оправдана быть не может.

Во-первых, если ты веришь по-иному, то зачем это оскорбление, это намеренное глумление над тем, что нам свято и дорого? Зачем делать человеку больно? Разве этого требует любовь Христова?

Во-вторых, подобная выходка – оскорбление Бога, Который изображен на иконах, Господа Иисуса Христа.

Бесчестя изображение Спасителя, человек выражает свое презрительное отношение к живому оригиналу изображения – к Господу. Кто действительно любит своего Спасителя и благоговеет перед Ним, тот никогда не посмеет так обращаться с Его изображением, хотя бы для себя лично и не видел в нем нужды. Это уже почти то злословие Бога, о котором мы говорили выше и которое затрудняет сближение православно верующих с баптистами.

Что касается раскола старообрядчества, то здесь единение более возможно, особенно с тем его течением, которое носит название «Австрийского согласия» и от которого Православие отличается сравнительно немного обрядовыми особенностями богослужебного чина. В какой форме возможно здесь церковное единение – сказать сейчас трудно, но оно, вероятно, осуществится рано или поздно, так как сейчас устранены исторические причины разделения. К сожалению, в настоящий момент почва для такого сближения еще недостаточно созрела. Фанатизм старообрядчества, его исключительность и нетерпимость, его неуступчивая привязанность к букве и к внешней форме обряда, отголоски прежней вражды – все это еще стоит между нами трудно переходимым барьером. Но есть все основания надеяться, что этот барьер постепенно будет осыпаться все более и более и когда-нибудь сгладится совершенно.

Дай Бог!

Во всяком случае, от всех нас – христиан – теперь требуется как можно больше истинной любви и терпеливой снисходительности друг к другу, чтобы сделать возможным взаимное понимание и приблизить то время, когда *будет едино стадо и един Пастырь.*

Грешно тратить силы во взаимной борьбе. У нас есть общий враг: неверие.

Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом (Гал. 5, 14–15).

Глава 10

Глава 10, ст. 1-16

В данном отрывке Евангелия Господь дает слушателям наставление относительно брака и прелюбодеяния.

Поводом для этого наставления послужил коварный вопрос со стороны фарисеев: *позволительно ли разводиться мужу с женою?* Собственно говоря, не было никакой причины спрашивать об этом у Господа, ибо в пятой книге Закона Моисеева – во Второзаконии заключались определенные постановления относительно развода, и фарисеи, конечно, знали прекрасно эти правила.

Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, – гласил Ветхий Закон, – *и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего* (Втор. 24, 1).

Так как закон не определял здесь точно поводов для развода, то эта неясность повела к страшным злоупотреблениям на практике, и еврейские истолкователи закона, книжники и законники, угодливо раздвинули рамки этого позволения развода до крайних пределов. Фактически муж мог прогнать свою жену без всякого основания. Пережаренное женой мясо или разбитый ею горшок уже давал ему право искать развода, процедура которого была чрезвычайно несложна. Надо было только при свидетелях вручить ей разводное письмо, и раз она брала его в руки, то развод считался состоявшимся фактом, и апеллировать к кому-нибудь уже не полагалось. Пока дух древнего благочестия еще держался в еврейском народе, а семейные устои стояли крепко, злоупотребления этим законом были сравнительно редки. Но ко времени Господа нравственная распущенность народа была так велика, что разводы случались постоянно по самым ничтожным поводам, и это грозило обществу и семье самыми серьезными последствиями. Коварство вопроса фарисеев и состояло в том, что они знали чистоту взглядов и нравственных правил Господа, знали, что Он не мог одобрить этой распущенности и своего рода узаконенного разврата, а между тем если б Он открыто выразил порицание закона, вызвавшего своею неопределенностью эти печальные явления жизни, то этим неизбежно поколебал бы Свой авторитет в глазах слушателей и те же фарисеи обвинили бы Его в неуважении к Закону Моисея.

Мы знаем ответ Господа.

По жестокосердию вашему, – сказал Господь, – *он написал вам сию заповедь. В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их. Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (ст. 5–9).

Таким образом, по словам Господа, брак, заключенный однажды, нерасторжим, ибо Бог его сочетает.

Эту мысль о нерасторжимости брака Он снова подтверждает, оставшись с учениками наедине, и называет при этом развод, учиненный с целью вступления в новый брак, просто прелюбодеянием.

Кто разведется с женою своею, – говорит Он, – *и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует* (ст. 11–12).

Таков высокий взгляд Господа на брак и так строго относится Он к разводам.

Как мало мы считаемся теперь с этими словами нашего Спасителя, и какую жалкую картину представляет современная жизнь так называемых христиан в этом отношении!

Разводы стали повседневным явлением. Особенно в первое время после введения у нас гражданского брака они приняли характер грозной эпидемии. Разводятся по всякому поводу и даже без всякого повода. «Не сошлись характерами» вот обычная мотивировка современного развода, хотя в действительности эта фраза, как фиговый лист, часто прикрывает совершенно недвусмысленное желание внести лишь разнообразие в наслаждения любви. Разнузданная похоть требует новизны ощущений, и в жертву этому идолу прелюбодеяния приносится и семейное счастье, и будущность детей, и судьба покинутой жены.

Легкомысленное отношение к браку и разводу иногда просто невероятно.

К одному епископу является однажды женщина с просьбой снять благословение с ее церковного брака, то есть разрешить ей развод. Она желает оставить мужа и вступить в брак с другим человеком, бросившим незадолго до этого свою жену и разведшимся с нею в гражданском порядке.

– Что же, тебе опостылел муж? – спрашивает епископ.

– Нет, Владыко!

– Или, может быть, ты слишком увлеклась тем… другим?

– О, нет… нисколько!

– Так в чем же дело? Почему ты ищешь развода?.. Смотри, твой избранник уже бросил одну жену… Он и тебя бросит!

– Может быть… Да видите ли в чем дело: мы завели с ним гусей… Если теперь его оставить и опять жить с мужем, надо гусей бросать!.. Разрешите, Ваше преосвященство!

Это не анекдот, а факт.

Часто случается, что супруги, разведшиеся по минутному недоразумению, скоро примиряются, снова сходятся и живут, не зная сами, что они собой теперь представляют: не то муж и жена, не то совсем чужие друг другу люди!

Многие ухитряются в течение одного года несколько раз развестись и переменить несколько жен!

Разве это не разврат? Не прелюбодеяние?

Прелюбодеяние было строго запрещено еще в Ветхом Завете.

«Не прелюбодействуй», – гласит седьмая заповедь Закона Моисеева (Исх. 20, 14; Втор. 5, 18), и нарушение ее каралось смертной казнью через побиение камнями (Втор. 22, 22–24). Точно такому же суровому наказанию подвергались уличенные в блудодеянии разных видов (Втор. 22, 21, 24–25; Исх. 22, 19; Лев. 20, 10–18).

Так же строго относилась и Православная Церковь к грехам против седьмой заповеди, карая за эти грехи отлучением от Святого Причастия и от общения с верующими. По правилу Василия Великого прелюбодеи, то есть совершившие грех в замужестве, отлучаются от общения на 15 лет (см. Василий Великий, пр. 58). Епитимия эта сокращается до семи лет, если виновные со слезами покаются в своем преступлении (VI Всел. Собор, пр. 87; Василий Великий, пр. 77).

Несколько снисходительнее карается грех блудодеяния, то есть нарушение целомудрия, не связанное с нарушением супружеской верности. Но все же и здесь епитимия отлучения продолжается девять лет и по 4-му правилу святителя Григория Нисского проводится следующим образом:

«Осквернившиеся блудодеянием на три лета да будут совсем удалены от церковныя молитвы, три лета да участвуют в едином слушании писаний, в иныя три лета да молятся с припадающими в покаянии, и потом да причащаются Святых Тайн».

В некоторых случаях епитимия эта сокращается до четырех лет (Василий Великий, пр. 22), причем даже отроковица, вышедшая замуж без согласия отца, признается блудницею и отлучается от Святого Причащения на три года (Василий Великий, пр. 38).

Если бы в настоящее время применять эти правила со всею строгостью, то, вероятно, мало бы оказалось людей, не отлученных от церковного общения.

Последний Поместный Собор Русской Церкви 1917–1918 годов за прелюбодейную, зазорную жизнь определил лишение прав избрания на церковно-приходские должности, то есть на должности церковных старост, членов приходских советов и т. п.

Отеческое наставление хранить себя от блуда и прелюбодеяния находим мы в Первом послании апостола Павла к Коринфянам:

Я писал вам в послании, – говорит он, – *не сообщаться с блудниками… Не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником… с таким даже и не есть вместе… Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники… Царства Божия не наследуют… Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела… Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет! Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: два будут одна плоть. А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом. Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела. Не знаете ли, что тела́ ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии* (1 Кор. 5, 9, 11, 6, 9-10; 13, 15–20).

Самые мысли блудные, нечистые вожделения, мечты и картины развратного воображения запрещены законом Христовым. «Что пользы хранить наружную чистоту, – пишет святой Макарий, – если сердце полно нечистых вожделений».

Охраняя верующих от соблазна, Православная Церковь запрещает даже изящные женские прически и 96-м правилом VI Вселенского Собора постановляет: «Власы на главе, ко вреду зрящих, искусственными плетениями располагающих и убирающих, и таким образом неутвержденные души прельщающих, отечески врачуем приличною епитимиею, руководствуя их аки детей, и научая целомудренно жити… Аще же кто вопреки сему правилу поступит: да будет отлучен…»

Говоря о тех же соблазнах нарядной и щегольской одежды, вызывающей нецеломудренные мысли, великий проповедник древней Церкви святитель Иоанн Златоуст резко обличает нарядных барынь, являвшихся и в его время в храм не столько для молитвы, сколько для соблазна мужчин: «Твои вздохи и слезы, – говорит он в одном из своих поучений, – только смешны, ибо ясно, что они исходят из той же души, которая так много думала и заботилась о мишурных побрякушках. Ты вызываешь только язвительный смех и презрительные взгляды…»

Святые подвижники благочестия всеми силами и чрезвычайной строгостью хранили телесную чистоту, не останавливаясь перед самыми героическими мерами. Мы уже знали ту жестокую борьбу, которую выдержали, защищая свое целомудрие, Иосиф, Патриарх Ветхого Завета, прп. Мартиниан, Моисей Мурин, Иоанн Многострадальный, Бенедикт Нурсийский, бросавшийся в колючий терновник всякий раз, как его охватывало страстное возбуждение, и многие другие.

Вот еще один поразительный факт этого рода, записанный в Прологе.

Во время одного из гонений на христиан взят был на мучение один юноша глубокой веры и чистой, прекрасной жизни. Прежде чем подвергнуть его пыткам, язычники захотели его осквернить и с этой целью в роскошном благоухающем саду поставили богато убранное ложе, к которому и привязали мученика. В сад впустили блудницу, чтобы она своими лас-

ками разожгла сладострастие юноши и соблазнила его на грех. Бедный юноша оказался в полной власти нечистой женщины: он не мог ни оттолкнуть ее от себя, поскольку руки его были связаны, ни уйти от нее. Но когда он почувствовал, что в нем возбуждается страсть и что соблазн побеждает, он откусил зубами язык свой и с кровью выплюнул его в лицо блудницы… И в ужасе та удалилась.

Так ревниво, не щадя себя, оберегали свою чистоту святые подвижники.

Где теперь эти герои целомудрия? Какую жалкую противоположность им представляет современная молодежь, да и все наше общество, распущенное, разнузданное, развращенное! На грехи тела смотрят более чем снисходительно. Установилось дикое мнение, что для молодого человека воздержание вредно, что ему необходимо «перебеситься», проще говоря, растратить в блуде свои духовные и физические силы и жар молодой любви и чистоту юности утопить в грязи разврата.

Грехи этого рода не скрывают со стыдом, как позорное пятно, но их выставляют напоказ, ими хвастаются, ими щеголяют. Если их нет, их выдумывают, о них рассказывают вымышленные истории в кругу веселых собутыльников. Удаль и успех в волокитстве считаются чуть ли не геройством, и так называемым львам, светским фатам, специализировавшимся в разврате, многие искренне завидуют.

Дух блуда царит в современной жизни как полновластный властелин.

Конечно, в значительной степени в этом сумбуре нравственно-извращенных понятий общества повинна наша злосчастная литература, особенно последнего периода. Все эти Арцыбашевы, Вербицкие и т. п. делали поистине грязное, гнусное дело, развращая воображение читателей своими порнографическими произведениями и убивая последние остатки стыда в обществе. Но и их литературные деды, родоначальники современной поэзии и беллетристики, немало потрудились над тем, чтобы блудную похоть облечь в самые красивые формы, поэтической дымкой прикрыть действительное безобразие этого уродливого божка и зловоние разврата заглушить ароматом звучной речи и плавных стихов. Какой тонкий яд льется со страниц романов и повестей корифеев нашей словесности, тем более опасный, что он преподносится в самой изящной форме увлекательного рассказа, приятно волнующего воображение читателя, или драпируется в тогу ученых рассуждений о психологии любви и о женском вопросе. Неудивительно, что молодежь упивается сладкой отравой, которой пропитаны произведения этих певцов и романтиков прелюбодеяния.

Бедная молодежь! Сколько непозволительных опытов проделывалось и проделывается на ней то во имя классицизма, то во имя реализма, то во имя политики и марксизма, то во имя других модных кумиров!

Немудрено заблудиться в этом лабиринте разных направлений и потерять единственно верную дорогу, отмеченную вехами Евангелия. Неудивительно, что, сбитая с толку, она или бросается в порнографию, устраивая кружки «огарков» и т. п., или увлекается тайнами оккультных наук, или, не удовлетворенная ничем, ищет выхода в самоубийстве…

Как-то один всеми уважаемый старец с большим духовным опытом и широкой исповеднической практикой с большой грустью говорил о быстром распространении тайных пороков среди молодежи, принимающем уже грозные размеры настоящей эпидемии.

– Гибнет молодежь, гибнет, – говорил он, понурив седую голову, – вырождается!.. И что всего хуже – пастыри не обращают на это внимания: на исповеди не спрашивают о тайных пороках, не растолковывают их вреда, не предостерегают молодежь… Легко сказать: молодежь гибнет по вине пастырей!

В этих словах есть известная доля правды, хотя, конечно, не одни пастыри виноваты в современной распущенности. Соблазн грозит отовсюду.

А между тем вряд ли есть другой порок, который до такой степени растлевал бы физические и нравственные силы человека и делал его совершенно неспособным к восприятию Духа Божия, как именно блудный разврат.

Почему так вреден этот грех и почему так строго относится к нему Церковь в своем стремлении предохранить чад своих от этого растления?

Во-первых, порок этот растлевает физические силы человека и его здоровье. *Блудяй, во свое тело согрешает,* – говорит апостол Павел, то есть прежде всего это грех против собственного тела. Обычные результаты разврата расстройство нервной системы, истощение организма, иногда сухотка спинного мозга. Совершенно неверно мнение, что будто бы абсолютное целомудрие вредно для здоровья. Медицина совсем не знает случаев такого вреда, и утверждать подобную нелепицу могут только шарлатаны. Наоборот, порок блудодеяния никогда не проходит бесследно для здоровья, принося вред иногда непоправимый. Уже самый вид закоренелого развратника говорит о том, как дорого приходится расплачиваться за тайные наслаждения.

Прибавим к этому возможность ужасных последствий дурных болезней, опасность которых постоянно грозит развратнику. Какую страшную жатву пожинает этот порок в России, видно из того, что во время последней войны только через один медицинский пункт, расположенный на довольно глухом участке фронта, прошло 32 ООО солдат, зараженных дурною болезнью. Ужасные цифры! Сколько таких больных должно быть во всей России! Даже в так называемых порядочных домах среди почтенных отцов и матерей семейств нередко можно, по отзывам врачей, встретить эту болезнь. Не начало ли это полного вырождения народа?.. Так, говорят, в Африке есть белые муравьи, которые целиком выедают сердцевину деревьев… И стоит такое трухлявое дерево, пустое внутри, обманывая до поры до времени взгляд своим внешним видом. Но достаточно легкой грозы, чтобы оно рассыпалось в порошок.

Отчего сейчас мужчины так слабы духом и почти нет среди них настоящих мужчин, людей сильной воли и высокого духа? Думается, что одна из главных причин, если не считать потерю религии, состоит именно в том, что современные мужчины так легко отдаются блуду и почти нет среди них людей, сохранивших целомудрие.

Чувствительность человека от разврата притупляется. Впечатления уже не воспринимаются с обычной живостью и силой, и радости жизни не доставляют прежнего удовольствия. Жизнерадостное настроение тускнеет, все мировоззрение принимает тон мрачный и унылый. Приступы уныния, особенно после падений у молодых людей, у которых еще не заглохла совесть, бывают иногда настолько сильны, что доводят до самоубийства, как это описывается в одном из рассказов А. Чехова.

Понижается, далее, весь идеал жизни. Мечты об общем счастье, о самоотверженной деятельности на пользу ближних, о подвигах служения, о будущем человечества, полном любви и радости, – все эти святые грезы, которыми вдохновляется юное сердце, которые манят его, как путеводный огонек, и сохраняют от пошлости жизни, которые создали в жизни все, что в ней есть прекрасного и высокого, весь этот идеализм молодости меркнет и гаснет. Вместо этого сознание все более и более наполняется картинами сладострастия, грязными, жгучими и соблазнительными. Сила и ядовитый чад этих образов, чарующих и позорных, таковы, что вытесняют из души все возвышенные мысли и желания, которые увлекали раньше. Нередко бывает, что человек не в состоянии думать более ни о чем другом: им всецело владеет демон страсти. На каждую женщину он не может смотреть иначе, как на самку. Мысли одна другой грязнее ползут в его отуманенном мозгу, а в сердце одно желание – удовлетворить свою похоть. Это уже состояние животного или, вернее, хуже животного, потому что животные не доходят до того разврата, до которого доходит человек.

В этом состоянии человек уже совершенно не может воспринять веяние благодати и теряет всякую чувствительность к воздействию Духа Божия. У него нет более отзывчивости к добру, к которому Господь влечет человека тайным призывом его совести: он не слышит этого внутреннего голоса, он нравственно тупеет. Это смерть духовная – состояние более опасное, чем состояние злобы, ибо в злобе духовные силы не уничтожаются, но лишь направлены в дурную сторону, здесь же они не только слабеют, но могут исчезнуть окончательно. Вот почему Господь карает, обыкновенно, гневом Своим подобных людей, уже неспособных к возрождению. *Не имать дух Мой пребывает в человецех сих вовек, зане суть плоть* – этот суровый приговор был произнесен над людьми пред потопом, когда *сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им* и когда *увидел Господь [Бог], что велико развращение человеков на земле* (Быт. 6, 4, 5). Грозное наказание последовало за этим приговором: всемирный потоп смыл с лица земли весь человеческий род, отупевший в разврате. Такая же печальная участь постигла позднее города Содом и Гоморру, и тоже за грехи разврата: *И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь… и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли* (Быт. 19, 24–25).

Беспощадно истреблены были также народы земли Ханаанской во время завоевания ее евреями. За грехи разврата отвержены они были Богом и погибли, а земля отнята от них и отдана Израилю. Говоря Моисею о мерзостях блуда, которыми осквернен был Ханаан, Господь требует от Своего народа: *Не оскверняйте себя ничем этим, ибо всем этим осквернили себя народы, которых Я прогоняю от вас: и осквернилась земля, и Я воззрел на беззаконие ее, и свергнула с себя земля живущих на ней. А вы соблюдайте постановления Мои и законы Мои и не делайте всех этих мерзостей, ни туземец, ни пришлец, живущий между вами, ибо все эти мерзости делали люди сей земли, что пред вами, и осквернилась земля; чтобы и вас не свергнула с себя земля, когда вы станете осквернять ее, как она свергнула народы, бывшие прежде вас; ибо если кто будет делать все эти мерзости, то души делающих это истреблены будут из народа своего. Итак соблюдайте повеления Мои, чтобы не поступать по гнусным обычаям, по которым поступали прежде вас, и чтобы не оскверняться ими. Я Господь, Бог ваш* (Лев. 18, 24–30).

Чрезвычайно тяжелыми последствиями сказывается также потеря целомудрия на семейной жизни и на семейных отношениях людей, проведших бурную, нечистую юность. Сколько зла приносит так называемый флирт – обычное среди молодежи любострастное ухаживание друг за другом, вся эта вольность взаимных отношений, разжигающие и ни к чему не обязывающие поцелуи, кокетливая игра на чувствах, иногда очень опасная и воспламеняющая. Чистое золото искренней любви разменивается здесь на грязные пятаки волокитства, и это очень грустно.

Любовь честная, хорошая любовь юных сердец – это драгоценный дар Творца, данный человеку как великое счастье и радость жизни, и к этому дару надо относиться бережно. А между тем часто люди теряют этот дар по небрежности или легкомысленному обращению с ним. Грубеет постепенно сердце в нездоровых возбуждениях флирта, и уж не можете вы любить искренно, беззаветно и чисто. Наступает между тем момент, когда на жизненном пути вам встречается хороший человек, о котором вы давно мечтали, которому хотелось бы отдать все ваше сердце, человек, способный составить счастье всей вашей жизни, вполне достойный вашей любви… и с ужасом замечаете вы, что уже не можете любить, что любить вам нечем: сердце износилось, истрепалось, сердце не способно к глубокому, прочному чувству. И как больно, оглянувшись назад, на свое прошлое, видеть, что чистое, яркое, большое счастье любви променено на грязь сомнительных наслаждений. И помочь горю почти уже нельзя.

Итак, берегите сердце! Берегите юную любовь!

Она нежна, как благоухающий лепесток лилии, который так легко запачкать и замять грубыми руками!..

От распутной молодости родителей, быть может, еще более страдают дети. Физически это сказывается в них ненормальностями организма и разными болезнями, психологически – дурной наследственностью.

Пороки родителей легко передаются по наследству детям, и часто в детях Господь посылает наказание родителям за их нечистое прошлое, которое является несомненным преступлением прежде всего перед потомством. Можно без колебаний сказать, что самая главная обязанность родителей по отношению к детям – это целомудрие до брака.

Как бороться с блудной страстью и искушениями против седьмой заповеди?

В значительной степени здесь придется повторить то, что было сказано раньше о борьбе с искушениями вообще.

1. Прежде всего берегите себя от соблазна. Грех заразителен, и не следует подвергать себя опасности заразы. Избегайте распущенного общества, где вы можете увлечься дурным примером; не слушайте циничных анекдотов, которыми так любит щеголять молодежь; смело остановите разошедшегося рассказчика, призвав его к приличию, или без церемоний оставьте компанию, где начнут рассказывать подобные вещи, а лучше всего, не ходить туда, где вы можете их услышать; никогда не ведите вольных разговоров и не позволяйте себе двусмысленных намеков; со строгим выбором относитесь к своему чтению: не читайте без разбора все, что попадет вам под руку, и избегайте не только бесстыдно-порнографических рассказов и повестей, но также и тех романов, которые дразнят и распаляют воображение картинами нечистой страсти; точно так же будьте осторожны в выборе пьес, когда посещаете театр.

2. Хорошо вести суровую, воздержную жизнь: простой, умеренный стол; ничего жирного, пряного, возбуждающего; чистая вода вместо вина, чая и кофе; грубое белье, простая, скромная одежда; жесткая постель; умеренный сон и раннее вставание; купание или омовение холодной водой; регулярные прогулки на открытом воздухе и физический труд – вся эта элементарная гигиена жизни помогает бороться с половыми возбуждениями и значительно смягчает их остроту и силу.

3. Старайтесь всегда чем-нибудь занять свой ум. «Праздный ум – кузница диавола», – говорит американская пословица. Когда ум ничем не занят, мысли блуждают невольно и скорее всего останавливаются на чем-нибудь дурном и соблазнительном. Борьбу с соблазнами лучше всего вести положительными способами, предлагая рассудку для работы и упражнений здоровую пищу полезного чтения, хороших мыслей и возвышенных образов.

4. Ни в коем случае не играйте с искушениями. Танцы, игры с поцелуями, гулянья в общественных садах и на бульварах, в особенности же свидания, флирт и кокетство – все это опасная игра. Легко можно поскользнуться и упасть! У молодежи, особенно у молодых девушек, иногда бывает какое-то беспокойное стремление заглянуть за тот рубеж, за которым скрывается грех. Любопытство и какое-то тайное чувство влечет к краю пропасти. «Что за беда! – шепчет лукавый голос. – Можешь дойти до края и заглянуть туда! Это еще не грех… Только не падай!» Есть что-то опьяняющее в сознании, что скользишь по краю бездны. Но никогда этого не делайте. Вы можете не рассчитать своих сил. Один момент – закружилась голова, осыпался край пропасти… И вот вы во власти греха! Не шутите с огнем, особенно в пороховом погребе: может быть взрыв.

5. В борьбе не допускайте никаких компромиссов, никаких уступок. Будьте строги к своим желаниям и безжалостны к себе.

6. Если, при всей осторожности, вы все-таки встретились с соблазном, начинайте борьбу с мысли, ибо здесь появляется зародыш греха. *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением,* – говорит Господь, – *уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф.

5, 28). Поэтому избегайте даже мысли о блуде. Блаженный Августин, говоря о грехе блуда, намечает здесь четыре последовательных момента в развитии искушения: сначала взгляд, потом образ или нечистая мысль, дальше очарование, покоряющее волю, и, наконец, падение. Легче всего остановить искушение в первой стадии, когда взгляд на женщину или образ ее еще не соединился с блудною мыслью. Когда же человек не сумел вовремя прогнать эту мысль, позволил себе лелеять ее в своем воображении, тогда он скоро доходит до очарования, после чего падение почти уже неизбежно. Но и в конечных стадиях, не приходя в отчаяние, следует продолжать борьбу с напряжением всех сил, держась правила-победить или умереть.

7. Если вы чувствуете, что силы вам изменяют, и грех готов победить, остается еще великое средство: молитва.

Там, где не хватает человеческих сил, есть надежда на помощь Божию. Господь силен спасти и на краю бездны. Особенно в те минуты, когда охватит страстное возбуждение и дурные мысли полезут в голову, необходимо прибегать к молитве. Удобнее всего в таких случаях краткая, но настойчиво повторяемая молитва: «Господи, помилуй!» Покойный старец о. Макарий Свияжский советовал в такие минуты потихоньку прохаживаться с короткой молитвой Иисусовой на устах. Другие отцы советуют холодные омовения или лежание на холодном голом полу, пока не пройдет вспышка страсти. Но во всяком случае, искренняя молитва, непосредственное обращение к Богу, вопль сокрушенного сердца, как и всегда в борьбе с искушениями, являются и здесь самым надежным средством сопротивления греху, ибо иногда споборает за вас Бог.

Аминь, аминь, глаголю вам, яко без Мене не можете творити ничесоже, – говорит Господь.

Глава 10, ст. 17-31

Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? – с таким животрепещущим вопросом обращается богатый юноша к Господу Иисусу Христу.

Не правда ли: это самый важный, может быть, единственный вопрос в жизни, который должен быть разрешен во что бы то ни стало для каждого человека? И не чувствуем ли мы вместе с юношей, как сразу настораживается наше внимание, когда со смутным трепетом мы ждем ответа?

Знаешь заповеди, – говорит Господь, – *не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца твоего и мать.*

Обычный порядок заповедей в ответе Спасителя несколько изменен: во-первых, опущены первые четыре заповеди Закона Моисеева, говорящие об отношении человека к Богу; во-вторых, седьмая заповедь поставлена на первом месте, а пятая – в самом конце. Это объясняется, вероятно, тем, что собеседник Господа был человек, несомненно, религиозный, насколько можно судить по его ответу и по характеру самого вопроса, и, следовательно, не нуждался в напоминании об исполнении своих религиозных обязанностей по отношению к Богу; напротив, ему следовало напомнить в первую очередь те заповеди, против которых чаще всего грешит ветреная и увлекающаяся юность, и прежде всего, заповедь о целомудрии.

Учитель! – отвечал он. – *Все это сохранил я от юности моей.*

Он сохранил все заповеди и тем не менее не чувствовал удовлетворения; в душе все еще копошился сосущий червяк сомнения – иначе он не предложил бы своего вопроса. Он был искренен в своих исканиях. *Иисус, взглянув на него,* – говорит евангелист, – *полюбил его,* а Господь не терпел лицемерия и притворства. Кроме того, вопрос о вечной жизни не был для него вопросом пустого любопытства, годным лишь на то, чтобы служить предметом

отвлеченных рассуждений и словесных препирательств. Он не искушал Господа, как фарисеи. Он действительно искал вечной жизни, ибо строго исполнял заповеди и всей душой чувствовал необходимость разрешения мучащих его тяжелых сомнений.

В нем не было уверенности в правильности пройденного пути; чего-то не хватало, а между тем, он исполнил все заповеди, которые предписывал Закон. Чего же больше? Что еще надо?

С тревогой и надеждой он ждал ответа и разъяснения мучительного недоумения. Надежда его не обманула.

Одного тебе недостает, – услышал он голос Того, Кто знал сокровенные мысли человека и Кому открыты были советы сердечные, – *пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест.*

Господь сразу определил то, что лежало тяжелым гнетом в глубине души юноши как препятствие к дальнейшему совершенству и вечной жизни и что было неясной даже для него самого причиной тоски и неудовлетворенности.

Бедный юноша страдал привязанностью к богатству! Быть может, он и сам не сознавал всей силы этой привязанности до настоящего момента, но, несомненно, она-то и была главной язвой его души. Она отвлекала его от самоотверженного и цельного служения Богу и раздваивала его любовь между Богом и маммоной. Вся его праведность была, в конце концов, не выше фарисейской праведности чисто внешнего благочестия, и когда перед ним в упор встал вопрос, что выбрать: служение Богу и вечную жизнь или богатство, – он, *смутившись... отошел с печалью, потому что у него было большое имение.*

Он выбрал маммону.

Так трудно человеку, владеющему богатством, сохранить свое сердце от яда пристрастия к этому кумиру и отказаться от привычной роскоши и комфорта! Нужно много решимости и искреннего порыва, чтобы променять все это на бедную жизнь, полную лишений, хотя бы вдали как награда за подвиг добровольной нищеты и сиял свет вечного блаженства.

Господь сейчас же отмечает эту слабость человеческого сердца.

Как трудно, – говорит Он, – *имеющим богатство войти в Царствие Божие!* И так как факт владения богатством сам по себе греха не составляет, то Он прибавляет в пояснение: *дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие.*

Таким образом, Господь осуждает любовь и привязанность к богатству, осуждает тех, кто отдает сердце свое золотому кумиру и надеется на богатство более, чем на Бога.

Некоторые предполагают на основании данного евангельского эпизода, что Господь от каждого Своего последователя требует обязательного отказа от богатства, которое составляет непреодолимую преграду для вступления в Царство Божие. «Верблюд, – говорят, – никогда не может пройти сквозь игольные уши, следовательно, и Царствие Божие для богатого закрыто безусловно».

Мнение, конечно, неправильное, ибо хотя Господь и говорит о трудности спасения для богатых, но тут же прибавляет, что невозможное для естественных сил человека возможно для Бога, то есть с помощью Божиею. И мы знаем, действительно, много богатых людей, например ветхозаветных патриархов, которые по всей справедливости оказались достойными Царства Божия.

Другие придают словам Господа смысл социального правила и утверждают, что, по мысли Спасителя, совсем-де не должно быть ни богатства, ни частной собственности и что все имущество христиан должно находиться в общем владении, подобно тому, как это было в первоначальной общине христиан, когда *никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее* (Деян. 4, 32).

Правда, конечно, то, что вопросы материального благополучия являются чуть ли не самым главным препятствием на пути ко спасению; правда, что большинство святых подвижников, достигших небесной славы, совершенно не связывали себя никаким имуществом, ни «куплями житейскими», но тем не менее говорить, что христианство запрещает самый принцип частной собственности, нет никаких оснований.

В Ветхом Завете, открывая волю Свою на Синае, Господь дал совершенно определенную заповедь: *не кради* (Исх. 20, 15). Законодатель Нового Завета Иисус Христос эту заповедь снова подтверждает как раз в настоящем отрывке Евангелия, когда, обращаясь к юноше, говорит: *Знаешь заповеди: ...не кради.*

Раз Господь запрещает воровство, то ясно, что Он разрешает право частной собственности, потому что там, где нет личной собственности, где никто не имеет ничего своего, там не может быть и речи о воровстве, то есть присвоении чужого, ибо в этом случае, если я беру у вас рубашку, которую вы носите, или горшок, в котором вы варите щи, то я не ворую вашу вещь, так как вашего ничего нет, а беру только предмет общественного пользования, на который я имею такое же право, как и вы.

Кроме того, в жизни Господа и Его учеников мы постоянно встречаем предметы личного владения: одежду, деньги и т. п.

Но признавая частную собственность и даже право на богатство, Господь требует совершенно другого употребления имущества, чем то, которое является вполне естественным в наших глазах, и на цели владения смотрит совершенно иначе, чем мы.

Обычно мы считаем, что наше имущество дано исключительно нам, только для нашего личного эгоистического пользования. В учении Господа мы нигде не находим такой точки зрения. О таком праве исключительного пользования Господь нигде ничего не говорит. Наоборот, в Его речах то и дело встречаются заветы противоположного характера: *Продавайте имения ваши и давайте милостыню* (Лк. 12, 33); *Подавайте... милостыню из того, что у вас есть* (Лк. 11, 41); *Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся* (Мф. 5, 42) и т. д. Такое же повеление продать имение и раздать нищим Господь дает и богатому юноше. Создается впечатление, что, допуская владение личным имуществом, Господь требует, однако, чтобы этим имуществом мы пользовались не столько для себя, сколько для благотворительности нашим нуждающимся ближним. И это действительно так. Некоторые притчи Спасителя, как, например, притчи о талантах, о неправедном домоправителе, о безумном богаче, о богаче и Лазаре, дают право думать, что Господь смотрит на богатых собственников просто как на распорядителей или приказчиков временно вверенного им имущества, о распоряжении которым они должны будут дать отчет Богу. Если это имущество употреблено только на личные нужды и удовольствия, то им не избежать печальной участи того богача, о котором говорится в притче о бедном Лазаре.

Но какой же в этом смысл? – спросите вы. Давать человеку богатство и требовать, чтобы он тратил его не на себя, а на других? Не проще ли было наградить имуществом непосредственно тех, кто в нем нуждается? Почему это надо делать через приказчиков, которые, может быть, эту свою задачу даже и выполнить не пожелают?

Во всем этом есть глубокий смысл.

Духовная основа жизни есть любовь... Все заповеди *заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя,* – говорит апостол Павел (Рим. 13, 9). В исполнении заповеди любви к ближнему состоит высшая обязанность человека по отношению к человеку. *Если я не имею любви, – то я ничто* (1 Кор. 13, 2). Но любовь в высшем своем расцвете не дается как природный дар, и, хотя зародыши любви есть в каждом сердце, развитие их зависит от характера той жизни, какую ведет человек. Любовь можно развить, но ее также можно и погасить совершенно. Дела милосердия, благотворительность, забота о других – вот лучшие средства воспитания любви. Для этой-то цели Господь и дает человеку имущество.

Все таланты, все блага жизни, духовные и материальные, даются для целей взаимного служения, которое представляет единственный путь к развитию любви. Для этой цели мы и должны ими пользоваться. Это великое воспитательное средство в руках Божиих. Мы черствы по своей греховной природе. Раздаяние милостыни, оказание помощи и взаимных услуг, одним словом, вся практическая деятельность любви смягчает сердце, делает для человека более понятным и близким чужое горе, рождает благодарность в сердцах тех, кто получает благодеяния, и развивает любовь в тех, кто его оказывает; в последних, быть может, даже более, чем в получающих. Если же мы задерживаем данные нам Богом средства только для себя, то этим развиваем, наоборот, эгоизм и своекорыстие, то есть нечто совершенно противоположное намерениям Божиим. Вообще говоря, средство в духовной жизни может быть обращено или в сторону добра, для Бога, или в сторону зла, для диавола, и каждый случай, где на пробу ставятся нравственные устои человека, может его или духовно укрепить, поднять выше, или, наоборот, ослабить, понизить нравственно.

Богатство, употребленное на служение ближним, – средство нравственного подъема и укрепления. В этом смысле принцип собственности может быть назван священным, ибо тогда он служит высшим предначертаниям Божиим.

Богатство, потраченное исключительно на себя и на свои удовольствия, – орудие греха и нравственного падения, ибо тогда его употребление противоречит воле Божией и развивает лишь себялюбие.

С другой стороны, и отношение к чужому богатству тех, кто его не имеет, может быть двояким: оно может быть правильным, нравственным, соответствующим Божественной воле, или же, наоборот, может быть ложным, безнравственным, идущим вразрез с Заповедями Божиими.

Когда люди, не имеющие богатства, но пользующиеся им из чужих рук, питают к своим благотворителям чувство благодарности, которое есть не что иное, как известная форма любви, тогда этим отношением увеличивается сумма любви в мировой жизни, протягиваются новые, духовно скрепляющие связи в массе общества и выполняются Божественные законы, которыми держится жизнь. Такое отношение правильно с христианской точки зрения.

Но могут быть и другие формы отношений к чужому имуществу: зависть, дерзкая требовательность, насильственное присвоение и т. п. – отношения, которые вносят разлад, вражду, неурядицу и которые находятся в решительном противоречии с заповедями Творца и с законами жизненной гармонии. Такие отношения неправильны и безнравственны, ибо они разлагают общество.

Самую обычную форму таких отношений представляет воровство. Заповедь *не кради* дана в Ветхом Завете через Моисея и составляет восьмую заповедь Синайского Законодательства.

Она подтверждена также Господом, как мы видели выше (Мк. 10, 19). В Ветхом Завете она соблюдалась очень строго, как и все вообще заповеди Моисеева Закона, и наказания за воровство были довольно суровы. В книге Исход установлены такие карательные нормы: *Если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то пять волов заплатит за вола и четыре овцы за овцу. Если кто застанет вора подкапывающего и ударит его, так что он умрет, то кровь не вменится ему; но если взошло над ним солнце, то вменится ему кровь. Укравший должен заплатить; а если нечем, то пусть продадут его для уплаты за украденное им* (Исх. 22, 1–3). Закон, как видим, грозил за кражу не только штрафом, но и рабством, если вор не мог уплатить штрафа, и даже позволял его убить, если пойман был на краже в ночное время. В экстренных случаях преступление это каралось смертной казнью.

Когда при взятии Иерихона, Ахан, сын Зары, из колена Иудина, украл из военной добычи Израиля, преданной заклятию, прекрасную сеннаарскую одежду, двести сиклей

серебра и слиток золота весом в пятьдесят сиклей, то Иисус Навин *и все Израильтяне с ним взяли Ахана, сына Зарина, и серебро, и одежду, и слиток золота, и сыновей его и дочерей его, и волов его и ослов его, и овец его и шатер его, и все, что у него было, и вывели их [со всем]на долину Ахор… И побили его все Израильтяне камнями, и сожгли их огнем… И набросали на него большую груду камней, которая уцелела и до сего дня (Нав. 7, 24–26). Так строго каралось иногда воровство в древности.*

Православная Церковь за некоторые формы воровства, например, за похищение свечей и елея из храма, отлучает от общения Церковного (Апост. пр. 72).

Люди высокой духовной жизни, христианские подвижники, строго хранили восьмую заповедь и чрезвычайно осторожно относились к чужой собственности, старательно оберегая себя даже от случайного присвоения того, что им не принадлежало.

Однажды авва Агафон и его ученик нашли на дороге брошенный кем-то пучок гороху.

– Авва! Благослови поднять… – сказал ученик.

– Ведь не ты это положил! – отвечал старец. – Как же ты хочешь взять то, что тебе не принадлежит?

И они прошли мимо.

Когда преподобному Исааку случалось проходить полем и ему хотелось сорвать колос, он сначала просил позволения у владельца поля и, если не находил его поблизости, то никогда не решался сделать это самовольно.

Однажды святой Зенон в жаркий, удушливый день, томясь жаждой, сорвал и съел огурец с чужого огорода. Но затем почувствовал такие сильные угрызения совести, что в наказание заставил себя три дня стоять неподвижно под палящими лучами южного солнца. К концу третьего дня святой старец изнемог совершенно и уже не мог продолжать свой покаянный подвиг. Тогда он сошел с места, сделав самому себе нравоучение: «Зенон не может вынести не только геенского огня, но даже солнечного тепла… Итак, Зенон не должен брать ничего чужого!..»

В жизнеописании преподобного Иоанна Персянина рассказывается такой случай.

Он задолжал одному брату небольшую сумму денег и, так как не мог уплатить долг, то очень скорбел и молился Богу о помощи. Однажды, проходя пустыней, он заметил на песке золотую монету. Сначала он хотел поднять ее, потом удержался и прошел мимо. Трижды по разным поводам ему пришлось проходить тем местом, где в желтом песке, блестя на солнце, лежала монета и как будто дразнила его. Каждый раз его охватывало искушение воспользоваться находкой, и каждый раз он подавлял в себе это желание. Наконец, он рассказал обо всем своему духовному отцу, престарелому авве Иакову. Тот приказал объявить о находке по соседним монастырям и кельям, и только долгое время спустя, когда никто не заявил о пропаже, авва позволил преподобному Иоанну взять монету и уплатить долг, убедившись, что находка эта – дело благости Божией, откликнувшейся на молитву преподобного.

Не только прямого воровства, но и всякого обмана, связанного с материальным ущербом для других, старательно избегали люди праведной жизни.

Когда святой Епифаний Кипрский был еще отроком, его послали однажды на рынок продавать осла. Среди шумной толпы покупателей, окружившей его, оказался один старый еврей. Он тихонько отвел мальчика в сторону.

– Послушай, – сказал он ему, – мы веруем с тобой в одного Бога… Скажи по правде: нет ли порока в твоем осле? Стоит ли он того, что ты просишь?

– Нет, – правдиво отвечал Епифаний, – у него ноги никуда не годятся… Посмотри сам!

Он показал ему испорченную ногу животного.

– Покупать не советую! – прибавил он.

То же самое говорил он и другим покупателям.

Так добросовестны и безукоризненно честны были эти святые люди.

Да и не только святые. Среди самых обыкновенных граждан западно-европейского общества честность и добросовестность в договорах и сделках разного рода считаются обязательными для каждого порядочного человека, уважающего самого себя. В некоторых странах честность жителей удивительна и необыкновенна для наших нравов.

Один русский путешественник, проезжая по Финляндии, потерял на дороге свои карманные золотые часы. Погоревав немного о пропаже, он уже хотел махнуть рукой и ехать дальше, предполагая, что горю помочь невозможно и что никто часы ему не возвратит, если они и будут найдены. К счастью, о потере узнали его спутники.

– Напрасно вы так думаете, – сказали они ему в ответ на его безнадежные, разочарованные сетования, – заявите о пропаже в ближайший приход.

Он так и сделал: заявил пастору ближайшей церкви о потерянных часах.

– Подождите здесь до воскресенья, – сказал ему любезно пастор, – если кто-нибудь из нашего прихода поднял ваши часы, вы их получите.

Путешественник остался.

В воскресенье за богослужением во время обычного в лютеранской церкви объявления о новостях приходской жизни пастор сообщил собравшемуся народу о потере часов и просил их вернуть по принадлежности.

Часы были возвращены немедленно.

В той же Финляндии этот путешественник был чрезвычайно удивлен, когда, сдав на станции ручной багаж железнодорожному носильщику, он не получил от него никакой квитанции.

– Как же я получу назад свои вещи? – спросил он.

– Очень просто: зайдете в багажный вагон и возьмете.

– У вас такие порядки?

– Да.

– Ну а если кто другой возьмет мои вещи?

– Будьте спокойны… Этого здесь не бывает.

– Как странно… но ведь это все-таки возможно?

– Послушайте, а если я пойду и возьму вместо своего чужой чемодан?

– Чужой? Да на что же он вам?

– Ну… ну, если он мне больше понравится?

– То есть украдете? – прервал носильщик резко. – Ну, на это есть суд!

И он повернулся с негодованием, давая понять, что порядочным людям и говорить об этом неприлично.

Во многих местах хозяева, уходя, не запирают дверей своих домов. До такой степени редко здесь воровство!

Какую грустную противоположность этой честности мы наблюдаем у себя в России!

Как-то во время одной из экскурсий наших учителей за границу небольшая группа русских педагогов вошла в народную английскую школу в Лондоне.

Их приняли очень любезно, провели по всем классам, все показали, все объяснили. Некоторые из них посетили урок географии. Один из учителей заинтересовался тем, что преподается английским детям о России. Он взял с парты учебник географии, перелистал, нашел раздел о Русском государстве и стал читать. И что же он прочитал?! После прекрасного и точного географического и этнографического описания страны в учебнике стояла небольшая заметка о национальном характере русских, заставившая его покраснеть от стыда до корней волос: «Отличительная особенность русских – это бесчестность».

Такова характеристика русского народа, которую заучивают английские школьники.

Но как бы то ни было, можно краснеть от подобной характеристики, которую дают нам иностранцы, но нельзя не сознаться, что она недалека от правды.

На лондонской бирже существует так называемая черная доска, на которую заносятся фамилии недобросовестных фирм и коммерсантов, с которыми нельзя иметь дело. Преобладают русские фамилии.

Чего стоят одни русские пословицы, выражающие взгляд народа на честность, особенно в торговых делах: «Не обманешь – не продашь», «От трудов праведных не наживешь палат каменных», «Пусти душу в ад – вот и будешь богат». И что всего хуже, в этих пословицах не ирония видна, не насмешка, а совершенно спокойное, можно сказать, идейное оправдание плутовства.

В порядочном обществе как-то даже неловко доказывать, что не следует красть, а между тем, чрезвычайно многие из нас, особенно за последнее время, развратились до такой степени, что серьезно нуждаются в таких доказательствах. Многие смотрят на чужую собственность с точки зрения того жулика, который на вопрос о профессии отвечал:

– Я лекарь… Да, лекарь: лечу общественные недуги и занимаюсь более справедливым распределением ценностей по карманам!..

Легкомысленное, выражаясь мягко, отношение к присвоению чужого у нас необычайно велико, велико до преступности и грозит стать повальною болезнью. По-видимому, большинство держится здесь правила: «Воруй, да не попадайся», «Не пойман – не вор». Внутренних же устоев честности в народе очень мало.

Между тем, не говоря уже о том, что воровство является нарушением Заповеди Божией, простые практические наблюдения говорят против него. Краденое редко идет впрок, и что легко нажито, легко и проживается. Как говорит святитель Тихон Задонский: «Нажитое неправдой протекает, как вода сквозь пальцы… Пытаться увеличить свое благосостояние за чужой счет – значит черпать воду решетом».

Несколько лет тому назад на Волге около Богородского разбило бурей баржу с ватой. Сбежались крестьяне окрестных деревень и растащили с разбитой баржи всю вату. Так как вата была подмочена, то ее разложили на крышах домов для просушки: но сырая вата, как известно, обладает способностью самовозгорания, и, разложенная по крышам, она быстро воспламенилась. Начался пожар, от которого сгорело сорок пять дворов. Тогда только крестьяне поняли свой грех и в страхе побросали свою добычу в Волгу, к сожалению, слишком поздно!

Автор жизнеописания святителя Василия Нового, Григорий, рассказывает о себе такой случай.

Однажды, остановившись во время путешествия в гостинице, он нашел здесь пояс, забытый проезжими купцами, и взял его себе. Напрасно вернувшиеся с дороги купцы искали пояс всюду в гостинице. Григорий утаил свою находку. И что же?.. Вскоре после этого он потерял собственный пояс, вышитый золотом да еще с деньгами, зашитыми в нем. Когда, вразумленный этим происшествием, он скорбел и каялся, явился ему во сне святой Василий с разбитым горшком и, указывая на него, сказал: «Если кто украдет даже это, то потеряет здесь вчетверо… А если нет у него имения, то вчетверо увеличатся его мучения в будущем».

Бесчестность особенно пагубно сказывается в общественной деятельности и в государственной жизни, рождая взаимное недоверие и подозрительность, разлагающие общество. Воровство здесь принимает едва ли не худшую форму – казнокрадства, составляющего, по-видимому, широко распространенный грех среди русского служащего класса. Еще при Петре Великом, когда, раздраженный постоянным взяточничеством и воровством служилых людей, царь грозил им строгим наказанием до смертной казни включительно, один из видных вельмож того времени, Ягужинский, совершенно откровенно заметил:

Ваше Величество, может быть, один хотите царствовать? Ведь мы все воруем: одни больше, другие – меньше.

А между тем, эта бесчестность в общественном или государственном деле грозит самыми серьезными последствиями. Это уже своего рода саморазрушение или саморазложение общественного организма. Государство тогда представляет гигантский муравейник, где каждый муравей, стремясь поживиться, растаскивает государственное достояние в свою норку, на свою потребу. Нетрудно видеть результат такого процесса: общее достояние скоро будет разграблено, государство экономически развалится, и наступит рано или поздно такое время, когда и воровать будет нечего и не у кого. Экономическая жизнь упрется в тупик.

Наконец, бесчестность позорит народ, позорит и дискредитирует его верования и идеалы в глазах других народов, даже более низких культурно. Народ теряет тогда право на уважение и не может более исполнять свою христианскую миссию обращения и просвещения других племен, на что давало бы ему право величие исповедуемой им религии.

Как горько читать, например, такие рассказы:

«Молодой миссионер-монах держит речь перед собранием язычников Тибета. С жаром и горячим одушевлением говорит молодой инок о нашем Спасителе, о Его страданиях, искупивших грех человека, о Его великой любви к людям, о Его дивном учении, приносящем в жизнь свет и счастье, о вечном блаженстве и т. д. Внимательно и задумчиво слушают проповедника ламы-жрецы, ни одним звуком не прерывая его речи: восточный этикет строг.

Наконец миссионер кончил. Медленно и величаво из круга слушателей поднимается старый лама. Он низко, по-восточному, кланяется, скрестивши на груди руки, и начинает ответную речь: „Мы с великой любовью выслушали нашего брата, выслушали его прекрасную речь о Христе-Спасителе, учившем любить друг друга и жертвовать собою для других… Да, Христос выше, шире, светлее Будды. Его учение бесконечно лучше и может составить счастье человечества. Надо быть глупым слепцом, чтобы этого не видеть и не понять. Рай был бы на земле, если б исполняли Его учение… Но где исполнители? Мы их не видим и не находим, и ваш народ, обладающий столь великой религией, не стал от этого ни лучше, ни счастливее. Мы со своими скромными верованиями были лучше вас. Мы не знали Христа, но были честны, прямодушны, правдивы, целомудренны, трезвы… Мы не знали замков, и можно было положить на дороге кошелек с золотыми монетами в уверенности, что никто его не тронет. Воровство было не слыхано в нашей земле до тех пор, пока не пришли вы. Вы принесли к нам пьянство, разврат, бесчестность. Вместе с вами появились злоба, ненависть, воровство. Начались преступления всякого рода. Явилось недоверие и замки. Нашего честного, доброго народа узнать нельзя. Наша молодежь гибнет от распутства и пьянства. Вы сделали нас несчастными с вашим Христом…“

Так говорил старый лама.

„Я чувствовал себя оплеванным, – прибавляет миссионер – никогда в жизни не переживал я более глубокой скорби, как тогда, внутренне сознавая, что старый жрец прав и что сияющее знамя Христа втоптано в грязь недостойною жизнью и пороками того народа, которому оно было вверено“.

Да, великое счастье быть христианином, но это великое звание налагает и великие обязанности.

Умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, – завещает апостол Павел (Еф. 4, 1).

Вы скажете: да ведь мы не воруем и в бесчестности нас нельзя упрекнуть!..

Так ли? Проверьте свою жизнь: нет ли там фактов мелкого хищения? Зачитанная книга, не возвращенная сдача просчитавшегося приказчика, вырубленное в лесу дерево, яблоко, сорванное мимоходом в чужом саду, присвоенная находка и т. п. – ведь это тоже воровство. Пусть это кажется нам мелочью, но от этого развивается постепенно привычка небрежного, легкомысленного отношения к чужой собственности, и на почве этой привычки при случае

вырастут и крупные грехи. Мелкая пыль, накапливаясь годами, может засорить и остановить весь механизм духовной жизни.

Поэтому будьте строги и внимательны к мелочам. Воровство всегда есть воровство украдете ли вы миллион или не возвратите найденную копейку. А Господь определенно говорит: *не кради.*

Глава 10, ст. 32-45

Подходя к Иерусалиму вместе с учениками, Господь снова начинает речь о страданиях, ожидающих Его в городе. Вот уже четвертый раз заговаривает Он об этом с учениками в течение сравнительно небольшого промежутка времени. По дороге к Кесарии Филипповой (8, 31), сходя с горы Преображения (9, 12), проходя по Галилее (9, 31), приближаясь к вечному городу (10, 32–34), Он говорит все об одном – о предстоящих мучениях, позоре и смерти. Задача Его мессианства исполнена, близок последний подвиг, смертный подвиг, который должен увенчать Его великое дело спасения человека, в конце пути тяжелой жизни уже виден крест, Он уже не отрывается мыслью от этого призрака смерти, грозной и неотвратимой. Он весь погружен в думы о надвигающейся развязке. Но не видно в нем слабости, нет желания уклониться от страшной чаши, и добровольно Он идет навстречу смерти.

А ученики? Робкие, трепещущие от страха, предчувствуя что-то ужасное, они послушно идут за своим Учителем, но они все еще Его не понимают. Зная их малодушие и слабоверие, Господь предвидит, что, захваченные врасплох грозными событиями казни своего Равви, они могут поколебаться в вере в Него как Мессию. Поэтому Он неоднократно предупреждает их, что Ему надлежит пострадать, что в этом именно и состоит Его мессианское служение и что этот крест Он берет на себя добровольно… И несмотря на все разъяснения, ученики никак не могут освободиться от предрассудков национальной гордости и по-прежнему ожидают видеть своего Учителя-Мессию – в ореоле земной славы и царского могущества. Мысль о страдающем и опозоренном Мессии для них все еще недоступна. Не успевает Господь окончить речи о грядущих страданиях, как к Нему подходят два любимых Его ученика с просьбой, которая показывает, что они не поняли Его слова.

Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую, в славе Твоей (ст. 37).

Ясно, что речи Господа их ни в чем не разубедили, что у них даже и мысли не было об ужасной участи, ожидавшей их Учителя, и что они мечтают лишь о славе земного царствования, в котором просят для себя лучшие места. И это говорили Иаков и Иоанн, наиболее близкие ученики Спасителя, те самые, которых, предпочтительно перед прочими, Он брал на гору Преображения, чтобы приготовить их к предстоящим событиям. Как тяжело было, вероятно, это упорное непонимание, особенно в такую скорбную минуту, когда душа, взволнованная гнетущими предчувствиями, более чем когда-либо нуждается в участии и сострадании любящего и понимающего сердца.

Иисус сказал им: не знаете, чего просите.

Да, они точно не знали. Если б только они подозревали, какую мрачную иронию придавало этой просьбе их тщеславие и наивное непонимание развертывавшихся событий! Просить у Господа мест по правую и по левую сторону Его! Ведь это значило просить себе участи тех двух разбойников, которые были распяты рядом с Ним! Того ли они хотели?

Далее между ними и Господом начинается интересный разговор, который, при непонимании учеников, звучит как зловещая игра слов.

Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь? – спрашивает их Господь.

Это значило: решитесь ли вы умереть крестной смертью, как Я? В состоянии ли вы перенести те страдания, которые ожидают Меня? Можете ли вы пить уготованную Мне чашу унижений, позора и муки?

Они отвечали: можем.

Они думают о своем. Им кажется, что Учитель спрашивает, хватит ли у них сил и способностей разделить с Ним труд завоевания и управления будущим царством, и самоуверенно отвечают: „Можем“.

Спаситель их не разуверяет. Три тщетные попытки открыть им глаза достаточно показали всю бесполезность дальнейших опытов этого рода. Он лишь пророчески заканчивает речь: *чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано.*

Господь предсказывает Своим ученикам страдания и гонения, которые предстоит им претерпеть как ревностным провозвестникам Его учения. Где, когда и при каких условиях это будет, зависит от Всемогущего Промысла и планов Божиих, но умрут они не вместе со своим Учителем.

Разговор сынов Зеведеевых с Господом не остался тайной для остальных учеников. Услышали они, о чем шла речь, и стали негодовать на Иакова и Иоанна.

Так всегда бывает там, где замешивается человеческое тщеславие и соревнование из-за благ земных. Мирно и дружно жила маленькая община учеников Господа, пока не возник этот спор о первенстве. Он возник еще раньше, во время путешествия по Галилее, но тогда ученики еще стыдились этих проявлений самомнения и эгоизма и не решились даже сказать об этом споре Господу. Он разрешился без особых последствий в их тесном кружке, хотя и вызвал со стороны всеведущего Учителя замечание и урок о смирении. Теперь снова разгорается между учениками соперничество, и самые пылкие из них, „сыны Громовы“, предпринимают уже практические шаги, чтобы обеспечить себе лучшие места в будущем царстве Мессии. Не мудрено, что они вызвали негодование десяти.

На чем, в самом деле, могла быть основана эта претензия на первенство? Ведь каждый из остальных учеников одинаково нес тяжести и лишения скитальческой жизни вместе с Господом, оставив для Него и родной дом, и семью, и все прежние привязанности. Некоторые из них, например Андрей и Петр, даже призваны были раньше и первыми вступили в число учеников. Признать превосходство сынов Зеведеевых никто не хотел. На лазурном небе мирной апостольской жизни появилось первое облачко раздора.

Тогда Господь, примиряя учеников, дает им один из тех величайших Своих заветов, которые должны были перевернуть их жизнь. Он указывает не только обычную причину людских раздоров и лучшее средство их избежать, но устанавливает совершенно новый, неведомый до сих пор, принцип христианского устройства общества.

Вы знаете, – сказал Он, – *что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.*

Раздор между учениками был вызван стремлением Иакова и Иоанна захватить первые места. Эта попытка вызвала общий ропот и негодование. Властолюбие и гордость всегда вызывают зависть и соперничество. Это общая и самая главная причина вражды и злобы среди людей. Люди всегда стремятся к преобладанию и к тому, что, по их понятиям, составляет величие и блеск жизни, и так как эти блага нельзя поделить, рвут их друг у друга из рук.

Существуют два противоположных миросозерцания, два различных направления воли, два непримиримых понимания целей жизни и ее истинного величия. Обычно люди не

понимают последнего и стремятся к внешнему, мишурному, показному, а кумир показного величия требует жертв и борьбы.

В самом деле, что принято обычно считать великим, от чего загораются страстью юные сердца и к чему тянутся тысячи жадных рук?

Вот перед нами проходит длинная вереница народов, мелькнувших в истории. Выходя из мрака на узкие подмостки жизни, они снова бесследно теряются в прошлом. Халдеи, египтяне, вавилоняне, готы, сарматы… Сколько их! Безымянная вереница людей тянется бесконечной лентой. Жизнь их мелькнула и исчезла, и только забытые могилы отмечают, что они когда-то были. Кого из них избрала история и увековечила в памяти потомства, отметив печатью величия?

Вот Александр Македонский, названный Великим. Человек безграничного военного задора. „Отец завоюет все и мне ничего не оставит", – говорил он с грустью еще в юности. В его сердце горела жажда славы и власти, его опьянял вихрь битв и великих побед; этой страсти принесена в жертву вся жизнь. И что же в результате? С грохотом пронеслась его триумфальная колесница чуть ли не по всему миру. Он достиг своего. Но когда рассеялось пыльное облако славы и раболепных восторгов, там, где прошел этот гордый юноша, остались лишь трупы, разрушенные города, пожарища и море слез и крови!..

Вот Наполеон, прозванный французами Le Grand, то есть великим, несомненно видная фигура, гремевшая когда-то в истории, – человек, которому удалось завоевать почти полмира. Но посмотрите на изнанку, на нравственную подкладку его жизни.

Во время жестокой битвы с мусульманами в Палестине, близ Яффы, когда французы уже одерживали победу, они никак не могли сломить сопротивления отборного, в несколько тысяч, отряда, состоявшего преимущественно из арнаутов. Тогда Наполеон предложил этим героям сдаться, дав торжественное обещание сохранить им жизнь. Турки поверили клятвенному обещанию христианского полководца и сложили оружие. Их окружили, вывели на морской берег и… всех расстреляли.

В лагере французских войск открылась чума. Страшная болезнь косила сотнями свои жертвы. Двигаться дальше с массою больных солдат, с переполненными лазаретами было невозможно. Наполеон пригласил к себе главного врача своего отряда и предложил ему отравить всех больных солдат, так как они затрудняли движение войск.

– Сир! – отвечал доктор. – Я учился лечить, а убивать своих братьев – не мое ремесло…

Тем не менее, все больные „умерли"… У Наполеона были развязаны руки.

Миллионы загубленных жизней принес этот баловень в жертву своему ненасытному честолюбию. Так и видишь этого человека в треуголке и коротком мундире на колоссальном пьедестале из трупов, бросающего в пасть смерти все новые гекатомбы…

И это – величие?!

В Париже на реке Сене есть так называемый pont d'Arcol – мост Арколя. История этого названия такова: во время одной междоусобной резни в Париже войска атаковали мост, противоположный конец которого был занят неприятельской колонной. Подступы к мосту находились под перекрестным огнем. Узкая площадь, лежавшая перед мостом, была усеяна трупами. Знаменосец был убит. Войска колебались… И вдруг никому не известный юноша, почти мальчик, с горящими глазами и развевающимися волосами, подхватил упавшее знамя и, размахивая саблей, воскликнул:

– Мое имя – Арколь!.. За мной!.. Ура!

Он бросился к мосту и тут же был убит. Но его пример увлек солдат. Мост был взят. Теперь он носит имя этого юноши Арколя, о котором никто ничего более не знает.

Эта вспышка минутной решимости опьяненного жаждой славы человека, который перед смертью не забывает рекламировать свое имя, этот подвиг на глазах толпы, красивый, как театральное представление, – называется геройством.

Таково великое в понимании толпы, и к этому стремятся люди.

Но есть герои другого рода. Вот один из них.

Много лет тому назад в Верхотурье появился не известный никому человек. Это был бродячий портной, занимавшийся шитьем шуб. Откуда он пришел, никто не знал, но странный он был человек: когда его приглашали для работы, он выбирал избу победнее, останавливался там и обшивал всех в доме бесплатно, причем старался сделать это так, чтобы избежать благодарности. Окончив работу, он вдруг скрывался, так что не знали, где его найти, чтобы заплатить за труд. Если же зарабатывал что, то отдавал бедным. Он не только шил; нянчился с ребятами, учил их грамоте, читал им Евангелие. Иногда видели его в языческих юртах, где он ухаживал за больными, рассказывал о Христе, распространяя свет православной веры… Так жил он скромно, незаметно, тихий и смиренный. Но когда он умер, на его могиле начались исцеления. Слепые прозревали, хромые ходили… О нем заговорили: Господь явно прославлял Своего угодника. К его могиле потянулся народ. Начались толки о канонизации. Стали собирать справки, расспрашивать, и удивительно: никто не знал даже имени усопшего! Просто „добрый человек“ – вот и все, что о нем знали. И только Господь в чудесном видении открыл имя праведника.

Это был святой Симеон Верхотурский.

Таковы герои в христианском понимании: скромные, смиренные, забывшие о себе совершенно, отдавшие себя целиком на служение другим. В этом и состоит истинное величие, первый пример которого дал Сам Господь. Он, несомненно, мог бы быть царем мира. На это Его толкали, этого от Него ожидали. У Своих ног Он мог бы видеть раболепное, преклоняющееся человечество, мог бы окружить Себя блеском такой земной славы и власти, какой никто никогда еще не имел. Этим искушал Его сатана еще в начале Его земного пути… Но Он не захотел; Он добровольно оттолкнул от Себя этот заманчивый мираж земного величия и взял крест, *ибо Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.* Того же Он ожидает от Своих учеников и последователей.

В этом новом мировоззрении, в этом необычайном понимании целей жизни, в этом принципе смирения и самоотречения, пронизывающем и частную и общественную жизнь, заключается и великая сила христианства, и залог умиротворения общества, построенного на новых началах. В нашей жизни царит закон звериный, право сильного. Люди пользуются своими талантами и силами, чтобы выбраться на поверхность жизни, безжалостно топча и отталкивая других.

Есть картина Рошгросса „Погоня за счастьем“. Высокая, остроконечная скала… Над ней тусклое, свинцовое небо, подернутое мглистыми тучами, тяжелыми и безрадостными. Только в одном месте, как раз над скалой, разорвалась эта скучная пелена серых туч, и оттуда пробивается яркий, ласкающий луч солнца. То счастье. И к этому счастью, взбираясь по обрывистым крутизнам скалы, безумно тянутся люди. Их много, бесконечно много. Тут и важный сановник, и мечтательный поэт, и банкир с бриллиантами на пальцах и толстой золотой цепочкой на толстом животе, и молоденькая барышня в модном платье, и дюжий матрос со здоровенными кулаками… Целая толпа! И все они рвутся к одной точке, туда, где среди туч блестит луч счастья. Между ними свалка, дикая, звериная свалка, где забыты приличия, стыд и жалость. Кто слабее, тот сбит с ног и лежит беспомощно, раздавленный каблуками тысячи людей, лезущих через него вверх и забывших все на свете в отчаянной борьбе. Какой-то счастливец добрался до вершины, но скала заканчивается таким узким шпилем, что удержаться на нем невозможно, и в следующий же момент грубые руки соперников сдергивают счастливца вниз, и он летит в бездну, беспомощно простирая руки вверх к обманчивому, неуловимому призраку…

Таково современная жизнь.

У нас это называется законом борьбы за существование. „Дави всех, иначе тебя раздавят“, „Или всех грызи, или лежи в грязи“, „Рви у ближнего последний кусок, иначе у тебя вырвут“, „Не зевай“ – вот правила современной жизни. Так, говорят, и должно быть, ибо во всей природе, даже в мире растений, мы видим эту вечную борьбу за существование, борьбу за солнечный свет, за влагу, за глоток свежего воздуха. Жизнь – борьба всех против всех. В результате – вечная вражда, рыданье, стоны и горе.

На этом поле житейской борьбы побеждают и господствуют сильные. Слабые или должны уступить, или осуждены на вымирание. По трупам павших, по телам ослабевших поднимаются сильные на вершину жизни, подминая под себя все слабое, беспомощное и всею своею тяжестью ложась на плечи обездоленных. Жизнь принимает характер уродливой постройки, фундамент которой составлен из самых слабых элементов, на которых, тем не менее, лежит вся громадная тяжесть здания; сильные находятся все в верхнем ярусе, давящем на слабый базис. Неудивительно, что при таком неправильном распределении материалов общественная жизнь становится очень непрочной, угрожая обрушиться при малейшем толчке. При сколько-нибудь вдумчивом отношении к жизни никто из господ второго яруса не может быть спокойным за свое положение.

Закон христианской жизни совершенно другой, и общество строится здесь иначе. Основное правило здесь: *друг друга тяготы носите* и *кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом.* Каждый член христианского общества не только не должен стремиться к преобладанию, но обязан служить всем. Чем сильнее человек духовно, тем большую тяжесть служения он берет на себя, тем усерднее он носит тяготы других, тем ниже ложится в здании общественной жизни. „Сильные, вниз!“ При соблюдении этого правила наиболее крепкие духовно оказываются в основании, в фундаменте, а все беспомощное, слабое, легковесное – наверху. Постройка получается устойчивая и прочная. Не может быть ни споров, ни вражды, ибо их предупреждает взаимная уступчивость и смирение, и соревнование может быть только в благородном праве служения другим.

Самое обычное возражение против христианского смирения и самоотверженного служения другим с общежитейской точки зрения состоит в том, что смирение есть слабость, услужливостью могут злоупотреблять. „Подставь только шею, каждый на ней поедет“. „Кто уступает, тот и воду хлебает“. Смиренник всегда останется в хвосте жизни, забитый, загнанный. Если его не заездят окончательно, то все-таки мало радости даст ему жизнь. Нет, человек должен быть сильным, смелым. „Кто смел, тот два съел“. „Кто палку взял, тот и капрал“. Человек своей рукой должен вырвать у жизни то, что она не хочет ему дать. Такова философия большинства и основанная на ней обывательская мораль.

Основная ошибка этой теории заключается в том, что смирение в жизни вовсе не есть слабость. Это великая сила, сила побеждающая.

Психология влияния одного человека на душу другого ясно доказывает, что человек добровольно силе не подчиняется. Если приказания деспотической силы и исполняются, то всегда с раздражением и неизменно вызывают бунт в душе, который рано или поздно в благоприятную минуту проявится открыто. Рабы всегда бунтовщики. Только тогда, когда внешняя сила находит для себя моральное основание и оправдание, она получает право на признание подвластных и закрепляется прочнее. Человек добровольно подчиняется любви и смирению. Что охотнее вы исполните: приказ властолюбивого деспота или совет смиренного, любящего старца? Вряд ли могут быть здесь два ответа. Причина этого добровольного подчинения заключается в том, что деспотический приказ возмущает ваше самолюбие и гордость, которые становятся на дыбы. Совет же любящего, смиренного человека вас не возмущает потому, что вы ясно видите и чувствуете, что он дается не из своекорыстных побуждений, не для того, чтобы оседлать и подчинить вас, ибо смиренный сам стремится подчиниться всем, но дается исключительно для вашей пользы. Самолюбие не только не

страдает, но, наоборот, чувствует себя польщенным и легко соглашается с советом, может быть, даже несколько и непредвиденным. Вот почему люди смиренные имеют гораздо более влияния на других, чем взбалмошные самодуры и деспотические эгоисты. В конце концов, слова Господа глубоко справедливы даже применительно к здешней жизни, не говоря уже о загробном будущем, и люди, сделавшие себя добровольными рабами и слугами других, становятся первыми и большими по своему влиянию. Кто является у нас, в России, настоящими руководителями и вождями народной жизни? Не ученые, не богатые, не знатные, не сильные, но смиренные старцы. К ним идут за советом с далеких окраин, за тысячи верст, и кто хоть однажды видел ту несметную толпу людей всех званий и состояний, которая собиралась у порога кельи преподобного Серафима или отца Амвросия Оптинского, тот понял, что здесь именно бьется сердце народа и редактируются и издаются те неписаные законы, которыми управляется действительная жизнь.

Человек же грубой, эгоистической силы, человек ницшеанского типа, несмотря на всю силу своего характера и таланта, может лишь на короткий момент оставаться на скале счастья, ибо рано или поздно найдется более сильный кулак другого эгоиста, который смахнет его оттуда, как на картине Рошгросса.

Есть старая детская сказка, хорошо изображающая сравнительную силу мягкой ласки и грубого налета.

Однажды солнце и ветер заспорили между собою, кто из них сильнее.

– Видишь путника, – сказал ветер, – который идет по дороге, завернувшись в плащ? Кто снимет с него этот плащ, тот и сильнее!

– Хорошо! – согласилось солнце.

Налетел ветер на путника и с маху хотел сорвать с него плащ. Тот придержал его руками.

Завыл ветер и еще сильнее стал трепать плащ, силясь вырвать его из рук. Путник застегнул у горла крючки.

Тогда со всем бешенством злобы заревел ветер настоящим ураганом и бросился на путника. Тот надел плащ в рукава, и сколько ни силился ветер, должен был признать себя побежденным.

Теперь наступила очередь солнца. Оно ласково выглянуло из-за разметанных туч и улыбнулось измученному путнику. Оно высушило, согрело, обласкало его своими лучами.

Путник сам снял плащ и благословил солнце.

Не забудьте этой милой детской сказки. В ней мудрое правило жизни.

В житиях святых, равно как и в современной жизни, мы находим массу примеров побеждающей силы любовного смирения. Нет более неодолимой силы. В своей вечной борьбе со злом христианство всегда и с неизменным успехом пользуется именно этой силой.

„Пред иною мыслью станешь в недоумении, – говорит старец Зосима в романе Достоевского, особенно видя грех людей, и спросишь себя: „Взять ли силой, али смиренною любовью?“ Всегда решай: „Возьму смиренною любовью“… Смирение любовное – страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего“.

В Прологе рассказывается такой случай.

Поссорились два епископа. Вражда их с течением времени разгоралась и принимала все более соблазнительные формы. Наконец один из них, более благоразумный и более проникнутый духом Христова учения, собрал свой клир и сказал:

– Что это мы делаем? Враждуя, нарушаем заповедь Божию и подаем повод для соблазна духовных чад наших… Пойдемте все вместе к сопернику нашему, попросим прощения и примиримся.

Они пошли. Едва только увидел их другой епископ, как распалился сердцем и уже готов был встретить их грозной обличительной речью. Но пришедший со всем клиром своим

пал к его ногам и смиренно просил прощения. И дрогнуло сердце непримиримого епископа. Поклонился и он в землю своему бывшему противнику и сказал:

Прости меня, брат мой во Христе! Я согрешил пред тобою! Ты лучше и достойнее меня! Ты победил меня!

Великий подвижник пустыни, авва Пимен, поселился однажды в местности, где уже жил другой старец, пользовавшийся большим уважением среди народа. Но когда поселился недалеко от него преподобный Пимен, народ весь устремился к последнему и старец остался без учеников и без посетителей. Не стерпело его оскорбленное самолюбие и разгорелось сердце ненавистью к преподобному. Узнал об этом святой авва.

– Что нам делать с этим непонимающим народом? – сказал он своим ученикам. – Оставили они великий светильник и обратились ко мне, недостойному. Но пойдем и успокоим его!

Когда они постучались у дверей кельи, старец выглянул в оконце, но, узнав преподобного Пимена, не отпер дверей.

– Отец наш! – смиренно сказал преподобный. – Мы не уйдем отсюда, пока ты не отопрешь нам и не примешь нас.

Они сели у дверей и стали ждать. День был нестерпимо жаркий, южное солнце палило немилосердно. Но святой Пимен и его ученики сидели у кельи и терпеливо ждали. Несколько раз выглядывал старец в оконце, но, видя, что они не уходят, был тронут этим смирением и терпением и отворил дверь. Пимен и ученики поклонились ему земно.

– Прости нас, святой отец, – сказал Пимен, – что утруждаем мы тебя, и прости тех неразумных людей, которые не могут оценить тебя…

– Нет, – возразил старец, – ты меня прости… Я вижу, что правду говорили о тебе: ты – солнце пустыни, и я не удивляюсь более, что к тебе идут!

С тех пор он не иначе говорил о преподобном Пимене, как с великим уважением и посылал к нему всех, кого знал.

Ненависть была побеждена смирением.

Авва Сергий рассказывал ученикам о некоем святом старце: „Однажды мы заблудились, попали на вспаханное поле и потоптали его немного. Крестьянин, владелец поля, заметил это и стал браниться: „Боитесь ли вы Бога? Если бы был у вас страх Божий, не сделали бы так!“ Святой старец, который был с нами, сказал: „Ради Бога, братия, никто не отвечайте ему!“ И, обратившись к крестьянину, кротко заметил: „Справедливо говоришь, брат мой: если б имели страх Божий, не сделали бы так!“ Крестьянин продолжал с новой яростью браниться и поносить нас. „Ради Господа, прости нас, умолял смиренно старец, – мы согрешили!“ И ни одного слова не отвечал он с досадою, но с любовию и смирением. И так тронул он наконец этим сердце крестьянина, что тот перестал браниться, замолк… А потом вдруг пал к ногам святого и стал сам просить прощения за гнев свой и раздражение“.

А вот случай из обыденной жизни, рассказанный старушкой поистине святой жизни, теперь уже умершей.

– Вы знаете, – рассказывала она, что мне приходилось иногда заниматься делами благотворительности, и, признаться, много досадного встречаешь при этом со стороны тех, кому искренне желаешь добра. Попадаются очень капризные натуры. Но всегда есть возможность смягчить их и успокоить.

Однажды я ходила за бедной больной вдовой, оставшейся после смерти мужа с двумя малолетками. У нее был какой-то тяжелый хронический недуг, определить который точно даже врачи не могли: что-то на почве недоедания и малокровия… Раздражительна она была необычайно, но, знаете, это всегда извиняешь… надо знать жизнь бедняков, чтобы понять, что и крепкие нервы могут растрепаться. Но, однако, раз я почти не выдержала.

Я захворала инфлюэнцей и два дня пролежала в постели. На третий день с большим трудом, но все-таки поднялась и пошла навестить мою больную. Я нашла ее в страшно раздраженном состоянии: за эти два дня никто у нее не побывал, и ей действительно пришлось трудно. Но все-таки того потока брани, которым она меня встретила, я не ожидала. Я уж не помню точно, что она говорила… „Кровопийцы… акробаты благотворительности. Только вид делаете, что жалеете, ухаживаете… У любой паршивой шавки больше сердца!..“ Да не стоит и повторять… Мне стало так обидно и больно. Я молча повернулась и ушла. Дома муж заметил мой расстроенный вид, и на его расспросы я должна была рассказать всю историю.

– Вот что, – сказал мой Петр Васильевич, если точно ты ее жалеешь и принимаешь в ней участие, не порть доброго дела, не бросай ее… Поди, извинись перед ней…

Признаться, это меня озадачило сначала. Меня оскорбили, меня выругали как нельзя хуже, и мне просить прощения! Но, подумав немного, я решила пойти. Мне все-таки было ее жаль…

Взяла я Нюру, свою воспитанницу, и мы отправились. Была почти буря с проливным дождем… Мы едва добрались, и когда вошли на крыльцо, с нас текли потоки. Я оставила Нюру в сенях и вошла. Больная лежала по-прежнему на спине в своей постели и казалась погруженной в раздумье.

– Простите, – сказала я ей, наклонившись и как могла ласковее. – Я погорячилась давеча… Извините меня, Бога ради, что я не могла навестить вас эти дни…

Я не успела кончить, как с больной произошло нечто невообразимое: она упала с постели на пол к моим ногам и вся задрожала, забилась от рыданий…

– Господи! Что же это?! Я… вы… Я вас оскорбила, обидела… За всю вашу доброту облаяла… И вы же просите прощения… Родная, милая… Ангел!..

Она плакала и целовала мне руки, платье. Я едва могла ее успокоить…

– Да, – прибавила, помолчав, старушка, – нет окончательно злых людей… Надо только уметь добраться до того, что есть доброго у них в душе…»

И это может, прибавим мы от себя, сделать только та сила, о которой говорит Господь в прочитанном нами отрывке Евангелия: любовь, кротость, смирение.

Глава 10, ст. 46-52

Содержание настоящего евангельского отрывка очень несложно. Передается лишь один эпизод исцеления слепого Вартимея. Он сидел у ворот Иерихона, прося милостыню, когда мимо него проходил Господь со Своими учениками. Несомненно, слепой и раньше слыхал о великом Галилейском Пророке и о чудесах Его исцелений. Он понял, что мимо него проходит в этот момент счастье всей его жизни и изо всей силы своих легких он начал кричать: *Иисус, Сын Давидов! помилуй меня.*

Он верил, глубоко верил, что этот Равви обладает удивительным могуществом и что Ему стоит сказать только слово, чтобы возвратить зрение слепому. Многие из толпы останавливали его, оберегая покой Учителя, но какая сила могла остановить эту веру? Он еще громче стал кричать: *Сын Давидов! Помилуй меня.*

Настойчивый вопль дошел до слуха Господа, и случилось то, что случалось всякий раз, когда до Спасителя доносился призыв горячей, непреклонной веры.

Иисус остановился и велел позвать слепого. *Чего ты хочешь от Меня?* – спросил Он. *Учитель! чтобы мне прозреть!* – отвечал нищий. *Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел.*

Опять перед нами один из многочисленных примеров силы веры. Где есть живая вера, там поразительные чудеса совершаются постоянно. Вера лучшее лекарство от болезней вся-

кого рода, и не только там, где действует непосредственная сила Господа, но также и в тех случаях, где деятелями являются простые люди.

Истинно, истинно говорю вам, – обещал Господь, – *верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* (Ин. 14, 12).

Сбылось неложное обетование Спасителя. Верою люди творили то же, что и Он.

Вот два рассказа.

…По пыльной итальянской дороге, ведущей к Равенне, шел путник. Грубый поношенный плащ покрывал его высокую, слегка сгорбленную фигуру, но, несмотря на бедное одеяние, в его манерах и поступи чувствовалось что-то величавое. Утомленный вид и потрепанные сандалии говорили о том, что он идет издалека.

То был святой Аполлинарий, епископ Равеннский.

Солнце уже село. Гасли последние блики света на вершинах деревьев, и быстро спускалась на землю безлунная южная ночь. Святой Аполлинарий остановился. До цели пути было далеко. Пришлось искать ночлег.

Он осторожно постучался у дверей одинокой придорожной хижины и в ответ на оклик хозяина попросил разрешения провести ночь.

Его пустили… Неохотно, но пустили.

– Куда идешь? – начал разговор хозяин, садясь с ним рядом.

– В Равенну… Здесь мне надо служить Призвавшему меня.

– Кому это?

– Я буду служить Господу… Я – христианин!

Наступило молчание. Хозяин-язычник нахмурился. Первое, что мелькнуло у него в голове, – это желание немедленно прогнать непрошеного гостя. Но он удержался: блеснула новая мысль.

– Послушай, – сказал он глухо, – у меня есть слепой сын… Знаешь ли ты муку отца, потерявшего сына? А это легче, чем видеть его калекой… Можешь ты мне помочь? Наши боги ничего не могут. Я уже перестал их просить. Но, говорят, ваш христианский Бог делает чудеса для Своих… Может Он исцелить моего мальчика?

И он впился глазами в пришельца.

– Да, – тихо отвечал святой Аполлинарий.

– Да? Ты сказал: да? О странник, не шути так! Пожалей нас… Если можешь, то заклинаю тебя: помоги! Попроси своего Бога… Я все отдам…

– Сначала уверуй… Если можешь верить, то все возможно! Уверуй в Господа, Сына Божия, пришедшего на землю спасти род человеческий, пострадавшего за наше искупление и воскресшего…

– Верую, верую!.. Только верни сыну зрение! Верую в твоего Бога, творящего чудеса!..

Дверь внезапно отворилась. На пороге в легкой тунике стоял прелестный мальчик лет двенадцати.

– Отец! – воскликнул он. – Отец! Я вижу тебя!..

То был прозревший сын язычника. Вера сотворила чудо.

Вот другая картина, относящаяся ко времени, более нам близкому. Перед нами преподобный Серафим и его почитатель Мотовилов, страдающий ногами. Он страдает давно, не может ходить, и его возят на тележке.

– Радость моя! – говорит преподобный Серафим. – Ты просишь об исцелении? Но известно ли твоему боголюбию, что для этого нужна вера? Веруешь ли в Господа и в то, что Он есть Богочеловек? Веруешь ли в Святую Приснодеву, в Пречистую Матерь Божию?

– Верую, – отвечал Мотовилов.

Веруешь ли в то, что и теперь Господь может исцелить тебя мгновенно, одним словом?

– Верую!

– А если веруешь, то ты уже здоров! Встань, поднимись!

Мотовилов сделал усилие.

– Вот ты и пошел уже! Вот и пошел!

Преподобный взял его за руку, приподнял и повел.

Калека, от которого отказались уже все доктора, действительно встал и пошел, опираясь на руку старца.

Вера исцелила.

Вряд ли есть на свете другая сила, которая так укрепляла бы человека и облегчала его жизнь, как вера; и в этой укрепляющей силе так нуждается современный несчастный человек! Не столько в чудесах веры, сколько в ее успокаивающем, умиротворяющем влиянии на душу нуждается наше общество. Жизнь стала такой неровной, беспокойной. Мы все живем, как на вулкане, с тревогой заглядывая в глаза завтрашнему дню. Во время землетрясения, когда почва колеблется под ногами, говорят, человека охватывает особо угнетенное состояние, ощущение собственной беспомощности: он не чувствует под собою твердой точки опоры. Приблизительно то же самое переживаем и мы в настоящее время. Ни у кого нет уверенности в самом близком будущем. Вот почему люди так истомились, так изнервничались. А между тем, душа так жаждет, так просит покоя, хотя бы минутного, хотя бы «улыбки душевного мира», как выразился некто.

Где найти этот покой?

Только в религиозной вере, ибо она дает единственно надежную опору в жизни.

Когда человек ищет опоры в себе и руководится в жизни эгоистическими целями собственного благополучия, он никогда не может быть вполне спокоен. Его всегда волнует вопрос, что должен он делать, чтобы лучше воспользоваться обстоятельствами для своей выгоды? Что бы он ни предпринял, в душе всегда копошится сомнение: удастся или нет? Кончится ли все благополучно? А вдруг я ошибусь? Вдруг прозеваю? Быть может, надо было иначе поступить?

Такие сомнения всегда мучительны, и причина их заключается в том, что человек никогда не может доверять себе безусловно, никогда не может вполне положиться на безошибочность своих суждений, на свои способности, на свою проницательность.

В этом и заключается слабость эгоцентрической точки зрения, когда человек ищет для себя опоры только в самом себе. Люди эгоистической складки в конце концов никогда не уверены в правильности избранного пути, и эта неуверенность делает их слабыми.

Люди религиозной веры имеют опору не в себе, но в Боге. Эта опора для них абсолютна и не допускает никаких сомнений. Если даже их деятельность кончится для них самих катастрофой, они ничуть не унывают, ибо они не ищут своего благополучия, а только исполнения предначертаний Божиих, и раз это направление добросовестно выдержано, все остальное, в том числе и личное благо, уже почти безразлично. Сознание честно выдержанной борьбы лучше победы.

В этом заключается причина душевного покоя верующего человека, и это придает ему силу необычайную.

Хотя бы не расцвела смоковница, – восклицает пророк Аввакум, *– и не было плода на виноградных лозах, и маслина изменила, и нива не дала пищи, хотя бы не стало овец в загоне и рогатого скота в стойлах, – ной тогда я буду радоваться о Господе и веселиться о Боге спасения моего. Господь Бог – сила моя* (Abb. 3, 17–19).

Это голос верующего человека.

Господь Бог сила моя, и я спокоен. Я знаю, что нет в мире другой силы выше этой, и ничто не может нарушить Его предначертаний. В то же время я знаю, что предначертания Его благи, ибо Господь всем человеком хощет «спастися, и в разум истины прийти», – и я спокоен. Я знаю, что Господь ведет меня Своим путем, что Всемогущая рука Его всегда на

мне и управляет моею жизнью, что Всевидящее око Его призирает на все мелочи, встречающиеся на моем пути, и что бы ни было – радости или горе, удача или несчастье, успех или гонение, скорбь или наслаждение, приятное или горькое – все это одинаково определяется волею Создателя и посылается мне для испытания, для вразумления, для ободрения, для укрепления. Я знаю, что все это мне нужно, – и я спокоен.

Пусть над головой сгущаются грозные тучи бедствий, пусть по навету вражию поднимаются передо мною призраки, наводящие страх, пусть страдания и лишения томят меня, грозя смертью, я знаю, что весь мир, все силы и все стихии в руке Божией, что Господь силен спасти меня от всех испытаний, что стоит Ему захотеть, и развеются тучи горя, как ночной туман, гонимый утренним ветром, и снова проглянет солнце радости и счастья… И я спокоен.

Пусть долги и томительны страдания, пусть кажется порой, что им нет конца и что умрешь раньше, чем увидишь просвет, – я знаю, что и в этом кроются высшие цели, что и это нужно для планов Творца и Промыслителя, «вся поспешествующего во благое», и что «многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь». И я спокоен.

Таково настроение веры.

На чем же основывается эта уверенность и это спокойствие?

На фактах опыта. Мы знаем много примеров, когда Господь защищал, сохранял и спасал уповающих на Него и верующих в Него в самые критические минуты.

Уже в Ветхом Завете, когда Господь избрал народ Свой Израиля, чтобы устроить в нем спасение миру, Он постоянно являл ему чудесным образом Свое покровительство и защиту, *чтобы знал грядущий род, дети, которые родятся… возлагать надежду свою на Бога и не забывать дел Божиих, и хранить заповеди Его* (Пс. 77, 6–7).

Когда народ еврейский томился и страдал в Египте и фараон египетский не хотел отпустить его, несмотря на решительные требования Моисея и Аарона, тогда Бог *сотворил в Египте знамения Свои и чудеса Свои на поле Цоан; и превратил реки их и потоки их в кровь, чтобы они не могли пить; послал на них насекомых, чтобы, жалили их, и жаб, чтобы губили их; земные произрастения их отдал гусенице и труд их – саранче; виноград их побил градом и сикоморы их – льдом; скот их предал граду и стада их – молниям; послал на них пламень гнева Своего, и негодование, и ярость и бедствие, посольство злых ангелов; уравнял стезю гневу Своему, не охранял души их от смерти, и скот их предал моровой язве; поразил всякого первенца в Египте, начатки сил в шатрах Хамовых* (Пс. 77, 43–51).

После этих казней фараон отпустил народ Израиля, но сейчас же пожалел о своей уступчивости и с военными колесницами погнался за евреями, чтобы вернуть их назад. Тогда совершилось великое чудо всемогущества Божия: Господь чудесным образом перевел народ Свой через Чермное море, а когда бросились за ним в погоню египтяне, *тогда вода возвратилась и покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова, вошедших за ними в море; не осталось ни одного из них. А сыны Израилевы прошли по суше среди моря: воды [были] им стеною по правую и [стеною] по левую сторону. И избавил Господь в день тот Израильтян из рук Египтян, и увидели [сыны] Израилевы Египтян мертвыми на берегу моря. И увидели Израильтяне руку великую, которую явил Господь над Египтянами, и убоялся народ Господа и поверил Господу* (Исх. 14, 28–31).

В течение сорокалетнего странствования евреев по пустыне Господь постоянно охранял избранный народ Свой от опасностей и лишений всякого рода, хотя часто неблагодарны и вероломны были сыны Израилевы. Когда пришли они в бесплодную пустыню Син, возроптал малодушный народ, ибо казалось, что в этой песчаной, выжженой солнцем пустыне голодная смерть неизбежна. *И сказал Господь Моисею, говоря: Я услышал ропот сынов Израилевых; скажи им: вечером будете есть мясо, а поутру насытитесь хлебом – и узна́ете, что Я Господь, Бог ваш. Вечером налетели перепелы и покрыли стан, а поутру*

лежала роса около стана; роса поднялась, и вот, на поверхности пустыни ***нечто*** *мелкое, круповидное, мелкое, как иней на земле. И увидели сыны Израилевы и говорили друг другу: что это? Ибо не знали, что это. И Моисей сказал им: это хлеб, который Господь дал вам в пищу… И нарек дом Израилев* ***хлебу*** *тому имя: манна; она была, как кориандровое семя, белая, вкусом же как лепешка с медом… Сыны Израилевы ели манну сорок лет, доколе не пришли в землю обитаемую; манну ели они, доколе не пришли к пределам земли Ханаанской* (Исх. 16, 11–15, 31, 35).

В Рефидиме *не было воды пить народу. И укорял народ Моисея, и говорили: дайте нам воды пить… Моисей возопил к Господу и сказал: что мне делать с народом сим?.. И сказал Господь Моисею: пройди перед народом, и возьми с собою* ***некоторых*** *из старейшин Израильских, и жезл твой, которым ты ударил по воде, возьми в руку твою, и пойди; вот, Я стану пред тобою там на скале в Хориве, и ты ударишь в скалу, и пойдет из нее вода, и будет пить народ. И сделал так Моисей в глазах старейшин Израильские* (Исх. 17, 1–2, 4–6).

В вооруженных столкновениях с кочевыми народностями пустыни Господь неизменно помогал народу Своему и давал ему победу за исключением тех случаев, когда евреи вступали в сражение вопреки воле Божией.

Даже несчастья, как, например, болезни, ядовитые змеи и т. п., посылались для вразумления и для пользы непокорного народа. Так воспитывал Господь народ Свой *рукою* Своею *крепкою и мышцею высокою.*

Вот другой поразительный рассказ той же ветхозаветной истории о том, как Господь хранит Своих угодников. Когда пророк Даниил убил дракона, почитавшегося богом в Вавилоне, вавилоняне вознегодовали и настояли на том, чтобы пророк был брошен в ров львиный. *…Он пробыл там шесть дней. Во рве было семь львов, и давалось им каждый день по два тела и по две овцы; в это время им не давали их, чтобы они съели Даниила. Был в Иудее пророк Аввакум, который, сварив похлебку и накрошив хлеба в блюдо, шел на поле, чтобы отнести это жнецам. Но Ангел Господень сказал Аввакуму: отнеси этот обед, который у тебя, в Вавилон к Даниилу, в ров львиный. Аввакум сказал: господин! Вавилона я* ***никогда*** *не видал и рва не знаю. Тогда Ангел Господень взял его за темя и, подняв его за волосы головы его, поставил его в Вавилоне над рвом силою духа своего. И воззвал Аввакум и сказал: Даниил! Даниил! возьми обед, который Бог послал тебе. Даниил сказал: вспомнил Ты обо мне. Боже, и не оставил любящих Тебя. И встал Даниил и ел; Ангел же Божий мгновенно поставил Аввакума на его место. В седьмой день пришел царь, чтобы поскорбеть о Данииле и, подойдя ко рву, взглянул в него, и вот, Даниил сидел. И воскликнул царь громким голосом, и сказал: велик Ты, Господь Бог Даниилов, и нет иного кроме Тебя! И приказал вынуть* ***Даниила,*** *а виновников его погубления бросить в ров, – и они тотчас были съедены в присутствии его* (Дан. 14, 31–42).

Много подобных случаев чудесного покровительства Божия мы находим в житиях святых.

Святой Поликарп Смирнский во время одного из своих миссионерских путешествий остановился однажды на ночь в незнакомой гостинице. Окончив вечернюю молитву, он уже хотел лечь в постель, но странные предчувствия овладели им. Он долго не мог заснуть, и вдруг в ночной тишине совершенно ясно послышался чей-то шепот: «Уйди!» Он прислушался – все было тихо. Не придав особенного значения таинственному голосу, он уже готовился заснуть, как вдруг снова раздалось: «Уйди!» Он поднялся, но в комнате не было никого. Ему снова показалось, что это просто игра воображения, и он лег. Уже дремота стала охватывать его, как опять тот же голос еще яснее, еще настойчивее повторил: «Уйди!» Тогда, не медля ни минуты, святой Поликарп вышел из гостиницы. Едва лишь он успел переступить порог, как крыша и потолок гостиницы с треском обрушились, похоронив под своими обломками всех, находившихся в доме…

Господь, вечно бодрствующий над Своими избранниками, не допустил гибели святителя.

В первое время после основания Соловецкой обители, при первых ее устроителях, преподобных Зосиме и Савватии, братия часто страдала от недостатка продовольствия. Однажды в зимнюю пору, когда всякое сообщение с берегом было прекращено, в обители вышел весь хлеб. Угрожал неизбежный голод, и малодушные из братии начали уже роптать. Только игумен монастыря преподобный Зосима оставался спокоен. «Не смущайтесь, братия мои, – ободрял он ропщущих, – помните завет нашего Спасителя: *не пецытеся на утрей… Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его,* и все прочее *приложится вам.»* Твердое упование преподобного не обмануло его. Вечером того же дня в монастырь пришли, неизвестно откуда, два незнакомца и принесли с собой корзины с хлебом, мукой и маслом. Отдав свое приношение, они тотчас же удалились, и никто не видел, куда они направились и каким образом попали на недоступный в зимнее время остров.

В страшное время татарских погромов жители русских областей обыкновенно уходили в недоступные леса. В одной толпе таких беглецов, спасавшихся от татар из нижегородских пределов, находился преподобный Макарий Желтоводский, или Унженский. Среди беглецов было много женщин и детей, которые едва выдерживали тяжесть пути по бездорожью лесных чащоб, почти без запасов продовольствия. Ужас надвигавшегося татарского нашествия, страх лесных зверей, полная безнадежность в будущем, неизвестность пути, мрак почти непроходимых вековых лесов – все это создавало гнетущую обстановку, вызывавшую уныние даже в мужественных сердцах. Но всех утешал и успокаивал преподобный Макарий, полный глубокой веры и безграничного упования на помощь Божию. «Не скорбите, братия, говорил он, – Бог, выведший Израиля из Египта и препитавший его сорок лет в пустыне манною, силен и вас препитать и спасти…» И действительно: никто из беглецов, сопровождавших преподобного Макария, не умер, никто не отстал и не потерялся в лесной чаще. Все достигли безопасного убежища, даже дети.

Вот эти-то бесчисленные факты покровительства и Промысла Божия и создают в душе верующего то спокойствие, которое чувствует человек на берегу бушующей реки. Перед ним кипящая и клокочущая бездна людских страстей, бешено несущийся, сокрушительный поток житейской борьбы, капризный водоворот событий, но все это проносится мимо него, не возбуждая в нем ни страха, ни беспокойства. Он сознает под собой твердую почву веры, чувствует себя в безопасном убежище, ибо знает, что и волос с головы его не пропадет без воли Отца Небесного (Лк. 21, 18). Эта уверенность бывает еще сильнее, когда в своей личной жизни человек чувствует эту властную руку Промысла.

Таким образом, чтобы приобрести спокойствие духа, это необходимое условие духовной силы, нужно ощущение Промысла в жизни.

Как достигнуть этого?

О различных способах возбуждения и укрепления веры мы уже говорили в прежних беседах. Здесь речь идет главным образом о той стороне веры, которую можно определить как доверие. Христианин должен не только верить в Бога, но и верить Богу, то есть не только признавать мысленно существование Бога, но и опытно ощущать, что Господь, будучи близок к нему лично, даст ему все необходимое для жизни и для спасения, или, как говорит, о. Иоанн Кронштадтский: «Неукоснительно веруй и надейся от Господа получить все благое к созиданию ближнего или *вся, я же ко спасению*». Не задумывайся и не усомнись ни на мгновение в возможности получить просимое. «Вся возможна Господу, и вся возможна верующему, и упование не посрамит».

Для того, чтобы в душе родилось и созрело это чувство доверия, нужно только одно: *Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит… Покорись Господу и надейся на Него* (Пс. 36, 5, 7).

Это значит: в выборе пути или главного дела твоей жизни оставь в стороне личные твои желания и иди тем путем, на который поставил тебя Господь, заботясь лишь об одном, чтобы не уклониться от воли Его, ясно выраженной в заповедях.

Существуют два противоположных взгляда на жизнь. По мнению материалистов, жизнь – это сцепление простых случайностей, игра стихий, вихрь, крутящий людей, как пылинки, где нет ни плана, ни определенных целей. Жизнь – бессмыслица. Где и в каких сочетаниях окажутся эти крутящиеся пылинки, когда пронесется ураган, никто этого не знает. Все определяет слепой случай.

Если принять эту теорию, то, конечно, в жизни не должно быть никакого определенного и разумного руководства, но, с другой стороны, ясно, что и человек не может в этом случае управлять жизнью. Пылинки не могут управлять ветром. Можно подставить правый или левый бок под удары урагана, но управлять им, изменить направление жизни мы бессильны. Тем более странны претензии материалистов при таких воззрениях воображать себя царями жизни. «Мы построим счастье жизни», – говорят они. Но как это возможно, если сами они являются лишь игрушкой капризного и изменчивого вихря?

Но есть и другой взгляд: жизнь совсем не бессмыслица, но масштаб ее деятельности и длительности ее процессов настолько велики, что человек часто не может охватить их рассудком, не может проследить их внутреннего единого направления и логической связи и потому не понимает смысла жизни, то есть той конечной цели, к которой она движется и для достижения которой приспособлены все законы, управляющие ее течением. Но эта конечная цель, несомненно, существует, и вся жизнь есть не что иное, как кипучая, неутомимая, непрерывная работа на постройке грандиозного, великого здания счастья человека в единении с Богом. Говоря религиозными терминами, жизнь есть созидание Царства Божия.

В этой кипучей работе заняты миллионы людей, и если мы не хотим остаться праздными зрителями, но желаем принять в ней разумное участие, то мы должны всецело подчиниться воле Великого Архитектора, управляющего стройкой. Другого выхода нет.

Люди различно относятся к этой работе. Одни, как слепые котята, не замечают ничего – ни системы, ни целей жизни, ни самой постройки – и живут утробной жизнью, гоняясь лишь за личными выгодами и определяя всю свою деятельность интересами желудка и физического благополучия. Другие ничего не делают и тоже ничего не знают, но воображают, что понимают суть жизни и ее законов, и потому считают нужным всех учить и давать везде свои указания, внося всюду невообразимую путаницу и сбивая всех с толку. Третьи, может быть, и работают, но работают бестолково и без плана, делают часто не то, что нужно, и, таким образом, только замедляют и затрудняют общий ход постройки.

Все эти люди, собственно говоря, только мешают делу. Оттого так медленно и строится храм человеческого счастья, что приходится постоянно переделывать или исправлять их работу. Но рано или поздно храм будет построен, ибо непреложна воля Великого Архитектора и непреложны данные Им законы жизни, ведущие к цели, сохраняющие из человеческой работы лишь все ценное, нужное и сводящие к нулю все суетное и лишнее.

Сравнительно немногие работают продуктивно, подвигая вперед постройку. Это те, которые работают разумно, подчиняясь указаниям и распоряжениям Единого Архитектора, по определенному, данному Им плану. Этот план – в воле Божией. Ясно, что если мы хотим скорее привести к концу постройку, то способ здесь один: не мешать друг другу самовольными беспорядочными действиями, но объединить разрозненные усилия, работая по одному плану, то есть всецело подчинясь воле Божией.

В средние века в Германии, когда строились громадные готические соборы, архитектурный план здания разрезался обыкновенно на отдельные квадраты, и эти квадраты раздавались десятникам, заведовавшим рабочими. Каждый из них обязан был выполнить свою часть постройки по данному квадрату и должен был строго и точно сообразовываться с пла-

ном, иначе сооруженная им часть здания никоим образом не совпала бы с общим планом и испортила бы всю постройку. Так и в нашей жизни. На долю каждого из нас выпадает выполнение известной части плана в постройке Царства Божия. У каждого в руках квадрат, определяющий его место и его дело. Ясно, что отказываться от своего квадрата и хвататься за другое дело – значит вносить расстройство в общий ход работы. Каждый здесь на счету, каждый нужен на своем месте, каждое дело одинаково важно – скучное или увлекательное, высокое или низкое, грубое или тонкое, но необходим порядок. Вот твое место – лестница: двенадцать ступеней вверх, двенадцать ступеней вниз, и твое дело – всю жизнь носить кирпичи по этим ступеням… А ты тянешься расписывать плафоны! Знаешь ли ты, что твою ляпню придется замазывать, а твое прямое дело делать другому?

Вот почему необходимо предать себя всецело в волю Божию, отказаться от личных желаний при выборе жизненного пути и взять то дело, на которое зовет тебя Господь.

Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит… Покорись Господу и надейся на Него.

Когда человек сумеет это сделать и скажет: «Вот жизнь моя пред Тобою, Господи! Ты дал мне ее, Ты и возьми ее и делай с ней все, что Ты хочешь, Господи!» – тогда для него начинается новая, удивительная жизнь, полная чудес и глубокого смысла. Человек ясно начинает видеть в жизни управляющую руку Божию, поддерживающую, укрепляющую, защищающую, спасающую, и эти очевидные чудеса вмешательства Божия Промысла рождают твердую уверенность, что жизнь – не сон, не случай, не шутка, но серьезная планомерная работа, в которой он наконец нашел свое место и может работать под руководством Великого Архитектора, не сомневаясь в том, что результаты общей работы рано или поздно будут достигнуты. И в этой уверенности великий покой и великая сила.

Глава 11

Глава 11, ст. 1-10

Святитель Иоанн Златоуст, объясняя значение события входа Господня в Иерусалим, как оно изложено у евангелиста Матфея (Мф. 21, 1-10), говорит, что подъяремная ослица, которую вместе с осленком привели ученики к своему Господу, символически означала народ иудейский. Господь не восхотел сесть на нее, давая тем понять, что избранный народ отвержен за свое неверие, что отнято от него Царство Божие и отдано народу, приносящему плоды его (Мф. 21, 43). Молодой осленок, на которого никто не садился, означал, по его словам, все те новые, малоизвестные в ветхозаветной истории языческие народы, которые составили на первых порах молодую Церковь Христову и приняли легкий ярем Евангелия. Одежда, которой покрыли апостолы осленка, означала Его учение. Таким образом, все событие отмечало коренной перелом в плане Домостроительства Божия о спасении человека, когда то исключительное, руководящее значение, которое имел народ израильский в Ветхом Завете, перешло от него к другим народам. Садясь на осленка, Господь показал, что Он принимает эти народы под Свое водительство.

Таково толкование события, данное святым Златоустом. Новая Церковь, включившая в себя молодые языческие народы, получала права гражданства в Царстве Божием. До этих пор Господь держался того взгляда, что надо *прежде насытиться детям, ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам* (Мк. 7, 27). Так как в семью языческих народов, составивших Новозаветную Церковь, входил и русский народ, позднее других принявший христианство, то ясно, какое великое значение имеет вход Господень в Иерусалим и для нас, русских.

Но оставляя в стороне символику события, надо сказать, что в простом своем историческом смысле оно имеет великое значение. Это высшая точка славы, до которой поднялась жизнь Спасителя, чтобы сейчас же после этого закончиться кровавой развязкой. Никогда еще звезда земного величия скромного Галилейского Пророка не сияла так ярко! Никогда еще Его имя не произносилось с таким восторгом и надеждой тысячами уст. Никогда еще не окружала Его столь многочисленная толпа, готовая склониться перед Ним и идти по первому Его призыву, куда Ему угодно… Весь Иерусалим пришел в движение (Мф. 21, 10).

Господь не уклоняется на этот раз от славы и от бурных выражений восторга и почтения. Обыкновенно Он избегал шума и людской молвы и никогда не искал почестей и преклонения народа, так как это было совершенно не нужно для Его дела. Но в этот раз Он не останавливает ликующих восклицаний и, когда взбешенные фарисеи требуют от Него, чтобы Он запретил ученикам песнь славословия, Господь отвечает: *сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют* (Лк. 19, 40).

Ясно, что у Него имеется какая-то Своя особая цель, почему Он допускает это триумфальное шествие, и в последнем нельзя видеть лишь случайное проявление накопившегося и рвущегося наружу народного чувства.

Мы можем догадываться об этой цели по тем словам Спасителя, которые в этот момент были обращены Им к Иерусалиму и которые сохранены у евангелиста Луки.

Смотря на город, Он заплакал о нем и сказал: *о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружат тебя, и стеснят тебя отовсюду,*

и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего (Лк. 19, 42–44).

Торжественный вход Господень в Иерусалим это последнее предостережение нечестивому городу. Сколько раз Господь проповедовал на его стогнах и в его храме! Сколько раз иерусалимляне были свидетелями необычайной силы Его чудотворения, но жестокие сердца их не поддались обаянию Его пленительных речей, не преклонились с благоговейным смущением пред Его мощью, не узнали в Нем Мессию. Теперь, въезжая в город со славою, окруженный ликующей толпой, Господь снова хочет привлечь к Себе внимание его обитателей, прояснить их очи, которые, видя, не видели, напомнить им известное пророчество пророка Захарии: *Ликуй от радости, дщерь Сиона, торжествуй, дщерь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной* (Зах. 9, 9).

Увы! Все было напрасно! И в этот раз Иерусалим не узнал времени посещения своего, не узнал, что служило к миру его!

Не смягчились жестоковыйные сердца, и иерусалимляне первые приняли участие в самом ужасном преступлении, когда-либо совершившемся в истории мира, в распятии Господа.

Предупреждение не было понято и не подействовало, и несколько времени спустя исполнилось грозное пророчество Спасителя: город был разрушен до основания.

С другой стороны, в торжественном входе Господнем в Иерусалим есть еще одна черта, несомненно не случайная, указывающая на особую цель этого события.

Господь вступает в город, окруженный бесчисленной толпой, среди радостных криков и общего энтузиазма. Дорогу перед Ним устилают одеждами, под ноги осла бросают пальмовые ветви. Со всех сторон несутся восклицания радости и восторга: *осанна! благословен Грядущий во имя Господне!* Все это так напоминает триумфальное шествие и в то же время так отлично от обычных триумфов полководцев и великих завоевателей.

Когда римский военачальник возвращался после победы над неприятелем в вечный город, он ехал обычно на раззолоченной колеснице, запряженной четверкой белых кровных лошадей; над его головой статуя победы простирала золотой венок; кругом гремела музыка возвращавшихся с ним полков, а впереди вели толпы пленных и несли военную добычу.

Как мало похож был на гордую фигуру римского императора смиренный и кроткий Спаситель верхом на маленьком ослике, семенившем по каменным плитам иерусалимской мостовой и странно дисгармонировавшем с тем ореолом славы, которым народное ликование окружило в эту минуту Великого Пророка. На ослах, обыкновенно, ездили крестьяне в город, на базар, и, конечно, намеренно приказал Господь Своим ученикам привести Ему осла для торжественного въезда.

Верхом на осле, в простом хитоне и плаще, без блестящих воинских доспехов, без победного венка на голове Спаситель казался воплощением мира и кротости. В этой картине не было ничего воинственного, ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало военные триумфы римских полководцев. Для каждого непредубежденного взора было совершенно ясно, что этот Пророк из Галилеи никогда не будет тем блестящим, могучим завоевателем, каким воображение евреев рисовало себе будущего Мессию. Несомненно, эту мысль и хотел внушить Господь. Его шествие было полно славы и величия. Но то был блеск нравственного величия, а не земного суетного великолепия. Господь всю жизнь боролся с этим предрассудком, прочно укоренившимся в сознании народа и даже его собственных учеников, представлявших Мессию не иначе как земным царем вроде Соломона или Давида, но более блестящим и могучим. Теперь Он снова дает Своим последователям наглядный урок того, что Царство Его не царство внешнего великолепия, подобное всем царствам мира сего, но Царство чисто духовное, великое своей внутренней красотой и святостью.

К сожалению, толпа и теперь не понимает этого урока и, ослепленная предрассудками национальной гордости, готова и в смиренном Равви из Назарета, едущем верхом на ослике, видеть будущего славного царя, не замечая всей несообразности своих ожиданий с Его внешним видом. Она уже готова провозгласить Его царем и, предполагая, что наконец сбываются ее давнишние упования, как безумная, кричит: *благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! осанна в вышних!*

Но грустен лик Спасителя, и в очах Его – слезы. Он совершенно одинок со Своими мыслями. Его никто в толпе не понимает, не понимают даже Его ближайшие ученики, увлеченные общим энтузиазмом. Все ждут от Него, что Он объявит Себя царем, станет во главе израильских полков и поведет их славным путем побед к свержению ненавистного римского ига, к независимости, к власти. Но Он знает, что напрасно ждут этого от Него, что Он не может им этого дать, что не для того Он пришел, что это то же самое искушение, которым когда-то на первых порах Его служения пытался прельстить Его диавол, что если бы толпа знала это и не обманывалась в своих тщетных надеждах, она была бы умереннее в проявлении своих восторгов. Он знает, что пройдет немного дней, и эта самая толпа отвернется от Него, как от обманщика, за то, что Он не оправдал ее ожиданий, и хотя Он ничего им не обещал и даже не раз старался вывести из заблуждения, доказывая суетность их надежд, они все же возненавидят Его за свое разочарование, и те самые люди, которые сейчас с таким восторгом кричат: «Осанна!» – через несколько дней будут яростно вопить: «Распни Его!»

Вот почему грустен лик Господа Иисуса Христа.

Какая, в самом деле, резкая перемена! Вот они, эти люди, готовые, кажется, жизнь отдать за своего возлюбленного Пророка… Их голоса охрипли от криков ликования, глаза горят восторгом, тысячи пальмовых ветвей колышутся в их руках, поднимаясь и опускаясь, точно лес в бурю, цветные одежды развеваются в воздухе яркими пятнами… Это страстная, возбужденная восточная толпа нашла своего героя!.. Несколько дней спустя картина резко меняется: те же лица, но озлобленные; глаза, горящие ненавистью; тысячи рук со сжатыми кулаками, с угрозой поднятые кверху; проклятья и богохульства на устах… А перед ними все Тот же спокойный, великий в Своей кротости Спаситель, в сердце Которого и их восторг, и их ненависть встречают только скорбь и сострадание.

Толпа непостоянна, и многие из людей, несомненно бывших когда-то слушателями и учениками Господа, с увлечением внимавших Ему и готовых идти за ним всюду, изменили Ему и лишились венца вечного блаженства. Им не хватило постоянства.

В этом для нас большой урок, особенно для начинающих путь христианской жизни. Непостоянство, кажется, один из смертных грехов русской натуры. Мы легко увлекаемся всякой новинкой, с восторгом бросаемся на каждое новое дело, особенно если оно имеет печать идейности, но эти увлечения так же скоро остывают, как и появляются. Первые же препятствия охлаждают наш пыл, напряжение воли скоро утомляет, и перед длинным путем, на котором виден бесконечный ряд трудностей, нами овладевает уныние. Даже не пытаясь бороться, мы безнадежно опускаем руки.

Особенно гибельно сказывается это отсутствие постоянства в духовной жизни. Сколько молодых людей погибло для Христа от недостатка выдержки! Сначала, когда в сумерках обывательского религиозного неведения перед ними ослепительно ярко блеснет свет евангельской истины, они не могут противиться, ибо сознанной истине нельзя противиться. С увлечением отдаются они новой жизни, где все так радует, так глубоко чувствуется и так много говорит сердцу. В них на первых порах так много усердия, которое почти всегда переходит в порыв к подвижничеству. Обыкновенные формы служения Богу, не требующие большого напряжения, кажутся им слишком слабыми и недостаточно быстро ведущими к цели, и они нагружают себя обыкновенно самовольно бесконечными правилами поста, молитвы, поклонов и других подвигов аскетической жизни. Увы! Чем больше берут они на

себя, тем скорее утомляются, и чем сильнее увлечение первого порыва, тем скорее сказывается недостаток постоянства. Через несколько месяцев они идут уже только по инерции, чувствуют себя какими-то растерянными, как будто результаты их усердия не соответствуют их ожиданиям, и холод первого разочарования и недоумений уже закрадывается в душу. Мало-помалу назревает первое роковое сомнение, правилен ли избранный путь, и, чувствуя себя в своем усердии правыми, они пытаются объяснить свою неудачу и неудовлетворенность не неумением приняться за дело, а объективными причинами, им начинает казаться, что они обмануты. Это уже шаг к неверию и, идя дальше этим путем, не имея ни силы, ни умения бороться с нашептываниями искусителя, они наконец отрекаются совершенно от пути духовной жизни и резко переходят в стан врагов Евангелия. И бывает для человека последнее горше первого неведения.

Быть может, подробности этого процесса и не всегда одинаковы, но как бы то ни было, это непостоянство, это неумение сдержать свое нетерпение и печальная способность поддаваться быстро духу разочарования и уныния похищают множество жертв, особенно среди молодежи. Если бы можно было мистическим взором окинуть мировое поле духовной борьбы, оно представилось бы нам как кладбище, покрытое трупами несозревших надежд и безвременно погибших увлечений.

А между тем, постоянство до конца, до смерти, необходимо. Недостаточно лишь вступить на христианский путь, но надо дойти до цели, и если христианская жизнь, по сравнению апостола Павла, представляет бег на ристалище, где все мы являемся участниками состязания, то ясно, что награду получат только те, которые добегут до конечного столба. Атлет, прекращающий бег на полпути, сам себя вычеркивает из списка претендентов на победный венец, и как бы быстро он ни бежал первую половину пути, это не принесет ему никакой пользы, это потерянный труд.

И праведник, если отступит от правды своей и будет поступать неправедно, будет делать все те мерзости, какие делает беззаконник, будет ли он жив? все добрые дела его, какие он делал, не припомнятся; за беззаконие свое, какое делает, и за грехи свои, в каких грешен, он умрет (Иез. 18, 24). *Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни* (Откр. 2, 10) – таково основное правило духовной жизни.

Как этого достигнуть?

Мы не будем говорить здесь о настойчивости в достижениях духовной жизни – о длительном напряжении воли и об упорной деятельности для преодоления встречных трудностей. Об этом мы уже говорили в одной из прежних бесед. Здесь речь только о постоянстве, то есть об умении сохранить неизменными цель и основное направление жизни до самого конца.

Само собой понятно, что исчерпывающего ответа на данный вопрос дать невозможно, ибо все зависит здесь в конечном итоге от воли Божией. Господь силен спасти человека в самых безнадежных обстоятельствах. Но все же можно указать ряд препятствий или ложных шагов, которые, вызывая разочарование или уныние, больше всего мешают постоянству духовной жизни и которых поэтому надо тщательно избегать!

Самым обычным препятствием является здесь ложное направление основных упований в самом начале духовной жизни. Почему толпа, готовая почти обоготворить Господа, так скоро Ему изменила? Мы уже видели, что главная причина этого разочарования заключалась в том, что от Спасителя ожидали того, чего Он не мог дать. Толпа хотела навязать Ему свою волю и свои надежды и разгневалась, когда Он не подчинился ей и пошел Своим путем. В шумных овациях, которыми она встретила Господа, выражалась не любовь лично к Нему и не увлечение Его учением, но надежда, что Он осуществит ее мечты и ее желания. В эту минуту ликующие люди шли за Спасителем не потому, что ценили в Нем образ высшего духовного совершенства и признавали глубокую истину Его речей, но потому что ожидали

от Него удовлетворения своей национальной гордости, и, когда они увидели, что обманулись в своих ожиданиях, неминуемо должна была наступить реакция.

Так бывает и в духовной жизни. Вступая впервые на религиозный путь, люди часто при этом ставят себе собственные цели, совершенно не спрашивая себя, чего хочет от них Бог. Одни думают, что их материальное благополучие будет пользоваться покровительством Божиим, и потому его подъем пойдет успешнее. Другие мечтают о славе, почестях и влиянии в качестве религиозных деятелей. Третьи смотрят на религию как на средство сделать карьеру. Очень многие, может быть, и не подходят к религии с такими грубыми материальными расчетами, но желают поскорее достигнуть святости и даже получить дар чудотворений. Во всех этих случаях религия не является целью сама по себе, а лишь средством для достижения совершенно посторонних, почти всегда эгоистических видов. Человек здесь не ищет как счастья преклониться пред величием Божиим с благоговением и любовью, но, строго говоря, отводит Всемогущему Творцу мира служебную, недостойную роль, требуя от Него лишь скорейшего исполнения своих желаний.

Можно с уверенностью сказать, что каждый, кто вступает на путь религиозной жизни с такой предвзятой целью, никогда ничего не получит, ни до чего не дойдет и принужден будет рано или поздно отказаться от этого пути, потеряв только труды и время. Более того, разочарование вызовет в нем даже вражду к Богу, а значит, поставит его в худшее положение в деле своего спасения, чем то, в котором он находился раньше, до начала религиозного подвига.

Один епископ пишет по этому поводу: «Я знал многих молодых людей, которые погибли таким образом. Помню одного талантливого юношу, который увлекся мечтой быть епископом. Он стал бесконечно много молиться, выстаивая целые длинные ночи на правиле; наложил на себя суровый пост, но так как ему было всего 18 лет, то он скоро сообразил, что ему слишком долго придется нести такой подвиг до того момента, когда он сможет, по каноническим правилам, получить епископскую хиротонию. Его усердия хватило ровно на полгода, а потом он стал вести рассеянную жизнь и скоро опустился на дно разврата. Знавал и другого молодого человека, который наложил на себя подвиг юродства. Но это было чисто детское увлечение: ему просто нравились те сумасбродные фокусы и нелепые, смешные выходки, которые он мог проделывать под маской юродства и которые привлекали к нему наивное внимание простодушных богомольцев. В нем просто была затронута жилка юмориста и актера. Через два года, однако, ему все это надоело, и он стал пьянствовать. Помню и еще одну молодую девушку из простонародья, которая едва не уморила себя на молитвенном подвиге, дни и ночи читая Псалтирь и кладя поклоны. Она все время металась в жажде подвига: то забивалась в сырое подземелье под церковью, объявляла себя в затворе и питалась только хлебом и водой, то юродствовала и по неделям ничего не ела, то накладывала на себя тяжелые вериги… И все это самовольно, вопреки советам опытных старцев. С одной стороны, это была рисовка перед толпой, восторгавшейся ее подвигами, с другой – ее мучила самолюбивая жажда святости, желание быть выше и лучше других и тайная мечта получить за свои труды дар прозорливости или исцелений опять-таки с тою целью, чтобы удивлять своих почитателей. Она кончила сумасшествием».

В подвиге христианской жизни можно устоять до конца только в том случае, если человек не ищет никаких посторонних целей и в самой религии, в любви к Богу и в единении с Ним находит свое высшее счастье. Те невероятные, на наш взгляд, подвиги, труды и лишения, которые переносили древние пустынники и мученики христианства, невозможно было бы выдержать, если бы в них самих они не находили для себя источника блаженства.

Кого бы мы ни взяли из великих светочей христианства, мы неизменно найдем, что их постоянство и твердость в служении Богу обусловливались их глубокой любовью к Богу

Творцу и к чистой истине Евангелия, свободной от всяких личных эгоистических побуждений.

Вот перед нами образ великого борца за Православие против арианской ереси, святого Афанасия, всю жизнь отдавшего делу этой борьбы и устоявшего в ней до конца.

Еще совсем молодым человеком 29-ти лет в сане диакона Александрийской церкви он сопровождал своего епископа на Никейский Собор, где выступил убежденным и красноречивым противником Ария, учившего о тварной природе Сына Божия. Аргументы Афанасия и его знание и понимание священного текста победили: арианство было осуждено. Но борьба только еще начиналась. Побежденные на богословской почве, ариане вступили на путь закулисных происков и политических интриг. Они добились от императора Константина указа о принятии их в общение с Православной Церковью во имя мира церковного. Афанасий, ставший за это время уже Александрийским епископом, не подчинился этому указу, считая его канонически неправильным, и был немедленно сослан императором во Францию. Это было его первое изгнание. При сыновьях Константина он вернулся на свою епископию. Но на Александрийскую кафедру уже был назначен арианин Григорий, который вступил в город с военным отрядом. Афанасий принужден был бежать в Рим. Водворенный вскоре после этого опять в Александрии, он продолжал вызывать ненависть ариан своей энергичной защитой Православия. Велено было удалить его силою, причем он едва избег смерти. Афанасий бежал в Египетские пустыни, где с любовью был принят скитскими иноками. За его голову была назначена премия, а он из своего уединения рассылал повсюду послания в защиту Божества Господа. Из Египта он снова вернулся в Александрию к великой радости верных сынов Православной Церкви, но при Юлиане Отступнике издан был новый эдикт: гнать Афанасия везде, где только можно. «Не смущайтесь, дети, – говорил святитель, снова отправляясь в изгнание, – это только облачко… Оно скоро пройдет!» Действительно, Юлиан скоро был убит, и Афанасий вернулся. Но при императоре Валенте он снова должен был бежать. Только последние годы его жизни прошли сравнительно спокойно, но как много пришлось ему вытерпеть! И ничто не могло сокрушить его постоянства и непоколебимой преданности Православию. Этот человек любил всей душой Бога и истину, и только им служил он самоотверженно. В этом заключалась тайна его силы и его верности.

Другое обязательное условие постоянства христианской жизни – это твердая вера в силу и конечное торжество добра как в личной, так и в общественной жизни.

Не веря в победу добра, нельзя вообще сделать ни одного шага в духовной жизни, и всякое доброделание в любой его форме становится при этом бесцельным и бессмысленным. Это не значит, конечно, что победы этой мы должны ожидать еще при нашей жизни. Нет, это может произойти в отдаленном будущем, но твердо держаться намеченного пути и в случае необходимости принести себя в жертву можно только при непоколебимой уверенности в конечном успехе своей деятельности.

А все пророки Ветхого Завета, из которых лишь немногие умерли своей естественной смертью? Разве не горячая вера в добро и его конечную победу звучит в их страстных обличительных речах? И разве не любовь к правде заставляла их пренебрегать всеми опасностями и идти почти на верную смерть от руки разгневанных соотечественников, которых они обличали?

Но как может явиться эта уверенность в торжестве добра, если жизнь дает столько противоположных примеров победы зла над добром?

В мире существуют две категории сил – положительных, творческих и отрицательных, разрушительных. Силы разрушительные отличаются бурным, эффектным характером, и поэтому действие их особенно заметно и производит сильное впечатление стихийной мощи и непобедимости. Землетрясения, извержения вулканов, бури, тайфуны, смерчи – все эти грозные явления природы поражают воображение зрителя своей сказочной силой. Но в

действительности это впечатление бывает, как правило, преувеличено, и, когда гроза пройдет, почти всегда оказывается, что результаты ее разрушительного действия не так велики, как можно было бы предполагать по ее шумному эффекту. Кроме того, все разрушительные силы действуют кратковременно, и нарушенное ими равновесие природы скоро восстанавливается. Наряду с этими разрушительными силами существуют силы положительные, созидательные. Они тихи, молчаливы, почти незаметны, но непреодолимы в своем действии. Все величайшие силы природы – сила тяготения, сила солнечного тепла и света, сила органического роста и т. д. – действуют бесшумно, без видимых внезапных эффектов, но непрерывно, неуклонно, непобедимо. В столкновениях с разрушительными силами перевес в общей экономии жизни всегда остается за ними. Вулканические извержения могут выбрасывать камни и пепел на громадную высоту, но в конце концов все это падает обратно вниз, побежденное силою тяготения земли.

То же самое происходит и в духовном мире. И здесь разрушительные силы более бурны и эффектны по своим проявлениям, и порой кажется, что они побеждают добро. Но это преобладание лишь временное, и тихие, спокойные силы добра – кротость, смирение, любовь, терпение, действующие незаметно, но непрерывно и верно, в конечном итоге мировой жизни все-таки окажутся победителями. Вот почему такие тихие силы и ценятся в христианстве как величайшие добродетели, ибо они ведут к победе христианского идеала добра.

Еще два совета относительно сохранения постоянства в христианском направлении жизни.

Экономьте силы, или, вернее сказать, пользуйтесь ими с разумным расчетом. Нельзя слишком перегружать и переобременять себя непосильными подвигами, ибо вы не выдержите этого напряжения в течение долгого курса жизни. Но, с другой стороны, нельзя слишком ослаблять интенсивность духовной жизни, ибо неизбежным результатом этого всегда будет лень, апатия и постепенный упадок духовных сил. Необходимо найти средину, или, как говорят святые отцы, идти царским путем. Чувство известного напряжения воли всегда должно быть в ощущении, но это не должно сопровождаться истощением духовной силы. А для того, чтобы найти этот средний, или царский, путь, необходима та добродетель, которая в аскетике называется рассуждением.

Наконец, что бы с вами ни случилось, какие бы опасности ни встречались на вашем пути, какие бы нравственные падения ни пришлось вам пережить – не выпускайте из рук ризы Христовой, держитесь неуклонно одного направления, ведите свою линию следования за Христом. Падения неизбежны, но важно для человека не выпустить из рук ризы Господней, не потерять с Ним связи, ибо тогда все поправимо.

Будьте как дитя, которое цепко держится за платье матери. Пусть вы споткнулись, упали, выпачкались в грязи греха и житейской тины – в этом нет еще неминуемой гибели… Вставайте и идите дальше, может быть, со слезами, с глубокой грустью о падении, но не выпускайте из рук ризы Христовой!

Глава 11, ст. 11–14, 20-26

Рассказ Евангелия о смоковнице, проклятой Господом и засохшей, часто возбуждает недоумение читателей: что это значит? Чем виновато злосчастное дерево, не принесшее плодов? Чем объясняется эта строгая кара со стороны всегда кроткого и милостивого Спасителя?

Обычно толковники Евангелия под смоковницею разумеют еврейский народ и всему событию придают смысл аллегорический. Проклятием смоковницы Господь предсказывал будущую судьбу Израиля. Лицемерный, благочестивый только по наружности, гордый своею законническою праведностью и точным соблюдением внешних обрядовых предпи-

саний религии еврейский народ уже давно не приносил плодов горящего духа и истинно праведной жизни. Его благочестие было только показным, и в этом отношении он действительно очень напоминал евангельскую смоковницу, покрытую пышною зеленою листвой и не имеющую на себе плодов. Проклятие смоковницы знаменовало окончательное отвержение Богом израильского народа и его духовную гибель. Таким образом, в этом эпизоде мы видим продолжение того же настроения Господа, когда во время торжественного входа в Иерусалим Он с великой грустью смотрел на священный город, предвидя его падение и пророчествуя о нем. Проклятие смоковницы то же пророчество, но выраженное в действии.

Кроме того, в этом случае впервые сказалась грозная, карательная сила Господа. До сих пор Он являлся перед нами исключительно как кроткий, любвеобильный Пастырь, полный бесконечного милосердия и всепрощения. Но необходимо было показать людям, что в Его руках находится власть и наказывать и что Его суд может быть не только снисходительным, но строгим и справедливым. Пусть помнят об этом те, которые слишком ласкают себя надеждою на Божественное всепрощение, не заботясь о собственном исправлении и не прилагая никаких усилий к тому, чтобы заслужить это прощение. Когда человек не приносит плодов покаяния и христианской жизни, подобно засохшей смоковнице, его осуждение неизбежно, и его преувеличенные, необоснованные надежды на милость Божию суть не что иное, как лжеупование.

Но самое ценное для нас место данного евангельского отрывка то, где Господь говорит о молитве и указывает условия ее действенности.

Все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам. И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших.

Понять всю силу и значение молитвы и научиться молиться так, чтобы быть услышанным, чрезвычайно важно для каждого верующего, ибо только через молитву устанавливается непосредственная связь человеческой души с Богом, и только через эту молитвенную связь человек может получить от Бога все благодатные средства и силы, необходимые для спасения. Своими же слабыми силами человек возродиться и обновиться не может.

«Молитва, – говорит о. Иоанн Кронштадтский, – златая связь человека-христианина, странника и пришельца на земле, с миром духовным… и паче всего с Богом – Источником жизни; от Бога изшла душа, к Богу и да грядет всегда чрез молитву.

Доколе стоим на усердной молитве, дотоле и спокойно, и тепло, и легко, и светло на душе; оттого, что тогда мы с Богом и в Боге; а как с молитвы долой, так и пошли искушения, разные смущения. О преблаженное время молитвы!»

Так как Господь есть единственный источник всяких благ, то, объединяясь с ним в молитве, мы и получаем от Него все блага.

«От всеблагого и велико даровитого Бога можно получить молитвою веры все духовные и необходимые вещественные блага, только бы искренно было желание этих благ и горяча молитва. И какие молитвы Церковь влагает нам в уста? Такие, что ими удобно можно преклонить Господа на всякую милость к нам, на всякое даяние благое.

Усердная, слезная молитва не только грехи очищает, но и телесные немощи и болезни исцеляет и все существо человека обновляет и, так сказать, перерождает (говорю из опыта). О, какой дар неоценный – молитва!

Молитва, как внешний воздух освежает тело, так она освежает душу и оживляет ее; в ней бодрее и веселее чувствуешь себя, подобно тому, как, прогулявшись на свежем воздухе, чувствуешь себя и физически, и душевно бодрее и свежее».

Молитва – необходимая пища души.

«Для чего нужно и дома молиться, и ходить в церковь к богослужению? А для чего ты ешь, и пьешь, и ходишь на свежий воздух каждый день, или работаешь каждый день? Для того, чтобы поддерживать жизнь тела и укреплять его. И молиться нужно непременно для того, чтобы поддерживать и возбуждать жизнь души, подкреплять душу, недугующую грехами, очищать ее, как и пищу и питье иное ты употребляешь для очищения от вредных мокрот и нечистот. Если поэтому ты не молишься, то весьма неразумно и безрассудно поступаешь…

Люди впали в безверие оттого, что потеряли совершенно дух молитвы или вовсе не имели и не имеют его, короче оттого, что не молятся. Князю века сего простор для действия в сердцах таких людей; он господин в них. Молитвою они не испрашивали и не испрашивают себе у Господа росы благодати Божией (а только просящим и ищущим подаются дары Господни), и вот сердца, испорченные по природе, без живительной росы Духа Святого пересохли и от крайней сухоты наконец запылали адским пламенем неверия и различных страстей, и диавол знай только воспламеняет страсти, поддерживающие этот ужасный огонь, и торжествует при виде погибели несчастных душ, искупленных Кровию Того, Кто попрал его державу».

Конечно, молитва разных людей по своим качествам и по своей действенности может быть чрезвычайно различна. Между молитвою школьника, просящего о благополучном исходе экзамена, и молитвою пустынника, застывшего в восторге таинственного созерцания и не замечающего ничего вокруг, конечно, громадная разница. Великие подвижники, прежде всего, отличались духом горячей, пламенной молитвы, которая у них была постоянной в силу присущего им чувства зависимости от воли Божией. Но этот дар молитвы, как и все в духовной жизни, давался им не сразу, а путем длительных усилий. Несомненно, молитва наших пастырей-молитвенников, как, например, преподобного Сергия или о. Иоанна Кронштадтского, в разные периоды их жизни была не одинакова по своей силе, и молитва детских лет, при всей своей искренности и чистоте, не имела той действенности, как в период зрелости, когда дух уже окреп в молитвенном подвиге.

Какой отсюда вывод?

Вывод тот, что в молитве надо упражняться и молитве можно учиться.

«Учитесь молиться, – говорит о. Иоанн, – принуждайте себя к молитве: сначала будет трудно, а потом, чем более будете принуждать себя, тем легче будет; но сначала всегда нужно принуждать себя».

Чего же следует добиваться в молитве? Какова должна быть та молитва, к которой надо стремиться, и по каким признакам можем мы судить о достигнутых в этом отношении успехов?

«Должно не только молиться, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – но и молиться так, чтобы быть услышанным».

Таков ответ святителя на поставленный вопрос.

Когда молитва наша услышана, когда Господь внемлет нашим прошениям и исполняет их, то это и служит самым главным и, может быть, единственным признаком истинной молитвы.

Эта успешность или услышанность молитвы может проявляться двояко: во внутреннем ощущении нашем, или, как говорят, субъективно, и объективно, когда наши прошения исполняются в области внешних фактов.

Внутренние плоды истинной, услышанной молитвы, по изображению о. Иоанна Кронштадтского, таковы: «Иногда… бессильна, хладна, бесплодна бывает душа наша, как оная языческая неплодящая Церковь; но лишь напряжем сердце свое к искренней молитве к Богу, обратим мысли и сердце свое к нему с верою живою, тотчас оживет, согреется и оплодотворится душа наша; какое вдруг спокойствие, какая легкость, какое умиление, какой внутрен-

ний святой огонь, какие теплые слезы о грехах, какое искреннее чувство сожаления о том, что прогневали ими Владыку преблагого, какой свет в сердце и в уме, какой обильный поток живой воды заструится в сердце, льющийся свободно с языка или с пера и карандаша на бумагу; пустыня душевная процветает яко крин пришествием Господа в сердце».

К сожалению, субъективное определение успешности молитвы не всегда бывает правильно, ибо люди неопытные часто принимают простое нервное возбуждение и припадки сентиментальной слезливости за благодатные внутренние плоды молитвы.

Гораздо правильнее и безошибочнее оценка успешности молитвы по ее внешним результатам.

В книге Исход мы находим следующий эпизод.

Во время сражения израильтян с амаликитянами Моисей, Аарон и Ор взошли на вершину холма. *И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал руки свои, одолевал Амалик; но руки Моисеевы отяжелели, и тогда взяли камень и подложили под него, и он сел на нем, Аарон же и Ор поддерживали руки его, один с одной, а другой с другой стороны. И были руки его подняты до захождения солнца. И низложил Иисус Амалика и народ его острием меча* (Исх… 17, 10–13).

Здесь на основании победы израильтян над амаликитянами можно с несомненной уверенностью сказать, что молитва Моисея была услышана Богом.

То же самое обещает Господь и всякому, молящемуся с верою: *говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам.*

Это обетование Господа исполняется и в наши дни. Мы знаем успешность и почти чудесную силу прошений великого молитвенника земли русской о. Иоанна Кронштадтского. Знаем сотни случаев исцелений по его молитвам самых застарелых и неизлечимых болезней. Господь, по-видимому, редко отказывал мольбам Своего избранника.

Вот одно из таких исцелений по его собственным словам: «Некто, бывши смертельно болен воспалением желудка девять дней и не получивший ни малейшего облегчения от медицинских пособий, – лишь только причастился в девятый день поутру животворящих Тайн, к вечеру стал здоров и встал с одра болезненного. Причастился он с твердою верою. Я молился об нем Господу, чтобы Он исцелил его. Господи! говорил я: исцели раба Твоего от болезни его. Достоин есть, ему же даси сия… Молился и в церкви у престола Господня за Литургией, во время молитвы: „иже общие сия и согласные даровавый нам молитвы…“ и пред самыми Тайнами. Я молился между прочим так: Господи! Животе наш! Как мне помыслить легко об исцелении, так Тебе исцелить легко всякую болезнь; как мне помыслить легко о воскресении из мертвых, так Тебе легко воскресить всякого мертвеца. Исцели убо раба Твоего Василия от лютой его болезни и не допусти ему умереть, да не предадутся рыданию жена и дети его, – и благопослушливый Владыка помиловал. А то был на волосок от смерти. Слава всемогуществу, благости и благопослушеству Твоему, Господи!»

Что же нужно для того, чтобы молитва имела силу и могла быть услышана Господом? Какими качествами должна она обладать?

Господь определенно говорит, что для успешности молитвы, прежде всего, необходима вера. *Имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, – будет ему, что ни скажет.*

Нам странно теперь читать эти слова Спасителя: до такой степени то, что Он говорит здесь, кажется нам невозможным. Так слаба наша вера и так мало мы сами ожидаем от нее! А между тем, несомненно, эти слова Господа следует понимать в полном и буквальном их значении. Молитва, соединенная с глубокой верой, действительно делает чудеса.

В чем должна состоять эта вера и какими прочими качествами должна обладать молитва, чтобы быть услышанной? Предоставим говорить об этом признанному авторитету

в области молитвы о. Иоанну Кронштадтскому, ибо его свидетельство основано на личном опыте и проверено пастырскою практикой всей его жизни, безраздельно посвященной Богу.

Прежде всего во время молитвы необходимо ясно представлять себе величие Божие, так, чтобы трепещущая душа вся была проникнута чувством величайшего благоговения к Богу.

«Когда молишься Господу, вообрази живо, Кому ты молишься? Ты молишься безначальному и бесконечному Царю всякой твари, всесвятому, всеблагому, всемогущему, премудрому, вездесущему, всеправедному, пред Которым благоговеют миллионы миллионов Ангелов различных порядков, Коего воспевают воинства мучеников, сословие пророков и апостолов, соборы святителей, преподобных и праведных…»

«Молясь, нужно все творение представлять как ничто пред Богом, а единого Бога всем, вся содержащим как каплю воды, везде сущим, действующим и все оживляющим».

«Некто во время молитвы, когда он делался вял, расслаблен духом и телом и ему хотелось дремать, возбуждал себя следующим внутренним вопросом: с Кем ты беседуешь, душа моя? И живо представляя после этого пред собою Господа, начинал молиться с великим умилением и со слезами; притуплённое внимание его изощрялось, ум и сердце просветлялись, и он весь оживотворялся. Вот что значит живо представлять пред собою Господа Бога и ходить в присутствии Его! Если, говорил он дальше, душа моя, ты не смеешь вяло и небрежно разглагольствовать с людьми, высшими тебя, чтобы не оскорбить их, то как ты смеешь вяло и небрежно разглагольствовать с Господом?»

«Призывая на молитве Господа Бога в Трех Лицах, помни, что ты призываешь безначального Отца всей твари, Ангелов и человеков, что тебе, призывающему, удивляются все Силы Небесные и с любовию взирают на тебя за то, что ты с верою и любовию и подобающим благоговением призываешь общего их и нашего Отца, Творца Вседержителя и Господа, Коего они безмерно любят, пред Коим крепко благоговеют.

О, какое высокое счастье и блаженство, какое величие, какое достоинство призывать вечного Отца! Дорожи постоянно и неизменно этим высочайшим счастием, этим блаженством, которое предоставила тебе бесконечная благость Бога твоего, и не забывайся во время молитвы твоей. Тебе внимает Бог, тебе внимают Ангелы и святые Божии человеки».

«Помни… что на тебя светлейшими, паче солнца, очами взирает Триипостасный Бог… Молись всегда горящим сердцем, а для этого никогда не объедайся и не упивайся. Помни, с Кем беседуешь. Люди забывают пречасто, с Кем они беседуют на молитве, кто свидетели их молитвы. Они забывают, что беседуют с Бодрым и Всевидящим, что беседе их с Богом внимают все Силы Небесные и святые Божии человеки».

«Молясь Богу, беседуешь с Ним лицом к лицу: беседуй же с Ним как с Царем – глаз на глаз, и отнюдь ничем посторонним сердце да не занимается в это время и ни к чему не прилепляется, ибо скажи: станешь ли ты, разговаривая с царем или царицею, заниматься в это время чем-либо посторонним или маловажным, например, смотреть в окно на проезжающих или рассматривать вещи, находящиеся в покоях и проч.? И не было ли бы это крайней обидой для царского величия? Как же мы, при беседе с Господом, делаем подобное и гораздо хуже этого?»

Следует живо представить пред собою Бога и Его близость.

«В молитве главное, о чем нужно прежде всего позаботиться – это живая, ясновидящая вера в Господа: представь Его живо пред собою и в себе самом, – и тогда еже хощеши, проси о Христе Иисусе о Духе Святом, и будет тебе. Проси просто, ничтоже сумняся, – и тогда Бог твой будет все для тебя, во мгновение совершающий великие и чудные дела, подобно тому, как крестное знамение совершает великие силы».

Помни, что Господь слышит каждое твое слово и может исполнить каждое прошение.

«Во время молитвы нужно иметь такое настроение веры, чтобы и на одну минуту не было в сердце тайного сомнения или тайной мысли, будто Бог нас не слушает, но чтобы во все продолжение молитвы душа представляла себе Бога пред собою и беседовала с ним как с Царем».

«Когда молишься, помни всегда, что ты беседуешь с Богом, Отцом щедрот и всякого утешения, неизменяемым, неутомляющимся нашими прошениями, с Отцом, Который всегда бесконечно благ, премудр, всесилен, Кому по бесконечной благости, премудрости и всемогуществу так всегда удобно исполнить все твои прошения, как тебе удобно и легко помыслить о них и пожелать их, как легко выговаривать слова прошения, и даже бесконечно легче. Помни это и никогда не унывай на молитве».

«Если хочешь молитвою испросить себе какого-либо блага у Бога, то прежде молитвы приготовь себя к несомненной, крепкой вере и прими заблаговременно средства против сомнения и неверия. Худо, если во время самой молитвы сердце твое изнеможет в вере и не устоит в ней, тогда и не думай, чтобы ты получил то, о чем просил Бога сумняся, потому что ты оскорбил Бога, а ругателю Бог не дает даров Своих!»

«*Вся,* – сказал Господь, – *елика аще воспросите в молитве верующе, приимите* (Мф. 21, 22), и значит, если восиросите неверующе или с сомнением, не приимите. *Аще имате веру и не усумнитеся* (Мф. 21, 21), еще говорит Он, то и горы можете переставлять. Значит, если усумнитеся и не поверите, то не сделаете этого. Да просит же каждый человек с верою, ничтоже сумняся, говорит апостол Иаков, да не мнит сумняйся, яко приимет что от Бога. *Муж двоедушен неустроен во всех путех своих* (Иак. 1, 6–8). Сердце, сомневающееся в том, что Бог может даровать просимое, наказывается за сомнение: оно болезненно томится и стесняется от сомнения. Не прогневляй же вседержавного Бога ни тению сомнения, особенно ты, испытавший на себе Божие всемогущество многое множество раз. Сомнение хула на Бога, дерзкая ложь сердца или гнездящегося в сердце духа лжи на Духа истины. Бойся его, как ядовитой змеи, или нет, – что я говорю, пренебрегай им, не обращай на него ни малейшего внимания. Помни, что Бог во время прошения твоего ожидает утвердительного ответа на вопрос, внутренне Им тебе предлагаемый: веруеши ли, яко могу сие сотворити? Да, ты должен из глубины сердца ответить: верую, Господи! И тогда будет по вере твоей. Твоему сомнению или неверию да поможет следующее рассуждение – я прошу у Бога:

1) существующего, а не воображаемого только, не мечтательного, не фантастического блага, а все существующее – от Бога получило бытие, потому что *без Него ничтоже бысть, еже бысть* (Ин. 1, 3), и, значит, ничто и не бывает без Него, что бывает, а все или от Него получило бытие, или по Его воле или допущению бывает и делается при посредстве данных от Него тварям Его сил и способностей, и во всем сущем и бывающем Господь – полновластный Владыка. Кроме того, Он нарицает и *не сущая, яко сущая* (Рим. 4, 17); значит, если бы я просил и не сущего, Он мог бы мне дать, сотворив его;

2) Я прошу возможного, а для Бога и наше невозможное – возможно; значит, и с этой стороны нет препятствий, потому что Бог может сделать для меня даже то, что по моим понятиям невозможно.

Чтобы иметь тебе непоколебимую уверенность во время молитвы получать от Господа всякое духовное благо, веруй, что ты, соединяясь на молитве с Господом, становишься один дух с Ним (1 Кор. 6, 17), а Бог всеблаг, всемогущ, премудр; Он всесовершенное совершенство; значит, и ты, по мере своей приемлемости, по мере веры и любви, сделаешься участником Его Божественных совершенств. В соединении души твоей с Богом не считай ничего неудобоисполнимым, невозможным, *вся бо возможна суть у Бога* (Мк. 10, 27).

Когда молишься Отцу и Сыну и Святому Духу-в Троице Единому Богу, – не ищи Его вне себя, но созерцай Его в себе, как в тебе живущего, совершенно тебя проникающего и знающего».

Необходимо, далее, верить в силу самих молитвенных слов.

«Когда молишься о чем-либо Господу, или Пресвятой Богородице, или Ангелам и святым… тогда слова, выражающие твое прошение, твои нужды, почитай за самые вещи, за самое дело, которого ты просишь у Господа, и веруй, что ты уже имеешь верный залог в получении предмета твоих прошений в самых словах, коими означается этот предмет. Например, ты просишь здоровья себе или кому-либо: слово – „здоровье“ – имей за самое дело; веруй, что ты его уже имеешь по милости и всемогуществу Бога, ибо самое слово, название, во мгновение у Господа может быть делом, – и получишь непременно просимое, за свою непоколебимую веру… *Елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете: и будет вам».*

«Молясь, нужно так веровать в силу слов молитвы, чтобы не отделять самых слов от самого дела, выражаемого ими; нужно веровать, что за словом, как тень за телом, следует и дело, так как у Господа слово и дело нераздельны. И ты так же веруй, что ты сказал на молитве, о чем просил, то и будет».

«Молясь, всемерно старайся о том, чтобы чувствовать сердцем истину или силу слов молитвы, питайся ими, как нетленною пищею, напояй ими, как росою, сердце свое, согревайся, как благодатным огнем».

«Молясь, крепко внимай словам молитвы, чувствуй их сердцем, не отвлекай от них ума ни в какие помышления».

Нужно сознание необходимости просимого.

«В молитве требуется, во-первых, чтобы предмет молитвы был высказан определенно, или, по крайней мере, в сердце было ясное сознание и желание его… (чувствуй искренно нужду того, о чем молишься); во-вторых, чтобы это желание было высказано с чувством и живым упованием на милость Владыки и Божьей Матери и призываемых святых; в-третьих, нужно твердое намерение впредь не согрешать и творить во всем волю Божию…

Молящийся, как голодный, должен алкать, крепко желать тех благ, в особенности духовных, прощения грехов, очищения, освящения, утверждения в добродетели, коих он просит в молитве. Иначе напрасно слова тратить. То же разумей о благодарении и славословии Господа: алкай благодарить и славить Господа непрестанно, ибо все от Него, все дары Его благости и милосердия».

Кроме веры и сознания необходимости просимого, молитва должна быть соединена с глубоким чувством любви к Богу, смирения, сокрушения о грехах и идти от сердца.

«На молитве надо более всего стараться о горячности духа, о горячности и искренности раскаяния во грехах.

Помни, что Господь дает по сердцу: каковое сердце, таков и дар; если молишься с верою, искренно, всем сердцем, нелицемерно, то сообразно вере твоей, степени горячности твоего сердца, подается тебе дар от Господа. И наоборот, чем хладнее твое сердце, чем оно маловернее, лицемернее, тем бесполезнее твоя молитва, мало того, тем более она прогневляет Господа, Который есть дух и ищет Себе поклоняющихся духом и истиною».

«Молясь, мы непременно должны взять в свою власть сердце и обратить его к Господу. Надобно, чтобы оно не было холодно, лукаво, неверно, двоедушно… Хорошо ли слышать от Господа гневный глас: *приближаются Мне людие сии усты своими и устнами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене.* Итак, не будем стоять в церкви с душевным расслаблением, но да горит каждый духом своим, работая Господу. А Бог хочет именно нашего сердца. *Даждь Ми сыне твое сердце* (Прит. 23, 26); потому что сердце – главное в человеке, жизнь его; больше – сердце наше есть самый человек. Потому, кто не молится или не служит Богу сердцем – тот все равно что вовсе не молится, потому что тогда молится тело его, которое само по себе, без души – то же, что земля».

«Надо всегда от всего сердца высказывать Богу и славословие, и благодарение, и прошение; надо всегда от всего сердца делать всякое дело пред Ним; всем сердцем любить Его и надеяться на Него».

«Все, приступающие работать Господу в молитве, научитесь быть подобно Ему кроткими, смиренными истинными сердцем… Господь подобного Себе и сродного ищет в нас, к чему могла бы привиться благодать Его».

«Человек, приступая к молитве, должен смирить гордое сердце свое, отбросить от него суету земную…»

«На молитве будь как дитя лепечущее, сливаясь в один дух с духом произносимой молитвы. Считай себя за ничто, молитвы принимай как великий дар Божий. Как дитя, будь прост, доверчив, несумнителен в деле Божием».

Необходимы далее прямодушие и искренность.

«Если хочешь, чтобы Господь давал скорее сердечную веру твоей молитве, старайся от всего сердца все говорить и делать с людьми искренно и отнюдь не будь с ними двоедушен. Когда будешь прямодушен и доверчив с людьми, тогда Господь подаст тебе прямодушие и искреннюю веру и по отношению к Богу. Того, кто непрямосердечен с людьми, Господь неудобно принимает на молитве, давая ему почувствовать, что он неискренен в отношении к людям, а потому не может быть совершенно искренен и в отношении к Богу, без душевного злострадания».

«Будь верен Богу всегда и во всем: говоришь ли молитву *Отче наш,* говори каждое слово искренно, с благоговением, в единого Бога вперивши ум и сердце, не обращая ни на кого внимания, читаешь ли другую какую молитву, читай опять от всей души, не двоясь сердцем, не обращая ни на кого и ни на что не должного внимания».

Нужна затем христианская жизнь и свобода от страстей.

«Молиться не может тот, кого ум и сердце крепко привязаны к чему-либо плотскому, например к деньгам, к чести, – или кто имеет в сердце страсти: ненависть, зависть к другим, потому что страсти обыкновенно связывают сердце, как Бог расширяет его, доставляет ему истинную свободу».

«Молящийся Господу, Божией Матери, Ангелам и святым должен прежде всего заботиться об исправлении своего сердца и своей жизни, а потом подражать им, как написано: *будите милосерды, якоже Отец ваш милосерд есть, святи будите, яко Аз свят семь».*

«Хорошо иногда на молитве сказать несколько своих слов, дышащих горячею верою и любовию ко Господу… И как приятен бывает Господу этот наш собственный лепет, исходящий прямо от верующего, любящего и благодарного сердца – пересказать нельзя: надобно только то сказать, что душа при своих словах к Богу трепещет радостию, вся разгорячается, оживляется, блаженствует».

Нечего и говорить, что молитва должна исполняться старательно.

«Не жалей себя для сердечной молитвы даже тогда, когда ты весь день провел в трудах… Какое молитвенное правило взялся исполнить, исполни его со всею добросовестностью (если длинное молитвенное правило, то исполняй хорошо все правило; если короткое – тоже), и не исполняй дела Божия сердцем раздвоенным, так, чтобы одна половина принадлежала Богу, а другая плоти своей. Итак, верь слову: поторопишься на молитве для покоя телесного, чтобы отдохнуть скорее, а потеряешь и телесный покой и душевный».

«Не твори на молитве угодия ленивой плоти, – не торопись: плоть, скучая и тяготясь святым делом, поспешает скорее к концу, чтобы успокоиться или заняться делами плотскими, житейскими».

Предмет молитвы должен быть достоин Бога.

«Проси у Бога драгоценного, поучает преподобный Исаак Сирин, – чтобы не оскорбить Его ничтожностью и суетностью просьбы своей. Елисей просил у Бога сугубой благодати,

бывшей в пророке Илии, и был возвеличен… Израиль же просил мяс египетских, и был посрамлен».

«На молитве отложите всякое житейское попечение», говорит святой Иоанн Кассиан.

Самый достойный предмет молитвы – это молитва о ближних.

«Когда молишься, старайся молиться больше за всех, чем за себя одного, и во время молитвы живо представляй всех людей вместе с собою единым телом… Молись за всех так, как молишься за себя… их немощи, болезни считай своими немощами и болезнями; их невежество духовное, их грехи и страсти… их искушения, напасти и скорби многообразные считай своими. Такую молитву с великим благоволением принимает Отец Небесный – Этот общий всех всеблагий Отец…»

Наконец, во время молитвы должна быть полная примиренность со всеми.

Когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших (Мк. И, 25–26).

Так говорит Господь.

Такова должна быть молитва христианской души.

Глава 11, ст. 15–19, 27-33

В данном отрывке Евангелия (ст. 15–19) Господь снова является перед нами в том виде, в котором так редко мы встречаем Его на страницах евангельской истории. Обычно кроткий, милостивый, всепрощающий, в повествовании 11-й главы Евангелия от Марка Он дважды проявляет Свой гнев. Но первый раз Его гнев поражает бездушную смоковницу, теперь он обрушивается на людей. Как будто Господь хочет предупредить людей и дать им понять, что не все в Нем благость, прощение и долготерпение, что и в Нем может загореться праведный гнев, и будет время, когда Он явится грозным, карающим Судиею.

Причиной внезапно вспыхнувшего гнева была Его ревность о доме Божием, возбужденная видом той безобразной картины, которую Он и апостолы застали при входе в храм и которая ясно говорила о полном пренебрежении к этому святому месту. В притворах храма устроен был настоящий базар. Сюда были пригнаны целые гурты жертвенного скота, наполнявшего воздух своим ревом, мычанием, блеянием. Продавцы жертвенных голубей примостились на скамьях со своими клетками, откуда неслось воркование и хлопанье крыльями испуганных птиц. Тут же виднелись фигуры ростовщиков и менял, обменивавших расхожую монету на священные сикли, которыми уплачивалась подать на храм и принимались пожертвования в священную сокровищницу. В воздухе стоял непрерывный оглушительный шум и гам крикливой восточной толпы, торгующейся до изнеможения из-за каждого обола. Из-за этого крика вряд ли можно было слышать слова священных песнопений и псалмов и молитвы священников, приносивших жертвы.

Отчасти эта непристойная торговля почти в самом помещении храма была вызвана условиями жертвенного ритуала, как они определены были Моисеем в книгах Левит и Второзаконие. Животные, приносимые в жертву, должны были удовлетворять известным строгим условиям ритуала (Лев. 22), и пригодность их в этом отношении могла быть определена только специалистами-священниками. Поэтому, покупая жертвенное животное на рынке, человек неопытный, не посвященный в тонкости требований ритуального Моисеева Закона, мог легко ошибиться или быть обманутым и привести к храму животное, которое по осмотру могло быть забраковано священниками как негодное для жертвы. В силу этого торговля жертвенными животными мало-помалу сосредоточилась около самого храма, где священники уже заранее осматривали приведенный скот и определяли его пригодность, разрешая для продажи лишь отборных животных, вполне удовлетворявших требованиям закона.

Кроме того, и сами священники нередко бывали заинтересованы в такой торговле, особенно саддукейские первосвященнические фамилии. Так, из последних известна фамилия Ананов, имевшая свой обширный голубиный завод на Масличной горе, приносивший порядочный доход от продажи жертвенных голубей при храме. Вот почему священники, обязанные поддерживать порядок при богослужении, не только не заботились о прекращении или об ограничении размеров и интенсивности этой торговли, но и поощряли ее. В результате получались в Доме Божием те безобразные сцены базарной сутолоки и ярмарочного гама, свидетелями которых сделались Спаситель и Его ученики.

Иисус, войдя в храм, начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул; и не позволял, чтобы кто пронес через храм какую-либо вещь. И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников (см. Ис. 56, 7; Иер. 7, И).

В этих словах Спасителя сказывается Его глубокое уважение к храму Божию и признание за ним важного значения для всех народов как дома молитвы. Для нас в этих словах и поступке Господа заключается важный урок.

Существует мнение, по которому храм как определенное место богослужения считается вообще ненужным для христианина.

«Поклоняться Богу можно везде, потому что Бог вездесущ, – говорят сторонники этого мнения, – и Сам Спаситель в беседе с самарянкой ясно выразил эту мысль, когда сказал ей: *поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Но настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»* (Ин. 4, 21, 23–24).

Однако в приведенных словах Господь только разрешает старинный спор между иудеями и самарянами, из которых первые считали единственным и исключительным местом богослужения Иерусалимский храм, а последние – храм на горе Гаризим. Для такой исключительной привязанности к одному определенному месту богослужения, конечно, не было никаких оснований, кроме национального самомнения, и Господь указывает, что поклонение Богу возможно везде, на всяком месте. Но этим вовсе не запрещается постройка храмов или молитвенных домов. Главный же смысл слов Спасителя в том, что, где бы ни молился человек Богу – в храме или вне храма, повсюду его молитва должна состоять не в одних телесных движениях, но в горении духа и в возношении ума и сердца. Поклонение же истиною означает поклонение не лицемерное, в одних словах состоящее, но поклонение делами, когда признание Бога свидетельствуется в жизни благоговейным отношением к Нему и исполнением Его заповедей.

Таким образом, в беседе Христа с самарянкою совсем нельзя видеть отрицательного отношения к храму. Здесь лишь выясняется духовная сущность богопочитания. Пример же и жизнь Спасителя, наоборот, ясно говорят о Его уважении к храму и о том значении, которое Он придавал дому молитвы в духовной жизни Своих последователей. Он Сам часто бывал в храме, молился здесь, учил народ, а эпизод 11-й главы Евангелия от Марка особенно ярко говорит о том, что Он смотрел на храм как на величайшую святыню.

Это благоговейное отношение к храму сохранилось и у древних христиан. Когда преследования языческих императоров сделали для них невозможным открытое богослужение в молитвенных домах, они скрылись в таинственные подземелья своих усыпальниц, где погребались мученики за веру, но общей молитвы не оставили. И здесь, в тишине подземных крипт, в запутанных лабиринтах катакомб, среди надгробных плит над могилами мучеников, при неясном, колеблющемся свете смолистых факелов и мерцающих лампад, так же горячо неслись к небу их мольбы и гулко раздавались под сводами подземелий мелодии вдохновенных гимнов. Катакомбы служили для них храмом, где находили они укрепление

и поддержку в общих молитвах и таинствах. Необходимость храма как места объединенных молитв и особой благодатной силы Божией, изливаемой на собравшихся верных, сознавалась, таким образом, и в те тяжелые времена.

Прошли века. Язычество умирало. Христианство было признано господствующей религией и из таинственных недоступных подземелий вышло на широкий простор Римской империи. Начиналась новая эра расцвета Христианской Церкви, и храмы получили особенное значение как центры просветительной деятельности и опорные пункты в борьбе с мраком язычества. Этот период особенно богат памятниками христианского храмоздательства; венцом пышного расцвета церковного зодчества является знаменитый храм святой Софии в Константинополе, построив который император Юстиниан, говорят, воскликнул: «Я превзошел тебя, Соломон!»

Этот храм имеет исключительное значение для нас, русских, и в его истории, быть может, яснее всего можно видеть и оценить то влияние, которое храмы имели на распространение христианства и на подъем религиозного чувства в душе верующих и неверующих посетителей их. Именно здесь русские послы святого князя Владимира, посланные им для ближайшего знакомства и сравнительной оценки разных вероисповеданий, пережили тот глубокий, захватывающий порыв, который они определили такими словами: «Мы не знали, где стояли: на небе или на земле…»

Этот отзыв сыграл решающую роль в выборе русской веры, и этим мы в значительной степени обязаны тому величественно-обаятельному впечатлению, которое произвел на русских посланцев храм Айя-София.

А сколько свидетельств влияния храма на духовную жизнь человека, влияния, производящего порой решительный перелом в душе, находим мы в житиях святых!

Один иностранный купец имел торговые сношения с Новгородом и бывал там. Вероятно, в душе его был богатый клад религиозных, еще неосознанных чувств. Ему приходилось бывать в русских храмах, и он переживал там такие необыкновенные минуты, что стал ходить в них чаще и чаще. И наконец дошел он до такого состояния, что не дальняя родина казалась ему родной страной, а вот этот город, населенный чужим народом, который говорил на чужом для него языке.

Какую-то силу над его душой получили эти белые соборы и церкви Новгорода с их столповыми звонницами, эти темные лики, озаренные пылающими свечами и тихо мигающими лампадами, эти монастыри, усеявшие берега многоводного Волхова, весь обиход православной русской старины.

Купец принял Православие, раздал имение бедным и стал Христа ради блаженным…

То было начало подвига дивного во святых Прокопия Устюжского, Христа ради юродивого.

В Орде жил мальчик, родной племянник хана Берклая. В Орду в то время приходил Ростовский епископ Кирилл, которого современники называли блаженным и учительным. Приходил он по церковным делам и рассказывал о том, как святитель Леонтий проповедовал в Ростовской земле христианство и какие чудеса истекают от его мощей.

Все рассказы Кирилла слушал племянник хана Берклая. Какая-то сладость вливалась в его сердце от этих рассказов. В его душе совершался переворот. Он жаждал узнать истинного Бога и задумал идти вслед за Кириллом. Ему страстно хотелось видеть те русские церкви, где совершаются служения таинственному и всесильному христианскому Богу и где происходят те чудеса, о которых рассказывал Кирилл.

Часть своих богатств он раздал нуждающимся своим соплеменникам, часть поручил епископу Кириллу и вслед за ним тайно ушел из Орды.

И вот он в Ростове, и стоит в знаменитом своим великолепием храме Успения Богоматери. На двух клиросах стройно поют хоры. Иконы, как бы отблеском райской красоты, свер-

кают драгоценным убранством, озаряемые огнями тихо теплящихся бесчисленных свечей, и клубы фимиама легкими прозрачными облаками расплываются над молящейся толпою. В эти минуты в этой несравненной красоте христианского богослужения царевич почувствовал Бога. Он как бы явственно ощутил какую-то связь между этой молящейся толпой, этим храмом, который любовь людей воздвигла Творцу миров, и Тем высоким и непостижимым, к Кому рвалась молитва этого народа, Кого воспевали хоры, Кому горели огни и клубился фимиам.

Солнце правды взошло в эти минуты, как говорит летописец, в душе царевича: он познал Бога христианского и увидел Его очами веры. Упав к ногам святителя Кирилла, он просил крестить его. В крещении он получил имя Петр.

Он остался жить в доме святителя Кирилла, ходил по церквам, учился русскому языку и русской грамоте… Молчаливый, всегда занимаясь в душе то молитвой, то размышлением о вечности, благоверный царевич Петр был отцом всех бедных и несчастных. В глубокой старости он принял монашество и мирно отошел к Богу около 1280 года. Он дал миру пример, какую власть церковь со своими богослужениями имеет над душой.

Пусть иногда человек под влиянием речей товарищей, под влиянием отрицательных прочитанных им книг, говорит против Церкви. А на самом деле за какой-нибудь всенощной, под умилительные напевы величания, под стонущие звуки великого славословия: «Аз рех: Господи, помилуй мя, исцели душу мою, яко согреших Тебе», в полутемной церкви сходит на душу какое-то непонятное умиление, какое-то благодатное успокоение, которое нигде так полно, как здесь, не переживается…

Где мы можем быть вполне спокойны, благонадежны, счастливы? Только там, где наша настоящая сфера, наше постоянное призвание. А где же наше истинное призвание, где то дело, к которому призваны мы навсегда, которому мы будем служить и тогда, когда и мир разрушится и останутся только души человеческие с создавшим их Богом? В чем же наше вечное дело, как не в прославлении Христа? А ведь храмы для того только и существуют, и все, в них происходящее, одну цель только и имеет – это постоянное славословие Христа.

«Бывали ли вы почти в пустой церкви за ранней обедней и в зимний день, когда почти весь храм тонет во мраке, и грошовые восковые свечи еле означают очертания иконостаса того алтаря, где происходит служба; слыхали ли вы дребезжащий голос дьячка, одиноко выводящего напевы Херувимской, и в этой убогой обстановке изумлялись ли вы величию жертвы Христовой и происходящего среди этого убожества чуда?..

…Присутствие Бога в уединении чувствуется еще сильней в храме, чем когда он полон толпой» (Е. Поселянин. Идеалы христианской жизни).

Вот именно ради этого особого присутствия Божия Церковь всегда требовала и требует благоговейного отношения к храму и к происходящему в нем богослужению.

«Аще кто учит невозбранно пренебрегати дом Божий, и бывающия в нем собрания: да будет под клятвою», – определяет Гангрский Собор пятым своим правилом.

Древние христиане, отправляясь в храм к общественному богослужению, чрезвычайно строго к нему готовились и наблюдали за собой, чтобы, насколько возможно, достойно предстать пред алтарем Господним и приступить к Святым Таинствам; заботились не просто о том, чтобы вознести свои молитвы Творцу, но и о том, чтобы молитвы эти были благоугодны Богу.

Требовалось, прежде всего, внутреннее очищение от вражды, злобы, зложелательства. *Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой,* – завещал Спаситель (Мф. 5, 23–24). Поэтому христиане стремились к тому, чтобы с умиротворенной душой прийти в храм и здесь «святое возношение в мире со всеми приносити». К этому призывал и диаконский

возглас: «Миром Господу помолимся». К этому же приглашали нередко и надписи, начертанные на вратах или на фронтоне храма: «Мир тебе, кто бы ты ни был, если ты в мире, с чистым сердцем входишь в сей дом».

В знак этого внутреннего очищения при входе в храм совершалось омовение, для чего у церковных дверей помещалась умывальница.

Приближаясь к престолу Всевышнего, христианин должен был забыть о всех своих рангах и земных отличиях. Дух глубокого смирения проникал все богослужение, незримо веял под сводами храма и наполнял сердца молящихся. Пред Всемогущим не могло быть сильных и могущественных, высоких и знатных: все были одинаково равны и одинаково ничтожны. Поэтому пышные наряды, драгоценные украшения, эмблемы высокого положения не допускались. Преобладали скромные одежды, строгие, темные, однотонные. Оружие, воинские доспехи, знаки отличий – все это оставлялось у дверей храма, в притворе. Входя в храм, верующие преклоняли колена, целовали косяки дверей, пороги, ибо весь храм был великой святынею и все части его освящены благодатию присутствия Божия. Обычай этот частью удержался еще и теперь в Римском соборе святого Петра, где верующие католики и теперь поднимаются на коленях по мраморным ступеням величественной лестницы, ведущей в собор.

Глубокое благоговейное молчание царствовало среди молящихся, прерываемое лишь священными песнопениями и короткими репликами, которыми народ отвечал на возгласы священника и на прошения ектений. За порядком следили диаконы, и вся атмосфера храма и богослужения была проникнута такой глубокой серьезностью, таким напряженным религиозным чувством, что невольно поражала и подчиняла себе всякого, входящего в храм.

Когда император Валент, арианин, вошел однажды в храм, где совершал Литургию святитель Василий Великий, удивительная картина представилась его взору: стройные ряды молящихся, глубокая тишина и сосредоточенная религиозность, царствовавшая в храме, сам святитель, окруженный благоговейным ликом диаконов и священников, стоящий пред престолом, – все это было так непохоже на то, что видел Валент в своих храмах, что он потрясен был до глубины души. С замирающим сердцем, дрожащей рукой он протянул свое приношение на один из клиросов. Никто не шелохнулся, никто не подошел к нему, чтобы взять приношение, так как не знали, как к этому отнесется архиепископ. Присутствия императора как будто никто не замечал. Несчастный Валент едва не лишился чувств. Впечатление было потрясающее!

Следя за дисциплиной молящихся, Церковь нередко карала за неблаговейное и непристойное поведение в храме. Обычно это практиковалось в монастырях. Палладий Елеиопольский, описывая свое путешествие по монастырям Нитрийской пустыни, рассказывает, что в одном из них он видел три пальмы, к которым привязывали для наказания монахов, провинившихся небрежным стоянием в храме во время правила и богослужения. Их били при этом довольно сурово, и, судя по тому, что стволы пальм были гладки, точно отполированы, можно было думать, что на наказания такого рода не скупились и применяли их довольно часто. Даже гражданская власть принимала со своей стороны меры в этом направлении. Известны эдикты Гонория и Юстиниана, определявшие строгие кары за непристойное поведение в храме.

В силу того же глубокого уважения к церквам торговля около них возбранялась совершенно. Шестой Вселенский Собор 76-м правилом своим постановил: «Никто не должен внутри священных оград корчемницу, или различныя снеди поставляти, или иные купли производити, сохраняя благоговение к церквам. Ибо Спаситель наш и Бог, житием Своим во плоти поучая нас, повелел не творити дому Отца Своего домом купли. Он и пеняжникам рассыпал пенязи, и изгнал творящих святый храм мирским местом. Посему аще кто будет обличен в реченном преступлении: да будет отлучен».

А с какою ревностью и бесстрашием великие святители Церкви Христовой защищали неприкосновенность и достоинство храмов, следя за тем, чтобы сюда не проникали люди, оскверненные тяжелыми грехами, и тем не оскорбили бы святыни дома Божия. Однажды император Византии Феодосий Великий запятнал себя тяжким преступлением: за ничтожную вину он приказал избить тысячи жителей города Солуни, собравшихся в цирк на ристалища. Но когда после этого, не очищенный покаянием, он вздумал войти в храм для молитвы, на паперти его встретил великий святитель того времени Амвросий Медиоланский и суровою обличительною речью остановил императора, совесть которого была запятнана кровью невинных жертв. И грозный император уступил. Он понял, что войти в храм, не вымолив прощения за тот тяжкий грех, который лежал у него на душе, значило совершить святотатство и усугубить свою вину. Смиренно выслушал он суровую речь Амвросия и принес покаяние, выполнив тяжелую епитимию, наложенную на него святителем.

Также непреклонно другой великий святитель, Иоанн Златоуст, остановил на пороге храма Святой Софии императрицу Евдоксию.

Так ревностно охраняли святыню храма христиане прежних веков!

Почему так ценили они свои храмы и почему для каждого христианина храм должен быть дорог и свят?

Храм – это земное Небо, как выражается о. Иоанн Кронштадтский; это – дом Божий, место особенного присутствия Божия. Здесь совершается величайшее таинство, «в неже Ангели желают проникнута». Ангелы здесь невидимо служат священнику.

Когда преподобный Серафим Саровский был еще в сане диакона, он временами видел Ангелов, сослужащих братии и воспевающих. Они имели образ молниеносных юношей, облеченных в белые златотканые одежды. А то, как пели они, нельзя выразить словами. Вспоминая об этом, преподобный Серафим говорил: «Бысть сердце мое, яко воск, таяй от неизреченной радости».

А вот что видел отец Серафим в Великий Четверг, когда служил Литургию.

Как известно, малый вход на Литургии знаменует вступление служащих в самое Небо, и священник тогда молится: «Сотвори со входом нашим входу святых Ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благость».

Когда после малого входа иеродиакон Серафим возгласил: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны», – и, обратясь к народу и дав знак орарем, закончил: «и во веки веков», – внезапно он весь изменился, не мог сойти с места и вымолвить слова. Служащие поняли, что ему было видение. Его ввели под руки в алтарь, где он простоял три часа, то весь разгораясь лицом, то бледнея, – все не в состоянии вымолвить ни одного слова. Когда он пришел в себя, то рассказал своим старцам и наставникам о. Пахомию и казначею, что он видел. «Только что возгласил я, убогий, – „Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!“ – и, наведя орарем на народ, окончил: „и во веки веков“, вдруг меня озарил луч как бы солнечного света, и увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа во образе Сына Человеческого во славе, сияющего неизреченным светом, окруженного Небесными Силами, Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат Грядущего на воздухе. Приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих. Посем, вступив во святый местный образ Свой, что по правую руку Царских врат, преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса, удостоился особенного от Него благословения. Сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу».

Когда преподобный Сергий Радонежский совершал Литургию, видели, как Ангелы сослужили ему и как он приобщался из Святой Чаши огнем.

Блаженный Нифонт, епископ Кипрский, имел дивное откровение относительно совершаемого во время Литургии священнодействия. Однажды, стоя со своим учеником в церкви при патриаршем богослужении, Нифонт как бы прозрел духом. Он увидел огонь, шедший с неба и покрывший алтарь и архиерея. Когда запели «Трисвятое», показались четыре Ангела и пели вместе с певцами.

Когда святитель Василий Великий произносил молитвы пресуществления, то колумбарий, или золотой голубок, висевший над престолом, сотрясался невидимой силой.

Таким образом, храм является местом общения Небесных и земных. В то же время, храм есть училище веры и благочестия, ибо в нем обильным потоком – в священных песнопениях, в чтениях Священного Писания, в проповедях – предлагаются уроки нравственного устроения жизни и души.

И сколько великих решений, переменявших весь характер и направление жизни, было принято под влиянием того или другого слова или текста Священного Писания, услышанного в храме!

Началом великой подвижнической жизни преподобного Симеона Столпника были слова Евангельских Блаженств: *Блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное,* поразившие его внимание во время Литургии. То же самое рассказывается о преподобном Антонии Великом в его биографии.

В храме верующие получают нередко исцеление духовных немощей и физических болезней.

Вот почему древние христиане так дорожили храмом, относились к нему с таким глубоким уважением и при всяком случае с необыкновенной ревностью заботились о том, чтобы посетить храм и присутствовать при богослужении. Святой Варсонофий, достигнув преклонной старости и почти не имея возможности двигаться от слабости, просил, чтобы хотя бы в тележке его возили в храм, и посещал богослужение ежедневно. Святитель Порфирий, епископ Газский, не владея ногами в старости, ползал на коленях, чтобы не пропустить богослужения в храме Воскресения Христова в Иерусалиме.

Изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже жити ми в селениих грешничих… Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем, – восклицает псалмопевец Давид, выражая свой восторг и любовь к храму, а шестой Вселенский Собор, считая посещение храма обязательным для каждого христианина, постановил:

«Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, или кто-либо из сопричисленных к клиру, или мирянин, не имея никакой настоятельной нужды, или препятствия, которым бы надолго устранен был от своея Церкви, но пребывая во граде, в три воскресные дни в продолжении трех седмиц, не приидет в церковное собрание, то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет удален от общения» (VI Собор, пр. 80).

Вместе с тем Православная Церковь внушает молящимся во время богослужения предстоять с благоговением и страхом Божиим, не забывая, пред Кем мы стоит и Кому возносим свои молитвы.

«Горé имеем сердца!» – восклицает священник перед возношением Святых Даров…

Проверьте себя в эту минуту: где ваше сердце? Действительно ли «горé», там, у Престола Всевышняго, или по-прежнему связано житейской суетой и земными заботами, и не лжете ли вы Богу, отвечая на возглас священника, – «имамы к Господу!»

«В храме, – увещевает святитель Тихон Задонский, – ты должен стоять, как на небе пред Царем Небесным… Не озирайся же, да не с фарисеем осудишься». А преподобный Авраамий Смоленский, делая поэтическое сравнение, говорит, что молящиеся должны походить на те восковые свечи, которые теплятся пред образами. «Смотри на свечку и будь как она: стой прямо, неподвижно, благоговейно; пусть горячо пылает и стремится к небу

молитва твоя, как огонь свечи, и пусть трепещет и тает, как воск, сердце твое от умиления и радости».

Берегитесь рассеянных мыслей и невнимательности в молитве, ибо это оскорбляет Бога.

Однажды Иоанн Грозный, богомольный, как все древнерусские цари, слушал Литургию в Успенском московском соборе, но рассеянны были мысли царя: он мечтал о новом дворце, который думал построить на Воробьевых горах, и в уме обсуждал план его устройства.

После Литургии, идя во дворец, он встретил Василия Блаженного, московского Христа ради юродивого.

– Был ли ты у обедни? – спросил его царь.

– Был, да тебя не видал! – отвечал блаженный.

– Как так? – возразил царь.

– Царь! – сказал юродивый тихим укоризненным тоном. Ты был на Воробьевых горах!

И понял царь свой грех, обличенный прозорливостью блаженного, и низко ему поклонился.

Особенно резко восстают святые отцы Церкви против непристойного поведения в церкви и против легкомысленных, праздных разговоров в храме во время богослужения, что, кстати сказать, встречается у нас чрезвычайно часто и составляет трудноискоренимую привычку.

«Позвольте мне сказать, – резко замечает святитель Иоанн Златоуст в одной из своих проповедей, – разве нет у вас домов для пустословия вашего?»

И в самом деле: зачем идти в церковь, если все время богослужения проводишь в праздной болтовне, обсуждая все базарные новости? Во-первых, это небрежное отношение к храму и невнимание к богослужению оскорбительно для Бога. Во-вторых, это не только грубо и неделикатно по отношению к другим молящимся, но и составляет прямое преступление против них, мешая им молиться, заглушая для них святые слова богослужения, развлекая их внимание, препятствуя сосредоточиться и лишая их драгоценных минут радости и благодатного утешения, обычно связанных с искренней молитвой. По какому праву воруем мы у них эти минуты?

Особенно должна оберегаться святыня алтаря. Здесь все должно быть погружено в молитвенную тишину, и не должно быть ни одного лишнего или праздного слова.

«Если надо тебе что-нибудь сказать в алтаре, – поучал преподобный Серафим, – то скажи это кратко и тихо и опять храни молчание; ибо здесь присутствует Сам Бог со Своими Ангелами».

В алтарь входить мирянам не разрешается.

«Никому из всех, принадлежащих к разряду мирян, да не будет позволено входити внутрь священного алтаря», – запрещает Шестой Вселенский Собор в своем 69-м правиле.

В практике духовной жизни церковно-общественная молитва считается вообще более действенной, чем молитва келейная, уединенная, хотя вполне возможно, что личное ощущение молящегося, особенно на первых ступенях его духовного развития, склоняется в пользу последней. «Но мы сами, – говорил Оптинский старец о. Макарий, – не можем судить о достоинстве своей молитвы, и то удовлетворение или самоуслаждение, которое мы испытываем нередко в уединенной молитве, может быть обманом и прелестью диавола».

Из жизни святой Иулиании Лазаревской рассказывается такой случай. Однажды стояла необыкновенно суровая, студеная зима. Земля трескалась от мороза, и святая Иулиания, не имея теплой одежды, оставалась молиться дома. И был голос священнику в церкви Праведного Лазаря от иконы Богоматери: «Иди и рцы милостивой вдове Иулиании – ради чего

не приходит в церковь? И домашняя ее молитва приятна, но церковная выше. Почитайте Иулианию: Дух Святой почивает на ней».

И когда по зову священника Иулиания пришла в церковь и со слезами молилась и прикладывалась к иконе Богоматери, тогда великое благоухание распространилось по церкви и по всему селу. И стала Иулиания уже ежедневно ходить в церковь на молитву.

Закончим настоящую беседу о значении храма и церковного богослужения словами великого святителя Иоанна Златоуста: «Как пристань, огражденная от ветров и волн, великую доставляет безопасность входящим в нее кораблям, так и дом Божий, исхищая входящих в него от мятежа житейских дел, как от бури, дает им стоять в великой тихости и безмятежности и слушать Слово Божие. Место сие есть настроение к добродетели, училище любомудрия, не во время только собрания, когда слушается Писание, предлагаются духовные поучения и предстоят почтеннейшие отцы: но и во всякое другое время. Войди только в преддверие, и тотчас отложишь житейские заботы. Войди внутрь, и тотчас веяние некое духовное обымет душу твою. Тишина, в нем царствующая, производит трепет отрезвляющий и располагает любомудрствовать, возбуждает ум, отбивает память о всем здешнем и переносит тебя с земли на небо. Если же без собрания (богослужения) такая польза от присутствия здесь, то когда слышится глас пророков, когда благовествуют апостолы, когда Христос бывает посреде, когда Отец приемлет бывающее здесь жертвоприношение, когда Дух Святый исполняет духовным веселием, какими благами насытясь отойдут отсюда пресущие здесь!»

Глава 12

Глава 12, ст. 1-12

Для того, чтобы правильно судить о смысле притчи, рассказанной Господом в настоящем евангельском отрывке, необходимо выяснить прежде всего, к кому она относится. В главе 11 (ст. 27) мы читаем: *когда Он ходил в храме, подошли к Нему первосвященники и книжники и старейшины.* С ними-то и шел дальнейший разговор, им и была рассказана притча, причем в последнем (12-м) стихе евангелист добавляет, что они *поняли, что о них сказал притчу.* Таким образом, из сопоставления этих мест ясно, что притча имеет в виду руководителей еврейского народа, и они-то именно разумеются в приточном образе виноградарей, отплативших хозяину виноградника за его заботы убийством его посланников. Мотив притчи взят из книги пророка Исаии, 5-й главы, где содержится «Песнь о винограднике». Здесь мы находим те же образы и сравнения:

У Возлюбленного моего был виноградник на вершине утучненной горы, и Он обнес его оградою, и очистил его от камней, и насадил в нем отборные виноградные лозы, и построил башню посреди его, и выкопал в нем точило, и ожидал, что он принесет добрые грозды, а он принес дикие ягоды. И ныне, жители Иерусалима и мужи Иуды, рассудите Меня с виноградником Моим. Что еще надлежало бы сделать для виноградника Моего, чего Я не сделал ему? Почему, когда Я ожидал, что он принесет добрые грозды, он принес дикие ягоды? Итак Я скажу вам, что сделаю с виноградником Моим: отниму у него ограду, и будет он опустошаем: разрушу стены его, и будет попираем, и оставлю его в запустении... И дальше пророк дает совершенно определенное пояснение притчи:

Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды – любимое насаждение Его. И ждал Он правосудия, но вот – кровопролитие; ждал правды, и вот – вопль (Ис. 5, 1–7).

Таким образом, смысл притчи совершенно ясен: виноградник – народ еврейский, виноградари – его духовные руководители, первосвященники и книжники.

Объяснение других подробностей дает святитель Василий Великий в своем толковании на книгу пророка Исаии.

«Под оградою, – говорит он, – можно разуметь законные заповеди, которые Бог дал народу до введения в „землю одержания“. А поелику закон дан чрез Ангелов рукою ходатая (Гал. 3, 19), то, может быть, подразумевается охранение Ангелов, стрегущих пределы Израиля… Столп или башня, созданная посреди, очевидно, есть храм, водруженный среди Иудеи… Точило же – самая синагога иудейская, служившая прообразом Церкви Божией и дававшая предуготовление с помощью Закона и предварительное поучение в благочестии».

Слуги, посланные Господином к виноградарям принять плоды виноградника, которых последние то били, то убивали, очевидно, посланные Богом к Израилю пророки Ветхого Завета, властно возвышавшие свой голос среди всеобщего нечестия и требовавшие плодов праведной жизни. Немногие из них кончили жизнь естественною смертью. Исайя был перепилен деревянного пилою, Иеремия брошен в ров, наполненный нечистотами, и почти все они так или иначе пострадали от главарей народа израильского.

Единственный любезный Сын Господина виноградника, посланный напоследок, – Сам Господь Иисус Христос, Единородный Сын Божий.

Здесь Спаситель из области исторической притчи и образов прошлого переходит уже к пророчеству, предсказывая Свою судьбу и близкую смерть от руки первосвященников и

старейшин еврейских. И как скоро должен был осуществиться этот заговор виноградарей, говорящих друг другу: *пойдем, убьем его, и наследство будет наше.* Через каких-нибудь несколько дней после приведенного разговора тот же евангелист уже сообщает, что *искали первосвященники и книжники, как бы взять Его хитростью и убить* (Мк. 14, 1).

Перед нами, таким образом, проходит в притче вся история народа еврейского в его отношении к Домостроительству человеческого спасения.

Сначала – возлюбленный Богом, избранный народ, предназначенный к тому, чтобы спасти все человечество, беспомощное в своем грехопадении, и получивший все нужные для этого средства. Ему дан был Синайский закон, точно определявший правила жизни и поведения и бывший для него оградой, препятствовавшей слиться с другими языческими народами и раствориться в окружавшем его море религиозных суеверий и идолопоклонства. Он имеет собственный храм, запечатленный уже при создании явлением особой силы и благоволения Господа Саваофа. Этот храм служил как бы сторожевой башней, где на страже чистоты веры и жизни народной должны были стоять священники и левиты, назначенные для этого Самим Богом. Наконец, вся религиозно-теократическая организация народа еврейского была для него как бы точилом, то есть прессом для выжимания сока из виноградных ягод. Подобно тому как сочные гроздья винограда, проходя через точило, давали ароматное вино, так искренно верующий и ревностный израильтянин, подчиняясь богослужебному ритуалу и религиозному укладу жизни древней общины, мог выявить и воспитать в себе все лучшие качества духа, требуемые законом Иеговы.

Что еще надлежало бы сделать для виноградника?.. Все было сделано.

И однако вместо добрых гроздьев он принес дикие ягоды.

Идолопоклонство, самые чудовищные культы Востока с их разнузданной жестокостью и сладострастием постоянно отвлекали массу еврейского народа от почитания истинного Бога. Патриархальные традиции общественной жизни, строгие правила семейного уклада часто уступали место половой распущенности, чувственности, алчности к наживе, лживости, вероломству и другим порокам. С какою горечью говорят об этом упадке народного духа пророки, эти посланники Божии, не жалевшие ни сильных слов, ни собственной жизни, чтобы призвать своих собратьев к покаянию! Все было напрасно. Народ или не слушал их речей, или, разъяренный обличениями, предавал их мучительной смерти.

Великий Искупитель человечества Господь Иисус Христос, Единородный Сын Божий, посланный на землю для спасения людей, был распят тем же неблагодарным народом.

Вместо правды – вопль; вместо правосудия – кровопролитие…

Убийствами платил Израиль Богу за Его покровительство и заботы.

Это был великий грех пред Богом не только потому, что в нем сказывалась черствая неблагодарность порочного сердца, и не только потому, что убийство посланников Божиих было дерзким мятежным восстанием против Самого Бога, но и потому, что убийство само по себе считалось величайшим преступлением против Закона Божия.

Не убивай, – гласила шестая заповедь Синайского Законодательства, и за нарушение этой заповеди грозила смертная казнь. *Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти,* – таково было постановление закона (Исх. 21, 12), подтвержденное позднее в книге Левит: *Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти* (Лев. 24, 17). *Проклят, кто тайно убивает ближнего своего!.. Проклят, кто берет подкуп, чтоб убить душу и пролить кровь невинную,* – еще грознее предостерегает Второзаконие (Втор. 27, 24–25).

Даже неумышленное убийство по неосторожности могло навлечь на случайного убийцу смерть от руки мстителя, которым, обыкновенно, являлся ближайший родственник убитого. Он мог спастись только в одном из так называемых городов убежища, куда он имел право скрыться, *дабы мститель за кровь в горячности сердца своего не погнался за убийцею*

и не настиг его… между тем как он не подлежит осуждению на смерть, ибо не был врагом ему… Но намеренного убийцу ничто не могло спасти. *Если кто [у тебя] будет врагом ближнему своему и будет подстерегать его, и восстанет на него и убьет его до смерти, и убежит в один из городов тех, то старейшины города его должны послать, чтобы взять его оттуда ч предать его в руки мстителя за кровь, чтоб он умер; да не пощадит его глаз твой; смой с Израиля кровь невинного, и будет тебе хорошо* (Втор. 19, 6, 11–13).

Еще подробнее говорит об этом книга Числа:

Если кто ударит кого железным орудием так, что тот умрет, то он убийца: убийцу должно предать смерти; и если кто ударит кого из руки камнем, от которого можно умереть, так что тот умрет, то он убийца: убийцу должно предать смерти; или если деревянным орудием, от которого можно умереть, ударит из руки так, что тот умрет, то он убийца: убийцу должно предать смерти; мститель за кровь сам может умертвить убийцу: лишь только встретит его, сам может умертвить его; если кто толкнет кого по ненависти, или с умыслом бросит на него что-нибудь так, что тот умрет, или по вражде ударит его рукою так, что тот умрет, то ударившего должно предать смерти: он убийца; мститель за кровь может умертвить убийцу, лишь только встретит его (Чис. 35, 16–21).

Когда первое убийство осквернило землю и пролилась первая невинная кровь, когда Каин убил Авеля, Господь грозным проклятием покарал убийцу.

И сказал [Господь]: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле (Быт. 4, 10–12).

Это строгое отношение к убийству вполне понятно. Вряд ли может быть более тяжелое преступление, чем намеренное, по злобе, пролитие крови и лишение жизни ближнего.

По взгляду ветхозаветного закона, пролитая в убийстве кровь оскверняла землю.

Не оскверняйте земли, – завещал Господь Израилю, – *на которой вы [будете жить]; ибо кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровью пролившего ее. Не должно осквернять землю, на которой вы живете, среди которой обитаю Я; ибо Я Господь обитаю среди сынов Израилевых* (Чис. 35, 33–34).

Убийство человека – это дерзкое восстание против Бога и нарушение планов Его Домостроительства. По неисповедимому совету мудрости Своей, Господь определил для каждого человека земную жизнь, чтобы в рамках и условиях этой жизни человек мог достигать высшей и единственной цели своего существования единения с Богом. Почему для достижения этой цели Господу угодно было положить путь земной жизни с ее горестями и страданиями – мы этого точно не знаем, ибо это скрыто в предвечном плане миротворения, но мы знаем наверное, что за пределами нашей жизни уже не может быть нравственного развития или исправления жизни, и процесс освящения человека или духовного приближения его к Богу прерывается смертью. За порогом смерти человеку остается только получить возмездие за то добро или зло, которое он сделал, будучи в теле. Убийство или насильственное отнятие жизни нарушает этот план Божий, преждевременно и произвольно вырывая человека из тех условий, в которые Господь его ставит для его спасения. Таким образом, убийство есть грех не только против человека, но еще более против Бога, как дерзкое и грубое вмешательство в деятельность Божественного Промысла, ведущего человека к вечному блаженству.

Убийство человека есть дерзость против Творца еще и потому, что каждый человек носит в себе образ Божий. Мотив этот ясно указывает Священное Писание, когда говорит: *кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию.*

Убийство есть великий грех против общества, против Церкви, против Царства Божия. Мы знаем, что основой всех этих форм человеческой жизни служит любовь. Любовь, как

цемент, объединяет человечество, ведя его к высшей точке того мирового блаженного единства, когда *будет Бог всяческая во всех.* Всякое проявление злобы, противодействуя любви, выщелачивая этот цемент из постройки Царства Божия, разлагает человечество, вносит рознь и препятствует, таким образом, достижению идеала общечеловеческого счастья. Убийство, как проявление злобы, есть поэтому грех против всего человечества, как препятствие на его пути к блаженству и единению с Богом. К этому следует еще добавить, что из всех проявлений злобы убийство есть самое сильное, самое злостное и потому самое вредное.

Наконец, убийство есть грех опасный и великий еще и потому, что это – грех непоправимый. Кражу можно исправить, вернув украденное, обиду можно заставить забыть, заслужив прощение, грубое слово можно загладить нежностью и лаской – убийство ничем поправить невозможно. Можно раскаяться, тяжелым подвигом вымолить прощение Божие, но вернуть жизнь убитому – не в нашей власти. Вот почему грех убийства всегда останется пятном и страшной тяжестью на совести.

Однажды к великому старцу пустыни, авве Зосиме, пришел атаман шайки разбойников, гроза проезжих караванов, наводивший ужас на всю окрестность своими дерзкими набегами.

– Авва, – сказал он, – я прошу иноческого пострига…

Старец взглянул на него с удивлением.

– Не удивляйся, – продолжал разбойник грустно, – меня замучила совесть… В последнем набеге на персидский караван мы убили двух женщин… У одной из них на руках был маленький ребенок. Нам невозможно было с ним возиться, и, чтобы малютка не страдал, я перерезал ему горло… С тех пор я не знаю покоя… Он все время стоит у меня перед глазами… окровавленный, трепещущий… Я не могу больше переносить! Я измучился… Старец, постриги меня! Может быть, мне удастся трудами и молитвою заслужить прощение у Бога!

Преподобный Зосима постриг атамана в иноки.

Прошло девять лет. Новый инок удалился в самый уединенный уголок пустыни и там в сырой, угрюмой пещере весь отдался покаянному подвигу. Он не жалел себя: самые суровые подвиги, самые тяжелые истязания, какие только изобрела аскетическая дисциплина восточных пустынь, нес он с готовностью и усердием. Только в этом напряжении всех сил, в страшном утомлении и изнурении подвижничества удавалось ему порой заглушить внутреннюю боль совести.

Но в один день он снова пришел к преподобному Зосиме.

– Отдай мне мои мирские одежды, – сказал он. – Я хочу вернуться в мир…

– Сын мой! Что с тобой? Почему?

– Авва, авва! Я не могу успокоиться… Передо мной опять зарезанный младенец… В его глазах упрек, как будто он спрашивает: зачем ты убил меня?.. Господь не приемлет моего покаяния. Я хочу отдать себя суду и понести то, что я заслужил. Может быть, Господь простит меня!

Он надел свои прежние одежды, сам предал себя в руки правосудия и был усечен мечом.

Пролитая кровь вопиет к небу об отмщении.

В новозаветном христианстве заповедь об убийстве получила дальнейшее расширение и развитие. Как и во всех Своих заповедях, Господь старается не столько предупредить внешние злые поступки, сколько пресечь самый корень греха, гнездящийся в сердце человека. Вот почему Евангелие запрещает не только убийство как высшее проявление злобы, но и все сравнительно мелкие обнаружения этого чувства, однородные по своей внутренней природе.

Вы слышали, – говорит Господь, – *что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака́»* (пустой человек), *подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной* (Мф. 5, 21–22).

Таким образом, запрещаются все проявления злого чувства не только в действиях, но и в словах, ибо злоба, как и всякая другая страсть, проходит три фазиса своего развития – мысль, слово и дело и во всех этих формах остается одинаково опасной и греховной. Злая мысль легко переходит в злое слово, которое, в свою очередь, также легко вызывает злое действие, причем качественной разницы в этих трех моментах нет.

Как часто мы забываем эту заповедь Спасителя и какие превратные понятия о злых словах и брани установились в русской жизни! Всегда снисходительные ко всем видам порока, мы почти не считаем сквернословия и брани за грех, а порой готовы видеть в этом даже какое-то молодечество, удальство русской натуры. «Брань на вороту не виснет», «милые бранятся – только тешатся», «бранят – дарят» – все эти пословицы действительно выражают взгляд и настроения русского народного духа, хотя, конечно, их нельзя назвать произведениями народной мудрости.

И кажется, ни в одном народе жизнь не засорена до такой степени этим мутным потоком ругани, как жизнь народа русского. Вряд ли на земном шаре найдется язык, столь виртуозный в изобретении самых ужасных, часто кощунственных, богохульных ругательств, как наш родной язык, этот великий, могучий, правдивый и свободный, по выражению Тургенева, русский язык. Эта всюду висящая в воздухе брань, эта привычка сдабривать почти каждое слово трехэтажными проклятиями некоторым писателям кажется даже неотъемлемой чертой русского народного темперамента.

У Станюковича в его «Морских рассказах» есть такая сцена: на военном клипере «Забияка» отдан приказ не ругаться.

– Осмелюсь доложить, – возражал один из боцманов, – что вовсе отстать никак невозможно, ваше благородие, как перед истинным Богом докладываю. Дозвольте хучь тишком… Чтобы, значит, честно, благородно, ваше благородие!..

И после этого разговора из уст его льется опять та вдохновенная импровизация ругани, которая стяжала ему благоговейное удивление всей команды…

И это кажется вполне естественным. Иначе и быть не может. Так привыкают люди к курной избе, где к человеческим испарениям примешивается вонь телят и ягнят, зимующих вместе с хозяевами. От этой вони даже теплее кажется… Так можно привыкнуть и к сквернословию и совершенно не замечать его в атмосфере окружающей жизни.

А между тем это великий грех.

Главный вред сквернословия и ругани заключается в том, что в них выражается злобное чувство, вносящее вражду и разделение. Когда укоризненные слова и обличения идут от любящего сердца, тогда они часто полезны, ибо любовь чувствуется и сквозь внешне грубую оболочку укоризны и действует на отзывчивое сердце благотворно. В писаниях пророков мы находим необычайно резкий тон обличений; великие подвижники-старцы часто делали очень суровые выговоры своим ученикам, и, однако, эти выговоры не уязвляли самолюбия и впоследствии вспоминались только с благодарностью, ибо в них была великая любовь и сердечная забота о пользе ближнего. Таким образом, не сами по себе бранные слова дурны, а заключающееся в них злое чувство. Здесь, как и во всех других случаях, оценивается в христианстве не столько внешняя форма, сколько внутреннее содержание. Но в обычном у нас бранном словоизвержении, конечно, нет и тени любви; есть только злоба и распущенность грубой натуры, не желающей считаться с чувством окружающих людей. В этом виде брань является, вне всякого сомнения, элементом гниения и распада жизни, и в этом кроется ее

величайшая опасность, не говоря уже о том огрубении души, которое бывает ее неизбежным последствием для самого человека, подверженного этой страсти.

Всякое проявление злого чувства, особенно в убийстве, есть нарушение шестой заповеди и потому преступно. Об этом вряд ли возможен спор. Но есть одна форма убийства, по отношению к которой нет общего согласия взглядов даже среди верующих христиан. Это – убийство на войне. В то время, как одни считают убийство этого рода одинаково предосудительным наравне со всеми прочими его видами, другие, наоборот, военное убийство считают чуть ли не добродетелью, ибо в нем выражается патриотизм и геройство. Как разрешить это противоречие?

Посмотрим, какие основания для того имеются в Священном Писании.

В Ветхом Завете убийство, как мы уже знаем, было строго запрещено особою Заповедью Божиею.

И в то же время на всем протяжении ветхозаветной истории мы постоянно встречаем убийства, не только не наказанные Богом, но совершенные во имя исполнения Его воли и потому не противоречащие нравственному закону.

Вождь и законодатель еврейского народа, Моисей, начинает свою деятельность убийством.

Когда Моисей вырос, случилось, что он вышел к братьям своим [сынам Израилевым] и увидел тяжкие работы их; и увидел, что Египтянин бьет одного Еврея из братьев его, [сынов Израилевых]. Посмотрев туда и сюда и видя, что нет никого, он убил Египтянина и скрыл его в песке (Исх. 2, 11–12).

Во время сорокалетнего странствия евреев по пустыне, когда Израиль жил в Ситтиме, начал народ блудодействовать с дочерями Моава. И воспламенился гнев Господень на Израиля и началось великое поражение народа… *И вот, некто из сынов Израилевых пришел и привел к братьям своим Мадианитянку, в глазах Моисея и в глазах всего общества сынов Израилевых, когда они плакали у входа скинии собрания. Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, увидев это, встал из среды общества и взял в руку свою копье, и вошел вслед за Израильтянином в спальню и пронзил обоих их, Израильтянина и женщину в чрево ее: и прекратилось поражение сынов Израилевых… И сказал Господь Моисею, говоря: Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, отвратил ярость Мою от сынов Израилевых, возревновав по Мне среди их, и Я не истребил сынов Израилевых в ревности Моей; посему скажи: вот, Я даю ему Мой завет мира, и будет он ему и потомству его по нем заветом священства вечного, за то, что он показал ревность по Боге своем и заступил сынов Израилевых* (Чис. 25, 6–8, 10–13).

История завоевания земли Ханаанской и весь период судей полны также убийствами, иногда предательскими и коварными.

Когда *сыны Израилевы опять стали делать злое пред очами Господа, и укрепил Господь Еглона, царя Моавитского… Он собрал к себе [всех] Аммонитян и Амаликитян… и поразил Израиля… И служили сыны Израилевы Еглону… восемнадцать лет. Тогда возопили сыны Израилевы к Господу, и Господь воздвигнул им спасителя Аода, сына Геры… Аод сделал себе меч с двумя остриями, длиною в локоть, и препоясал его под плащом своим к правому бедру, [и пришел], и поднес дары Еглону, царю Моавитскому; Еглон же был человек очень тучный… Аод вошел к нему: он сидел в прохладной горнице, которая была у него отдельно. И сказал Аод: у меня есть до тебя, [царь], слово Божие. [Еглон] встал со стула [пред ним]. [Когда он встал,] Аод простер левую руку свою и взял меч с правого бедра своего и вонзил его в чрево его, так что вошла за острием и рукоять, и тук закрыл острие, ибо Аод не вынул меча из чрева его… Придя же [в землю Израилеву, Аод] вострубил трубою… и сошли с ним сыны Израилевы с горы… И сказал им: идите за мною, ибо предал Господь [Бог] врагов ваших Моавитян в руки ваши* (Суд. 3, 12–17, 20–22, 27–28).

Когда другой угнетатель израильского народа, военачальник Иавина, царя ханаанского, Сисара, был разбит Бараком в бою у потока Киссон, он убежал пеший в шатер Иаили, жены Хевера Кенеянина.

И вышла Иаиль навстречу Сисаре и сказала ему: зайди, господин мой, зайди ко мне, не бойся. Он зашел к ней в шатер, и она покрыла его ковром… [Сисара] сказал ей: стань у дверей шатра, и если кто придет и спросит у тебя и скажет: «нет ли здесь кого?», ты скажи: «нет». Иаиль… взяла кол от шатра, и взяла молот в руку свою, и подошла к нему тихонько, и вонзила кол в висок его так, что приколола к земле; а он спал от усталости – и умер (Суд. 4, 18, 20–21).

При завоевании Ханаана население покоренных городов почти сплошь вырезывалось без различия пола и возраста. При описании взятия Маке да, Ливны, Лахиса, Еглона, Хеврона, Давира и др. мы неизбежно встречаем в книге Иисуса Навина одно и то же примечание, как припев рапсодии: и взяли город, и поразили его мечом, и царя его, и все дышащее, что находилось в нем; никого не оставили, кто уцелел бы (Нав. 10).

Это делалось во исполнение воли Божией, которую Господь иногда выражал открыто через пророков. Так в Первой книге Царств мы читаем:

И сказал Самуил Саулу:… Так говорит Господь Саваоф: …иди и порази Амалика [и Иерима] и истреби все, что у него… и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла… Но Саул и народ пощадили Агага и лучших из овец и волов и откормленных ягнят… (1 Цар. 15, 1–3, 9).

За это непослушание первый царь израильский был строго наказан:

И сказал Самуил Саулу:… Зачем же ты не послушал гласа Господа… и сделал зло пред очами Господа? …непокорность есть ***такой же*** *грех, что волшебство, и противление* ***то же, что*** *идолопоклонство; за то, что ты отверг слово Господа, и Он отверг тебя, чтобы ты не был царем [над Израилем]… Потом сказал Самуил: приведите ко мне Агага, царя Амаликитского… И разрубил Самуил Агага пред Господом в Галгале… И… печалился Самуил о Сауле, потому что Господь раскаялся, что воцарил Саула над Израилем* (1 Цар. 15, 16, 19, 23, 32, 33, 35).

Такого рода примеров, когда убийство совершалось с соизволения Божия и даже по повелению Господа, в Ветхом Завете чрезвычайно много. Но, присматриваясь ко всем этим случаям, мы замечаем здесь всегда одну неизменную черту: все убийства такого рода, не вызывающие гнева Божия, не имеют мотивов личного характера. Они совершаются не по злобе, не в пылу гнева и вражды, не для корысти и не для личной выгоды, но или для пользы народа или по повелению Божию, как наказание за грех. Таким образом, ясно, что в Ветхом Завете убийство на войне допускалось и не считалось преступлением, ибо воюющие сражались, конечно, не для себя, но для пользы народа или же во имя послушания воле Божией.

В Священном Писании Нового Завета, к сожалению, нет столь прямых указаний того, как христианин должен относиться к войне. Господь упоминает иногда о войне в Своих притчах (см. Лк. 14, 31), но говорит о ней совершенно объективно, не высказывая Своего взгляда на ее нравственную сторону. Думается, во всяком случае, что если бы этот взгляд противоречил ветхозаветной точке зрения, то так или иначе это должно было отразиться в речах Спасителя, ибо неясность в этом пункте ставила бы последователей нового учения иногда в совершенно безвыходное положение. Как бы то ни было, прямого запрещения участвовать в войне в словах и притчах Господа мы не находим.

Когда к Иоанну Крестителю приходили воины с вопросом, что должны они делать для своего спасения, он не потребовал от них, чтобы они оставили свое занятие, но сказал им только: *никого не обижайте, не клевещите, и довольствуйтесь своим жалованьем* (Лк. 3, 14).

В древней христианской Церкви вопрос о военной службе, по-видимому, не возбуждал никаких сомнений, и христиане находили для себя вполне возможным нести эту службу даже в войсках языческих императоров; ко времени Константина Великого в римской армии существовали уже целые когорты, составленные исключительно из христиан. Не считала эту профессию нравственно позорной и Православная Церковь, причисляя к лику святых многих воинов, как, например, Георгия Победоносца, Савву Стратилата, Феодора Стратилата, святого Севастиана, Иоанна Воина и многих других.

У святителя Афанасия Великого мы находим даже одобрение военной службе. Чем объясняется такая разница в отношениях христианства к простому убийству и к убийству на войне? Понять это нетрудно, если принять в соображение, что в убийстве на войне нет того, что составляет сущность греха, – нет злой воли. С религиозной точки зрения смерть сама по себе не есть зло. Это только порог между двумя мирами, это – простой переход из одной формы бытия в другую. Злом смерть и убийство становятся лишь тогда, когда они являются результатом ненависти, злого чувства, злой воли. Но ведь солдат, который отправляется на войну, совершенно не имеет ни злого чувства, ни злой воли. Защищая родину, он только исполняет свой долг, инстинкт которого вложен Творцом даже в птицу, защищающую свое гнездо; принимая на себя покорно все тяжести и невзгоды походной жизни, он безропотно несет крест одного из величайших несчастий, которое Господу угодно иногда посылать для вразумления людей.

Не следует забывать, что война есть несчастье, и притом несчастье народное, стихийное, не зависящее от воли отдельных личностей. Поэтому и самый вопрос о праве человека вести войну ставится неправильно. Это почти равносильно вопросу: имеем ли мы право быть сосланными в Сибирь или подвергнуться землетрясению и свалиться в пропасть? Нравственный вопрос здесь не о праве, а о том, желаем ли мы разделить несчастье, обрушившееся на наш народ, вместе со всеми или предпочитаем уклониться от этого, предоставив нести его другим. Люди с чуткой совестью живо сознавали эту обязанность – *друг друга тяготы носите* – в минуту общественных бедствий. Это именно сознание долга пред народом заставило известного нашего писателя В. М. Гаршина вступить в ряды русской армии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Но если война – народное бедствие, то, очевидно, на каждом из нас лежит обязанность предотвращать ее, насколько это от нас зависит. Каким образом?

Война – это грозовая туча, образующаяся из испарений зла.

Мелкие, злые, противонравственные деяния отдельных лиц, постепенно накапливаясь, подготовляют грозу войны так же неизбежно, как водяные испарения образуют облака. Это вовсе не мистика, а просто реалистическое объяснение. Обычными причинами современных войн служит или погоня за рынками, за наживой, или национальное властолюбие. Поэтому каждый человек, живущий материалистическими интересами личной выгоды, честолюбия, славолюбия, властолюбия и т. д., уже тем самым подготовляет ту общественную атмосферу личности и эгоизма, которая, сталкиваясь с эгоизмом других народов, рождает войну. Таким образом, на каждом человеке, делающем зло или нарушающем Заповеди Божии, лежит ответственность за войну, и уклониться от этой ответственности не имеет права никто, ибо он был в своей мере виновником войны, из-за своих противонравственных деяний и греховной жизни.

Отсюда вывод: жизнь во Христе, жизнь праведная, в соблюдении заповедей Божиих есть лучшее средство предупреждать войну, и в этом состоит обязанность каждого гражданина, действительно заботящегося о благосостоянии своей страны и своего народа.

Кроме того, мы знаем, что Спаситель, по Его собственным словам, приходил не за тем, чтобы нарушить закон, но чтобы его исполнить.

Глава 12, ст. 13-17

Раздраженные притчею Спасителя о винограднике и прекрасно понимая тяжелый упрек, брошенный в образах притчи, первосвященники, книжники и старейшины *старалась схватить Его, но побоялись народа* (12, 12) и не решились на открытое насилие, но прибегли к новым злоухищрениям, чтобы погубить ненавистного им Обличителя. Составлен был очень опасный и обдуманный план вовлечь Господа в хитро расставленные сети и вызвать с Его стороны неосторожный ответ, которым можно было бы воспользоваться, чтобы передать Его в руки гражданской власти. Опасность заговора заключалась в том, что для исполнения его фарисеи вступили в соглашение с иродианами. Таким образом, две партии, относившиеся одна к другой с непримиримой враждой, теперь примирились в заговоре, чтобы погубить общего врага. Ханжи и льстецы, мелочные иерархи и равнодушные к религии люди, ревностные приверженцы теократии и беззастенчивые карьеристы соединились, чтобы поставить Иисуса Христа в затруднение. Иродиане редко встречаются в евангельском рассказе. Это была политическая партия приверженцев Ирода, идумейского князя, вследствие римского вмешательства сделавшегося иудейским царем. К религиозной жизни иудейского народа они не имели почти никакого отношения, если не считать их тщеславного презрения к Закону Моисея. В действительности они были нисколько не лучше провинциальных придворных; это вообще были люди, нагревавшие руки около жалких тиранов, которых старались поддерживать ради собственных выгод. Усилить фамилию Ирода дружбой с римлянами, добиться этого доброго соглашения подавлением всяких национальных еврейских стремлений – было главной их задачей. Чтобы достигнуть этого, они переменяли свои семитические имена на греческие, усвоили языческие обычаи, посещали амфитеатры, приняли символы языческого господства. Если фарисеи могли даже на самое короткое время сблизиться с такими людьми, одно существование которых было жестоким оскорблением их самых дорогих предрассудков, то это дает нам возможность понять точнее, насколько сильна была фарисейская ненависть к Иисусу Христу.

Иродиане могли подойти к Спасителю, не возбуждая подозрений в своих злых замыслах. Но фарисеи, непременно желавшие вывести Его из Себя, не явились к Нему лично. Они послали некоторых из своих младших учеников (Мф. 22, 16), таких же мастеров лицемерия, которые должны были приблизиться к Нему с видом невинной простоты людей, желавших научиться. Они, очевидно, намерены были ввести Иисуса Христа в заблуждение, как будто между ними и иродианами возник спор и будто они желали бы закончить его, а потому и представляют предмет спора на окончательный и высокий суд великого Пророка. Они подошли к нему осторожно, почтительно, вежливо. *Учитель!* – сказали они с льстивою серьезностью, *– мы знаем, что Ты справедлив и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице, но истинно пути Божию учишь.* Они как будто хотели пригласить Его без страха и беспристрастно, конфиденциально высказать перед ними Свое мнение в качестве частного человека; как будто они и в самом деле желали узнать, какого Он держится мнения, чтобы руководиться этим мнением в нравственном вопросе практической важности; и как будто были уверены вполне, что Он один может разрешить беспокоившие их сомнения. Но за этой змеиной лестью сейчас же показались ядовитые зубы. Итак, скажи нам, если Ты столь мудр, столь правдив, столь мужествен, скажи нам: *позволительно ли давать по́дать кесарю или нет? давать ли нам, или не давать?* Подушный налог, столь всем нам ненавистный, но законность которого поддерживают иродиане, – должны мы платить его или нет? Кто из нас прав? Те ли, которые тяготятся налогом и отказываются платить, или иродиане, признающие его?

Спаситель должен был, по мнению фарисеев, ответить что-нибудь одно: либо «да», либо «нет». Не было, по-видимому, возможности уклониться от ответа на столь ясный вопрос, предложенный так осторожно, искренно и почтительно. И однако любой ответ мог повлечь за собой серьезную опасность. Если б Господь сказал, что подать законна и что платить ее необходимо, то, конечно, со стороны иродиан Он не встретил бы никаких возражений, так как они держались того же мнения. Но такой ответ вызвал бы, несомненно, ропот и волнение среди остальной массы Его иудейских слушателей. Римлян ненавидели, их господством тяготились, уплата дани неприятно напоминала об этом позорном иге, и если тяжелая необходимость заставляла, однако, это делать, то все же народ подчинялся этому скрепя сердце, со скрытой злобой. Признать римскую подать законной, сказать, что платить ее должно, значило идти вразрез с общим настроением всего народа, враждебно относившегося к чужестранному владычеству, значило оскорбить его национальное самолюбие и стать на сторону политических врагов Иудеи. На это не решился бы ни один из современных Спасителю вождей еврейского народа, сколько-нибудь дороживших своим влиянием, ибо подобный ответ похоронил бы раз и навсегда весь его авторитет в глазах иудеев. Только те учителя и руководители могли рассчитывать на популярность, которые разделяли это общенародное враждебное чувство по отношению к римлянам.

На это, несомненно, и рассчитывали фарисеи, предлагая свой коварный вопрос. Они могли быть несомненно уверены, что если Тот, Кого считали Мессией, явно станет на защиту языческой тирании и освятит Своим признанием ее самое оскорбительное бремя, то такое решение сразу же уничтожит или, по крайней мере, уменьшит то уважение, которое народ чувствовал к Нему, а вместе с тем и влияние Его учения.

С другой стороны, если бы Господь дал ответ отрицательный, то есть признал бы подать незаконной и отказ от уплаты ее делом справедливым, тогда возникала другая опасность – опасность со стороны иродиан. В этом случае Его обвинили бы как народного возмутителя против власти, запрещающего исполнять обязательные государственные повинности. Если позднее совершенно без всякого основания это обвинение было выдвинуто против Иисуса Христа на суде у Пилата, то в настоящем случае, имея под собой твердую фактическую почву и опираясь на показания многочисленных свидетелей, враги Спасителя, без всякого сомнения, тут же схватили бы Его и, выдав римскому прокуратору как опасного политического революционера, постарались бы довести дело до немедленной кровавой развязки. Зная характер Пилата и суровое отношение римской власти к мятежникам всякого рода, в успехе можно было не сомневаться.

Такова была ловушка, в которую фарисеи надеялись завлечь Спасителя, предлагая ему коварный и опасный вопрос.

Если ученики Господа поняли всю опасность вопроса, то, несомненно, с замиранием сердца ожидали они ответа Своего Учителя. Что скажет Он? Как выйдет из трудного положения? В наступившей напряженной тишине все взоры были устремлены на Него.

Но Он, зная их лицемерие, сказал им: что искушаете Меня? Принесите Мне динарий, чтобы Мне видеть его.

Фарисеи едва ли носили с собой ненавистную римскую монету с ее языческими символами. Но недалеко было сходить во двор язычников, примыкавший к наружной стене храма, и взять там от менял эту ходячую римскую монету. Пока народ стоял вокруг в удивлении и ожидании, они принесли и подали Ему динарий. На одной стороне монеты были вычеканены гордые и красивые черты императора Тиверия со злобным презрением на устах; на оборотной стороне виднелась надпись: Pontifex maximus.

Чье это изображение и надпись? Они сказали ему: кесаревы. Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу.

Просто, ясно, понятно решил Спаситель хитроумный вопрос. Это был поистине Божественный ответ. В его необычайно простой форме заключалась в то же время глубокая мудрость и содержание. Дан был основной христианский принцип, уясняющий целую большую область чрезвычайно сложных, запутанных отношений гражданской жизни. Ответ этот не только не заключал в себе ничего незакономерного, что давало бы возможность основать на нем хоть какое-нибудь обвинение перед судом римской власти, не только не ронял авторитета Спасителя в глазах иудейской толпы, но можно думать, что Он удовлетворил всех окружающих, несмотря на разницу их убеждений и взглядов.

Иродиане могли оставаться спокойными, понимая этот ответ в смысле простого указания на необходимость исполнять гражданские повинности, декретированные римской властью, что вполне соответствовало их взглядам.

Люди толпы, не стремящиеся проникнуть в глубину внутреннего смысла и довольствующиеся простым, поверхностным пониманием, могли видеть здесь простое признание существующей практики сборов. Действительно, римские подати платились римской монетой, динарием, – кесарево отдавалось кесарю; уплата же сборов на храм, на жертвоприношения и другие потребности религиозного культа производились обязательно древней иудейской монетой, священным сиклем, – Божие отдавалось Богу.

Могли быть недовольны фарисеи тем, что их ловушка не удалась и Спаситель не был пойман в их хитросплетенные сети, но по существу дела они ничего не могли возразить против самого содержания ответа и не могли даже возмущаться им, так как в нем заключалось простое указание, что предложенный вопрос на практике уже решен ими самими. В самом слове, употребленном Господом, был дан урок. Они спрашивали: *позволительно ли давать* (*σου̉ναι*)? Он исправляет их и говорит: «возвращайте, отдавайте назад» (*α̉ποσυ̉ναι*). Подать не была добровольным даром, но законной обязанностью; не жертвой, но политической необходимостью, связанной с римским подданством. Таким образом, Своим ответом, внутренний смысл которого, несомненно, был понят фарисеями, Господь говорил им следующее: «Лицемеры, зачем вы спрашиваете Меня? Ведь эта монета римской чеканки и вышла с императорского монетного двора. И вы принимаете ее? Вы пользуетесь ею как ходячей монетой при своих расчетах? Но вы прекрасно знаете, что принимать монету царя – значит признавать его господство. Следовательно, принимая динарий в качестве ходячей монеты, вы тем самым открыто признаете, что кесарь – ваш повелитель и что вы – его подданные. Но раз вы признаете себя подданными кесаря, то, ясное дело, вы должны исполнять и все обязанности, вытекающие из этого подданства, в том числе и уплату податей. Таким образом, приняв римский динарий, вы уже сами решили вопрос о податях и согласились, что должны платить их. Для чего же вы еще спрашиваете Меня?»

Возразить было нечего. Фарисеи молчали, а слушатели *дивились Ему,* дивились глубине Его мудрости, с какою Он разрешил лукавый и лицемерный вопрос. Но Господь не ограничился этим. Он не хотел отпустить их, дав им только такое наставление по поводу лишь этого случайного и сравнительно неважного вопроса о податях. К словам – *отдавайте кесарево кесарю* – Он прибавил еще более глубокие и многозначительные слова: *а Божие Богу.*

С прибавкой этих слов ответ Спасителя уже далеко выходит за пределы предложенного Ему частного вопроса и касается большой и сложной области отношений христианина к гражданской и религиозной власти, устанавливая общее правило этих отношений.

Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Общий смысл этих слов понятен. На каждом христианине лежат обязанности двоякого рода. По отношению к государственной власти он обязан исполнять все ее требования и постановления, касающиеся порядков гражданской жизни, как-то: платить налоги, нести установленные государственные повинности, подчиняться гражданским законам и т. п. По отношению к Богу на нем лежат еще более

высокие обязанности – исполнение заповедей Божиих, подчинение воле Божией во всем и, главным образом, в том, чего Господь требует от человека ради спасения его души. Очевидно, что те и другие обязанности неоднородны между собой, как по своему происхождению, так и по содержанию. Господь в Своем ответе фарисеям ясно их различает. Необходимо и нам различать эти обязанности, чтобы ясно видеть, к какой области – гражданской или духовной – относится то или другое требование жизни. В противном случае легко запутаться и не найти правильной линии христианского поведения, особенно в тех случаях, когда эти требования, идущие из разных сфер, противоречат одно другому.

А это, к сожалению, случается, и причина этого заключается именно в том, что не проводится ясной и точной границы между этими областями, по существу разнородными. Божественное учреждение на земле есть Церковь Христова, и, конечно, ей по праву должно принадлежать ведение духовных отношений и правил религиозного поведения человека. Область же внешних форм гражданской жизни не входит и не должна входить в ее компетенцию. А между тем, в исторической действительности нередко случалось и случается, что Церковь вмешивается в гражданские отношения, а гражданская власть в церковную жизнь. Отсюда происходит путаница и положительный вред для общества и для его культурного развития. Мы можем это ясно видеть из фактов прошлого.

Вспомним проходящие почти через всю историю Западной Европы притязания римского католицизма на всемирное господство.

Духовная власть забыла свою природу и границы. За образец действий она взяла светскую власть и поставила себя на одну плоскость со властью государственной, вследствие чего возник долго занимавший внимание людей вопрос о том, какая из этих двух властей имеет преимущество. Римские папы старались внушить людям убеждение, что духовная власть выше. Для поддержания подобного взгляда в недрах католицизма возникла своеобразная теория двух мечей, получившая свое полное выражение при папе Бонифации VIII. Папам, по этой теории, вверены Богом два меча: духовный и материальный, из которых последний папы вручают светским монархам, а монархи обязаны обнажать его по требованию папы и на защиту Церкви. Обстоятельства исторической жизни Западной Европы очень способствовали развитию таких взглядов. В результате Католическая Церковь превратилась в какое-то церковное государство с самодержавным монархом в лице папы, с придворными в виде кардиналов и целым штатом чиновников в лице духовенства. Духовенство вообще было резко выделено и признано высшим сословием, а народ в Церкви низведен до степени безгласного стада, на долю которого оставлено лишь подчинение во всем духовной власти. В Риме произошла подмена христианских понятий. Апостольское наставление пасти Церковь выродилось в стремление господствовать над ее членами. Пастырство и священство смешалось со властвованием. В задачи Церкви была включена политика, и церковные постановления стали получать силу государственного закона. Правда, в настоящее время эти притязания Католической Церкви значительно ограничены, но стремление к светской власти осталось прежним. Еще в 1862 году Римский Собор католических архиепископов и епископов определенно заявил, обращаясь к папе: «Мы признаем, Ваше святейшество, что Вам светская власть необходима и установлена явным Промыслом Божиим. Мы не колеблясь заявляем, что при настоящих условиях жизни человечества этот светский суверенитет составляет абсолютную потребность для блага Церкви и свободного управления душами».

Что же, однако, произошло от этого желания Церкви выступить в несвойственной ей роли светского правительства?

Захватив в свои руки светскую власть, Католическая Церковь, естественно, приобрела и все качества светской власти и стала действовать светскими, то есть чисто принудительными средствами. Возникла инквизиция, отблеск костров которой до сих пор еще стоит над римским католицизмом. Преследование всех противников Церкви приняло крайне жесто-

кий характер с применением утонченных пыток, сожжением еретиков и т. п. Всякого рода свободная человеческая мысль, которая не находила одобрения у церковной власти, подлежала преследованию. Людям можно было действовать и даже думать лишь в пределах, которые допускались этой властью. Изучение писателей того времени ясно свидетельствует, что становилось невыносимо жить под гнетом Церкви, стремившимся распространиться на все стороны человеческой жизни. Напрасно раздавались голоса о том, что Священное Писание не учит о принуждении к исполнению заповедей обычными наказаниями, что Бог не хочет принудительного исповедания, не хочет, чтобы кто-либо приводим был к исповеданию насилием и страхом. Все эти справедливые указания тонули в общем направлении тогдашней церковной политики, касавшейся почти всех сфер жизни.

Обмирщение Церкви доходило до крайних пределов. Так как одновременно служить Богу и маммоне нельзя, то католические епископы и прелаты в своем увлечении светской жизнью часто совсем забывали о своих духовных обязанностях. Бывали епископы, которые в течение всей жизни не заглядывали в свою епархию, получая из нее только доходы и проводя веселую жизнь при дворе какого-нибудь короля или крупного сюзерена. Епископы дрались на дуэлях, были секундантами, во время военных походов лично водили свои вооруженные отряды против неприятелей и т. д.

Эта вольная жизнь духовенства неизбежно роняла авторитет Церкви, а жестокая церковная политика по отношению к мирянам естественно вызывала более или менее сильные чувства нерасположения, а то и открытой вражды ко всему церковному уже в силу того психологического закона, что насилие всегда создает отвращение к навязываемым мнениям. В результате возникло умственное движение, так называемый гуманизм, резко отрицательно, почти враждебно относившееся к Церкви и разрешившееся впоследствии Реформацией, когда значительные массы общества совершенно отпали от Католической Церкви. Таков был общий итог неправильного стремления Церкви вмешаться в гражданские дела и присвоить себе светскую власть.

Реформация под руководством своего инициатора Лютера пошла в совершенно обратном направлении и впала в противоположную крайность: она передала церковную власть в руки светских монархов и подчинила церковные дела государству. Властителю страны было предоставлено право определять религию своих подданных, право реформировать ее и устанавливать, какое вероисповедание должно существовать в пределах данной территории. Уже заранее можно было предвидеть, к чему приведет подобная система. «Я хорошо вижу, – писал один из первых вождей Реформации, – что станется у нас с Церковью по разрушении существующего церковного порядка. Я вижу наступление гораздо более невыносимой тирании, чем когда-либо прежде». Действительность оправдала это предсказание. Если папы рассматривали власть свою в делах светских как установление Божественное, то протестантские князья основывали теперь на Слове Божием свою власть в делах духовных.

Власть эта оказалась очень широкой. Она простиралась на учение, богослужение, церковное законодательство, дисциплину, поставление и низложение духовных лиц и т. д. Однако справиться с этой ролью духовного руководителя общества светская власть не смогла. Одна из главных причин этой неудачи заключалась в том, что, отвергнув церковный авторитет, отделившееся общество протестантов не нашло столь же влиятельного и общепризнанного руководства, которое могло бы удержать его хотя бы в общих пределах христианской религии. Взамен этого устанавливалась почти безграничная свобода личного понимания и истолкования Библии и христианских догматов. Появилось множество вероисповеданий и сект, с горячей нетерпимостью относившихся друг к другу. Примирить эти враждующие секты, найти общий тип религии, который удовлетворил бы всех, оказалось решительно невозможным, и все попытки в этом направлении потерпели полную неудачу. Сначала в этом стремлении создать единую государственную религию пытались из раз-

личных доктрин отдельных вероисповеданий выделить общие основные элементы, которые могли бы быть признаны всеми. От религии остался сухой остов очень сомнительного христианства, который не удовлетворил никого. Даже в значении государственной религии предложили так называемую естественную религию, признающую лишь существование Бога, Творца мира и Управителя вселенной и делами человеческими. Здесь нет уже и следа христианства, и в дальнейшей стадии развития этих поисков единой государственной религии христианство было признано уже негодным для этой цели.

Французский философ-писатель Руссо прямо приглашал верховную власть в государстве к самостоятельному религиозному законодательству, причем содержание этого нового гражданского вероисповедания должно было, по его учению, определяться в границах общественной пользы не столько религиозным чувством, сколько чувством гражданина и общественника. Под влиянием этих идей государство во Франции в период революции провозгласило уже культ Разума, установило праздник в честь Высшего Существа, воздвигло алтари Отечеству и проч. По мере того как законодатели и руководители общественного мнения теряли связь с христианством, все более и более разрушалась она у казенной религии и морали, пока, наконец, представители культурного человечества не дошли на этом пути почти уже до открытого провозглашения, что государство должно быть безрелигиозно и даже атеистично.

Таким образом, попытка гражданской власти руководить церковного жизнью и делами религиозной совести привела к еще более печальным результатам, чем вмешательство Церкви в светские дела. При свете истории этих неурядиц во взаимоотношениях Церкви и государства нам становится понятно, почему Господь в Своем ответе фарисеям подчеркнул различие и самостоятельность этих двух учреждений, из которых каждое имеет свою сферу деятельности и не должно смешиваться одно с другим. Как и всегда, самое незначительное уклонение от правил и указаний, данных Спасителем, приводит к дурным следствиям. Но тем не менее такое смешение Церкви и государства на практике существует, и притязания духовной и светской власти нередко сталкиваются. Как же должен поступать в этих случаях христианин-гражданин и какой линии поведения держаться?

Вопрос о повиновении гражданской власти разрешается в Священном Писании вполне определенно, как в словах Господа, так и в посланиях Его учеников и апостолов.

Так апостол Петр увещает в Первом своем Послании: *будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, – ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей… Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите* (1 Пет. 2, 13–15, 17).

Еще подробнее и решительнее говорит об этом апостол Павел. *Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые. Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь* (Рим. 13, 1–7).

Апостол Иуда предсказывает печальную судьбу и тяжелое наказание тем, кто отвергает начальства и злословит высокие власти (Иуд. 1, 8).

Однако все эти правила требуют повиновения светской власти в исполнении гражданских обязанностей и повинностей (подать, оброк, честь). Когда же дело касается вопросов совести и религиозных обязанностей, то здесь дело обстоит несколько иначе. В Деяниях святых апостолов передается следующий случай: когда апостолы Петр и Иоанн при входе в храм Иерусалимский исцелили человека, хромого от рождения, тогда это чудо привлекло общее внимание всех собравшихся в храме, и, пользуясь этим обстоятельством, апостол Петр обратился к народу с проповедью о Христе Спасителе. *Когда они говорили к народу, к ним приступили священники и начальники стражи при храме и саддукеи, досадуя на то, что они учат народ и проповедуют в Иисусе воскресение из мертвых; и наложили на них руки и отдали их под стражу до утра; ибо уже был вечер… На другой день собрались в Иерусалим начальники их и старейшины, и книжники… И, призвав их, приказали им отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали* (Деян. 4, 1–3, 5, 18–20). Проповедь о Христе продолжалась с прежней настойчивостью. Апостолы, исполненные Духа Святого, говорили Слово Божие с дерзновением.

Таким образом, апостолы установили правило – в делах религии и совести слушать Бога более, нежели начальников и старейшин, то есть отказывать им в повиновении, когда их требования противоречат Заповедям Божиим.

Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам (Деян. 5, 29).

Так и поступали древние христиане: они беспрекословно и даже с большим усердием и добросовестностью, чем язычники, исполняли свои гражданские обязанности, но в вопросах религиозной совести оставались непреклонны и не шли ни на какие уступки.

В житии святого мученика Исидора (14 мая) читаем: «Когда полководец Нумерий в царствование Декия прибыл на остров Хиос для набора солдат, то молодые язычники скрылись или разбежались. Одни христиане спокойно ожидали своей участи и, ставши воинами, беспрекословно последовали за Нумерием. Между ними был и св. Исидор. Несмотря на то, что военная жизнь окружена соблазнами, юноша этот умел соединить усердное отправление воинских обязанностей с благочестием. Он готов был пролить кровь свою за царя-язычника, но когда от него потребовали поклонения идолам, он отказался и предпочел муки и смерть отречению от Христа».

А вот другой случай из жизни преподобного Афанасия Афонского: «Во время войны греков с персами императрица Зоя вспомнила о грузинском князе, Торнйкие, принявшем монашество в обители преподобного Афанасия, и пожелала опять призвать его на службу. Когда Торникий отказывался, то преподобный Афанасий сказал ему: „Мы все – дети одного отечества, и потому все обязаны защищать его. Неизменная обязанность наша молитвами ограждать и защищать отечество от врагов, но, если верховная власть признает нужным употребить на пользу общую и руки наши, и грудь, мы беспрекословно должны повиноваться. Брат возлюбленный, кто думает и поступает иначе, тот прогневляет Бога.

Если ты не послушаешься царя, то будешь отвечать за кровь избиенных твоих соотечественников, которых ты мог, но не хотел спасти; будешь отвечать и за разорение храмов Божиих. Итак, иди с миром и, защищая отечество, защити и Святую Церковь; не бойся утратить через это сладостные для нас часы богомыслия. Моисей предводительствовал войсками и беседовал с Богом. В любви к ближнему заключается и любовь к Богу“». Торникий повиновался, вновь сделался предводителем и по заключении выгодного мира возвратился опять к иноческой жизни.

Все христианские мученики, несмотря на жестокое преследование их со стороны государственной власти, всегда признавали свою обязанность повиноваться этой власти в делах гражданских. Состоя нередко на службе языческих императоров, они исполняли свой слу-

жебный долг с величайшей добросовестностью, а к своим мучителям-царям относились с уважением, почитая в них сан и достоинство власти.

«Царь, – говорил на допросе императору Диоклитиану начальник императорской гвардии святой мученик Севастиан, – я всегда молился Христу о твоем здравии и просил мира Римскому царству, но я поклоняюсь Царю Небесному, а поклонение камням и искание от них помощи считаю изобретением безумцев… Тебя смущают жрецы, распространяя о христианах ложные слухи, будто бы они – противники Римской державы, но знай, что от христиан государству великая польза: их молитвами преуспевает град сей; они непрестанно молятся о твоем царствовании и о здравии всего римского воинства».

Но при всем уважении и благожелательном отношении к власти императора, святой мученик отказался исполнить его требование поклониться языческим богам. Диоклитиан приказал его казнить (18 декабря).

Общехристианскую точку зрения на относительное значение гражданской власти отчетливо выразила святая мученица Дорофея (6 февраля). На предложение гегемона подчиниться повелению царя и принести жертву богам она отвечала: «Бог, Царь Небесный, заповедал мне служить Ему Единому. Надо рассмотреть, повелению которого царя мы должны повиноваться: земного или Небесного, и кого следует слушать: Бога или человека? Что такое цари? Смертные люди – не более. Таковы же были и те ваши боги, изображениям которых вы поклоняетесь…»

Когда светская власть вторгалась в неподлежащую ей область церковных вопросов и религиозных правил и когда ее требования противоречили требованиям религии, тогда святые мученики и исповедники христианства не только отказывали ей в повиновении, но и доходили до резких обличений.

Когда один из иконоборческих царей Лев III Исаврианин прислал святителю Стефану, архиепископу Сурожскому, приказ прекратить поклонение святым иконам и Кресту Господню, святой исповедник отвечал:

– Никогда этого не будет! Не допущу своих чад духовных отступить от закона Христова и не послушаю повеления царского!

Вместе с царскими посланными он немедленно отправился в Царьград и явился к царю.

– Кто ты? – спросил царь.

– Я архиепископ Сурожский, Стефан, – отвечал святой.

– Видишь ли всех, сидящих со мной в великой славе? – продолжал царь. – Все они или сожгли свои иконы, или нащепали из них лучины… Послушай и ты меня, и будет тебе великая честь.

– Не будет этого, – возразил святой Стефан, – хотя бы ты меня сжег живым, или разрубил на части, или придумал другие муки – я готов все претерпеть за иконы и за Крест Господень!.. Послушай, царь: мы в книгах нашли пророчество, что восстанет в Царьграде царь злочестивый, иконоборец, который будет жечь святые иконы. Да не допустит Бог сему быть в твое царствование! Если же так сделаешь, будешь предтечею антихриста. – Лев ударил святителя по лицу железной перчаткой и стал бить по устам, по зубам.

– Как смел ты назвать меня предтечею антихриста! – кричал он в гневе и затем повелел схватить святого архиепископа за волосы, за бороду и тащить по земле в темницу.

Скоро он потребовал его к себе на вторичный допрос. На этот раз в руках царя была икона Спасителя, Божьей Матери и Иоанна Предтечи.

– Почему ты назвал меня предтечею антихриста? – спросил он.

– Потому, что ты творишь дела антихриста, – отвечал святой Стефан. – Я сказал это и снова повторяю…

Лев плюнул на икону, которую держал в руках, бросил на пол и стал топтать.

– Сделай и ты то же! – вскричал он.

Святитель не мог удержаться от слез.

– О, враг Божий! – произнес он. – Недостойный царства! Как у тебя руки не отсохли!.. Да отнимет Господь у тебя царство и да прекратит твою злочестивую жизнь!

Царь приказал привязать святителя к хвосту лошади и в таком виде протащить по улицам города в тюрьму.

В тюрьме все заключенные горячо молили Бога, «и молитвою святых вскоре умре злой царь», – заключает описатель жития святого Стефана.

Иногда в решительных случаях протест ревнителей Православия против еретичествующих царей переходил в открытое сопротивление. Так в житии преподобного Саввы Освященного передается следующий эпизод из истории еретических волнений времен Халкидонского Собора: царь Анастасий, еретик и противник Халкидонского Собора, послал в Иерусалим военный отряд, чтобы низложить православного Иерусалимского патриарха Илию. Тогда преподобный Савва собрал всех иноков подвластных ему монастырей, пришел в Иерусалим и разогнал еретическое воинство. «И возвратишася еретики со студом к пославшим их, сказующе велие православных дерзновение, свое же многое бесчестие» (Житие преподобного Саввы Освященного, 5 декабря). Еще два раза приходил Савва со своими монахами в Иерусалим на защиту Православия, причем число иноков, собранных им, доходило до десяти тысяч, так что даже епарх Палестины, присланный царем для поддержки еретиков, убоялся множества черноризцев и бежал в Кесарию.

Такие же выступления против еретичествующей власти имели место и среди египетских монахов.

Основатель египетского монашества, преподобный Антоний Великий, дает в своих писаниях такое правило: «Начальники и владыки имеют власть только над телом, а не над душою; посему если повелевают сделать убийство или что-нибудь незаконное, несправедливое, вредное для души, то не должно повиноваться им, хотя бы они терзали тело».

Глава 12, ст. 18-27

В данном евангельском отрывке перед нами появляются новые фигуры врагов Господа – саддукеи. В них нет религиозно-обрядового фанатизма и национальной исключительности фарисеев, но для них так же чуждо, непонятно и неприемлемо духовно высокое учение Спасителя. Их можно назвать партией легкомысленного рационализма. Стремление все понять в религии и охватить узким человеческим рассудком, даже без заботы о том, чтобы путем подвига сделать его более острым и подняться до высших мистических созерцаний, – это стремление более всего характеризует саддукеев. Неизбежным следствием этого желания вложить все в рамки тройного евклидового измерения и подчинить все суду рассудка являлось маловерие и отрицание тех пунктов религии, которые представляли некоторые трудности для понимания. Люди этого склада обыкновенно отрицают все, чего не понимают, не давая себе большого труда вдуматься в вопрос глубже и основательнее.

Если фарисеи искушали Спасителя, стараясь поставить Его в противоречие с буквообрядовым пониманием Закона Моисеева и с болезненно возбужденным национальным самолюбием евреев, то саддукеи берут оружие для нападений из своего мелкорационалистического арсенала. Не желая слишком утруждать себя глубокомысленным изучением религии и Священного Писания, они предпочитают легкую игру праздного остроумия, упражняя его на вопросах, не имеющих ни морального, ни догматического значения, но позволяющих лишь обнаружить большую или меньшую ловкость софистики и словопрений. Они часами могли спорить о таких, например, вопросах: может ли Бог делать зло? или может ли Бог сотворить такой камень, который Сам не может поднять, напоминая в этом отношении схо-

ластических мудрецов средневековья с их знаменитым вопросом: «сколько Ангелов может уместиться на кончике иголки?» или наших древнерусских начетчиков, бесконечно споривших, «како имя древу тому, на немже обесися Иуда?» Понятно, что в таких спорах не было ничего, кроме пустой казуистики. К числу таких вопросов принадлежит и тот, который саддукеи предлагают Господу, – вопрос о семи братьях, женатых на одной женщине. Трудно сказать, был ли выдуман этот вопрос или сама жизнь дала для него фактический материал, но, несомненно, в вопросе саддукеев слышится нескрываемая насмешка. Они не верят в воскресение мертвых и пытаются сделать из этого учения курьезно-нелепый вывод, который должен получиться из него в юридической обстановке Закона Моисеева и который, по их мнению, должен опровергнуть и самое учение.

Господь отвечает просто и серьезно. Он ничем не отзывается на насмешку недалекого и неглубокого ума и спокойно разъясняет, что постановления Моисеева Закона не могут быть обязательными для будущей жизни, условия которой будут совершенно иные, и что эта загробная жизнь по воскресении будет жизнью существ духовных, для которых земные законы не имеют смысла.

Разъясняя нелепость казуистического положения, придуманного саддукеями, Спаситель отвечает далее и на тот невысказанный вопрос, который и был главным центром недоразумения, составляя в то же время одно из наиболее крупных заблуждений саддукейской партии, – вопрос о воскресении мертвых.

Как бы мы ни оценивали логические основания ответа, для нас совершенно ясно, что в этом месте Господь подтверждает мысль о бессмертии души человека и о воскресении мертвых. Для нас это чрезвычайно важно, ибо все такие определенные положения, высказанные Спасителем, уже в силу своей непререкаемости и авторитетности служат основными и наиболее твердо установленными догматами новозаветного учения независимо от всякого рода логических соображений и доказательств, приводимых для их подтверждения.

Итак, Господь совершенно ясно и определенно говорит о будущем воскресении мертвых: *А о мертвых, что они воскреснут, разве не читали вы в книге Моисея, как Бог при купине сказал ему: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых. Итак, вы весьма заблуждаетесь* (ст. 26–27).

Более определенного и ясного свидетельства о будущем всеобщем воскресении мы не можем и требовать.

В доказательство воскресения человека Господь приводит факт бессмертия его души и эту истину, в свою очередь, подтверждает ссылкою на текст Священного Писания, где в книге Исход Господь Саваоф называет Себя Богом Авраама, Исаака и Иакова (Исх. 3, 6), патриархов, давно отшедших в вечность. Вывод делается такой: Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых. Следовательно, все эти праотцы, умершие для нас, живы для Бога, *ибо у Него все живы,* добавляет евангелист Лука (Лк. 20, 38). Конечно, Творцом, Промыслителем, Миродержцем Господь остается и для мертвого, даже неорганического царства, но Богом в собственном смысле Он является только в Царстве живых, ибо только живые могут познать Бога и признать Его над собой. *Живой, только живой прославит Тебя,* – говорит пророк Исайя (Ис. 38, 19).

Таким образом, Господь точно и прямо говорит, что есть бессмертие и есть воскресение. Для нас, верующих, этого утверждения было бы совершенно достаточно, но, к сожалению, и в наше время есть немало саддукеев, людей легкомысленно-рационалистического толка, отрицающих эти коренные истины религии. Будущего, загробного существования они не признают, и смерть для них есть полное уничтожение, превращение в ничто. Жизнь возможна только в пределах земного существования. Умер человек, сгнил, вырос над ним лопух – и больше нет ничего!

Такова их философия.

Нельзя отказать этой философии в прямолинейности и в понятности, но вряд ли можно назвать ее глубокою. Чаще всего причиною такого материалистического воззрения оказывается жизнь, подчиненная страсти и преследующая цели исключительно животного, физического благополучия. Человек, живущий для брюха, вообще теряет представление о духовном.

Таковы были саддукеи. Эти вожди еврейского народа, державшие в своих руках высшие духовные должности и давшие из своей среды немало первосвященников, были лишь узкими карьеристами, думавшими только о земном благополучии и о личной выгоде. Для карьеры они жертвовали всем: и национальным самолюбием, пресмыкаясь перед римскими властями, и строгостью нравственных правил, ограничивавших их безудержное стремление к земным наслаждениям, и чистотою религиозных убеждений, грозивших расплатой за беспринципность деятельности и за неразборчивость в средствах при достижении цели. Вполне возможно, что и самое отрицание будущего воскресения, если и не было в них рождено, то, несомненно, поддерживалось внутренним сознанием нечистоты и беззаконности своей жизни и смутным страхом перед будущим наказанием. Человек неохотно верит тому, что ему неприятно и чего он не желает, а лукавая мысль угодливо приходит ему на помощь, убеждая в противном. Эти причины отрицания духовных истин остаются неизменными и в настоящее время: грубо-животная, страстная жизнь, притупляющая духовное зрение и не позволяющая ему проникнуть за пределы чувственного, земного горизонта, и неприятное чувство неизбежной ответственности при допущении существования потустороннего мира и духовной жизни. Человек, преданный страстям, всегда с удовольствием и готовностью примет все аргументы, отрицающие загробную жизнь и связанное с ней мздовоздаяние, ибо тогда ему легче жить и грешить. Сознание неминуемой расплаты не висит над ним постоянной угрозой, и он сам готов убедить себя в том, что все это – лишь пустые страхи, придуманные кем-то, чтобы мешать ему наслаждаться. Если же человек желает сам себя обмануть, закрывая глаза на правду, то в конце концов это ему, конечно, удается.

Таковы общие причины неверия и религиозного отрицания, в том числе и отрицания духовной жизни, бессмертия и воскресения. Причины эти коренятся не в науке, на которую часто возводят этот несправедливый поклеп, а в самом человеке, в его греховности, чувственности, страстности, вызывающих, в свою очередь, извращение ума.

В Священном Писании во многих местах мы находим подтверждение истины бессмертия и воскресения из мертвых.

Я знаю, – говорит праведный Иов, – *Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его* (Иов. 19, 25–27).

Оживут мертвецы Твои, – свидетельствует пророк Исайя, – *восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя – роса растений, и земля извергнет мертвецов* (Ис. 26, 19).

Та же вера в вечную жизнь была жива в Израиле и в позднейшую эпоху его истории – в эпоху Маккавеев. Один из мучеников Маккавеев мужественно исповедал эту веру и *быв же при последнем издыхании, сказал: ты, мучитель, лишаешь нас настоящей жизни, но Царь мира воскресит нас, умерших за Его законы, для жизни вечной (2 Мак. 7, 9).*

Еще более таких свидетельств в Новом Завете.

В Евангелии от Иоанна читаем слова Самого Господа: *Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут* (Ин. 5, 25).

Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день (Ин. 6, 54).

В рассказе о воскресении Лазаря мы находим новое подтверждение того же учения.

Иисус говорит Марфе: *воскреснет брат твой. Марфа сказала Ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11, 23–25).

Апостол Павел в Послании к Коринфянам удостоверяет: *Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его* (1 Кор. 15, 20–23).

В Послании к Солунянам: *Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде* (1 Фес. 4, 16).

Обычным возражением против бессмертия человека служит указание на то, что в природе все разрушается. Ничто не вечно все имеет свой конец. Человек также умирает в свое время, разлагается, нет никаких оснований думать, что душа его продолжает жить.

Если принять это возражение в таком голом, безусловном виде, то оно по существу несправедливо. В действительности, даже в материальном мире мы не наблюдаем нигде полного прекращения существования, обращения в ничто. Мы не знаем смерти как уничтожения: существует лишь переход из одной формы бытия в другую, и это одинаково верно как по отношению к материи, так и по отношению к силам разного рода, действующим в ней. В природе невозможно уничтожить ни одного кусочка материи, ни одного атома. Если вы сожжете в печи полено, то кажется, что оно уничтожилось, но это только кажется. На самом деле, сожженное полено превращается в дым, оседающий сажей в трубе, в уголь, в золу. Другими словами, здесь нет уничтожения, но есть лишь превращение материи из одного состояния в другое. Съела скотина траву – эта трава превращается в навоз, удобряющий землю и дающий новую жизнь новым растениям. И так везде и во всем. Ни одной пылинки мы не можем уничтожить вполне так, чтобы от нее не осталось и следа.

То же самое следует сказать и относительно сил, действующих в природе. Вот перед нами локомотив, готовый тронуться: в топке жарко горит огонь, в котле кипит вода. Что здесь происходит? Сила тепла переходит в силу пара, сила пара переходит в силу движения, но опять-таки нет уничтожения силы есть только трансформация.

Одним словом, в природе общая сумма материи и энергии остается всегда одна и та же, и ни материя, ни сила не уничтожаются.

Если повсюду мы наблюдаем этот общий закон, то спрашивается, на каком основании мы можем допустить уничтожение человеческой души, обращение ее в ничто? Если тело человека не уничтожается, но лишь распадается в процессе гниения на составные химические элементы, то почему та сила, которая оживляла это тело и которую мы называем душою, должна составлять исключение из всеобъемлющего закона мировой экономики? Почему она должна уничтожиться? Как бы мы ни определяли эту силу и ее сущность, как бы ее ни называли – силой органической, силой биологической, силой жизни, или душой, как называем ее мы, – для данного случая это не имеет значения, здесь важно лишь одно: в живом человеке есть какая-то сила, оживляющая и одушевляющая его, сила, без которой он становится трупом. Эта разница между живым человеком и мертвым телом так велика, что самые ожесточенные скептики принуждены признать наличность в живом человеке особой силы, обуславливающей в нем жизнь и душевную деятельность. Но раз существование этой силы несомненно, то ясно, что уничтожиться совершенно она не может ни при каких условиях в силу вышеприведенного закона.

В Священном Писании Ветхого Завета есть чрезвычайно интересный рассказ, доказывающий загробное существование души после смерти человека. Рассказ этот приводится в Первой Книге Царств и относится к тому времени, когда Саул, отверженный Богом за непослушание, всюду искал поддержки и, наконец, в порыве малодушия и отчаяния обратился к Аэндорской волшебнице с просьбой вызвать дух уже умершего пророка Самуила.

И собрались Филистимляне и пошли и стали станом в Сонаме; собрал и Саул весь народ Израильский, и стали станом на Гелвуе. И увидел Саул стан Филистимский и испугался, и крепко дрогнуло сердце его. И вопросил Саул Господа; но Господь не отвечал ему ни во сне, ни чрез урим, ни чрез пророков. Тогда Саул сказал слугам своим: сыщите мне женщину волшебницу, и я пойду к ней и спрошу ее. И отвечали ему слуги его: здесь в Аэндоре есть женщина волшебница. И снял с себя Саул одежды свои и надел другие, и пошел сам и два человека с ним, и пришли они к женщине ночью. И сказал ей ***Саул****: прошу тебя, поворожи мне и выведи мне, о ком я скажу тебе… Тогда женщина спросила: кого же вывести тебе? И отвечал он: Самуила выведи мне. И увидела женщина Самуила и громко вскрикнула; и обратилась женщина к Саулу, говоря: зачем ты обманул меня? ты – Саул. И сказал ей царь: не бойся; [скажи,] что́ ты видишь? И отвечала женщина: вижу как бы бога, выходящего из земли. Какой он видом? – спросил у нее* ***Саул.*** *Она сказала: выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду. Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицем на землю и поклонился. И сказал Самуил Саулу: для чего ты тревожишь меня, чтобы я вышел? И отвечал Саул: тяжело мне очень; Филистимляне воюют против меня, а Бог отступил от меня и более не отвечает мне ни чрез пророков, ни во сне [ни в видении]; потому я вызвал тебя, чтобы ты научил меня, что мне делать. И сказал Самуил: для чего же ты спрашиваешь меня, когда Господь отступил от тебя и сделался врагом твоим? Господь сделает то, что говорил чрез меня; отнимет Господь царство из рук твоих и отдаст его ближнему твоему, Давиду. Так как ты не послушал гласа Господня и не выполнил ярости гнева Его на Амалика, то Господь и делает это над тобою ныне. И предаст Господь Израиля вместе с тобою в руки Филистимлян: завтра ты и сыны твои будете со мною, и стан Израильский предаст Господь в руки Филистимлян. Тогда Саул вдруг пал всем телом своим на землю, ибо сильно испугался слов Самуила* (1 Цар. 28, 4–8, 11–20).

Таков рассказ Библии, с несомненностью доказывающий, что душа человека продолжает жить и после смерти тела и может даже вступать в общение с обитателями земли.

Строго говоря, даже для рассудка легче представить бессмертие души и вечное ее существование, лишь меняющееся в формах, чем полное уничтожение, обращение в ничто. Я легко могу себе представить всевозможные переходы формы бытия, но я совершенно не могу представить абсолютное исчезновение какой-либо реальной вещи, не могу представить, как на место нечто станет ничто. Как представить это метафизическое ничто так, чтобы это было ни свет, ни мрак, ни холод, ни тепло, не имело бы ни протяжения, ни веса и никаких других физических свойств? Воображение отказывается это сделать, и самый термин «ничто» становится лишь словесным обозначением без реального содержания. Между тем, как легко мыслить смерть в изображении Библии: *возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его* (Еккл. 12, 7)! Здесь и смерть тела определяется совершенно верно, не как уничтожение, а как процесс распада и превращения в землю, и смерть всего человека объясняется разделением элементов, его составляющих, – духовного и чувственного. Становится понятным также и то, почему мы не можем наблюдать жизни души после смерти человека и почему мы так мало знаем об этой загробной жизни.

Некоторые, допуская бессмертие души, упрекают христианство в том, что оно этим не ограничивается, но идет дальше, уча о воскресении умерших людей, то есть о вторичном соединении души с телом. Эту мысль о воскресении людей вместе с телом, говорят, надо безусловно отбросить, ибо фактов такого рода мы совершенно не наблюдаем.

И опять-таки это неправда.

Даже в царстве животных среди органических существ низшего типа мы часто встречаем факты смерти, сопровождающейся воскресением. Господь постоянно дает нам эти предметные уроки в явлениях природы. Вот перед нами постоянно повторяющийся факт из жизни насекомых: умирает червячок – гусеница, превращаясь в куколку; через несколько

дней из куколки появляется новое живое существо бабочка. Разве это не воскресение? По существу говоря, поскольку дело касается законов биологии, воскресение человека представляет явление не более удивительное, чем это постоянно наблюдаемое превращение жалкого, невзрачного червячка в нарядную, жизнерадостную бабочку.

Так и при воскресении мертвых, – говорит апостол Павел, – *сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное* (1 Кор. 15, 42–44).

Падает зерно в борозду, гниет, разлагается, умирает. Но из этого умершего зерна вырастает спелый колос, а на нем несколько десятков новых зерен. Опять-таки, разве это не факт воскресения? На это явление указывает и апостол Павел в пояснение картины воскресения. *Безрассудный! то, что́ ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело* (1 Кор. 15, 36–38).

Вся природа умирает зимой. Опадает зеленая листва, прекращается рост живых тканей, умирают или впадают в летаргию жуки и козявки, замерзают говорливые ручьи, и вся природа покрывается холодным, снежным саваном. Наступает царство смерти. Но с первыми лучами весеннего солнца картина меняется – начинается пробуждение. Спадает безжизненный покров зимы, реки сбрасывают ледяные оковы, набухают древесные почки, развертываясь в молодые, клейкие листочки, жужжат и роями носятся ожившие насекомые и звонко щебечут птички. Всюду снова жизнь в ее бесконечном разнообразии, упоении и радость жизни! Вся природа воскресает от зимнего сна.

«Это свидетельство воскресения мертвых Бог начертал в Своих деяниях», – говорит блаженный Тертуллиан.

Наконец, в истории немало фактов действительного воскресения и умерших людей.

В Священном Писании Ветхого Завета передается несколько таких случаев.

Когда во время страшной засухи и голода в Израиле пророк Илия укрывался в доме сарептской вдовы, *заболел сын этой женщины, хозяйки дома, и болезнь его была так сильна, что не осталось в нем дыхания. И сказала она Илии: что мне и тебе, человек Божий? ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего. И сказал он ей: дай мне сына твоего. И взял его с рук ее, и понес его в горницу, где он жил, и положил его на свою постель, и воззвал к Господу и сказал: Господи Боже мой! неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее? И простершись над отроком трижды, он воззвал к Господу и сказал: Господи Боже мой! да возвратится душа отрока сего в него! И услышал Господь голос Илии, и возвратилась душа отрока сего в него, и он ожил. И взял Илия отрока, и свел его из горницы в дом, и отдал его матери его, и сказал Илия: смотри, сын твой жив. И сказала та женщина Илии: теперь-то я узнала, что ты человек Божий, и что слово Господне в устах твоих истинно.*

Так повествует Третья Книга Царств (3 Цар. 17, 17–24). Подобный же случай рассказывается об ученике и преемнике Илии, пророке Елисее.

У женщины сонамитянки, у которой иногда останавливался для ночлега пророк, умер сын. *И пошла она, и положила его на постели человека Божия, и заперла его, и вышла, и позвала мужа своего и сказала: пришли мне одного из слуг и одну из ослиц, я поеду к человеку Божию и возвращусь. Он сказал: зачем тебе ехать к нему? сегодня не новомесячие и не суббота. Но она сказала: хорошо. И оседлала ослицу и сказала слуге своему: веди и иди; не останавливайся, доколе не скажу тебе. И отправилась и прибыла к человеку Божию, к горе Кармил. И когда увидел человек Божий ее издали, то сказал слуге своему Гиезию: это та Сонамитянка. Побеги к ней навстречу и скажи ей: «здорова ли ты? здоров ли муж твой? здоров ли ребенок?» – Она сказала: здоровы. Когда же пришла к человеку Божию на гору,*

ухватилась за ноги его. И подошел Гиезий, чтобы отвести ее; но человек Божий сказал: оставь ее, душа у нее огорчена, а Господь скрыл от меня и не объявил мне. И сказала она: просила ли я сына у господина моего? не говорила ли я: «не обманывай меня»? И сказал он Гиезию: опояшь чресла твои и возьми жезл мой в руку твою, и пойди; если встретишь кого, не приветствуй его, и если кто будет тебя приветствовать, не отвечай ему; и положи посох мой на лице ребенка. И сказала мать ребенка: жив Господь и жива душа твоя! не отстану от тебя. И он встал и пошел за нею. Гиезий пошел впереди их и положил жезл на лице ребенка. Но не было ни голоса, ни ответа. И вышел навстречу ему, и донес ему, и сказал: не пробуждается ребенок. И вошел Елисей в дом, и вот, ребенок умерший лежит на постели его. И вошел, и запер дверь за собою, и помолился Господу. И поднялся и лег над ребенком, и приложил свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням, и простерся на нем, и согрелось тело ребенка. И встал и прошел по горнице взад и вперед; потом опять поднялся и простерся на нем. И чихнул ребенок раз семь, и открыл ребенок глаза свои. И позвал он Гиезия и сказал: позови эту Сонамитянку. И тот позвал ее. Она пришла к нему, и он сказал: возьми сына твоего. И подошла, и упала ему в ноги, и поклонилась до земли; и взяла сына своего и пошла. Елисей же возвратился в Галгал (4 Цар. 4, 21–38).

В жизни и деятельности Господа Евангелие отмечает три случая воскрешения мертвых: воскресение дочери Иаира (Мк. 5, 35–43), сына вдовы Наинской (Лк. 7, 12–15) и Лазаря уже после четырехдневного пребывания в гробу (Ин. 11, 1-44).

В самый момент смерти Господа, по свидетельству евангелиста Матфея, *гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святый град и явились многим* (Мф. 27, 52–53).

Наконец, самым разительным фактом является тридневное Воскресение Господа нашего и Спасителя в теле одухотворенном, прославленном и отличном от обычной человеческой плоти. Это Воскресение, по словам апостола Павла, и служит основанием и залогом будущего воскресения всех людей.

Неоднократно встречаем мы случаи воскресения и в последующей истории Христовой Церкви после смерти Спасителя. Два таких случая находим в книге Деяний святых апостолов.

В Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: «серна»; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь. Случилось в те дни, что она занемогла и умерла. Ее омыли и положили в горнице. А как Лидда была близ Иоппии, то ученики, услышав, что Петр находится там, послали к нему двух человек просить, чтобы он не замедлил придти к ним. Петр, встав, пошел с ними; и когда он прибыл, ввели его в горницу, и все вдовицы со слезами предстали перед ним, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними. Петр выслал всех вон и, преклонив колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. Иона открыла глаза свои и, увидев Петра, села. Он, подав ей руку, поднял ее и, призвав святых и вдовиц, поставил ее перед ними живою (Деян. 9, 36–41).

Другой случай – из истории проповеднической деятельности апостола Павла, имевший место в Троаде.

В первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжил слово до полуночи. В горнице, где мы собрались, было довольно светильников. Во время продолжительной беседы Павловой один юноша, именем Евтих, сидевший на окне, погрузился в глубокий сон и, пошатнувшись, сонный упал вниз с третьего жилья, и поднят мертвым. Павел, сойдя, пал на него и, обняв его, сказал: не тревожьтесь, ибо душа его в нем. Взойдя же и преломив хлеб и вкусив, беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел. Между тем отрока привели живого, и немало утешились. (Деян. 20, 7-12).

В первые века христианства факты воскресения случались иногда по молитвам великих угодников Божиих, и, быть может, самый замечательный из этих фактов передается в жизнеописании так называемых семи Эфесских отроков.

Во время страшного гонения на христиан, воздвигнутого императором Децием, семь юношей, принадлежавших к лучшим и знатнейшим семьям города Эфеса, спасаясь от мучений, скрылись в пещере уединенной горы Охлон, находившейся неподалеку от города. К несчастью, их местопребывание было обнаружено, и, по приказу Деция, вход в пещеру был заложен камнями и замурован, чтобы погубить беглецов голодом и жаждою. К замурованному входу была приложена царская печать, чтобы никто не смел освободить узников. Но Господь хранил избранников Своих от страданий, и в тихий, глубокий, долгий сон погрузились они.

Прошло двести лет с тех пор, и память о семерых заживо погребенных отроках смешалась с памятью о всех остальных мучениках, погибших во время гонения Деция.

Проходили годы, а с ними сменялись и императоры и события. На Византийском престоле воцарился Константин, и отживающее язычество уступило место христианству. Жестокий раскол потряс Церковь, и при Феодосии II возникла опасная секта еретиков, отвергавшая воскресение мертвых.

Как раз в то время, то есть двести лет спустя, после того как семь отроков были замурованы в пещере, какой-то поселянин взобрался на гору Охлон в поисках материала для постройки конюшни. Увидев хорошо обтесанные и прилаженные камни, закрывавшие вход в пещеру, он разломал стену и, набрав камней, сколько мог, увез к себе.

Через пробитое отверстие дневной свет волной хлынул в пещеру. И тогда семь отроков, внезапно разбуженные, поднялись на ноги и приветствовали наступление дня обычными молитвами. Продолжая ежедневную свою жизнь, словно заснули только накануне, они начали совещаться о том, что следует им предпринять и решили послать одного отрока из своей среды, по имени Иамвлих, на рынок для закупки съестных припасов, запас которых у них истощился.

Появление Иамвлиха на рынке вызвало всеобщее изумление и волнение. Его лицо, бледное, как у мертвеца, его странный костюм, фасон которого уже давно был оставлен всеми, серебряные монеты, чеканенные 200 лет тому назад, которыми он хотел расплатиться с торговцами рынка, все это показалось необыкновенным и подозрительным. Иамвлиха схватили и привели к епископу Эфеса, святителю Стефану. Здесь отрок рассказал все, что произошло с ним и его друзьями. Рассказ юноши показался до такой степени невероятным, что епископ и проконсул с толпой стражников пошли проверить его.

Но когда все они достигли пещеры и увидели шестерых бледных отроков, одетых в старинные одежды, благоговейный ужас приковал их у входа. Они пали на колени и прославили Бога в деяниях Его, между тем как семь отроков исповедали свою веру и свидетельствовали о своем воскресении, как бы в посрамление богохульников, осмелившихся отрицать этот догмат христианской религии.

И когда они кончили говорить, то тихо склонились все семеро. Когда их подняли, то увидели, что души их отлетели.

Память их празднуется 4 августа.

Какой практический вывод можем мы сделать из этого учения христианской веры о бессмертии души человека?

Очень важный.

Если душа человека бессмертна, то очевидно и души умерших святых продолжают существовать. С ними возможно духовное общение, возможна просьба о помощи и молитвенном предстательстве пред Богом, возможна наша молитва к святым.

«Молятся ли за нас святые, которых мы призываем? – спрашивает о. Иоанн Кронштадтский. – Молятся. Если я, грешный человек, холодный человек, иногда злой и недоброжелательный человек, молюсь за других, заповедавших и не заповедавших мне молиться и не сомневаюсь, не скучаю терпеливо перебирать их имена на молитве, хотя иногда и не сердечно, то святые ли Божии человеки – эти светильники и пламенники, горящие в Боге и перед Богом, полные любви к собратиям своим земным, не молятся за меня и за нас, когда мы с посильною верою, упованием и любовию призываем их? Молятся и они, скорые помощники и молитвенники о душах наших, как уверяет нас богопросвещенная мать наша Святая Церковь. Итак, молись несомненно святым Божиим человекам, прося их ходатайства за себя пред Богом. В Духе Святом они слышат тебя, только ты молись Духом Святым и от души, ибо когда ты молишься искренно, тогда дышит в тебе Дух Святый, Который есть Дух истины и искренности, есть наша истина и искренность. Дух Святый в нас и в святых людях один и тот же. Святые святы от Духа Святого, их освятившего и в них вечно живущего».

Глава 12, ст. 28-34

Среди законников и учителей израильских с их бесконечными казуистическими спорами существовало крайнее разнообразие мнений практически по всем вопросам религии и морали. Не было почти ни одного пункта в этой области, решенного вполне единодушно и не вызывавшего ожесточенных споров и препирательств. Основной вопрос религии что нужнее всего для спасения – вопрос, от решения которого зависит весь характер практически-морального учения, решался неодинаково. В возникших отсюда страстных, возбужденных спорах намечались самые разнообразные течения мысли, из которых, по-видимому, наибольшее число сторонников имело чисто внешне формальное решение. Точное, неукоснительное исполнение всех внешне обрядовых предписаний закона – вот то, что важнее всего в религиозной жизни и что необходимо обеспечивает человеку благоволение Божие. Так думало большинство. На почве такого понимания религии и вырос тот тип фарисея, которого Господь выводит в одной из Своих притч и который, ставши в храме, с чувством собственного достоинства и с сознанием достигнутой праведности перечисляет свои заслуги перед Богом: *пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю* (Лк. 18, 12). В этой самовлюбленной фарисейской молитве даже и мысли нет о том, что этим не исчерпывается идеал благочестивого, угодного Богу человека и что Господь может потребовать от человека чего-нибудь большего.

Но такое направление морали, оставлявшее человека черствым, сухим, даже жестоким, удовлетворяло далеко не всех.

К числу таких неудовлетворенных людей, очевидно, принадлежал и тот книжник, который задал Господу животрепещущий вопрос: *какая первая из всех заповедей?*

Этот вопрос в его устах не был ни ловушкою, на которые так изобретательны были фарисеи, ни совопросничеством праздного любопытства. Запутавшийся в казуистических спорах книжник действительно искал и желал авторитетного разрешения мучившего вопроса.

И Господь отвечает серьезно и прямо: *первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет.*

Обе эти заповеди взяты из книг Ветхого Завета (Второзаконие, 6, 4–5 и Левит, 19, 18), но для многих законников и книжников еврейских они оставались малозаметными и терялись в массе мелких обрядовых предписаний. Господь ставит их в основу религии и рели-

гиозной жизни, выдвигая, как и всегда, на первый план чувство, внутреннюю жизнь сердца, а не поведение человека, не его внешние дела, которые вырастают из этого чувства, как стебель из корня.

Итак, любовь к Богу и любовь к ближнему – вот двойная основа религии.

Иногда много и всегда бесплодно спорят о том, которая из этих заповедей важнее и нужнее для человека. Есть много людей, которые не только поставят любовь к человеку выше любви к Богу, но и определенно заявят, что последняя не нужна: достаточно любить человека. Во французских школах последнего времени упорно старались заменить религию этикой, то есть философским учением о нравственных отношениях только к людям. В действительности спор этот в рамках учения о спасении человека не имеет смысла, как не имел бы смысла спор, что нужнее для жизни: вода или хлеб. В христианской жизни, как учит Господь, необходимо и то и другое; любовь к Богу и любовь к человеку. Одно с другим тесно связано, и одно без другого существовать не может. Любящий Бога любит и человека как образ Божий, и для него любовь к человеку есть лишь одно из проявлений любви к Богу, почему Спаситель и называет эти заповеди подобными. С другой стороны, как говорит апостол Иоанн, *кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?* (1 Ин. 4, 20).

Однако Господь называет заповедь о любви к Богу первой, а в Евангелии от Матфея даже наибольшей (Мф. 22, 38). Это потому, что любовь к Богу служит фундаментом всей духовной жизни человека, или, точнее, тем теплом и светом, лучами которого должны быть пронизаны и согреты все дела человека, чтобы они были *в Боге соделаны,* по заповеди Спасителя (Ин. 3, 21). Любовью к Богу измеряется вся высота и действенность христианской жизни, и в ней-то, главным образом, и заключается сущность этой жизни.

Почему так?

Во-первых, только через любовь к Богу достигается основная цель мироздания – конечное единение всех живущих в светлом аккорде радости и счастья, когда *будет Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15, 28). Любовь к Богу – сила центростремительная, и общее единение возможно лишь в том случае, когда есть единый центр, к которому все влекутся. Таким центром может быть только Бог, о чем уже шла речь в одной из прежних бесед. Любовь только к человеку, без любви к Богу, часто не соединяет, а, наоборот, разъединяет людей, ибо она никогда не бывает равносильной по отношению ко всем, и даже часто любовь к одним вызывает жестокую ненависть к другим. Жалея угнетенных, мы обыкновенно ненавидим угнетателей. Кроме того, любовь к людям не может служить связью всеобщего единения потому, что она никогда не бывает всеобъемлющей, не охватывает всего человечества и в лучшем случае ограничивается пределами своего общества, класса или нации. Мы говорим, конечно, о практической, деятельной любви. В сентиментальном отвлечении, в мечте, конечно, возможны и настроения всеобъемлющей любви.

Далее, «от любви к Богу может проистекать искренняя любовь к брату», – говорит преподобный Макарий Египетский. Человек, искренно любящий Бога, не может быть равнодушен к Его творениям, отразившим в себе Его всемогущество и благость, и особенно к Его образу и подобию, сияющему в душе каждого человека. У аввы Дорофея есть прекрасное сравнение, поясняющее эту связь между любовью к Богу и любовью к человеку.

Представьте себе круг, говорит он, средину его, центр, и из центра исходящие радиусы – лучи. Эти радиусы чем дальше идут от центра, тем более расходятся и удаляются друг от друга; напротив, чем ближе подходят к центру, тем больше сближаются между собою. Положим теперь, что круг сей есть мир, самая средина круга – Бог, а прямые линии (радиусы), идущие от центра к окружности или от окружности к центру, суть пути жизни людей. И тут то же. На сколько святые входят внутрь круга к средине оного, желая приблизиться

к Богу, на столько по мере вхождения они становятся ближе к Богу и друг к другу; и притом так, что сколько приближаются к Богу, столько приближаются и друг к другу, и сколько приближаются друг к другу, столько приближаются и к Богу. Так разумейте и об удалении. Когда удаляются от Бога и обращаются ко внешнему, то очевидно, что в той мере, как они отходят от средоточия и удаляются от Бога, в той же мере удаляются и друг от друга; – и сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога. Таково и свойство любви: на сколько мы находимся вне и не любим Бога, на столько каждый удален и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовию к Нему, столько соединяемся любовью и с ближними, а сколько соединяемся с ближними, столько соединяемся с Богом.

Без любви к Богу вряд ли вообще возможна любовь к человеку, по крайней мере, истинная, христианская, самоотверженная любовь невозможна.

Жизнь природы в ее естественном состоянии всегда есть борьба – борьба всех против всех, где победителями оказываются организмы более сильные и более приспособленные к жизни. Так как человек, поскольку его существование подлежит действию естественных законов, оказывается также втянутым в эту борьбу, то в душе его неизбежно воспитывается инстинкт борьбы, всегда имеющий характер некоторой враждебности к конкурентам на арене жизни. Один из новых писателей сравнивает жизнь с переполненным трамваем, где все мы – пассажиры, встречающие ворчанием и недоброжелательством всякого нового путника, желающего занять место в нашем отделении. Таков тон обычных отношений между людьми.

Там же, где нет определенно выраженной враждебности, вы, обыкновенно, найдете равнодушие и безучастность, но опять-таки не любовь.

Все предрассудки истреби,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно.

Вот это-то равнодушно-безучастное и враждебно-опасливое отношение к ближнему, столь обычное в неверующем обществе, почти нет возможности преодолеть в себе без веры в Бога и без любви к Нему. Природный инстинкт борьбы остается тогда единственным властелином душевных настроений, совершенно исключая в них возможность развития любви и самоотверженных порывов служения ближнему.

Если без любви к Богу трудно победить даже первые препятствия на пути развития любви к человеку, трудно сделать даже первые, робкие шаги, то нечего и говорить, что высшие ступени любви, где сплошь требуется забвение собственных интересов и принесение их в жертву ради других, совершенно невозможны, ибо тогда у человека нет ни средств, ни оснований для борьбы с требованиями личного эгоизма, не желающего отказаться от своих притязаний во имя пользы ближнего.

Наконец, высшее совершенство жизни, святость, недостижима, когда единственным руководящим мотивом жизни является любовь к человеку. Эта любовь развивает лишь те добродетели, которые имеют место в отношениях человека к человеку, например, милосердие, сострадание, услужливость и т. п. Но она часто совершенно не требует борьбы с внутренними страстями, если они безвредны для других, и, таким образом, значительная часть душевной жизни остается без контроля и воздействия сознательной нравственной воли; громадное поле борьбы уступается без боя дурным инстинктам и влиянию враждебных сия.

Любовь к Богу, напротив, требует борьбы с каждым недостатком характера, с каждым искушением, с каждой страстью, с каждой слабостью, ибо каждая уступка здесь есть измена Богу. Во имя любви к Богу требуется полное совершенство: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.* Нужна постоянная чистка всего механизма душевной жизни. В процессе достижения нравственного совершенства заповедь о любви к Богу является, таким образом, принципом всеобъемлющим, чего нельзя сказать о любви к человеку.

Если заповедь о любви к Богу есть первая и наибольшая заповедь в христианском законе, то лучше всего уже в самом начале духовной жизни иметь всегда перед глазами эту любовь как главную цель нравственных достижений и идти к ней прямо и непосредственно. Конечно, можно прийти к Богу и через служение людям, но это путь окружной, более длинный. В духовной жизни более естественным является такой порядок, когда любовь к человеку бывает следствием любви к Богу, но не наоборот.

После всего сказанного, думается, ясно, насколько важно для каждого христианина проверить свои отношения к Богу и как необходимо всеми силами стремиться к тому, чтобы эти отношения были отношениями любви.

Каковы наши отношения к Богу?

Для многих из нас не существует никаких отношений. В душе полное безразличие: мы не думаем о Боге, не чувствуем Его благости и всемогущества, живем вне Бога; не у Него ищем вдохновения и помощи, не к Нему несутся наши молитвы. Главное – нет личного отношения: мы не представляем Его реально перед собою так, чтобы видеть Его не видя, слышать не слыша, ощущать в собственной жизни Его влияние и промыслительную деятельность. Даже не отрицая Бога, часто чувствуем себя так, как будто находимся вне поля Его внимания, как будто ни Ему до нас, ни нам до Него нет никакого дела. Мы знаем, что Он есть, но мы с Ним незнакомы.

Другие ограничивают свои отношения к Богу формальным исполнением обрядовых предписаний религии, подобно тому фарисею в притче, который постился и давал десятину с мяты, аниса и тмина, оставив важнейшее в законе: суд, милость и веру (Мф. 23, 23). Таких людей чрезвычайно много среди так называемых верующих, и им необходимо напомнить слова Спасителя: *говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное* (Мф. 5, 20).

Существует, наконец, довольно многочисленный разряд людей, отношения которых к Богу можно определить довольно грубым словом – «попрошайничество». Эти люди вспоминают о Боге только в минуты нужды и бедствий и приходят к Нему с единственной целью что-нибудь выпросить и что-нибудь получить. Во многих сельских приходах замечается теперь такое явление: идет все благополучно, в жизни нет никаких осложнений – и церкви пусты; даже в праздники почти нет никого, кроме десятка богомольных старушек. Повторяется то явление, на которое некогда негодовал автор Второзакония: *утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его, и презрел твердыню спасения своего* (Втор. 32, 15). Но наступает засуха – сохнут нивы, сожженные солнечным зноем, на небе нет ни облачка, обещающего дождь, – и назначаются специальные молебствия о ниспослании дождя. Но даже и тут торгуются с Небом лукавые рабы, назначая на молебствия по наряду очередных молельщиков, как будто отбывая тяжелую, но необходимую повинность и стараясь получить просимое как можно дешевле, с наименьшей затратой сил. И сколько укоров, споров и попреков бывает при назначении «очередных»!.. Ни у кого нет желания отбывать скучную повинность, и каждый старается свалить ее со своих плеч… Шум, раздражение, брань – один грех!

Даже к человеку можно относиться лучше. На многих людей нам часто хочется только смотреть, восторгаться ими, ничего от них не ожидая лично для себя и ничего не требуя. А у Бога мы только попрошайничаем и часто вместо хлеба насущного просим массу ненужных

мелочей. Кто-то заметил, что в церкви начинают особенно усердно креститься, когда раздается прошение о «предстоящих людех, ожидающих великия и богатыя милости».

А между тем, заповедь Господня ясна.

Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею.

Что это значит и каково должно быть наше отношение к Богу?

«Любить Бога всем сердцем, – говорит о. Иоанн Кронштадтский, – значит не иметь ни к чему в мире пристрастия и отдать все сердце Господу Богу, творя во всем волю Его, а не свою; всею душею, то есть весь ум иметь всегда в Боге, все сердце утверждать в Нем и всю волю свою предавать Его воле во всех обстоятельствах жизни, радостных и печальных; всею крепостию, то есть любить так, чтобы никакая противная сила не могла нас отторгнуть от любви Божией, никакие обстоятельства жизни: ни скорбь, ни теснота, ни гонения, ни высота, ни глубина, ни меч; всею мыслию, то есть всегда думать о Боге, о Его благости, долготерпении, святости, премудрости, всемогуществе, о Его делах, и всемерно удаляться суетных мыслей и воспоминаний лукавых. Любить Бога – значит любить всей душей правду и ненавидеть беззаконие, как сказано: *возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие* (Пс. 44, 8); любить Бога – значит ненавидеть себя, то есть своего ветхого человека: *аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит… душу свою, не может Мой быти ученик* (Лк. 14, 26). В нас, в наших мыслях, в нашем сердце и в нашей воле есть сила злая, чрезвычайно живучая и действенная, которая всегда, ежедневно, ежеминутно, нудится удалять нас от Бога, внушая суетные мысли, желания, попечения, намерения, предприятия, слова, дела, возбуждая страсти и подстрекая к ним с силою, именно к злобе, зависти, любостяжанию, гордости и честолюбию, тщеславию, праздности, непослушанию, упрямству, обману, невоздержанию».

«Любить Бога всем сердцем, – продолжает он, – значит любить безраздельно, не двоясь между любовью к Богу и любовью к миру, и вообще к твари; если, например, молишься, – молись не с раздвоенным сердцем, не развлекайся суетными помыслами, житейскими пристрастиями, будь весь в Боге, в любви Его».

Сердце человека должно всецело принадлежать Богу. *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня,* – говорит Господь, – *и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10, 37).

Этой сильной, недвоящейся, безраздельной любовью и любили Бога его верные слуги и подвижники, тщательно оберегая при том эту цельность чувства от всяких посторонних влияний.

В конце царствования Септимия Севера во время гонения на христиан в числе многих осужденных на смерть была схвачена и молодая, благородная женщина Фивия Перпетуя. Ее оторвали от семьи, от ребенка, и бросили, как преступницу, в сырую, душную тюрьму… Для бедной женщины настали мучительные дни. Низкие, мрачные своды тюрьмы давили ее, а исстрадавшаяся душа матери рвалась вон из темных тюремных стен к оставленному ребенку. Но только отречение от Христа могло открыть ей замкнутые двери темницы. И вот назначен день казни. Перед выходом мученицы на арену цирка, где кровожадные и голодные звери уже поджидали свою жертву и грозным рычанием выражали свое нетерпение, к ногам Перпетуи бросился престарелый отец… Он держал на руках ее ребенка и, обливаясь слезами, умолял дочь отказаться от христианства. Невинный младенец улыбается матери и своей ангельской улыбкой как бы посылает ей свой последний, прощальный привет. Ужасная минута. В сердце Перпетуи в это время со всею силою просыпается любовь к сыну, и материнское чувство вступает в борьбу с верой христианки. Вдруг, точно дыхание легкого ветерка, донеслись и повеяли на ее душу забытые было слова Спасителя: *кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня…* Порывистый, горячий поцелуй ребенку… и мученица смело вышла на арену цирка: в ней мать были побеждена христианкой!

Когда к преподобному Пимену, подвизавшемуся в пустыне, пришли его престарелые родители, он отказался принять их, опасаясь, как бы снова не пробудилась в его сердце привязанность к родному дому и как бы любовь к близким не увлекла его из пустыни в мир.

«Видит Бог, – говорил другой святой старец, проводивший уединенную жизнь, братии, пришедшей посетить его, – что люблю вас, братия! Но не могу быть вместе с вами и с Богом!»

Выше Бога никого не было в их любви!

Любить Бога всею душою – значит любить всеми силами и способностями души, не одним только умом без участия сердца и воли. Существует немало людей, которые любят размышлять о Боге, много говорят о Нем, изучают Священное Писание, но в сердце которых нет ничего, кроме холодного любопытства. Книжники времен Господа были прекрасными знатоками библейского текста, всю жизнь проводили над его толкованием и знали Библию так, что могли безошибочно сказать, сколько раз повторяется в ней каждая буква, и однако это было холодное, чисто головное чувство, а не настоящая любовь. Обращаясь к ним, Господь прямо говорит: *знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу* (Ин. 5, 42). С другой стороны, возможно и в сердце иметь некоторое чувство влечения и даже благоговения к Богу и однако не исполнять в жизни Его Заповедей. Это значит, что воля человека еще не проникласьлюбовью к Богу, и потому это еще не есть истинная любовь. Любовь к Богу всем разумением начинается тогда, когда Господь становится центром всех наших дум и когда мысль неудержимо влечется к Нему, чем бы мы ни были заняты. Это сосредоточение помыслов в Боге достигается с большим трудом, и много стараний прилагали святые подвижники к тому, чтобы предохранить свой ум от ненужных и развлекающих впечатлений.

Этим сосредоточенным богомыслием особенно известен преподобный Арсений Великий. Удалившись в дикую пустыню, он проводил время в безмолвном уединении и почти никого не принимал. Однажды знатная, богатая римлянка, наслышавшись о подвигах и святой жизни преподобного, захотела лично видеть его. В Александрии ее предостерегали, что святой Арсений не любит, чтобы нарушали его уединение; тем не менее она отправилась.

Она нашла преподобного одного в саду и бросилась к его ногам.

– Ну, вот ты добилась своего! – сказал ей с гневом Арсений. – Ты видела лицо Арсения! Скажи, зачем тебе это? Чтобы рассказывать об этом другим женщинам, которым тоже нечего делать? Разве это не тщеславие?

– Помолись за меня, святой отец! – сказала гостья. – И не забудь про меня!

– Напротив! – возразил преподобный Арсений. – Я буду молить Господа, чтобы Он совершенно изгладил твой образ из моей памяти!

Подавленная и удрученная вернулась римлянка в Александрию и поведала свое горе архиепископу.

– Поверь, дитя мое, – сказал тот, – что старец молиться и будет молиться за всех нас и за тебя также… Но он хранит свой ум и сердце от всяких развлечений, чтоб углубленною любовью жить только в Боге!

Наконец, любить Бога всею крепостию, как говорит о. Иоанн Кронштадтский, «значит любить не вполсилы или слегка; когда предстоит исполнить какую-либо заповедь, исполняй ее всеусердно, до поту и крови и положения жизни, если потребуется, а не лениво и вяло или неохотно».

Любить Бога всею крепостию значит прилепиться к Нему всею энергиею воли так, чтобы никакая сила не могла от Него оторвать, или, как говорит апостол Павел: *Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?… Все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота,*

ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 8, 35, 37–39).

Вот один из бесконечного ряда примеров крепкой, христианской любви к Богу, которую никакая сила не могла преодолеть.

В Севастии армейской в полку воеводы Агриколы было сорок воинов-христиан одного звания, связанных между собою тесною дружбой. Когда Ликиний воздвигнул на христиан великое гонение, повсеместно было повелено солдатам принести жертвы богам. Этот приказ получили и сорок друзей.

– Мы не принесем жертв, – отвечали они.

Их бросили в темницу. Прошла неделя, и из тюрьмы воины вышли на смерть. Воевода приказал поставить мучеников обнаженными в воду озера. Озеро было покрыто тонким льдом. Мученики, призвав имя Божие, погрузились по шею в ледяную воду. А тут же на берегу была устроена баня, из которой валил пар на застывшую воду озера.

Ужасные часы шли один за другим. Вода резала на куски бедное тело. Минула полночь; мороз все крепчал. Один из мучеников, обессилев, вышел из воды и подоспел к бане, но как только нога его коснулась порога, он упал мертвым. Видя его смерть, мученики стали молиться не о том, чтобы Бог прекратил муки их, а о том, чтобы дал силу перенести их. И молитва была услышана. Яркий свет точно от летнего солнца в горячий полдень облистал озеро. И этот свет победил мороз. Лед тронулся, и под согревающими лучами чудесного света мученики стали опять здоровы и сильны. Воины, приставленные к ним, спали. Бодрствовал один только темничный сторож…

И вот он увидел блестящие лучи неведомого света и тридцать девять светлых венцов, сошедших на головы мучеников и окруживших их радужным сиянием. «Их было сорок», – подумал он, потом вспомнил об отступнике, и ему захотелось восполнить дружину.

– Я тоже христианин! – крикнул он и присоединился к мученикам.

Наутро мученикам перебили голени, а потом собрали их тела на огромный костер и сожгли, а кости бросили в реку. И волей Божией яркий свет белой звездочкой светил над их могилой-рекой.

Ничто не могло отлучить их от любви Божией!

Как научиться этой любви? Как приобрести ее?

Тайна эта открывается в Евангелии от Иоанна в словах Господа: *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14, 21).

С одной стороны, исполнение Заповедей Божиих должно быть выражением и свидетельством нашей любви к Богу, ибо не в словах только выражается любовь. *Дети мои!* – пишет апостол Иоанн, – *станем любить не словом или языком, но делом и истиною* (1 Ин. 3, 18). *Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди,* – завещает Спаситель. – *…Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое… Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих* (Ин. 14, 15, 23–24).

С другой стороны, исполнение заповедей является и средством развития любви к Богу.

Существует особый закон взаимодействия души и тела, или внутренних настроений и внешних действий. Обычно наши внешние поступки вызываются внутренними мотивами и настроениями, но, в свою очередь, и внешние действия могут сами вызывать соответствующие настроения души. Начните играть в карты или рулетку – и у вас может разгореться жажда наживы. Примите участие в каком-нибудь спорте – и незаметно для себя вы можете войти в азарт. Начните драться – и чувство жестокости или озлобления почти неизбежно охватит сердце.

Точно так же и в данном случае: благотворите людям – и вы полюбите их. Исполняйте заповеди Божии, поступайте так, как будто вы уже любите Бога, будьте Ему послушны – и мало-помалу сердце ваше согреется настоящей любовью.

Отсюда закон такой: надо сначала отдаться Богу в послушании, чтобы соединиться с ним в любви. *Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей,* – говорит Господь (Ин. 15, 10). Таким образом, первую и, быть может, наиболее действительную опору для развития любви к Богу можно найти в воле человека. Другую опору следует искать в его познавательной деятельности, в уме.

Необходимо познавать Бога.

Всякий любящий... знает Бога, – свидетельствует апостол Иоанн. – *Кто не любит, тот не познал Бога* (Ин. 4, 7–8). Следовательно, познавший Бога не может не любить Его. Особенно, познавая любовь Божию, проявленную к нам, мы воспитываем в себе чувство ответной любви.

Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас (1 Ин. 4, 19).

Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою (1 Ин. 3, 16).

Итак, познавайте Бога, познавайте любовь Его, особенно явленную в искупительной жертве Господа, положившего за нас душу Свою. Изучайте жизнь Спасителя, Его личность, Его характер, Его деятельность и учение, историю Его страданий. Перед вами откроется личность высокая, необыкновенная, святая, характер чистый, благородный, который нельзя не полюбить.

Яснее представьте себе шаг за шагом, момент за моментом всю эту удивительную жизнь: ночь Рождества… Дивного Младенца, променявшего ради нас престол Неба на связку соломы… Убожество пещеры и холод ночи… Воспитание в Назарете… Бедность и необходимость упорного труда… Пост в пустыне и ужас искушения… Скитание по Палестине без Своего угла, без крова… Назойливые толпы народа, и эту постоянно кроткую улыбку…

Слова милосердия и сострадания… Чудеса исцелений и благословение детей… Шпионство фарисеев и сгущающуюся все более вокруг него ненависть… Звон сребреников и предательство Иуды… Гефсиманию с ее предсмертной тоской… Треск факелов и поцелуй предателя… Измену учеников и полное одиночество… Возмутительно жестокий и несправедливый суд… Крики возбужденной, озлобленной толпы: *распни, распни Его!* Крестный путь… Голгофу… Распятие… Последний вздох и этот предсмертный крик: *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?*

И когда ярко и отчетливо пройдет перед вами вся эта страдальческая жизнь, с ее позором и болью, с ее унижениями и тоской, с ее одиночеством и любовью, и когда поймете вы, что вас любил и жалел Он, за вас молился и страдал, – тогда острое чувство сострадания и благодарности пронижет сердце… А это – начало любви.

Наконец, великое средство развития любви к Богу, соединяющее с Ним непосредственно и дающее почувствовать сладость этого единения, – это искренняя, сердечная молитва.

Глава 12, ст. 35-44

Данный отрывок Евангелия заключает в себе три отдела, три темы по видимости мало связанные между собою.

Стихи 35–37 заключают в себе мысль, основанную на 109-м псалме Давида, что Христос-Мессия есть Бог.

Стихи 38–40 содержат в себе предостережение против духовных вождей Израиля, книжников и фарисеев, и указание на их главнейшие пороки.

В стихах 41–44 рассказывается эпизод о бедной вдове, положившей в сокровищницу храма две лепты.

Несмотря на внешнюю несвязанность повествования, между этими тремя отделами есть несомненная внутренняя связь.

Определив на основании ветхозаветных заповедей сущность религиозной жизни и главную обязанность человека – любовь к Богу, Господь переводит далее мысль слушателей на то, что и Мессия, обещанный пророками, есть также Бог, и потому безграничная любовь к Нему и преданность со стороны человека составляет непременный долг последнего. Книжники, говоря о Мессии, чаще всего имели в виду Его человеческое происхождение и упоминание о Нем, главным образом, как о потомке Давида. Это льстило их гордости и самолюбию, ибо и в себе они видели родственников по плоти Великому Мессии, но, с другой стороны, это ослабляло религиозное чувство благоговения к Нему как к Богу, переводя Его в область обыкновенных человеческих отношений родственной любви. Между тем, даже для Давида, праотца Христа, Мессия был прежде всего Господом и Богом, перед Которым царь и псалмопевец склонялся с чувством религиозного благоговения. Об этом и напоминает Господь Своим слушателям, предостерегая их от ошибки книжников. Невысказанный, предполагаемый ответ на вопрос Спасителя должен быть такой: да, Христос-Мессия – Сын и потомок Давида по человеческой природе, но Он – Бог по Своему существу. Господь здесь, может быть, впервые дает Своим ученикам и народу намек, хотя и не прямой, на то, что Он не простой человек, но Богочеловек. Вряд ли, впрочем, кто-нибудь из народа понял Его вполне, и возможно, что только немногие из Его учеников лишь смутно проникают в эту тайну.

Если Христос есть Бог, то прежде всего должны были это понять те, которые считали себя руководителями народа и стояли на страже его духовной жизни, то есть книжники и священники. Они первыми должны были узнать в Господе Иисусе Спасителя и Мессию и отнестись к Нему с той любовью, которая подобает Богу.

Но они не хотели и не могли этого сделать, и главная причина заключалась в том, что в их сердце не было искреннего стремления и любви к Богу. Они любили только себя, любили почет, славу, уважение толпы, любили материальные выгоды жизни, и все их служение Богу было лицемерным, рассчитанным лишь на то, чтобы ценили и почитали их люди. С таким сердцем приблизиться к Богу, угадать Божественную личность Спасителя и полюбить Его безраздельно как Бога они не могли. Поэтому тяжелое осуждение было для них неизбежно.

Гораздо ближе стояли к Богу люди простые, бедные, но любившие Его всем сердцем. Бедная вдова, отдавшая в храм свой последний кодрант, была бесконечно выше этих чванных, лицемерных, гордых, самоуверенных книжников, и ее-то ставит Господь Своим ученикам в пример, ибо с кодрантом она отдала и сердце свое.

Такова внутренняя связь тем данного евангельского отрывка.

Все они объединяются одной основной мыслью о необходимости искреннего, сердечного служения Христу.

Главное препятствие для такого служения составляют те пороки, которые Господь отмечает у книжников, от которых Он предостерегает слушателей и которые можно назвать главными пороками сердца, при наличии которых христианская жизнь невозможна, ибо они сводят к нулю и осуждают на бесплодность все попытки и усилия благочестивой воли.

Пороки эти в словах Спасителя определяются так: *остерегайтесь книжников, любящих ходить в длинных одеждах* (что указывает на тщеславие) *и принимать приветствия в народных собраниях* (славолюбие), *сидеть впереди в синагогах и возлежать на первом месте на пиршествах* (честолюбие), *– сии, поядающие домы вдов* (корыстолюбие) *и напоказ долго молящиеся* (лицемерие), *примут тягчайшее осуждение* (ст. 38–40).

Итак, тщеславие, славолюбие, честолюбие, корыстолюбие и лицемерие – вот главные пороки, препятствующие христианскому служению Богу.

Нетрудно видеть, что все эти пороки по существу суть не что иное, как служение человека самому себе, своему «я», и в этом вся беда. Нельзя служить сразу двум господам, и тот, кто наряду с Богом поставит кумир своего «я» в сердце своем, тот неизбежно отойдет от Бога. Мы уже видели раньше и знаем, что должен быть единый центр жизни и деятельности человека – Бог. Указанные пороки представляют подмену этого центра другим, этим и объясняется, почему они делают христианскую жизнь бесплодною.

Первые три порока – тщеславие, славолюбие и честолюбие – суть пороки одного рода, где главным мотивом является любовь к человеческой славе. Человек больше всего заботится о том, что думают о нем люди, как к нему относятся, заботится об их мнении, уважении, расположении к нему. Для него важнее казаться, чем быть на самом деле, и мнение толпы дороже приговора Божия.

Такими были фарисеи, которые *возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию* (Ин. 12, 43). Это больше всего мешало им признать Мессию в Иисусе Христе. *Как вы можете веровать,* – упрекает их Спаситель, – *когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?* (Ин. 5, 44). Все дела свои они делали с тем расчетом, чтобы прославляли их люди. Но, достигая этого, *они уже получают награду свою* (Мф. 6, 2). Награды от Бога ожидать они уже не могли. Как говорит преподобный Нил Синайский, «тщеславный христианин – бесплатный работник: труды несет, а награды не получает». Это вполне естественно: раз человек служит не Богу, а самому себе и человеческой славе, то, очевидно, его служение не может быть заслугой перед Богом. Более того: оно является несомненным грехом перед лицом Божиим как прямое нарушение второй заповеди. Вот почему Господь строго карал за грехи гордости и честолюбия даже людей, угодивших Ему, как это мы видим на примере несчастного царя иудейского Озии.

Шестнадцати лет был Озия, когда воцарился, и пятьдесят два года царствовал в Иерусалиме… И делал он угодное в очах Господних точно так, как делал Амасия, отец его; и прибегал он к Богу во дни Захарии, поучавшего страху Божию; и в те дни, когда он прибегал к Господу, споспешествовал ему Бог. Ион вышел и сразился с Филистимлянами, и разрушил стены Гефа и стены Иавнеи и стены Азота; и построил города в области Азотской и у Филистимлян… И давали Аммонитяне дань Озии, и дошло имя его до пределов Египта, потому что он был весьма силен. И построил Озия башни в Иерусалиме… и… башни в пустыне, и иссек много водоемов, потому что имел много скота, и на низменности и на равнине, и земледельцев и садовников на горах и на Кармиле… Было у Озии и войско… военной силы триста семь тысяч пятьсот, вступавших в сражение с воинским мужеством, на помощь царю против неприятеля… И сделал он в Иерусалиме искусно придуманные машины… для метания стрел и больших камней. И пронеслось имя его далеко, потому что он дивно оградил себя и сделался силен. Но когда он сделался силен, возгордилось сердце его на погибель его, и он сделался преступником пред Господом Богом своим, ибо вошел в храм Господень, чтобы воскурить фимиам на алтаре кадильном. И пошел за ним Азария священник, и с ним восемьдесят священников Господних, людей отличных, и воспротивились Озии царю и сказали ему: не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников, сынов Аароновых, посвященных для каждения; выйди из святилища, ибо ты поступил беззаконно, и не [будет] тебе это в честь у Господа Бога. И разгневался Озия, – а в руке у него кадильница для каждения; и когда разгневался он на священников, проказа явилась на челе его, пред лицем священников, в доме Господнем, у алтаря кадильного. И взглянул на него Азария первосвященник и все священники; и вот у него проказа на челе его. И понуждали его выйти оттуда, да и сам он спешил удалиться, так как поразил его Господь. И был царь Озим прокаженным до дня смерти своей, и жил в отдельном доме и отлучен был от дома Господня (2 Пар. 26, 3–6, 8-13, 15–21).

Таково было внешнее наказание, посланное Господом Озии за грех тщеславия и честолюбия. Внутренним же неизбежным следствием этого греха является отпадение от Бога и забвение Его.

Дух тщеславия есть «дух разновидный, изменчивый, тонкий» и потому очень опасный.

«Тщеславие, – говорит преподобный Иоанн Лествичник, – радуется о всех добродетелях. Например, тщеславлюсь, когда пощусь; но когда разрешаю пост, чтобы скрыть от людей свое воздержание, опять тщеславлюсь, считая себя мудрым. Побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие одежды; но и в худые одеваясь, также тщеславлюсь. Стану говорить, побеждаюсь тщеславием; замолчу, и опять им же победился. Как ни брось сей троерожник, все один рог станет вверх».

«Всякий человек, который любит себя выказывать, тщеславен. Пост тщеславного остается без награды, и молитва его бесплодна, ибо он и то и другое делает для похвалы человеческой».

«Тщеславие есть… расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища… муравей на гумне, который, хотя мал, однако расхищает всякий труд и плод».

«Тщеславный человек есть идолопоклонник… Он думает, что почитает Бога; но в самом деле угождает не Богу, а людям».

Истинный же христианин должен прежде всего угождать Богу. Его суд и Его заповеди должен иметь всегда в виду, не заботясь о том, что скажет о нем мир, но каждый раз ставя себе единственный вопрос: а угодно ли это в очах Божиих?

Другой, не менее опасный порок, отвлекающий человека от Бога, есть корыстолюбие. Апостол Павел говорит даже, что *корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подверти многим скорбям* (1 Тим. 6, 10).

«Христианин, привязанный к вещественному, – пишет преподобный Ефрем Сирин, – подобен ястребу, летящему с ремнями на ногах; где ни сядет он, тотчас запутается. А не привязанный к вещественному, то же, что путник, всегда готовый в дорогу».

Страсть эта, дошедшая до скупости, положительно ненасытима: сколько бы человек ни приобрел, ему все кажется мало, и забота о земном, о материальном, о наживе постоянно отвлекает его мысль от Неба и от Бога. Маммона, быть может, самый низкий и грубый кумир, перед которым преклоняются люди: он стоит постоянной стеной между человеком и Богом, не допускает дел милосердия и любви к ближнему, вытравливает из души все высшие, благородные чувства, делая ее грубой и бесчеловечной. Нет, кажется, в мире того преступления, которое не было бы совершено ради страсти к богатству.

Об этом кумире Господь прямо говорит: *Не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6, 24), и страшная правда этих слов оправдалась на одном из близких учеников Его, Иуде, предавшем своего Учителя за тридцать сребреников.

В жизнеописании блаженного Андрея, Христа ради юродивого, жившего в X веке в Константинополе, есть следующий рассказ.

Придя однажды на рынок, святой Андрей встретил одного инока, которого все восхваляли за добродетельную жизнь. Правда, он подвизался, как подобает инокам, но был склонен к сребролюбию. Многие из жителей города, исповедуя ему свои грехи, давали ему золото для раздачи нищим. Он никому не давал, а все клал в сумку и радовался, видя, как увеличивается его богатство. И вот блаженный Андрей увидел прозорливыми очами, что вокруг сребролюбца в воздухе написано темными письменами: «Корень всякому беззаконию – змей сребролюбия».

Оглянувшись назад, святой заметил двух спорящих между собою юношей – один из них был черен и имел темные очи. Другой – Божий Ангел был белый, как свет небесный.

Черный говорил:

– Инок – мой, так как он исполняет мою волю. Он немилосерден и не имеет части с Богом, работает на меня, как идолослужитель.

– Нет, он мой, – возражал Ангел, – ибо постится и молится, и притом он кроток и смирен.

Так они препирались, и не было между ними согласия. И был с неба голос к светоносному Ангелу:

– Нет тебе части в том чернеце, оставь его, потому что он не Богу, а маммоне работает.

После сего отступил от него Ангел Господень, и дух тьмы получил власть над ним. Встретив после на улице инока того, святой взял его за правую руку и сказал:

– Раб Божий, без раздражения выслушай меня, раба твоего, и милостиво прими убогие слова мои. Я более не могу переносить, чтобы ты, будучи сперва другом Божиим, стал теперь слугою и другом диавола. Ты был солнцем, но зашел в темную и бедственную ночь. В то время, как другие умирают от голода, холода и жажды, ты веселишься, взирая на обилие злата. Умоляю тебя: раздай имение нищим, сиротам. Постарайся же, дабы тебе вновь быть другом Божиим.

Третий порок, который Господь отмечает в книжниках, это – лицемерие. Лицемерие редко встречается в чистом виде. Лицемерить только для того, чтобы быть лицемером, не имеет смысла. Обыкновенно лицемерие является лишь маской, чтобы прикрыть какой-нибудь внутренний порок, с которым оно чаще всего и связывается. У книжников и фарисеев оно прикрывало их тщеславие и корыстолюбие. Усердно и долго молясь напоказ людям, они, конечно, думали не о том, чтобы угодить Богу, а о том, чтобы люди считали их праведными и благочестивыми. Таким образом, эта маска внешней набожности надевалась с определенной целью обмануть других. *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры*, – обличает их Спаситель, – *что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония* (Мф. 23, 27–28).

Быть может, главная опасность лицемерия заключается в том, что, обманывая других, человек мало-помалу начинает обманывать и себя. Пользуясь уважением людей за свою мнимую святость, видя это преклонение перед своей праведностью, он и сам невольно подчиняется гипнозу общественного мнения, проникается преувеличенным уважением к своей особе, которую так ценят люди, и, в конце концов, свою фальшивую праведность наружного благочестия начинает принимать за подлинную монету, за чистое золото святости. Дойдя до такого состояния, человек становится почти безнадежным для Царства Божия, ибо перестает понимать, что в служении Богу нужна искренность, внутреннее чувство и неподдельная любовь. Привыкнув довольствоваться лишь лицемерной внешностью, он становится уже неспособным к искреннему служению. Таковы были те люди, которые толпились вокруг Господа в то время, как Он со Своими учениками сидел против сокровищницы храма и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. И здесь также перед Ним была картина этого же лицемерия и показного благочестия. Многие богатые клали много, медленно и торжественно развязывая свои кошели, не спеша пересчитывали звенящие сребреники с притворно-небрежным и равнодушным видом, но исподлобья зорко наблюдая, смотрят ли на них окружающие и восторгаются ли их щедростью. Это были достойные ученики своих вождей.

На фоне этого пустого чванства и напыщенного лицемерия книжников и богатых посетителей храма так отрадно рисуется фигура бедной вдовы, искренней, скромной и сердечной в своем усердии к Богу! Робко подошла она к сокровищнице и украдкой, краснея и стыдясь за свой ничтожный дар, положила последние две лепты.

Но как велик был этот дар в очах Божиих!

Подозвав учеников Своих, ***Иисус*** *сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу, ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое* (ст. 43–44).

Так ценит Господь искренность, усердие и любовь.

Для нас в этом великий урок и великое обязательство. Мы часто склонны к отговорке, что ничем не можем служить Богу, ибо не имеем для того ни средств, ни способностей. Одних эта мысль удручает, другие, наоборот, не без удовольствия находят в ней оправдание своей лености и беспечности. Пример бедной вдовы учит нас, что и маленькие жертвы и дела могут быть ценны перед Богом, если делаются с сердечным усердием; а незначительные размеры этих жертв делают их возможными и доступными для каждого. Поэтому ни один человек не может извинять себя тем, что не имеет достаточных средств для служения Богу. Дар может быть небольшим, и в этом нет греха пред Богом. Плохо то, когда в сердце нет усердия и желания сделать что-нибудь для Бога.

«Жизнь, пишет преосвященный Феофан, есть время торга. Продавай что есть, хоть лапти, хоть лыко. Что-нибудь да есть у каждого. Присмотрись к себе и определи: что у тебя есть и что можешь ты приобрести, и действуй неленостно».

«Но я такой маленький человек, – скажет один, – как могу я служить Великому Богу в ничтожестве своем, и что может потребовать от меня Господь?»

Но для Бога нет маленьких, ничтожных людей. Все одинаково дороги Ему, ибо все Его дети. Скромная вдова, бывшая беднее других и ниже по своему положению, сумела в усердии своем принести Богу самый богатый дар.

«Но я могу сделать так мало, – скажет другой, – в моих силах лишь пустячные услуги и мелкие жертвы любви. Что значат для Всемогущего Бога эти мелочи?»

Но в духовной жизни мелочей нет: все важно, ибо и великое слагается здесь из мелочей.

Вот почему христианин должен быть очень внимателен даже к мелочам своего поведения.

К несчастью, этим мелочам жизни мы часто не придаем никакого значения. Мелкие ссоры, легкие насмешки, мимоходом брошенные язвительные словечки – все это кажется таким маловажным. Между тем, как говорит один французский психолог, Литью, «всякий значительный успех объясняется внимательностью к мелочам. Наполеон одерживал свои великие победы только потому, что был необычайно внимателен ко всем мелочам военных приготовлений, не упуская из внимания ничего до последней солдатской пуговицы включительно… Очень многие хватаются с энтузиазмом и увлечением за всякое понравившееся им дело, но не выносят сухой, черновой работы, которая для него требуется. Оттого и гибнут многие таланты без всякого практического результата».

Великое создается из малого, ибо великое есть результат постепенного накопления, и, пренебрегай мелким, никогда не достигнешь великого. Громадные Альпы составлены все-таки из песчинок, и каждый подвиг создается путем накопления предварительных мелких усилий.

Особенно это следует сказать относительно развития воли и нравственного характера. Воля человека развивается не иначе, как путем мелких побед. Вот на вашем пути выросло искушение. Вы не поддались соблазну, напряжением воли подавили дурное желание, победили себя – ваша воля немного укрепилась, стала сильнее, ибо всякое упражнение, связанное с напряжением, сопровождается как в физическом организме, так и в душе человека накоплением сил. Вторая, третья победа укрепят вашу волю еще более… И так постепенно растет сила характера и его устойчивость в добре. Святость есть не что иное, как длинный ряд нравственных побед, бесконечный ряд сверкающих точек, сливающихся для постороннего глаза в непрерывную светящуюся линию, подобно Млечному пути. Взгляните ночью на ясное звездное небо. Вы увидите над собой светящуюся туманность, волнистой полосой

протянувшуюся от горизонта до горизонта. То Млечный путь, который кажется непрерывной огненной рекой. Но вглядитесь внимательно, и вы увидите, что он весь состоит из бесчисленных мириад отдельных маленьких звездочек.

В Филадельфии, на монетном дворе, говорят, есть комната, пол которой покрыт сплошным слоем золота. При обрезке монет мельчайшие пылинки золота падали на пол и с течением времени покрыли его сплошной позолотой.

Так и в человеке: мы часто любуемся нравственной красотой, кротостью, кристальной чистотой его души, но знаем ли мы, чего это стоит и как достигается? Чаще всего, это не природный дар, данный человеку сполна от рождения, а результат бесчисленных усилий и отдельных мелких нравственных побед над собою.

Но, с другой стороны, и отрицательные качества души развиваются также путем многочисленных уступок и нравственных поражений. Каждая такая уступка уже разлагает нравственную энергию воли. Опустите одну каплю болотной грязи в стакан с чистой водой, и вода станет заметно мутною. Яд вреден и в малых дозах, и его следует остерегаться. Скрипичная струна, ослабевшая на секунду, вносит фальшь во всю гармонию концерта. Вот почему и к мелким слабостям и проступкам надо относиться строго и внимательно.

Видали вы, как образуются те ручейки, которые мутными потоками несутся по улицам в ненастный осенний день? Посмотрите на окно: мелкой водяной пылью падает влага осеннего дождя на холодное стекло; из этой пыли набухают, растут крупные капли; они увеличиваются, скатываются вниз, сливаясь с другими и образуя маленькие ручейки; к ним присоединяются другие, новые… и вот уже бегут по водосточным канавам мутно-грязные потоки. Так и в нравственной жизни: мутные потоки страсти и порока образуются из отдельных греховных поступков, повторенных много раз. Часто мелкие грехи дают в сумме большой порок. Берегитесь же мелких грехов!

Берегитесь их особенно потому, что нравственное чувство при этом ослабевает и совесть притупляется. Получается нечто вроде обычной детской истории с новым платьем. Новое платье дети, обыкновенно, очень берегут и заботливо чистят. Но с первым случайным грязным пятном падает всякое чувство уважения к новой вещи. О платье уже не заботятся, не берегут, оно сразу попадает в разряд будничных костюмов и в короткое время покрывается пятнами и заплатами.

То же самое бывает и с душой. Человек иногда долго бережется от греха, но с первым же падением может махнуть рукой на заботливо оберегавшуюся чистоту души и сказать себе: «Не удержался!.. Все равно теперь! Что было, то было. Прошлого не вернешь! Больше не о чем и заботиться: не стоит больше и беречься от грязи!..» И в короткое время чистая одежда души вся покрыта пятнами греха.

Но о каких пятнышках может быть речь? Мы поражены язвами и проказой от головы до пят, как говорит пророк Исайя. Вся одежда у нас в грязи. К чему же беречься?

Не совсем так. Мы лжем, например, но стараемся кому-нибудь (матери, другу) не лгать. Это – наш кусочек, украденный для правды у изолгавшейся души, и этот уголок правды мы заботливо бережем. Но первая уступка, и «загородь» взломана. Волны греха хлынут через брешь, и скоро от уголка правды останется одно грустное воспоминание.

Берегитесь же мелких грехов и нравственных уступок!

Внешние последствия малых грехов, по большей части, незначительны, но влияние их на душу согрешающего весьма пагубно.

Уничижаяй малая по мале упадет, – говорит премудрый сын Сирахов (Сир. 19, 1), то есть *ни во что ставящий малое мало-помалу придет в упадок.* «Не возражай, как может пасть духовный? – пишет прп. Марк в слове „о покаянии“. – Когда он примет в себя что-нибудь малое из области греха и не извергнет этого малого из себя покаянием, то оно, укоснев в нем и развившись, уже не терпит пребывать в одиночестве, но влечет и к иному, срод-

ному себе, насильно, как бы цепью. Если духовный вступает в борьбу с явившимся злом и отразит его молитвою, то останется в своей мере преуспеяния, утратив, однако, отчасти бесстрастие в такой степени, в какой попущено было пристрастие к вкравшемуся злу».

Пылинка, попавшая на глазное яблоко, раздражает его. Так чувствительна бывает и совесть до допущения в нее малых грехов. Но при повторении их совесть становится подобна желудку страуса, который переносит и железо. Совесть можно еще сравнить с озером, которое летом не держало на своей поверхности и мелкого камушка, а, замерзнув, выдерживает и обозы.

Совесть – сторож души, вначале бдительный, чуткий. Но малые грехи залепляют этому сторожу и глаза, и уши. Вот пример потери чувствительности сердца от единичного допущения греха. Алипий, друг Августина, ненавидел кровавое зрелище борьбы гладиаторов. Но раз, по настоянию друга, пошел в амфитеатр. Сначала он не открывал глаз от ужаса и отвращения. Когда зрители захлопали от восторга, он робко проглянул. С этих пор он стал любителем кровавых зрелищ.

С малого начинается большое. От маленькой свечки сгорела Москва. Целый червь губит дуб, от малой щели тонет корабль. От глотка водки, выпитого с отвращением, переходят к пьянству. Редко кто начинает с грубых грехов, потому что против таких грехов возмущается совесть, но она охотно допускает малые. Тля греховная заражает душу постепенно. Пролез маленький вор, отпер двери большому. И болезнь, и пожар нужно уничтожать вначале. «Приучайся побеждать малое, если хочешь победить великое», – учит Иоанн Лествичник.

Когда христианин перед совершением греха успокаивает себя, что это грех – малый, то он усиливает тяжесть греха через это лукавое успокоение. Малые грехи… Но они нас обступают ежечасно, день ото дня, год от году. Имя им легион. Какая же радость погибнуть не от одного Голиафа, а от множества филистимлян? Не велика и не сильна саранча, но она множеством своим приносит бедствие целой стране.

Внимание к мелочам обычно является мерою личности человека. Это своего рода барометр души. Чем выше человек духовно, тем он более чуток к мелочам. Один русский писатель рассказывает о человеке, который, забыв проститься со случайными спутниками, встреченными им на пароходе или в вагоне железной дороги, иногда возвращался за полверсты, чтобы исполнить этот долг вежливости и не обидеть почти незнакомых ему людей. Покойный старец Оптиной пустыни, отец Амвросий, на исповеди плакал навзрыд, сокрушаясь о том, что по физической немощи позволил себе съесть яйцо в среду. Преподобный Макарий Египетский уже в глубокой старости все еще оплакивал свой грех раннего детства, когда он тайком съел найденный им на дороге стручок, оброненный одним из его сверстников-мальчиков.

Наша нечуткость к подобного рода грехам – верный показатель загрязненности души. Чем внимательнее человек к мелочам, тем на более высокой степени нравственного развития он находится. Человек, способный обидеть кого-нибудь в мелочи не заметив, вряд ли обладает сердечностью.

В названии тех или других грехов малыми видится неправильное понятие о праведности, как бы выражающейся в героических подвигах. Праведность не есть героизм, с которым под влиянием минуты жертвуют своей жизнью и совершают подвиги необычайной храбрости. Праведность ежедневно проявляется в малом, хотя иногда доходит до степени героизма. В общем итоге, жизнь праведная, полная упорной борьбы с мелочами, выше крупного подвига или героического поступка. Герой может быть нехорошей жизни человек, а праведник всегда хорош. Героизм часто является результатом нервного возбуждения минутного порыва; праведность – дело нравственного убеждения и упорной, длительной борьбы с собою. Не солгать, не осудить, пожалеть, простить, воздержаться, смириться – вот те малые

дела, в которых ученик Христов должен быть верен. Такова воля Божия. Нарушение этой воли, хотя бы частичное, может ли быть названо малым грехом? Фальшивомонетчик виновен и тогда, когда подделывает мелкую монету. В малом грехе иногда сказывается более преступная воля, чем в большом.

Глава 13

Глава 13, ст. 1-13

Иерусалимский храм, который посещал Иисус Христос, считался в свое время чудом архитектурного искусства, так что раввины иудейского народа даже сложили поговорку, что кто не видал этого храма, тот не знает, что такое красота. Это был уже третий храм в Иерусалиме. Первый, великолепный храм Соломонов, был разрушен до основания халдеями, когда иудеи были отведены в вавилонский плен. Второй, построенный горстью бедных, возвратившихся из плена иудеев под предводительством Зоровавеля, был разобран Иродом, так называемым Великим, и на его месте воздвигнут новый, под сводами этого Иродова храма молился и учил народ Спаситель мира.

В самой мрачной жизни бывают просветы, и таким просветом в злодейной жизни Ирода была попытка увенчать славу своего царствования грандиознейшим предприятием – перестройкой Иерусалимского храма. Различные побуждения склоняли его к этому. С одной стороны, подстрекаемый своим непомерным честолюбием и славолюбием, он стремился придать своей резиденции необыкновенную пышность и блеск постройкой многочисленных прекрасных зданий. Построив для себя великолепный беломраморный дворец греческой дорической архитектуры и несколько величавых крепостей, он пожелал завершить архитектурный блеск своего царствования беспримерным подвигом построения великолепнейшего в мире здания, тем более, что старый храм Зоровавеля, по своему объему бывший гораздо меньше храма Соломонова, был уже слишком убог и жалок для столицы и представлялся слишком ничтожным рядом с пышными, красивыми зданиями, какими блистала старая хасмонейская резиденция времен царствования Ирода. С другой стороны, к этому примешивались и чисто политические соображения, так как этот жестокий, развратный восточный деспот думал, что таким вниманием к народной святыне ему удастся ослабить мрачную ненависть к нему со стороны подданных, против которых он так много погрешил, оскорбляя их религиозное чувство, избивая раввинов, уничтожив синедрион и осквернив святой город языческими играми и театрами.

Для постройки храма прежде всего сделаны были все необходимые приготовления. Так как участие в этом деле языческих рабочих, с точки зрения правоверных иудеев, было бы осквернением будущего святилища, Ирод подготовил для работы тысячу священников и десять тысяч иудейских ремесленников в специальных ремесленных заведениях, и после того, как подпольные и дворцовые внешние сооружения были готовы и все материалы из тесаного камня и обделанных брусьев были припасены, священники, облачившись в священнические одежды, приступили к разборке старого храма, и через восемь лет настойчивого труда старый храм был благополучно разобран. Полтора года потребовалось на постройку нового святилища и еще восемь лет на сооружение главных дворов и портиков. К 14-му году до Р.Х. новое здание было уже настолько закончено, что в нем можно было совершать богослужение. Хотя дополнительные и отделочные работы продолжались еще несколько десятков лет, но уже ко времени Спасителя вновь воздвигнутое здание поражало своим великолепием. Здесь было, кажется, все, чего требовала прихотливая роскошь и что изобрела архитектурная фантазия Востока. Здесь были ворота, обложенные золотом и серебром; ворота из дорогой коринфской бронзы, еще более драгоценные; грациозные, украшенные башнями портики, вымощенные цветным мрамором; двойные переходы с великолепными колоннами, богато орнаментированные, украшенные арабесками и скульптурой; в царском

притворе тянулись четыре ряда коринфских колонн в 27 футов вышиной, настолько толстых, что только три человека могли обхватить их растянутыми руками; двери, ведущие в святилище, были позолочены и покрыты вавилонскими пурпуровыми коврами, шитыми золотыми цветами, и над этими дверями была великолепная золотая лоза с колоссальными кистями величиною в рост человека, возбуждавшая у всех безграничный восторг и служившая символом Израиля; стены, украшенные роскошной мозаикой, были сложены из громадных полированных камней сорока локтей в длину и десяти в высоту, говоривших о трудолюбии и благотворительности целых поколений. Центральное здание, где устроены были святилище и Святая Святых, охотно сравнивалось раввинами, по его виду, с лежащим львом: оно с своею мраморной белизной и золотыми крышами, унизанными острыми шпицами, чтоб не давать садиться птицам, выглядело подобно красивой горе, снежная вершина которой золотилась солнцем.

Назначение и расположение дворов и святилища были установлены Законом Моисеевым. Во дворе священников было так называемое медное море для омовения, в середине был огромный жертвенник, сделанный из неполированных камней. На северной стороне находились мраморные столы для мяса жертвенных животных. В святилище стояли стол для хлебов предложения, жертвенник кадильный и семисвечный светильник – весь из литого золота. Святая Святых было пусто: там, где некогда стоял ковчег Завета, находился камень, на который первосвященник полагал свою кадильницу в день очищения. Он назывался «камнем основания» и считался «пупом земли».

Ввиду описанного великолепия неудивительно, что иудеи необычайно гордились своим храмом. Действительно, это было величественное здание с перемежающимися массами красного и белого пентеликинского мрамора, которые раввины сравнивали с переливами морских волн. Сверкая в знойный полдень своими золотыми шпицами, украшенный дорогими камнями и приношениями, храм поистине составлял гордость всей земли, и раввины не без основания говорили: «Мир подобен глазу; белок его есть океан; черная его часть есть земля; зрачок – это Иерусалим, а изображение внутри зрачка – святилище». Для них этот храм был обиталищем Невидимого.

Когда Господь вместе с учениками покидал в последний раз этот храм, мысли апостолов все еще витали с любовью и гордостью близ своей национальной святыни и достопамятного места. Они остановились, чтобы бросить на храм последний и продолжительный взгляд, и один из них пожелал обратить внимание Спасителя на красоту здания.

Учитель! – сказал он. – *Посмотри, какие камни и какие здания!*

Вполне понятен тот восторг, с каким благочестивые иудеи, в том числе и апостолы, смотрели на свою святыню.

Но Иисус Христос скорбел. Он не разделял восторженности Своих учеников. Никогда, ни единым словом Он не высказал Своего одобрения по поводу драгоценного материала, из которого построен был храм, или по поводу тех сокровищ и приношений, которые стекались в него. Он ежедневно учил в храме, когда находился в Иерусалиме; в пределах его Он произнес некоторые из самых торжественных и дышащих глубокою любовью речей, так что даже и враждебные Ему агенты синедриона должны были сознаться, что *никогда человек не говорил так, как Этот Человек* (Ин. 7, 46); в храме, под влиянием окружающей обстановки, Он рассказал некоторые из Своих наиболее поразительных притчей; здесь же Его испытующие слова вызвали краску стыда даже на медных лбах тех, которые привлекли к Нему на суд бедную грешницу, взятую в прелюбодеянии; в маккавейский праздник обновления храма Он ходил среди великолепной колоннады, известной под названием «притвора Соломонова»; во время торжеств по случаю праздника кущей золотой светильник послужил для Него поводом произнести знаменитую беседу, начинающуюся словами: *Я свет миру,* а торжественный обряд черпания воды в золотой умывальник из пруда Силоамского вызвал Его

на сравнение Себя с живой водой. Одним словом, многие часы Его жизни и деятельности были связаны с Иерусалимским храмом. Он пользовался им для Своих целей, но никогда не увлекался внешним блеском этого здания. Красою храма Он считал только искренность его богомольцев, и ни золото, ни мрамор, ни блестящие краски, ни искусная резьба на кедровом дереве, ни тонкая отделка скульптурных изображений и никакие драгоценные камни не могли для Него сделать вертеп разбойников домом молитвы. Храм уже был запятнан торгашеством и преступлениями иудейских священников. Вот почему в ответ на восторженное удивление учеников Господь произнес кратко и почти сурово: *видишь сии великие здания? все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне.*

Это был грозный, окончательный приговор, исполнившийся с ужасающей точностью. От действительного храма, какой видел Христос и в котором учил Он, теперь остались лишь стены большой платформы да обломки «хела», или средостения, с сохранившеюся надписью, которая под страхом смерти запрещала вход язычникам и которую Господь, наверное, неоднократно читал Своими Собственными очами.

Скорбно и безмолвно, с печальными мыслями в сердце небольшая группа отошла от священного здания, стоявшего как олицетворение еврейской истории со дней Соломона. Они перешли через долину Кедронскую и пошли по крутой тропинке, которая ведет через гору Елеонскую к Вифании. На вершине горы путники остановились, и Иисус Христос сел, чтобы отдохнуть, может быть, под зелеными ветвями великолепных кедровых деревьев, украшавших тогда гору. Тут все служило для возбуждения высоких мыслей. Далеко внизу находился святой город, давно сделавшийся прелюбодейным, и теперь, в последний день служения Спасителя, не узнавший времени своего посещения. На противоположной стороне широкое плато увенчивалось мраморными колоннадами и блестящими крышами храма. Обратившись к востоку, Господь мог видеть бедные, обнаженные горы пустыни Иудейской до пурпуровой линии Моавских гор, сияющих в солнечном закате подобно цепи драгоценных камней. В глубоких высохших ложбинах, точно пятна темного кобальта, виднелись таинственные воды Соленого озера. Таким образом, когда Господь смотрел с вершины горы, со всех сторон были видны знамения гнева Божия и греха человека. На одной стороне было мрачное озеро, страшные и смолистые воды которого были постоянным свидетельством лишения Божия за чувственный грех; у ног Спасителя был преступный город, проливший кровь стольких пророков и осужденный за свою страшную злобу на еще более тяжкое возмездие.

Смотря на этот город, апостолы невольно припоминали только что сказанные слова Господа о его печальной судьбе. Они не могли отделаться от тягостного впечатления, вызванного этими словами, и невольная тревога выразилась в вопросе Его любимых учеников: *скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда все сие должно совершиться?*

Это «когда» осталось без ответа до настоящего времени. Когда Спасителю предлагали сторонний, неуместный вопрос, Он не порицал любопытства вопрошавших, но, не отвечая прямо на вопрос и тем давая понять его неуместность, Он заменял ответ каким-нибудь великим нравственным наставлением, имеющим с ним связь. Сообразно с этим вопрос, предложенный апостолами, вызвал большую эсхатологическую речь, или рассуждение о последних днях, где даны были четыре нравственных правила: «берегитесь», «бодрствуйте», «терпите» и «молитесь».

В этой ответной речи Господа можно различать ясно две главные темы: одна – о ближайшей судьбе Иерусалима и Иудеи, другая – о последней кончине мира. Иногда эти пророчества сливаются, так что в некоторых местах трудно бывает решить, о чем, собственно, идет речь. Но как бы то ни было, следя за дальнейшей историей Иерусалима, мы видим, что события, о которых Господь говорит то прямо, то намеками, с необычайной точностью подтвердили эти пророчества.

Посмотрим, как исполнились эти пророчества, прежде всего, на ближайшей судьбе Иерусалима и Иерусалимского храма.

Храм был вполне закончен в 64 году от Р. Х., и богослужение в нем сделалось еще более пышным вследствие данного Иродом Агриппой позволения левитам и певцам носить белые одежды. Но это было непродолжительное торжество. 10 августа 70 года, то есть не более чем через шесть лет, храм со всем своим блеском, делавшим его в глазах раввинов «радостью всей земли», разрушен был до основания. Он превращен был в пепел пламенем, которое иногда почти погасало от потоков крови его избиваемых защитников.

Еще задолго до разрушения храма целый ряд необыкновенных явлений предвещал грозную катастрофу. Комета, наподобие огненного меча, в течение года висела над Иерусалимом. В праздник Пасхи внезапно какой-то сверхъестественный свет наполнил храм в полуночное время. Тяжелые двери храма, которые обыкновенно отворяли двадцать человек, вдруг открылись сами собой, и слышны были громкие таинственные голоса: «Уйдем отсюда!» В городе во время солнечного заката с ужасом видели каких-то воинов, сражавшихся на небе, и как будто стены города были окружаемы колесницами и огненными конями, нападавшими друг на друга в яростной битве. В течение нескольких лет по городу разносился голос некоего Иисуса, сына Анании, который, несмотря на все побои, достававшиеся ему от иудеев и римлян, постоянно кричал по улицам: «Горе, горе Иерусалиму!» Впервые этот крик раздался в храме. Полусумасшедший еврей то и дело восклицал: «Голос от востока! Голос от запада! Голос от четырех ветров! Голос против Иерусалима и храма! Голос против жениха и невесты! Голос против всего народа!» После этого он не говорил больше ни с кем, а только постоянно повторял глухим замогильным голосом: «Горе, горе Иерусалиму!» – и это продолжалось до самой осады, когда воскликнув: «Горе, горе и мне!» – он упал, убитый камнем, пущенным из римской баллисты.

В 66 году началась Иудейская война. Выведенные из терпения притеснениями и несправедливостями римских прокураторов, иудеи подняли восстание против римского гнета. Самая фанатичная партия иудейских националистов, так называемые зилоты, овладели крепостью Масадой, избили римский гарнизон и первые подали сигнал к открытому мятежу. К ним присоединился Манаим, сын Иуды Галилейского, осадил Иродов дворец, бывший в то время Преторией прокуратора, и умертвил первосвященника и его брата, которые спрятались там. Восстание быстро разгоралось, поскольку префект Цестий, командовавший римскими войсками, оказался неспособным полководцем и действовал чрезвычайно нерешительно, с необычайной медлительностью. Вследствие этого он терпел поражение за поражением, и наконец его поход против восставших иудеев закончился полным разгромом. Тогда римский император Нерон, встревоженный этими событиями, для подавления опасного возмущения отправил одного из лучших своих полководцев – Веспасиана. Дела приняли другой оборот. Карательная экспедиция Веспасиана началась усмирением Галилеи. Защита Галилеи, осада Иотапаты, Тарихеи, Гамалы и других городов, ужасные битвы и побоища, сделавшие Геннисаретское озеро багровым от крови и наводнившие улицы городов целыми потоками крови, – все это картинно описано иудейским историком Иосифом Флавием, лично принимавшим участие во всех этих событиях.

Покорив Галилею и Пирею, Веспасиан повел наступление на Иудею, и в первых же битвах многие тысячи иудеев были избиты. Иордан и Мертвое море были переполнены трупами убитых. В 69 году Веспасиан был избран императором и немедленно отправился в Рим, оставив в Палестине своего храброго сына Тита для довершения завоевания Иудеи.

Между тем в Иерусалиме происходили страшные беспорядки. Злополучный город раздираем был борьбой партий зилотов, идумеян, сикариев и всевозможных ожесточенных фанатиков. Народ постоянно видел перед собой сцены невообразимого ужаса и богохульства. Трупы валялись непогребенными на улицах. Самый храм постоянно осквернялся побо-

ищами и кровопролитиями. Первосвященник Анания был умерщвлен, и все Законы Божии и человеческие дерзко нарушались. Три главные партии с ожесточением боролись между собою за обладание городом. Во-первых, в Иерусалим успел проникнуть некий Иоанн Гисхальский, прославившийся в качестве неустрашимого вождя при защите Галилеи и образовавший свою фанатичную партию. Его соперником выступил партизанский военачальник Симон-бар-Гиора, а вскоре затем явился и третий претендент, некто Елеазар, отделившийся от Иоанна и укрепившийся во внутреннем храме. Во время этих междоусобиц многие улицы города били сожжены и большие запасы провизии безумно или нечаянно уничтожены. А между тем город был переполнен богомольцами по случаю праздника Пасхи, когда в 70 году Тит начал осаду Иерусалима. Только небольшая горсточка христиан, предупрежденная Спасителем, видя признаки надвигающейся катастрофы, успела уйти в городок Пеллу, расположенный в горах восточной пустыни, где и пробыла все время осады.

Трудно описать все ужасы осады, все, что делалось в несчастном городе, над которым как будто повисло Божие проклятие.

Несмотря на свои междоусобные распри, иудеи отбивали приступы римлян с яростной стремительностью и неукротимой храбростью, и с обеих сторон совершались геройские поступки. Но судьба города уже была предрешена. Когда Тит овладел внешнею стеною, иудеи, устрашенные огромными катапультами, баллистами и подвижными башнями римлян, удалились за внутреннюю стену, но внутреннюю стену можно было отстаивать только с трудом и большой опасностью. Скоро была взята и она, и римляне осадили башню Антония.

Многие иудеи, прихватив бывшие при них деньги, бежали из города, но только затем, чтобы попасть в руки подстерегавших их разбойников, которые обирали их догола. В городе наступил страшный голод. Дома разрушали и грабили. Богачей предавали смерти на основании ложных обвинений, которыми пользовались как предлогом для грабежа. Богатые женщины высших классов, как, например, дочь богача Ниндимона, получившая некогда громадное приданое, миллион золотых динариев, теперь бродили по улицам, выбирая зерна из помета для своего пропитания. Друзья ожесточенно дрались друг с другом за траву, за крапиву и за остатки истощившихся припасов. По улицам бегали окровавленные зилоты с разинутыми от голода ртами, спотыкаясь и трясясь «подобно бешеным собакам», как говорит Флавий. Граждан подвергали пыткам с целью вынудить у них признание, где спрятана пища. Детей безжалостно убивали головой об стену и пожирали еще не остывшие трупы. Людоедство развивалось в ужасающих размерах. Даже матери резали и поедали своих малюток. Воины иудейские были так ослаблены голодом, что почти не имели сил сражаться и с трудом пробирались к стенам по грудам гниющих трупов. Тела убитых валялись повсюду; их перестали погребать, и долины были завалены трупами. Даже суровый Тит при взятии города не мог удержаться от слез при виде этих ужасных сцен гибели и разрушения. Таких ужасов не слыхано было от начала мира.

Башня Антония была наконец взята и разрушена, и римляне пошли приступом на храм, причем Иоанн Гисхальский, ободряя своих фанатиков обещанием, что дом Божий и город будут спасены чудом, презрительно отверг делавшиеся ему Титом предложения сдаться на сравнительно снисходительных условиях. После этого взят был и внешний двор храма, и пристройки его сожжены. Тит искренно желал спасти храм как великолепное украшение для Римской империи, но один из его воинов в пылу сражения бросил головню в окно, и все здание вскоре было объято пламенем. Напрасно Тит всячески побуждал солдат постараться потушить огонь, пожар разгорелся, и скоро храм представлял собой громадный пылающий костер. Иудеи сражались с безумною яростью и отчаянием. По мраморному полу храма текли потоки крови, шипя в пламени и местами заливая огонь. Последние оставшиеся в живых священники, собравшиеся на верхней площадке храма, с воплем отчаяния бросили к

небу, возвращая Иегове, ключи храма, которых они оказались недостойны, и сами ринулись в пламя.

Так погиб великолепный Иерусалимский храм, которым с заслуженной гордостью любовались апостолы; погиб во исполнение пророчества Спасителя, и не осталось от него камня на камня.

Но ужасы осады этим еще не кончились. Нижний город был взят, ограблен и предан огню и мечу. Затем пал и верхний город. Пленных было так много, что массы иудеев были проданы в рабство за гроши; многие были отпущены, потому что не было на них покупателей; тысячи были распяты – не хватало крестов. Дома были завалены грудами мертвых тел; подземные подвалы переполнены беглецами, искавшими там убежища. Вожди восстания были взяты вместе со всеми самыми красивыми мальчиками, предназначенными украшать собой триумф победителя в Риме. Другие отправлены были на египетские рудники. Тысяча двести человек умерли в один день – частью от недостатка пищи, частью потому, что сами отказывались принимать ее. Во время войны две тысячи семьсот человек были взяты в плен, всего погибло около миллиона иудеев. Множество пленников были брошены диким зверям в римских амфитеатрах или вынуждены были зарубить друг друга в гладиаторских битвах. Когда Иерусалим пал, Иудея сделалась римской провинцией. Некоторые крепости еще держались, дольше всех – Иродиал, Махер и Масада, которые иудеи защищали с отчаянной храбростью. Падение Масады было невыразимо трагическим. Когда защита ее сделалась наконец невозможной, сикарии, составлявшие ее гарнизон, собственноручно избили своих жен и детей и затем пали на мечи друг друга, и последний из оставшихся в живых сам вонзил себе меч в сердце. Римские воины, ворвавшиеся в крепость, нашли в ней безмолвие смерти, а на земле лежали горы трупов. Падением Масады (в апреле 73 года) закончилась Иудейская война.

Так совершился страшный суд Божий, заслуженно постигший народ, который своими беззакониями, жестоковыйностью и ложью, закончившимися страшным преступлением богоубийства, только позорил заключенный с ним Богом завет. Страшно было чувствовать то, что чувствовали некоторые пережившие это разрушение очевидцы его, именно, что падение города заслужено было поколением людей, бывших причиной его несчастий, и что ни один город не терпел никогда таких бедствий и ни один век со времени сотворения мира не производил поколений более порочных, чем те, которые были в Иерусалиме. Даже язычники признавали перст Божий в страшной судьбе, постигшей Иудею. Когда Тит вслед за своими победоносными воинами вошел в город и увидел его непреступные твердыни, заваленные горами мертвых тел, он поднял к Небу руки в священном ужасе и клялся, что не своею силою он победил, но что он был лишь орудием Небесного гнева, и отказался от предложенного ему почетного титула «Иудейского».

Какие выводы мы можем сделать из сказанного?

Несомненно, что в ужасной катастрофе, постигшей Иудею, мы не можем не видеть правосудия Божия, грозного наказания порочного народа, лишения за грех. Но несомненно также, что и на судьбу каждого народа действуют те же законы Божией правды, и если мы порой видим нечестивое общество, развращенный народ, пользующийся сравнительным спокойствием и не испытывающий на себе немедленных и непосредственных ударов гнева Божия, то это вовсе не значит, что он изъят из действия законов правосудия; в этом проявляется лишь долготерпение Божие, ибо *Господь... долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию* (2 Пет. 3, 9).

Надо ли говорить о том, что этот урок наказания целого народа за его грех, за его порочность и распущенность постоянно должен быть перед нашими глазами, чтобы и нам не потерпеть того же. Необходимо помнить, что меч правосудия Божия всегда висит над нами и может опуститься на нашу голову в любой момент, как только мера беззаконий наших

исполнится; и если гром Небесного гнева грянет над нашей страной и над нашим народом, то мы должны знать, что ответственность за это лежит на каждом из нас, поскольку в той массе зла, которая вызовет катастрофу, есть и наши личные грехи. Поэтому не счеты сводить друг с другом должны мы в упреках и взаимных обвинениях, а искать спасения в покаянии и сокрушении о грехах, дабы отвратить гнев Божий, на ны движимый.

От печальной судьбы Израиля всегда полезно перенести взор на самих себя и спросить: «А мы в каком положении? Не грозит ли и нам такая же судьба?»

Если же некоторые из ветвей отломились, – говорит апостол Павел, разумея под ветвями иудеев, – *а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносись перед ветвями… Скажешь: «ветви отломились, чтобы мне привиться». Хорошо. Они отломились неверием, а ты держишься верою: не гордись, но бойся. Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя. Итак видишь благость и строгость Божию: строгость к отпадшим, а благость к тебе, если пребудешь в благости Божией; иначе и ты будешь отсечен* (Рим. 11, 17–22).

Глава 13, ст. 14-37

Продолжая речь о последних днях и гибели Иерусалима, Господь дает несколько пророчеств, которые в своем буквальном значении, по-видимому, не могут быть отнесены непосредственно к судьбам Палестины и иудейского народа. Таковы особенно стихи 24–27 данного отрывка 13-й главы Евангелия от Марка, где говорится о необыкновенных знамениях на небе, о пришествии Спасителя, Сына Человеческого и об Ангелах, которые соберут избранников Его от края земли до края неба.

В те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою. И тогда Он пошлет Ангелов Своих и соберет избранных Своих от четырех ветров, от края земли до края неба.

Так как в истории падения Иерусалима мы не находим событий, которые представляли бы несомненное осуществление этого пророчества, и явление Сына Человеческого в свое время не последовало, то большинство толковников относят эти слова не к разрушению Иерусалима, но ко времени кончины мира и Страшного Суда. В пророческих словах Господа судьбы погибшей Палестины и еврейского народа переплетаются, таким образом, с будущей конечной судьбой всего мира, причем связь эта является настолько тесной, что пророчество, касающееся Иерусалима, может быть отнесено иногда даже буквально к последним дням вселенной. Возможность таких совпадений объясняется тем, что во всех катастрофах жизни – больших и малых, местных и всемирных – действуют одни и те же законы общественного разложения, ослабления религиозной веры и нравственного упадка. В силу одних и тех же причин и формы этих катастроф, этапы их развития и сопутствующие им явления – приблизительно одни и те же, с той лишь существенной разницей, что в катастрофах местных и частных разрушительные силы действуют сравнительно с меньшим направлением и не доходят до последней точки, то есть до окончательной гибели всего существующего. Вот почему история падения Иерусалима имеет характерное сходство с последними главами всемирной истории и может служить прообразом, или, как теперь говорят, прототипом гибели вселенной, и вот почему в картинах ближайших событий конца еврейского царства Спаситель мог указать Своим ученикам черты последней великой катастрофы конца мира и Страшного Суда.

Соединяя в Своих пророчествах два события – падение Иерусалима и Страшный Суд, – Господь, может быть, хотел дать Своим ученикам, а через них и всем Своим последователям, несомненное уверение в действительности последнего события. В самом деле, если

все Его предсказания относительно судьбы Иерусалима исполнились с буквальной точностью, то не должны ли мы отсюда логически сделать заключение, что и вторая половина Его пророчества, касающаяся конечной судьбы мира, исполнится с такой же поразительной точностью? Для сомнений не может быть в данном случае никаких оснований, и только наше удивительное легкомыслие, пристрастие к земной жизни и скрытая боязнь омрачить беззаботную увлекательную суету земного существования мрачными призраками грядущей расплаты заставляют нас не думать о грозном будущем или оспаривать самый факт Страшного Суда с отчаянным, но бесплодным усилием.

А между тем, в общем ходе духовной жизни мысль о Страшном Суде и загробном мздовоздаянии имеет большое нравственное значение, особенно на первых ее ступенях, когда в человеческом сердце еще не развилась любовь к Богу, а в уме нет ясного понимания правильности духовной жизни и безусловной неизбежности ее законов. На этой ступени, когда человек еще духовно неразвит, мысль о наказании за грех является самым ответственным, а иногда единственным мотивом, который дает ему силу преодолеть искушение.

Об этом хорошо говорит святитель Иоанн Златоуст: «Возлюбленные, будем избегать порока и избирать добродетель, дабы нам не посрамиться в день откровения дел. *Всем бо явитися нам подобает пред судищем Христовым*, – говорит апостол Павел, – *да приимет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10). Будем же, увещеваю вас, иметь в уме это судилище и представим, что оно теперь существует, что Судия сидит и все открывается и выставляется на вид. Ибо нам нужно будет не только предстать, но и открыться. Неужели вы не смущаетесь? Неужели не трепещете? Не решаемся ли мы лучше умереть, нежели открыть перед почтенными друзьями наше тайное преступление? Как же будем чувствовать себя тогда, когда грехи наши откроются перед всеми Ангелами и всеми людьми и предстанут перед нашими глазами.

Обличу тя, – говорит Господь, – *и представлю предлицем твоим грехи твоя* (Пс. 49, 21).

Будем же, увещеваю вас, внимать и вразумляться. Если ты будешь иметь огонь порочного пожелания, – представь огонь тамошнего мучения, и твой огонь погаснет. Если ты захочешь сказать что-нибудь непристойное, представь скрежет зубов, и страх послужит для тебя уздою. Если ты пожелаешь похитить что-нибудь чужое, припомни слова Судии: *связавше емуруце и нозе… вверзите во тьму кромешнюю* (Мф. 22, 13), и ты оставишь свое намерение. Если ты жесток и немилостив, – вспомни тех дев, у которых погасли светильники от недостатка елея, отчего они и лишились брачного чертога, и ты скоро будешь человеколюбивым. Если у тебя будет желание упиваться и роскошествовать – послушай богача, который говорил: *поели Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и остудит язык мой* и не получил желаемого (Лк. 16, 24), – и тотчас же оставишь свою страсть. И все другие страсти ты можешь укротить таким образом».

Так нередко поступали святые подвижники, когда искушение оказывалось настолько сильным, что ни молитва, ни напряжение воли не могли преодолеть соблазна и потушить пламень страсти. В подобном случае мысль о Страшном Суде и о вечных муках являлась для них самою надежною опорою и лучшим способом борьбы. В Прологе есть рассказ о некоем старце, который в искушении блудной похоти сжег в одну ночь все свои пальцы на свече, чтобы таким образом напомнить себе об огне вечного мучения.

«Второе пришествие Господа на землю для суда над нею, – продолжает святитель Иоанн Златоуст, – будет внезапное и неожиданное. День тот *как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному* (Лк. 21, 35). Но страшно будет это пришествие! Целый ряд необычайных грозных знамений предшествует ему. *Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются* (Мк. 13, 24–25); а евангелист Лука добавляет: *будет на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возму-*

тится; люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную (Лк. 21, 25–26). Будут *знамения на небе и на земле,* – предсказывает пророк Иоиль, – *кровь и огонь и столпы дыма. Солнце превратится во тьму и луна – в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный* (Иоил. 2, 30–31). *Вот, приходит день Господа лютый,* – читаем у пророка Исаии, – *с гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее. Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим* (Исх. 13, 9-10)».

«Когда исполнятся все соблазны всей земли, говорит святитель Ефрем Сирин, – приидет, наконец, по сказанному, Господь, подобно молнии блещущей с неба, приидет святый, пречистый, страшный и славный Бог наш с несравненною славою, в предшествии Его славе чинов ангельских и архангельских, все же они – пламень огненный, и река в страшном клокотании полная огня, Херувимы, с поникшими долу очами, и Серафимы летающие и закрывающие лица и ноги крылами огненными и с трепетом взывающие: „возстаньте почившие, се пришел Жених!"»

По словам святителя Иоанна Златоуста, последним, самым решительным знамением перед приходом Спасителя будет огненный звездный крест на небе.

Самый суд в пророчестве Ветхого Завета изображается таким образом.

У пророка Даниила: *Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы его – как чистая волна; престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги* (Дан. 7, 9-10).

Пусть воспрянут народы, – восклицает пророк Иоиль, – *и низойдут в долину Иосафата; ибо там Я воссяду, чтобы судить все народы отовсюду. Пустите в дело серпы, ибо жатва созрела; идите, спуститесь, ибо точило полно и подточилия переливаются, потому что злоба их велика. Толпы, толпы в долине суда, ибо близок день Господень к долине суда!* (Иоил. 3, 12–14).

Наступает время, – говорит Сам Господь Спаситель, – *в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившее добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения* (Ин. 5, 28–29).

Эту мысль о воскресении мертвых в день Страшного Суда развивает подробнее апостол Павел: *Говорю вам тайну: не веемы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие* (1 Кор. 15, 51–53). *«Се, идет Господь,* – читаем в Послании апостола Иуды, – *со тьмами святых Ангелов Своих – сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах, которые произвело их нечестие, и во всех жестоких словах, которые произносили на Него нечестивые грешники»* (Иуд. 1, 14–15).

Таким образом, от каждого человека потребуется отчет, не только в делах, но и в словах, и даже в мыслях. *Говорю же вам,* – предупреждает Господь, – *что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 36–37).

Господь… осветит скрытое во мраке, – пишет апостол Павел, – *и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога* (1 Кор. 4, 5). Таким образом, перед судом Божиим открыт будет весь человек с его мыслями и чувствами, с его деяниями и страстями, с его достоинствами и пороками, словом, всем тем, что он воспитал и развил в душе своей, в течение земной жизни. Все в человеке будет взвешено и по справедливости оценено, *яже с телом содела, или блага, или зла.* Вся прожитая жизнь с ее преступлениями и ошибками, с ее неудачами и нравственными успехами встанет ярко и четко прежде всего

перед самим человеком, и увидит он и различит в ней сам, что было хорошего и чистого, и что было темного и греховного. Возможно ли это?

Несомненно. Еще здесь, в условиях земного существования, в минуты предсмертной агонии иногда проносится перед человеком вся его прошлая жизнь с мельчайшими подробностями. Самые отдаленные моменты, самые незначительные события, все, что казалось невозвратно исчезнувшим в прошлом и стертым со скрижалей памяти, оказывается, хранится в области подсознания и в минуты высшего душевного напряжения, вызванного ожиданием надвигающейся смерти, неожиданно всплывает на поверхность сознания с удивительной отчетливостью.

Вот интересный рассказ известного английского адмирала Бьюфорта, который в молодости опрокинулся с лодкой в море и пошел ко дну, не умея плавать. Описывая обстоятельства, при которых это совершилось, он говорит: «От того момента, как прекратилось во мне всякое движение (что было, полагаю, следствием совершенного удушения), тихое ощущение совершенного спокойствия сменило собою все прежние мятежные ощущения. Чувства мои были притуплены, но с духом произошло нечто совсем противоположное. Деятельность духа оживилась в мере, превышающей всякое описание; мысли стали возникать за мыслями с такой быстротою, которую не только описать, но и постигнуть не может никто, если сам не испытал подобного состояния. Течение этих мыслей я могу и теперь в значительной мере проследить, начиная с самого события, только что случившегося, – неловкость, бывшая его причиной, смятение, которое от него произошло (я видел, как двое вслед за мною спрыгнули с борта), действие, которое оно должно было произвести на моего нежного отца, объявление ужасной вести всему семейству – тысяча других обстоятельств, тесно связанных с домашней моей жизнью: вот из чего состоял первый ряд мыслей. Затем круг этих мыслей стал расширяться дальше: явилось последнее наше плавание, первое плавание со случившимся крушением, школьная моя жизнь, мои успехи, все ошибки, глупости, шалости, все мелкие приключения и затеи того времени. И так дальше и дальше назад, всякий случай прошедшей моей жизни проходил в моем воспоминании в поступательно-обратном порядке, и не в общем очертании, как показано здесь, но живою картиною во всех мельчайших чертах и подробностях. Словом сказать, – вся история моего бытия проходила предо мною, точно в панораме, и каждое в ней со мною событие соединялось с сознанием правды или неправды; удивительно – даже самые мелкие, ничтожные факты, давным-давно позабытые, все почти воскресли в моем воображении и притом так знакомо и живо, как будто бы недавно случились».

Этот замечательный, глубоко поучительный, признаваемый за вполне достоверный рассказ вполне совпадает с известным поверьем или воззрением народным о том, что перед умирающим проносится вся его жизнь.

Вполне возможно, что приблизительно такое же состояние переживут и все люди в момент последнего грозного Суда.

Со страшной силой и отчетливостью пройдет перед человеком вся его земная жизнь, не только перед ним, но и перед всеми открыты будут его дела, слова и мысли, и, как неизбежный вывод из всего этого, определится его вечная участь. Картина не только его грехов и нравственных деяний, но и сокровенных побуждений, тайных мыслей и чувств будет настолько яркой и точной, что защита, укрывательство, лукавые увертки будут невозможны даже перед собственным эгоистическим сознанием, склонным все оправдывать и находить смягчающие обстоятельства. Человек должен будет сам признать абсолютную справедливость суда, как неумолимый математический вывод из слагаемых жизни. *Все, что делаете,* – говорит апостол Павел в Послании к Колоссянам, *делайте от души, как для Господа, а не для человеков, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Гос-*

поду Христу. А кто неправо поступит, тот получит по сваей неправде, у Него нет лицеприятия (Кол. 3, 23–25).

Суд Божий справедлив – у Бога нет лицеприятия и сами осужденные должны будут признать это, когда ясно увидят, что наказание представляет неизбежное следствие греха подобно тому, как истощение организма является следствием распутной жизни.

Иногда люди, не живущие религиозной жизнью, но рассуждающие о религии лишь теоретически, говорят, что вечное наказание за порочную жизнь не согласно с благостию Божией, и в этом смысле является несправедливым. В этом возражении кроется явное недоразумение и непонимание законов духовной жизни. Те страдания, которые терпят грешники, являются не только наказанием в собственном смысле слова, налагаемым какою-то внешнею силою, подобно тому, как это бывает в человеческих судах, где наказание вовсе не вытекает логически из преступления, а есть не что иное, как мера устрашения, придуманная составителями уголовного кодекса. Наказание вечного суда в главной основе своей суть следствие греха, и потому о несправедливости здесь не может быть и речи, тем более о несправедливости Предвечного Судии. Поясним это примером.

Допустим, вы живете грязно, неряшливо и совсем забыли об умывании и полотенце. В результате у вас развилась чесотка. Кто виноват в этом и кого вы будете упрекать в несправедливости?

Вы самовольно приняли яд и испытываете страшные муки. Разве можно говорить здесь о несправедливости?

Вы схватили голой рукой горящие уголья и обожглись. Ожог здесь неизбежное следствие неразумного поступка, и вам некого винить, как только себя.

Точно так же и в духовной жизни. Грех и порок неизбежно влекут за собой разрушительные следствия, причиняющие страдания, которые и составляют прежде всего наказание грешника. Следствия эти различны, но все чрезвычайно тяжелы и мучительны. Винить кого бы то ни было за эти страдания и признавать их несправедливыми совершенно невозможно, так как грех со всеми его последствиями есть дело свободной воли человека и вина злоупотребления этой свободой лежит на самом человеке.

Первым и самым тяжелым следствием порока является отлучение от Бога и лишение Божией благодати. *Бог свет есть, и тмы в Нем несть ни единыя* (1 Ин. 1, 5). Поэтому грешник не может быть в общении с Богом, ибо *кое общение свету ко тме* (2 Кор. 6, 15). Это смерть духовная, влекущая за собою полное расстройство душевных сил и способностей. Начало гармонии и единства жизни – Бог, содержащий все, благостию Своею и силою Своею. В отдалении от Бога сейчас же начинается разложение и дисгармония. В духовной жизни это особенно ощутительно. Только «Святым Духом всяка душа живится». Без этого неизбежная смерть, распад, гибель.

Если одно из обязательных условий человеческого счастья – гармония душевных способностей и стройная цельность душевной деятельности, ибо в этом и внутренний мир, и сила, и покой, – то ясно, что всякая дисгармония и расстройство души должно ощущаться нами как страдание. И чем полнее это расстройство, тем мучительнее страдание.

В обычных условиях жизни мы почти не можем представить себе всю угнетающую тяжесть и безысходную муку и тоску этого духовного расстройства в отлучении от Бога, так как Господь бесконечно благой, при всех наших пороках и преступлениях никогда нас не лишает в полной мере Своей благодати, частью ради живущих с нами праведников и их молитв, частью в ожидании «да вси в покаяние приидут». Быть может, только величайшие грешники мировой истории, вроде Каина, Иуды и немногих других испытали на себе весь этот ужас и несказанную муку полного отпадения от Бога, в чем и состояло то проклятие, под бременем которого они пали. Нам же представить себе этот беспросветный мрак отчаяния, где нет ни одного луча надежды на примирение с Богом, и пережить его, хотя бы воображе-

нием, даже приблизительно невозможно. И только по трагической судьбе этих грешников, пораженных Божиим проклятием, мы можем составить отдаленное, неполное понятие об их душевных страданиях, которые, может быть, в усиленной степени ожидают и нас при последнем расчете на Страшном Суде Христовом.

Другое страшное следствие греха – это потеря любви. В нашем мире мрака и скорби есть только один луч радости и счастья – любовь, этот посланник Неба, по выражению поэта. Люди, не знающие любви, вряд ли могут быть счастливы. Любовь – это положительный полюс счастья, и чем дальше отходит от него человек, тем более погружается он в холодную и безжизненную пустыню эгоизма и тем безотраднее становится его жизнь. На противоположном полюсе, полюсе вражды и злобы, рождается уже несомненное страдание. Если мы припомним те минуты, когда нас «душила злоба», мы должны будем сознаться, что в эти минуты и после них нам было чрезвычайно тяжело. Но даже и тогда, когда налицо нет возбуждений аффекта, трагедия спокойно-холодной, узкосебялюбивой души очень мучительна. Особенно печален последний итог, когда человек подходит к концу жизни. Неудовлетворенные повышенные эгоистические требования, неизбежное разочарование, досада на других людей, которые не пожелали стать жертвой наших прихотей и капризов и дали нам отпор, – все это постепенно создает тоскливое озлобление против жизни и людей. Злоба эта, не находящая себе выхода, ничем не смягченная, никого не устрашающая, обращает свое жало на самого несчастного, и в медленном огне мучительно корчится и сгорает человек. Почти каждый развитой и укоренившийся грех приводит к подобному концу, потому что грех по существу есть себялюбие, и если мы допустим, что в душе, освобожденной от уз плоти, духовное наследство жизни проявится особенно сильно и свободно, то мы должны будем согласиться, что страдания души, потерявшей любовь в наслаждениях греха, будут очень велики.

Прибавьте к этому еще чувство полного одиночества и заброшенности, ибо эгоизм изолирует человека, лишает его дружбы и любви других людей, и, таким образом, раздражение, злоба, духовная неудовлетворенность, тоска и унылое сознание своей ненужности не смягчаются даже участием и состраданием сочувствующего сердца.

Третье следствие жизни, проведенной в грехе, составляющем ее проклятие и мучение, заключается, по словам святителя Григория Богослова, в «голоде неумирающих страстей». Душа человека бессмертна и не подлежит уничтожению. Вместе с нею сохраняются страсти. В загробном состоянии душа сохраняет те же качества, которые приобрела и развила в течение земной жизни. «Состояние души по смерти, за гробом – не самовластное, – говорит один духовный писатель, – то есть душа не может начать свободно нового рода деятельность. Душа не может переменить образ мыслей и чувствований и вообще не может переменить себя и явиться другою, противоположною земной ея жизни, а может в душе только далее раскрываться, начатое здесь на земле… зло станет все более и более развиваться в вечности».

Зародыши страстей, возникших в душе, если не встречают сопротивления в воле человека, растут и развиваются в течение всей жизни, достигая иногда громадной силы. Развитие это, несомненно, продолжается и в загробной вечности, но там, вне условий плотского существования, человек не имеет уже никакой возможности удовлетворить свои страсти, и в этом кроется источник страшных мучений. Если неудовлетворенная страсть даже здесь тяжела и мучительна и нередко деспотически порабощает все сознание человека, распаляя его этой мукой все более и более, доводя иногда до сумасшествия, то тем более тяжел этот гнет за пределами чувственного мира, где страсти, ничем не сдержанные, достигают в течении вечности страшного развития и невероятной силы и где, с другой стороны, нет и не может быть ни малейшей надежды на ее удовлетворение, хотя бы отчасти.

«Как болезнь не врачуемая развивается все более и более, так за гробом страстное состояние души – ее страсти, по закону жизни, будут все более и более развиваться, доходя

до ужасающих размеров. Здесь нет исцеления, нет освобождения от страсти, нет уже благодати для грешников и нет удовлетворения страстей, но гнев Божий. Постоянно неудовлетворяемое страстное состояние души приводит ее, наконец, в отчаяние, в ожесточение, а потом и в состояние самых злых духов – богохульства и ненависти к святым. Вот внутренние мучения грешников в геенне. Ничем не преодолимые страсти, которые безнадежны, бесполезны, никогда не искоренимы, сильное стремление к недостижимому терзают и будут терзать душу во всю вечность, и можно утвердительно заключить, что действие страстей за гробом сильнее, чем на земле» (Митрополит Митрофан. Как живут умершие).

Наконец, если ко всему сказанному прибавить еще угрызение совести, позднее сожаление о загубленной жизни, чувство зависти и досады при виде блаженства праведных и сравнение его с собственною участью, то картина внутренних мучений человека, осужденного в геенну, раскроется перед нами почти во всей полноте.

Что касается внешних мучений человека, то есть геенского огня, червя неусыпающего и т. д., то в святоотеческой литературе по этому вопросу существуют лишь частные мнения. Обязательного и общепринятого церковного учения в данном случае мы не имеем. Некоторые из святых отцов допускают вещественный огонь мучений, другие понимают его лишь в смысле внутренних страданий души, но как бы то ни было, даже независимо от внешних или физических страданий, мучения грешной души настолько будут ужасны, что самая мысль о них невольно заставляет содрогнуться.

«Начни же каяться, – увещевает святитель Иоанн Златоуст, ты только положи начало, а Бог кающихся будет содействовать тебе и подкреплять тебя; ты получишь от Него изобильную благодать, и она будет для тебя слаще меда и сота. Пути жизни разнообразны, равно как и способов спасения много: каким хочешь способом, тем и воспользуйся, только спасайся».

Глава 14

Глава 14, ст. 1-11

В данном отрывке Евангелия впервые выступает на освещенное поле евангельской истории зловещая фигура, до сих пор державшаяся в тени и мало замеченная евангелистами, фигура предателя Господа, Иуды Искариота.

О личности Иуды в последнее время много спорят. Вопрос стал почти модным. Даже в изящной литературе вы найдете несколько попыток разрешить загадку этой темной, преступной души (например, в сочинениях Л. Андреева и др.). Спорят о его психологии, сочиняют фантастические теории о мотивах предательства, пытаются даже обелить и облагородить черное злодейство, объясняя его то ревностью любви к Учителю, то нетерпеливым желанием помочь Его делу и ускорить торжественный час Его триумфа и победы над миром… Все напрасно! В мировом сознании Иуда и его предательство остаются по-прежнему самым грязным пятном нравственной истории человечества, возбуждая лишь ужас и отвращение.

Ключ к пониманию личности Иуды и его преступления дается в приведенном евангельском рассказе и очень прост: алчность и корыстолюбие – вот сущность его психологии. По крайней мере, в параллельном повествовании Евангелия от Иоанна (гл. 12, ст. 6) эти черты определенно подчеркиваются. Здесь же приходится искать и объяснения мотивов, побудивших Иуду предать своего Господа и Спасителя.

Евангельское повествование открывается замечанием, что первосвященники и книжники искали, как бы взять Иисуса Христа хитростью и убить.

Приближалась роковая развязка. Тернистый путь Спасителя спускался к закату, и страдальческие дни жизни его готовы были смениться грозной и мрачной ночью смерти. И как с наступлением ночи из своих темных, холодных убежищ вылетают летучие мыши, совы, филины и другие ночные птицы, так и теперь около сияющего правдой и любовью образа Спасителя вырастает мрачная фигура Иуды – первая птица смерти.

Когда преданная, любящая женщина пришла *с алавастровым сосудом мира из нарда чистого, драгоценного и, разбив сосуд, возлила Ему на голову. Некоторые вознегодовали и говорили между собою: к чему сия трата мира? Ибо можно было бы продать его более нежели, за триста динариев ираздать нищим. И роптали на нее* (ст. 3–5).

Нам странно слышать эти холодные возгласы меркантильного расчета из уст учеников Спасителя. В них так мало любви к Учителю. Но нам станет понятна эта реплика, если мы обратимся к Евангелию от Иоанна и узнаем, что слова эти сказаны Иудою Искариотом.

Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор (Ин. 12, 6).

Так просто объясняет психологию Иуды святитель Иоанн Богослов.

Он был вор!

Человек алчный и корыстолюбивый, он присоединился к ученикам Господа, вероятно, в надежде на славу и богатство в будущем земном царстве Мессии. Мы знаем, что этой иллюзии не чужды были и другие ученики Спасителя, но в них она смягчалась и облагораживалась неподдельною любовью к своему Равви. У Иуды же, по-видимому, был один корыстолюбивый расчет.

Становится понятным, почему, обманувшись в своих надеждах и убедившись, что Иисус Христос не тот Мессия, о котором мечтал Иуда, вступая в кружок ближайших Его

учеников, что Равви даже и не думает стать блестящим и богатым царем Израиля, но, напротив, решительно от этого отклоняется, уча, что *Царство Его не от мира сего,* что все труды и лишения, связанные со скитальческой жизнью апостольского кружка, по-видимому, грозят остаться без всякой награды, которую Иуда понимал только в земном смысле, – становится понятным, почему он *пошел… к первосвященникам, чтобы предать Его им. Они же, услышав, обрадовались, и обещали дать ему сребренники. И он искал, как бы в удобное время предать Его* (ст. 10–11).

Иуда хотел хоть чем-нибудь вознаградить себя за понесенные труды и обманутые надежды.

Итак, алчность руководила этим человеком. Корыстолюбие залепило перед ним все перспективы духовного счастья, и, находясь около самого Источника всякого духовного блага и радости, он не видел в Учителе ничего, кроме цены осужденного раба.

Любовь к деньгам, к наживе довела его до преступления, величайшего в мире. Алчность родила это преступление. Алчность, быть может, самая низкая страсть в списке людских пороков и в то же время самая могущественная по своему влиянию на жизнь мира.

На земле весь род людской
чтит один кумир священный…
Он царит над всей вселенной, —
Тот кумир – телец златой!

Вопрос об алчности, о ее противоядиях и о способах борьбы с нею и будет темою настоящей беседы.

Не забудем, что величайший преступник мировой истории страдал этой страстью и что почти в каждом человеческом сердце она занимает хотя бы маленький уголок. Это сообщает всему вопросу важность и жизненность для каждого из нас.

Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? (Мк. 8, 36). *Не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6, 24), – сказал Господь.

А ветхозаветный законоучитель дает такую заповедь:

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, [ни поля его,] ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ничего, что у ближнего твоего (Исх. 20, 17).

Это десятая заповедь Ветхого Завета, направленная против алчности.

Вообще говоря, законодательство Ветхого Завета обнимает, главным образом, внешнее поведение человека и запрещает преимущественно дурные действия и поступки.

Десятая заповедь – почти единственная, регулирующая внутренние настроения и чувства, и это, вероятно, потому, что алчность составляла преобладающую страсть народа еврейского и на практике вела ко множеству крупных преступлений.

Конечно, бороться с мыслями, настроениями и желаниями труднее, чем с внешними обнаружениями их – с делами, но, тем не менее, и эта борьба совершенно необходима, ибо, во-первых, мысли дурные засоряют душу и делают ее нечистою, а во-вторых, мысли и желания суть не что иное, как семена дел, и рано или поздно будут искать своего проявления и осуществления.

Люди алчные, впрочем, мало обращают внимания на слова Спасителя и на заповедь Моисея, так как основная страсть души влечет их именно к земному и заставляет забывать о духовном и вечном. Слова Господа – *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит* – им совсем непонятны и звучат для них холодно и отвлеченно, как что-то далекое, к ним не относящееся, ибо «пользу» они и понимают именно как приобретение.

Но если даже не выходить из круга понятий этих людей и иметь в виду только земное счастье, то все же необходимо сознаться, что и здесь при наличии алчности цель не достигается, и, как всякая страсть, она только обманывает человека. Алчность рисует земное счастье в перспективе мирских приобретений, в обстановке богатства, пышности, комфорта. Чем больше человек имеет, тем он счастливее, – шепчет алчность, заставляя своего несчастного раба стремиться все к бо́льшим и бо́льшим приобретениям. В действительности, это – обман. Количество земных благ никогда не обеспечивает человеку счастья, а страсть алчности и рожденные ею настроения недовольства и зависти до такой степени отравляют жизнь, что и в самой пышной обстановке человек чувствует себя глубоко несчастным. «И через золото слезы льются», – говорит правдивая русская пословица.

Недовольство и зависть вот две змеи, которые своим ядом уничтожают все наслаждение новыми приобретениями. Удивительно глубоко и ярко эта вечная тоска недовольства среди роскоши и богатства передана в книге Екклесиаста.

Я предпринял большие дела, – говорит Соломон, предполагаемый автор этой книги, – *построил себе домы, посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовитые дерева; сделал себе водоемы для орошения из них рощей, произращающих деревья; приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей; завел у себя певцов и певиц и услаждения сынов человеческих-разные музыкальные орудия. И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме… Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселия, потому что сердце мое радовалось во всех трудах моих, и это было моею долею от всех трудов моих. И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая* ***их:*** *и вот, все – суета и томление духа, и нет* ***от них*** *пользы под солнцем!.. И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем: ибо всё – суета и томление духа! И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня. И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился… И это – суета! И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься от всего труда, которым я трудился под солнцем… Ибо что будет иметь человек от всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится он под солнцем? Потому что все дни его – скорби, и его труды – беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это – суета!.. Ибо человеку, который добр пред лицем Его, Он дает мудрость и знание и радость, а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы* ***после*** *отдать доброму пред лицем Божиим. И это – суета и томление духа!* (Еккл. 2, 4-11, 17–20, 22, 23, 26).

Если и великие люди с громадными ресурсами духовных богатств, с широким кругозором, умные, талантливые, энергичные, находясь на высоте земного счастья, богатства и славы, при полной возможности удовлетворения самых прихотливых желаний, тем не менее чувствовали тоску и неудовлетворенность, то разве это не красноречивое свидетельство ложности земного идеала счастья, состоящего в приобретении мирских благ? И разве не обманывает нас алчность, направляя наш труд и наши усилия в эту сторону?

Что же сказать о нас, слабых, серых, духовно неустроенных людях? Недовольство, неудовлетворенность у нас стали, кажется, заразною, повальною болезнью? В литературе появился даже особый тип так называемого нытика – человека, который только жалуется, стонет и ничего не делает.

«Мы – дачники… – говорит писатель Горький о русской интеллигенции, – мы суетимся, ищем в жизни удобных мест… и отвратительно много говорим… разве легко и сво-

бодно жить среди людей, которые всё только стонут, всё кричат о себе, насыщают жизнь жалобами и ничего, ничего больше не вносят в нее?..»

Если в прежнее время эту неудовлетворенность жизнью наши писатели с легкой руки Байрона пытались задрапировать в романтическую тогу Чайльд Гарольда, заставляя предполагать в своих героях избранную породу людей, стоящих выше всех остальных и потому непонятых и тоскующих, то сейчас ни для кого из нас нет ни малейшего сомнения в том, что сущность этих русских чайльд гарольдов – просто кислятина. Это – не герои, это – нытики.

Недовольство наша общая болезнь. Вряд ли можно было найти в России за последние двадцать лет много людей вполне довольных жизнью, и причина этого заключается в материалистическом понимании жизни, в желании найти свою долю счастья исключительно в области земных благ. Это стремление развивало алчность, желание как можно больше захватить в свое личное обладание, и в то же время требовало готового, дарового счастья без необходимых для этого усилий и труда. Не получая желанного счастья, ибо на этом пути его не могло и быть, люди ворчали, жаловались, злобились, винили друг друга и, создавая общую атмосферу недовольства, отравляли свою и чужую жизнь.

Это недовольство, доходящее порой до отчаяния, до самоубийства – неизбежный результат материалистического понимания жизни. Та азартная борьба за счастье, или, говоря точнее, за материальное благополучие, которая особенно обострилась за последнее время, неизбежно разделяет людей на два класса – победителей и побежденных; победителей, достигших своей цели, оказавшихся на верхних ступенях жизни и упрочивших свое благополучие (богатство, в первую очередь), и побежденных, смятых в этой отчаянной беспощадной борьбе, оказавшихся слабее своих противников и не сумевших обеспечить для себя сытного места под солнцем. И те и другие несчастны и неудовлетворены. Побежденные проникнуты завистью к своим счастливым соперникам и злобой на свою судьбу. Победители, добравшись до верху, с досадным разочарованием убеждаются, что достигнутое ими положение вовсе не так заманчиво и блестяще, как оно казалось снизу, в мечтах, когда представляло лишь отдаленную цель, и что не стоило оно тех трудов и лишений, которые пришлись перенести, чтобы до него добраться. К этому надо присоединить еще постоянное беспокойство за прочность достигнутых успехов и тяжелое сознание направленных против них злобы и зависти, возбужденных этими успехами в душе побежденных.

Создается общая атмосфера вражды, злобы, недоверия, подозрительности, и все это отравляет жизнь. В материалистическом понимании жизни лежат корни всех социальных катастроф и брожений.

Так забытый дух мстит человеку за свои поруганные права. Как ярко и наглядно банкротство современного материалистического миропонимания свидетельствуется многочисленными самоубийствами, участившимися за последнее время! Молодые девушки, цветущие юноши лишают себя жизни, оставляя после себя маленькую записку, в которой один и тот же стереотипный мотив: не нахожу цели в жизни.

Конечно, если представлять жизнь как борьбу за материальные удобства, за комфорт, за богатство, за сытный кусок пирога на жизненном пиру, за туго набитое брюхо, за мишуру внешнего блеска, то такая жизнь не имеет в себе благородной цели, достойной человека. Жить тогда, действительно, не стоит. Но вера, религия, Евангелие указывают нам другие цели – служение Богу, служение людям, духовное самоусовершенствование – и только на этом пути возможно счастье и примиренность с жизнью.

Хорошо рисует контраст богатства и бедности и в то же время тщету богатства святитель Василий Великий в своих творениях.

«Как представлю взорам твоим страдания бедного? говорит он, обращаясь к богатым. Осмотрев внутренность дома, видит он, что золота у него нет и никогда не будет; домашние приборы и одежда точно таковы, как и у всякого нищего; все они стоят не многих оболов. Что

ж еще? Обращает, наконец, взор на детей, чтоб, отведя их на торг, в этом найти пособие против голодной смерти. Представь при этом борьбу неминуемого голода и отеческой любви. Голод угрожает самою бедственною смертью, а природа влечет к противному, убеждая умереть вместе с детьми. Много раз собирается он идти, много раз останавливается; наконец препобежден, вынужденный необходимостью и неумолимою нуждою. И над чем еще задумывается этот отец? „Которого прежде продать мне? На которого приятнее взглянет хлебопродавец? Пойти ли к самому старшему? Но уважаю его старшинство. Или к младшему? Но жаль его возраста, который не чувствует еще несчастий. Этот сохраняет в себе ясные черты родителей; а этот способен к учению. Увы, какое затруднение! Что со мною будет? На которого из них напасть мне? У какого зверя занять мне душу? Как забыть природу? Если всех удержу при себе, то увижу, как все будут истаевать от голода, если продам одного, то какими глазами буду смотреть на остальных, сделавшись уже для них подозрительным, так что перестанут мне верить? Как буду жить в доме, сам доведя себя до бесчадия? Как пойду за стол, на котором обилие произведено такими средствами?“

И он после слез идет продавать любезнейшего сына!»

А богатые изощряются в выдумке излишеств, которой остается только дивиться. «У них тысячи колесниц; на одних возят всякую рухлядь, другие покрыты медью и серебром; и на них ездят сами. У них множество коней, и им, как людям, ведут родословные, уважая за благородство отцов; одни возят этих сластолюбцев по городу, другие участвуют с ними на охоте, иные объезжены для дороги. Узды, подпруги, хомуты – все серебряные, все осыпаны золотом; попоны из багряницы украшают коней, как женихов. У них множество мулов, разделенных по цвету; возничие их сменяют друг друга, одни впереди, другие сзади. У них неисчетное множество других домашних слуг, чтобы стало для пышности всякого рода: управители, ключники, землепашцы, обученные всякому ремеслу, и необходимому и изобретенному для наслаждения и роскоши; повара, хлебники, виночерпии, охотники, ваятели, живописцы, учредители удовольствий всякого рода. У них стада верблюдов, то перевозящих тяжести, то пасущихся, табуны лошадей, гурты быков, овец и свиней; при них свои пастухи; у них своя земля, достаточная для прокормления, и еще приумножающая богатство получаемыми с нее доходами. У них бани в городе, бани по деревням. Дома сияют мраморами всякого рода, – один из фригийского камня, другой из лакедемонской или фессалийской плиты; и одни домы согревают зимой, другие прохлаждают летом; полы испещрены разноцветными камнями, потолки вызолочены; где нет по стенам мрамора, там украшено живописными цветами. А когда, по разделе на бесчисленные траты, богатство остается еще в избытке, его кладут в землю, берегут в тайных местах, потому что будущее неизвестно и опасно, чтоб не постигли нас какие-нибудь неожиданные нужды.

Точно не известно, воспользуешься ли в нужде зарытым золотом, – но не неизвестно наказание за бесчеловечные нравы. Когда при бесчисленных выдумках не мог ты расточить богатства, тогда скрыл его в землю. Страшное же безумие – копаться в земле, пока золото еще в рудокопне; а когда оттуда вынуто, опять прятать в земле! А потом, думаю, бывает и то, что, зарывая богатство, зарываешь с ним вместе и сердце. Ибо сказано: *идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21).

А если и сожительница твоя – женщина богатолюбивая, то двойная болезнь. И прихоти она воспламеняет, и сластолюбие увеличивает, и раздражает суетные пожелания, придумывая какие-то драгоценные камни, – жемчуги, изумруды, яхонты, употребляя золото, то кованое, то тканое, и усиливая болезнь глупостями всякого рода: потому что не по временам только занимаются этим женщины, но дни и ночи проводят в заботах о сем.

И тысячи каких-то ласкателей, угождая их пожеланиям, приводят красильщиков, серебряников, мироваров, ткачей, набойщиков. Ни на минуту не дают вздохнуть мужу, муча его непрестанными своими приказами. На удовлетворение женских пожеланий не станет ника-

кого богатства, хотя бы оно текло реками, когда им захочется иметь у себя привозимое от варваров миро, как масло с рынка, морские цветы, раковины, морское перо, и в большем еще количестве, нежели овечью шерсть. А золото, служа оправой драгоценным камням, составляет у них убор то на челе, то на шее, то в поясах, или оковывает собою руки и ноги. Ибо златолюбивым женщинам приятно носить на руках оковы, только бы оковывало их золото. Поэтому когда позаботиться о душе человеку, который услуживает женским пожеланиям? Как от бурь и непогод тонут непрочные корабли, так от худых наклонностей жен гибнут немощные души их сожителей. А богатство, расточаемое на столько предметов мужем и женою, которые превосходят друг друга в изобретении суетных трат, естественным образом не имеет уже никакого случая перейти к посторонним». Но на что же обратить богатство? «Облечешь ли себя в многоценную одежду? Для тебя достаточно будет хитона в два локтя; прикрытие себя одной одеждой удовлетворит всем нуждам в одеянии. Но ты станешь употреблять богатство на роскошный стол? Одного хлеба довольно, чтоб наполнить чрево… Скажи мне, к какому выгоднейшему употреблению служат серебряные ложа и серебряные столы, постели и седалища из слоновой кости, между тем как ради их богатство не переходит к бедным, хотя они тысячами стоят у дверей и оглашают их всяким жалобным голосом?

А тебя не трогает страдание; ты не хочешь взойти в чувствования природы! Этого несчастного угнетает голод, а ты медлишь и смеешься, способствуя к тому, чтоб продлилось его бедствие! Он утробу свою предлагает тебе ценою за пищу, а у тебя не только не цепенеет рука, собирающая подать с таких несчастий, но даже ты еще домогаешься большего и стараешься, как бы, взяв больше, дать меньше, чтоб для этого бедняка несчастье его сделать во всех отношениях более тягостным! Ни слезы не возбуждают в тебе жалости, ни воздыхания не смягчают сердца; ты непреклонен и неприступен! Во всем видишь золото, везде представляешь золото; о нем грезишь и во сне, о нем думаешь и во время бодрствования. Как сумасшедшие, в припадке бешенства, не действительные видят вещи, но представляют, что производит в них болезнь, так и у тебя душа, одержимая сребролюбием, во всем видит золото, во всем видит серебро. Приятнее тебе смотреть на золото, нежели на солнце. Ты желал бы, чтобы все превратилось в золотой состав, и, как только можно, придумываешь к тому способы. Чего не приводишь в движение ради золота? Хлеб у тебя делается золотом, вино сседается в золото, и шерсть обращается у тебя в золото; всякий торговый оборот, всякая выдумка приносят тебе золото. Золото само себя рождает, размножаясь чрез рост; в тебе нет сытости, не видно конца пожеланию. Детям, когда они жадны, нередко позволяем без меры есть, что они особенно любят, чтоб излишним пресыщением произвести отвращение; но не таков корыстолюбец: чем более он пресыщен, тем большего желает… К десяти талантам стараешься приложить другие десять, а когда стало двадцать, домогаешься еще двадцати; и непрестанно прилагаемое не останавливает стремления, а только разжигает желание. Как для упивающихся прибавление вина служит побуждением к тому, чтобы пить, так вновь разбогатевшие, приобретя много, желают еще большего, постоянным приращением богатства питая свою болезнь. И эта ревность не приводит их к цели, потому что не столько веселит то, что в руках, как оно ни велико, сколько печалит то, что еще не у них, и чего, по их мнению, не достает им; оттого душа их всегда снедается заботами, домогаясь большего и большего. Им надлежало бы радоваться и благодарить, что они достаточнее многих, а они недовольны и мучаются, потому что не сравнялись с тем или другим, которые их богатее… Ад не скажет: *довлеет* (Притч. 30, 16), и любостяжательный никогда не говорит „довольно“.

Скажешь: кому делаю обиду, удерживая свою собственность? – Скажи же мне, что у тебя собственного? Откуда ты взял и принес с собою в жизнь? Положим, что иной, заняв место на зрелище, стал бы потом выгонять входящих, почитая своею собственностью представляемое для общего всем употребления; таковы точно и богатые. Захватив всем общее, обращают в свою собственность, потому что овладели сим прежде других. Если б каждый,

взяв потребное к удовлетворению своей нужды, излишнее предоставлял нуждающемуся, никто бы не был богат, никто бы не был и скуден… А ты, захватив все в ненаполнимые недра любостяжательности, думаешь, что никого не обижаешь, лишая сего столь многих? Кто любостяжателен? Не удерживающийся в пределах умеренности. А кто хищник? Отнимающий у всякого, что ему принадлежит. Как же ты не любостяжателен, как же ты не хищник, когда обращаешь в собственность, что получил только в распоряжение. Кто обнажает одетого, того назовут грабителем, а кто не одевает нагого, хотя может это сделать, тот достоин ли другого какого названия? Алчущему принадлежит хлеб, который ты у себя удерживаешь; обнаженному – одежда, которую сохраняешь в своих кладовых; необутому – обувь, которая гниет у тебя; нуждающемуся – серебро, которое зарыто у тебя. Поэтому всем тем делаешь ты обиду, кого мог бы снабдить.

Всмотрись, человек, в природу богатства. Что тебя удивляет так в золоте? Золото – камень, серебро – камень, жемчуг – камень, камень и всякий из камней: хризолит, аквамарин, агат, яхонт, аметист, яшма. Это цветы богатства, и часть их кладешь ты в скрытность, а часть носишь на себе, тщеславясь блеском сих драгоценностей. Скажи: какая тебе польза вертеть руку блещущую камнями?.. Какой любитель нарядов мог прибавить хотя один день своей жизни? Щадила ли кого смерть ради богатства? Миновала ли кого болезнь ради денег? Долго ли золоту быть силками для души, удою смерти, приманкою греха? Долго ли богатству служить предлогом к войнам, ковать оружие, изощрять мечи? Ради его родные не знают естественных уз, братья смотрят друг на друга убийством. Ради богатства пустыни питают в себе убийц, море – разбойников, города – ябедников. Кто отец лжи? Кто виновник ложных подписей?

Кто породил клятвопреступление? Не богатство ли?.. Что с вами делается, люди?.. Имение дано вам в пособие жизни, а не в напутие к злу, на искупление души, а не в повод к погибели…

Желал бы я, чтоб отдохнул ты немного от дел неправды, дал время своему рассудку размыслить, к какому концу стремится попечение об этом. Есть у тебя такое-то число десятин обработанной земли, и еще такое же число земли, заросшей лесом, горы, равнины, овраги, реки, луга? Что ж после этого? Не всего ли три локтя земли самого ожидают тебя? Не достаточно ли будет тяжести немногих камней, чтоб охранять жалкую плоть? Для чего трудишься? Для чего поступаешь беззаконно?.. Отрезвишься ли когда-нибудь от сего упоения? Будешь ли иметь здравый рассудок? Придешь ли в себя самого? Представишь ли пред своими очами Христово судилище? Чем оправдишься, когда обиженные станут вокруг тебя и возопиют на тебя Праведному Судии? Что тогда будешь делать? Каких наймешь себе ходатаев? Каких представишь свидетелей? Как уверишь Судию, не поддающегося никакому обману?.. Предстанешь один без друзей, один без помощников, не защищаемый, не оправдываемый, постыжденный, печальный, унылый, всеми оставленный, не смеющий отверсть уст… Все восстанет против тебя; лукавый сонм злых твоих деяний окружит тебя. Ибо как за телом тень, так за душою следуют грехи, явственно изображающие ее дела».

В этих своих заключениях великий святитель совершенно верно отметил ту громадную роль, которую играет богатство и погоня за ним во всех отрицательных, бурных явлениях нашей жизни. Если присмотришься внимательно к жизни человечества, не только современной, но и к жизни прошлых веков, то нетрудно убедиться, что алчность, преклонение перед золотым тельцом, страсть к наживе являются в громадном большинстве случаев основной причиной наших бедствий и зол как в частной, так, особенно, в общественной жизни. Грабежи, разбои, убийства, воровство, обман и плутовство всякого рода, бесчестность и эксплуатация человека человеком и т. п. – разве все это не есть результат основного мотива современной жизни – устроить свое материальное благополучие какими бы то ни было сред-

ствами? Невольно приходится согласиться с апостолом, что *корень всех зол есть сребролюбие* (1 Тим. 6, 10).

В заключение припомним одну из дивных притчей Спасителя, говорящую о тщете богатства и о том, как неразумно и недостойно человека стремление к нему делать единственной целью своей жизни.

У одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих? И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет (Лк. 12, 16–21).

Смотрите, берегитесь любостяжания, – сказал Господь, – *ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения* (Лк. 12, 15).

Глава 14, ст. 12-25

Перед нами развертываются последние страницы земной жизни Господа. Приближался еврейский праздник Пасхи и вместе с ним момент крестных страданий и смерти Спасителя. Как понятно и естественно Его желание в предчувствии близкой смерти провести последние минуты вместе с любимыми учениками, в мирной беседе с ними встретить великий праздник и дать им последние наставления перед конечной земной разлукой. *Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания,* – говорит Он в Евангелии от Луки (Лк. 22, 15). И вот Он посылает двух учеников Своих, Петра и Иоанна, приготовить все для праздника.

Название праздника «Пасха» на еврейском языке, по объяснению святителя Григория Богослова, означает «прехождение» и дано этому празднику исторически – по причине бегства и переселения евреев из Египта в Хананею, а духовно – по причине прехождения и восхождения от дольнего к горнему и в землю обетования (Творения святителя Григория Богослова. Книга V. Слово 45, на Святую Пасху).

Происхождение праздника связывается с историей тех казней, которые Господь навел на Египет, чтобы сломить упорство фараона и заставить его отпустить евреев. После того, как первые казни оказались для этой цели недостаточными, Господь послал десятую, одну из самых ужасных, – избиение всех первенцев египетских. Об этом так повествует книга Исход: *И сказал Моисей: так говорит Господь: в полночь Я пройду посреди Египта, и умрет всякий первенец в земле Египетской от первенца фараона, который сидит на престоле своем, до первенца рабыни, которая при жерновах, и все первородное из скота; и будет вопль великий по всей земле Египетской, какого не бывало и какого не будет более* (Исх. 11, 4–6). В то же время евреям, находившимся в Египте, было дано такое повеление: *Скажите всему обществу [сынов] Израилевых: в десятый день сего месяца пусть возьмут себе каждый одного агнца по семействам, по агнцу на семейство… Агнец у вас должен быть без порока, мужеского пола, однолетний; возьмите его от овец, или от коз, и пусть он хранится у вас до четырнадцатого дня сего месяца: тогда пусть заколет его все собрание общества Израильского вечером, и пусть возьмут от крови его и помажут на обоих косяках и на перекладине дверей в домах, где будут есть его; пусть съедят мясо его в сию самую ночь, испеченное на огне; с пресным хлебом и с горькими травами пусть съедят его; не ешьте от него недопеченного, или сваренного в воде, но ешьте испеченное на огне, голову с ногами и внутренностями; не оставляйте от него до утра [и кости его не сокрушайте], но оставшееся от него до утра сожгите на огне. Ешьте же его так: пусть будут чресла ваши препоясаны,*

обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте его с поспешностью: это – Пасха Господня. А Я в сию самую ночь пройду по земле Египетской и поражу всякого первенца в земле Египетской, от человека до скота, и над всеми богами Египетскими произведу суд. Я Господь. И будет у вас кровь знамением на домах, где вы находитесь, и увижу кровь и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной, когда буду поражать землю Египетскую. Ида будет вам день сей памятен, и празднуйте в оный праздник Господу во [все] роды ваши; как установление вечное празднуйте его (Исх. 12, 3, 5-14). Таков устав Пасхи. Передавая это повеление Божие народу, Моисей снова подтверждает: *Храните сие, как закон для себя и для сынов своих на веки. Когда войдете в землю, которую Господь даст вам, как Он говорил, соблюдайте сие служение. И когда скажут вам дети ваши: что это за служение? скажите [им]: это пасхальная жертва Господу, Который прошел мимо домов сынов Израилевых в Египте, когда поражал Египтян, и домы наши избавил* (Исх. 12, 24–27).

Грозные Слова Божии исполнились. В назначенное время, *в полночь Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота. И встал фараон ночью сам и все рабы его и весь Египет; и сделался великий вопль [во всей земле] Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца (Исх. 12, 29 30). Упорство фараона было сломлено. Он не только отпустил евреев, но и принуждал их сам уйти скор ее. И призвал [фараон] Моисея и Аарона ночью и сказал [им]: встаньте, выйдите из среды народа моего, как вы, так и сыны Израилевы… и пойдите и благословите меня. И понуждали Египтяне народ, чтобы скорее выслать его из земли той; ибо говорили они: мы все помрем* (Исх. 12, 31–33).

Вот в воспоминание этого великого события, ознаменовавшего перелом в истории еврейского народа и начало новой, независимой жизни в Земле обетованной, евреи свято чтили праздник Пасхи, как повелел им Господь чрез Моисея; тем более, что нарушение праздника и неисполнение его устава навлекало грозное прещение: *кто чист и не находится в [дальней] дороге и не совершит Пасхи, – истребится душа та из народа своего* (Чис. 9, 13).

По уставу, данному Моисеем (Лев. 23 и Втор. 16), пасхального агнца нельзя было заколать в жилищах. *Не можешь ты заколать Пасху, – говорит он, – в котором-нибудь из жилищ твоих… но только на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, чтобы пребывало там имя Его, заколай Пасху вечером при захождении солнца, в то самое время, в которое ты вышел из Египта; и испеки и съешь на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, а на другой день можешь возвратиться и войти в шатры твои* (Втор. 16, 5–7). Во исполнение этого постановления все евреи для совершения пасхальной жертвы собирались в Иерусалим, где был храм, считавшийся местом особого пребывания Божия. Повинуясь этому уставу, и Господь, пришедший *не нарушить закон, но исполнить,* посылает учеников в Иерусалим, чтобы приготовить пасхального агнца. *И пошли ученики Его, и пришли в город… и приготовили пасху. Когда же настал вечер, Он приходит с двенадцатью* (Мк. 14, 16–17).

Началась Тайная Вечеря, как обыкновенно называется эта последняя пасхальная трапеза Господа с учениками.

В Евангелии от Иоанна подробно приводятся последние речи Спасителя и Его прощальные наставления ученикам, полные глубокого смысла и невыразимой любви и грусти. У Марка этих речей нет. Сказав лишь о намеке Господа на предательство Иуды, он останавливается на главном, основном моменте Тайной Вечери – на установлении великого Таинства Нового Завета, заменившего ветхозаветную пасхальную жертву, – Таинстве Евхаристии.

Когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: приимите, ядите; сие есть Тело Мое. И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из нее все. И сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая (ст. 22–24).

Сие творите в Мое воспоминание, – прибавил Он, по сказанию евангелиста Луки (Лк. 22, 19).

С тех пор по заповеди Спасителя, в воспоминание Его Крестных страданий и смерти за искупление падшего человека совершается в Церкви Христовой великая тайна Тела и Крови Христовой. Под видом хлеба и вина вместо ветхозаветного однолетнего агнца приносится Жертва Тела и Крови Иисуса Христа. Это таинство совершалось уже во времена апостольские, как это видно из слов апостола Павла в Послании к Коринфянам.

Я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет (1 Кор. И, 23–26).

Какое значение имеет для нас это таинство?

Первая великая Голгофская жертва, когда Господь отдал Себя добровольно на Крестные страдания и смерть за грех человека, имела для нас бесконечно великое значение, ибо она избавила нас от греха, проклятия и смерти, которым человек подпал за грех Адама. Вольное страдание Господа и Его Крестная смерть за нас, будучи бесконечной цены и достоинства, как смерть безгрешного и Богочеловека, есть и совершенное удовлетворение правосудию Божию, осудившему нас за грех на смерть, и безмерная заслуга, приобретшая Ему право без оскорбления правосудия подавать нам грешным прощение грехов и благодать для победы над грехом и смертью. Событие смерти и страданий Спасителя стоит в центре христианской религии и всей мировой истории, в ходе которой развивалось Домостроительство Божие о нашем спасении. Событие это настолько велико и всеобъемлюще по своему значению, что мы не можем понять и оценить его во всем объеме, особенно с его мистической стороны. Как говорит святитель Григорий Богослов, эту жертву «приемлет Отец не потому, что требовал или имел нужду, но по Домостроительству и потому, что человеку нужно было освятиться человечеством Бога, чтобы Он Сам избавил нас, преодолев мучителя силою, и возвел нас к Себе чрез Сына посредствующего и все устрояющего в честь Отца, Которому оказывается Он во всем покорствующим. Таковы дела Христовы; а большее да почтено будет молчанием» (Творения святителя Григория Богослова. Книга V. Слово 45, на Святую Пасху).

Евхаристия Православной Церкви, являющаяся таинственным повторением той же Голгофской жертвы через вкушение хлеба и вина, претворенных в истинное Тело и в истинную Кровь Христову, дает приступающим с верою к Таинству вступить в самое тесное, приискреннее и действительное единение с Господом и таинственно участвовать в Его страданиях и смерти, чем приобретается прощение грехов и жизнь вечная.

Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь, – говорит Господь, – имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Идущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною (Ин. 6, 54–57).

Вступая в тесное и непосредственное единение с Господом через вкушение Его Пречистого Тела и Крови, все верующие в то же время через Христа связываются самым тесным образом и друг с другом, образуя единый организм Церкви, глава которой – Христос, а тело – вся сумма верующих, объединенных единством веры, таинств, учения и любви. Литургия, где приносится великая Жертва Тела и Крови Христовой, есть самый существенный момент биения таинственного сердца Церкви, через который духовная сила Христова, сила благодатной жизни, разливается от Святой Чаши по всему организму Церкви. Верующие, как виноградные ветви, получают здесь свои питательные соки от лозы-Христа (Ин. 15, 5). Вот

почему без Таинства Причащения нет духовной жизни. *Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни* (Ин. 6, 53), говорит Спаситель. В то же время Литургия есть момент единения во Христе между собою всех причащающихся верующих, срастающихся в едино тело Церкви. *Один хлеб,* – пишет апостол Павел, – *и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба* (1 Кор. 10, 17).

Этот момент общего причащения от единого хлеба настолько существен в жизни Церкви, что им определяется принадлежность к Церкви, и люди, отказывающиеся от общего, совместного с другими причащения Святых Тайн, этим самым обыкновенно хотят засвидетельствовать, что они не принадлежат к одной Церкви. Евхаристия это великий праздник таинственного единения верующих.

Наконец, в смысле моральном Евхаристия для верующих есть великий урок и наглядная проповедь о сущности нравственной христианской жизни. Эта Святая Чаша, наполненная Телом и Кровию Господа, с великой силой, превосходящей всякое красноречие, говорит нам о том подвиге, которым приобретена для нас Жизнь Вечная. Этот подвиг – подвиг страданий любви. Ради великой, безграничной любви Своей к нам Господь отдал Себя на Крестные страдания и на смерть, чтобы «возвести нас на первое блаженство». Евхаристическая Чаша есть прежде всего чаша страданий, и о страданиях любви говорит она. Она и нам напоминает о том, что жизнь должна быть подвигом любви.

Здесь, перед Святой Чашей, познаем мы великую любовь Божию к нам, которая *открылась в том, что Бог послал емир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилостивление за грехи наши. Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга* (1 Ин. 4, 9-11).

Перед Святой Чашей познаем мы любовь в том, что *Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев* (1 Ин. 3, 16). К страданиям любви зовет Святая Чаша, к любви, готовой, по примеру Спасителя, положить душу свою за ближнего, ибо *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Добровольно воспринятые страдания любви, составляя сущность и высшее выражение нравственно-христианской жизни, вместе с верой в Господа и в Его искупительные страдания, являются для верующих тем субъективным условием, при котором единение со Христом в Таинстве Евхаристии достигает высшей силы и полноты. Первая и самая главная заповедь, оставленная нам Спасителем, есть заповедь о любви. *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга* (Ин. 13, 34). Кто исполняет эту заповедь, тот вместе с тем свидетельствует о своей любви к Богу, ибо *кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня* (Ин. 14, 21), и к такому человеку относится неложное обетование Спасителя: *кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14, 21), и далее: *кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23).

В этом единении с Богом и состоит высшее счастье жизни, доступное для человека, и путь к этому счастью в страданиях любви.

Таким образом, вся сущность христианской жизни дана в Святой Евхаристической Чаше: в ней мука и горечь страданий любви, но в ней и счастье любви и высшее блаженство единения с Богом. Таинство Евхаристии – это страдания, претворенные любовью в блаженство. В этом же состоит и таинственный закон жизни во Христе.

Таинство Евхаристии есть единение со Христом, не мысленное и воображаемое только, но действительное, реальное, ибо мы веруем, что в этом Таинстве мы вещественным образом причащаемся истинного Тела и истинной Крови Господа. Поэтому и в молитве пред Причащением мы читаем: «Верую… яко сие есть самое пречистое Тело Твое, и сия есть

самая честная Кровь Твоя». Мы веруем, что хлеб и вино в Таинстве Евхаристии претворяются в Тело и Кровь Христову. Мы веруем в пресуществление Святых Даров.

Но вера эта многими оспаривается, преимущественно сектантами так называемого рационалистического толка – баптистами, евангелистами и т. п. Для них Евхаристия не есть таинство единения с Господом, а простой обряд, установленный в воспоминание Тайной Вечери. Главное основание их отрицания состоит в том, что хлеб и вино Евхаристической Жертвы внешним образом совершенно не изменяются.

Еще недавно на почве этого разногласия произошел крупный скандал в Лондонском соборе св. Павла, где епископ Бирмингамский д-р Барн публично с проповеднической кафедры высказал этот отрицательный взгляд. «Не будем учить глупостям, – говорил он, – что в хлебе – Сам Господь. Мы не имеем для такого утверждения никаких оснований. В каждой вещи принято различать акциденции, то есть свойства, и субстанцию, то есть сущность. Но акциденции, то есть свойства освященного хлеба, не изменяются совершенно, а изменяется ли субстанция, то есть его сущность, – мы не знаем, потому что зрением, видящим и различающим субстанцию, не обладает ни один из живых людей, чтобы мы могли положиться на его свидетельство. Никто не может отличить освященный (consecrated) хлеб от простого». Когда в храме поднялся шум резкого протеста, проповедник продолжал, излагая свой взгляд на сущность Евхаристии: «Здесь перед нами только открывается Небо, и в удивлении созерцаем тайну Голгофской жертвы и искупления».

Нет необходимости много говорить о важности этого различия в понимании сущности святого Таинства Причащения. Одно дело думать о Боге и мысленно представлять единение с Ним, и другое дело – действительно вступать в единение с Ним, испытывать лично блаженство этого единения, на самом деле принимать и чувствовать его таинственные плоды как очищающую, укрепляющую, возрождающую благодатную силу, даруемую всем с верою причащающимся. Одно дело – в удивлении созерцать тайну Голгофской жертвы, и совершенно другое – непосредственно в ней участвовать. Одно дело – вспоминать о Тайной Вечери, и другое – самому получить от Господа вместе с Его учениками благословленные Им хлеб и вино, о которых Он говорит: *сие есть Тело Мое, сие есть Кровь Моя.*

Не приводя еще доказательств в пользу того или другого взгляда, уже можно ясно видеть, насколько счастливее мудрствующих сектантов чада Православной Церкви, верующие в то, что Евхаристические Дары, то есть хлеб и вино, претворяются, или пресуществляются, в Тело и Кровь Христову и что через вкушение их достигается действительное и ощутительное единение с Господом. Приятно думать и говорить о любимом, но видеть Его, осязать реально и чувствовать таинственную, личную и непосредственную связь с Ним, связь любви, несравненно блаженнее.

Какие же у нас данные для нашей веры?

Самый факт превращения хлеба и вина в Тело и Кровь для людей, верующих в чудотворную силу Божиего всемогущества, разлитую во всем мире, вполне приемлем, ибо он нисколько не противоречит законам нашего мышления и для нашего ума не представляется ни странно-нелепым, ни безусловно невозможным. Такое же превращение пищи и пития в человеческие тело и кровь мы можем наблюдать ежедневно в своем собственном организме, и если это не поражает нас, как чудо, это только потому, что, благодаря постоянному повторению, мы слишком привыкли к нему, хотя ни понять, ни уяснить себе этот таинственный процесс претворения мы не в состоянии.

Но этого мало. Нам нужны положительные доказательства, что подобное же пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христову не только возможно, но и действительно совершается в таинстве Евхаристии.

Конечно, для верующих самым сильным и несомненным доказательством служат слова Самого Господа и Спасителя нашего: *сие есть Тело Мое, сие есть Кровь Моя.* Слова

эти настолько ясны и определенны, что их можно понять только в буквальном смысле. Их можно принять и им поверить, если, конечно, мы признаем истину Евангелия; в них можно усомниться и их отвергнуть, если смысл их кажется нам недоступным и если мы не убеждены в истине евангельских сказаний, но придавать им аллегорический, или иносказательный, смысл мы не имеем никакого права. Напрасно сектанты говорят, что слово «есть» здесь надо понимать не буквально, а просто в смысле «означает», и весь текст следует переводить так: «сие означает Мое Тело», «сие означает Мою Кровь».

Такое перетолкование является совершенно произвольным и никаких оснований для него у нас нет.

Даже Лютер, основатель Протестантской Церкви и один из первоначальников свободного понимания текста Священного Писания, не мог не признать силы приведенных слов и должен был допустить действительное единение верующих со Христом в Таинстве Евхаристии. В споре с Цвингли, вождем швейцарских реформаторов, признававших Евхаристию как простой обряд в воспоминание Тайной Вечери, он написал на доске мелом: «сие есть Тело Мое», подчеркнул слово «есть» и молча указал на него пальцем, давая понять, что всякий спор здесь бесполезен ввиду ясности текста. «Текст слишком силен, – говорил он, – я ничего не могу тут сделать, – его нельзя перетолковать».

Быть может, еще яснее о вкушении Своей Плоти под видом хлеба Господь говорит в Евангелии от Иоанна: *Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира… Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие* (Ин. 6, 51, 55). Даже многие из учеников Спасителя, *слыша то, говорили: какие странные слова! кто может это слушать?* (Ин. 6, 60). Неудивительно, что и для нас это учение является таинственным и непонятным, и в робком и слабоверующем сердце зарождается сомнение. И тем не менее, Господь не считает нужным объяснить ученикам Свои слова как-нибудь иначе, не буквальном смысле, а только с упреком в маловерии замечает: *это ли соблазняет вас? Что ж, если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде?* (Ин. 6, 61 62).

Внутренний опыт причащающихся с верою также нередко с великой силой личного переживания убеждает их в том, что они причащаются не просто хлеба и вина. Конечно, если вообще в нравственно-духовной жизни закон внутренних переживаний определяется словами Спасителя: *по вере вашей да будет вам,* – то, в частности, в Таинстве Святого Причащения он проявляется, быть может, с наибольшей силой, и, конечно, неверующие люди в Таинстве Евхаристии субъективно не почувствуют ничего, кроме простых ощущений вкушения хлеба и вина. Но тем не менее, совершенно неверно д-р Барн, епископ Бирмингемский, утверждает, что никто не может отличить освященный (то есть Пресуществленный) хлеб от простого. Для людей неверующих это, разумеется, невозможно, равно как и в сектантском обряде воспоминания Тайной Вечери, конечно, нет Пресуществления, и их хлеб и вино остаются хлебом и вином. Но в православном Таинстве Евхаристии люди глубокой веры, особенно священнослужители, совершающие Таинство, чувствуют действительность Пресуществления Святых Даров и его благодатные плоды с необычайной ясностью и силой.

«Ощущал я тысячекратно в сердце своем, – говорит один из таких верующих пастырей, о. Иоанн Кронштадтский, – что после причащения Святых Тайн Господь давал мне как бы новую природу духа, чистую, величественную, светлую, мудрую, благостную, вместо нечистой, унылой, вялой, малодушной, тупой, злой. Я много раз изменялся чудным, великим изменением, на удивление самому себе, а часто и другим».

Мало найдется православных священников, в личном опыте которых не было бы случаев благостного действия Святого Таинства Причащения и которые никогда не чувствовали бы, – может быть, не с такой силой, как покойный о. Иоанн Кронштадтский, – что в Евхаристии пред ними не простой хлеб и вино, а действительно «Единородный Сын Божий и Бог

наш предлежащими страшными почивает таинствы» (молитва на Литургии Преждеосвященных даров после Великого Входа). Молитва в эти минуты получает особую силу и действенность и часто бывает услышана. Думается, что почти каждый священник, умеющий хоть сколько-нибудь веровать и молиться искренно, может засвидетельствовать это на основании своего опыта. «Хорошо молиться мне о людях, – продолжает тот же отец Иоанн, – когда причащусь сознательно: Царь тогда во мне, как в обители, и я имею пред Ним великое дерзновение: „Проси, чего хочешь“». Действительно, многочисленные случаи исцелений, иногда необыкновенных, почти чудесных в пастырской практике о. Иоанна достигались чаще всего чрез Таинство Святого Причащения. Чем это объяснить, если при этом мы имеем дело с обыкновенными хлебом и вином?

«После смерти жены, – рассказывает один старец-священник, впоследствии епископ, – остался я сравнительно еще молодым вдовцом, и первое время очень страдал от плотской страсти. Я никак не мог справиться с нечистыми помыслами. Они преследовали меня всюду. Даже во время богослужения я не был вполне свободен от них… В самые великие минуты совершения Таинства, случалось порой, острый сладострастный помысл пронизывал меня, как ядовитое жало. Это было ужасно! Напрасно боролся я, стараясь прогнать страстные образы. Это удавалось лишь ненадолго, и они снова возвращались, нечистые, разжигающие воображение, как будто смеясь над моим бессилием. Я изнемогал в этой борьбе и то хотел снять с себя духовный сан, чувствуя весь ужас и невозможность своего положения, то молил Бога о смерти. „Господи! – говорил я. – Лучше мне умереть, чем оскорблять Тебя и чистую святыню Твоих Таинств грязью моих помышлений и окаянством души моей порочной! Господи, Создатель мой! Или избавь меня от этого смрада, – очисти мой ум и сердце, – или пошли мне смерть. Я не могу переносить мысли, что служением своим я оскверняю Твой алтарь!..“ И вот однажды, когда я так молился со слезами, повергшись пред Святыми Дарами, как раз в момент Пресуществления я вдруг почувствовал, как будто какая пелена сдернута невидимой рукой с моего сознания. Душные, клубящиеся волны угарных образов и воспоминаний исчезли куда-то в один момент. Стало так чисто, ясно, легко. Тихий мир и чувство беспредельной благодарности наполнили душу… С тех пор я почти не страдаю. Если и являются иногда дурные мысли, то лишь как мимолетные облака, и прогнать их не стоит никакого труда».

Такие случаи благодатной помощи Святого Причащения, вероятно, найдутся во внутренней духовной жизни почти каждого священника. А вот факт другого рода, не менее поразительный и также говорящий о чудесной силе Святых Даров, но о силе карающей, грозной по отношению к недостойным.

Дело происходило в Уржуме Вятской губернии. В местной церкви шла Литургия, и толпа причастников ждала выхода священника из алтаря со Святыми Дарами. Когда появился священник со Святой Чашей, он начал, по обыкновению, читать предпричастную молитву «Верую, Господи, и исповедую», которую за ним хором повторяли верующие. Во время чтения священник обратил внимание на одного человека высокого роста, который особенно громко, на всю церковь выкрикивал слова молитвы. Когда началось Причащение, этот богомолец также подошел к Святой Чаше, но, причастившись, вдруг громко вскрикнул и стал на левой стороне пред иконой Божией Матери. Священник заметил, что он выплюнул что-то в руку, и немедленно послал диакона узнать, в чем дело, и в случае, если в руке окажутся Святые Дары, то принять меры против возможного кощунства. Когда диакон подошел к странному причастнику, то с изумлением и ужасом увидел в распухшей руке последнего уголь. То были обожженные Святые Дары. Рот богомольца оказался также обожженным до такой степени, что он не мог его закрыть от сильной боли. Оказалось, что то был раскольник, вздумавший приступить к Таинству Причащения без предварительного присоединения к Православной Церкви и даже без исповеди.

Случай этот особенно надо помнить тем, которые держатся довольно широко распространенного у нас воззрения, будто достаточно причаститься Святых Тайн, чтобы вкусить благодатных плодов Причащения, забывая притом, что необходимо для этого сделать себя достойным Причащения подвигом покаяния и молитвы.

Кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, – говорит апостол Павел, – *виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны, и больны и немало умирает* (1 Кор. 11, 27–30).

Таким образом, подтверждая присутствие великой силы в Таинстве Причащения, апостол предупреждает верующих о необходимости готовиться к нему, испытывая себя и очищая, чтобы достойно принимать Святые Дары. Без этого обязательного условия Причащение может быть человеку «в суд или в осуждение», то есть обратится во вред. На Тайной Вечери причащение Тела и Крови Христовой, несомненно, для всех апостолов было благотворно, но в Иуду вместе с куском вошел сатана (Ин. 13, 27).

В чем же должно состоять приготовление к Таинству Евхаристии и когда можно сказать о человеке, что «он ест хлеб сей и пьет чашу Господню» достойно?

Моисей, установив закон ветхозаветной Пасхи, требует, чтобы евреи ели пасхального агнца с горькими травами и прибавляет: *Ешьте же его так: пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте его с поспешностью* (Исх. 12, И).

Объясняя эти слова, святитель Григорий Богослов говорит: «Потребим жертву со тщанием, снедая опресноки с горьким зелием, препоясав чресла, и надев сапоги, и подобно старцам опершись на жезлы».

1. «Со тщанием, чтобы не сделать того, что заповедь запрещает Лоту, не будем озираться… и да не отвердеем в соляный столп от возвращения к худшему, что производится медлением». Другими словами, поспешим со всею решительностью исправить жизнь нашу и, приняв такое решение, не будем озираться вспять, то есть возвращаться к греховному прошлому.

2. С горьким зелием; потому что жизнь по Богу горька и трудна, особливо для начинающих, и она презирает удовольствия, то есть примем на себя труд нравственного подвига и пойдем тесным путем.

3. Препояшем чресла, то есть поясом и целомудрием укротим в себе похотливость и это ржание, как говорит Божественное Писание (Иер. 5, 8), порицая гнусность страсти, чтобы нам чистыми вкусить Пасху, *умертвив уды яже на земли* (Кол. 3, 5), и подражая поясу Иоанна, пустынника, Предтечи и великого проповедника истины.

4. Должны быть в сапогах для безопасности как от чего другого, так от скорпионов и змей, которых Египет производит во множестве, чтобы не потерпеть вреда от блюдущих пяту, на которых поведено нам наступать (Лк. 10, 19). Говоря иначе, должны беречься жала искушений в упорной борьбе с мысленным змием-диаволом.

5. Наконец, закон повелевает нам взять жезл для опоры, чтобы не преткнуться мыслию, когда слышим о крови, страдании и смерти Бога, и, думая стать защитником Божиим, не впасть в безбожие.

Смело и не сомневаясь ешь Тело и пей Кровь, если желаешь жизни. Без неверия внимай учению о Плоти и не соблазняясь слушай учение о страдании, стой опершись твердо, незыблемо, нимало не колеблясь пред противниками, нимало не увлекаясь учениями вероятности, поставь себя на высоту, утверди ноги на камне, да не подвижутся стопы твои (Пс. 16, 5), шествующие по Богу.

«Если так поступишь, так выйдешь из Египта: несомненно знаю, что столп огненный и облачный будет указывать тебе путь и днем и ночью, пустыня сделается не дикою, море разделится, фараон погрязнет, одождится хлеб, камень источит воду, Амалик будет низложен, не оружием только, но и бранноносными руками праведников, изображащими вместе и молитву и непобедимое знамение Креста… и не продолжая слова скажу: все то, что повествуется за сим и вместе с сим, дано тебе будет от Бога… Таково для тебя Таинство Пасхи!» (Творения святителя Григория Богослова. Книга V. Слово 45).

Переводя эту образную, иносказательную речь святителя на простой язык, найдем такой смысл: если выполнить те условия, которые святитель Григорий считает необходимыми для достойного Причащения, то в Таинстве Евхаристии мы получим от Бога великую благостную силу и все нужное для спасения.

Глава 14, ст. 26-42

Пасхальная Тайная Вечеря Спасителя с учениками закончилась пением установленных на этот случай псалмов Давида, после чего все направились на гору Елеонскую, или Масличную, находившуюся недалеко от города. Наступал конец мессианского подвига Господа, и, зная это, Он со всею определенностью предупреждает учеников, что именно в эту ночь Он будет предан, а они соблазнятся о Ним и рассеются. Одна уже мысль о том, что они могут изменить дорогому, любимому Учителю и покинуть Его в тяжелую, опасную минуту, взволновала их до глубины души и с негодованием они спешат отклонить от себя это подозрение, обещая лучше умереть, чем отречься от своего Равви. Увы! Грустная действительность должна была в самом скором времени показать всю тщету этих самонадеянных обещаний.

Достигнув подошвы горы Елеонской и перейдя небольшой Кедронский поток, Господь с учениками вошел в находившийся здесь Гефсиманский сад. Это было уединенное место, тихий укромный уголок, где Спаситель любил бывать для молитвы и для задушевных бесед с учениками. Неудивительно, что Он направился именно сюда. Перед грозной минутой надвигающейся смерти, перед решительным моментом Своей жизни и Своего служения необходимо было укрепиться духом, собрать все Свои душевные силы, а это можно было сделать только в молитве, в мистическом единении с Вечным Небесным Отцом. В течение всей Своей земной жизни в этой молитве к Отцу Спаситель черпал укрепляющую силу. Он всегда жил в Отце, Его волю творил, Его поручение исполнял. Вполне естественно, что и теперь, в тяжелую минуту предсмертной тоски и борения, Он в Нем ищет опоры и укрепления. Гефсиманский сад, удаленный от городской сутолоки, был самым подходящим местом для последней тихой, уединенной молитвы.

Войдя в сад, Господь оставил Своих учеников у входа и взял с Собою только трех, самых близких и любимых, Петра, Иакова и Иоанна, бывших некогда свидетелями Его славного Преображения. На них можно было положиться. Их вера в Спасителя была крепче, чем у других, и их не соблазнила естественная человеческая слабость любимого Учителя, когда Он в предчувствии близких ужасных страданий начал ужасаться и тосковать.

Душа Моя скорбит смертельно, – сказал Он им, – *побудьте здесь и бодрствуйте. И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей; и говорил: Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты* (ст. 34–36).

Что переживал в эти минуты Спаситель и отчего Он ужасался и тосковал? Отчего смертельно скорбела душа Его?

Несомненно, пред Ним вставала картина предстоящей страшной казни… Голгофа… крест… мучительная смерть…

Но даже и эта мрачная картина вряд ли могла взволновать до такой степени и угнетать душу Того, Кто всю жизнь готовился к смерти как к заключительному моменту служения и в этой смерти видел залог будущего творчества и победы. Что-то еще другое должно было волновать Спасителя, вызывая в душе Его тоску и борение.

Чтобы понять тайную причину этих душевных страданий, необходимо помнить, что Господь взял на Себя все грехи человечества. Чем выше и чище душа человека, тем мучительнее переживает она всякий сознанный грех. Эти муки и томление от сознания греха даже для нас бывают порой нестерпимы. Какова же должна была быть туга и тоска праведной безгрешной души Богочеловека, принявшей в себя не один какой-либо грех, а все безграничное море зла, накопившегося в истории человечества! Все преступления прошлого, настоящего и будущего с их невероятной жестокостью, вся грязь сладострастия, вся низость лжи и предательства, вся гнусность порока, все, что когда-либо осквернило самые сокровенные уголки многострадальной земли – все это переживалось теперь Спасителем со страшной силой отвращения, ужаса и невыразимой скорби за падшего человека. *Душа Моя скорбит смертельно,* – сказал Он, и скорбь эта была так всеобъемлюща и неизмеримо глубока, что ее не могли постигнуть и вместить даже довереннейшие ученики. Гефсиманская чаша, о которой молился Господь и которую подал Сыну Своему Отец, – эта «чаша всех беззаконий, нами содеянных, и всех казней, нам уготованных, которая потопила бы весь мир, если бы Он Един не восприял, удержал, иссушил ее. …Все сии потоки беззакония сливались для Иисуса в единую чашу скорби и страданий…» (Филарет, митрополит Московский). *Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни… наказание мира нашего было на Нем.* Так предсказывал еще пророк Исайя (Ис. 53, 4–5). Несомненно, в этом и заключалась первая и, может быть, главная причина смертельной скорби, пережитой Спасителем в Гефсимании.

Кроме того, есть основание думать, что в эту минуту, когда полное спокойствие невозмутимого духа и вся сила решимости необходимы были Господу Иисусу для того, чтобы не поддаться человеческой слабости и не отшатнуться в ужасе от последнего заключительного шага, который должен был увенчать весь подвиг Его страдальческой жизни, – именно в этот момент все силы ада восстали против Него, стараясь сбить Его с пути, предопределенного в Божественном Предвечном Совете, и заставить отступить от этого конечного шага. Это был момент безгранично тяжелого и опасного искушения, последняя борьба Спасителя с сатаною, борьба внутренняя, незримая, в тайниках души, но страшная в своей напряженности.

«Безумец! – шептал коварный голос искусителя. – Что хочешь Ты делать и на что Ты решился? Понимаешь ли Ты весь ужас того, что Тебя ожидает, и рассчитал ли Ты Свои силы: ясно ли представляешь Ты Себе те страдания, на которые Ты идешь, их нечеловеческую силу, невыносимую боль и муку? Легко об этом думать, когда все это – только лишь в будущем, в мысли, в воображении! Но испытать на деле!.. Знаешь ли Ты, что это такое?

Вот, как разбойника, окружают Тебя грубые солдаты и служители синедриона с мечами и кольями. Они возьмут Тебя и свяжут, и впервые почувствуешь Ты боль впившихся в тело, туго затянутых веревок и эту невыносимую судорогу онемевших и затекших членов, которые нельзя расправить и вытянуть по желанию. Среди улюлюкающей и насмешливой толпы поведут Тебя на суд, как злодея, как бродягу больших дорог, захваченного глухой ночью на месте преступления.

Вот поставят Тебя пред судом первосвященническим, пред судом лжецов и клятвопреступников, которые уже давно забыли, что такое правда. Какое им дело до правды! В их сердце только злоба и мщение! Кругом не увидишь Ты ни одного приветливого лица, ни одной ободряющей улыбки, ни одного сочувственного взгляда! На этих хмурых, злых лицах уже заранее написан Твой смертный приговор. И когда продажные лжесвидетели будут обливать Тебя грязью клеветы и лживых обвинений, Ты принужден будешь молчать, потому что ни одному Твоему слову все равно не поверят. Ведь им не нужно Твое оправдание. Им нужна

Твоя смерть. Они сами прекрасно знают, что то, что они делают, называется не судом, а судебным убийством невинного человека, и что они не судьи, а разбойники, трусливо спрятавшиеся под маской судей и из боязни народа и власти желающие придать задуманному ими убийству вид судебной законности. Но что до того?! Для них позволительно и хорошо все, что только служит к достижению их гнусных целей!

А эта толпа пресмыкающихся прислужников, которые совсем не понимают, в чем дело, и ищут только случая угодить своим господам! Они знают только одно, что в их власть отдан беззащитный человек, который неприятен их повелителям, и что всякая жестокость, всякая злобная выходка, самая бесчеловечная, направленная против Него, останется безнаказанной и может лишь вызвать милостивую улыбку их господ. И разнуздываются жестокие инстинкты, начинаются побои. Вот тяжелая, жестокая рука с размаху опускается на Твое лицо, и сразу ошеломляет боль и сила удара. А там еще новые удары, еще сильнее, еще больнее.

Они свирепеют все больше и больше, они пьянеют от своей жестокости, не встречающей отпора, и вид беззащитного страдальца, молчаливо, кротко, без упрека переносящего их удары и издевательства, только возбуждает их бешенство. Они плюют Тебе в лицо, закрывают Тебе глаза и, ударив по щеке, с злобной насмешкой спрашивают: „Угадай, кто Тебя ударил?“

Смотри дальше: вот новый суд над Тобою – суд римского проконсула. Да, римский суд славится своею законностью, но эта законность не для Тебя. Можно ли соблюсти законность, можно ли правильно вести судебное разбирательство в этом море беснующихся людей, в этом вихре слепой, нерассуждающей ярости?! Взгляни на эти возбужденные лица, вспотевшие от духоты и давки, на эти взлохмаченные космы черных волос, слипшихся от пота, на эти выкатившиеся из орбит, горящие ненавистью глаза, в которых уже не осталось ни мысли, ни человеческого чувства, а только безумная злоба. Взгляни на этот лес поднятых костлявых рук со скрюченными пальцами, которые готовы, кажется, взять Тебя за горло и задушить, на эти открытые пасти, сведенные судорогой хриплого крика. Ты слышишь этот вой и рев? Слышишь, что они кричат?.. „Распни, распни Его!“ И это те, которые еще так недавно восторженно кричали Тебе: „Осанна!“ Что сделалось с ними? Откуда эта ненависть, эта бешеная злоба?! За что? Что сделал Ты им дурного? За какое доброе дело Твое они так возненавидели Тебя и требуют Твоей крови?

Ненависть всегда тяжела для чуткой души, для любящего сердца. Но такая слепая, беспричинная ненависть, которую нельзя умиротворить никакими оправданиями, никакими силами кротости, смирения и любви, такая ненависть ужасна. А когда ею загораются люди, облагодетельствованные Тобою, люди, за которых Ты готов душу положить, тогда она становится почти непереносимой.

И вот пресловутый римский суд, гордящийся своею законностью, после немногих жалких попыток соблюсти хотя бы некоторый вид судебного разбирательства и сохранить хотя бы наружное свое достоинство, отступает позорно пред этим бешеным напором криков, угроз и яростного возбуждения. Ты осужден на бичевание. А Ты знаешь, что это такое? Видал ли Ты когда-нибудь этот римский кнут с костяшками и железными когтями для наказания преступников? Каждый удар рассекает кожу и вырывает клочья живого мяса, оставляя глубокие рубцы и раны, не затягивающиеся и не зарастающие в течение всей жизни.

Но им, Твоим мучителям, этого мало. Жестокость пытки они усиливают издевательством и насмешками. Они одевают Тебя в старую рваную багряницу, которая должна изображать царскую порфиру, ибо в их глазах Ты самозванец, объявивший Себя царем Иудейским. Вместо скипетра они вкладывают в Твои руки простую палку, а вместо царской короны надевают на голову венок из терна и кланяются Тебе: „Радуйся, царь Иудейский!“ – и вместе с этим насмешливым приветствием Твоим же скипетром они бьют Тебя по Твоей короне,

по терновому венку, отчего десятки колючих игл острыми жалами впиваются в Твое чело и капли горячей крови тонкими струйками бегут по лицу!

Наконец – приговор суда, возмутительный, несправедливый: „Да будет распят!“ На Тебя, избитого, измученного наваливают тяжелый крест, на котором совершится Твоя казнь. И сгибаясь, спотыкаясь и падая под этою непосильною тяжестью, Ты должен нести его по пыльным улицам, среди злобно-торжествующей, зубоскалящей толпы на место Твоих смертных страданий.

И вот, конец… Мучительный, тяжелый, невыносимый. Позорная казнь через распятие, которой подвергают провинившихся рабов и муки которой Ты не можешь даже вообразить Себе. Острая боль от гвоздей, пронзивших руки и ноги в самых чувствительных местах; боль мускулов и сухожилий, разрывающихся под тяжестью висящего на них тела; жгучая боль воспаленных гангреной, точно огнем горящих, страшных рваных ран… Нет, представить это невозможно… А эта невыносимая, глухая, сосущая тоска около сердца от прилива крови, эта судорога, сводящая пригвожденные члены, эта нестерпимая, палящая предсмертная жажда!..

Подумай, куда Ты идешь и на что Ты решился? Хватит ли у Тебя сил на то, чтобы вытерпеть все это до конца? А если нет? О, каким позором покроешь Ты Свое дело, если в последнюю минуту дрогнет Твоя решительность, Ты уступишь человеческой слабости и изменишь тому, для чего жил и чему служил! И как правы будут Твои слабые ученики, усомнившиеся в своем Учителе и разбежавшиеся от Него при первом тяжелом испытании! Так не лучше ли уступить заранее или даже не уступить, а только немного уклониться в сторону, уклониться от мук, уклониться из осторожности, из благоразумия, из желания пользы Твоему же делу?!

И для кого страдать? Кого Ты думаешь спасать? Этих беснующихся людей, которые осудили Тебя на распятие? Этих лжецов, этих клятвопреступников, которые оболгали Тебя? Этих злобных безумцев, которые уже за одну проповедь любви возненавидели Тебя? Да разве они стоят того? Разве стоят они хоть одной капли невинной крови, одного вздоха, вырванного мучением за них страдающего человека? О, нет… Они не заслужили этого, и благодарности не жди от них. Оставь их в покое! Оставь это свиное бесноватое стадо! Ведь все равно: их нельзя спасти… Они скорее бросятся с крутизны в пучину на верную гибель, но за Тобой они не пойдут…

Ты скажешь: не все такие! О, все! Весь род человеческий таков. Даже Твои любимцы, Твои ученики! Поди, посмотри на них: что они делают и как они исполняют Твою просьбу побыть и бодрствовать с Тобою! Они знают, что Тебе сейчас невыразимо тяжело и так нужна их поддержка, их молитва, их сочувствие! Но поди, взгляни на них: как они бодрствуют с Тобой и как молятся за Тебя!»

И Спаситель вставал и тихой походкой измученного, страдающего человека шел к ученикам.

Великий Боже! Неужели искуситель прав? Да, они спят крепким сном, спят в такую страшную минуту!..

Симон! – слышится тихий, печальный голос, в котором, как дрогнувшая струна, звенит кроткий упрек, – *ты спишь? не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна.*

И снова Господь шел молиться, снова склонял колена, и снова звучал голос искусителя.

«Вот Ты видел их теперь?.. И ведь это лучшие, самые избранные, самые преданные Тебе… Подумай только: могут ли продолжать Твое дело эти слабые, робкие люди, которые не в силах справиться с простой сонливостью даже в такой решающий час? Какие они преемники для Тебя? Во что превратится Твое дело в их руках и что они из него сделают? Ведь для этого нужно геройство, нужно непоколебимое мужество, нужна полная решимость идти

на все до конца, идти на пытки, на смерть. И если даже Твои силы для этого под сомнением, то об этих сонливцах даже и сомневаться не приходится. Они не выдержат тяжести возложенного на них служения, и если не изменят трусливо в первых же стычках с враждебным миром, то уж наверное наделают в своей проповеди столько малодушных уступок и оговорок, что Ты не узнаешь Своих мыслей, Своего учения… А о других людях, о массе человечества и говорить нечего. Они просто не поймут Тебя… Схватят несколько Твоих отдельных, необычных по смыслу фраз, запомнят несколько красивых притчей, некоторое время будут носиться с ними, как с волшебным талисманом, способным изменить и улучшить жизнь, но жить по Твоим заповедям даже и не подумают, ибо это трудно… А когда увидят, что одна декламация христианских истин не в силах еще создать для них рай на земле (непременно на земле!), они отвергнутся от Тебя и объявят христианство неудавшимся… Пойми, что среди таких последователей, среди слабых людей века сего Твое дело совершенно невозможно, и если даже Ты сумеешь пройти Свой крестный путь до конца, то они не смогут идти за Тобой, изнемогут, не устоят в борьбе и изменят… Не для них Твой путь, узкий путь страданий и горя!

Посмотри: Ты совсем один! Никого за Тобой! Твои ученики спокойно спят и почивают… Во враждебном мире собирается против Тебя гроза… Ты оставлен всеми, даже Отцом! Небо заключилось пред Тобой! И весь ад против Тебя! Остановись, безумец! Ты идешь на верную гибель, бесполезную, бесцельную, никому не нужную!

Да, не нужную!.. Ты ошибся и выбрал неверный путь! На страдания, на позор во имя сомнительных благ будущего века никто за Тобой не пойдет. Кому это надо? Никто не хочет страдать. Люди хотят только наслаждаться. В Своем страдальческом венце Ты неизбежно останешься одиноким, и никто не назовет Тебя Своим вождем! Подумай, какой же смысл в Твоем подвиге? Ведь Тебе надо, чтобы люди шли за Тобой, иначе как можешь Ты спасти их?

Помнишь, когда-то я указывал Тебе другие пути, но Ты неразумно отверг их. Я указывал Тебе путь земных благ, путь славы, пусть власти… О, тогда за Тобой двинулись бы миллионы! Помнишь? Ну, конечно, Ты не забыл… Не мог забыть. Эта мысль всегда преследовала Тебя и горьким ядом сомнений отравляла Твою жизнь и Твое служение. Теперь скажи: разве я не был прав? Пересчитай Своих искренних последователей, которые пойдут за Тобой везде. Много ли их? И нет никаких оснований думать, что дальше, после Твоей смерти будет иначе! Поверь мне: только единицы, маленькая горсточка таких же сумасшедших энтузиастов, как Ты, будут Твоими. И стоит ли за это отдавать жизнь! За эту горсть!..

Такая великая идея – и такой ничтожный результат! Разве это не провал? И все лишь потому, что Ты не послушал меня и выбрал неверный путь!

Но есть еще время поправить дело: откажись от страданий! Страдания безрезультатны, страдания ради страданий без всякой действительной пользы для Тебя и для людей! Пусть это благородно, но кому и зачем это нужно? Откажись же от этого, безумец! Тебе стоит только пожелать, и двенадцать легионов Ангелов защитят Тебя и закроют от всякой опасности! Отчего же этим не воспользоваться?

И главное: если бы Твои страдания были неизбежны! Если бы они надвигались на Тебя с неумолимостью рока и с принудительностью не зависящей от Тебя силы, от которой нельзя и некуда скрыться! Тогда, конечно, не оставалось бы ничего другого, как принять их, как неизбежный крест, признать в них волю Отца и подчиниться ей с покорностью… Но ведь Ты даже не знаешь наверное: есть ли на то воля Отца! Ведь Ты идешь на смерть добровольно! Ведь это Твое собственное хотение, Твой выбор! И кто знает: не отвергнет ли Отец Твою ненужную жертву, не оставит ли Тебя за то, что так самонадеянно Ты бросаешь вызов судьбе!

Одумайся же… Еще есть время: скройся. Не надо защиты, не надо борьбы. Просто скройся, уйди из этого места… Твой Отец не осудит Тебя за то, что Ты внял голосу благоразумия! Уйди из Иерусалима, из Иудеи, и Ты будешь жить еще многие годы на пользу Сво-

его великого дела и на благословение людям. Ты им нужен, и Ты не должен их покидать! Скройся сейчас, и Ты еще долго будешь их учить, исцелять, успокаивать труждающихся и обремененных, вносить счастье и свет в их тяжелую, безрадостную жизнь… Скройся, уйди! Но спеши, потому что это место известно предателю, и толпа архиерейской челяди уже идет сюда, чтобы взять Тебя. Еще несколько минут, и будет поздно!..»

Так шептал искуситель, и в смертельной тоске, в невыразимой муке сомнений и колебаний молился Спаситель!

Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя! (Мф. 26, 42).

Чем тяжелее и напряженнее была внутренняя борьба, тем прилежнее Он молился, и был пот его, как капли крови, падающие на землю.

И горячая молитва совершила свое чудесное действие. Явился ему Ангел с неба и укреплял Его. Рассеялись тучи сомнений, кончилась нерешительность, прекратилась невыразимая мука колебаний. Надежда на помощь Отца не изменила. Прямой, ясный, понятный путь лежал перед очами, и твердой уверенной стопой вступил на него Спаситель. Он знал теперь, что другого пути нет, что путь креста и страданий – единственный верный путь, ведущий к цели. Знал также, что такова воля Отца и что не самонадеянно искушает Он Бога, но смиренно исполняет долг Сыновнего послушания.

Выбор пути определился окончательно. В человеческом сознании Господа выковалось последнее, непреклонное решение. Совершился великий момент в деле нашего спасения.

Когда Господь приходит к спящим ученикам в третий раз, в Его словах чувствуется уже спокойная уверенность и решимость, свободная от сомнений.

Кончено, пришел час: вот, предается Сын Человеческий в руки грешников. Встаньте, пойдем; вот приблизился предающий Меня (ст. 41–42).

И ясный, спокойный направился Он навстречу Своему предателю, появившемуся в саду с толпой солдат и архиерейских прислужников. С этого момента в нем уже нет колебаний. До самого конца видна лишь спокойная, твердая уверенность в правоте Своего дела и в неизбежности крестного пути, освященного волею Отца.

Во всей этой истории Гефсиманского искушения для нас заключается великий нравственный урок. Когда предстоит принять важное решение в жизни, от которого может зависеть вся будущность, когда слабый ум напрасно старается предугадать все случайности предстоящего пути и взвесить все доводы за и против того или другого выбора, когда воля беспомощно мечется от одного решения к другому, не смея остановиться ни на одном, тогда нет лучшего средства прекратить эту муку сомнений и колебаний, чем молитва. Мы знаем теперь это средство, знаем его действенность, ибо к нему всегда прибегал Спаситель в решительные и важные минуты жизни. Когда Ему предстояло избрать учеников для того, чтобы вверить им продолжение Его дела, тогда *взошел Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу. Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами* (Лк. 6, 12–13).

Точно так же поступали и все праведники Ветхого Завета, все истинные служители Бога Живого, все великие люди Священной истории. Пред каждым важным шагом или решением в жизни они горячо молились Богу и, несомненно, потому именно и были так успешны все их начинания и предприятия, потому и удавались им великие подвиги, казавшиеся невероятными, и была их деятельность так полезна для народа.

Когда старейшины Израиля пришли к Самуилу в Раму и просили его поставить им царя, чтобы он судил их, то молился Самуил Господу, и сказал Господь Самуилу: *послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе… только представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними… Послушай голоса их и поставь им царя* (1 Цар. 8, 7, 9, 22). И исполнил Самуил повеление Господне, полученное им в молитве, и поставил

царем над Израилем Саула, сына Кисова. Царь и пророк Давид почти во всех случаях своей жизни обращался за решением и вразумлением к молитве, и Господь обыкновенно отвечал ему, указывая правильный путь.

Когда Филистимляне услышали, что Давида помазали на царство над Израилем, то поднялись все Филистимляне искать Давида. ...Пришли и расположились в долине Рефаим. И вопросил Давид Господа, говоря: идти ли мне против Филистимлян? предашь ли их в руки мои? И сказал Господь Давиду: иди, ибо Я предам Филистимлян в руки твои. И пошел Давид в Ваал-Перацим и поразил их там, и сказал Давид: Господь разнес врагов моих предо мною, как разносит вода (2 Цар. 5, 17–20).

Готовясь приступить к величайшему делу своей жизни – постройке храма Господня в Иерусалиме, он делает громадные запасы золота, серебра и других металлов, устраивает среди своих подданных сбор на построение храма, и когда этот сбор вызывает религиозный подъем и великое усердие в Израиле к делу Божию, Давид снова горячо молится: *Господи, Боже Авраама, Исаака и Израиля, отцов наших! сохрани сие навек, сие расположение мыслей сердца народа Твоего, и направь сердце их к Тебе. Соломону же, сыну моему, дай сердце правое, чтобы соблюдать заповеди Твои, откровения Твои и уставы Твои, и исполнить все это и построить здание, для которого я сделал приготовление… И принесли Господу жертвы, и вознесли всесожжения Господу, на другой после сего день: тысячу тельцов, тысячу овнов, тысячу агнцев с их возлияниями, и множество жертв от всего Израиля* (1 Пар. 29, 18–19, 21).

Очень многие псалмы Давида написаны им в тяжелые или критические минуты жизни и представляют не что иное, как воззвание к Богу о помощи, о вразумлении, о наставлении.

Скажи мне, Господи, путь воньже пойду, яко к Тебе взях душу мою, – эта мольба, по-видимому, всегда была на устах царя-псалмопевца. Оттого велики и успешны были дела его.

Когда Неемия, находясь в плену у царя Артаксеркса, задумал восстановить разрушенные стены Иерусалима, то прежде всего обратился с молитвою к Богу: *Господи Боже небес, Боже великий и страшный, хранящий завет и милость к любящим Тебя и соблюдающим заповеди Твои!.. Молю Тебя, Господи! Да будет ухо Твое внимательно к молитве раба Твоего и к молитве рабов Твоих, любящих благоговеть пред именем Твоим. И благопоспеширабу Твоему теперь, и введи его в милость у человека сего* (Неем. 1, 5, И). И Господь внял горячей молитве. Неемия так рассказывает об этом:

Я был виночерпием у царя. В месяце Нисане, в двадцатый год царя Артаксеркса, было перед ним вино. И я взял вино и подал царю, и, казалось, не был печален перед ним. Но царь сказал мне: отчего лице у тебя печально; ты не болен, этого нет, а верно печаль на сердце? Я сильно испугался и сказал царю: да живет царь во веки! Как не быть печальным лицу моему, когда город, дом гробов отцов моих, в запустении, и ворота его сожжены огнем! И сказал мне царь: чего же ты желаешь? Я помолился Богу небесному и сказал царю: если царю благоугодно, и если в благоволении раб твой пред лицем твоим, то пошли меня в Иудею, в город, где гробы отцов моих, чтоб я обстроил его… И благоугодно было царю послать меня… И сказал я царю: если царю благоугодно, то дал бы мне письма к заречным областеначальникам, чтоб они давали мне пропуск, доколе я не дойду до Иудеи, и письмо к Асафу, хранителю царских лесов, чтоб он дал мне дерев для ворот крепости, которая при доме ***Божием,*** *и для городской стены, и для дома, в котором бы мне жить. И дал мне царь, так как благодеющая рука Бога моего была надо мною* (Неем.1, И; 2, 1–8).

Много трудностей пришлось встретить Неемии при воссоздании Иерусалима, но каждый раз молитва укрепляла энергию строителей, и трудности побеждались. *Стена была совершена в двадцать пятый день месяца Елула, в пятьдесят два дня,* – повествует Неемия. – *Когда услышали об этом все неприятели наши, и увидели это все народы, которые*

вокруг нас, тогда они очень упали в глазах своих и познали, что это дело сделано Богом нашим (Неем. 6, 15 16).

Библия рассказывает о двух женщинах-героинях, спасших свой народ от порабощения и истребления. Обе они свой подвиг начали молитвой. Одна из них жительница города Ветилуи, вдова Иудифь, убившая Олоферна, предводителя ассирийских войск, и тем спасшая родной город от осады и разорения. Когда ассирийцы, осаждавшие город, перехватили источники, снабжавшие Ветилую водой, жителям города грозила неминуемая гибель. Казалось, потеряна была последняя надежда на спасение: впереди была лишь мучительная смерть от жажды и от истощения. Тогда Иудифь решила спасти город. Обдумав план подвига, она прежде всего обратилась с молитвою к Богу. *Иудифь пала на лице,* – повествует Библия, – *посыпала голову свою пеплом и сбросила с себя вретище, в которое была одета; и только что воскурили в Иерусалиме, в доме Господнем, вечерний фимиам, Иудифь громким голосом воззвала к Господу и сказала: Господи Боже отца моего!.. Вот, Ассирияне умножились в силе своей, гордятся конем и всадником, тщеславятся мыщею пеших, надеются и на щит и на копье и на лук и на пращу, а не знают того, что Ты – Господь, сокрушающий брани. Господь – имя Тебе; сокруши же их крепость силою Твоею, и уничтожь их силу гневом Твоим… Воззри на превозношение их, пошли гнев Твой на главы их, дай вдовьей руке моей крепость на то, что задумала я. Устами хитрости моей порази раба перед вождем, и вождя – перед рабом его, и сокруши гордыню их рукою женскою; ибо не во множестве сила Твоя и не в могучих могущество Твое; но Ты – Бог смиренных, Ты – помощник умаленных, заступник немощных, покровитель упавших духом, спаситель безнадежных. ...Владыка неба и земли, Творец вод, Царь всякого создания Твоего! Услышь молитву мою, сделай слово мое и хитрость мою раною и язвою для тех, которые задумали жестокое против завета Твоего!* (Иудифь. 9, 1–2, 7-13).

Господь внял усердной молитве ветилуйской героини. Ей удалось пробраться в ассирийский стан и хитростью убить Олоферна, начальника ассириян, после чего осада была снята и вражеские войска рассеялись.

Точно так же и другая национальная героиня евреев, Есфирь, задумав попытку спасти своих сопленников, прежде всего обращается с молитвою к Богу, чем и объясняется ее необыкновенный успех.

Молитва нужна нам всегда, во всяком деле, но в важных случаях жизни, когда предстоит принять серьезное и ответственное решение, она совершенно необходима. Необходима не только потому, что через нее Господь подает Свою благодатную помощь для успешного исполнения задуманного, но и потому также, что решение, освященное молитвою, получает для молящегося особую силу и значение как согласное с волей Божией, чем устраняются все сомнения и колебания неустойчивой человеческой воли. Решениям нашей собственной воли мы никогда не можем доверять безусловно, ибо слишком хорошо знаем всю шаткость и близорукость наших соображений, чтобы положиться на них всецело. А при этом совершенно неизбежны колебания, ослабляющие нашу деятельность и через то понижающие шансы успеха. Но когда в сердце верующего человека есть твердое убеждение, что его решение согласно с волей Божией и что, исполняя его, он творит волю Божию, тогда его деятельность получает внутреннюю опору и силу необыкновенную, и никакие препятствия и неудачи остановить и поколебать ее не могут.

Но для этого «надлежит тебе приступать к молитве с таким настроением, чтобы тебе желалось одной Божественной воли, а никак не своей собственной, как в самом прошении, так и в получении просимого, именно, – чтоб и движим был ты на молитву, потому что того хощет Бог, и услышан быть желал, опять как Он того хощет. Одним словом, да будет у тебя в уме и сердце то, чтоб всецело объединять свою волю с волею Божиею, и ей во всем подчиняться и отнюдь не желать волю Божию преклонять на свою волю.

И это почему? Потому что воля твоя всегда срастворена с самолюбием, очень часто погрешает и не знает того, чего следует желать. Воля же Господня всегда блага, премудра, всеправедна, благотворна, и никогда погрешить не может. Почему как она есть неотложный закон для всего сущего и бывающего, так должна быть правилом для воли всех разумных тварей и царицею желаний их, которой они должны покорно во всем последовать.

Таким образом, тебе надлежит всегда желать, просить и искать того одного, что благоугодно Богу. И если когда усомнишься, благоугодно ли Богу то или другое, ищи того и проси в той мысли, что ты желаешь то сделать или иметь, если того желает и Бог» (Невидимая брань. Перевод с греческого епископа Феофана. 1912, стр. 189).

Так молился и Спаситель, подавая нам пример: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. ...Да будет воля Твоя* (Мф. 26, 39, 42).

Глава 14, ст. 43-52

На старинных церковных изображениях Страшного Суда в аду на самом почетном месте художники пишут обыкновенно Иуду. Он сидит на коленях у сатаны, держа в руках свой злосчастный кошелек с тридцатью сребрениками, а владыка преисподней нежно его обнимает, прижимая к персям. Это – любимейшее его чадо, его избранник; и уже на втором плане рисуются все остальные грешники, влекомые роковою цепью греха. Смысл картины ясен: Иуда это самое отвратительное исчадие ада, и его грех есть худшее из всего, что мы находим в истории человеческих преступлений, перед чем блекнут все пороки и грехопадения, все зло, совершенное другими людьми.

Почему так строго православная совесть осуждает предательство Иуды?

Конечно, прежде всего потому, что от его предательства пострадал наш Господь, наш Спаситель, наш Искупитель.

Иуда поднял пяту свою (Ин. 13, 18) на Того, Кому мы обязаны безграничной любовью за Его великий крестный подвиг нашего спасения.

Но помимо этого, в самой психологии и в способе совершения греха Иуды есть нечто такое, что придает ему невыразимо отталкивающий характер.

Неумение усвоить и оценить возвышенное учение Иисуса Христа, неспособность подняться на высоту новых понятий и отрешиться от грубо-своекорыстного взгляда на религию составляют, несомненно, дурную, но, быть может, наиболее извинительную черту характера Иуды, обнаруженную в его преступлении. Конечно, Иуда примкнул к числу учеников Спасителя, увлеченный таинственной силой Его чудес и той славой, которой окружила Его толпа на первых порах. Несомненно, он ожидал, что эта слава будет расти, власть над людьми увеличиваться и достигнет высшей степени, когда Равви сделается могущественным царем Иудейским и, быть может, покорит Себе все народы. О, тогда в этом царстве и Иуда рассчитывал занять не последнее место вместе с другими учениками, быть может, сделаться чем-нибудь вроде министра финансов, что особенно должно было дразнить его воображение, так как он был вор. И вместо этого он слышит непонятную проповедь о «царстве не от мира сего», слышит призыв взять крест добровольной нищеты и страданий и идти тесным и скорбным путем. Иуда был удивлен и разочарован. Но грубостью и низменностью своих религиозных понятий он вряд ли слишком выделялся из среды своих соотечественников. Еврейская масса еще мало была развита духовно, проникнута материалистическими стремлениями, и религия часто расценивалась, как дело выгоды и земного расчета. Любить Бога только как Бога, только потому, что Он есть Высшее Добро, Высшая Правда и Высшая Красота, на это способны были лишь немногие. Вспомните историю сорокалетнего странствования еврейского народа по пустыне, его постоянный ропот на Бога за трудности и лишения пути, его капризные требования то хлеба, то воды, то мяса и станет ясным, что в Боге они

видели прежде всего силу, которая может устроить их земное благополучие, ввести в обетованную Землю и обеспечить всем необходимым. Как только эта надежда начинала колебаться, они готовы были отказаться от Бога отцов своих и вернуться к египетским котлам с мясом и к египетским богам. Иуда в данном случае был только не лучше, не выше уровня среднего еврея своего времени, и это не слишком возмущает нас тем более, что и другие ученики не все и не всегда были чужды этого земного своекорыстия.

Более возмутительна неблагодарность неверного ученика. Но, опять-таки, с точки зрения Иуды, он совершенно не был обязан благодарностью своему Учителю. За что он должен был быть благодарным? Он не получил того, чего хотел, о чем мечтал, к чему стремился. Он считал себя обманутым, и та ничтожная сумма, за которую он согласился предать Спасителя, не говорит ли о том, что им руководило не столько корыстолюбие, сколько досада за обманутые надежды?

Но самое возмутительное в преступлении Иуды, с чем никак не может примириться человеческая совесть, это – его лицемерие, низость и лживость его души. Носить маску преданности и любви и в то же время коварно готовить предательство, сговориться с первосвященниками о цене крови своего Равви и после этого иметь наглость как ни в чем не бывало оставаться в тесном кружке Его ближайших учеников, вместе с ними участвовать в интимной и дружеской беседе последней вечери, когда скорбела смертельно душа Божественного Учителя и невольно искала любви и сочувствия, вместе с ними принять из Его рук преломленный хлеб, залог любви и доверия, вместе с ними с невинным и недоумевающим видом спрашивать: «кто Тебя предаст? не я ли, Господи?» Хуже, гнуснее этого лицемерия вряд ли что можно представить. Недаром даже Господь, всегда кроткий, всегда спокойный, *возмутился духом* (Ин. 13, 21).

Высшей степени низости это лицемерие и лживость души Иуды достигает в последний момент, когда он уже предает Спасителя в руки воинов и архиерейских служителей.

Он дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его и ведите осторожно. И, придя, тотчас подошел к Нему и говорит: Равви́! Равви́! и поцеловал Его. А они возложили на Него руки свои и взяли Его (ст. 44–46).

Поцелуй Иуды!.. Это выражение стало нарицательным для обозначения самых низких и подлых проявлений человеческого лицемерия. Несомненно, Иуда знал, что предает своего Учителя на смерть, ибо ничего другого нельзя было ожидать от мстительных первосвященников, и, зная это, он с лицемерной нежностью преданного и любящего ученика, как будто радуясь неожиданной встрече, говорит: «Равви! Равви!» – и при этом целует Его. В этот момент, кажется, уже никого нельзя было обмануть: он явно для всех является во главе вооруженного отряда с тем, чтобы взять Господа. Его роль предателя совершенно ясна, и в то же время беспримерная наглость его лицемерия такова, что он и теперь продолжает разыгрывать любящего, ни в чем не повинного ученика. Он целует Спасителя, а за несколько минут перед этим требует от стражи: *возьмите Его, и ведите осторожно!* По-гречески *ἀσφαλῶς,* то есть «крепко, надежно, смотрите, чтобы не убежал!»

Вот эта-то наглость лицемерия и возмущает больше всего, ибо ясно становится, что в этой черной душе нет ни признака, ни тени сознания того, что он поступает дурно. Если что и беспокоит его в этот момент, то лишь опасение, что его предательство раскроется перед учениками Господа, и они отомстят за это. Напрасные опасения! Его ожидает более страшный суд Того, Кого обмануть невозможно.

Правда, лицемерие как будто было в характере еврейского народа времен упадка и многие подвиги их национальных героев отмечены печатью хитрости и коварства. Вот, например, рассказ книги Царств об одном из подвигов Иоавова, начальника войск царя Давида: когда изменил Давиду Амессай и перешел на сторону Савея, отложившегося от царя, Давид послал слуг своих для преследования их. *И вышли… люди Иоавовы, и Хелефеи и Фелефеи, и*

все храбрые пошли из Иерусалима преследовать Савея, сына Бихри. И когда они были близ большого камня, что у Гаваона, то встретился с ними Амессай. Иоав был одет в воинское одеяние свое и препоясан мечом, который висел при бедре в ножнах и который легко выходил из них и входил. И сказал Иоав Амессаю: здоров ли ты, брат мой? И взял Иоав правою рукою Амессая за бороду, чтобы поцеловать его: Амессай же не остерегся меча, бывшего в руке Иоава, и тот поразил его им в живот, так что выпали внутренности его на землю, и не повторил ему удара, и он умер (2 Цар. 20, 7-10).

Приблизительно то же рассказывается в Книге Судей о подвиге Аода, убившего Еглона, царя Моавитского, покорителя израильтян, которому они служили восемнадцать лет (Суд. 3, 12–30).

В этих случаях мы также видим примеры коварства и лицемерия, но здесь оно оправдывается целью национального освобождения. У Иуды нет этого оправдания: он предает не врага, но Учителя, относившегося к нему всегда с глубокой любовью и заботливостью, не делавшего никакого различия между Своим предателем и другими учениками, наравне со всеми давшего ему дар и силу чудотворений и всегда призывавшего его только к добру, к свету, к правде.

Вот почему нас возмущает предательство Иуды; вот почему его поступок в песнопениях церковных называется «ножом, намазанным медом»; и вот почему в христианской иконографии он помещается в аду на коленях у сатаны, который и сам «ложь есть и отец лжи» и которому души лживые потому наиболее родственны.

Да, мы возмущаемся, и злодеяние Иуды нам кажется беспримерным, но, если вдуматься глубже, – в том мире, который называется христианским, немало таких примеров предательства то явного, то прикровенного, то враждебно-решительного, то лицемерно-замаскированного.

Вот перед нами французский писатель Ренан и его нашумевшая в свое время книга «Жизнь Иисуса Христа». Он как будто сочувствует Христу и рисует Его облик мягкими тонами, которые могут показаться иногда задушевными, но что он делает из Его Евангелия! Вместо книги, полной потрясающего величия и духовной силы, перед нами слащавая, пошлая пастораль, не только не способная возродить человека, но годная лишь на то, чтоб услаждать досуги послеобеденного отдыха богатого парижского буржуа. Недаром эту книгу называют «евангелием мещан». Ренан представляет здесь Христа как наивного мечтателя, как милого идеалиста, вообразившего в простоте Своей галилейской души, что Он может спасти человечество. Он как бы снисходительно треплет своего героя по плечу и, представляя Его читателю, просит любить и жаловать и… великодушно извинить Его увлечения и крайности. О Божестве Спасителя, о Его чудесах, о великом подвиге искупления человечества нет и речи. Разве это не «поцелуй Иуды»?! Он говорит Ему: «Равви! Равви!», целует и… предает в жертву современному неверию и безбожию.

Вот наш русский Ренан, граф Л.Н. Толстой, который все время говорит о Боге, как будто глубоко в Него верует, и вместе с тем вместо подлинного Евангелия подсовывает читателю свое евангелие, грубое, мелкое, лживое. Опять-таки, как это напоминает «поцелуй Иуды»!

Да и мы сами разве не предаем часто Христа?!

Чем? – вы спросите. Каждый раз, когда, нося имя христианина, мы поступаем не похристиански; каждый раз, когда, исповедуя устами учение Христа, мы жизнью и делами нарушаем Его заповеди; каждый раз, когда наружно преклоняясь перед Христом и оказывая Ему внешнее богопочтение, мы своим недостойным поведением даем неверующим повод указывать на нас пальцами и говорить: «Смотрите, каковы эти христиане! Хуже язычников и безбожников! Чему научил их Христос? Их религия – сплошное лицемерие»; каждый раз, когда ради нас, *как написано, имя Божие хулится у язычников* (Рим. 2, 24), – мы, строго говоря, совершаем грех Иуды, грех предательства, быть может, не в такой явно враждебной

форме, но несомненно обнаруживая то же лицемерие и внутреннюю лживость души. Мы предаем Христа на позор и укоризну внешним.

«Был некий человек, грешник, – повествует одно старое христианское сказание, – который каждый день, отправляясь на греховные дела свои, становился пред иконой Божией Матери и читал Ей акафист: „Радуйся, Невесто Неневестная!“ Но вот однажды во время чтения акафиста он с ужасом видит, что на руках и ногах Предвечного Младенца открылись глубокие, зияющие раны, и из них сочится кровь. И в трепете и страхе он воскликнул: „Матерь Божия! Кто же это сделал?“ И слышит тихий голос, полный глубокой укоризны: „Ты и подобные тебе грешники!“»

Не похож ли этот грешник на Иуду, предающего лобзанием Спасителя, или на тех воинов, которые говорили Ему: «радуйся, Царь Иудейский!» и били Его тростью по голове? И не похожи ли мы сами на этого грешника, когда после молитвы идем на свои греховные дела, забывая и заповеди Божии, и свои молитвенные восторги? Лучше бы нам совсем не знать Бога и не молиться, ибо *раб… тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше* (Лк. 12, 47–48). Тяжел грех лицемерия и неверности и в то же время слишком свойствен падшему человеку. Недаром Православная Церковь в уста христиан, приступающих к величайшему таинству единения со Христом, к Таинству Святого Причащения, влагает слова, полные горького сознания своей немощи и двоедушия, и учит молиться Богу об искренности и цельности нашей веры и любви: «…ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!»

Предательство Иуды можно назвать неверностью активною. На это способны лишь очень порочные люди, захваченные притом какою-либо страстью: корыстолюбия, властолюбия, честолюбия и т. п. Они приходят к Богу с корыстными целями, принимая религию лишь как средство устроить свое земное благополучие. Не получив желаемого и обманувшись в своих расчетах, они со злобой отходят от религии и становятся самыми злыми ее врагами. Вот почему, приступая к служению Христу, надо чаще проверять себя: не связываем ли мы с этим служением корыстных видов на земное благополучие, и с этой язвой души необходимо бороться всеми силами, иначе разочарование и связанное с ним отступничество, если не прямое предательство, почти неизбежно.

Но кроме этой неверности, названной нами активной, есть еще неверность пассивная.

Оставив Его, все бежали (ст. 50).

Вместо того, чтобы защищать своего Учителя и, если нужно, умереть с Ним, как обещали они еще так недавно (Мк. 14, 31), ученики все в страхе разбежались. Господь остался один во власти воинов и первосвященнических служителей.

Были ли ученики равнодушны к судьбе Спасителя? Конечно, нет. Но их любовь к Нему была еще не настолько сильна, чтобы устоять против страха ареста и смерти. Кроме того, и защита Учителя при данных условиях была почти невозможна. Слабые, перепуганные, безоружные (если не считать двух мечей), что они могли сделать против отряда вооруженных воинов? Вот почему Господь и не осуждает их слишком строго, когда с грустью предупреждает об этой измене: *вы рассеетесь каждый в свою сторону и Меня оставите одного* (Ин. 16, 32).

Но очень часто люди отказываются защищать религиозную истину и правду Божию не потому, что не могут, а потому, что совершенно равнодушны к Богу и к религии, и в этом случае они уже не имеют извинения. *Знаю твои дела,* – говорит Господь, – *ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих* (Откр. 3, 15–16). Мы носим имя христиан и часто равнодушно смотрим, как около нас торжествует зло, страдает угнетенная невинность, попираются заветы веры, разгорается ненависть между людьми и вражда против Бога. А мы оста-

емся безучастными зрителями, не делая ровно ничего для того, чтобы остановить зло. Мы забываем, что отвечаем пред Богом не только за себя, но и за грехи братьев своих, ибо вместе с ними составляем единое тело Церкви Христовой и грех одного из нас неизбежно распространяется на всю Церковь, заражая других и подвергая их наказанию вместе с согрешившими. *Страдает ли один член,* – говорит апостол, – *страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы – тело Христово, а порознь – члены* (1 Кор. 12, 26–27).

В книге Иисуса Навина, в истории завоевания Ханаана евреями рассказывается такой случай: один из сынов Израилевых, некто Ахан из колена Иудина, совершил тяжелое преступление пред Господом, присвоив себе прекрасную Сеннаарскую одежду, двести сиклей серебра и слиток золота из добычи, отнятой у неприятеля, вопреки прямому запрещению Божию. И гнев Господень возгорелся на сынов Израиля. Отступил от них Господь, и первый раз в земле Ханаанской евреи потерпели поражение от жителей Гая. Когда Иисус Навин с молитвою воззвал о сем к Богу, то *Господь сказал Иисусу: встань, для чего ты пал на лице твое? Израиль согрешил, и преступили они завет Мой, который Я завещал им; и взяли из заклятого, и украли, и утаили, и положили между своими вещами; за то сыны Израилевы не могли устоять пред врагами своими и обратили тыл врагам своим, ибо они подпали заклятию; не буду более с вами, если не истребите из среды вашей заклятого* (Иав. 7, 10–12). Когда после этого Иисус Навин нашел виновника преступления, то сказал ему: *за то, что ты навел на нас беду, Господь на тебя наводит беду в день сей* (Иав. 7, 25). И взяли Ахана с его сыновьями и дочерями, и побили их все израильтяне камнями, и сожгли их огнем, и наметали на них камни. *После сего утихла ярость гнева Господня* (Иав. 7, 26).

Таким образом, за грех одного еврея наказан был весь Израиль. Посему на нарушение заповедей Божиих евреи всегда смотрели не как на личный грех, а как на преступление против всего общества израильского. Этим и объясняется строгость Закона Моисеева, установившего смертную казнь почти за каждое нарушение Заповедей Божиих, а также та ревность, с которою верные закону сыны Израиля стремились истребить грех из среды народа, не останавливаясь перед самыми решительными мерами. Когда во время путешествия евреев по пустыне*некто из сынов Израилевых пришел и привел… Мадианитянку, в глазах Моисея и в глазах всего общества сынов Израилевых, когда они плакали у входа скинии собрания. Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, увидев это, встал из среды общества и взял в руку свою копье, и вошел вслед за Израильтянином в спальню и пронзил обоих их, Израильтянина и женщину в чрево ее… И сказал Господь Моисею, говоря: Финеес, сын Елеазара, сына Аарона священника, отвратил ярость Мою от сынов Израилевых… в ревности Моей* (Чис. 25, 6–8, 10–11).

Даже в том случае, когда евреи были не в силах остановить грех, они не оставались безучастными зрителями, но обращались к последнему, но, быть может, самому могущественному средству – к молитве. В эпоху Маккавеев один из языческих начальников, некто Илиодор, хотел войти в храм Иерусалимский, чтобы взять хранившиеся там вклады, составлявшие имущество вдов и сирот. Это было великое святотатство и осквернение храма, но остановить эту попытку евреи не могли. *Тогда произошло немалое волнение во всем городе. Священники в священных одеждах, повергшись пред жертвенником, взывали на небо, чтобы Тот, Который дал закон о вверяемом святилищу имуществе, в целости сохранил его вверившим. Кто смотрел на лице первосвященника, испытывал душевное потрясение; ибо взгляд его и изменившийся цвет лица обличал в нем душевное смущение. Его объял ужас и дрожание тела, из чего явна была смотревшим скорбь его сердца. Иные семьями выбегали из домов на всенародное моление, ибо предстояло священному месту испытать поругание; женщины, опоясав грудь вретищами, толпами ходили по улицам; уединенные девы иные бежали к воротам, другие – на стены, а иные смотрели из окон, все же, про-*

стирая к небу руки, молились. Трогательно было, как народ толпами бросался ниц, а сильно смущенный первосвященник стоял в ожидании. Они умоляли Вседержителя Бога вверенное сохранить в целости вверившим. А Илиодор исполнял предположенное. Когда же он с вооруженными людьми вошел уже в сокровищницу, Господь отцов и Владыка всякой власти явил великое знамение: все, дерзнувшие войти с ним, быв поражены страхом силы Божией, пришли в изнеможение и ужас (2 Мак. 3, 14–24).

Таким образом, того религиозного равнодушия и пассивной неверности, которые составляют позор современных христиан, у ветхозаветных евреев не было. В общем, они всегда были преданы религии и верны своим отечественным преданиям. В особенности это проявлялось в эпохи гонений, когда они без колебания жертвовали жизнью, защищая свои святыни, и когда никакие пытки и казни не могли заставить их изменить отечественным законам и нарушать религиозную верность. Вот поразительный рассказ той же книги Маккавейской о страданиях семи братьев и их матери, замученных языческим царем, Антиохом, за то, что не хотели они перейти к эллинским обычаям и изменить одной старине и национальным заветам:

Случилось… что были схвачены семь братьев с матерью и принуждаемы царем есть недозволенное свиное мясо, быв терзаемы бичами и жилами. Один из них, приняв на себя ответ, сказал: о чем ты хочешь спрашивать, или что узнать от нас?мы готовы лучше умереть, нежели преступить отеческие законы. Тогда царь, озлобившись, приказал разжечь сковороды и котлы. Когда они были разожжены, тотчас приказал принявшему на себя ответ отрезать язык и, содрав кожу с него, отсечь члены тела, в виду прочих братьев и матери. Лишенного всех членов, но еще дышущего, велел отнести к костру и жечь на сковороде; когда же от сковороды распространилось сильное испарение, они вместе с матерью увещевали друг друга мужественно претерпеть смерть… Когда умер первый, вывели на поругание второго и, содрав с головы кожу с волосами, спрашивали, будет ли он есть, прежде нежели будут мучить по частям его тело? Он же, отвечая на отечественном языке, сказал: нет. Поэтому и он принял мучение таким же образом, как первый. Быв же при последнем издыхании, сказал: ты, мучитель, лишаешь нас настоящей жизни, но Царь мира воскресит нас, умерших за Его законы, для жизни вечной. После того третий подвергнут был поруганию, и на требование дать язык – тотчас выставил его, неустрашимо протянув и руки, и мужественно сказал: от неба я получил их и за законы Его не жалею их, и от Него надеюсь опять получить их… Наиболее же достойна удивления и славной памяти мать, которая, видя, как семь ее сыновей умерщвлены в течение одного дня, благодушно переносила это в надежде на Господа. Исполненная доблестных чувств и укрепляя женское рассуждение мужеским духом, она поощряла каждого из них на отечественном языке и говорила им: я не знаю, как вы явились во чреве моем; не я дала вам дыхание и жизнь; не мною образовался состав каждого. Итак Творец мира, Который образовал природу человека и устроил происхождение всех, опять даст вам дыхание и жизнь с милостью, так как вы теперь не щадите самих себя за Его законы (2 Мак. 7, 1–5, 7-11, 20–23).

Вот эта-то верность в годины испытаний особенно ценна в религиозной жизни. Нетрудно оставаться верным и не изменять Господу, когда жизнь протекает ровно и спокойно и когда эта верность не связана с лишениями и скорбями, но трудно устоять, когда за великое право быть верным рабом Господним приходится расплачиваться тяжелой ценой страданий. В этом и сказывается настоящая преданность и любовь к Господу верных и искренних учеников Его, и этот-то дух верности отличает всех духовно великих людей и подвижников Православной Церкви.

Когда императрица Евдоксия, озлобленная проповедническими обличениями святителя Иоанна Златоустого, искала погубить его, он в письме к Киприану, своему священнику, следующими словами засвидетельствовал свою верность пастырскому служению и твер-

дость в вере: «Если императрица повелит меня перепилить, пусть распилят, – то же было и с Исаиею; если захочет бросить меня в море, пусть бросит, – я все помню об Ионе; если ввергнет в огненную пещь, я знаю трех отроков. Предаст диким зверям на растерзание? Был предан им и Даниил во рву львином. Захочет отсечь голову? Я буду иметь в том сообщником Иоанна. Побить камнями? Я найду одобрение в Стефане. Захочет отнять все блага и имущества? Пусть отнимет все: наг изыдох от чрева матери моея, наг и отыду. *Кто ны разлучит от любве Божия; скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? …О сих всех препобеждаем за Возлюбльшаго ны* (Рим. 8, 35, 37)».

Почему эти великие люди были так непоколебимо верны Богу? В чем заключаются основания этой твердости?

Секрет религиозной верности – это живая вера в Бога и любовь к Нему. Благодаря этой вере и любви для подвижников Церкви самым важным в жизни было – исполнение воли Божией. Все остальное было для них уже на втором плане, а многое и совершенно не заслуживало внимания. В их жизни была одна основная идея, и ничто не могло отклонить от нее. Ради нее все приносилось в жертву. Эта идея всей жизни – служение Богу и правде до полного самоотречения. Человек настолько проникался мыслью об этом служении, что самого себя приносил в жертву полного всесожжения. В конце концов и каждый христианин должен дойти до этой полной готовности принести себя в жертву Богу.

Надежда на будущую великую награду, на загробное мздовоздаяние поддерживает эту готовность.

Языческий царь потребовал от христианского епископа отречения от веры. «Не могу!» – был ответ. «Почему? Разве ты не знаешь, что жизнь твоя в моей власти? Одно мановение руки, и тебя не будет на свете!» – «Знаю, – ответствовал мученик, – но представь себе, что твой вернейший слуга попал к врагам твоим… Его старались заставить изменить тебе, но он остался непоколебим… Пытки, насмешки – ничто не могло сломить его твердости. Все было напрасно… Скажи, когда поруганный, измученный и обнаженный вернется он к тебе, не вознаградишь ли его честью и славой за поругание и не дашь ли ему лучшие одежды?» – «К чему говоришь ты это?» – «Царь, ты можешь снять с меня эту земную одежду, то есть лишить жизни, но Господь облечет меня в новую, лучшую… Он даст мне вечную жизнь во славе Своей бесконечного царствования!»

Вот эта надежда на награду, с которой ничто сравниться не может, поддерживала в святых верность Богу и необыкновенную, мужественную стойкость, пример чего мы видели и в мучениках Маккавеях.

Таким образом, вера, надежда, любовь – вот основания христианской верности, и эта верность, в свою очередь, является для них проверкой и показателем. О неверном, неустойчивом, колеблющемся человеке можно без ошибки сказать, что в нем нет ни веры, ни надежды, ни любви настоящей, то есть нет основных христианских добродетелей, без которых не может быть спасения.

Почему верность ценна в очах Божиих?

Господь ценит не столько дела, сколько качества человека. В конце концов, важно не столько то, что ты делаешь, а что собой представляешь. А качества вырабатываются длинным рядом повторных усилий, сделанных в одном направлении. Это и есть верность. Только при условии верности может создаться настоящий христианский характер с его благородством и другими возвышенными качествами.

Итак, сделаем для себя выводы из сказанного.

Верность Богу необходима и обязательна для каждого христианина как условие спасения. *Буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота,* – говорит Господь (Откр. 2, 10). Эта верность налагает на нас обязанность исповедовать мужественно веру свою, когда того требуют обстоятельства, не отрекаясь от Бога, хотя бы это грозило страданиями и смертью;

защищать свои святыни всеми силами и, в крайнем случае, если это невозможно для нас, то молиться усердно Господу о сохранении их и о прощении наших грехов, которые обыкновенно и делают нас недостойными этих святынь, почему Господь нас и лишает их.

Только свято исполнив эти обязательства, мы можем надеяться услышать в день Страшного Суда Божия милостивый приговор: *Добрый рабе, благий и верный... вниди в радость Господа твоего* (Мф. 25, 21).

Глава 14, ст. 53-65

Было уже далеко за полночь, когда воины и служители архиерейские взяли Господа. Ему связали руки и повели из Гефсимании сначала по спуску в долину Иосафатову, потом через мрачный поток Кедрон и по крутой, неудобной тропинке поднялись к городу. По всей вероятности, Его вели через те самые ворота, в которые Он лишь за несколько дней до этого совершил Свой царский вход в Иерусалим. Тогда путь Его был устлан пальмовыми ветвями. Тогда встречавший и провожавший Его народ восклицал в радостном воодушевлении: *осанна Сыну Давидову!* А теперь через те же самые ворота Его вели связанного, опозоренного, как преступника, как злодея, в сопровождении грубых солдат и враждебно глумящейся толпы.

Далее путь шел по улицам Иерусалима и поднимался на храмовую гору, на высоту 800 футов, где находился дом и двор первосвященника. Эту должность в то время занимал некто Каиафа, представитель саддукейской секты, тот самый, который некогда в совете синедриона высказал свое мнение о Спасителе: лучше, чтобы один человек умер за народ (Ин. 11, 50). На его двор и отвели Господа после краткого предварительного допроса, произведенного другим первосвященником, Анною, находившимся в отставке и лишенным своей должности римлянами, но пользовавшимся большим влиянием не только в Иерусалиме, но и во всем Иудейском народе. Об этом предварительном допросе евангелист Марк, впрочем, не упоминает, вероятно, потому что для решения судьбы Спасителя он не имел значения. Анна, находясь в отставке, не имел судебных прав и не мог постановить никакого приговора по данному делу. Поэтому после краткого допроса он отослал Господа с тем же конвоем к действительному первосвященнику Каиафе.

Иосиф Каиафа, зять первосвященника Анны, подобно своему тестю, был человек хитрый и чрезвычайно неразборчивый в средствах. Он уже приготовился к суду над Иисусом и распорядился как можно скорее созвать все верховное судилище. Надо было торопиться, чтобы в эту же ночь покончить все дело осуждения Спасителя, ибо уже наступал праздник Пасхи, когда сношения с римской Преторией, куда следовало по закону представить осужденного для окончательного приговора и казни, были невозможны для правоверного иудея, так как оскверняли его, не позволяя участвовать в обряде вкушения пасхального агнца. Кроме того, несомненно, опасались и возмущения в народе, собравшемся в Иерусалим на праздник в громадном количестве, зная, что в его среде найдется много сторонников и защитников Великого Подсудимого. Чтобы избежать нежелательного вмешательства этой восточной толпы, быстро возбуждающейся и способной на самые неожиданные и крайние эксцессы, вернее было закончить дело поскорее, прежде чем разнесется весть об аресте Спасителя. Нельзя было терять ни одного часа ввиду того, что могли возникнуть непредвиденные случайности, грозившие расстроить весь ход дела и разрушить решенный план казни. Вот почему все члены верховного судилища сошлись немедленно по первому зову. В то время, как бедные апостолы не могли бодрствовать и одного часа во время молитвы Христа, эти гнусные заговорщики не спали всю ночь, питая свою злобу. Весь суд имел странно-таинственный, какой-то воровской характер, напоминая не собрание представителей правды

и законности, а сговор разбойников, секретно обсуждающих план преступления, низость которого, по-видимому, чувствовалась всеми.

Интересно отметить, что с этого момента фарисеи исчезают из евангельского повествования.

Раньше они являлись перед нами как самые ожесточенные, непримиримые враги Господа, сильно желали и добивались Его смерти и ради этого вступили даже в соглашение с аристократическими главарями священников, саддукеями, от которых в обыкновенное время отделялись всякими различиями – политическими, социальными, религиозными; но с того момента, когда заговор созрел и задержание Спасителя состоялось, фарисеи принимают так мало участия во всем этом деле, что о них ни разу более не упоминается, в особенности при изложении дальнейших событий, имевших отношение к аресту Спасителя, допросам, надругательствам над Ним и Его распятию. На их место заступают священники и старейшины, которые и ведут дело дальше вплоть до смертного приговора и казни; и все эти судьи по преимуществу саддукеи. Объясняется этот странный факт очень просто. Фарисеи не имели законной, официально-судебной власти, так как не занимали тех должностей, которым эта власть была предоставлена. Их почти не было в среде священников и очень мало в составе старейшин народа и членов синедриона. Должности эти требовали постоянных сношений с гражданской римской языческой властью, причем неизбежно возникали столкновения между нормами римского права и римской административной практики, с одной стороны, и постановлениями иудейского отечественного закона, с другой. Приходилось, по необходимости, подчиняясь силе, делать уступки и входить в компромиссы, недостойные чистокровных ревнителей отеческих преданий, какими считали себя фарисеи. Кроме того, подобные уступки возбуждали негодование среди массы еврейского народа, с большим раздражением переносившего римское иго, и роняли авторитет и влияние тех, кто их допускал; а этим влиянием среди народа фарисеи дорожили, кажется, больше всего. Вот почему они не участвовали в открытом суде над Спасителем в качестве официальных судей. Они могли возмущаться Его речами, с ожесточением спорить с Ним, могли натравливать на Него народ, вести подпольную интригу и составлять заговоры против Него, но когда надо было действовать и пустить в ход судебный аппарат, чтобы привести дело к кровавой развязке, тогда надо было предоставить это саддукеям, которые в качестве священников и членов верховного судилища обладали нужной для этого властью.

Но почему саддукеи могли ненавидеть Господа и желать Его смерти? Насколько можно судить на основании евангельских повествований, они редко приходили в открытое столкновение со Спасителем, и из уст Его не выслушали, может быть, и десятой доли тех обличений, которые направлены были против фарисеев. Это вполне понятно: отличаясь религиозным индифферентизмом, они могли совершенно равнодушно выслушивать самые разнообразны учения, особенно по вопросам нравственным и догматическим, а в тех случаях, когда Господь опровергал фарисейски преувеличенные воззрения на значение внешнего, обрядового благочестия, по всей вероятности, они были даже с Ним согласны. Поэтому речи Спасителя, пока они направлялись к народу и касались отвлеченных вопросов и нравственный правил, не возбуждали в них ничего, кроме скептической усмешки и иронических возражений, как это мы видим в их споре о браке и о будущей жизни (Мк. 12, 18–27).

Но был один случай, когда столкновение Спасителя с саддукейскими священниками приняло чрезвычайно резкую форму. Это случилось тогда, когда Господь после Своего торжественного входа в Иерусалим вошел в храм и начал выгонять из него продавцов с огромной укоризной: *не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? а вы сделали его вертепом разбойников. Услышали это,* – прибавляет евангелист, – *книжники и первосвященники, и искали, как бы погубить Его* (Мк. И, 17–18).

В чем тут дело? Почему священники, которые сами обязаны были следить за благопристойностью поведения в храме, за порядком и чистотою в нем и не должны были никоим образом допускать возмутительного превращения его в базарную площадь, эти самые блюстители порядка проникаются смертельною ненавистью к Спасителю, когда Он исполняет за них пренебреженную ими обязанность и очищает храм?

Недоумение это разрешается очень просто, когда мы узнаем, что священники сами участвовали в этой торговле, сами содействовали превращению храма в «вертеп разбойников». Корыстолюбие, преобладающий грех Иуды, главный грех иудейского народа, было главным грехом и семейства первосвященника Анны. Известно, что члены этого семейства имели четыре лавки, знаменитые «хануйоты», где продавали предметы, чистые по закону, и торговали ими с таким умением и искусством, что им удавалось поднимать цену жертвенных голубей до золотой монеты. Есть все основания думать, что лавки не только были устроены с позволения священников, но даже и существовали именно ради их выгоды. Вмешиваться в это дело – значило лишать священников важного источника доходов. Уже одно это обстоятельство могло служить достаточною причиною, почему первосвященник Анна, этот главный представитель саддукейской торговли, вместе со своею кликою начал стремиться к тому, чтобы погубить ненавистного им Галилейского Пророка, действия Которого направлены были против их алчности и били по карману, то есть по самому чувствительному месту саддукейского священника.

Но кроме того, у священников, несомненно, возникала ревность о власти. Их самолюбие и властолюбие возмущались при одной мысли, что какой-то выходец из невежественной Галилеи, откуда «ничто доброго быти не может», который и в храме бывал только по праздникам, позволяет себе так энергично и самовластно распоряжаться там, где они чувствовали себя полными хозяевами.

Вмешательство Господа в храмовые порядки вызывало в них озлобленное негодование и чувствовалось ими как самозваное нарушение их неотъемлемых прав. Сколько плохо скрытой злобы чувствуется в их вопросе, предложенном Спасителю по этому поводу: *какою властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал власть делать это?* (Мк. 11, 28). Ответа на этот вопрос, как мы знаем, они не получили.

Опасения священников, впрочем, шли, по-видимому, гораздо дальше неприятного беспокойства за свои доходы. Они с тревогой следили за возрастающим влиянием Иисуса Христа на народ, стекавшийся к Нему со всех сторон и готовый провозгласить Его царем, и невольно спрашивали себя: до каких пределов дойдет это влияние и не будут ли они принуждены лишиться всей своей власти, уступив ее этому Галилейскому Пророку? Эта тревога за власть и влияние на народ ясно слышится, когда они рассуждают между собой: *что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него* (Ин. 11, 47–48).

Нам становится, таким образом, понятною ненависть священников и книжников саддукейской партии по отношению к Господу. Алчность и властолюбие, две страсти наиболее сильные в душе порочных людей, были потревожены деятельностью и проповедью Спасителя и вызывали это озлобление.

Был, вероятно, уже второй час ночи, когда Господа привели во двор Каиафы и поставили пред верховным судилищем. Почти все были в сборе. Участь Спасителя, конечно, уже была решена заранее, но необходимо было придать суду видимую, формальную правильность, чтобы под маской кажущегося беспристрастия и справедливости не было видно настоящих мотивов убийства, и еще более, чтобы не навлечь на себя обвинения в нарушении закона.

Положение судей было довольно трудное. Само собой понятно, что о настоящих причинах ненависти и возбуждения судебного дела нельзя было говорить в открытом собрании.

Но, с другой стороны, и изобрести обвинение, хотя бы отдаленно связанное с действительными фактами и в то же время достаточное для смертного приговора, представляло нелегкую задачу. Не говоря уже о том, что в жизни Спасителя невозможно было найти ни одного темного пятна, которое могло бы служить основанием для такого приговора, сами разногласия между господствующими иудейскими партиями затрудняли положение. Если бы судьи стали обвинять Его в каком-либо мнимом сопротивлении гражданской власти или в очищении храма, которое они могли представить как публичный скандал в святом месте, то это могло скорее вызвать сочувствие к Нему фарисеев, пылавших патриотическою ненавистью к римлянам и неприязненно смотревших на профанацию святынь храма священниками. Поставить в вину Спасителю то, что обыкновенно ставили фарисеи, – нарушение отеческих преданий и Моисеева Закона, преимущественно постановлений о субботе – саддукейские судьи не могли, потому что такая вина согласовалась бы с их собственными взглядами.

Оставалось одно средство обратиться к лже свидетелям. При тогдашнем упадке нравов иудейского народа не составляло большого труда набрать целую толпу негодяев, которые готовы были клятвою подтвердить любое, самое невероятное обвинение, возведенное на кого бы то ни было. По всей вероятности, эти лжесвидетели получили соответствующие инструкции от судей и, подготовленные заранее, выступили со своими обвинениями. Увы! Все эти обвинения не были достаточны для того, чтобы погубить Подсудимого окончательно, быть может, именно потому, что лживые, выдуманные свидетельства редко согласуются между собой, а по закону требовалось единодушное, торжественнее показание, по крайней мере, двух свидетелей, чтобы обвинение имело силу и было принято судилищем.

Наконец явились два лжесвидетеля, говорившие одно и то же. Они единодушно заявили: *мы слышали, как Он говорил: Я разрушу храм сей рукотворенный, и через три дня воздвигну другой, нерукотворенный. Но и такое свидетельство их не было достаточно* (ст. 58–59).

Первосвященники, старцы и весь синедрион искали ложного свидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не нашли ничего. Три года они стерегли Его во всех Его словах, делах и во всех Его путях. Три года непрерывно они следили проницательным взором ненависти и злобы за всею Его жизнью, чтобы хоть в чем-нибудь найти вину или проступок. Три года они строили Ему всевозможные козни в надежде, что Он хоть однажды скажет легкомысленное слово, хоть однажды сделает необдуманный или несправедливый шаг. И однако в эту минуту, подводя итоги, они не могли найти в Нем никакой вины, и их придирчивый суд, самым тщательным образом перебрав все мелочи Его прошлого, должен был против воли признать, что перед ними стоял Святой и Безгрешный. В Его жизни не было пятен, и в блеске сияющей невинности Он стоял пред Своими судьями как олицетворенный вопрос, предложенный Им когда-то: *Кто из вас обличит Меня в неправде?*

Лжесвидетели оказались бессильны и ничем не могли помочь пристрастному судилищу. А если бы эти судьи захотели действительно услышать голос правды и допросить всех лиц, которые когда-либо были вместе с Господом, слышали Его учение и были очевидцами Его великих деяний; если бы на суд явились все те страждущие, несчастные, больные, бедные, труждающиеся и обремененные, которых Он исцелял, ободрял, утешал, которые на себе испытали Его участие и сострадание; если бы все они дали свои правдивые показания, – о, какой ослепительно сияющий образ великой Божественной Любви встал бы тогда в этом мрачном судилище! И как позорно рухнули бы все мелочные взводимые на Него обвинения! Но этим судьям правда была не нужна, и других свидетелей, кроме своих лживых, они не вызвали.

Попробуем мы сделать это и исправить их преступное опущение. Будем беспристрастны: допустим не только друзей, но и врагов – всех, кто оставил свой отзыв о Христе на страницах Евангелия. Начнем с врагов.

Вот перед нами мрачная фигура Иуды – предателя. Спросим его: «Иуда, ты должен хорошо знать обвиняемого. Ты был Его апостол; ты везде путешествовал с Ним, всегда находился вблизи, слышал Его речи, наблюдал Его в самом тесном кругу Его учеников… Что ты скажешь о Нем? Что дурного ты нашел в Нем и за что предал нашего Спасителя?» В ответ мы слышим глухой, тяжелый стон, стон отчаяния: *согрешил я, предав кровь невинную* (Мф. 27, 4) …Невинную кровь! И этот предатель, бывший все время в числе постоянных спутников Христа, видевший все подробности Его жизни, не знает за Ним никакой вины.

Не мог найти в Иисусе действительной вины и первосвященник Каиафа, хотя и сделал вид, что обвиняет Его в богохульстве, когда Спаситель в ответ на предложенный вопрос признал Себя открыто Сыном Божиим. Но какое же может быть богохульство в таком признании, если оно правдиво и если Иисус был действительно воплотившийся Сын Божий? Архиерей растерзал свои одежды, но этим он доказал только свое неверие, но не доказал обвинения.

Спросим римского прокуратора, представителя гражданской власти, предавшего Иисуса на распятие: «Пилат! Ты разбирал это дело, ты осудил нашего Спасителя на смертную казнь… За что? Что ты в Нем нашел?» Он отвечает: *я никакой вины не нахожу в Нем* (Ин. 18, 38); затем Пилат умывает руки и говорит: *невиновен я в крови Праведника Сего* (Мф. 27, 24).

Хотя он уступил исступленным воплям толпы, возбужденной священниками и старейшинами, но он знает, что обвиняемый, стоящий пред ним, – Праведник и что верховное судилище иудейское предало Его зависти ради (Мф. 27, 18).

Во время самого допроса жена прокуратора *послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него* (Мф. 27, 19). Язычница признала в Иисусе Христе не просто невинного человека, но безгрешного Праведника.

Послушаем, что говорят о Христе стоящие у креста священники и книжники. «Других спасал, а Себя не может спасти!» – издеваются они. Какое странное обвинение! Да, этим-то именно и дорог нам наш Спаситель, что Он других спасал, а Себя не только не хотел спасти, но, наоборот, отдал Себя в жертву за спасение других. В этом мы видим не вину, не преступление, а изумительную доблесть и проявление величайшей самоотверженной любви!

Но другой вины за Иисусом они не знают, и когда Пилат в упор ставит им вопрос: *какое же зло сделал Он?* – они ничего не могут сказать и только настойчиво, озлобленно, не отвечая на вопрос, вопят: *распни Его!* (Мк. 15, 14).

Вот еще новое, веское свидетельство: разбойник, висящий на кресте рядом с Иисусом, унимает своего злословящего товарища и говорит: *мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал* (Лк. 23, 41).

Сотник, стоявший при Кресте и видевший все происшедшее, свидетельствует: *истинно Человек Сей был Сын Божий!* (Мк. 15, 39).

Наконец, сами бесы кричат, свидетельствуя против воли: *оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин?.. Знаю Тебя, кто Ты, Святый Божий* (Мк. 1, 24).

Таковы отзывы врагов Спасителя и лиц посторонних. Послушаем, что говорят друзья.

Вот свидетельство Иоанна Крестителя: *видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира* (Ин. 1, 29).

Свидетельство апостола Иоанна Богослова: *всякий, имеющий… надежду на Него, очищает себя так, как Он чист. Ивы знаете, что Он явился для того, чтобы взять грехи наши, и что в Нем нет греха* (1 Ин. 3, 3, 5).

Свидетельство апостола Петра: *Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его. Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились* (1 Пет. 2, 22. 24).

Свидетельство апостола Павла: *Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес* (Евр. 7, 26).

Свидетельство апостола Фомы: *Господь мой и Бог мой!* – говорит он, осязав руки и ребра Спасителя (Ин. 20, 28).

Кроме того, мы имеем свидетельство Небожителей. Архистратиг Гавриил, возвещая Пречистой Деве о рождении Иисуса Христа, говорит: *Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего* (Лк. 1, 32).

При самом рождении Ангел, явившийся пастухам, возвещает: я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: *ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь* (Лк. 2, 10–11).

Наконец, Сам Бог Отец свидетельствует о Иисусе Христе при Его Крещении: *Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение (Мк. 1, И).*

Все эти свидетельства так ясны, так убедительны, что не оставляют никакого сомнения в Божественной личности Спасителя. О ком из людей можно сказать, что он безгрешен? Даже лучшие из учеников Христовых имели недостатки, и ни об одном из них мы не можем утверждать, что он не сделал никакого греха. Апостол Иоанн проявляет нетерпимость (Мк. 9, 38), честолюбие (Мк. 10, 37), раздражительность (Лк. 9, 54); апостол Петр – самомнение (Мк. 14, 29), неустойчивость (Мк. 14, 68, 70, 71), маловерие (Мф. 14, 31); апостол Фома неверие (Ин. 20, 25); апостол Павел в сознании своей греховности называет себя «извергом», недостойным назваться апостолом, потому что гнал Церковь Божию (1 Кор. 15, 8–9).

Что же можно сказать на основании Священного Писания о всех людях вообще?

Помышление сердца человеческого – зло от юности его (Быт. 8, 21).

Нет человека, который не грешил бы (3 Цар. 8, 46).

Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы (Еккл. 7, 20).

Кто может сказать: «я очистил мое сердце, я чист от греха моего?» (Притч. 20, 9).

Все мы много согрешаем (Иак. 3, 2).

Если говорим, что не имеем греха, – обманываем самих себя, и истины нет в нас (1 Ин. 1, 8).

Кто родится чистым от нечистого? Ни один (Иов. 14, 4).

Если природа человека так растленна и грешна, то ясно, что наш Спаситель, не сотворивший никакого греха, не может быть просто человеком, и все приведенные выше свидетельства доказывают с несомненною убедительностью, что Иисус Христос, осужденный еврейским синедрионом как преступник, есть в действительности Богочеловек, воплотившийся Сын Божий.

В данном евангельском рассказе мы находим прямое, решительное, устраняющее все сомнения свидетельство Самого Господа Иисуса Христа о Своей Божественной природе: *первосвященник спросил Его и сказал Ему: Ты ли Христос, Сын Благословенного? Иисус сказал: Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник, разодрав одежды свои, сказал: на что еще нам свидетелей? Вы слышали богохульство; как вам кажется? Они же все признали Его повинным смерти* (ст. 61–64).

Глава 14, ст.66-72

Первосвященника двор тесный
Шумит народом. Блеск зари
Померк на высоте небесной…
Навстречу звездам фонари
Зажгли; свет факелов багровых
Неясно освещает двор.
Свежеет; из ветвей терновых
Сложили пламенный костер.
В свету дрожат, шатаясь, тени, —
И в их изменчивой игре
Белеют судьбища ступени,
Мелькает стража на дворе.
Сверкают шлемы, блещут копья,
Вокруг огня сидит народ,
И ветер двигает отрепья,
И говор сдержанный плывет…
И у костра, присев на камень,
Взирает сумрачно на пламень
Один из тех, кто вслед Христа
Бродил, внимал Его ученью,
Чьи вдохновенные уста
Взывали к правде и терпенью.
То рыбарь Петр – Христа сподвижник;
Он полн раздумьем роковым.

К. Фофанов

Дворец в Иерусалиме, занимаемый Анной и Каиафой, был выстроен на четырехугольном дворе, куда входили через сводчатый проход, или вестибюль; на дальнем конце двора, вероятно, со входом по короткой лестнице, была зала, где собирался комитет синедриона, осудивший Иисуса Христа на смерть. Только два апостола, опомнившись после своего первоначального страха, следовали, хоть боязливо и издали, за печальным шествием воинов, уводивших Спасителя из Гефсиманского сада. Один из них, любимый ученик, известный первосвященнику, может быть, как молодой рыбак с озера Галилейского, был беспрепятственно допущен во двор, без всякой попытки скрыть свои симпатии или свою личность. Не так было с другим. Неизвестный галилеянин, он был остановлен у двери молодой привратницей, имевшей, очевидно, приказание не допускать внутрь двора неизвестных и сомнительных людей. Припомним, что суд над Иисусом старались произвести без всякой огласки, и присутствие при этом Его учеников и сторонников было для судий нежелательно. Да и гораздо лучше было бы, если бы апостола Петра совсем туда не пустили, потому что это была бурная, ужасная ночь, ночь подозрений, а Петр был слаб, и его сильная любовь перемешивалась со страхом; и однако он пытался пробраться в самую средину своих опасных врагов. Иоанн помог ему и, будучи знаком с первосвященником, употребил все свое влияние, чтобы добиться пропуска. Смело и неблагоразумно, скрывая лучшие мотивы, заставившие его прибыть туда, и, вероятно, делая вид, что он пришел из простого любопытства, как случайный зритель, Петр вошел во двор, подошел к костру, горевшему посередине его,

и сел между первосвященнических служителей, гревшихся у огня. В это время к группе около костра приблизилась служанка первосвященника и, вглядевшись в подозрительного пришельца, ярко освещенного красноватым пламенем, признала его и воскликнула: *и ты был с Иисусом Назарянином.* Петр совершенно растерялся: кругом была чуждая ему толпа. На него враждебно и подозрительно смотрели сумрачные лица. Признаться – казалось опасным не только потому, что его могли прогнать со двора, лишив возможности видеть конец, но могло быть и хуже: тайный страх, может быть, не совсем основательный, коварно шептал ему о возможности быть арестованным в качестве соучастника Подсудимого. Ведь никому из учеников Господа не было известно, в чем Его официально обвиняли и насколько Его дело касалось каждого из них. Если Его сочли опасным политическим преступником, то, очевидно, ученики были Его единомышленниками и составляли шайку заговорщиков. Так или иначе, но тайный страх и тревога охватили Петра. Он забыл, как еще совсем недавно, в ту самую ночь, он с горячностью отверг от себя простое подозрение в возможности измены. *Если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь. ...Хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя* (Мф. 26, 33, 35).

Он забыл и… отрекся.

Без сомнения, отречение в данный момент представлялось Петру лишь уклонением от ненужной опасности. Но остановился ли он только на этом? Увы! Одна ложь почти неизбежно влечет за собой другую. Сказавши однажды неправду, вы уже принуждены ее поддерживать, чтобы не быть уличенным в обмане, и тогда исправить свою намеренную или ненамеренную ошибку и чистосердечно в ней признаться становится уже гораздо труднее, чем сказать правду с самого начала, ибо тогда придется сознаться в том, что вы солгали. Но этого уже не допускает привычное самолюбие, и очень быстро ненамеренное «уклонение от истины» развивается в сознательное ее отрицание. Есть много несчастных людей, которые однажды попавшись в сети собственной лжи и не находя в себе мужества разорвать их решительным и честным признанием, долго путаются в петлях этой лжи и кончают тем, что примиряются с ней до такой степени, что она начинает казаться им правдой.

На некоторое время отречению Петра, может быть, поверили, потому что оно было очень открыто и настойчиво. Но оно послужило ему напоминанием об опасности. Виновато он удаляется от пылающего костра к сводчатому входу во двор, когда послышалось пение петуха, на которое, по-видимому, Петр не обратил внимания. Он вздохнул только на короткое время. Предсказанная Господом измена преследовала его и здесь. Привратница указала на него стоявшим неподалеку служкам как на бывшего несомненно с Иисусом Галилейским. Ложь показалась теперь более чем необходимою, и, чтобы обезопасить себя от дальнейшего подозрения, Петр подтвердил ее клятвой. Но теперь, казалось, бегство было уже невозможно, оно могло только подтвердить подозрения, поэтому отчаявшись, мрачный Петр еще раз решил присоединиться к недружелюбной и склонной к подозрениям группе, стоявшей у огня.

Прошел целый час. Для Петра это был страшный час, который нельзя было забыть. Тяжелое чувство допущенной лжи, сознание все увеличивающейся опасности, несомненно, удручающе действовали на его нервную, порывистую натуру. Его галилейское наречие, грубое и гортанное, природная живость характера, соединенная теперь с величайшей робостью, особенный интерес к известиям о ходе суда над Иисусом Христом и множество других обстоятельств час от часу более и более оборачивались против Симона. Петру, очевидно, не доверяли, несмотря на его отречение, и вдруг один из стоявших у костра снова обратился к нему: *точно ты из них; ибо ты Галилеянин, и наречие твое сходно.* А другой к этому прибавил: *не я ли видел тебя с Ним в саду?*

Как упало сердце Петра при этих зловещих словах! Он оцепенел от ужаса, по выражению Златоуста, и, забыв все, начал клясться и божиться, что не знает *Человека Сего.*

И вдруг запел петух! И вспомнил Петр предсказание Иисуса Христа: *прежде нежели петух пропоет дважды, трижды отречешься от Меня.* Вспомнил свои уверения в преданности и любви и понял, что изменил им, понял свое падение. И в ту же минуту Господь, как говорит евангелист Лука, обернувшись, издали взглянул на Петра.

О, этот взгляд! В нем не было упрека, не было негодования. В нем было лишь страдание и невыразимая грусть! Петр помнил этот молчаливый взгляд всю свою жизнь. Это был последний прощальный взгляд, которым Господь подарил Своего пылкого, но нестойкого ученика. Живым своего Равви Петр больше не видел. И как много говорил этот взгляд! В нем Петр прочел, что падение его не укрылось от Господа, что Учитель слышит его отречение, его безумные клятвы и что это великое любящее сердце уязвлено глубокою скорбью. Спаситель страдал, и в этом была доля вины одного из лучших Его учеников.

Жгучею болью отозвался этот взгляд в душе Петра. Точно острое, холодное жало впилось в его сердце, когда он понял роковое значение своего клятвенного отречения, греховную тяжесть которого он, может быть, вполне не сознавал до сих пор.

Он вышел вон и *плакася горько.* Оставаться в этой грубой толпе, среди безучастных или враждебных людей дольше было невозможно. Душа рвалась от рыданий. Горе, необъятное горе, какого Петр, наверное, никогда раньше не переживал, нельзя было скрыть под личиной равнодушного любопытства. Хотелось плакать, стонать, бить себя в грудь и лежать во прахе, чувствуя над собой страшную, давящую тяжесть греха и горя.

Он вышел, и темная ночь приняла его в свои объятия с его горем, с его тоской. И в ту ночь, не было никого более одинокого, чем апостол Петр, оплакивавший свою измену в муках возмущенной, жалящей совести.

О чем плакал Петр?

В том вихре мыслей и чувств, который поднимается обычно в нравственно чуткой душе, встревоженной грехом, всегда бывает трудно разобраться вполне. Здесь столько обрывков неясных мыслей, мелькающих воспоминаний, горьких сожалений, язвительных упреков своей слабости!.. Не слышно только лживого шепота самооправдания, да самолюбие прячется, как побитая собака, от бича взволнованной совести. Но в этом хаосе душевных переживаний всегда есть центральная идея, основное чувство, от которого все прочие рождаются, как мелкие искры от раскаленного железа, положенного под молот.

Для Петра это основное чувство было оскорбленная любовь. Его горе было горем благородного, любящего сердца. Любить так сильно, так беззаветно, как любил Петр, и оскорбить Любимого своей изменой так грубо, так безжалостно, не понимая даже хорошо, как могло это случиться, – это было невыносимо тяжело. В ту минуту ему казалось, что хуже этого ничего не может быть и что все погибло.

«Всемогущий Боже! – вероятно, думал он. – Ведь я сам… сам исключил себя из числа Его учеников, сам лишил себя счастья быть в среде близких Ему людей, с которыми Он делил Свои скорби и радости, которым поверял Свои заветные думы, которым отдал все Свое великое, всеобъемлющее сердце! И я сам лишил себя Его любви и благословения, отказался от того, что всегда было для меня дороже всего в жизни. И никогда, никогда более не назовет Он меня Своим апостолом, Своим другом!..

Но ведь я же люблю Его! Ведь не могу я обмануть свое сердце, которое так болит и стонет, когда я думало о том, как глубоко я оскорбил Его!

„Не знаю Человека Сего“, – сказал я. Не знаю я! Не знаю своего Учителя, с Которым столько лет ходил вместе среди сынов Израиля, с Которым сроднился, казалось мне, всей душой неразрывно, от Которого я видел столько участия, столько незаслуженной любви и всепрощающего милосердия; слышал столько великих слов жизни, которые с жадной ревностью собирал я, как драгоценные жемчужины, падавшие с Его благословенных уст!

Он дал нам так много!.. Щедрою рукою рассыпал перед нами столько сокровищ божественного знания; неутомимо, с бесконечным терпением, с кротким снисхождением к нашей грубости и тупости учил Он постоянно глаголам жизни вечной, желая ввести нас в Царство Свое и дать бесконечное счастье. Он отдал нам все: Свои силы, Свою любовь, Свои откровения, а теперь готов отдать Свою кровь, Свою жизнь… И чем отплатил я Ему за Его самоотверженную любовь и милосердие?!

Позорным отречением!

Да, я отрекся! Отрекся именно тогда, когда Ему особенно нужно участие, поддержка. Над Ним издеваются, смеются, на Него клевещут, Его ругают и бьют. Ему готовят смертный приговор. Душа Его скорбит смертельно, и нет утешающего. Кругом только враги, полные ненависти, злорадствующие при виде Его скорби! О, как дорог в эту минуту один участливый взгляд – даже не слово, сказанное громко, которое может лишь навлечь опасность и бессильно потонет в хоре враждебных голосов, а просто вид сострадающего, сочувствующего человека среди этой жестокой, безжалостной толпы! И наверное, Он взором Своим искал кругом Себя этого ободряющего сочувствия. „Ждах соскорбящаго, и не бе, и утешающих, и не обретох…“ А Он смотрел… Он видел меня. Но что Он нашел во мне? Малодушного, лукавого изменника, способного лишь на лживые уверения в любви и преданности, когда кругом все спокойно и когда можно рассчитывать на участие в Его будущей славе! Но лишь только поблекли эти надежды, лишь только повеяло холодом опасности и угрожающих невзгод, и что сталось с этими уверениями, с этими лживыми клятвами?! Все забыто! Ему я клялся, что отдам жизнь за Него, но не отрекусь, – здесь еще усерднее клянусь, что не знаю Его и не имею с Ним ничего общего… Такова цена моих клятв! И какою болью должно было сжаться Его измученное сердце, когда Он заметил, что от Него отказывается тот ученик, от которого Он вправе был ожидать верности…

Я отрекся… Он не получил от меня ни одного сочувственного взгляда, ни одного ободряющего знака!.. Одиноко стоящим, грустным и беззащитным оставил я Его среди этих зверей, которые мучают Его, бьют, издеваются и плюют на Него. И в эту чашу страданий и скорби я, считавшийся Его учеником и другом, прибавил еще столько горечи, несомненно более едкой, чем все эти ругательства и побои! Получить удар от близкого, от друга – бесконечно тяжелее, чем от врага…

Он называл меня скалой. Он поручил мне утвердить братий моих… О, как жестоко насмеялся я над Его надеждами! Скала превратилась в кучу пыли, развеянной ветром, а те, кого я должен был утвердить, оказались все лучше, достойнее, тверже меня, ибо они не отреклись, как я!

И ведь Он предупреждал меня. С кроткой заботливостью предостерегал Он меня от предстоящего искушения, от опасности измены. Но я не верил. Не верил, забывая, что Он знает мое сердце лучше, чем я сам. В своей безумной гордости, в своей слепой самонадеянности я был уверен, что это невозможно. Я действительно считал себя твердой скалой, адамантом веры и преданности! Я забыл даже тот урок, который Он дал мне, когда я едва не утонул из-за своего малодушия и недостатка веры и был спасен Его рукой!

О, мой Равви! Дорогой, любимый Учитель! Прости меня, Твоего неверного, окаянного ученика! Прости мое малодушие, мою позорную измену! Ты видишь мое сердце! Ты знаешь все, что есть в человеке! Ты знаешь, что я люблю Тебя… Я не смею сказать, что я люблю Тебя больше, чем все остальные; я не смею сказать, что, когда все соблазнятся о Тебе, я один не соблазнюсь, ибо я вижу совершенно противное – никто не отрекся, никто не соблазнился, только я один! Но я, недостойный, слабый, я все же люблю Тебя, и сердце мое полно невыразимой скорби, ужаса и сокрушения. Прости меня, если можешь, если грех мой может быть прощен. О, знаю я – Ты можешь! В Своей великой кротости, в Своем Божественном

снисхождении Ты готов прощать седмижды семьдесят раз кающегося грешника. Ты можешь простить, но я… Я, вероятно, никогда не прощу себе и не забуду своего падения!»

И апостол Петр не забыл. Святой Климент, ученик Петра, повествует, что он всю жизнь при полуночном пении петуха становился на колени и, обливаясь слезами, каялся в своем отречении и просил прощения, хотя оно было дано ему Самим Господом вскоре по Воскресении. По сказанию Никифора, глаза святого Петра от частого и горького плача всегда были красными.

Нам кажется преступление Петра незначительным. В самом деле, ведь в душе он остался прежним верным и любящим учеником. Ведь если он отрекся, то это отречение было неискренно и допущено было лишь для того, чтобы избежать опасности и, может быть, для того, чтобы не быть выгнанным со двора первосвященника и не лишиться, таким образом, возможности видеть своего Равви и суд над Ним до конца. Кто из нас не поступил бы точно так же в подобных обстоятельствах? Грех Петра можно определить не как прямую, действительную измену, а как недостаток смелости и твердости в вере и отказ от открытого исповедничества.

И однако этот грех казался самому апостолу чрезвычайно тяжелым, а древняя христианская Церковь не допускала таких отречений даже при страшных языческих гонениях и отлучала согрешивших от общения.

Святые отцы Церкви держатся такого же взгляда. Вот как рассуждает об этом святитель Иоанн Златоуст:

«Странное и неслыханное дело! Тогда как только что задерживали Учителя, столько воспламенился, что схватил меч и отрезал ухо; а когда надлежало обнаружить большее негодование, более воспламениться, слыша такие порицания, тогда он отрекается! Ибо кого бы не привело в ярость то, что происходило тогда? И однако ученик, побежденный страхом, не только не показывает никакого негодования, но и отрекается, не сносит угрозы бедной бессильной служанки. И не однажды, но и в другой и третий раз отрекается, и в короткое время и не перед судьями (ибо тогда, как вышел в преддверие, спрашивала она его). Не тотчас почувствовал и свое падение. Лука говорит, что Иисус воззрел на него (Лк. 22, 61); то есть он не только отрекся, но и тогда, как пел петух, не вспомнил сам по себе, а надобно было, чтоб напомнил ему опять Учитель; взор служил ему вместо голоса. Так он был поражен страхом!»

Христианин не должен самовольно искать опасности и страданий за имя Христово, не обязан публично заявлять о своем исповедании там, где это не требуется обстоятельствами, ибо в таком самовольном выступлении всегда есть доля гордости и самонадеянности; но когда ему вопрос о вере поставлен в упор, тогда он не смеет отказаться от открытого исповедничества, и это исповедничество должно быть кротко, смиренно, но твердо. Тот же апостол Петр, после пережитого им урока, увещает в Первом своем послании: *будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением* (1 Пет. 3, 15).

Апостол Павел пишет ученику своему Тимофею: *Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас* (2 Тим. 2, 11–12).

Вспомним при этом и слова Самого Господа, сказанные Им задолго до Своих страданий: *кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей и Отца и святых Ангелов* (Лк. 9, 26). Сказываю же вам: всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын Человеческий исповедает пред Ангелами Божиими; а кто отвергнется Меня пред человеками, тот отвержен будет пред Ангелами Божиими (Лк. 12, 8–9).

Страшная угроза! А между тем, как легко мы отрекаемся от Христа даже в обстоятельствах не столь тяжелых, в каких оказался апостол Павел. Припомним свое прошлое; как часто мы пристыжали самих себя перед насмешниками и ругателями имени Божия! Как часто умолкали мы перед клеветниками и держали себя так, как будто бы мы совершенно не знали Спасителя и знать о Нем ничего не желали! Как часто в пустой светской болтовне мы слушали кощунственные анекдоты и не смели ничего возразить, боялись открытым серьезным словом остановить рассказчика! Как часто мы побеждались совершенно ничтожными, незначительными искушениями! Как часто в минуты неудач и неприятностей роптали мы на Бога и отходили от Него в досаде, что Он не помогает нам в наших невзгодах и не исполняет наших молитв! Один взгляд, одно слово, незначительное прекословие или вопрос не вовремя, ничтожнейшая неприятность, самая пустая вещь нередко бывают для нас поводами к тому, чтобы отречься от Иисуса Христа и Его учения. Особенно мы видим это в настоящее время: не говоря уже о нашей интеллигенции, которая почти вся безбожная, но даже люди, считающие себя в глубине души верующими, совершенно свободно и просто отказываются от своей веры, официально записываются неверующими из боязни потерять место или заработок и забывая, что нет никакой пользы человеку, если приобретет весь мир и погубит душу свою. Боятся недовольного взгляда, хмурого вида своего начальника и выбиваются из сил, чтобы отклонить от себя малейшие подозрения в религиозности. А ведь отвергшийся от Христа пред людьми отвержен будет пред Ангелами Божиими!

Почему, с точки зрения христианского учения, отречение от Христа, чисто внешнее, притворное, все же считается тяжелым грехом?

Прежде всего, всякая ложь, с какою бы целью она ни говорилась, есть грех, и ничто не может оправдать ее, ибо первым виновником лжи является диавол. *Он был человекоубийца от начала,* – говорит Господь, – *и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи* (Ин. 8, 44). Служение Богу должно быть чисто и безупречно и лжи не допускает. В области нравственно-религиозных отношений ложь никогда не ведет к хорошим последствиям, хотя бы нам и казалось так. Если коечто, может быть, и выигрывается при этом в смысле чисто внешнего благополучия, то, с другой стороны, ложь причиняет большой нравственный вред тому, кто лжет, и этот вред не уравновешивается полученной выгодой уже потому, что истинное христианство никогда не стремится к внешнему благополучию, пренебрегает им и на первый план прежде всего ставит достижение нравственного совершенства.

Если человек в критическую минуту не находит в себе мужества, чтобы открыто исповедать своего Спасителя и Господа, то это доказывает, что вера его слаба и что мотивы страха, житейских удобств и земного благополучия в нем сильнее любви к Богу; а в этом случае он подлежит приговору, изреченному в Откровении Иоанна Богослова Ангелу Лао дикийской церкви: *знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч… Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих* (Откр. 3, 15–16). От христианина требуется преданность и верность Богу, не боящаяся ни угроз, ни страданий, ни смерти. *Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни* (Откр. 2, 10).

Если отречение является немалым грехом с точки зрения личной нравственности, то в его церковно-общественном значении оно представляется еще более тяжелым. На исповедании мучеников и верных учеников Спасителя Христова Церковь укреплялась, росла и наконец завоевала мир, и наоборот, всякое отречение, всякое колебание веры, обнаруженное слабыми, неустойчивыми чадами ее, замедляли ее рост и разлагали внутренне. Соблазн слабости и малодушия очень велик, и всякий единичный пример отречения неизбежно вызывает в среде робких и маловерных печальное подражание, оправдываемое указанием на других отрекшихся, причем для них совершенно безразлично, отреклись ли эти другие притворно или действительно.

Вот почему Христианская Церковь принимала строгие меры по отношению ко всем отрекшимся, хотя бы это отречение и было притворным, вынужденным страхом смерти и мучений.

Причина падения апостола Петра ясна: это его самомнение и самонадеянность. *Если и все соблазнятся, но не я,* – говорит он. Этим самоуверенным обещанием он ставит себя выше других учеников и даже как будто осуждает их за то, что в них нет его горячей любви и преданности. Нет никакого сомнения, что он любит Господа со всею пылкостью своей честной, прямой натуры и искренно желает остаться Ему верным даже под угрозой смерти. Но он забывает одно: что никогда, ни при каких обстоятельствах человек не может рассчитывать на свои собственные силы и ручаться за свое поведение, если он не опирается на помощь Божию, ибо *без Мене не можете творити ничесоже,* – сказал Господь (Ин. 15, 5). А когда человек надеется на себя, забывая о Боге, то оставляет его благодать Божия и, предоставленный самому себе, человек неизбежно падает, мучительно познавая в этом падении свою нравственную немощь. Эти уроки допускает любовь Божия, чтобы научить человека смирению. Они необходимы, ибо без искушений и падений человек никогда не познает своей слабости, а не познав, он не может всей душой прилепиться к Богу, чтобы в Нем одном искать помощи и поддержки в борьбе за свое спасение; и эту благодатную помощь Господь оказывает не самонадеянным, но смиренным. Такой урок смирения, очевидно, нужен был апостолу Петру, и, пережив в слезах и муках покаяния свое падение, он уже уверенно свидетельствует перед читателями своего Послания: *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Итак смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас* (1 Пет. 5, 5–7).

Вот первый важный урок, который дает нам евангельский рассказ об отречении Петра, – урок смирения, урок надежды единственно на помощь Божию, урок необходимости для христианина всецело отдаться в волю Божию и только в ней искать себе опоры и спасения.

Другой урок, вытекающий из прочитанной повести, это урок об условиях покаяния.

Петр пал, но он не погиб так, как погиб Иуда в своем отчаянии. Если Ангел невинности оставил его, то Ангел покаяния кротко протянул ему руку свою, и в этом покаянии Петр нашел себе прощение и спасение.

Какие чувства отразились в покаянии Петра и сделали его плодотворным? Мы знаем, что Господь внял этому покаянию и даровал прощение Своему согрешившему апостолу.

Мы уже видели, что основным чувством в покаянии апостола Петра было чувство оскорбленной любви, горькое сознание, что своим грехом оскорбил, огорчил любимого и любящего Господа. От этого сознания и рождается то чувство смирения и сокрушения, которое является необходимым условием истинного покаяния, ибо *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50), как говорит пророк Давид; и в другом месте: *близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет* (Пс. 33).

Далеко не всегда наше покаяние проникнуто этим чувством и потому не всегда может быть приемлемо. В пастырской практике церковных таинств определенно можно наблюдать разные виды покаяния, различные по своим мотивам и настроениям исповедников.

Чаще всего встречается исповедь, основанная на одной привычке, без участия какого бы то ни было чувства. Исповедник вяло перебирает свои грехи; а иногда даже не дает себе труда припомнить их, требуя, чтобы это сделал за него священник, и на каждый вопрос безучастно отвечает: «грешен, батюшка!», думая лишь о том, как бы скорее освободиться от этой неприятной обязанности и получить разрешение. В такой исповеди нет ни сокрушения, ни смирения, и вряд ли такое покаяние принимается Богом, ибо оно может только оскорбить Его величие и правосудие. Здесь нет ни сознания своей виновности, ни желания и намерения исправиться, а потому не может быть и прощения. Почему такие теплохлад-

ные христиане считают все-таки нужным приступать к Таинствам исповеди и Причащения Святых Тайн? Причина заключается в ошибочном взгляде на Таинства, которым приписывается чисто механическое действие, своего рода opus operatum Католической Церкви. А между тем, твердо надо помнить, что если можно причаститься Святых Тайн не «во исцеление души и тела», но «в суд и в осуждение», точно так же и в Таинстве покаяния можно не получить разрешения грехов, но еще более прогневать Бога.

Есть другой вид покаяния, основанием которого служит самолюбие или гордость и который встречается преимущественно у людей, только что начинающих сознательный подвиг христианской жизни, когда ревность (часто не по разуму) еще не растворена смирением и чувством собственной немощи. Человек в первом порыве усердия рвется к Богу, к «почести высшего звания», стремится скорее достигнуть высших ступеней совершенства, принимает на себя различные подвиги, иногда и непосильные. Сначала все идет хорошо. Успехи заметны и несомненны. Кажется, остается сделать еще одно усилие и можно достигнуть идеала христианского совершенства святости; и, не зная еще, что это совершенство приобретается тяжелым трудом и длительным упражнением, человек почти начинает любоваться собой и достигнутыми успехами. Увы! Тут-то и подстерегает его жестокое искушение… Один допущенный неверный шаг, и вдруг страшное падение, нежданно-негаданно совершенный грех отрезвляет от самолюбивых мечтаний! Развеяны мечты о святости, разбиты иллюзии о своем совершенстве… Человеку начинает казаться, что он скатился еще ниже, чем был прежде, и вот тогда в душе рождается неопределенное чувство какой-то обиды или, скорее, досады на себя, на обстоятельства, даже на Бога, за то, что допущена непоправимая ошибка, которую можно было бы предотвратить; уничтожены разом все достигнутые успехи и плоды тяжелых усилий. Может в эту минуту родиться разочарование и даже злое отчаяние. Это то же чувство, которое переживает талантливый художник, испортивший одним неосторожным, неловким мазком свою прекрасную картину – плод высокого вдохновения и настойчивого труда. Это чувство, переведенное в покаяние, может сопровождаться сокрушением, но, конечно, здесь нет смирения, ибо в основе его лежит гордость и обманутое самолюбие.

Иногда покаяние основывается на чувстве страха. Человек боится будущего суда, боится наказания и стремится испросить себе прощение. Этот вид покаяния выше двух первых, по все же не является совершенством в своем роде. Здесь, несомненно, есть смирение, но сокрушения может и не быть.

И, наконец, высшая форма истинного покаяния это покаяние апостола Петра. Человек скорбит о том, что своим грехом он огорчил и прогневал своего любимого и любящего Отца Небесного; сознает свой грех как тяжелую к Нему неблагодарность в ответ на все Его благодеяния и плачет о том, что грех удалил его от Любимого.

В таком покаянии есть и смирение, и сокрушение.

Глава 15

Глава 15, ст. 1-20

«Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате» – так в христианском Символе веры передается потомству несчастное и вечно позорное имя римского прокуратора, официально ответственного за смерть Господа Иисуса Христа.

Кто был этот человек, сыгравший по определению Высшей Воли такую роковую роль в судьбе Спасителя?

О происхождении Пилата и о его жизни до 26 года по Рождеству Христову, когда он сделался шестым по счету прокуратором Иудеи, мы знаем немного. По своему положению он принадлежал к «сословию всадников», то есть к низшему классу римской знати. Его имя – Понтий – указывает на самнитское происхождение, название Пилат – вооруженный дротиком на воинственность предков. Назначение на должность прокуратора Иудеи он получил по протекции Сеяна, могущественного временщика и фаворита императора Тиверия. Должность прокуратора сама по себе ограничивалась управлением государственными податями, но в незначительных провинциях, куда не считали нужным посылать особых полномочных правителей, то есть проконсулов и преторов, прокуратору нередко предоставлялись все административные и судебные права. Пилат имел полные права претора решать все дела и производить суд даже с применением смертной казни. В Иудее он действовал с крайним высокомерием, наглостью и жестокостью типичного римского правителя. Едва он вступил на должность прокуратора, как, позволив своим солдатам принести с собою ночью серебряных орлов и другие знамена легионов из Кесарии в Иерусалим, возбудил среди иудеев свирепый взрыв негодования и протеста против этого акта, считавшегося ими идолопоклонством и осквернением. В течение пяти дней и ночей, часто лежа на голой земле, иудеи окружали дворец Пилата, часто почти штурмовали его с шумными просьбами и угрозами, и не хотели удалиться и в шестой день, несмотря на то, что, по распоряжению Пилата, их окружили римские солдаты, угрожая перебить всех без разбора. Прокуратор принужден был уступить, но сознание неукротимости и решимости народа, с которым он должен был иметь дело, стало причиною его сильного озлобления в течение всего времени его правления и наполняло его чувством непреодолимого отвращения к иудеям.

Нам известны еще два случая возмущения иудеев против Пилата. Во втором случае бунта можно было бы избежать, если бы Пилат изучил характер иудеев более тщательно и отнесся снисходительнее к господствовавшим среди них суевериям. Дело заключалось в том, что Пилат задумал устроить водопровод, по которому можно было бы провести воду из «прудов Соломона», так как Иерусалим всегда страдал от недостатка хорошей, здоровой воды, особенно в праздники, когда в город собирались громадные массы народа. Считая это делом общественного благоустройства, Пилат заимствовал значительные суммы из «корвана», или священной сокровищницы, и возмущенный этим народ начал свирепый бунт, чтобы воспрепятствовать расходованию священных сумм на мирские нужды. Тогда Пилат, раздраженный оскорблениями и упреками, перерядил множество солдат в иудейские одежды и послал их в самую гущу толпы с палками и кинжалами под одеждой, чтобы наказать зачинщиков. После отказа иудеев разойтись мирно был подан знак, и солдаты привели в исполнение данные им приказания с таким усердием, что ранили и убили немало виновных и невинных и устроили такую свалку, что многие погибли, будучи затоптаны до смерти устрашенной и взволнованной толпой.

Третье буйное возмущение еще более озлобило римского прокуратора против своих подданных, показав ему, что жить среди такого народа, даже сохраняя мирные желания, без оскорбления его предрассудков было невозможно. В Иерусалимском дворце, занимаемом Пилатом во время праздников, он вывесил несколько золотых щитов, посвященных императору Тиверию. Щиты были сделаны без всяких языческих изображений, совершенно гладкими и являлись простым украшением частного жилища прокуратора, но на них сделаны были посвятительные надписи, и этого оказалось достаточным, чтобы иудеи сочли себя оскорбленными в своих верованиях. Пилат однако не хотел уступить, да вряд ли и мог убрать эти щиты, не оскорбив этим мрачного и подозрительного императора, в честь которого они были сделаны. Тогда народные вожди иудеев написали жалобу к самому императору Тиверию, и последний, не желая раздражать без всякой нужды народ, сделал выговор Пилату и велел ненавистные иудеям щиты убрать из Иерусалима в храм Августа в Кесарии.

Кроме описанных в Евангелии трех бунтов, говорят еще о каком-то возмущении, когда Пилат смешал кровь галилеян с кровью жертвенных животных, но, кроме краткого упоминания в Евангелии, других сведений об этом мы не имеем.

Если мы примем во внимание эти столкновения прокуратора с иудейским народом и их исход, для него неожиданный и нежелательный, то мы легко поймем его психологию и его поведение при суде над Иисусом Христом. Три первые возмущения, когда он принужден был уступить требованиям иудеев, с достаточной ясностью доказали ему, что власть его, по существу, была очень ограничена и что настойчивый, фанатичный народ под руководством своих старейшин и священников ни перед чем не остановится и добьется того, чего хочет. Особенно случай, когда Пилат получил выговор от кесаря, должен был служить для него грозным предостережением ни в каком случае не доводить столкновения с иудеями до открытого бунта. Получить второй выговор от жестокого, подозрительного Тиверия значило наверняка не только потерять место прокуратора, но и подвергнуться изгнанию а может быть, и еще худшему наказанию. Пилат, таким образом, чувствовал себя во власти иудеев, этого упорного и жестоковыйного народа «с медным лбом и железными жилами», но его гордость римского всадника и правителя возмущалась против подчинения этому презренному мятежному племени. Вот почему в спорных делах, которые могли привести его к столкновению с синедрионом, ему по необходимости приходилось лавировать, чтобы, с одной стороны, не вызвать мятежа, а с другой – чтобы окончательно не сделаться простой игрушкой в руках вождей иудейского народа и сохранить, по крайней мере, внешний престиж власти. Если у него при этом были свои планы и намерения, то он мог добиться их осуществления не путем авторитетного приказа или насилия, а посредством гибкой и умелой политики, путем компромиссов, уступок и договоров.

Резиденция римских правителей в Иудее находилась в Кесарии, но на время праздников, когда при громадном стечении народа можно было ожидать всяких беспорядков, они обыкновенно считали нужным лично присутствовать в Иерусалиме и переселялись туда в сопровождении усиленной военной охраны. Во время этих переселений Пилат занимал в Иерусалиме великолепный дворец, выстроенный первым Иродом и названный по имени строителя Преторией Ирода. Дворец этот был расположен в верхнем городе, к юго-западу от храма, и представлял собой роскошное здание, украшенное скульптурными портиками и колоннами из разноцветного мрамора, богатой мозаикой, с разнообразными фонтанами, резервуарами и зелеными аллеями. В эту преторию первосвященники, книжники и весь синедрион рано утром, составивши совещание, отвели связанного Спасителя и предали Его Пилату. Было, вероятно, уже около семи часов утра, когда Иисус, измученный, избитый на перво-священническом допросе, предстал перед игемоном. Обеспокоенный в такой ранний час, но, вероятно, приготовленный ко всякой пасхальной неприятности более, чем в обыкновенное время, Пилат вышел на лифостротон, то есть судебный помост, к собравшейся

толпе. Об Иисусе Христе и Его действиях прокуратор, конечно, давно имел сведения, но вполне возможно, что до сих пор он не интересовался подробностями жизни и деятельности Спасителя, зная только, что Он не представляет никакой опасности для римской власти. Известно было, несомненно, Пилату и о происшествиях минувшей ночи: взятии Иисуса под стражу, собрании синедриона и прочих, ибо римская стража, усугублявшая свою бдительность во время праздников, давала знать правителю обо всех происшествиях, заслуживавших внимания. Пилату даже известно было гораздо более, нежели сколько хотели и, может быть, ожидали первосвященники: что они преследуют Пророка Галилейского единственно по личным видам, из зависти и злобы. Таким образом, появление Иисуса Христа в виде узника не было для прокуратора неожиданным; неожиданно было только, что для обвинения Его явился весь синедрион, да еще так рано и в такой день, когда всякий израильтянин, и искренно и лицемерно набожный, старался, насколько возможно, удаляться от язычников и всего языческого, дабы не потерять законной чистоты, необходимой для совершения Пасхи.

Как прокуратор, Пилат не имел квестора (судебного следователя) и потому был обязан разбирать все дела сам. Он немедленно приступил к допросу.

В чем вы обвиняете Человека Сего? – спросил он.

Вопрос для обвинителей был несколько неожиданный. Они слишком хорошо сознавали свою силу, надеялись на свое влияние на правителя и, по-видимому, предполагали, что Пилат просто подтвердит приговор синедриона, не входя в подробное разбирательство дела. В самом деле, что значил на весах римского правосудия этот несчастный, измученный Подсудимый в сравнении с важными, влиятельными первосвященниками, которые могли настроить весь народ против правителя и доставить ему много неприятностей? Стоило ли прокуратору слишком много Им заниматься и не достаточно ли было выслушать авторитетное мнение синедриона, чтобы, основываясь на нем, произнести последний, окончательный приговор? Так думали обвинители Иисуса Христа, ожидая от Пилата только позволения предать Его смерти. Но такая роль послушного орудия в руках мятежной толпы казалась прокуратору слишком унизительной, да и римское правосудие, даже времени упадка империи, вовсе не было такой ничтожной величиной, чтобы можно было играть им по произволу. Оно все еще представляло большую идейную силу, и шутить с ним было опасно. Поэтому надо было придать всему процессу хотя бы внешний вид справедливости и беспристрастия. Возможно, что Пилатом руководили при этом не столько принципы правосудия, сколько обидное для его самолюбия сознание, что его хотят заставить играть роль покорного исполнителя воли ненавистного ему синедриона, и, начиная формальное дознание, он хотел поставить перед обвинителями как можно больше препятствий, чтобы победа над ним, представителем римского правосудия и могущества, не оказалась для них слишком легкою.

Как человек без твердых нравственных правил, он не столько искал правды, не столько стремился спасти жизнь невинного Галилейского Пророка, сколько хотел в своем противодействии домогательствам иудеев найти тот предел, дальше которого нельзя было идти, не рискуя вызвать открытое возмущение.

На вопрос Пилата о причинах обвинения первосвященники отвечали: *если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе* (Ин. 18, 30). Это был наглый ответ. С другими правителями иудеи так не разговаривали (см. Деяния святых апостолов, 24, 1–9).

Если выяснить внутренний смысл этих слов, то они означали: «Какое тебе дело до того, в чем мы Его обвиняем? Ты только осуди Его на смерть… Мы этого хотим и больше ничего от тебя не потребуем».

Пилат был возмущен такою наглостью. К нему привели обвиняемого для суда и не желают даже сказать, в чем дело!

Возьмите Его вы, – возразил он, – *и по закону вашему судите Его* (Ин. 18, 31).

Первосвященникам пришлось сбавить тон и поневоле исполнить требование прокуратора. Они обвиняли Подсудимого во многом (Мк. 15, 3). Религиозные мотивы, послужившие основанием для обвинения Спасителя на суде Каиафы и синедриона, в глазах римского языческого правителя, конечно, не заслуживали никакого внимания (ср. Деяния святых апостолов, 18, 12–16, 23, 26–29; 25, 18–19; 24–25). Поэтому надо было изобрести что-нибудь другое, и, если хотели добиться смертного приговора, то всего легче эта цель достигалась обвинением в политических преступлениях, которые карались строже других. Вот почему среди ругательств, угроз и проклятий, направленных против Господа, можно было ясно различить три основные пункта обвинения – что Он развращает народ, запрещает платить подати и называет Себя царем. Все три обвинения были явно ложны, и ни одно из них иудеи не могли подтвердить свидетельскими показаниями. Пилат обратил внимание только на последнее, так как оно заключало в себе некоторую видимость истины и, кроме того, представлялось наиболее опасным.

Он приступил к исследованию, действительно ли сознание Самого Узника, всегда считавшееся желательным по римским установлениям, дает ему возможность, при отсутствии свидетельских показаний, осудить Его. И результатом этого исследования было торжественное и совершенно неожиданное для синедриона заявление прокуратора: *я никакой вины не нахожу в Нем* (Ин. 18, 38).

После такого решительного заявления оставалось только освободить Иисуса из-под стражи и прогнать буйную толпу обвинителей от лифостротона, как это сделали впоследствии Галлион, проконсул Ахаии, при суде над апостолом Павлом. Но Пилат не обладал такою решительностью, да и самое положение его в Иерусалиме, в этом осином гнезде иудейства, было гораздо более затруднительно. Не желая, однако, обвинить невинного, он старался найти выход из тяжелого и неприятного положения. Сначала он послал Иисуса, как Галилеянина, на суд к правителю Галилеи, Ироду, который, по случаю праздника Пасхи, также находился в Иерусалиме. Когда же Ирод, не решив дела, отослал Спасителя к нему обратно, тогда Пилат подумал воспользоваться существовавшим в Иудее народным обычаем – освобождать на праздник Пасхи одного из преступников, заключенных в темнице. На основании этого обычая прокуратор предложил толпе отпустить Иисуса, прекратив судопроизводство. Первосвященники закрыли для него и этот выход, заставив народ с криком требовать предоставления этой пасхальной льготы Варавве – разбойнику, содержавшемуся в тюрьме по обвинению в мятеже и убийстве. Волей-неволей пришлось взять дело в свои руки и вынести какое-нибудь решение. Уклониться не было никакой возможности: разъяренная толпа с нетерпением ждала приговора и, по-видимому, готова была на все в случае отказа. Тогда снова Пилат подтверждает, что он не находит никакой вины в Подсудимом, и однако приказывает Его бичевать, рассчитывая, вероятно, этим хотя бы несколько удовлетворить и успокоить кровожадные инстинкты толпы, прогнать которую от себя с решительным отказом он не находил в себе смелости. Быть может, он думал, что жалкий вид измученного бичеванием Страдальца вызовет сострадание в жестоких сердцах обвинителей и они не пойдут дальше в своих требованиях. Увы! Он ошибся и на этот раз. Первосвященники не хотели упустить жертву из своих цепких рук, а уступка правителя показала им лишь, что он боится толпы и что решимость его слабеет. Стало ясно, что достаточно еще одного нажима на совесть судьи, и цель будет достигнута.

Когда Спаситель после бичевания вышел из претории и стал около Пилата на богатой мозаике трибунала, с каплями крови на бледном прекрасном челе, увенчанный терном, изнемогший от Своих смертельных страданий, раздались бешеные крики! «Распни, распни Его!»

Но Пилат уже находил, что в своем угождении иудеям он зашел достаточно далеко, и больше не хотел делать ни шагу. Он искал отпустить Иисуса (Ин. 19, 12). Однако нарушив однажды принципы правосудия и заглушив голос совести, он уже не имел под собой твердой

опоры и на скользкой плоскости незаконных уступок удержаться не мог. Логически неизбежно он должен был скатиться дальше, до самого конца, в зияющую бездну преступления.

Первосвященники помогли ему в этом, заставив снова подчиниться своим желаниям.

Волнение увеличивалось. Толпа, подстрекаемая своими вождями, дошла до крайней степени возбуждения. Бледные, злые лица: глаза, выкатившиеся из орбит, полные ненависти; страстная, угрожающая жестикуляция – все это напоминало грозный шквал, предвещающий близкую бурю открытого бунта. Проклятия, крики, ругательства не прекращались ни на минуту, сливаясь порой в дикий, непрерывный рев. И вдруг среди этого невообразимого гама и воя Пилат ясно услышал: *если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю* (Ин. 19, 12). Пилат вздрогнул: именно этого он боялся больше всего. Крик несся со стороны первосвященников. О, эти хитрые люди, поседевшие в интригах, хорошо знали слабую сторону правителя! Знали, куда больнее его ударить, чтобы сломить его решимость. Пилат почувствовал, что они готовы перенести дело на суд кесаря и там вместе с Иисусом Христом обвинять и его как изменника, который не радеет о чести и выгодах своего повелителя, и вот этого-то он не мог и не хотел допустить ни в коем случае. Он знал, что в его административной деятельности найдется много злоупотреблений и проступков по должности, за которые по справедливости и с успехом можно было обвинять его перед кесарем, особенно таким врагам, которые действовали в Риме, и золотом, и происками. Если бы на римском престоле сидел Август или кто-нибудь ему подобный, то обвинение в измене, может быть, было бы еще не так ужасно. Можно было надеяться, что римский полубог, забыв свою личность, рассмотрит дело по справедливости. Но Рим стонал тогда под железным скипетром Тиверия – чудовища, которое не имело доверия и жалости даже к родным и у которого самые бесстыдные изветы всегда находили себе доверие и награду. Преступление в «оскорблении Величества», государственной измене (laesa majestas) было самым тяжелым в его глазах. Следствиями такого обвинения были обыкновенно конфискация имущества и пытка, и это было причиною того, что кровь лилась рекой по улицам Рима.

Кроме обвинения в измене перед кесарем, надлежало страшиться и другой опасности – со стороны народа. Необузданная толпа становилась час от часу наглее и мятежнее. Горсть преторианцев ничего не значила в сравнении с бесчисленным множеством иудеев, собравшихся со всего света на праздник Пасхи. Кроме опасности народного возмущения, за него надлежало бы еще отвечать перед кесарем. Что же, если бы Тиверий узнал, что единственной причиной возмущения был отказ, сделанный римским прокуратором народу иудейскому, требовавшему казни для личного врага Тиверия, каким предполагался мнимый Претендент на престол иудейский?!

Перед Пилатом встала мрачная тень старого грозного императора, жившего тогда на острове Капри, где он скрывал от других свои ядовитые подозрения, свои безумно-болезненные преступления, свое отчаяние и мщение. Как раз в это самое время император впал в кровожадное и дикое человеконенавистничество вследствие раскрытой им лживости и измены своего старого друга Сеяна, которому именно Пилат и был обязан занимаемым им положением.

Все эти соображения мгновенно мелькнули в голове глубокого и изворотливого политика. На него повеяло ужасом тем более, что в толпе могли быть тайные доносчики, которые не преминули бы сообщить в Рим о всем происходившем.

Если бы в Пилате был жив дух древнего Рима, дух твердых правил и неподкупной справедливости, то, конечно, он не колебался бы освободить невинного. Вспомним этих удивительных героев древности, самоотверженно преданных своему долгу и чести как высшему закону жизни, перед которым все должно склоняться. Вспомним, например, Регула, этого мужественного консула времен Карфагенской войны, взятого в плен слабеющими врагами, получившего предложение идти в Рим, чтобы уговорить соотечественников прекра-

тить войну, и связанного словом, в случае неудачи, вернуться обратно в плен; вместо этого он посоветовал римлянам продолжать борьбу до конца и, верный своему слову, несмотря на слезы жены и уговоры друзей, возвратился во враждебный Карфаген, где и был предан мучительной смерти. Вспомним и другого консула, осудившего на смертную казнь своего собственного сына за нарушение военной дисциплины. Такие люди, если б им угрожала даже смерть, не поколебались бы ни на минуту привести в исполнение благородное постановление старинного римского закона двенадцати таблиц: «На пустые народные крики не следует обращать внимание, когда народ домогается освобождения виновного или осуждения невинного» (Vanae voces populi; pon sunt audiendae, quando aut onoxium crimine absolvi, aut innocentem condemnavi desiderant).

Но в ту эпоху, когда жил Пилат, такие люди были уже редки, и среди римских сановников преобладал тип карьеристов и оппортунистов, руководившихся в своей деятельности не чистыми принципами высшей правды и справедливости, а практическими соображениями земной, часто низменной выгоды. Благородный дух древней республиканской доблести почти исчез, и Пилат был не выше нравственного уровня своего времени. Когда Иисус на допросе прокуратора высказал, что Он пришел в мир для того, чтобы свидетельствовать об истине, Пилат бросил Ему свой знаменитый, полный презрения вопрос: *что есть истина?* (Ин. 18, 38). В этом вопросе сказалась вся его натура, все понимание жизни, ибо, если раскрыть внутренний смысл этих слов, то они означали: «Брось свои бредни… Кому нужна твоя истина?.. Да и что такое истина? Безумный бред наивных мечтателей! Разве можно относиться к нему серьезно и руководиться им в жизни? Нужна политика, здравый смысл, умение применяться к обстоятельствам, деловой, трезвый взгляд на жизнь…»

И вот этому деловому, трезвому человеку под угрожающим напором враждебной толпы в самый короткий срок пришлось решить роковую альтернативу: распять или отпустить? Приняв во внимание все выясненные выше обстоятельства и психологию Пилата, мы и не вправе ожидать от него другого решения, кроме того, которое он дал, быть может, даже внутренне ему не сочувствуя. Ему приходилось выбирать одно из двух: или отказ иудеям с последующим доносом в Рим, возможным гневом императора, конфискацией имущества, лишением места и прочими страхами, навеянными нечистой совестью, или смерть человека, правда, невинного, но жалкого, гонимого, находящегося в презрении у народа, смерть, которая, по всей вероятности, никем не будет замечена и не повлечет за собой никаких неприятных для судьи последствий.

Для практического римлянина выбор был ясен.

Он *отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие* (ст. 15).

И однако оправдался ли этот деловой взгляд на жизнь? Восторжествовал ли здравый смысл с его умением применяться к обстоятельствам? Увы! Пилат ошибся.

Есть Высший Суд, Который посмеивается решениям человеческого рассудка, требует только правды при всевозможных обстоятельствах и наказывает за презрение к ней.

Через четыре года после суда на Иисусом Пилат был лишен прокураторства и вызван на суд в Рим вследствие обвинения, выставленного против него самарянами, пожаловавшимися Луцию Вителлию, римскому легату в Сирии, что Пилат без всякого повода напал на них, убил и казнил множество из них, когда они собрались на горе Гаризим по приглашению какого-то обманщика, обещавшего показать им ковчег и сосуды храма, скрытые там, по его словам, Моисеем. Когда Пилат прибыл в Рим, Тиверий уже умер, но и преемник Тиверия отказался восстановить его в должности, считая, без сомнения, за дурной признак, что Пилат сделался неприятным народу каждого отдельного округа при своем управлении небольшими провинциями. Пилат был сослан на окраину империи и там, изнемогая от несчастий, кончил жизнь самоубийством, оставив потомству позорное имя.

Какой страшный урок для нас! По существу говоря, Пилат не злодей, не разбойник, не отъявленный негодяй, а только обыкновенный слабый человек, определяющий свои действия соображениями личной выгоды и удобства; и однако он становится видным участником величайшего в истории преступления! Не таковы ли и все мы?! Кто из нас не руководствуется в жизни такими же видами собственной пользы, понимая эту пользу лишь в материальном, чисто земном смысле? Кто, предпринимая какой-либо шаг или новое дело, ставит себе при этом вопрос: а угодно ли это Богу? Согласно ли с законом Высшей Правды? Даже тогда, когда мы ясно видим, что нарушаем при этом правду Божию, мы оправдываем себя, сваливая вину на сложившиеся обстоятельства, или, говоря прямее, на Бога, управляющего обстоятельствами, на Его Всемогущий Промысл, поставивший нас в положение вынужденной необходимости. А между тем, никакими земными соображениями нельзя оправдать такое поведение, ибо мы имеем ясный и непреклонный закон: *ищите же прежде Царства Божия и правды.* Его (Мф. 6, 33). Порой, когда нам кажется, что обстоятельства вынуждают нас сделать что-нибудь противное совести, мы ищем окольных путей, чтобы избежать этой необходимости, или пытаемся отделаться небольшими уступками, лукавыми компромиссами, чтобы заглушить голос совести. Но компромиссы редко помогают, а привыкнув к небольшим уступкам, человек и в серьезных случаях не находит в себе нравственной силы сопротивляться искушению и скоро доходит до крупных преступлений.

Все это испытал Пилат, оставив нам в своей судьбе страшный урок того, что истина, к которой он отнесся с таким презрительным легкомыслием, – не пустое слово, а грозная, непреклонная сила, требующая от человека безусловного признания и подчинения себе.

Уступив первосвященникам и заглушив голос совести, Пилат предал Иисуса на распятие, но прежде приказал Его бичевать. Бичевание в то время обыкновенно происходило прежде распятия и других форм уголовной казни. Наказание было страшное. Несчастного страдальца публично обнажали, привязывали в согбенном положении к столбу, удары наносили ременным кнутом с несколькими хвостами, к которым нередко прикреплялись костяные пластинки, свинцовые шарики и железные когти, чтобы удары были тяжелее и болезненнее. С первого же удара кожа разрывалась, брызгала кровь, отрывались и разлетались во все стороны клочки тела. Иногда удары наносились куда попало, а иногда с ужасным варварством намеренно по лицу, по глазам. Это было наказание столь нестерпимое, что жертва обыкновенно падала в обморок, часто умирала; еще чаще человека отпускали на верную гибель вследствие гангрены и нервного потрясения.

Солдаты, производившие экзекуцию, по всей вероятности, не римляне, а наемники из провинции, не ограничились бичеванием, а проделали целую церемонию насмешливого коронования, насмешливого облачения, насмешливого поклонения. На голову Господа, цинично подражая возложению лаврового венка на императора, они надели венок из терновника; в Его связанные руки вложили трость вместо скипетра; с Его израненных и окровавленных плеч они сняли белую, залитую кровью одежду и набросили на Него старую красную епанчу, какой-нибудь заброшенный военный плащ с пурпуровой обшивкой из гардероба претории. Эту одежду с напускной торжественностью они застегнули на Его правом плече блестящей пряжкой; и затем каждый с глумливой почтительностью преклонял пред Ним колени, плевал на Него и с насмешливым восклицанием – «радуйся, Царь Иудейский!» – ударял по голове палкой, отчего шипы терновника глубже впивались в изъязвленное чело.

«Как будто по договору, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – ликовал тогда со всеми диавол. Ибо пусть иудеи, истаивая от зависти и ненависти, ругались над Ним: почему и отчего воины делали сие? Не явно ли, что диавол тогда со всеми пиршествовал? Ибо до того были жестоки и неукротимы, что считали себе за удовольствие наносить Ему оскорбления. Надлежало укротиться, надлежало плакать по примеру народа; они не делали сего, напротив, оскорбляли Его, нападали на Него нагло, может быть, или желая тем угодить иудеям,

или делали сие только по своему злонравию. Обиды были различные и многообразные. Ибо то били по Божественной оной славе, то уязвляли терновым оным венцем, то били тростию люди скверные и нечистые. Какой после сего мы дадим ответ – мы, которые гневаемся за каждую обиду, нам наносимую, тогда как Христос претерпел толикие страдания? Ибо обиды, наносимые Ему, были крайние. Не часть одна, а все тело терпело страдания: глава от венца и трости, лице от ударов и заплеваний, ланиты от заушений, все тело от бичевания, наготы, одеяния хламидою и притворного поклонения, рука от трости, которую дали держать Ему вместо скипетра. Что может быть сего тягчее? Что обиднее? Все, что ни происходило, превосходит всякое описание… Итак, слыша сие, вооружимся против всякого возмущения сердечного, против всякого гнева. Если увидишь, что сердце твое возгорается, огради грудь твою крестным знамением; вспомни что-нибудь из случившегося тогда, и сим воспоминанием ты отженешь всякое возмущение духа, как прах. Помысли о словах, делах; помысли, что Он – Владыка, а ты – раб. Он пострадал для тебя, а ты для себя; Он за облагодетельствованных Им и вместе распенших Его, а ты за себя самого; Он за причинявших Ему оскорбления, а ты часто за обиженных тобою… Итак, о всем этом размышляя, подумай, что потерпел ты подобное тому, что понес Господь твой? Но Он при всем этом молчал, подавая нам неоцененное врачество – долготерпение. Мы, напротив, не умеем быть терпеливыми и перед рабами своими. Мы пуще диких ослов вспрядываем, бьем ногами, люты и бесчеловечны бываем против обижающих нас. Если кто обидит нас, никак не стерпим; если досадит кто, мы более зверей свирепствуем… А Он никому ни слова, всех препобедил молчанием. Так Он самым делом научает тебя тому, что чем более ты будешь переносить все с кротостью, тем удобнее победишь несправедливо поступающих с тобою и всех заставишь удивляться тебе».

Глава 15, ст. 20-39

Крестная казнь, на которую был осужден Господь, первоначально появилась на Востоке и принадлежит к тем ужасным варварским изобретениям, которыми прославились восточные деспоты. С Востока она перешла в Рим и применялась римлянами решительно везде, где только появлялись победоносные орлы римских легионов, пока, наконец, не была уничтожена Константином Великим. У евреев крестной казни не было: за некоторые преступления закон повелевал вешать на дереве преступников, но их не прибивали гвоздями, и трупы при наступлении вечера надлежало снимать для погребения. В самом Риме распинали только рабов, которые за людей почти не считались. Римские граждане этой казни не подлежали, и знаменитый оратор древности, Цицерон, требовал даже, чтобы крестная казнь производилась вдали от городов и больших дорог, так как ужасное зрелище распятых преступников оскорбляло взор благородного римлянина. В провинциях пригвождали ко кресту одних разбойников и возмутителей общественного спокойствия. Распинателями обыкновенно были воины, которые у римлян совершали все казни. Преступник сам должен был нести свой крест до места казни, подвергаясь при этом насмешкам и побоям. Погребения для распятых обычно не было. Тела оставались на крестах до тех пор, пока не делались добычей хищных птиц и плотоядных животных или же не истлевали сами собой от солнца, дождя и ветра. Иногда, впрочем, родственникам позволялось погребать их. В случае нужды (при наступлении, например, праздника или какого-нибудь торжества) жизнь распятых по закону могла быть сокращена ударом в голову или в сердце; иногда у них перебивали голени или же разводили под крестом костер из хвороста, и тогда распятый погибал от огня и дыма.

Форма крестов была довольно разнообразна. Проще других и, по-видимому, более употребительным был крест, напоминавший букву Т (так называемый крест святого Антония), где поперечная перекладина прибивалась к самому верху вертикального столба. Иногда эта

перекладина прикреплялась ниже, оставляя в верху столба место для таблички, на которой черными буквами по меловому фону писалась вина распятого. Такой именно формы и был крест Спасителя, судя по тому, что к Его кресту была прибита дощечка, на которой Пилат вместо полного обозначения вины написал просто: «Иисус Назорей, Царь Иудейский» (Ин. 19, 19), что вызвало сердитый протест иудейских первосвященников.

К середине креста приделывался перпендикулярно еще небольшой брус, так называемое «седалище» (sedile), на котором распятый сидел как бы верхом. Это делалось для того, чтобы тело своею тяжестью не разодрало рук и не оторвалось от креста. С этой же целью тело нередко привязывалось к столбу веревками. Что касается подножия, которое обязательно требуется нашими старообрядцами, признающими достойным почитания только восьмиконечный крест, то древние писатели до VI века нигде о нем не упоминают; свидетельства позднейших слабы и, возможно, предоставляют плод недоразумения. Кресты делались невысокими, так что ноги распятого отстояли от земли не более трех футов. Таким образом, несчастную жертву мог бить всякий, кто в состоянии был достать ее; она была вполне беззащитна и предоставлена всевозможным проявлениям злобы и ненависти. Она могла висеть в продолжение многих часов, подвергаясь ругательствам, оскорблениям, даже побоям от толпы, которая обыкновенно сбегалась, чтобы посмотреть на это страшное зрелище.

Испытывая мучения, становившиеся все более и более нестерпимыми по мере того, как проходило время, несчастные жертвы страдали так жестоко, что часто должны были просить и умолять зрителей или своих палачей из жалости положить конец их страданиям; часто слезами тяжелого отчаяния выпрашивали они у своих врагов бесценное благодеяние – смерть. Действительно, смерть от распятия, по-видимому, включала все, что пытка или смерть могут иметь мучительного и страшного: головокружение, судороги, жажду, голод, бессонницу, воспаление ран, столбняк, публичный позор, долговременность страданий, ужас предчувствия смерти, гангрену разорванных ран. Все эти страдания усиливались до крайней, самой последней степени, насколько их мог выносить человек, и только в потере сознания страдалец получал облегчение. Надобно вообразить неестественное положение тела с простертыми вверх, пригвожденными руками, причем малейшее движение сопровождалось новою, нестерпимою болью.

Тяжесть повисшего тела все более раздирала язвы рук, которые становились поминутно все острее и жгучее; разорванные жилы и растянутые сухожилия бились и трепетали с непрерывною мукою; раны, не закрытые от воздуха, постепенно заражались антоновым огнем; артерии, особенно головные, вздувались и вызывали страдания от притока крови; затрудненное, неправильное кровообращение вызывало в сердце невыносимое мучительное томление, длительную предсмертную тоску; к этому прибавлялись муки жгучей и доводящей до отчаяния жажды; и все эти телесные мучения причиняли внутреннее страдание и тревогу, делавшие приближение смерти желанным и несказанным облегчением. И однако в этом ужасном положении несчастные могли жить до трех, а иногда до шести и более дней.

С мучением распятых равнялось одно только их бесчестие. Название крестоносцев (crucifer) было крайним выражением презрения. Особенно у иудеев крестная казнь считалась самой позорной и отвратительной, потому что Закон Моисеев гласил: *проклят всяк висяй на древе* (Втор. 21, 23).

У евреев существовало обыкновение, чтобы осужденный на смерть преступник лишаем был жизни не скоро после осуждения. Глашатай несколько раз всенародно объявлял его имя, вину, свидетелей преступления и род казни, ему назначенный, вызывая всякого, кто мог, идти в суд и защищать несчастного. И у римлян был закон, изданный Тиберием, в силу которого смертная казнь совершалась не ранее десяти дней после приговора. Но для Иисуса Христа, хотя Он судим был и по римским, и по иудейским законам, это правило применено не

было. Отсрочка казни простиралась только на обыкновенных преступников, а возмутители общественного спокойствия, враги Моисея и кесаря, каковым клевета представила Спасителя, не имели права на эту милость: их казнь была тем законнее, чем скорее совершалась. Итак, Иисус после осуждения немедленно был предан воинам для исполнения приговора.

Тогда *сняли с Него багряницу, одели Его в собственные одежды Его и повели Его, чтобы распять Его* (ст. 20).

На шею Спасителя повесили дощечку с обозначением вины его; на Его плечи возложили крест, который Он Сам должен был нести до места казни, как того требовал обычай, и печальная процессия тронулась в сопровождении толпы собравшихся зрителей. Крест не был особенно велик и массивен, так как у римлян распятие практиковалось настолько часто, что на устройство каждого креста они не затрачивали большого труда и старания, но, тем не менее, физические силы Господа уже иссякли и Он не мог нести его. Волнения предшествовавшей ночи, душевная мука, пережитая Им еще в саду Гефсимании, три утомительных допроса, побои, оскорбления, чувство окружавшей Его бешеной, беспричинной ненависти, наконец, это ужасное римское бичевание – все это привело Его в состояние крайнего изнеможения, и Спаситель падал под тяжестью Своего креста. Чтобы не замедлять шествия, воины принуждены были, вопреки обыкновению, возложить крест на другого – на некоего Симона, жителя ливийского города Кирены, который возвращался с поля и при самом выходе из города встретился со стражей, ведущей Иисуса Христа. Вероятно, он был из числа почитателей Спасителя и при встрече с Ним обнаружил знаки сострадания, почему воины и обратили на него внимание.

Наконец, достигли Голгофы (евр. Golgotha означает «лоб, череп»), или лобного места. Так называлась одна из горных северо-западных возвышенностей, окружавших Иерусалим, на которой производились казни и которая с тех пор должна была сделаться самым священным местом на земле. Пока воины ставили и укрепляли кресты для Иисуса Христа и для двух разбойников, осужденных вместе с Ним, Спасителю предложено было, по древнему обычаю, вино, смешанное со смирною. Питье это не столько опьяняло, сколько туманило сознание и помрачало рассудок, вследствие чего страдания становились менее чувствительными. До известной степени это был акт человеколюбия, но Господь отверг его. Принимая добровольно страдания и смерть, Он хотел встретить их с ясным сознанием, ничем не облегчая для Себя ужаса крестной муки. С Него сняли одежды и затем…

Наш Божественный Спаситель и Искупитель, Владыка твари и Господь славы был поднят на крест и пригвожден.

Тогда началась та страшная, мучительная агония Крестных страданий, ценой которых куплено наше спасение.

И может быть, глубокая духовная скорбь, которую переживал Спаситель, была для Него еще тяжелее, чем ужасные физические мучения распятия. Мы не можем, конечно, знать, что происходило в душе Божественного Страдальца, не можем, при своей греховной грубости, даже приблизительно представить себе всю глубину Его скорби, но причины ее указать возможно.

Одиноким, покинутым почти всеми видел Он Себя на кресте. Его оставили даже Его ближайшие ученики, за исключением Иоанна, малодушно скрывшиеся от опасности быть захваченными, и никто, решительно никто еще не понимал того дела, за которое Он умирал. Кругом была враждебно настроенная толпа; видны были только или тупые, равнодушные лица уличных зевак с написанным на них выражением грубого любопытства, или ехидные улыбки первосвященников, полные злорадства. Да, они могли злорадствовать – эти люди, так долго копившие в себе злобу против Того, Кто не хотел признать их авторитета и так часто обнаруживал перед толпой слушателей их внутреннюю фальшь и лицемерие Своими правдивыми обличениями. Теперь они могли отомстить за все унижения и дать Ему почув-

ствовать свою силу и власть, с которой Он не хотел считаться. Давно лелеянная злоба не смягчалась даже скорбным зрелищем крестных страданий и прорывалась в язвительных, насмешливых замечаниях, обличающих ужасающую, омерзительную низость души, которая может глумиться над умирающим. *Других спасал,* – говорили они, насмехаясь, – *а Себя не может спасти. ...Пусть сойдет теперь с креста, чтобы мы видели, и уверуем* (ст. 31–32). Даже проходящие, когда-то толпой ходившие за Ним, чтобы слушать Его учение, злословили Его (ст. 29). И за этих людей Он умирал! Столько добра Он сделал им, стольких исцелил, ободрил, утешил, стольких призвал к новой жизни, столько оказал любви безграничной, самоотверженной – и в благодарность за все это они распяли Его! Даже теперь Он страдал и умирал, чтобы приобрести для них прощение и спасение, – и они издевались над Ним! Они отвергли своего Спасителя… Как должна была страдать великая любовь Иисуса от этого непонимания, от сознания, что эти люди, Его братья, Его единоплеменники, гибнут, совершая страшное, небывалое преступление и даже не понимают этого в своей дикой неблагодарности. Как тяжело было видеть в душе этих погибших сынов Израиля торжествующее зло!

Но самая тяжелая скорбь, ужасная глубина которой для нас совершенно непостижима, – это, конечно, было чувство греха, добровольно взятого на Себя нашим Спасителем и отяготевшего на Нем. Если на нас, грешных людей с грубой душой и усыпленной совестью, наш грех часто ложится мучительной тяжестью, едва переносимой, нередко приводя к отчаянию, то что должен был переживать Господь с Его чуткой совестью, с Его Божественно чистой душой, не знавшей греха, ибо Он греха не сотворил (1 Пет. 2, 22)! Ведь взять на Себя грех людей – это вовсе не значило просто уплатить Божественному правосудию Своею кровью и страданиями за чужой, посторонний грех чисто внешним образом, подобно тому, как мы оплачиваем иногда долги наших друзей. Нет, это значило несравненно большее: это значило принять грех в свою совесть, пережить его как свой собственный, почувствовать всю тяжесть ответственности за него, сознать страшную виновность за него перед Богом так, как будто Он Сам сделал этот грех. И какой грех! Не забудем, что Иисус Христос был, по выражению Иоанна Предтечи, *Агнец Божий вземляй грехи мира* (Ин. 1, 29). Грехи всего мира, всего человечества с первого дня его сотворения, всех бесчисленных поколений людей, сменившихся на земле в течение целого ряда долгих веков; все зло во всех его разнообразно-омерзительных видах; все преступления, самые отвратительные и гнусные, когда-либо содеянные человеком; всю грязь и муть жизни не только прошлой, но и настоящей, и будущей – все это взял на Себя Иисус Христос и все *грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды* (1 Пет. 2, 24). Вместе с грехом Спаситель должен был взять на Себя и его неизбежные следствия, для души самые страшные – отчуждение от Бога, богооставленность и проклятие, висевшее над нами как наказание за грех: *Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (ибо написано: проклят всяк, висящий на древе*) (Гал. 3, 13).

Если мы примем во внимание весь ужас этого проклятия и богооставленности, всю невероятную тяжесть греха, подъятого Спасителем ради нашего искупления, то для нас до некоторой степени станет понятен этот предсмертный вопль, полный тоски и муки невыразимой: *Элои́! Элои́! ламма́ савахфани́? – что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (ст. 34).*

Страдания Господа были так велики, что вся природа возмутилась. Солнце не могло вынести этого зрелища и скрылось; тьма покрыла землю. Земля содрогнулась от ужаса, и в последовавшем землетрясении большие камни, покрывавшие многие гробницы, были сброшены. Завеса в храме, отделявшая Святая Святых от святилища, разорвалась пополам.

Но спросят, быть может: зачем нужны были эти страдания? Почему символом христианства стал именно крест – это орудие муки? К чему эта печаль, которою обвеяна вся христианская религия?

Для многих смысл креста и страданий совершенно непонятен. Еще апостол Павел писал в свое время: *слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия… Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие* (1 Кор. 1, 18, 22–23). В этом нет ничего удивительного: для человеческой мудрости, не озаренной силой Духа Святого, так и должно быть. Тайна креста для нее всегда останется тайной, ибо *мудрость мира сего* есть безумие пред Богом, а *немудрое Божие премудрее человеков* (1 Кор. 1, 20, 25). Исчезли в дали веков самые имена древних мудрецов, а крест стал лучезарным символом, около которого вращается судьба человека. Крест – душа христианства; без креста нет и самого христианства.

Почему?

Святая Церковь отвечает на этот вопрос учением об искуплении, составляющим кардинальный пункт христианской религии. Ввиду важности этого учения необходимо на нем остановиться подробнее.

Человек вышел из рук Творца прекрасным созданием, одаренным всеми совершенствами ума, сердца и воли. Но, как условие свободы, в его природе была заложена возможность греха, в борьбе с которым человек должен был самостоятельно развивать свои нравственные силы, руководясь любовью к Богу и послушанием Его воле. Для этого дана была первая заповедь, запрещавшая вкушение плодов древа познания добра и зла. Но когда злой дух стал искушать человека, он представил ему блестящие перспективы этого знания, и… человек соблазнился. Вместо того, чтобы отвергнуть искушение во имя любви к Богу, во имя послушания, он захотел сам сделаться равным Богу! Гордость, самолюбие восторжествовали над любовью.

Преступая заповедь Божию, человек свободно, без принуждения внешнего противопоставлял свое собственное «я», свой эгоизм – Богу, вместо Бога полагал самого себя центром своей жизни, свою волю своим законом, самого себя своим богом, и таким образом ставил себя во враждебное отношение к Богу, делался истинным врагом Бога. Человек обособился от Бога, стал служить своему «я» и поработился миру, от которого начал искать счастья. Следствием этого отчуждения от Бога явилось полное извращение жизни не только самого виновника – человека, но и всей природы. Из-за преобладания эгоизма утрачено было единение не только человека с Богом, но и человека с человеком. В этой разобщенности исчезла любовь, появилась вражда и как высшее и худшее ее проявление – убийство.

В убийстве Авеля впервые кровь человека оросила землю. Далее жизнь становится все хуже и безотраднее. Нависшие над ней тучи зла сгущаются все более и более. Разврат и нравственное одичание достигают такой степени, что потребовался потоп, чтобы уничтожить зло и омыть оскверненную землю. Но хотя в потопе погиб почти весь род человеческий и сохранены были лишь немногие лучшие, но все же семя зла в них осталось и опять пустило свои ядовитые побеги, разраставшиеся все гуще по мере размножения человечества. Жизнь становилась невыносимой. Единственный исход из этого ада состоял в возвращении человека к Богу, в восстановлении связи с Ним. Но на этом пути необходимо было устранить величайшее препятствие, каким служит грех. Грех-то именно и есть главная причина разобщения человека с Богом, им-то и устанавливается и поддерживается великая бездна между Богом и людьми.

Прежде всего грех уже сам по себе служит причиною разобщения Бога и человека: грех есть удаление человека от Бога мыслью, чувством, желанием, делом. Кроме того, грех ведет к разобщению с Богом не менее этого еще и тем общим душевным состоянием нечистой

совести, которое является в нас следствием греха, создается грехом. Удаление души от Бога, или грех, немедленно отражается в душе человека, в его совести тревогою, чувством страха, виновности. Человек находится в положении раба, который чувствует над собой занесенный бич хозяина. Чувства любви и близости к Богу изгоняются страхом перед Богом, а страх этот убивает религиозные стремления души, ее тяготение к Богу, заставляет бежать от Бога, не думать о Боге, гнать самую мысль о Боге, вечности, религии, до полного ее исчезновения или неверия, до отрицания бытия Божия. Постепенно изгоняется Бог из души страхом пред Ним, боязнь Его грозного суда и воздаяния; из Бога Любви и Отца людей в греховном сознании человека, мучимого совестью, Бог делается страшным существом и от светлого образа Бога в душе, окутанной непроницаемою, серою мглою духовного мрака и греха, остается какой-то неясный, бесформенный призрак, пугающий уже своею таинственностью, что-то неведомое, непознаваемое. Призрак страшного Бога, рожденный душевным мраком, стоит преградою между людьми и Богом, ослабляет в них стремление к Богу и порождает отчаяние.

Преграда эта между Богом и людьми может быть устранена только действительным искуплением греха. Грех должен быть искуплен по требованию одного из основных начал нравственной жизни, начала справедливости. Закон возмездия не может быть отменен или нарушен в силу основного свойства Божественного Промысла, управляющего миром, свойства правосудия.

Правда Божия, оскорбленная грехом, должна быть удовлетворена.

Как ни глубоко пал человек вследствие греха, но он всегда чувствовал неумолимую силу этого закона правды; всегда сознавал необходимость удовлетворения за грех. Все религии, самые грубые и первобытные, стремились к тому, чтобы найти способ этого удовлетворения, и сама сущность всякой религии, выраженная словом religio (от religo), состоит именно в действительном или мнимом восстановлении связи между Богом и человеком. Жертвами, религиозными обрядами и церемониями человек стремился умилостивить Бога, чтобы вместо разгневанного Судии снова найти в Нем любящего Отца. Это основное стремление принимало в разных религиях разнообразные, иногда дикие и чудовищные формы.

Религия Индии предполагала достигнуть примирения с Богом путем самоистязаний и доведения человека до умственной бессознательности. Восточные религии Ассирии и Вавилона во имя этого примирения освящали распутство как средство умерщвления плоти. Во многих местах практиковались человеческие жертвоприношения. Часто на раскаленные руки идолов бросали младенцев. И все это не достигало цели. Человек не находил успокоения. В этом ужасе человеческих жертвоприношений, в этих оргиях распутства можно было найти временное опьянение; можно было на время заглушить в душе стон отчаяния, но очищения совести и внутреннего мира все это человеку не давало.

Человечество долго и тщетно истощалось в поисках мира душевного, искупления греха. Искупление не достигалось жертвами, и ничем не удавалось побороть рабский страх перед Богом, чувство разобщности с Ним и отчуждения. И это вполне естественно: если сила противления Богу, проявленная человеком в грехопадении, по закону возмездия, может быть уничтожена только равною силою послушания, самопреданности, жертвы Богу, то человек должен представить удовлетворение правде Божией с тем же чистым сердцем, в том же непорочном состоянии духа, какое он отверг, совершая свой первый грех; он должен быть совершенным образом Божиим, чтобы его жертва своим нравственным значением покрывала собою силу и значение его преступления. Но требование такой жертвы выше сил падшего человека; он мог пасть, но не может восстановить самого себя; мог внести в себя зло, но бессилен уничтожить его. Отсюда его послушание Богу после падения всегда неразлучно с противлением Богу; его любовь к Богу нераздельна с самолюбием; зло прививается ко всем добрым и чистым движениям души и оскверняет самые чистые и святые минуты нравственной жизни. Вот почему человек не мог принести жертвы достаточной по своей безукориз-

ненной чистоте и нравственному достоинству для того, чтобы покрыть свой грех и удовлетворить правде Божией. Его жертвы не могли смыть греха, потому что сами не чужды были эгоизма.

Это мог сделать только Господь. Только Сын Божий мог сказать: «Моя воля – воля Отца Небесного», – и принести чистейшую жертву без всякой примеси эгоизма, только Сын Божий Своим личным воплощением в человеке, как новый Адам, и Своею свободною самопреданностью в жертву Богу за грех людей, как истинный первосвященник, мог представить полное удовлетворение правде Божией за преступление человека и, таким образом, уничтожить вражду между ним и Богом, низвести с Неба благодатные силы для возрождения расстроенного образа Божия в человеке. Святость и безгрешность Иисуса Христа, Его Божественная природа сообщали крестному жертвоприношению значение столь великое и всеобъемлющее, что эта одна Искупительная Жертва была не только достаточна вполне, чтобы покрыть и загладить все преступления рода человеческого, но и бесконечно их превосходила на весах Божественного правосудия. *Если преступлением одного подверглись смерти многие,* – говорит апостол Павел, – *то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествует для многих. И дар не как суд за одного согрешившего; ибо суд за одно преступление – к осуждению; а дар благодати – к оправданию от многих преступлений* (Рим. 5, 15–16).

Вот для чего, по премудрому плану Божию, нужны были страдания и смерть Господа Искупителя. Этими страданиями человечество обрело наконец мир душевный, примирение с Богом, дерзновенный доступ к Богу, живущему во свете неприступном, невыразимую великую радость сыновней близости к Богу.

Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева. Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его (Рим. 5, 8-10).

Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений дал нам слово примирения (2 Кор. 5, 19).

Вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам, ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою (Кол. 1, 21–22).

Все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру, для показания правды Его в прощении грехов (Рим. 3, 23–25).

…теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровью Христовою. Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду (Еф. 2, 13–14).

Иисус Христос принес Себя в жертву, *чтобы подъять грехи многих* (Евр. 9, 28) и снять с нас вину, *истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту* (Кол. 2, 14). *Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды* (1 Пет. 2, 24). Этой жертвой покрыты все наши грехи не только прошедшие, но и настоящие, и будущие.

Нам кажется это несколько непонятным. Что Иисус Христос принес Себя в жертву за прошлые грехи человечества и страдал за те преступления, которые содеяны были до момента Его смерти, – это можно легко представить себе. Но какое отношение Его жертва может иметь к нашим грехам, да еще к будущим? Ведь Спаситель был распят девятнадцать веков тому назад, когда нас не было и в помине, и, следовательно, не было и наших грехов; каким же образом Он мог страдать за грехи, которых еще не было, за преступления, еще не существующие? Эта мысль, по-видимому, уменьшает личное для нас значение крестной

жертвы и служит порой причиной, почему мы остаемся холодными и безучастными при воспоминаниях о страданиях Иисуса Христа. Лукавый голос шепчет: «Пусть древний мир своими преступлениями довел Спасителя до креста; пусть на нем лежит и ответственность, но мы тут ни при чем; мы не виноваты в этих страданиях, ибо нас тогда еще не было».

Мы ошибаемся.

Бог есть Дух вечный и неизменяемый. Это значит, что для Него нет времени, или, точнее говоря, нет ни прошедшего, ни будущего. Есть только настоящее. Все, что мы представляем только в будущем, все неведомое, неизвестное для нас, что только должно еще случиться, – все это уже существует в Божественном сознании, в Божественном всеведении. Иначе и быть не может.

Ведь что такое время? Не что иное, как последовательность событий или изменений в нас или окружающем нас мире. Все меняется, все течет. Ночь сменяется днем; старость следует за юностью. Это и дает нам возможность говорить о том, что было и что есть; различать прошедшее и настоящее, «тогда» и «теперь». Не будь этих изменений, не было бы и времени. Предположим, что движение в мире прекратилось, все застыло в абсолютной неподвижности, – мы можем сказать вместе с Апокалипсическим Ангелом, что времени больше нет (Откр. 10, 6). Как выражаются философы, категория времени есть восприятие нами различных изменений в их последовательности. Но это верно только по отношению к нам, к нашему ограниченному рассудку, к нашим ограниченным чувствам. Для Бога же нет категории времени, и события мировой жизни выступают в Божественном сознании не в последовательном порядке одно за другим, а даны все сразу, сколько их заключается в вечности. Если бы мы допустили здесь последовательность, то это означало бы изменяемость Божественного сознания, Божественного Разума. Но Бог неизменяем.

Что же отсюда следует?

Следует то, что наши грехи содеяны в пределах времени нашей жизни только для восприятия наших ограниченных чувств. Для Бога же в Его Божественном предведении они существовали всегда, девятнадцать веков тому назад, когда страдал Спаситель, так же реально, как и теперь. Следовательно, Господь страдал и за наши теперешние грехи и их Он принял в Свою любящую душу. Вместе с грехами всего человеческого рода и наши преступления тяготели на Нем, увеличивая Его Крестную муку. Поэтому мы не можем сказать, что не виноваты в Его страданиях, ибо в них есть доля и нашего участия.

Это надо сказать не только о наших прошедших и настоящих грехах, но и о будущих. Когда бы и какой бы грех мы ни совершили, Бог уже предвидел его и возложил на Возлюбленного Сына Своего. Таким образом, мы произвольно, хотя, быть может, и не сознавая того, увеличиваем греховное бремя, подъятое Спасителем, и вместе с тем увеличиваем Его страдания. Если бы мы твердо помнили это, помнили, что своими грехами мы заставляем страдать нашего Искупителя, то, быть может, не грешили бы с такою легкостью и, прежде чем решиться на грех, задумались бы хоть из чувства сострадания. Но мы редко об этом думаем, и сама мысль, что мы являемся вольными или невольными распинателями Господа, нам кажется странной. «Невиновен я в крови Праведника Сего», – сказал когда-то Пилат, умывая руки. Мы следуем его примеру.

Когда мы размышляем об обстоятельствах Крестной смерти Господа, то наше внимание невольно сосредоточивается почти исключительно на главных активных виновниках ее. Нас возмущает предательство Иуды; мы негодуем на лицемерие и коварство иудейских первосвященников; нам отвратительными кажутся жестокость и неблагодарность иудейской толпы; и эти чувства и образы заслоняют от нас мысль, что и мы причастны к этому преступлению.

Но разберемся более беспристрастно и более внимательно. Почему мы видим Господа, страдающего на кресте? Где тому причина? Ответ ясен: причина этих страданий и

Крестной смерти – грехи человечества, в том числе и наши. Спаситель страдал за нас и за всех людей. Мы возвели Его на крест. Иудеи – только орудие предвечного предопределения Божия. Конечно, и на них лежит тяжелая вина; их злоба, их ненависть, их национальное самообольщение, их ослепление – все это делает их безответными перед судом Правды Божией, тем более, что они сами захотели взять на себя кровь Спасителя; но, как бы то ни было, это не освобождает и нас от нравственной ответственности за страдания Иисуса Христа.

Очень ясно говорит об этом апостол Павел. По его словам, тот, кто однажды просвещен и вкусил дара Небесного и сделался причастником Духа Святого, и отпал, тот снова распинает в себе Сына Божия и ругается Ему (Евр. 6, 4, 6). Когда, получившие познание истины, мы произвольно грешим, то этим попираем Сына Божия и не почитаем за святыню Кровь Завета, которою освящены, и Духа благодати оскорбляем (Евр. 10, 29).

Никогда, никогда христианин не должен забывать эти знаменательные слова апостола, полные глубокого и скорбного смысла. Все наши пороки мучительною тяжестью ложатся на Божественно чистую душу Спасителя, Который должен их выстрадать, чтобы они могли быть прощены нам. Наши грехи – это жалящие шипы тернового венца, впивающиеся в изъязвленное чело Господа, подобно тому, как впивались они когда-то под ударами римских солдат.

Наши преступления – это гвозди, которые мы снова заколачиваем в Его зияющие язвы, горящие жгучей болью. Этим ли должны мы платить за Его великую, самоотверженную любовь?

Глава 15, ст. 40-47

Иисус же, возгласив громко, испустил дух (Мк. 15, 37).

Умер Господь, наш Спаситель, наш Искупитель. Окончилась жизнь, подобной которой не было и не будет в мире. Окончилась великая, святая жизнь; с Его жизнью окончилась Его борьба, а с Его борьбой – Его дело; с Его делом – искупление; с искуплением – основание нового мира.

При этом великом моменте смерти распятого Господа не было Его учеников, за исключением Иоанна. Они скрылись. Страх преодолел их любовь к Учителю. Но были более верные и преданные Ему женщины, которые и раньше в Галилее следовали за Ним, заботились о Нем и служили Ему и апостолам своим имением. Опасность, угрожавшая им от ненависти первосвященников и от грубости фанатичной толпы, не победила их привязанности и не заставила уйти от креста.

«Смотри, какое их усердие! – восклицает святитель Иоанн Златоуст. – Они следовали за Ним, дабы прислуживать Ему, и не отлучались от Него даже среди опасностей; посему они видели: видели, как Он возопил, как испустил дух, как камни расселись и все прочее. И они первые видят Иисуса, сей, столь презираемый пол, первый наслаждается созерцанием высоких благ. В сем особенно видно и их мужество. Ученики убежали, а сии присутствовали. Видишь ли мужество жен? Видишь ли пламенную любовь их? Видишь ли щедрость в издержках и решимость на самую смерть? Будем подражать мы, мужи, женам, дабы не оставить Иисуса в искушениях».

Действительно, велико усердие святых жен-мироносиц, пламенна и постоянна любовь их к Господу. Свободное от всякого земного пристрастия, сердце их жило и дышало Господом; в Нем сосредоточивались все мысли, желания и надежды, в Нем заключалось все их сокровище. Ради возлюбленного Учителя своего охотно оставляют они свои дома, своих родных и знакомых, забывают слабость своего пола, не страшатся жестокости многочисленных врагов Господа, всюду неуклонно следуют за Ним в Его скитальческой жизни, не боясь

трудностей и неудобств, связанных с этими путешествиями, и терпеливо перенося все лишения.

Было бы еще неудивительно, если б святые жены, окружая Иисуса Христа своими заботами и вниманием, следовали за Ним во дни Его славы, когда молва о Нем гремела по всей Галилее и Иудее, когда тысячные толпы народа стекались к Нему со всех сторон, чтобы слышать Его учение и видеть Его чудеса, когда сотни больных, получивших исцеление, с восторгом рассказывали о Его благости и милосердии, о Его чудотворной силе, распространяя повсюду славу имени Его. Тогда многие ходили за Ним, привлеченные шумом этой славы, и в этом нет ничего удивительного: людскую толпу всегда манят фальшивые огни внешнего блеска, и она любит идти за признанными кумирами. Но остаться верными своему Учителю в тяжелые часы Его унижения и позора, не покинуть Его во время страданий, когда всякое выражение сочувствия могло вызвать взрыв оскорблений и брани со стороны разнузданной толпы, доведенной до ярости наветами первосвященников, когда самый столп веры, апостол Петр, поколебался и отступил перед опасностью быть признанным за ученика Господня, – для этого требовалось большое мужество и безграничная любовь. Остаться верными в такие минуты было признаком великого и благородного сердца. И любовь святых жен это испытание выдержала: от креста они не ушли. До самого последнего момента, когда тяжелый камень, приваленный к дверям гроба, закрыл от них навсегда дорогой прах, они не спускали любящих глаз со своего Божественного Учителя.

Последними они оставили сад, где погребен был Господь, и за то первыми получили радостную весть о Воскресении, сначала от светозарного Ангела, потом – от Самого Спасителя. Мария Магдалина, самая верная и преданная ученица Его, первая удостоена была невыразимой радости видеть воскресшего Господа. Этим явлением Господь как бы признал святость и величие женской любви.

Интересно отметить, что ни в Евангелии, ни в Деяниях и Посланиях Апостольских нет упоминания ни об одной женщине, которая была бы против Христа или против Его учения. В то время как со стороны мужчин Господь нередко встречал неверие, неблагодарность, насмешку, презрение, ненависть, которая, разрастаясь, превратилась в целое море злобы, бушевавшей вокруг креста, – со стороны женщин мы видим искреннюю преданность, трогательную заботу и самоотверженную любовь. Даже язычницы вроде Клавдии Прокулы, жены Пилата, относятся к Нему с глубоким уважением.

Почему так?

«Потому, что женщины умственно менее развиты, чем мужчины», – скажут, конечно, последователи атеизма.

Нет, не потому, но потому, что женщины обладают более чистым и чутким сердцем, и сердцем чувствуют правду и нравственную красоту Христова учения. Для женщины часто не нужны умственные, логические доказательства: она живет более чувством и чувством воспринимает истину. Этот способ познания истины часто оказывается более надежным, более верным и более быстрым по отношению к христианству, где столько вопросов, которые открываются не пытливому, самонадеянному уму, но чистому, верующему сердцу. Ибо, как говорит апостол Павел, *Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира… чтобы посрамить сильное… Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну… и обратил Бог мудрость мира сего в безумие* (1 Кор. 1, 27, 19, 20). И с каким восторгом и упоением внимали женщины словам Божественного Учителя. Вспомним хотя бы Марию из Вифании, забывшую свой долг гостеприимной хозяйки и избравшую «благую часть» у ног Спасителя, чтобы слушать Его дивные речи. И как было женщинам не внимать словам Господа и не отдаваться всей душой новому, великому учению, которое возвышало женщину в одинаковое достоинство с мужчинами, ибо во Христе *несть мужеский пол, ни женский* (Гал. 3, 28). Все одинаково равны перед Богом, за всех одинаково стра-

дал и умер Господь, и все имеют одинаковое право на будущее блаженство вечной жизни. В древнем языческом мире женщина этого равенства не знала и всегда находилась в подчиненном положении, в угнетении и презрении. «Сей, столь презираемый пол», по выражению Иоанна Златоуста, жизнь которого была так полна скорби и унижения, не мог не чувствовать признательным сердцем того великого благодеяния, которое открывала перед ним христианская религия в светлых перспективах радости, любви и уважения. Вот почему с самого начала христианской истории мы встречаем на ее страницах много имен женщин, которые по твердости и искренности своей веры, по своему усердию и ревности, по своему подвижничеству не уступали великим праведникам. Имена великих мучениц Варвары, Екатерины, Параскевы, равноапостольных Ольги, Нины, подвижниц вроде Марии Египетской и многих других говорят нам о высочайших ступенях христианского совершенства и святости, которых достигли верующие женщины.

Когда Иисус испустил Свой дух, солнце уже склонялось к закату. Наступил вечер, и приближался день субботний. *Та суббота была день великий* (Ин. 19, 31), отличаясь особенным блеском и торжественностью, потому что с ней соединялось празднование Пасхи. По-видимому, это обстоятельство беспокоило первосвященников. Люди, не считавшие осквернением начать свой праздник убийством Мессии, были серьезно встревожены тем, как бы святость следующего дня, начинавшегося при захождении солнца, не была нарушена тем, что тела висели на крестах. Поэтому, явившись к Пилату, иудеи просили перебить у распятых голени, чтобы ускорить их смерть и снять со крестов. Пилат позволил, но Господь уже умер и голени у Него не перебили. В этом уже не было необходимости. А между тем пред Пилатом явился новый проситель, желавший иметь позволение снять со креста и предать погребению тело Иисусово.

То был Иосиф Аримафейский.

Аримафея, отечество Иосифа, есть древняя Рама, место рождения пророка Самуила, город в колене Вениаминовом, упоминаемый евангелистом Матфеем (Мф. 2, 18). Иосиф был богатый человек высокого характера и непорочной жизни. Великое богатство делало его лицом значительным тем более, что в то время в Иерусалиме все можно было купить за деньги, начиная от должности последнего мытаря и кончая саном первосвященника. Кроме того, Иосиф принадлежал к числу самых видных членов синедриона и вместе с другими благомыслящими советниками, вероятно, составлял оппозицию партии Каиафы. Он был тайным учеником Иисуса Христа и в последних покушениях синедриона против Спасителя, а равно и в суде над Ним не участвовал (Лк. 23, 51) – потому ли, что, не видя никаких средств спасти Невинного, не хотел быть свидетелем Его осуждения, или потому, что хитрость первосвященников нашла средство совершенно устранить его от этого дела. Несомненно однако, что это вынужденное бездействие было тяжело для благородного сердца, которое стыдится малодушия, – оставить без защиты невинного, даже когда нет надежды спасти его. И вот когда все было кончено и на кресте висело только бездыханное тело Спасителя, скорбь и негодование внушили Иосифу смелость. Теперь было слишком поздно заявлять о своем сочувствии к Иисусу Христу как живому Пророку; оставалось только оказать Ему последний долг дружбы и уважения – спасти от посрамления по крайней мере смертные останки Его, ибо, в противном случае, иудеи, без сомнения, бросили бы Пречистое тело в общую яму вместе со всеми казненными преступниками.

Иосиф *осмелился войти к Пилату, и просил тела Иисусова* (ст. 43).

Эта решимость была сопряжена с серьезною опасностью не со стороны Пилата, от которого можно было ожидать благосклонного решения в пользу Иисуса Христа, признаваемого им за праведника, а со стороны первосвященников, кои в малейшем знаке уважения к Спасителю видели измену своим замыслам, а на попытку погрести Его с честью могли смотреть не иначе, как на возмущение против синедриона, тем более опасное, что его пред-

принимал теперь знаменитый член синедриона, пример которого мог повлиять на народ, и без того приверженный к памяти Иисуса.

Однако Иосиф не остановился перед этой опасностью и, презрев страх, явился в претории римской.

Его просьба была для Пилата первым известием, что Иисус Христос уже умер. Игемон удивился такой скорой смерти и, послав за сотником, спросил его, действительно ли последовала смерть и нет ли здесь обморока или летаргии. Получив надлежащий ответ, Пилат приказал отдать тело Господа Иосифу для погребения. Хотя римляне оставляли тела распятых ими на съедение собакам и воронам, прокуратор не захотел отказать почтенному и видному члену синедриона в его просьбе, тем более, что, несомненно, чувствовал всю несправедливость своего приговора, вырванного у него первосвященниками против Иисуса Христа. Само невнимание к вражде первосвященников, которые на позволение, данное Иосифу, должны были посмотреть как на новое для себя посрамление, было как бы жертва, которую Пилат принес памяти Праведника.

Получив позволение, Иосиф, не теряя времени, явился на Голгофу и снял тело с креста. Вместе с ним пришел на Голгофу и другой тайный последователь Иисуса Христа, Никодим, член верховного иудейского совета, когда-то приходивший к Спасителю ночью для тайной беседы (Ин. 3, 1-21). Теперь он уже не скрывался и, полный любви и сострадания, принес для погребения истинно царские дары – сто литров ароматного состава из смирны и алоя. Надо было торопиться, так как наступала суббота, когда, по Закону Моисееву, каждый правоверный израильтянин должен был оставить все свои дела и пребывать в полном покое. Поэтому все церемонии иудейского погребального обряда нельзя было соблюсти; но все, что можно было сделать, принимая в расчет краткость времени, было сделано. Тело Господа было омыто чистой водой, потом осыпано благовониями и обвито четвероугольным широким платом (плащаницею). Голова и лицо были обвиты узким головным полотенцем. То и другое завязано шнурками. Часть ароматов, вероятно, была сожжена, на что есть примеры в истории иудейского погребального ритуала.

Недалеко от места распятия был сад, принадлежавший Иосифу Аримафейскому, и в ограде его, в скале, была высечена, по иудейскому обычаю, пещера для погребения. Гробницу эту Иосиф, по всей вероятности, предназначал для себя и для своего семейства, желая быть погребенным поблизости к святому городу, но в ней никто еще не был положен. Несмотря на священное значение, которое иудеи приписывали своим гробницам и погребальным пещерам, несмотря на мелочную чувствительность, с которою они уклонялись от всякого соприкосновения с умершими, Иосиф ни на миг не поколебался предоставить своему Божественному Учителю это место упокоения. *Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко* (Ин. 19, 42).

Ко входу в пещеру привалили громадный камень (голаль) – предосторожность в Иудее необходимая, так как там водилось много шакалов, гиен и других хищных зверей и птиц. Едва исполнили все это, как солнце село за горами Иерусалима. Началась суббота – последняя ветхозаветная суббота. Через сутки должно было воссиять первое Воскресение Нового Завета.

Как мрачен, нерадостен был теперь этот день для учеников и друзей Господа! Скорбь наполняла всю душу, подавляла все прочие мысли, не позволяла прийти в себя, чтобы сколько-нибудь осмыслить, понять все происшедшее в его страшной неожиданности. Будущее было покрыто непроницаемым мраком; прошедшее более смущало, чем утешало. Воспоминание о чудесах Иисусовых, о Его прежнем величии, делало еще страшнее крест и гроб Его. Доселе ученики Его шли неровным, тесным, часто тернистым путем, но шли по следам Учителя, облеченного могуществом Сына Божия, обращая на себя всеобщее внимание, разделяя с Ним Его славу, утешая себя величественными надеждами в будущем. И вот путь этот

внезапно приводит их к Голгофе, пресекается крестом Учителя, совершенно оканчивается Его гробом!

Положение печальное, безутешное!

Скорбь учеников Господа была бы еще не так чрезмерна, если бы они менее были уверены в Его достоинстве. Тогда она скоро могла бы превратиться в охлаждение к Тому, Кто так внезапно изменил их надеждам, подвергнув Себя смерти, а их посрамлению. Тогда страдало бы лишь обманутое самолюбие.

Но любовь и уважение к Спасителю нисколько не умалились в их признательных сердцах. Души учеников Его были соединены с Ним вечным Небесным союзом. Гроб Его сделался для них святилищем, в котором заключены были все их святые помыслы, все чистые желания, вся вера.

И с этою святою любовью непрестанно смешивалась ужасная мысль: «Он умер! Он не то, чем мы почитали Его! Он не Мессия! Он, Который был и есть для нас все!..» (Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского).

Казалось, все было кончено, зло торжествовало. Сомкнулись Пречистые уста, вещавшие с такой силой глаголы жизни вечной; безжизненно опустились руки, когда-то с любовию благословлявшие приходивших к Нему и исцелявшие страждущих; перестало биться великое, любящее сердце, вместившее в себе весь мир. На все легла печать смерти. И под этим холодным веянием смерти поблекли надежды учеников видеть своего дорогого Равви в ореоле славы и мессианского величия.

С какою безнадежной грустью признаются они: *А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля* (Лк. 24, 21).

В тучах скорби, повисших над головами учеников, казалось, не было просвета…

Но теперь мы уже знаем: минула суббота, и лучезарная радость Воскресения осияла скорбные сердца! Воскрес Господь, воскресла погребенная правда! И ни камень, ни печати гроба, ни стража, ни вся сила ада не смогли удержать ее в темной пещере. Свет Воскресения, как ослепительная молния, пронизал тучи зла. Господь воскрес и снова явился миру!

Какой великий урок для нас – урок надежды!

Как часто в жизни частной и общественной бывают положения, которые кажутся безнадежными. Особенно часто приходится переживать их христианину, порвавшему связь с мирскими стремлениями и привычками и вступившему на тесный, но прямой путь ко Христу. Весь мир вооружается против него. *Если бы вы были от мира,* – предупреждает Господь Своих последователей, – *то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас… В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 15, 19–20; 16, 33). Вас преследует несправедливость высших, насмешка и презрение товарищей, злоба и зависть низших. Змеиный поток клеветы отравляет ваш покой. Вас называют юродивым, ханжой, святошей, лицемером. Кругом себя вы не встречаете ни дружеской поддержки, ни слов участия. В окутавшем вас мраке не видно ни одной светлой точки; кажется, нет исхода! И это может длиться годами!

Но не унывайте: вспомните урок святого Гроба. Правду можно заглушить, можно погрести, но только на время. Рано или поздно она воскреснет это великая, живая сила! И ничто в мире не может победить ее. Нет ничего сильнее Божией правды. Она не блещет эффектами, не нуждается в декорациях, не трубит пред собою, как тщеславная ложь: это сила тихая, спокойная, но совершенно непреодолимая.

Полосы беспросветного мрака бывают и в общественной жизни. Порой ложь и зло сгущаются до такой степени, что в этой ядовитой атмосфере становится трудно дышать. Блекнет надежда, и дух невольного уныния надвигается, как кошмар, как тяжелая туча. Но вспомните урок святого Гроба. Вряд ли кому когда-либо придется переживать столь тяжелое

настроение беспросветного уныния, как ученикам Спасителя в томительные часы после Его погребения; но воссиявший из Гроба свет рассеял мрак уныния и глубокая скорбь сменилась радостью Воскресения.

Это постоянное чудо торжества правды наполняет всю историю христианства.

В момент смерти Господа трудно было, по человеческим соображениям, думать, что Его дело будет продолжаться и не умрет вместе с Ним. Он оставил после Себя одиннадцать апостолов, которым поручил эту миссию: *идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари* (Мк. 16, 15). Но кто они были? Каким влиянием они могли пользоваться? Были ли они люди знатные, которые могли бы опираться на авторитет своего благородного происхождения, всегда имеющий вес в глазах людей? Нет, они принадлежали к самому низкому классу, классу рыбаков, поддерживавших свое убогое существование мелкой ловлей в водах Геннисаретского озера; происходили из Галилеи, считавшейся самой грубой и невежественной страной. Были ли они образованные, ученые раввины, законники, чтобы могли увлекать людей силой красноречия и логикой убеждений? Нет: самый вдохновенный и глубокомысленный из них, Иоанн, в момент своего призвания, по свидетельству Иоанна Златоуста, был безграмотным. Были ли они богаты, чтобы блеском роскоши импонировать простонародью, всегда падкому до внешних эффектов? Нет: у них были старые, рваные сети, нуждавшиеся в починке, да и те они бросили, когда пошли за Христом. Были ли они сильные, храбрые воины, чтобы распространять учение Христа силою меча, как много позднее это делали магометане, распространяя ислам? Нет: у них было два ножа, да и те Господь велел спрятать в ножны в самый критический момент.

Не забудем, кроме того, что они были напуганы фанатизмом иудейской толпы, потрясены смертью Спасителя, утратили все надежды на лучшее будущее.

И их было только одиннадцать, после избрания Матфея – двенадцать.

А против них стоял весь громадный языческий и иудейский мир с его вековой культурой, с его образованностью и ученостью, с его колоссальной военной и экономической мощью, с его сильной властью политической организованности. И этот мир они должны были победить.

Можно ли было на это надеяться?

И однако эти робкие люди, бежавшие от страха перед толпой архиерейских служителей, пошли и – верные завету Спасителя – *проповедывали везде, при Господнем содействии* (Мк. 16, 20). При каких условиях им приходилось проповедовать, – это лучше всего разъясняет апостол Павел во Втором послании к Коринфянам, говоря о своих миссионерских подвигах: *Я... был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе* (2 Кор. И, 23 27). И несмотря на все препятствия, уже при жизни апостолов почти во всех известных тогда странах было положено прочное основание Христовой Церкви.

А затем на борьбу с христианством поднялся весь языческий мир. Это была яростная, отчаянная борьба, борьба на жизнь и смерть. В распоряжении тогдашнего жестокого государства было множество ужасных орудий для борьбы с непокорными. Суд и преследование, допросы и пытки, огонь и раскаленное железо, побои и увечья, лишение имущества, сырые и мрачные темницы, ссылка на рудники, эту каторгу древнего мира, даже самая смертная казнь – все это одной огненной рекой устремилось на христиан по мановению власти государственной. Мало того. Жестокость мучителей изобретала особые страшные казни для

христиан. Их обливали смолой и зажигали как факелы. Целыми толпами выводили их на зрелища, и дикие голодные звери терзали беззащитных на потеху праздной, жестокой и кровожадной толпы. Все было испробовано.

Но прошло едва три столетия, и язычество рухнуло безвозвратно со всею своею политической и военной мощью, со своею философией и культурой. А христианство торжествовало полную и блестящую победу эдиктом Константина Великого. Разве это не чудо христианской веры и надежды?

Даже самые последние времена перед Вторым пришествием Спасителя, когда ад мобилизует все силы зла для борьбы с Церковью, когда вера оскудеет настолько, что Сын Человеческий, пришед, едва ли найдет ее на земле, когда *по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь,* когда *друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга* (Мф. 24, 12, 10), – даже эти ужасные времена повсеместного мрака и злобы окончатся торжеством правды, ибо последний, самый яростный враг Церкви Христовой на земле, Антихрист, *которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих* (2 Фес. 2, 9-10), будет побежден. И его *Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего* (2 Фес. 2, 8). А диавол, прельщавший народы, будет *ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будет мучиться день и ночь во веки веков* (Откр. 20, 10).

Если так, если правда непобедима, то может ли истинный христианин унывать в самых тяжелых обстоятельствах жизни?

В настоящее время Православная Церковь переживает тяжелый кризис. Воздвигнутое на нее упорное гонение, систематическое и лукавое, смущает и тревожит даже наиболее стойких и искренних христиан. Большинство народа готово с головой погрузиться в болото материалистического невежества и распутства. Мутные волны всеобщего неверия, кажется, вот-вот захлестнут и потушат одинокие огоньки светлой веры, еще мерцающие кое-где. Невольно у многих сжимается сердце, и холод унылого сомнения закрадывается в душу. Но вспомните Гроб Господень – этот живой, говорящий, торжествующий, победоносный Гроб, – и не смутная надежда, а спокойная, совершенно непреодолимая уверенность наполнит ваше сердце и укрепит волнующуюся мысль. Церковь не может погибнуть, ибо Господь создал ее, *и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18). Пусть Господь ведет нас чрез провалы и бездны неверия, чрез очистительный огонь преследования. Такова Его святая воля, Его премудрый Промысл, «глубиною мудрости человеколюбие вся строяй и полезное всем подаваяй». Так надо. Причины и тайные цели неведомых путей Его нам бесполезно и не должно исследовать. Нам достаточно знать, что Господь с нами *во все дни до скончания века. Аминь* (Мф. 28, 20). Пусть Господь ведет нас через море злобы и разнузданного нечестия, где погибло все святое, все лучшее, что есть в душе и что только дает право на великое и священное звание «человек», пусть! Мы знаем, что эти волны, стоящие «сюду и сюду» и готовые поглотить нас, опасны только для самого «колесницегонителя Фараона». Это – закон нравственной жизни, закон истории. Посеянное зло, в конечном итоге, обрушивается на голову тех, кто его возрастил и воспитал. Пусть даже лично нам не суждено увидеть этот радостный момент торжества правды и Господу угодно будет призвать нас из этой жизни раньше, чем он наступит. Что за беда! Мы знаем, что этот момент неизбежен, и если мы не увидим его здесь, на земле, то увидим его оттуда… И тогда, взглянув назад, на пройденную житейскую пучину, присоединимся к ликующему хору:

«Поим Господеви: славно бо прославися!» Если даже грозные общественные бедствия, готовые поколебать и Церковь и веру Христову, не должны смущать истинного христианина и приводить его в уныние, то наши личные, частные жизненные неудачи уже совсем не заслуживают внимания. Это такие мелочи, о которых и говорить не стоит. Притом все это так изменчиво, непостоянно: сегодня – радость, завтра – горе, сегодня – удача, завтра

– провал, сегодня – наверху славы, завтра – под гнетом позора и несчастья. Все течет, все меняется. Стоит только немного переждать, и обстоятельства переменятся. Снова улыбнется жизнь, забудется горе, изгладятся самые воспоминания о прошлых несчастьях.

«Когда в скорбях кто, – говорит преподобный Макарий Египетский, – или в треволнении страстей, не должен терять надежду; потому что отчаянием еще более вводится в душу грех и одебелевает в ней. А когда имеет кто непрестанную надежду на Бога, – зло как бы истончевается и воденеет в нем».

Заключим стихами одного маленького, неизвестного поэта:

Ты плачешь, ты страждешь, сестра моя милая!
О, верь мне: не вечны страданья!
Одна за другою развеются тучи унылые…
Будь вся ты – молитва, будь вся – ожидание;
Сумей лишь отдаться Христу в послушание,
Сумей лишь поверить… и стихнут рыдания,
И станет все ясно и тихо…
О, друг мой, сестра моя милая.

Глава 16

Миновала ночь после субботы, проведенной учениками Иисуса Христа и преданными Ему женщинами в покое, то есть в полной бездеятельности, как того требовал Закон Моисея. В этот день они ничего не могли сделать, но неспокойны были их сердца, и тревожная томительная ночь не облегчила их скорби. Вряд ли сомкнули они глаза, думая с грустью о том, как убоги и торопливы были похороны их дорогого Равви и как мало они соответствовали достоинству Великого Пророка «сильного и делом и словом». Любящее и тоскующее сердце властно требовало отдать последний долг Любимому Усопшему и докончить невыполненные церемонии погребального обряда, совершив полное помазание тела, поспешно начатое Иосифом и Никодимом. Ароматы и благовонные масти были уже куплены, и едва заалела заря, рассеяв серебристый сумрак первой пасхальной ночи, как верные ученицы Христа уже шли торопливо по улицам Иерусалима, неся приготовленные ароматы. О страже, поставленной первосвященниками у Гроба Господня, и о том, что вход в пещеру был запечатан, они, по-видимому, ничего не знали, но их беспокоил другой вопрос: как отвалить камень от двери Гроба? Громадный голаль был слишком тяжел и сдвинуть его с места, казалось, была задача невозможная для слабых женских сил. Каково же было их удивление, когда они увидели, что камень отвален!

С трепетом и недоумением они вошли в пещеру, и невольный ужас охватил их: каменное ложе, где лежало дорогое тело, было пусто! Господа в пещере не было!

Прежде чем они могли уяснить себе тайну исчезновения мертвого тела и прийти в себя от изумления и боли этого нового горя, они заметили на правой стороне юношу, одетого в белую одежду. Из уст этого юноши впервые раздалась великая весть, прозвучавшая сначала в пустой пещере и повторенная затем миллионами уст, изменившая всю мировую жизнь. *Иисуса ищете Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен.* Жены-мироносицы, *выйдя, побежали от гроба; их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись.*

Весть была действительно поразительная, необыкновенная, и они так мало были к ней подготовлены!

А между тем, эта весть легла в основу всей нашей веры! Только два слова – *Он воскрес,* – но какая громадная в них сила! Эти два слова перевернули весь мир, опрокинули и разрушили язычество до основания и создали великую Христианскую Церковь, сильную не столько численно, не столько материальными средствами, сколько своею верою и нравственной мощью.

Признавая все великое значение Воскресения Христова, апостол Павел прямо говорит: *если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша* (1 Кор. 15, 14).

Без веры в Воскресшего Христа нет христианства.

Вот почему все противники нашей веры, начиная с язычника Цельса, писателя древнего мира, и кончая современными неверами всех мастей с особенно ожесточенным упорством стараются поколебать истину Воскресения и дискредитировать те евангельские повествования, на которых она основана.

Прежде чем перейти к выяснению великого для нас значения факта Воскресения Христова, небесполезно заняться возражениями этих скептиков и, разобрав, по крайней мере, самые ходовые из них, расчистить почву от мусора произвольных измышлений и устранить возможные сомнения.

Так прежде всего, говорят, что Воскресение Христово нельзя понимать в том самом смысле, в каком понимает Христианская Церковь. Такое понимание предполагает смерть.

Между тем, можно думать, что Христос на кресте не умер. Он только впал в глубокий обморок, от которого потом очнулся в прохладной пещере.

«Ну, и что же дальше?» – спросим мы. Дальше, очевидно, надо предположить (опять только предположить, не имея никакого основания в евангельском тексте), что Христос встал со Своего ложа, отвалил громадный камень от дверей гроба и ушел из пещеры… И это с пробитыми насквозь ногами и руками! Возможно ли это! К этому следует еще прибавить, что в тот же день, как повествует святой Лука, Господь вместе с двумя учениками совершил путешествие в селение Эммаус, отстоявшее от Иерусалима на 60 стадий (около 12 верст). Все это до такой степени невозможно, что предположение об обмороке Господа сводится на степень самой нелепой выдумки. «Человек с пробитыми ногами, – пишет профессор, доктор медицины А. Шистов, не только не мог бы пройти на третий день до Эммауса, но, с медицинской точки зрения, он не мог бы стоять на ногах раньше месяца после снятия его с креста» (А. Шистов. Мысли о Богочеловеке).

Кроме того, как справедливо замечают сами рационалисты, несчастный страдалец, полуживой, с трудом выползший из гробницы, нуждающийся в самом внимательном уходе и затем все-таки скончавшийся, не мог бы произвести на учеников впечатления торжествующего победителя над смертью и могилою.

Наконец, одна подробность, отмеченная святым Иоанном, очевидцем последних минут жизни Спасителя, не оставляет никакого сомнения в действительной смерти Иисуса Христа. Воины, придя к Иисусу и увидев Его умершим, – повествует апостол Иоанн, – *не перебили у Него голеней, но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода. И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили* (Ин. 19, 33–35).

Та выразительность, с которою Иоанн подчеркивает истинность своего свидетельства, не позволяет в нем сомневаться, а на указанный им факт древние отцы Церкви всегда ссылались в своей полемике с еретиками-докетами, признававшими смерть Христа только мнимой. Дело в том, что, как можно судить на основании слов евангелиста, удар копья, очевидно, разорвал предсердие, откуда вытекшая кровь оказалась смешанной с серозной жидкостью, – симптом несомненной смерти, как утверждают многие медики.

Ввиду нелепости рассмотренной теории раздаются другие голоса: да, Христос, умер на кресте. В этом не может быть никакого сомнения. Но можно думать, что Он не воскрес, что вскоре после Его смерти похитили тело Его, и затем распущен был ложный слух о Его воскресении. Ведь недаром первосвященники утверждали это (Мф. 28, 13–15).

Но кто же мог похитить тело Спасителя? Книжники? Первосвященники? Фарисеи? Не может быть, потому что при первом известии о мнимом воскресении Христа они, как заинтересованные в подавлении подобного рода слухов, показали бы всем Его труп и этим, бесспорно, положили бы конец всяким толкам, всяким слухам и предположениям. Это во-первых. Во-вторых, из Евангелия от Матфея видно, что первосвященники и книжники даже боялись подозрения на свой счет в этом деле.

Может быть, воины римской стражи похитили Спасителя? Нет, и этого нельзя сказать. Они, прежде всего, совсем не были заинтересованы в этом деле. А затем при той железной дисциплине, которая царила в римских войсках, при той страшной ответственности, какой подвергались воины в данном случае, они никогда не решились бы на столь опасное и рискованное предприятие.

Остается, следовательно, признать, что сами ученики Христа похитили тело своего Учителя и потом распространили слух о Его воскресении.

Но если этого не могли сделать ни первосвященники, ни воины, то апостолы тем более не могли отважиться на это. Люди, объятые страхом и ужасом, трусливо скрывшиеся из Гефсимании, ни в каком случае не могли через несколько часов, среди ночи, на глазах римской

стражи проникнуть в глубь пещеры и похитить Пречистое тело Христа Спасителя, да еще находясь в состоянии душевного и телесного изнеможения.

Далее, за проповедь о воскресении Христа апостолов преследовали, мучили, сжигали на кострах, распинали на крестах. Спрашивается, какой же был для учеников расчет прибегать к такому обману? Затем, как эта ложь могла укрепиться в сознании людей и, не обнаруживая себя, продержаться целые столетия? Поневоле спрашиваешь себя, неужели эти простодушные рыбаки могли быть такими искусными актерами, чтобы с величайшим апломбом провозгласить заведомую ложь и затем до самого конца своей жизни ни разу не выйти из своей роли? Неужели ни один из них не протестовал против такого обмана? Нет, ложь рано или поздно должна была обнаружиться и такой грубый обман не мог бы долго оставаться скрытым.

Если апостолы распространили ложные слухи о воскресении Христа, то как им могли поверить? Как этому поверили Матерь Христа и Его братья? Ведь братья при жизни Его не верили в Него. Неужели теперь ложь убедила их? Кроме того, такая выдумка могла бы появиться лишь в том случае, если бы апостолы ожидали воскресения своего Учителя. Но в том то и дело, что они о воскресении Христа даже и не помышляли, и когда Господь предупреждал их, что Ему надлежит быть убитым и затем воскреснуть, они даже не понимали Его (Мк. 9, 10, 31–32) – так далека была от них эта мысль.

Если даже допустить, что ученики и апостолы похитили останки своего Учителя, то можно с уверенностью сказать, что такой их план оказался бы вполне бесплодным.

Мир не может быть обращен в новую веру подобными обманами и фокусами, проделанными к тому же такими людьми. Чтобы убедить других, надо, чтобы проповедник прежде всего сам был глубоко убежден в истинности своей проповеди. Если же в нем самом нет этого убеждения, то других увлечь за собою он никогда не сможет.

Итак, и эти рассуждения наших религиозных противников нисколько не колеблют нашей веры в воскресшего Христа.

Третье возражение. Оно самое распространенное и, нужно заметить, самое ложное.

Говорят: Иисус Христос умер и не воскрес. Но некоторые ученики Его, «благодаря своему возбужденному состоянию», увидели призрак Христа и вообразили, что видели самого Учителя. С тех пор пошли слухи о воскресении.

Предположение это находится в полном противоречии с евангельским повествованием о явлении Воскресшего Спасителя. В тексте Евангелия читаем следующее:

Иисус стал посреди них и сказал им: мир вам. Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа. Но Он сказал им: что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав это, показал им руки и ноги. Когда же они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, ел пред ними (Лк. 24, 36–43).

Из приведенного текста видно, что мысль о призраке мелькнула и в уме апостолов, когда они увидали внезапно явившегося Господа. Но Спаситель Сам решительным образом опроверг эту мысль, предложив им осязать Себя и потребовав пищи. Конечно, привидение не может ни пить, ни есть, и осязать его руками невозможно. Рационалисты, таким образом, здесь поставлены в необходимость отвергнуть одно из двух: либо евангельское повествование, либо собственную выдумку о привидениях. Добавим, кроме того, что ученики Христа совсем не были слабонервными, истеричными, склонными к галлюцинациям, какими их стараются иногда изобразить. Напротив, это были коренастые, здоровые, здравомыслящие рыбаки, которые не были расположены ни к нервному расстройству, ни к тому, чтобы галлюцинировать наяву.

Оставляя в стороне некоторые другие, еще более слабые возражения и подводя итог всему вышесказанному, мы должны признать, что ни обман, ни самообман учеников никогда не могли бы привести к таким дивным и долговечным последствиям. Поневоле приходишь к выводу, что так называемые естественные объяснения факта воскресения Христа требуют больше веры, чем евангельское изложение этого события.

В Евангелии, сверх того, мы имеем такие ясные, положительные, несомненные основания для нашей веры в Воскресшего Господа, что, не отвергая и не искажая совершенно евангельского текста, никоим образом нельзя отрицать действительности факта Воскресения Господня.

Прежде всего Сам Спаситель говорил о Своем воскресении. Говорил не один раз, а несколько раз. Говорил не прикровенно, не притчами, а прямо, ясно, вразумительно.

Так во время пребывания в Галилее, Иисус сказал Своим ученикам: *Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет* (Мф. 17, 22–23; см.: Мк. 9, 30–31).

После того, как апостол Петр исповедал Иисуса Сыном Божиим, *Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть у биту, и в третий день воскреснуть* (Мф. 16, 21; см.: Лк. 9, 22).

После Преображения, когда ученики сходили с горы, *Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых* (Мф. 17, 9).

Об этих словах напоминали ученикам и Ангелы, когда, явившись им по Воскресении Христа, сказали: *что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть. И вспомнили они слова Его* (Лк. 24, 5–8).

Итак, Христос неоднократно говорил о Своем воскресении. Какое же право имеем мы не доверять Ему и подвергать сомнению Его слова? Разве когда-нибудь Он говорил неправду? Разве какие-нибудь Его обетования не сбылись? Пророчества не исполнились? Напротив: все Его предсказания исполнились буквально. Поэтому и в данном случае мы не вправе сомневаться и должны верить, что Христос воскрес, ибо Он об этом говорил, а слова Его всегда исполнялись.

Далее, мы веруем в Воскресение Христово потому, что после действительной смерти Его видели воскресшим. Если внимательно изучать евангельский текст, то таких видений или явлений Его разным лицам можно насчитать до десяти.

Первое явление было Марии Магдалине (Мк. 16, 9; Ин. 20, 11 18). Непосредственно затем Господь явился и другим женщинам-мироносицам (Мф. 28, 9-10). Третье явление было апостолу Петру (Лк. 24, 34; 1 Кор. 15, 5); Подробности этого явления совершенно неизвестны. Четвертое было двум ученикам на пути в Эммаус (Лк. 24, 13–35). Пятое – десяти ученикам, собранным вместе, причем среди них не было апостола Фомы (Ин. 20, 19 23). Шестое тем же ученикам вместе с Фомою (Ин. 20, 26 29). Седьмое – семи апостолам на озере Тивериадском, о чем подробно рассказывает святой Иоанн (Ин. 21, 1-23). Восьмое – на горе в Галилее более, нежели пятистам ученикам и одиннадцати апостолам вместе с ними (Мф. 28, 17; 1 Кор. 15, 6). Девятое – апостолу Иакову. Об этом явлении нет упоминания в Евангелиях, но о нем говорит апостол Павел (1 Кор. 15, 4). Десятое явление было прощальным и закончилось Вознесением Господним (Лк. 24, 50–51).

Кроме этих явлений, упомянутых в Евангелии, несомненно, были и другие, о которых подробных сведений не сохранилось, ибо, по свидетельству книги Деяний, Господь после

Своего воскресения в продолжение сорока дней являлся ученикам, говоря им о Царствии Божием (Деян. 1, 3).

Если Господь столько раз являлся в разных местах разным лицам, то как можем мы не верить свидетельству стольких очевидцев? Неужели все они были обманщики или экзальтированные мечтатели, грезящие наяву? Предположение совершенно невероятное, и допустить его в угоду неверующим мы не можем.

Без Воскресения Христова невозможно объяснить и тот перелом, какой произошел в душе апостолов. Ведь апостолы и ученики Христа до последнего момента не знали, зачем приходил Божественный Учитель, не понимали Его учения, предостерегали Его от ожидающих Его страданий. И все слова Христа толковали в земном, материальном смысле. И вдруг через какие-нибудь три дня, не более, они все поняли, все уразумели, постигли учение Христа так глубоко, как, может быть, никому из наших современников не удавалось постичь. Из слабых, запуганных людей они вдруг становятся смелыми, решительными, убежденными проповедниками нового учения, за торжество которого они почти все отдали свою жизнь. Ясно, что в этот небольшой промежуток времени произошло что-то необыкновенное, что потрясло их до глубины души и наложило неизгладимую печать на их убеждения. Стоит только отвергнуть Воскресение Христа, и этот перелом будет совершенно непонятен и необъясним. С признанием же этого чудесного факта все для нас будет просто, ясно и доступно.

Без факта Воскресения не имел бы достаточного основания необычайный энтузиазм апостольской общины, и вообще вся первоначальная история христианства представляла бы собою ряд невозможностей. Воскресение Христово образует исходный пункт для новой жизни в сердцах учеников. Оно превращает их печаль в необычайную радость. Павшим духом внушает мужественную решимость и из бедных рыбарей делает мировых учителей и проповедников. Ни один факт не оставил столь глубоких следов в истории, как этот. Вся история последующих веков представляет развитие и распространение христианских идей, и центральною из них является весть о Воскресении. Без признания этого факта вся история превратилась бы в грубую и нелепую фантасмагорию, понять и объяснить которую невозможно. В самом деле: если весть о Воскресении была не более как обман или игра воображения, то каким образом все человечество, по крайней мере, человечество культурного мира могло находиться под гипнозом этого обмана целые столетия?

Никто объяснить этого не сумеет.

Нет, что бы ни говорили противники христианства, мы все-таки с твердым убеждением и радостной верой скажем:

«Христос Воскресе!»

В этом факте Воскресения Христова торжество нашей веры, торжество правды, торжество добродетели, торжество жизни, торжество бессмертия.

Воскресший Христос есть краеугольный камень веры нашей. *Наздани бывше,* – говорит апостол Павел, – *на основании апостол и пророк сущу краеугольну Самому Иисусу Христу* (Еф. 2, 20). Если Христос воскрес, то Он не такой смертный, как мы. Мы можем верить в Его Божественность и в Божественное происхождение веры нашей. Если же Он не воскрес, то Он, конечно, только человек, а не воплощение Божества. Если Он не воскрес, то мы вправе подвергнуть сильнейшему сомнению все Его чудеса, все то, что Он говорил о Самом Себе, все то, что обещал людям. Если же Он воскрес, то это есть чудо из чудес, пред которым бледнеют все другие евангельские чудеса, к принятию которых не представится уже тогда никаких затруднений. Без Воскресения Христова невозможна была бы и проповедь апостолов, основанная на вере в Воскресшего Господа и распространившая эту веру по всему миру. Не все ли апостолы усомнились в том, что Христос есть Мессия, пока они не уверились в Его Воскресении? Не все ли они, как предрек Спаситель, рассеялись, как «овцы, не имущие

пастыря»? Даже по Воскресении Господа как трудно было уверить некоторых из них, что Он действительно воскрес. А без этой уверенности разве вышли бы они на всемирную проповедь? И разве обратился бы мир, погруженный во тьму язычества, к вере христианской без этой проповеди? И что бы они начали проповедовать? Как бы они сказали: верующий в Сына Божия имеет жизнь вечную (1 Ин. 5, 13), когда Сам Сын Божий оставался бы мертвым? Как бы они сказали: *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8), когда бы всякий знал, что Он был жив, а потом мертв?

Таким образом, без Воскресения Иисуса Христа гроб Его был бы вместе и гробом веры христианской: потому что все, прежде веровавшие в Него, перестали бы верить; потому что никто не принял бы на себя труда проповедовать веру в Него; потому, наконец, что эта проповедь сама по себе не стоила бы доверия. Но теперь гроб Иисуса Христа стал святилищем, ибо в нем совершилось торжество веры христианской.

Воскресение Христово есть торжество не только веры нашей, но и правды вообще.

Если Христос не воскрес, то мы вынуждены признать нечто ужасное, невероятное, именно, что фарисеи, книжники и первосвященники иудейские были правы, Сын же Человеческий был не прав. Почему? Потому что, удостоверяя Свое Божественное достоинство, Христос указывал то, что Он воскреснет в третий день. *Род лукавый и прелюбодейный*, – говорил Он фарисеям, требовавшим знамения, – *ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи* (Мф. 12, 39–40).

Этими словами Господь вполне определенно указывает на Свое Воскресение как на знамение Своего Божественного посланничества, и, следовательно, если Он воскрес, то свидетельство Его истинно, предсказание оправдалось, мы можем верить в Него и в Его учение. Если же Он не воскрес, то, значит, в Своем ответе фарисеям Он сказал неправду; значит, Он Сам заблуждался, и правы первосвященники, признававшие Его простым человеком и распявшие Его как обманщика за то, что, будучи человек, делал Себя Богом (Ин. 10, 33).

Стоит только отвергнуть Воскресение, – нужно будет отвергнуть и Праведного, Святого Бога, нельзя более верить в победу правды и добра, если Иисус Христос погиб позорною смертью, погиб так же, как Иуда, как хулящий разбойник.

Какая может быть речь о победе вообще над злом, над неправдою, когда Христос не воскрес?

Если эта всесовершенная нравственная личность без всякого пятна и порока, чистая, бесконечно великая и сильная по Своей бескорыстной любви побеждена ненавистью, подавлена грешными и недостойными людьми, потерпела самую жалкую неудачу в Своих идеальных стремлениях; если это чистейшее Существо, находившееся в таком искреннем общении с Владыкою мира как Сын со Своим Отцом и Ему одному служившее, осудили неправедным судом, замучили, опозорили, распяли и умертвили на кресте, и Бог не обнаружил никакого сострадания к Нему, допустил бесславно погибнуть и не прославил Его в торжестве Воскресения, то, значит, нет правды на земле, нет ничего чистого и святого в этом грешном, грязном и пошлом нашем мире.

Если победили Каиафа и Иуда, то уничтожен самый принцип правды. Тогда добро бессильно и никогда не сможет одолеть неправду. Тогда зло – законный царь жизни. Тогда на кресте совершилось нечто ужасное: зло восторжествовало над воплощенным Добром, ложь над Истиною, пошлость над Величием, низость над Чистотою, самолюбие и ненависть над Любовию и Бескорыстием. Кто же после всего этого может еще искренно верить в последнюю победу добра и правды?

Но если Христос воскрес, то это значит, что правда и добро оказались могущественнее зла. Тогда Его Воскресение есть твердое ручательство за возможность спасения каждой нравственной личности и за окончательную победу правды на земле. Тогда можно верить,

что есть правосудный Бог, есть правда, есть добро. Более того: можно верить, что *приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего… и тогда, воздаст каждому по делам его.*

Воскресение Христово есть, наконец, торжество бессмертия. Здесь жизнь восторжествовала над смертью, и мы вместе с апостолом можем сказать: *Смерть, где твое жало? ад, где твоя победа?* (1 Кор. 15, 55). Если Христос не воскрес, то мы могли бы утверждать, что закон смерти непобедим и что смерть никогда никого в конечном итоге не выпустит из своих челюстей. У нас не было бы ни одного примера полной победы над смертью, ибо если мы и знаем случаи воскресения, например, Лазаря, сына Наинской вдовы, и другие, то эта победа была лишь временная: смерть только на время уступила свои жертвы, но потом снова поглотила их. Без Воскресения Христова мысль о бессмертии, таким образом, оставалась бы всегда под большим сомнением. Но если один Сын Человеческий воскрес и не поглощен смертью, то, значит, бессмертие не мечта, не праздная фантазия; значит, оно возможно в вечности как действительный факт, и в этом мы имеем несомненное ручательство и нашего бессмертия, – бессмертия всех сынов человеческих. Мы можем верить, что и мы воскреснем вслед за Христом, почему апостол Павел и утверждает: *Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его* (1 Кор. 15, 20, 22–23).

Отсюда должно сделать и дальнейший вывод, имеющий для нас громадное значение: если существует бессмертие, то вся жизнь приобретает глубокий смысл как подготовительный период к будущей вечности. Если же бессмертия нет, то жизнь – не что иное, как странная непонятная бессмыслица, нелепость. *Для чего,* – скажем словами апостола, – *и мы ежечасно подвергаемся бедствиям?.. Станем есть и пить, ибо завтра умрем!* (1 Кор. 15, 30, 32).

Понятной становится мрачная фантазия одного неверующего писателя, упершегося в этот роковой вопрос: «для чего?»

«Я – в гробу, – пишет он, – черви гложут мое тело, а крот тихо роет свой тоннель над моей могилой. Странная, бессмысленная тишина…

Стоило ли столько лет мыкаться по белу свету для того, чтобы в конце концов попасть в это ужасное место? Стоило ли испытывать то огромное количество нравственных и физических мук, которые пришлось переиспытать мне на протяжении моей жизни, чтобы в результате попасть в беспощадные руки Смерти – этого единственного реального божества, – которая злорадно опустила меня в беспросветную тьму могилы? Какую непонятную нам цель преследует природа в этом диком процессе разложения? Для чего я и многие другие смертные старались скоплять в своем мозгу на протяжении всей своей жизни этот запас сведений, это богатство знаний? Я изучил десять языков, я прошел высшую школу, я работал над многими вопросами человеческого знания, затративши на все это массу нервной энергии. Теперь мой труп в гробу. Куда же делась и во что обратилась вся эта масса затраченного мною труда? Она пропала, безвозвратно погибла.

Громадный червяк вполз в мою левую ноздрю и, с трудом пробираясь сквозь набухшую, разложившуюся слизистую ткань, достиг нервного вещества головного мозга. Достиг и начал все глубже и глубже внедряться в него, выедая постепенно и те божественные участки моего мозга, в которых хранились драгоценности накопленного мною при жизни знания…

Стоит ли рождаться на свет, стоит ли жить, стоит ли работать после всего этого?»

Конечно, не стоит, если нет воскресения, нет бессмертия.

И для неверующих в будущую жизнь на все мучительные вопросы – «для чего? зачем?» – ответа нет.

Только мрак, уныние, ужас…

Но Христос воскрес, и для нас все становится ясно, прозрачно, понятно. В Его Воскресении разрешаются все вопросы о целях и задачах жизни. Жизнь – уже не «дар напрасный,

дар случайный», не «пустая и глупая шутка», а великий дар Творца человеку, данный для того, чтобы он мог достигнуть вечного, высшего блаженства. Наша деятельность, наше служение ближним – не работа Данаид, наполняющих бездонную бочку, не пустые труды без всякой надежды сделать человека действительно счастливым, а соучастие в работе Христовой, которая должна окончиться в царстве любви и славы Божией. Самые страдания, которыми полна жизнь, уже не смущают нас, ибо мы начинаем понимать, что эти страдания готовят нас и ближних наших к блаженной жизни с Богом, что будущее не только заставит страдальцев забыть прошедшее, но и заставит их благословлять это прошедшее как путь к радости и счастью. Даже смерть не страшна, ибо для нас это – только переход в другую жизнь, более светлую, более радостную, если, конечно, мы будем того достойны.

Христос воскрес, и для нас открылись врата Царства, наглухо закрытые для человека после его грехопадения.

Христос воскрес и *вошел... в самое небо, чтобы предстать ныне запас пред лице Божие* (Евр. 9, 24). Нам остается только следовать за Ним.

Христос воскрес и дал нам новую жизнь, полную благодатных сил. Наше дело – пользоваться этими силами.

Вот почему для нас так много глубокого, таинственного, радостного смысла в тропаре Святой Пасхи, который никогда мы не перестанем повторять:

«Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».